

АРХЕОЛОГИ- ВЧЕСКИЕ ВЕСТИ

- 8 -

•2001•

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ARCHAEOLOGICAL NEWS

№ 8

ДБ

St.-PETERSBURG

2001

Археологические Вести

№ 8

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2001

В очередной том ежегодника «Археологические Вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, антропологии и эпиграфики. Публикуются новые материалы по памятникам эпохи палеолита Туркменистана, Русской равнины и Сибири, а также анализируются результаты трасологических изысканий орудий каменного века. Впервые вводится в научный оборот уникальное открытие древнетюркских рунических надписей, обнаруженных в Центральном Тянь-Шане. В сборнике представлены интереснейшие результаты палеопатологического анализа погребенных скифской поры Южной Сибири. В большой серии статей рассматриваются отдельные категории археологического материала различных эпох. Особый раздел сборника составляют статьи по актуальным проблемам археологии, в которых освещаются вопросы о соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита, о мировоззренческом факторе мезо-неолитического этногенеза европейского Севера, а также рассматривается роль варягов на территории Южной Руси. В сборнике дается информация о важнейших международных конференциях и обзорные новейших зарубежных публикаций. Один из разделов посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника ученые из различных центров России, Украины, Узбекистана, Казахстана и Ирландии.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор),
В. А. Алёкшин, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева, В. А. Завьялов,
Н. В. Хвощинская (отв. секретарь), Л. Г. Шаяхметова.

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 3119271; e-mail: admin@archeo.ru
<http://www.archeo.ru>

Издательская группа: Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова, В. Я. Стеганцева.

Editorial board: E. N. Nosov (editor in chief),
V. A. Alëkshin, M. Yu. Vakhtina, T. S. Dorofeeva, V. A. Zav'yalov,
N. V. Khvoshchinskaya, L. G. Shayakhmetova.

Address: Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences.
Dvortzovaya nab., 18. St.-Petersburg, 191186, Russia
Phone: 7-812-31121484; *Fax:* 7-812-3116271; e-mail: admin@archeo.ru
<http://www.archeo.ru>

Publishing group: T. S. Dorofeeva, G. A. Kuznetsova, V. Ya. Stegantzeva.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 00-01-16106д

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. П. Любин.</i> Туркменистан в эпоху палеолита	9
<i>А. Е. Матюхин.</i> Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских	29
<i>Г. В. Синицына, С. Н. Лисицын.</i> Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита—раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области	49
<i>С. А. Васильев.</i> Поздние комплексы многослойной стоянки Уй II и проблемы развития каменного века в голоцене на верхнем Енисее	61
<i>Н. Б. Васильева, Н. В. Косорукова.</i> Стоянка каменного века Марьино-I на реке Ратце	77
<i>Г. Ф. Коробкова, Т. А. Шаровская.</i> Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным)	88
<i>А. К. Каспаров.</i> Возможности идентификации зооморфных статуэток из энеолитических слоев памятников Илгынлы-Депе, Алтын-Депе и Кара-Депе в южной Туркмении	99
<i>Н. Н. Скакун.</i> Археологические вкладыши молотильной доски, эксперименты и этнографические параллели	106
<i>Л. Б. Кирчо, Т. А. Шаровская.</i> Орнаментированный каменный сосуд из Алтын-депе (к вопросу о постгеоксюрском комплексе Южного Туркменистана)	120
<i>Айлин М. Мёрфи.</i> Обзор результатов палеопатологического анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува)	125
<i>К. М. Байпаков.</i> Семиреченские художественные бронзы	151
<i>К. И. Зайцева.</i> Лепные чашки на ножках конца VII—I вв. до н. э. из Северного Причерноморья. Часть вторая	160
<i>В. В. Крапивина.</i> Статуэтка Афродиты из Ольвии	172
<i>В. В. Кропотов.</i> Фибулы из могильников Дружное и Нейзац	175
<i>М. А. Хомчик.</i> Римский бронзовый треножник из собрания Национального музея истории Украины	188
<i>В. И. Денисова.</i> К некрополю Ольвии начальной поры (даты, находки, гипотезы)	190
<i>С. Г. Кляшторный.</i> Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане	203
<i>К. В. Павлова.</i> Поливная керамика городища Осовик	207
Приложение I. <i>Н. Б. Селиванова.</i> Результаты петрографического исследования образцов древнерусской керамики с городища Осовик Рогнединского района Брянской области	213
<i>Г. А. Пугаченкова.</i> Еще раз об Ишратхане и дворце Дилькуша	217

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>В. Е. Щелинский.</i> О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита	223
<i>А. Д. Столяр.</i> О мировоззренческих факторах мезо-неолитического этногенеза на Севере европейской России (по археологическим памятникам Карелии)	238
<i>П. П. Толочко.</i> Варяги в Южной Руси	250

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Палеолитические охотники в долине Сены. Occupations du Paléolithique supérieur dans le sud-est du Bassin parisien.</i> M. Julien, J.-L. Rieu (Dir.). Documents d'Archéologie française 78. 1999. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme. (Рец. С. А. Васильева)	258
<i>Восточно-малокавказская среднепалеолитическая провинция.</i> Джафаров А. К. Средний палеолит Азербайджана. 1999. Баку: Элм. (Рец. В. П. Любина и Е. В. Беляевой)	260
<i>Хронология древнеземледельческих культур среднеазиатского междуречья эпохи ранних металлов.</i> Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Par B. Lyonnet avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Avanessova. Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. 1996. Paris: De Boccard Edition. (Рец. А. Я. Щетенко)	263
<i>Проблемы хронологии цивилизации эпохи бронзы Средней Азии.</i> Fredrik T. Hiebert. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. American School of Prehistoric Research Bulletin 42. 1994. Cambridge: MA. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University. (Рец. А. Я. Щетенко)	268
<i>«История экономики Степной Скифии VI—IV вв. до н. э.»</i> Н. А. Гаврилюк и проблемы экономических реконструкций по материалам скотоводческих народов древности в Северном Причерноморье. Н. А. Гаврилюк. История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э. 1999. Харьков: Издательство ПТФ. (Рец. С. Ж. Пустовалова)	274
<i>Размышления над книгой о Византии и Готланде.</i> Erland Lagerlöf. Gotland och Bysans: Bysantiskt inlytande pe den gotlandska kyrkokonsten under medeltiden. 1999. Visby: Ödins Förlag AB. (Рец. А. А. Липатова)	281

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

<i>С. Горшенина.</i> Центральноазиатские исследования во Франции	289
--	-----

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД

<i>С. А. Васильев.</i> Международная конференция «Археология Востока — археология Запада. Соотношение теории и практики в общеевропейской археологии» (Познань, 18—21 мая 2000 г.)	297
<i>М. Ю. Вахтина.</i> Организация археологических исследований античных памятников Турции	299
<i>Г. Р. Цеухладзе, С. Л. Соловьев, Ж.-П. Морель.</i> Международная научная конференция «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н. э.)» (Тамань, 9—16 октября 2000 года)	301
<i>А. Д. Столяр.</i> Памяти профессора М. И. Артамонова. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова — основателя ИИМК АН СССР	302
<i>А. Н. Кирпичников, В. А. Горончаровский.</i> Международная конференция «Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» (Санкт-Петербург, 2—5 сентября 1998 г.)	305
<i>Е. Н. Носов.</i> Вопросы изучения древнего Новгорода на 5-ой ежегодной встрече Европейской Ассоциации археологов	307

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ю. А. Виноградов.</i> Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью	311
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>С. А. Васильев.</i> П. И. Борисковский и проблемы азиатского палеолита	316
<i>Вл. А. Семенов, В. А. Алёкшин, Н. Г. Горбунова.</i> К восьмидесятилетию А. М. Мандельштама (11.VIII.1920—8.IX.1983)	319
К семидесятилетию со дня рождения И. Н. Хлопина	322
<i>А. Н. Кирпичников.</i> О моем друге и соратнике	322
<i>В. А. Завьялов.</i> Научное наследие И. Н. Хлопина	324
К шестидесятилетию со дня рождения Е. А. Горюнова	325
<i>Е. Н. Носов.</i> Памяти друга	325
<i>Р. В. Терпиловский.</i> Вклад Е. А. Горюнова в развитие раннеславянской археологии	329

ХРОНИКА

<i>С. А. Кулаков.</i> Институт истории материальной культуры РАН в 1999 г.	332
<i>Е. В. Торопова, С. В. Трояновский.</i> О возобновлении Новгородского общества любителей древности	334

CONTENTS

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>V. P. Lioubine.</i> Turkmenistan in the Palaeolithic epoch	9
<i>A. E. Matyukhin.</i> Description and Interpretation of Tools from Palaeolithic Workshops	29
<i>G. V. Sinitsina, S. N. Lisitsin.</i> The Final Paleolithic — Early Mesolithic chrono-complexes separation experience of the multilayer site Vyshegora I in Smolensk region	49
<i>S. A. Vasil'ev.</i> The Upper components at the multilayered site of Ui II and the Holocene Stone Age cultures at the Upper Yenisei Area	61
<i>N. B. Vasil'eva, N. V. Kosorukova.</i> The Stone Age Settlement of Mar'ino-I on the Ratsa River	77
<i>G. F. Korobkova, T. A. Sharovskaya.</i> Stone Age Bone Tools (Diagnostics of Wear Traces on the Basis of Archaeological and Experimental Evidences)	88
<i>A. K. Kasparov.</i> Possibilities of Identification of Zoomorphic Figurines from Eneolithic Layers of the Sites of Ilgynly-Depe, Altyn-Depe and Kara-Depe in South Turkmenistan	99
<i>N. N. Skakun.</i> Archaeological threshing sledge inserts, experiments and ethnographical parallels	106
<i>L. B. Kircho, T. A. Sharovskaya.</i> A Decorated Stone Vessel from Altyn-Depe (to the Problem of the Post-Geoksyur Complex in Southern Turkmenistan)	120
<i>Dr. Eileen M. Murphy.</i> An overview of the results obtained during the Palaeopathological analysis of the Scythian period's burials from the cemetery of Aymyrlgy, Tuva, South Siberia	125
<i>K. M. Baypakov.</i> Artistic Bronzes from the Land of the Seven Rivers	151
<i>K. I. Zaitseva.</i> Hand-made stemmed cups of the late 7th—1st century B. C. from the Northern Black Sea area. Part II	160
<i>V. V. Krapivina.</i> An Aphrodite Figurine from Olbia	172
<i>V. V. Kropotov.</i> Fibulae from the Cemeteries of Druzhnoe and Neusatz	175
<i>M. A. Khomchik.</i> A Bronze Roman Tripod from the Collection of the National Historical Museum of Ukraine	188
<i>V. I. Denisova.</i> About the Necropolis of Olbia of the Early Period (Dates, Findings, Hypotheses)	190
<i>S. G. Klyashtornyi.</i> New Discoveries of Ancient Turkic Runic Inscriptions in the Central Tien Shan	203
<i>K. V. Pavlova.</i> Glazed Pottery from the Town-Site of Osovik	207
Appendix I. <i>N. B. Selivanova.</i> Results of a Petrographic Study of Ancient Russian Pottery Samples from the Townsite of Osovik in the Rognedinsky Region of the Bryansk Oblast	213
<i>G. A. Pugachenkova.</i> 'Ishrat-Khanen and Dilkush's Palace revisited	217

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>V. E. Ščelinskij.</i> On correlation between forms and functions of Lower and Middle Palaeolithic tools	223
<i>A. D. Stolyar.</i> Ideological Factors of the Meso-Neolithic Ethnogenesis in the North of European Russia	238
<i>P. P. Tolochko.</i> Varangians in Southern Rus	250

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>Palaeolithic Hunters in the Seine Valley.</i> Occupations du Paléolithique supérieur dans le sud-est du Bassin parisien. M. Julien, J.-L. Rieu (Dir.). Documents d'Archéologie française 78. 1999. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme. (Rev. by S. A. Vasil'ev)	258
<i>Middle Palaeolithic Province in the East-Lesser Caucasus.</i> Jafarov A. K. The Middle Palaeolithic Period in Azerbaijan. 1999. Baku: Alm. (Rev. by V. P. Lioubine and E. V. Belyaeva)	260
<i>The Chronology of Early Agricultural Cultures in the Central Asia Interfluvial Area during the Early Metal Period.</i> Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Par B. Lyonnet avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Ayanessova. Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. 1996. Paris: De Boccard Édition. (Rev. by A. Ya. Shchetenko)	263
<i>Problems of the Chronology of the Bronze Age Civilization in Central Asia.</i> Fredrik T. Hiebert. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. American School of Prehistoric Research Bulletin 42. 1994. Cambridge: MA. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University. (Rev. by A. Ya. Shchetenko)	268
<i>«History of the Economy of Steppe Scythia in the 6th—4th Centuries B. C.»</i> N. A. Gavrilyuk and Problems of Economical Reconstructions according to Evidence of Herding Peoples in the Ancient Northern Black Sea Area. N. A. Gavrilyuk. History of the Economy of Steppe Scythia in the 6 th —4 th Centuries B. C. 1999. Kharkov: PTF Publishing House. (Rev. by S. Zh. Pustovalova)	274
<i>Thoughts on Reading a Book about Byzantium and Gotland.</i> Erland Lagerlöf. Gotland och Bysans: Bysantiskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. 1999. Visby: Ödins Förlag AB. (Rev. by A. A. Lipatov)	281

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

<i>S. Gorshenina</i> . Central Asia Studies in France	289
---	-----

THE EAST-WEST COOPERATION

<i>S. A. Vasil'ev</i> . International Conference «Archaeology of the East — Archaeology of the West. Correlation between Theory and Practice in the European Archaeology» (Poznań, May 18—21, 2000)	297
<i>M. Yu. Vakhtina</i> . Organisation of Archaeological Investigation of Ancient Sites in Turkey	299
<i>G. R. Tzeuhladze, S. L. Solov'ev, J.-P. Morel'</i> . International Scientific Conference «Greeks and Barbarians in Cimmerian Bosphorus (7th—1st Cen. B. C.)» (Taman, October 9—16, 2000)	301
<i>A. D. Stolyar</i> . Obituary: Prof. M. I. Artamonov. International Scientific Conference Dedicated to the 100 th Anniversary of Prof. Mikhail Illarionovich Artamonov — the Founder of Institute for the History of Material Culture AS USSR	302
<i>A. N. Kirpichnikov, V. A. Goroncharovskiy</i> . International Conference «The Military Archaeology: Weapons and Military Science in the Historical and Social Prospects» (Saint-Petersburg, September 2—5, 1998)	305
<i>E. N. Nosov</i> . Problems of the Studies of Ancient Novgorod at the 5 th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists	307

HISTORY OF SCIENCE

<i>Yu. A. Vinogradov</i> . From the History of Archaeological Excavations on the Cape Ak-Burun near Kerch	311
---	-----

PERSONALIA

<i>S. A. Vasil'ev</i> . P. I. Boriskovskiy and Problems of Asian Palaeolithic	316
<i>Vi. A. Semenov, V. A. Alëkshin, N. G. Gorbunova</i> . To the 80 th Anniversary of A. M. Mandelshtam (11.VIII.1920—8.IX.1983)	319
To the 70 th Anniversary of I. N. Khlopin	322
<i>A. N. Kirpichnikov</i> . About my colleague and friend	322
<i>V. A. Zav'yalov</i> . Scientific heritage of I. N. Khlopin	324
To the 60 th Anniversary of E. A. Goryunov	325
<i>E. N. Nosov</i> . In Memory of a Friend	325
<i>R. V. Terpilovskiy</i> . E. A. Goryunov's Contribution to the Development of the Archaeology of Early Slavs	329

CHRONICLE

<i>S. A. Kulakov</i> . IIMK in 1999	332
<i>E. V. Toropova, S. V. Troyanovskiy</i> . On the Re-Foundation of the Novgorodian Society of Amateurs of Antiquity	334

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ТУРКМЕНИСТАН В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА

В. П. ЛЮБИН¹

1. Природные условия и первоначальное расселение людей

История палеолитического населения Туркменистана протекала на фоне сложных изменений природной среды, в ходе которых менялся облик страны и условия жизни человека. В течение четвертичного периода² на его территории имели место большие физико-географические сдвиги: чередование влажных и сухих эпох, крупные повышения (трансгрессии) и понижения (регрессии) уровня Каспийского моря, коренная перестройка речной сети, формирование золотого рельефа Каракумской пустыни, оледенения наиболее высоких горных вершин (Большой Балхан, Копетдаг, Кугитангтау), существенные изменения в растительном и животном мире (Луппов 1957: 588—591).

Масштабность этих природных перемен, происходивших на глазах древнейших обитателей страны станет более отчетливой, если сопоставить географические особенности современного Туркменистана и Туркменистана эпохи плейстоцена.

1.1 Географические особенности современного Туркменистана

Туркменистан — самая равнинная страна Средней Азии. Только на юге и западе ее протянулась полоса средневысоких гор (Копетдаг, Большой и Малый Балханы, Кугитангтау) и возвышенностей (Красноводское плато, Джанак, Бадхыз, Карабиль) (рис. 1). Физико-географические особенности территории Туркменистана обусловлены резкой континентальностью климата с большим дефицитом влаги и высокими летними температурами. Безлюдная пустыня Каракумы занимает 80% территории. Печать пустыни лежит и на ландшафтах

остальной части страны. Лишь в речных долинах растут островные тугайные леса, в предгорьях Паропамиза — полусаванновая растительность, в долинах Атрека и Чендыра — реликтовые рощи древесно-кустарниковой растительности. В современной зоне пустынь многочисленны грызуны и пресмыкающиеся. Обитают также джейран, корсак, волк, шакал, барханный кот. В южных районах (Копетдаг, Мургабо-Тедженский р-н, Кугитангтау) часто встречаются представители фауны Индии, Ирана и Афганистана: архар, безоаровый и винторогий козел, леопард, лисица и др.

Современное население Туркменистана сосредоточено почти исключительно в оазисах, приуроченных к долинам и дельтам рек и к выходам пресных вод. Приводим краткие сведения об основных природных областях страны.

Пустыня Каракумы состоит из трех частей. Она подразделяется на северные возвышенные Заунгузские Каракумы, южные — Низменные (или Центральные) и Юго-Восточные (в междуречье Теджена и Амударьи). Заунгузские Каракумы сложены, в основном, глинисто-песчаными отложениями миоценовой и плиоценовой Пра-Амударьи, Низменные и Юго-Восточные — четвертичным аллювием Амударьи и ее притоков. Граница между Низменными и Заунгузскими Каракумами проходит по Унгузу — цепи солончаковых изолированных котловин, часть которых на западе заполнялась плиоценовыми морями, другие — покрывались наносами Пра-Амударьи. Заунгузские Каракумы приподняты над окружающими территориями и с трех сторон ограничены обрывами-чинками.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

² Четвертичный период по современным оценкам начинается около 1,8 млн. лет тому назад и подразделяется на плейстоцен и голоцен (10—11 тыс. лет от конца последнего оледенения до современности). В плейстоцене выделяют три раздела: нижний (1,8—0,8 млн. л.н.), средний (0,8—0,1 млн. л.н.) и верхний (0,1—0,01 млн. л.н.). Начало нижнего плейстоцена совпадает с основанием апшеронского яруса каспийской региональной шкалы.

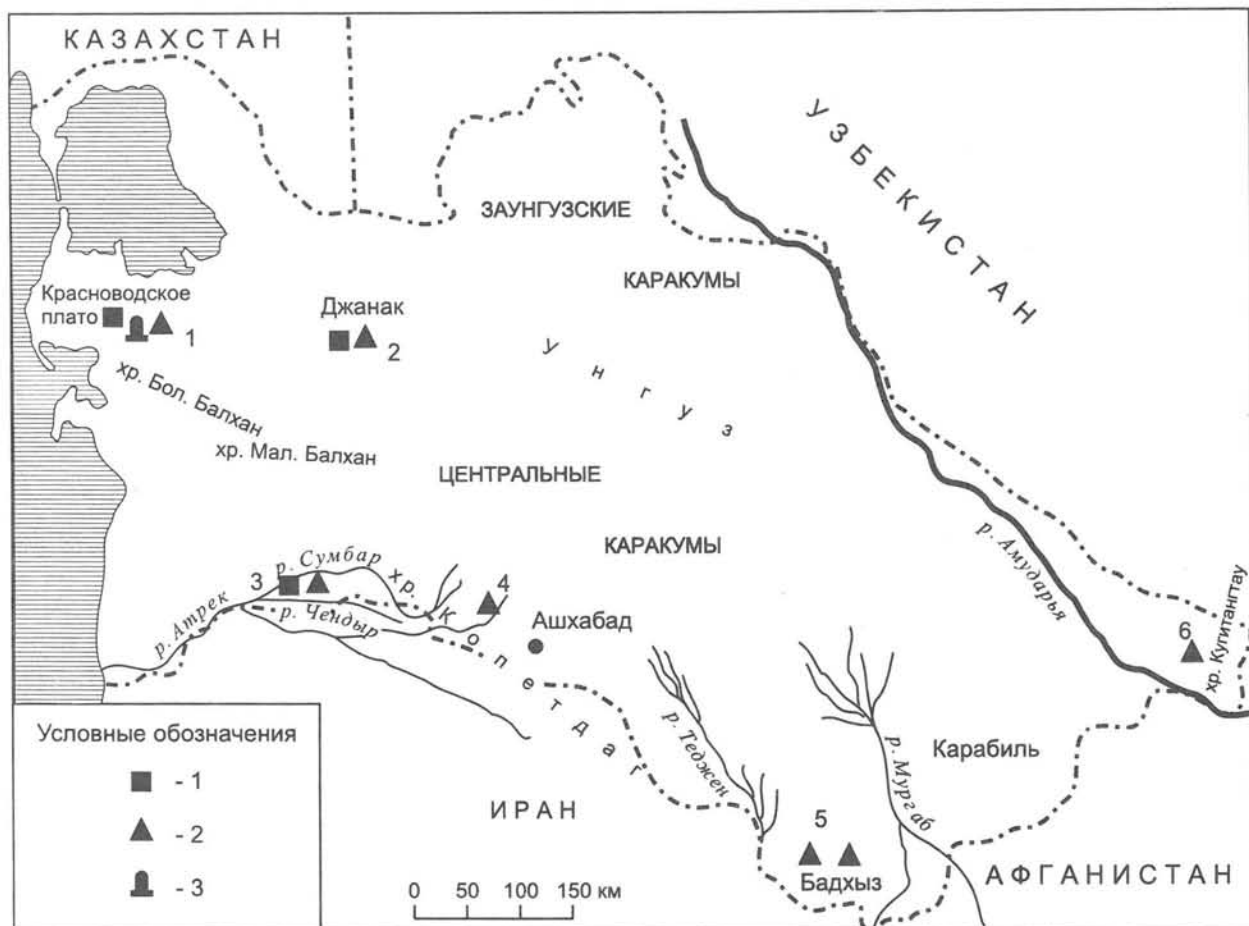

Рис. 1. Карта Туркменистана с обозначением основных природных областей и палеолитических памятников.

Fig. 1. Map of Turkmenistan with indication of principal natural provinces and Palaeolithic sites.

Аллювиально-дельтовая равнина Низменных Каракумов сохранила следы былого речного происхождения. Таковы следы русел Пра-Амударьи в песках Чаган в приунгузской части Каракумов и руслообразные понижения и удлиненные солончаковые впадины в прикопетдагской линии шоров. Рельеф же Заунгузских Каракумов не сохранил прежних аллювиальных черт и всецело обусловлен новейшей тектоникой и эоловыми процессами (Федорович 1948; 1957а: 538—551; Бабаев 1963: 13—31).

Джанак (Туаркыр) или Заузбойский складчатый район представляет собой обширную, сложно построенную пустынную местность между песками Чильмамедкум на западе и Узбоем на юге и востоке (рис. 2). Для нее характерен ряд узких плосковершинных хребтов (кыров), вытянутых в северо-западном направлении, и разделяющих их длинных рукавообразных солончаковых впадин, являвшихся некогда заливами трансгрессировавшего Каспийского моря (солончаки Северо-Балханский, Кемаль-Узбойский, Карашорский). Абсолютная высота кыров невелика (до 300 м). Таковы Аккыр, Текеджик, Бегарсландаг, Капланкыр и

Челюнкыр. Последние два иногда относят к южным чинкам Устюрта (Мурзаев 1957: 39—46; Федорович 1957б: 319—331).

Красноводский полуостров расположен между заливами Красноводским и Кара-Богаз-Гол. Почти весь он занят плато, имеющим среднюю высоту 200 м. Самая южная его окраина, однако, приподнята на высоту более 300 м и резко обрывается уступами Кюрюнын и Кубадаг. Для поверхности плато характерны бессточные впадины и многочисленные останцы. Во время трансгрессий морские воды затопляли лишь его низкие окраины.

Копетдаг — северная краевая зона Туркмено-Хорасанской горной страны. Горы эти невысокие (средняя высота колеблется в пределах 1000—2000 м), маловодные и пустынные (нет лесного и альпийского ландшафтных поясов).

В их западных предгорьях в бассейне рек Сумбар и Чендыр существует увалисто-холмистый ландшафт типа безжизненных и безводных бедлендов и адыров. В то же время, долины этих рек, защищенных с севера хребтами Копетдага, представляют собой район

сухих субтропиков (Никшич 1932; Каляев 1957: 556—558).

Бадхыз и Карабиль — холмистые предгорья Паропамиза близ афганской границы. Холмы здесь чередуются с замкнутыми котловинами. Климат — засушливый, растительность — полусаванновая.

1.2. Природная обстановка в Туркменистане в плейстоцене

Эволюция природной обстановки на территории Туркменистана в плейстоцене тесно связана прежде всего с историей развития Каспийского моря и Пра-Амударьи. Именно они являются главными факторами палеогеографических изменений в плейстоцене Туркменистана. Рассмотрим оба этих фактора подробнее.

Каспий представляет собой бессточное озеро-море, современный уровень которого на 28 м ниже уровня Мирового Океана. Четвертичная история Каспийского моря — это история неоднократных крупных трансгрессий и регрессий. Чередование тех и других, отраженное в соответствующих отложениях, легло в основу геологической периодизации плейстоцена этой территории. В течение плейстоцена имели место четыре основных этапа колебаний уровня Каспия: апшеронский, бакинский, хазарский и хвалынский. В каждом из них выделяют несколько трансгрессивно-регрессивных фаз. Во время трансгрессий море заливало низменные участки западной части территории Туркменистана, во время регрессий осушалась значительная часть каспийского шельфа и неоднократно полностью — мелководный Северный Каспий.³ Наибольший размах амплитуды колебаний уровня моря (от максимума повышений до максимума понижений) в течение плейстоцена достигал 200 м.

Апшеронская и раннехвалынская трансгрессии были крупнейшими в четвертичной истории Каспия. Во время раннехвалынской трансгрессии уровень моря поднимался на 80 м выше его современного положения. Море в этот период покрывало значительную часть Краснодарского полуострова, проникая вглубь Каракумов примерно до долготы г. Кызыл-Арват. К северу от Узбоя оно заливало несколько рукавообразных солончаков, образуя узкие морские заливы. Наибольший из них — Кемаль-Узбойский — вдавался в сушу вдоль северного края Чильмамедкумов на глубину до 75 км (рис. 2). Наиболее глубокими регрессиями Каспия были предбакинская, послехазарская и послехвалынская. Во время первой из них уровень моря был ниже современного на 120 м. Во время второй и третьей регрессий обсыхали большие пространства каспийского дна и становилась возможной сухопутная

связь между Мангышлаком и Северным Кавказом.

Касательно причин трансгрессий и регрессий и их возраста до сих пор нет твердых и общепринятых положений. Согласно наиболее распространенной версии (Рычагов 1977; Каплин и др. 1977), хронологическая шкала каспийских трансгрессий имеет следующий вид:

Апшеронская трансгрессия происходила где-то в пределах 1,8—0,8 млн. лет назад;

Бакинская — 500—400 т. л. н. (не древнее 690 т. л. н.);

Раннехазарская — 300—250 т. л. н.;

Позднехазарская — от 200 до 100—90 т. л. н.;

Раннехвалынская — максим. стадия около 60 т. л. н., поздняя стадия — 42 т. л. н.;

Позднехвалынская — 18,5—12 т. л. н.

Причинами крупных колебаний уровня моря, согласно господствующей точке зрения, являются общие изменения климатической обстановки в области Каспия, заключающиеся в колебаниях увлажненности и температуры на этой территории. При этом трансгрессии Мирового океана и Каспия противоположны по фазе: максимумы каспийских трансгрессий соответствовали ледниковым эпохам и развивались в условиях увлажнения и похолодания. Регрессии же происходили в аридных условиях. В этой закономерности есть одно исключение: во время позднехвалынской трансгрессии сложились не только холодные, но и гиперзасушливые условия, что объясняется, возможно, прогрессирующей суровостью и аридизацией климата всего северного полушария в конце последнего оледенения (Федоров 1957: 308—317; Васильев 1977: 204—206; 1982: 132—134).

Пра-Амударья большую часть четвертичного периода протекала по Низменным Каракумам и впадала в Каспийское море. Ширина ее древней долины достигала 130—200 км: правый берег образовывали чинки Заунгузских Каракумов и возвышенности Заубойского складчатого района, левый — подножья Копетдага. Бассейн Пра-Амударьи был намного обширнее современного: в нее впадали многочисленные притоки, стекавшие со склонов горных систем Памиро-Алая, Гиндукуша, Паропамиза и Копетдага (реки Теджен, Мургаб, Зеравшан, Кашкадарья и др.). Притоки, питаемые горными ледниками, энергично разрушали горы и доставляли в реку огромное количество продуктов размыва. В четвертичное время, когда горы поднялись на высоту 4—7,5 км и покрылись мощными ледниками, Пра-Амударья была особенно многоводной и переполненной песчано-глинистыми материалами. Река выносила их на туркменскую рав-

³ Современная глубина северной части моря колеблется от 4—8 до 25 м.

Рис. 2. Схематическая геоморфологическая карта низовий Аму-Дарьи — Сарыкамыш — Узбой и границ трансгрессии Каспия в хвалынскую эпоху (по: Кесь 1957: фиг. 1) с указанием местоположения палеолитических памятников на Красноводском полуострове и в Джанаке.

Fig. 2. Schematic geomorphological map of the lower reaches of Amu Darya, Sarykamysh, Uzboy and limits of the Khvalyn transgression of the Caspian Sea (after: Кесь 1957: fig. 1) with indication of the Paleolithic locations in the Krasnovodsk peninsula and the Djanak district.

нину — в Южные Каракумы и, блуждая по своей обширной долине, отлагала на большой площади. Много раз она загромождала свое русло обильными наносами и вынуждена была прокладывать себе новый путь.

Так продолжалось до начала хвалынского времени, когда Пра-Амударья резко повернула на север в сторону Арала, оставив после себя на территории Каракумов обширную аккумулятивную равнину, где в результате интенсивной золовой переработки аллювиальных осадков сформировался сложный расчлененный песчаный рельеф. Повернув на север, река, по-прежнему несущая огромное количество воды и осадочного материала, заполняла встречающиеся по пути впадины, образуя большие бассейны-озера. Заполнив одну впадину она, дробясь на дельтовые протоки, прорывалась к другой, вновь резко меняя направление своего течения. Так, к юго-западу, югу и юго-востоку от Арала образовались три обширные амударьинские дельты: Акчадарьинская, Присарыкамышская и современная Аральская (рис. 2).

Присарыкамышская дельта, расположенная в пределах Туркменистана, занимала огромные

пространства между Заунгузскими Каракумами на юге и Устюртом на севере. Заполнив Сарыкамышскую впадину, воды Пра-Амударьи образовали здесь громадное озеро длиной около 130 км и глубиной до 100 м. На юге это озеро узким заливом вторглось в пределы Верхне-Узбойского коридора и отсюда к Каспию потекла новая река Узбой, существовавшая в период с 18 до 2,5 тыс. лет тому назад (Кесь 1957: 188—200). С момента поворота Пра-Амударьи на север ее притоки Теджен и Мургаб потеряли с ней связь и начали энергично формировать свои, иссякающие в песках «слепые дельты» (Федорович 1957 а: 547—551; 1957 б: 317—318; Ямнов 1957: 346—349; Бабаев 1963: 14—15. 31).

Таким образом, история Каспия и Пра-Амударьи определяет в общих чертах тот природный фон, на котором разворачивалась жизнь древнейших людей на территории Туркменистана, позволяет оценить возможности их обитания в тех или иных районах в определенные отрезки плейстоцена, вероятные передвижения и характер расселения. Рассмотрим теперь, насколько это возможно, вопрос о веро-

ятных природных ресурсах — пищевых и других (сырье для каменных орудий, скальные убежища), которыми древние охотники-собиратели могли располагать на данной территории.

1.3. Природные ресурсы Туркменистана в плейстоцене

Что касается пищевых ресурсов (биомасса животных и растений), то реконструкция животного и растительного мира плейстоценового Туркменистана затруднена острым недостатком палеоботанических и палеозоологических данных.

Палеозоологические свидетельства представлены, по существу, лишь единичной на сегодня находкой в хазарских отложениях Прибалханского района остатков палеолоксодонтного слона (*Palaeoloxodon Turkmenicus Dubrovo*), который считается обитателем лесов. Слоны этого вида, по данным И. А. Дуброво (1955), были не травоядными, а листоядными и жили в условиях теплого климата при более богатой растительности. Недостаток фаунистических находок в самом Туркменистане, однако, компенсируется фаунистическими материалами, встреченными в соседних областях — в Узбекистане и в Казахстане. Они вполне достаточны, чтобы охарактеризовать животный мир всей равнинной территории юго-запада Средней Азии на разных этапах плейстоцена.

Б. Х. Батыров (1989) говорит о «...единстве черт формирования териофауны в области Средиземноморья, Средней Азии и Казахстана в верхнем плиоцене и нижнем плейстоцене». Единство это, по всей видимости, сохранилось и в более поздние периоды плейстоцена. Так, в частности, остатки лесного туркменского слона были обнаружены и в среднеплейстоценовых отложениях палеолитической стоянки Кошкурман, расположенной в южном Казахстане. В целом, существующие материалы позволяют наметить в плейстоцене рассматриваемой аридной зоны Средней Азии последовательную смену трех фаунистических комплексов.

1) Позднемиоценовый-раннеплейстоценовый, в состав которого входят: эласмотерий, носорог, мастодонт (овернский), лошадь Стептона, гиена, олень, газель, жираф (?) и др. (Батыров 1989: 5);

2) Среднеплейстоценовый, аналогичный европейскому «тираспольскому», выявленный на палеолитической стоянке Кошкурман. В нем определены: туркменский лесной слон, носорог Мерка, эласмотерий, бизон Шетензака, моссбахская лошадь, архар, плейстоценовый осел и др. (Бажанов, Костенко 1962; Деревянко и др. 1998);

3) Верхнеплейстоценовый, включающий таких млекопитающих, как волк, корсак, бурый медведь, пещерная гиена, барс, плейсто-

ценовый осел, лошадь, благородный олень, джейран и др. (Батыров 1989).

Некоторые из перечисленных видов млекопитающих, по мнению Б. Х. Батырова, проникли на территорию Средней Азии по долинам древних рек с юга (Афганистан, Индия, Иран).

Как представляется, нет оснований предполагать, что животный мир сопредельных равнинных территорий Туркменистана, Узбекистана и юго-западного Казахстана в плейстоцене мог заметно отличаться между собой, хотя невозможно судить о том, насколько полно были представлены разные виды и насколько стабильной и плотной была их биомасса на разных участках этой обширной территории в разные периоды.

Палеоботанические данные представляют собой в основном результаты спорово-пыльцевых анализов четвертичных отложений из Прибалханского района. Они свидетельствуют о чередовании здесь горизонтов со спектрами «лесного» и «степного» типов. Лесные спектры, по мнению Е. А. Мальгиной, являются отражением более богатой растительности, существовавшей здесь в плейстоценовые эпохи — то есть в периоды большего увлажнения, степные — соответствуют более сухим периодам с господством травяно-кустарничковой растительности. Лесные спектры характерны как для среднеапшеронского и средней части верхнеапшеронского горизонтов нижнего плейстоцена (пыльца древесных в последнем доходит до 30%; определена пыльца граба, хмелеграба, лапины, грецкого ореха, ильма, дзельквы, каштана, бука, дуба и др., а также элементы таких мезофильных тропических пород как тсуга, таксодиевые, ликвидамбр, магнолия и др.), так и для нескольких горизонтов средне- и верхнечетвертичных отложений. Спорово-пыльцевой спектр хвалынского осадков содержит 40% древесных пород (Мальгина 1961; 1964). От более древних стратиграфических горизонтов к более поздним наблюдается выпадение из спектров некоторых элементов древесной растительности.

Е. А. Мальгина доказывает, что повышенная в прошлом степень лесистости Балханских гор и их предгорий была обусловлена увеличением гумидности климата западной Туркмении при одновременном понижении температуры, а сокращение или полное исчезновение лесов отражало процесс потепления и аридизации климата. Таким образом, спорово-пыльцевые данные подтверждают существование в плейстоцене плейвиальных и аридных периодов на территории от Каспия до Памира (Мальгина 1964). Очевидно, что связанное с плейвиальными условиями увеличение разнообразия растительного мира и общей биомассы растений являлось важным благоприятным

фактором для обитания первобытного человека.

Огромный интерес вызывает вопрос о растительном покрове Каракумской пустыни в плейстоцене. В настоящее время известны результаты исследования лишь единичных проб пыльцы, взятых с поверхности почвы и верхних слоев отложений каракумской толщи в западной части Низменных Каракумов. В поверхностных пробах абсолютно преобладает пыльца пустынных растений; состав пыльцы из верхней части каракумской толщи напобинет, по заключению Е. А. Мальгиной, «...спектры поверхностных проб из зоны смешанных лесов Русской равнины» (преобладала пыльца древесных). Е. А. Мальгина называет эти результаты неожиданными и полагает, что причину такого своеобразия спектров надо искать в заносе пыльцы извне, ибо, по ее мнению, «...вся сумма палеогеографических фактов указывает на сохранение в современных пустынях Средней Азии безлесных пространств (не считая тугаев) даже в климатически более благоприятные отрезки времени плиоцена и плейстоцена» (Мальгина 1966: 257—258). Остается неясным — какие палеогеографические факты имелись здесь в виду и почему этот предполагаемый занос пыльцы древесных фиксируется исключительно в пробах из верхней части каракумской толщи и отсутствует в поверхностных образцах.

На наш взгляд, растительный покров Каракумской пустыни мог меняться неоднократно. Во влажные периоды здесь могли быть распространены саванны и, возможно, лесосаванны и степи, а не только леса галерейного (тугайного) типа. Эта гипотеза нуждается в подтверждении будущими исследованиями, важное место среди которых могут занять данные археологии о пребывании человека на данной территории в различные периоды плейстоцена.

Помимо ресурсов растительного и животного мира, обитание первобытного человека в том или ином регионе всегда во многом зависело от наличия сырья для производства каменных орудий, а также естественных скальных убежищ.

Сырье, используемое для каменных орудий, по неполным пока сведениям (особенно недостаточны данные о нем по Копетдагу) встречается на территории Туркменистана почти повсеместно и люди каменного века не должны были испытывать в нем недостатка. Все пригодные для таких изделий породы были здесь осадочными (кремень, кремнистый известняк, алевролит, кварцит, сланец, песчаник) и лишь на Красноводском полуострове и в Бадхызе известны выходы вулканического сырья. В полосе гор и возвышенностей (Красноводский полуостров, Джанак, Бадхыз и Ку-

гитангтау) все эти породы находятся, как правило, в коренных месторождениях, в Заунгузских Каракумах — как в коренных месторождениях, так и переотложенном состоянии. В Низменных Каракумах, как кажется, они имеются исключительно в переотложенном виде.

В кыровых грядках Заунгузских Каракумов, по данным геологов, пригодное сырье встречается в виде горизонтов новообразований — кремневых кор (пропластки кремней или окремненного песчаника), которые при развевании песков проецируются на месте в качестве поверхностных россыпей щебня. Кроме того, в Заунгузских Каракумах, как в Низменных и Юго-Восточных, обнаруживаются гаммады — скопления щебня и галек, принесенных сюда Пра-Амударьей и выявляемых также в результате развевания песков (Федорович 1957 б: 327—543).

На Красноводском полуострове (в районе Туаркыра, гряды Кубадаг, возвышенности Карадаг, гор Большого Балхана) вулканические породы представлены порфиритами, кварцевыми порфирами и некоторыми другими, в Бадхызе (в районе сухого озера Ер-Ойлан-Дуз, родников Акар-Чешме и Керлек, колодец Чакмаклы-Чонга и в ряде иных мест) — андезитами, базальтами и др. (Худобина 1957: 371).

Использование некоторых из этих источников сырья древним человеком уже установлено археологами на Красноводском полуострове, в Джанаке, в Приатречье (долины рек Сумбар и Чендыр), в Бадхызе и в Гаурдак-Кугитангском районе (гора Балахана близ Гаурдака). Наиболее качественное и имеющееся в изобилии кремневое сырье использовалось в нескольких пунктах Красноводского полуострова и в Джанаке (в районе гряды Бегарсландаг). Сырьем для изготовления орудий в Приатречье являлся в основном кремнистый известняк, в Бадхызе — алевролиты, кремнистый сланец и — в единичных случаях — базальт.

Естественные скальные убежища в Туркменистане немногочисленны и известны пока только на Красноводском полуострове и на крайнем востоке страны — в Гаурдак-Кугитангском районе в предгорьях хребта Кугитангтау (отрог Гиссарского хребта) (Мирошниченко 1957: 565—566). В трещиноватых юрских известняках Кугитангтау обнаружены гроты и галерейные пещеры, образовавшиеся, как показали исследования археологов, в геологически более позднее время и не содержавшие остатков каменного века. Исследованные скальные убежища Красноводского полуострова значительно древнее их. Они представляют собой неглубокие, но высокие и широкие гроты, образовавшиеся в плотных известняках преимущественно в результате физического (морозного) выветривания, очевидно, в период последнего (вюрмского) оледенения. Об этом

свидетельствует преобладание щебня, образующегося при морозном выветривании в рыхлых отложениях гротов, а также залегание наиболее ранних слоев, содержащих финально-палеолитические и мезолитические культурные остатки, непосредственно на скальном дне убежищ (Окладников 1966: 59—65; Марков 1966: 104—123; 1981: 51; Коробкова 1989: 151—153). Скальные убежища отмечены на Краснодарском полуострове в двух пунктах: в подножье гор Большого Балхана близ станции Джебел (гроты Дам-Дам-чешме I и II и Джебел) и на берегу Каспия (грот Кайлю). В настоящее время исследованы лишь эти сохранившиеся до наших дней гроты. Обвалившиеся навесы и гроты, которые здесь наблюдал известный археолог А. П. Окладников (1956б: 13), еще только предстоит исследовать. Не исключено, что в них могут быть погребены палеолитические стоянки такого же или даже более раннего возраста — в том числе и среднепалеолитические (мустьерские). Подобные обрушившиеся убежища и погребенные под ними палеолитические стоянки известны в Крыму, на Кавказе, в Турции и в ряде других областей.

1.4. Палеогеографические аспекты заселения страны в палеолите

Туркменистан расположен на вероятных путях первоначального расселения древнейшего человечества вглубь Азии. Ландшафтные особенности территории (равнинность, открытость, то есть отсутствие непреодолимых природных барьеров), так и палеогеографические (широтное простираание главной водной артерии — Пра-Амударьи в нижнем и среднем плейстоцене и возможность сухопутных связей с Северным Кавказом в периоды регрессий Каспия) предполагают вероятность проникновения древнейших людей на эту территорию уже в раннем плейстоцене и широкое расселение их в плейстоцене среднем и верхнем. Вывод этот является сегодня в значительной мере гипотетическим, так как специализированные поиски палеолита на обширной территории Каракумов до сих пор не проводились, а в других районах (кроме Краснодарского полуострова) носили кратковременный, эпизодический характер. Помимо того, собранные материалы, как правило, недостаточны; стратифицированные памятники⁴ и абсолютные датировки отсутствуют; культурная и хронологическая атрибуция каменных орудий производилась только при помощи типологического анализа.

Тем не менее, высказанная гипотеза подкрепляется тем обстоятельством, что находки палеолита в Туркменистане выявляются по-

всюду, где производились их намеренные поиски. К настоящему времени здесь обнаружены каменные орудия не только верхнепалеолитического и мустьерского времени, но и более древние, облик которых соответствует ашельской эпохе и указывает на средний плейстоцен. Особенно примечательно то, что во всех случаях палеолитические находки встречены в ныне пустынных районах: в безлюдных местностях Краснодарского полуострова и Бадхыза, в полосе безжизненных бедлендов Приатречья и Гаурдакского района, на поверхностях мертвых солончаковых впадин и песков Джанака (в подножье Бегарсландага). Это позволяет предположить, что размещение водных и пищевых ресурсов в плейстоценовом Туркменистане было иным, чем в настоящее время. Если современное население страны сосредоточено почти исключительно в оазисах (на средней и южной Амударье, в дельтах Мургаба и Теджена, в предгорьях Копетдага, где имеются выходы пресных вод), то в благоприятные периоды плейстоцена расселение, вероятно, было гораздо более обширным и, в соответствии с трансгрессиями Каспия и «блужданиями» Амударьи. В периоды увлажнений несомненно увеличивалась облесенность и обводненность пустынных пространств, бессточные впадины заполнялись водой, оживали древние речные долины и озерные равнины (типа Учтаганской и Сарыкамышской) (Кесь, Неводчикова 1972: 706—707). Палеолитические люди, как и современные, также предпочитали заселять расположенные в глубине нынешней пустыни дельтовые и долинные участки Амударьи и ее притоков, берега озер, места выходов родников.

Однако только целенаправленные палеолитические исследования в Каракумах прольет свет на подлинную картину расселения древнейших людей в Туркменистане. И все же, при всей осторожности, можно предсказать, что ситуация здесь будет близка той, которая установлена сейчас для самой жаркой пустыни земного шара — Сахары — и для соседней пустыни Кызылкумы. Так, Сахара в периоды увлажнений превращалась в край рек и озер (размеры озера Чад, в частности, достигали размеров Каспийского моря) и, подобно гигантскому «наосу», втягивала в себя многочисленные популяции ашельских и мустьерских людей из соседних областей, а в периоды иссушения климата «выбрасывала» их вовне. То же самое, но в меньших масштабах и пока только для эпохи мустье, вероятно происходило и в соседних Кызылкумах, где явно существует несоответствие между современными пустынными ландшафтно-климатическими ус-

⁴ Стратифицированные памятники обнаружены пока только на Краснодарском полуострове, где имеется, как отмечалось, несколько очень поздних (финальнопалеолитических — мезолитических) ненарушенных пещерных стоянок.

ловиями и заселенностью этого района людьми в эпоху мустье (Виноградов и др. 1974: 290—295; Мамедов 1981: 81—17). В результате многолетних исследований в юго-западной части этой пустыни были обнаружены многочисленные мустьерские местонахождения, а также разрозненные единичные находки в районе впадин Аякагитма и Карасыгыр (в том числе известное местонахождение Кызылнура I), в районе Лявлякана и в долине Экчиликсая (Виноградов, Мамедов 1969; 1975; Виноградов 1981).

При наличии небольших и фрагментарных материалов нельзя в настоящее время говорить о равномерности и непрерывности заселения территории Туркменистана в плейстоцене. Предполагаемые материалы ашельского времени обнаружены пока лишь в трех пунктах западного Туркменистана (в Приатречье, на Красноводском полуострове и в Джанаке). Каменные изделия мустьерской эпохи, которая была, по всей видимости, наиболее оптимальной для расселения людей в Туркменистане, встречены во всех затронутых разведками районах — в вышеназванных, а также в центральном Копетдаге, в Бадхызе и районе Гаурдака. Верхний палеолит представлен очень поздними (финально-палеолитическими) находками на Красноводском полуострове (Белова 1996) и, как полагает Г. В. Иванов (1979), в Бадхызе. Возможно, что такая скудость остатков верхнего палеолита объясняется тем, что этот период совпадает в основном со временем максимума холодов последнего оледенения. В то время на большей части территории Туркменистана существовали, по-видимому, «...своеобразные ландшафты холодных пустынь и полупустынь» (Мамедов 1981: 86) и люди, вероятно, укрывались в каких-то климатически наиболее благоприятных районах (Прибалханье? Бадхыз?).

Возрастная оценка всех этих хронологически разрозненных палеолитических материалов весьма проблематична. Ашельские материалы предположительно можно поместить в рамки бакинской — хазарской эпох (500—300 т. л. н.), мустьерские допустимо отнести ко времени раннехвалынской трансгрессии Каспийского моря (60—40 т. л. н.), а финальнопалеолитические — к самому концу плейстоцена (13—12 т. л. н.).

2. Палеолитические памятники на территории Туркменистана

2.1. Ашельские памятники

Следы пребывания ашельских людей на территории Туркменистана несомненны, но пока незначительны. Обнаружены они, как отмечалось выше, в более исследованной части страны — в Западном Копетдаге (Приатречье), на Красноводском полуострове и в Джанаке — в составе поверхностных сборов смешанных

(ашело-мустьерских) материалов. Ашельские изделия выделяются не только более крупными габаритами, массивностью и способом отделки, но и наличием среди них характерных для этой эпохи типов орудий — чопперов (гальки с приостренным краем), ручных рубил (крупные двустороннеобработанные орудия миндалевидных, сердцевидных и иных очертаний) и кливеров (рубящие орудия с поперечным лезвием). Рассмотрим вкратце основные местонахождения с ашельскими материалами.

Местонахождения Западного Копетдага расположены в Приатречье (долинах рек Сумбар и Чендыр). В долине р. Сумбар, в окрестностях г. Кара-кала они приурочены к полосе бедлендов, с сильно расчлененным рельефом, состоящим из многочисленных пустынных холмов, низких увалов и бесконечно ветвящихся сухих долин и балок (рис. 3). Пункты находок разбросаны на 10-километровом участке левого берега р. Сумбар, прорезанного долинами впадающих в него ручьев — Каргыджакского, Кара-кельского и Кара-калакского. Ашельские орудия здесь связаны с прослоями плейстоценовых галечников, залегавшими выше акчагыльских (верхнеплиоценовых) отложений, или с высыпками галек на склонах холмов ниже этих прослоев. Среди наиболее характерных встреченных здесь изделий отметим чоппер (рис. 4: 3), массивные скребла (рис. 4: 1), крупные отщепы (рис. 4: 2) и пластины.

В долине р. Чендыр архаичные находки ашельского облика обнаружены также в высыпках галек на холмах правого берега реки близ сел. Кызыл-Имам. Наиболее крупное из найденных здесь орудий может быть определено как оформленный на массивном отщепе примитивный кливер со скошенным поперечным лезвием на дистальном конце (рис. 4: 4).

Ашельские местонахождения Приатречья находятся в самой начальной стадии изучения и практически можно говорить только о выявлении этих пунктов. Между тем, они доставляют самые архаичные на сегодня в пределах всей Туркмении каменные орудия и потому, несмотря на трудности с поиском сильно рассеянных материалов, заслуживают особого внимания археологов. Здесь необходимо организовать комплексные и долговременные исследования с участием археологов и геологов, целью которых должно быть обнаружение более богатых и, возможно, ненарушенных местонахождений и уточнение их геологического возраста (Любин 1983а; 1984а, б).

Ашельские находки на Красноводском полуострове пока выделяются с большой долей осторожности. Они связаны с обрывистой и резко расчлененной сетью сухих саев южной окраины Красноводского плато, где в местности Кюрянын-кюре, на участке между

Рис. 3. Бедленды долины р.Сумбар (юго-западные предгорья Копетдага). Общий вид.

Fig. 3. Bad lands in the Sumbar River valley (the south-western foothills of Kopetdag). General view.

33 и 43 км шоссе Красноводск—Ашхабад обнаружено гигантское местонахождение каменных орудий разных эпох. Оно состоит из многочисленных скоплений с различным количеством кремневых изделий и тысяч отдельно залегающих находок. Подъемные материалы тут практически неисчерпаемы (Вишняцкий 1989: 11). Почти все находки приурочены к плоским площадкам на поверхностях останцов размыва, возвышающихся между саями. В 1987 году на этом местонахождении был выявлен участок, который рассматривается как мастерская, где производились двустороннеобработанные орудия (бифасы). Отсюда происходит коллекция из 20 бифасов, встречаются сколы, а также «...исходные предметы расщепления и формы промежуточные между последними и уже оформленными бифасами» (Вишняцкий 1989: 12). Эту коллекцию, помимо архаичного облика изделий, отличает наличие на их поверхности так называемого «пустынного загара». Большинство встреченных здесь бифасов, по мнению Л. Б. Вишняцкого, являются заготовками для изготовления каких-то двустороннеобработанных орудий, но четыре предмета «...представляют собой полностью или почти полностью законченные рубила», которые близки к типичным ашельским изделиям (Вишняцкий 1988: 11).

Облик многих найденных здесь бифасов допускает, на наш взгляд, их ашельский, а точнее позднеашельский возраст. Об этом говорят сравнительно небольшие размеры и тонкость сечения этих орудий. Однако полностью законченных отделкой ручных рубил среди них, как представляется, практически нет — за ис-

ключением двух фрагментов (рис. 5: 3, 4). У остальных продольные лезвия невыпрямленные, зигзагообразные, незавершенные отделкой. Сохранение на продольных краях ряда предметов небольших участков несрезанных ударных площадок придает им «нуклевидный» характер и также свидетельствует о незавершенности обработки таких орудий.

Красноводский полуостров, безусловно, выделяется обилием и богатством памятников каменного века. Палеоэкологическая ситуация в этом приморском районе, по всей видимости, благоприятствовала пребыванию здесь человека на всех этапах палеолита, включая ашель. Напомним в связи с этим, что именно вблизи Кюрянын-кюре были обнаружены остатки датированного средним плейстоценом лесного туркменского слона. Учитывая это можно предположить, что продолжение разведок должно привести к выявлению новых ашельских находок в данном районе.

Ашельские находки в Джанаке (Заузбойский складчатый район) также смешаны с мустьерскими материалами. Джанак, как отмечалось, это обширный пустынный район с сильно расчлененным рельефом. Четвертичный покров здесь либо вовсе отсутствует, либо представлен тонким слоем элювия, а также продуктами пролювиального сноса и золовыми песками (Федорович 1957 б: 319). Материалы каменного века здесь лежат, как правило, на поверхности.

К сожалению, разведки остатков палеолита в Джанаке производились пока только в одном небольшом районе — у западного подножья плосковершинной гряды Бегарсландаг, на дне

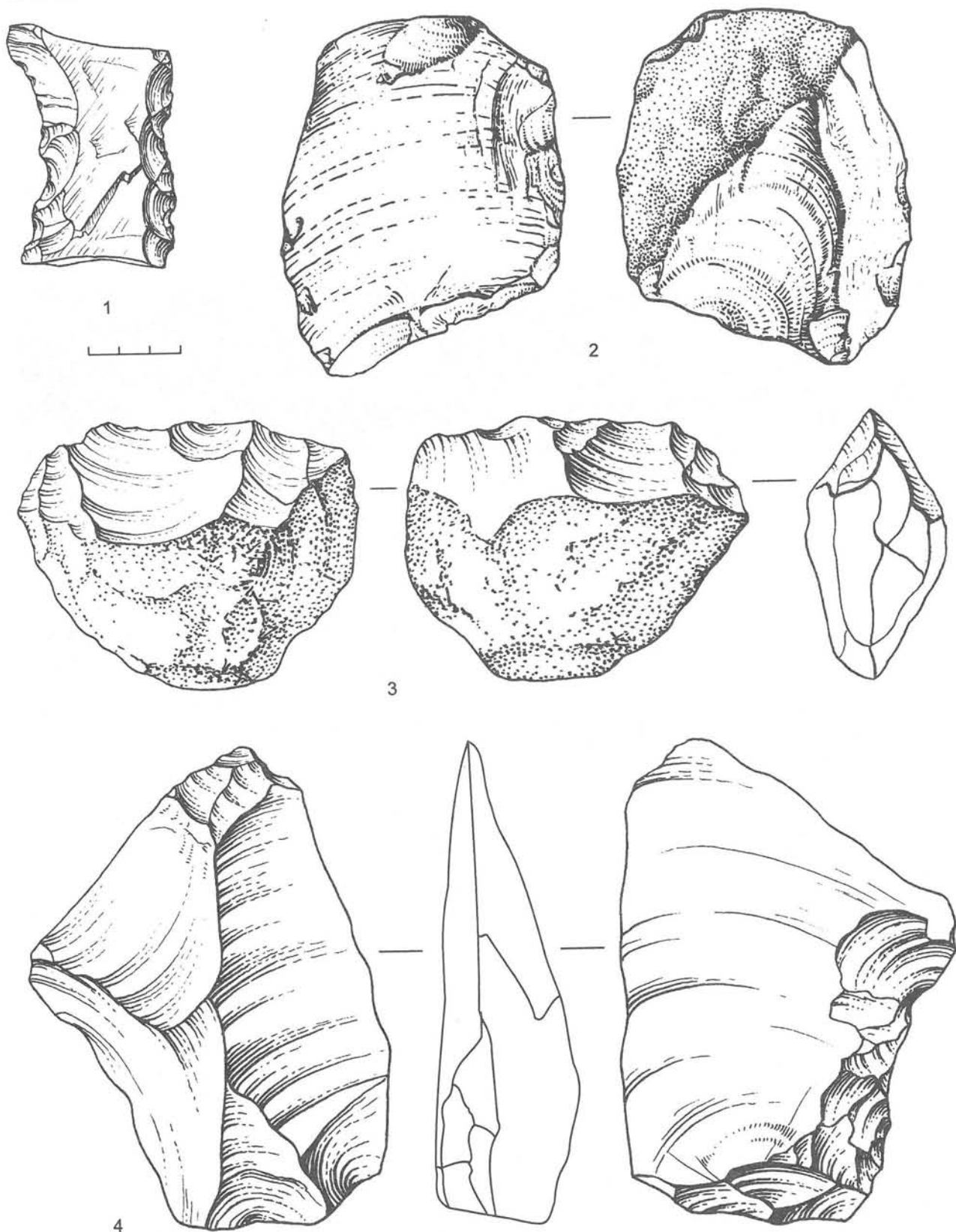

Рис. 4. Каменные орудия из Приатречья: 1 — скребло; 2 — отщеп; 3 — чоппер (долина р. Сумбар); 4 — кливер (долина р. Чендыр).

Fig. 4. Stone tools from the Atrek River basin: 1 — side-scraper; 2 — flake; 3 — chopper (the Sumbar River valley); 4 — cleaver (the Chendyr River valley).

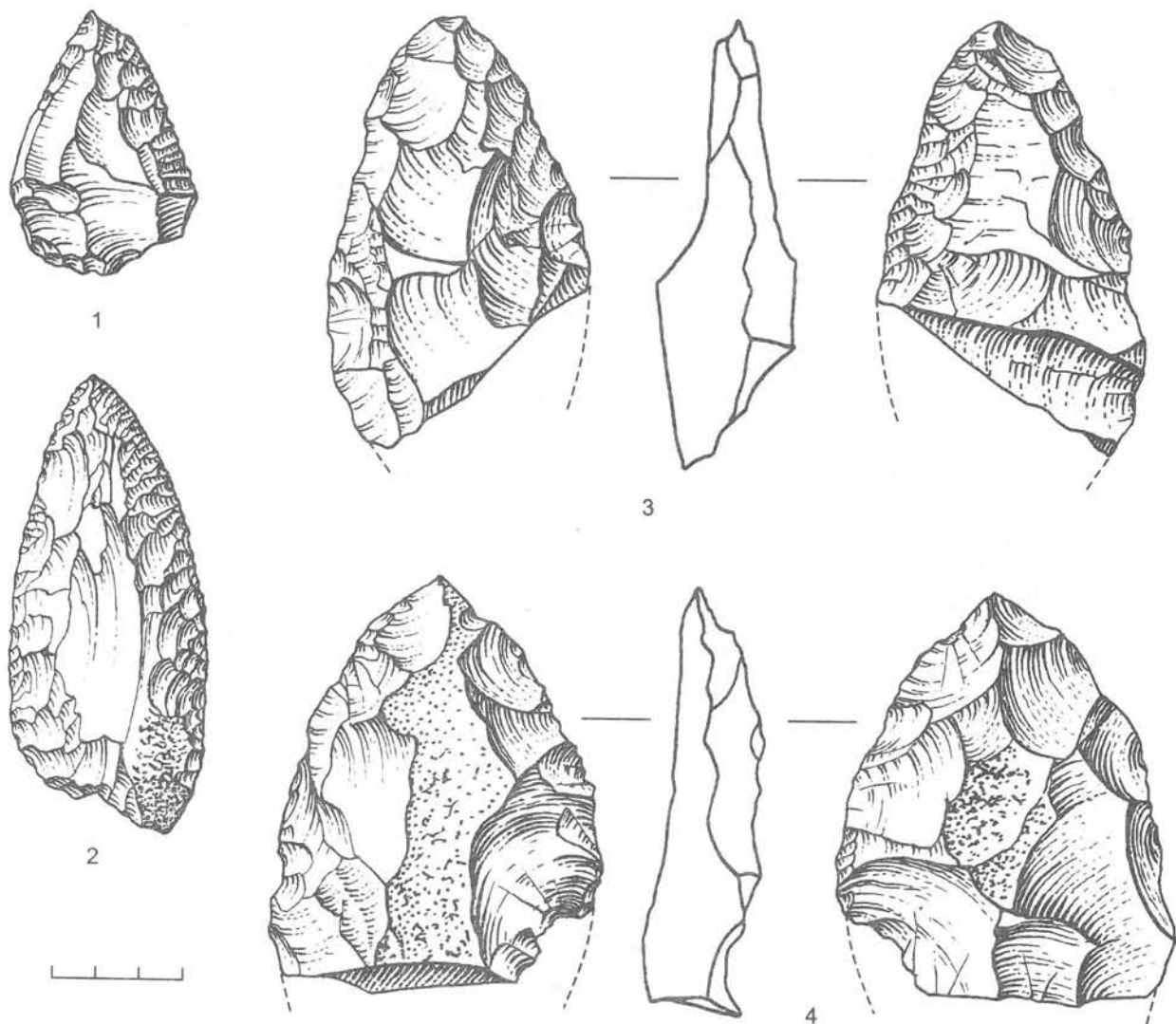

Рис. 5. Каменные орудия с Каспийского полуострова: 1—2 — остроконечники (по: Окладников 1951: рис. 1); 3—4 — фрагменты бифасов (по: Вишняцкий 1989: 11—12).

Fig. 5. Stone tools from the Krasnovodsk peninsula: 1—2 — points (after: Окладников 1951: fig. 1); 3—4 — fragments of bifaces (after: Вишняцкий 1989: 11—12).

длинной рукавообразной впадины, отделяющей первую от гряды Текеджик. Поиски оказались исключительно результативными: на дне впадины были обнаружены обширные россыпи разноцветных кремней, часть которых носила признаки искусственной обработки. В настоящее время здесь зафиксированы 4 палеолитических местонахождения с разновозрастным материалом: Бегарсландаг, Га-Куш, Кызыл-Бурун и Алам-Куль. Большая часть каменных изделий, собранных на этих местонахождениях, отличается чрезвычайно высокой степенью физического и химического выветривания. Первое заключается в трещиноватости и раскалывании камней из-за температурных факторов (морозы, перегрев на солнце, резкие перепады температур), а также в ячеистой выщербленности и заполировке их поверхностей в результате совместного воздействия песка и ветра. Химическое выветривание выражается в разъедании и изменении состава поверхностного слоя. Не-

редко поверх всех этих изъянов лежал еще характерный блеск так называемого «пустынного загара», механизм образования которого пока не раскрыт. Более сильная степень выветривания разного рода присуща, как правило, более архаичным по облику изделиям.

Самые крупные коллекции обработанных кремней доставили местонахождения Кызыл-Бурун и Алам-Куль. Обе коллекции, как отмечалось, содержат большую примесь мустьерских и более поздних изделий: кремневые месторождения и россыпи у подножий Бегарсландага посещались людьми в течение десятков и сотен тысяч лет. Однако ашельский компонент в их составе очевиден и значителен, особенно в Алам-Куле. Основная часть этих изделий выглядит довольно однородной с точки зрения как морфологических характеристик, так и техники их обработки. Архаичность данного комплекса подтверждается довольно примитивной техникой расщепления, низким про-

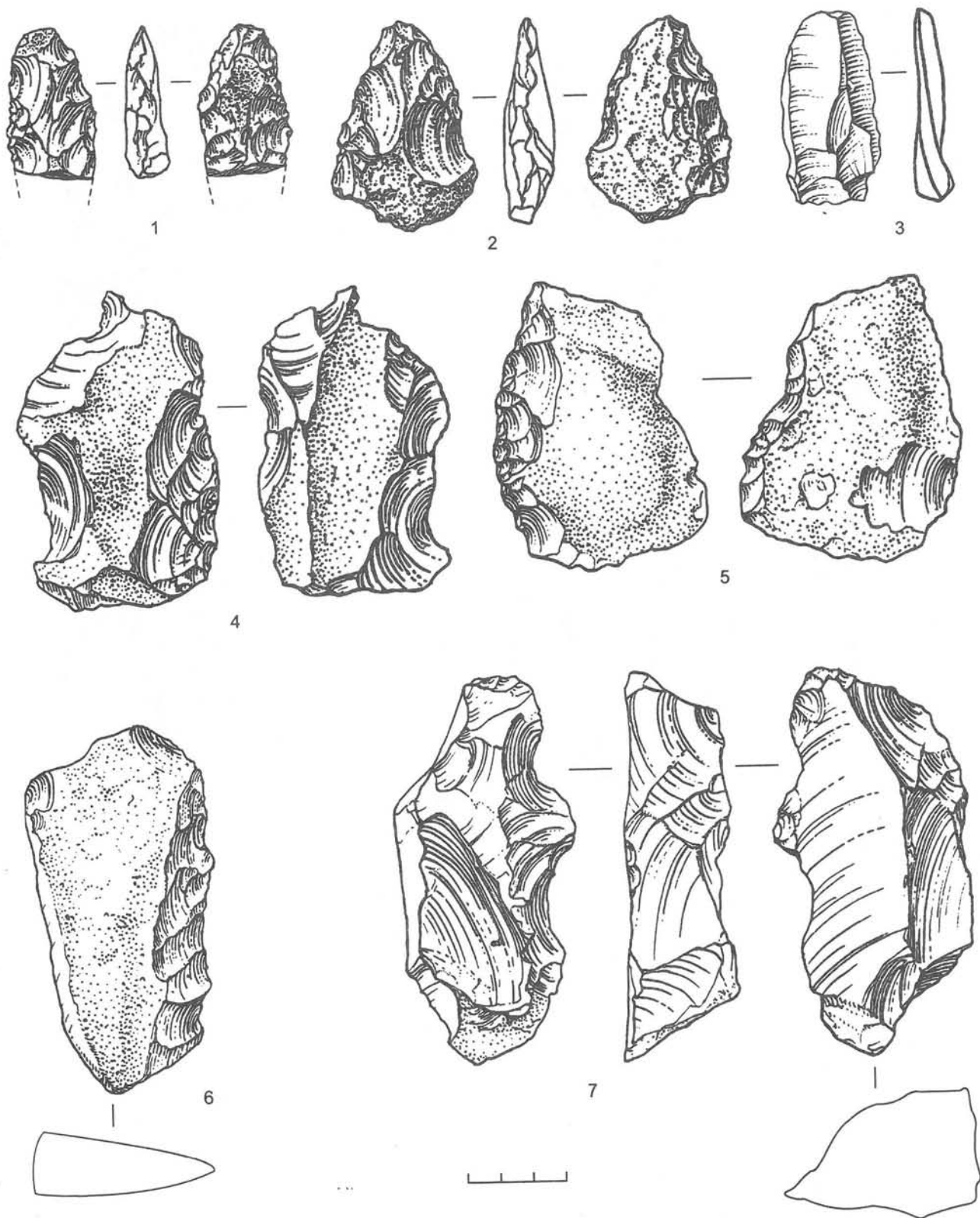

Рис. 6. Каменные орудия из местонахождений Кызыл-Бурун и Алам-Куль (Джанак): 1—2 — бифасиальные формы; 3 — пластина; 4—6 — скребла; 5,7 — зубчатые и клювовидные орудия.

Fig. 6. Stone tools from the occurrences of Kyzyl-Burun and Alam-Kul' (Djanak): 1—2 — bifacial forms; 3 — blade; 4—6 — side-scrapers; 5,7 — denticulates and becs.

центом пластинчатых сколов, ашельским, по существу, набором и обликом скребел (рис. 6: 4, 6), зубчато-клювовидных изделий (рис. 6: 5, 7), отсутствием характерных для мустье остроконечников и орудий верхнепалеолитической группы. Крупные и массивные скребла из сборов на Алам-Куле напоминают таковые из ашельских слоев кавказских пещерных стоянок Кударо, Азых и Цона (Любин 1983а; 1984а, б). Оценка архаичного комплекса находок из этих местонахождений как ашельского подкрепляется находкой туркменским археологом Х. Юсуповым в Заузбойском районе нескольких крупных бифасов, типологически сопоставимых с ашельскими ручными рубилами (Вишняцкий 1996: 28).

Дальнейшие поиски следов палеолита в ныне пустынных впадинах и котловинах Заузбойского района, к которым некогда подступали воды трансгрессировавшего Каспия, чрезвычайно перспективны. Джанак, судя по обильным палеолитическим находкам в подножье Бегарсландага, был одним из основных центров расселения древнейших людей на территории Туркменистана.

2.2. Мустьерские памятники

Следы пребывания мустьерских людей на территории Туркменистана более значительны. Помимо Приатречья, Красноводского полуострова и Джанака, где мустьерские находки встречены в тех же местностях, что и ашельские, они были обнаружены в Центральном Копетдаге, в Бадхызе и на крайнем востоке страны — в Гаурдак-Кугитангском районе. Рассмотрим мустьерские памятники разных районов, подчеркивая, по возможности, их особенности.

Мустьерские находки в Приатречье немногочисленны и, подобно ашельским, встречаются разрозненно в полосе бедлендов. Орудия — единичны, но имеют очень выразительные формы — например, конвергентное скребло и остроконечник с утонченным основанием (Любин 1984: 28—31). Малочисленность находок не позволяет охарактеризовать специфику этих материалов.

Мустьерские местонахождения Красноводского полуострова гораздо более значительны. Благодаря удобным дорогам и обнаружению туркменскими геологами и археологами (А. А. Марущенко) на полуострове еще в довоенные годы обильных следов пребывания людей каменного века, этот район надолго оказался в центре внимания многочисленных палеолитических экспедиций (Окладников 1949; 1952; 1953; 1956 а; 1966; Долуханов 1977; Любин 1984 а; Вишняцкий 1988; 1989; 1996; Вишняцкий, Хамракулиев 1986; Вишняцкий, Любин 1995). Многочисленные скопления находок обнаружены, как отмечалось, на южном склоне Красноводского плато — в местности

Кюрянын-кюре, на участке от родника Каскырбулак на западе до станции Белек на востоке. Собранные здесь материалы огромны. Судя по их морфологии и физическому состоянию поверхности, они относились к различным археологическим эпохам (от ашеля до неолита включительно). Однако часть находок во всех публикациях классифицируется как мустьерская. В составе их отмечены дисковидные нуклеусы, остроконечники (рис. 5: 1, 2), скребла и небольшие двустороннеобработанные рубильца и острия. Единичные экземпляры рубилец встречены в районе Джебела, Турган-дага, Янгаджи и Белека. Около Белека было найдено также острие листовидной формы. К сожалению, все эти материалы, исключая представленные на рисунках два остроконечника и один нуклеус (Окладников 1951, рис. 1 и 6), так и остались неопубликованными. На основании таких скудных данных невозможно судить о локальных особенностях мустье Красноводского полуострова. Рубильца, однако, могут указывать на направления культурных контактов с более северными и западными (Кавказ) регионами, а также с Джанаком.

Мустьерские находки из Джанака опубликованы в гораздо большей мере и охарактеризованы как количественно, так и качественно (Абрамова, Мандельштам 1977; Любин 1983а; 1984а: 36, 41; Вишняцкий 1996: 23—31). Они преобладают в массе разновозрастных кремневых изделий, собранных на местонахождениях этого района, будучи вычлененными также по степени выветренности поверхности и характерным морфологическим признакам. Для мустьерских материалов Джанака, в целом, свойственно изготовление части орудий на отщепках естественного происхождения (морозобойные сколы) и на небольших плитчатых кремневых конкрециях. Наиболее крупные и, как кажется, хронологически более ранние памятники Джанака — Кызыл-Бурун и Алам-Куль — можно рассматривать как остатки разрушенных стоянок — мастерских близ мест выходов сырья: в составе находок здесь, помимо нуклеусов, сколов и орудий, имеется множество неопределимых обломков и осколков кремня. Мустьерские изделия, в отличие от более архаичных, предположительно, ашельских, обладают лучшей сохранностью и более совершенными формами заготовок (нередко пластинчатых (рис. 6: 3)) и орудий. Орудия представлены здесь скреблами, а также зубчато-выемчатыми и клювовидными изделиями. Инвентарь местонахождения Алам-Куль выглядит несколько архаичнее материалов Кызыл-Буруна. В нем меньше пластин, имеются единичные двустороннеобработанные орудия: рубильце (рис. 6: 2) и сломанное листовидное острие (рис. 6: 1), изготовленные на плоских кремневых плитках. Эти изделия явно

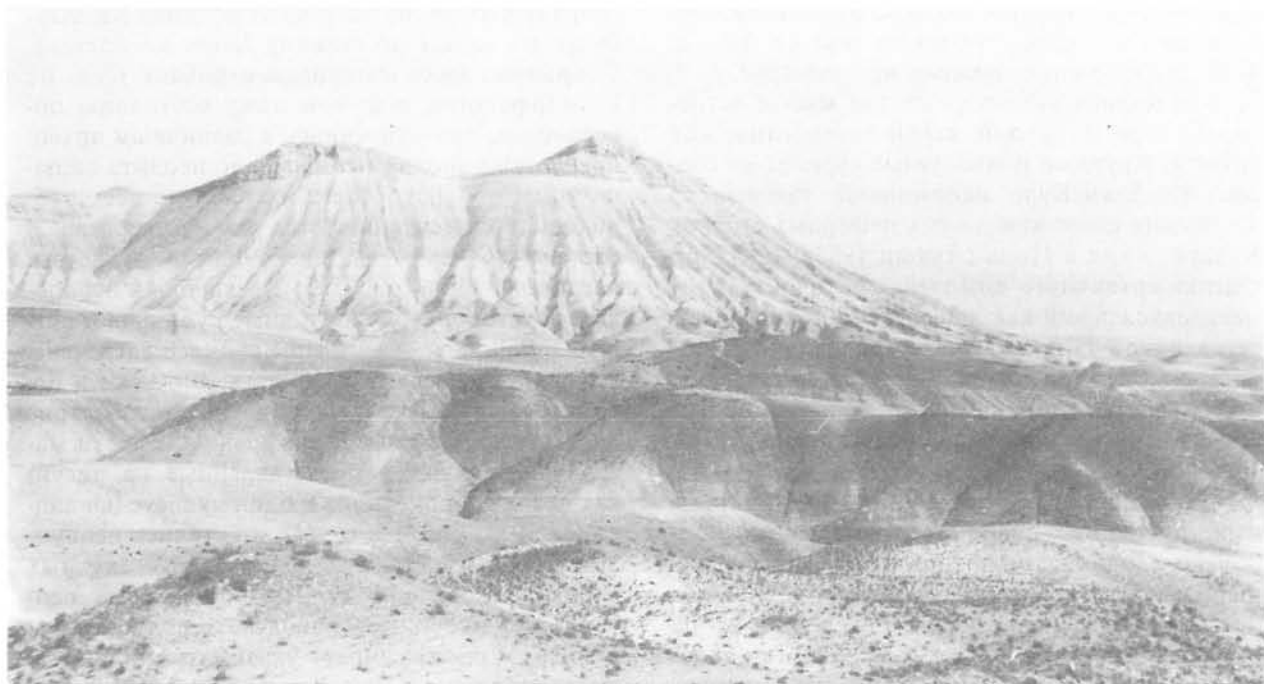

Рис. 7. Бедленды у подножья горы Балахана к югу от г. Гаурдак. Общий вид.

Fig. 7. Bad lands at the foots of the Balakhana mountain south from Gaurdak. General view.

напоминают подобные рубильца и острие, встреченные на Краснодарском полуострове. В то же время, в Джанаке не представлены мустьерские остроконечники, найденные А. П. Окладниковым близ Каскыр-Булака у шоссе Краснодарск-Ашхабад.

Вне западной части Туркменистана небольшие мустьерские местонахождения известны в Центральном Копетдаге, в Бадхызе и в Гаурдак-Кугитангском районе.

Материалы Центрального Копетдага представлены изделиями типа нуклеусов, чопперов, скребел и сколов, собранных на поверхности нескольких террасовых уровней в двух смежных пунктах — близ родника Томчи-су и в долине р. Сакисяб. Могут быть известные сомнения по поводу искусственного происхождения этих предметов, поскольку все они сделаны из «...столь неподходящей породы, как очень мягкая известняковая галька» (Лузгин, Ранов 1966: 90). Такого рода псевдоорудия, образовавшиеся в результате естественного раскалывания и побитости галек, мы встречали во время наших разведок в районе между Ашхабадом и Фирюзой, а также в предгорьях Копетдага близ Кызыл-Арвата. Тем не менее, весьма профессиональное описание геоморфологической позиции находок и самих изделий, определяемых авторами как ашеломустьерские (Лузгин, Ранов 1966: 87—95), не позволяет нам игнорировать эти материалы. Вопрос о их происхождении и атрибуции должен быть,

видимо, прояснен в ходе дальнейших исследований этого района.

Находки в Бадхызе представляют собой небольшой, но более достоверный материал, собранный в ряде пунктов в междуречье рек Теджена и Мургаба вблизи афганской границы. По ряду косвенных палеогеографических показателей район Бадхыза может обладать существенным палеолитическим потенциалом. О значительной обводненности его в плейстоцене свидетельствуют следы древней гидрографической сети и наличие созданных водной эрозией ныне сухих бессточных впадин. Даже в настоящее время район этот относится не к пустынной туркменской зоогеографической провинции, а к ирано-афганской с более богатым животным миром, а растительность в нем является полусаванновый. Следовательно, в более влажные периоды плейстоцена, когда становились пригодными для обитания территории нынешней пустыни, в районе Бадхыза должны были складываться еще более благоприятные условия для жизни человека.

О былом заселении этого района в плейстоцене свидетельствует обнаружение в ходе кратковременных разведок следов пребывания палеолитических людей во многих пунктах: в долине р. Эгри-Гек у впадения ее в Кушку, у родника Даш-Гую и в котловине Гологан, а также на гребнях Аккар, Туранга и Пинхан. Находки в них, как правило, немногочисленны. Так, в каждом из одиннадцати пунктов на-

ходок в районе Пинхана было собрано от 4 до 14 предметов, а в одном случае — на местонахождении Пинхан V — 30. Находки в восточном Бадхызе, по мнению Г. В. Иванова, имеют верхнепалеолитический облик, в западном, горном Бадхызе — мустьерский. Среди мустьерских находок здесь имеются зубчатые, клювовидные, долотовидные и другие орудия (Иванов 1979: 13). Рисунки этих изделий, к сожалению, до сих пор не опубликованы и более подробно охарактеризовать их нельзя.

Восточно-туркменское палеолитическое местонахождение Балахана — последнее из ныне известных — располагается на крайнем юго-востоке страны, в подножье хребта Кугитангтау (юго-западный отрог Гиссарского хребта, входящий в состав горной системы Памиро-Алая). Подгорные равнины заняты здесь оазисными землями, а также полупустынными и пустынными субтропическими ландшафтами (Гвоздецкий, Голубчиков 1987: 198—199). Палеолит в этом районе обнаружен к югу от г. Гаурдак, на участке ныне безжизненных бедлендов, обрамляющих западные склоны гор Большая и Малая Балахана (рис. 7). Находки встречались на поверхности холмов и на их склонах на площади не менее 2 кв. км — разрозненно и в виде четырех довольно четко локализованных скоплений. Скопления и разрозненные находки, судя по степени выветренности изделий и набору орудий, несколько отличаются друг от друга, но мустьерский облик их несомненен. Состав находок, в целом, характерен для мастерских у мест выходов сырья, а в одном скоплении — для кратковременных стоянок. Наиболее характерными орудиями в сборах являются скребла, своеобразные скребки на массивных подпрямоугольных заготовках и клювовидные изделия (рис. 8). Ансамбль этот не имеет аналогий ни в Туркменистане, ни в соседних областях Узбекистана и Таджикистана (Любин, Вишняцкий 1990: 5—15).

2.3. Вопросы расселения и культурных связей палеолитических людей

Картирование известных на сегодня в пределах Туркменистана палеолитических памятников показывает их относительную немногочисленность и приуроченность лишь к некоторым районам. Эта картина отнюдь не отражает характер заселения данной территории в палеолите и объясняется, как уже отмечалось, прежде всего ее слабой изученностью. Значительная часть страны представляет собой в этом отношении «белое пятно» и даже в тех районах, которые дали немало ашельских и мустьерских находок (Приатречье, Красноводское плато, Джанак, Копетдаг, Бадхыз и Гаурдакский р-н), поиски палеолита фактически затронули довольно ограниченные по площади местности. В Джанаке, например, археологи пока лишь час-

точно обследовали небольшой участок, примыкающий к западному подножью гряды Бегарсландаг. Можно с уверенностью предсказать вероятность обнаружения палеолитических находок подобных бегарсландагским и у других гряд и котловин этой ныне пустынной области. Маршруты разведок палеолита непременно должны охватить также пески Чильмамедкум, Карашор, Учтаган, Сундукли и — по возможности — Каракумы. Очень перспективными представляются самые южные районы страны — Приатречье, Копетдаг и Бадхыз, где можно ожидать наиболее древних для Туркменистана и, быть может, даже сенсационных находок. Весьма обнадеживает в этом отношении находка в непосредственной близости от Бадхыза, в долине реки Кафирниган (Иран), каменных орудий доашельского облика, возраст которых, судя по их геологической приуроченности и особенностям самих изделий, может достигать 0,8—1,0 млн. л. н. (Ariai, Thibault 1975—1976—1977: 101—108).

На сегодня же, как было показано в предыдущих разделах, на территории Туркменистана зафиксированы лишь следы пребывания ашельских (вероятнее всего, позднеашельских) людей в нескольких пунктах на западе страны, а также более значительные остатки материальной культуры мустьерского населения — практически во всех районах, где проводились специальные поиски памятников палеолита. Пока, однако, затруднительно дать общую характеристику мустье Туркменистана и, тем более, судить об особенностях отдельных комплексов, поскольку находки в Приатречье и в Копетдаге слишком немногочисленны, материалы с Красноводского полуострова — «большие» и как будто широко известные — фактически представлены в публикациях лишь рисунками четырех изделий, а находки в Бадхызе не опубликованы вовсе. Достаточно представительны для более подробного анализа только материалы Джанака (местонахождения Бегарсландага) и Гаурдакского района. Местное своеобразие первых заключается в преобладании в инвентаре массивных скребел, зубчатых и клювовидных орудий и в наличии здесь двустороннеобработанных рубилец и острий (рис. 6), своеобразие вторых — в присутствии небольшой серии оригинальных скребковидных орудий подчетыреугольных очертаний (рис. 8). Любопытно, что и тут, и там отсутствуют мустьерские ретушированные остроконечники, которые, в то же время, встречены на Красноводском полуострове (два из четырех опубликованных изделий — рис. 5: 1, 2). С другой стороны, на Красноводском полуострове обнаружены рубильца и острие такие же, как в Джанаке, что, возможно, указывает на определенные связи между этими соседними областями.

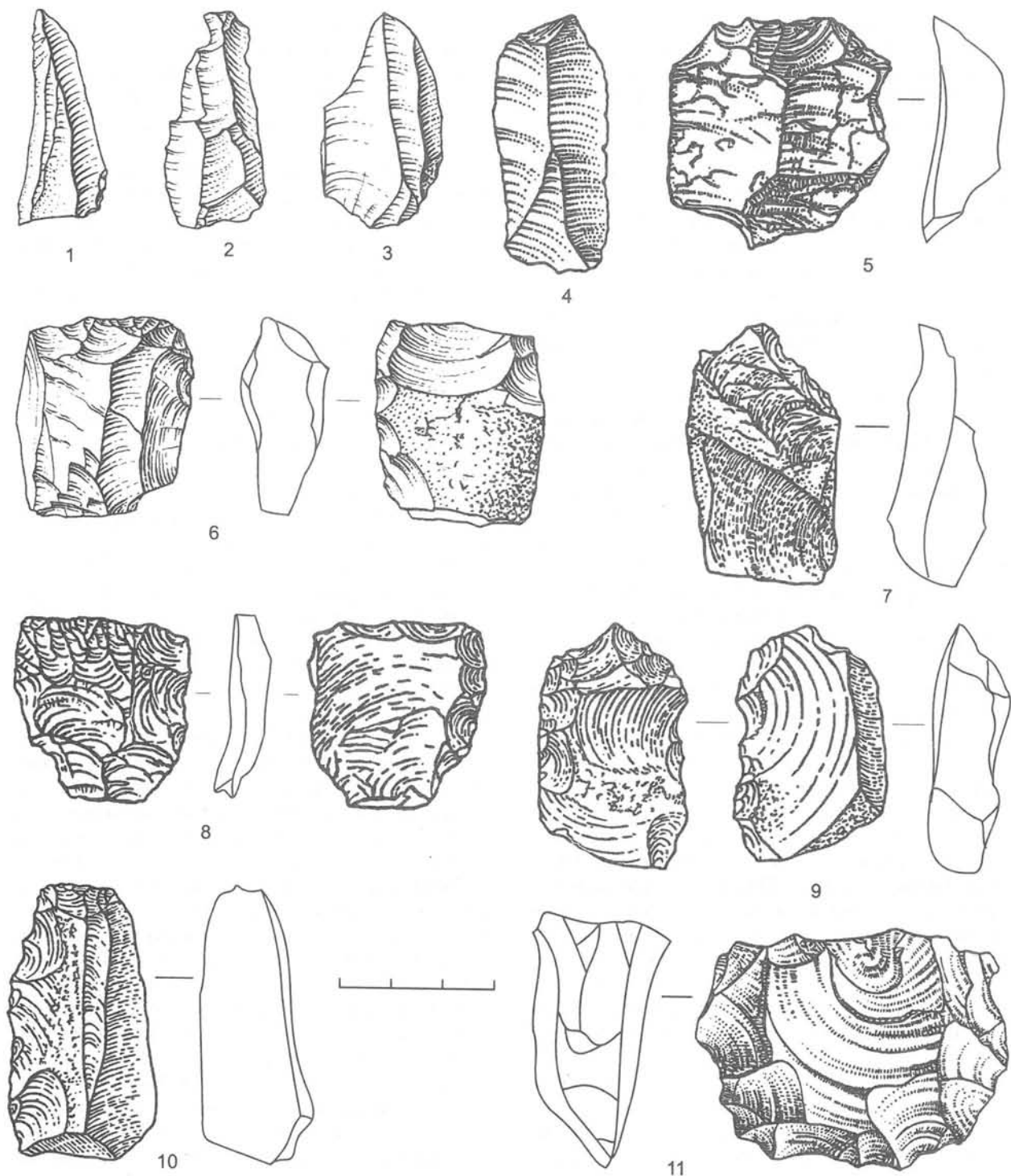

Рис. 8. Каменные орудия из местонахождения Балахана: 1—4 — пластинчатые сколы; 5 — скребло; 6, 8 — скребки на подпрямоугольных заготовках; 7, 9 — клювовидные изделия; 10 — массивный концевой скребок; 11 — нуклеус.

Fig. 8. Stone tools from the Balakhana occurrence: 1—4 — bladey flakes; 5 — side-scraper; 6, 8 — end-scrapers on the sub-quadrangular blanks; 7, 9 — bec-like tools; 10 — massive end-scraper; 11 — core.

Рассмотрение вопросов о ближних и дальних культурных связях, об истоках и путях первоначального и последующих этапов заселения страны палеолитическим человеком на современном уровне знаний не менее затруднительно. Тем не менее, представляется допустимым предположение о вероятности ближневосточно-кавказских и, возможно, даже евро-

пейских истоков и связей ашельских и мустьерских каменных индустрий Туркменистана. Как известно, в приафриканском регионе Азии (Левант, Анатолия, Кавказ) широко распространены ашельские каменные индустрии с бифасами (ручными рубилами), а в южноукраинско-северокавказском регионе — мустьерские индустрии с небольшими бифасами или ру-

бильцами как предполагается среднеевропейского происхождения. Поскольку сегодня нет оснований полагать, что вероятные верхнеашельские бифасы с Краснодарского полуострова и найденные там, а также в Джанаке мустьерские рубильца являются результатом автохтонного развития местных палеолитических культур, то распространение здесь бифасных традиций можно связывать с сопредельными регионами. Подобные индустрии могли проникать оттуда на территорию Туркменистана в обход Каспийского моря — в периоды крупных регрессий (предбакинской, послехазарской и послехвалынской), когда осушалась его северная часть и устанавливалось прямое сухопутное сообщение Северного Кавказа с Ман-

гышлаком. Именно таким путем миграции носителей индустрий с бифасами могли распространяться на восток — в Казахстан и на юг — в туркменское Прикаспье.

Другое направление распространения подобных традиций — из более южных регионов — на сегодня представляется маловероятным, поскольку на территории Ирана и в большей части Ирака находки ашельских рубил единичны или отсутствуют, а находки мустьерских рубилец вообще неизвестны (Любин 1983а; 1984б; Вишняцкий, Любин 1995: 45). В то же время, нельзя вовсе исключать миграции в этом направлении — даже учитывая более ранние, доашельские находки очень архаичных изделий на р. Кафирниган близ Бадхыза.

- Абрамова, З. А., А. М. Мандельштам. 1977. Бегарсланд — новый памятник каменного века в районе Узбоя // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода 47: 111—115. Москва: Наука.
- Бабаев, А. Г. 1963. Пустыня Кара-кум. Ашхабад.
- Бажанов, В. С., Н. Н. Костенко. 1962. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР.
- Батыров, Б. Х. 1989. Фаунистические комплексы антропогена Узбекистана // Четвертичный период. Палеонтология и археология. К XIII Международному геологическому конгрессу (Вашингтон, 1989): 5—8. Кишинев: Штиинца.
- Белова, Л. А. 1998. Пути развития Прибалхана в постхвалынского время // Культурные ценности. Международный ежегодник — 1996: 24—35. Санкт-Петербург.
- Васильев, Ю. М. 1977. Плиоциальные и аридные эпохи плейстоцена в области Каспия и их отношение к материковым оледенениям // Геология четвертичного периода (плейстоцен). К X Конгрессу INQUA, Бирмингем, 1977. Ереван: Издательство АН Армянской ССР.
1982. Последнее оледенение. Аридные климаты и каспийские трансгрессии // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене: 132—134. Москва: Наука.
- Виноградов, А. В. 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции XIII. Москва.
- Виноградов, А. В., М. А. Итина, А. С. Кесь, Э. Д. Мамедов. 1974. Палеогеографическая обусловленность расселения древнего человека в пустынях Средней Азии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: 290—295. Москва: Издательство АН СССР.
- Виноградов, А. В., Э. Д. Мамедов. 1969. Кызылнура I — первый мустьерский памятник в Кызылумах // Советская археология 1: 84—97.
1975. Первобытный Лявлякан. Москва.
- Вишняцкий, Л. Б. 1988. Палеолитические рубила в Туркмении // Памятники Туркменистана 1.
1989. Палеолит Краснодарского полуострова // Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук 3. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР.
1990. О возрасте палеолита северо-западной Туркмении // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
1996. Палеолит Средней Азии и Казахстана. Санкт-Петербург: Европейский дом.
- Вишняцкий, Л. Б., В. П. Любин. 1995. Палеолит Туркмении: древнейшие индустрии и проблема первоначального заселения // Археологический альманах 4. Донецк.
- Вишняцкий, Л. Б., С. Хамракулиев. 1986. Мастерские каменного века в районе Янгаджи // Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук 1. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР.
- Гвоздецкий, Н. А., Ю. Н. Голубчиков. 1987. Горы. Москва: Мысль.
- Деревянко, А. П., В. Т. Петрин, А. Г. Рыбалко. 1998. Основные параметры раннепалеолитической микроиндустрии в травертинах на территории Южного Казахстана по материалам памятника Кошкурган I // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Материалы международного симпозиума 2: 244—245. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
- Долуханов, П. М. 1977. Работы палеогеографического отдела в Западной Туркмении // Археологические открытия 1976: 549—550. Москва: Наука.
- Дуброво, И. А. 1955. Новые данные о строении и распространении древнего слона (*Hesperoloxodon*) // Доклады АН СССР 101/4: 759—762.
- Иванов, Г. В. 1979. Археологические памятники Бадхыза // Памятники Туркменистана 1: 13.
- Калыев, Г. И. 1957. Копетдаг // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 556—558. Москва: Госгеотехиздат.
- Каплин, П. А., О. К. Леонтьев, Г. И. Рычагов, О. Б. Парунич, А. А. Свиточ, А. И. Шлюков. 1977. Хронология и палеогеография плейстоцена Понто-Каспия (по данным абсолютного датирования) // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР: 33—42. Москва: Наука.
- Кесь, А. С. 1957. К вопросу о верхнечетвертичной истории системы Аму-Дарья — Сарыкамыш — Арал // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода XIII: 188—200. Москва: Издательство АН СССР.
- Кесь, А. С., Л. Б. Неводинова. 1957. Озерные низменные равнины // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 706—707. Москва: Госгеотехиздат.
- Коробкова, Г. Ф. 1989. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. Мезолит СССР: 149—173. Москва: Наука.
- Лузин, Б. К., В. А. Ранов. 1966. О первых находках палеолита в Центральном Копетдаге // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода 47: 87—95. Москва: Наука.
- Луппов, Н. П. 1957. История геологического развития. Четвертичный период // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 588—591. Москва: Госгеотехиздат.
- Любин, В. П. 1983. Открытие раннего палеолита в Приатречье и в Джанаке // Памятники Туркменистана 1: 23—24. Ашхабад.
- 1983а. Проблема первоначального заселения Средней Азии // Советская археология в XI пятилетке. Тезисы докладов: 8—11. Москва.
1984. Палеолит Туркмении // Советская археология 1: 26—45.
- 1984а. Первоначальное заселение Средней Азии // Природа 1: 90—93.

1985. К истории древнейшего человечества на территории СССР (первые люди на Кавказе и в Средней Азии) // Культурное наследие Востока: 338—346. Ленинград: Наука.
- Любин, В. П., Л. Б. Вишняцкий. 1990. Открытие палеолита в Восточной Туркмении // Советская археология 4: 5—15.
- Мальгина, Е. А. 1961. Результаты спорово-пыльцевого анализа четвертичных и верхнеплиоценовых отложений из Прибалханского района Западной Туркмении // Материалы Совещания по изучению четвертичного периода I: 296—303. Москва: Наука.
1964. Палеогеографические условия Западной Туркмении в начале четвертичного времени. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. Москва.
1966. Об интерпретации результатов спорово-пыльцевого анализа четвертичных отложений Средней Азии // Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики: 256—262. Москва: Наука.
- Мамедов, Э. 1981. Палеозоология человека каменного века в пустынях Средней Азии // Культура и искусство древнего Хорезма: 81—87. Москва.
- Марков, Г. Г. 1966. Грот Дам-Дам-чешме в восточном Прикаспии // Советская археология 2: 104—123.
1981. Памятники первобытности в восточном Прикаспии. Грот Дам-Дам-чешме I // Вестник МГУ, серия 8 «История»: 51. Москва: Издательство Московского государственного университета.
- Мирошниченко, В. П. 1957. Гаурдак-Кугитангский район // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 565—566. Москва: Госгеотехиздат.
- Мурзаев, Э. М. 1957. Физико-географическое описание и экономическая характеристика // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 39—46. Москва: Госгеотехиздат.
- Никишич, И. И. 1932. Бассейн рек Сумбара и Чендыра // Геологические исследования в Кара-калином районе Туркменской ССР в 1925 г. Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения 74: 5—24. Москва-Ленинград.
- Окладников, А. П. 1949. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // Краткие Сообщения Института истории материальной культуры 28.
1951. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции II. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР.
1953. Изучение памятников каменного века в Туркмении // Известия АН Туркменской ССР 2. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР.
1956. Древнейшее прошлое Туркменистана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР I. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР.
- 1956а. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции VII. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР.
1966. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы: 11—75. Москва-Ленинград: Наука.
- Рычагов, Г. И. 1977. Плейстоценовая история Каспийского моря. Автореф. дисс. докт. географ. наук. Москва.
- Федоров, П. В. 1957. Морские четвертичные отложения // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 308—317. Москва: Госгеотехиздат.
- Федорович, Б. А. 1948. Лик пустыни. Москва.
1957. Геоморфология равнинных областей // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 538—551. Москва: Госгеотехиздат.
- 1957а. Континентальные четвертичные отложения равнинных областей // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 315—330. Москва: Госгеотехиздат.
- Худобина, Е. А. 1957. Бадхыз // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 371. Москва: Госгеотехиздат.
- Ямнов, А. А. 1957. Континентальные четвертичные отложения и некоторые вопросы истории геологического развития Каракумов в четвертичное время // Геология СССР XXII. Туркменская ССР: 346—349. Москва: Госгеотехиздат.
- Ariai, A., C. Thibault. 1975—1976—1977. Nouvelles précisions à propos de l'outillage paléolithique ancien sur galets du Khorassan // Paléorient 3: 101—108. Paris: CNRS.

TURKMENISTAN IN THE PALAEOLITHIC EPOCH

V. P. LIUBINE

1. Natural conditions and the initial human dispersal

A history of the Palaeolithic population of Turkmenistan was proceeding in close relation to complex modifications of the natural background resulting in dramatic changes of the ecological conditions. The principal environmental shifts are as follows: alternating of humid and arid periods; substantial transgressions and regressions of the Caspian Sea; fundamental changes of the drainage network; formation of the aeolian relief in the Kara-Kum desert; development of glaciers in the highest mountains (Great Balkhan, Kopetdag, Kugitangtau); considerable floral and faunal changes (Луппов 1957: 588—591).

1.1. Geographic characters of the Turkmenistan territory of at present

Turkmenistan is the flattest country in Central Asia. Midhigh mountain ranges (Kopetdag, Great and Small Balkhans, Kugitangtau) and elevations (the Krasnovodsk Plateau, Djanak, Badhыз, Karabil') extend only in its very southern and western parts (fig. 1). Physiographic characters of the country result from the extreme continental climate with deficiency of moisture and very hot summers. The uninhabited Kara-Kum desert occupies around 80% of the territory. The rest areas are mostly desertified too and only in flood plains there are the tugai forests. Additionally, relic small woods occur in the Atrek and Chendyr river valleys and the semisavanna vegetation is spread in the foothills of the Paropamis. The present fauna of desert is dominated by rodents and reptiles, but includes also some ungulates and

predators. In the southern regions there are met representatives of the faunas characteristic for neighboring areas of India, Iran and Afganistan.

1.2. *Environments of Turkmenistan in the Pleistocene*

During the Pleistocene period the environments of Turkmenistan were undergoing significant changes related primarily to histories of the Caspian Sea and the Amu Darya River. A history of the Caspian Sea is that of repeated transgressions and regressions (Рычагов 1977; Каплин и др. 1978).

The Apsheron transgression took place in the span of 1.8—0.8 Myr BP;

the Baku transgression — 500—400 Kyr BP (not earlier than 690 Kyr BP);

the Early Khazar transgression — 300—250 Kyr BP;

the Late Khazar transgression — 200—90 Kyr BP;

the Early Khvalyn transgression — 60 (maximum stage) — 42 (late stage) Kyr BP;

the Late Khvalyn transgression — 18.5—12 Kyr BP.

In the transgression periods the Caspian Sea covered low lands in the western part of Turkmenistan (fig. 2). The regressions, in turn, led to drying up of a considerable area of the sea shelf. Hence, the shoal northern part of the Caspian Sea repeatedly became a land.

During a more part of the Pleistocene Pre-Amu Darya was running across the Lower (Central) Kara-Kum not to the Aral Sea as at present but to the Caspian Sea. The width of its ancient valley reached 100—200 km. The former basin of the river was much more spacious than the present one and included such large streams as Tedjen, Murgab, Zeravshan and some others. Wandering over its wide valley the Amu Darya deposited masses of alluvium on the plain of the South Kara-Kum. In the beginning of the Chvalyn period the pre-Amu Darya sharply turned off to the north, i.e. to the Aral Sea. When continuing to wander in a new area the river formed there three large deltas. They are as follows: the Akchadarya delta, the Sarykamysch delta and the Aral one (fig. 2). After the Amu Darya turning to the north both the Tedjen and Murgab rivers stopped being its tributaries.

1.3. *Natural resources of the Pleistocene Turkmenistan*

Data on the Pleistocene fauna and flora of Turkmenistan are very scarce.

Paleozoological evidence is represented by isolated find of fossils of an ancient elephant (*Palaeoloxodon Turkmenicus Dubrovo*) that is considered to be the forest inhabitant. The deficiency of faunal evidence in Turkmenia, however, is made up with finds of faunal remains in neighboring plains of Uzbekistan and Kazakhstan. The Early Palaeolithic site of Koshkurgan in

Kazakhstan, in particular, yielded the Middle Pleistocene faunal complex where the mentioned forest elephant of Turkmenia was associated with *Dicerorhinus mercki*, *Bison schoetensacki*, *Equus mosbachensis* etc. (Бажанов, Костенко 1962; Дервянко и др. 1998).

Palaeobotanical data result from a spore-pollen analysis of Pleistocene sediment sequences not far from the Great Balkhan range and in the western part of the Central Kara-Kum. In the first district alternating horizons with pollen spectra of «forest» or «steppe» types have been revealed. In the second case in the top levels of the Kara-Kum there was predominance of arboreal pollen (Мальгина 1961, 1964, 1966).

As regards to raw materials for manufacturing stone tools, various suitable rocks (chert, cherty limestone, schist, quartzite etc.) are met almost everywhere in the country. Additionally, in the Badhyz district and the Krasnovodsk peninsula there are volcanic rocks appropriate for tool production too.

1.4. *Palaeogeographic aspects of the Palaeolithic human occupation of the country*

Mostly flat and open landscape of the country as well as latitude extension of the pre-Amu Darya valley and possible terrestrial communications with the North Caucasus suggest a high probability of that the initial occupation of the country by early humans started at least during the Middle Pleistocene.

This assumption seems to be confirmed by finding of three locations with archaic artifacts assigned to the Acheulian. It is noteworthy that Paleolithic materials were found in almost every place where special search for this has been carried out. The finds were met even in the uninhabited today localities of the Krasnovodsk peninsula and Badhyz, in the zone of bad lands in the river valleys of Sumbar (fig. 3) and Chendyr as well as at the foot of the Kugitangtau mountains (fig. 7) and on the surface of salt and sandy deserts of the Djanak district. This suggests that distribution of the water and food resources in the Pleistocene Turkmenistan differed from the present situation. The aforementioned floral and faunal evidence indicate that in humid periods related to the sea transgressions the desert might be partly replaced by savanna and even parkland savanna. Hence, in some periods the Pleistocene environments of Turkmenistan appeared to be sufficiently favorable for wide spreading of early humans in different parts of the country.

2. *Palaeolithic sites in the territory of Turkmenistan*

2.1. *Acheulian finds*

Archaic artifacts attributed to the Acheulian have been found in three districts of the country. They are as follows: the western Kopetdag (bad lands in the river valleys of Sumbar and Chendyr (fig.3), in the south of the Krasnovodsk peninsula

and in Djanak. In the first place the surface finds are believed to be came from the Pleistocene gravel beds covered the Upper Pliocene deposits. The most characteristic forms are represented by chopper, cleaver, side-scrapers and flakes (fig. 4: 1—4) (Любин 1983а; 1984). In the second occurrence with abundant materials of different archaeological epochs there was met a small concentration of bifacial tools made of chert. Of these tools four bifaces resemble almost entirely fashioned Acheulian hand-axes (Вишняцкий 1989) (fig. 5: 3—4). Finally, a considerable number of artifacts defined as Acheulian ones (side-scrapers, notched tools, becs: fig. 6: 4—7) was separated from mixed materials of two occurrences located in Djanak (Alam-Kul' and Kyzyl-Burun).

2.2. Mousterian records

Traces of Mousterian people in the territory of Turkmenistan are more frequent. Besides three aforesaid occurrences including both Acheulian and Mousterian finds, the latter were met in the Central Kopetdag, in Badhyz and in the Kugitang-Gaurdak district near the western border of the country. The most characteristic Mousterian artifacts have been collected from the occurrences located in the Krasnovodsk peninsula (cores, flakes, points (fig. 5: 1,2), small hand-axes, foliate point), in the Djanak district (side-scrapers, becs, notches and denticulates, small hand-axes and foliate point — fig. 6: 1,2) and at the foots of the Kugitangtay mountains (cores, flakes, blades, side-scrapers, massive end-scrapers and becs — fig. 8).

3. Questions of the settlement pattern and cultural relations of the Palaeolithic population of Turkmenistan

Palaeolithic finds in the territory of Turkmenistan are hardly numerous and located only in certain districts of the country. Nevertheless, this distribution of the Paleolithic records appears to reflect rather the absence of systematic survey of most districts where there are good prospects for finding Paleolithic records. In spite of scarcity of faunal and palynological data they suggest that periodically the Pleistocene environments favored to wide dispersal of early humans in the country. To judge by relatively rare finds, the Acheulian occupation starting probably in the Middle Pleistocene was hardly intensive. Mousterian materials were discovered in all the studied districts and this permits to assume a wider spreading of the Mousterian inhabitants in the country including the present desert areas.

To date there are no reasons to believe that both the Acheulian bifaces from the Krasnovodsk peninsula and the small Mousterian hand-axes from the same location and from Djanak resulted of development of some local traditions. It is more probable that the industries with bifaces expanded to Turkmenistan from the Caucasus where the Acheulian bifacial traditions were spreading from the older stage of the Middle Pleistocene. So, bearers of the bifacial industries might reach the territory of Turkmenistan when moving to the east round the Caspian Sea. These movements happened rather in periods of significant regressions when there was existed a direct terrestrial communication between the North Caucasus and the Mangyshlak peninsula. The same route might be also used by the biface-makers for farther migrations to the east — to Kazakhstan, Tuva and Mongolia.

ОПИСАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОРУДИЙ ИЗ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ

А. Е. МАТЮХИН¹

Мастерские, наряду со стоянками и охотничьими лагерями, относятся к числу основных типов памятников каменного века. Следует признать, что в инвентаре этих памятников обычно присутствует много грубых невыразительных орудий, что вызывает определенные трудности в изучении и прежде всего выявлении их природы наименований и интерпретации. Довольно часто изделия, обнаруженные на мастерских, в первую очередь подъемные материалы затруднительны для определения археологического возраста и функционального типа памятника, что приводит в отдельных случаях не только к приблизительным оценкам, но даже большим неточностям и ошибкам. Одной из важных задач археологии каменного века, наряду с другими, является разработка методологии анализа каменных орудий, происходящих из памятников разного типа, в том числе мастерских (Матюхин 1995: 13—27; 1998: 25—38).

В данной статье мы опираемся главным образом на мустьерские и позднепалеолитические мастерские по изготовлению листовидных и треугольных двусторонних острий, расположенные в долине Северского Донца, на территории Ростовской области. Среди мустьерских памятников назовем мастерские по изготовлению кварцитовых листовидных острий Калитвенка 1 (участок 2) и Калитвенка 1а (Матюхин 1987: 83—88; 1996: 11—12). Более многочисленны позднепалеолитические мастерские по изготовлению кремневых листовидных и треугольных острий — Бирючья балка 1, 1а, 1в, 2 (Матюхин 1994: 25—37; Matioukhine 1998а: 466—487; 1998в: 67—116).

Мы придерживаемся того мнения, что изучение каменных орудий не только из мастерских, но и стоянок должно быть четко связано с двумя основными стадиями: описанием и эмпирической интерпретацией (Матюхин 1977: 2; 1995: 14—16; 1998: 25—26). Только таким образом ориентированное исследование может привести к выяснению информации, заложенной в каменных изделиях и в первую очередь культурной, технологической и функциональной. В последние годы такой подход получил определенное распространение (Cahen et Carlin

1980: 24—27; Cahen 1985: 39—51; Cook 1980: 218—225; Texier 1980: 44—46; Djindjian 1991: 75; 1993: 32). Особый интерес представляют работы, авторы которых проводят целенаправленное исследование индустрий отдельных памятников (смотри, например Cahen, Keeley, van Noten 1979: 661—672; Geneste et Plisson 1990: 293—320; Peretro et al. 1998: 343—465).

Комплексный подход к изучению первобытных предметов ставит самые разные вопросы. К их числу следует относить характер соотношения типологического, технологического и функционального методов, возможности каждого из них, взаимосвязь уровней описания и интерпретации, конкретные процедуры анализа, терминология и др. (Матюхин 2000: 157—159). Эти вопросы будут рассмотрены в предлагаемой статье. Все орудия были исследованы с типолого-морфологической, технологической и функциональной точек зрения. Формальная типология, как известно, решает вопросы регистрации, классификации, описания формы и размеров изделий, выделения морфологических, то есть формальных типов. Это необходимо как для базового наименования предметов, их элементарного упорядочения, так и других целей, а именно — сопоставления индустрий друг с другом, определения типологического (общекультурного) статуса, археологического возраста, эволюции орудий и т.п. Оно очень важно для дальнейшего, более направленного исследования культурных, технологических и функциональных аспектов каменных орудий. Формальная типология в палеолитоведении традиционно оперирует преимущественно тип-листами (смотри Sonneville-Bordes et Perrot 1954: 327—325; 1955: 79; 1956: 408—412, 547—559; Laplace 1964). В целях удобства число выделяемых типов должно быть ограничено. Они отражают устойчивые и характерные совокупности признаков. Совершенно неоправданно делать классификацию излишне дробной, выделяя при этом большое количество типов в пределах какой-то одной категории. По нашему мнению, Ф. Борд (Bordes 1967: 34; 1984: 431) лишь отчасти прав, считая, что классификационные типы должны быть адекватны представлениям самих древ-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

них людей. Несомненно, что многие типы имеют сугубо классификационное значение. Типолог на данной стадии исследования не должен задаваться вопросом относительно динамики формы, текучести типов, их реального содержания. И не следует упрекать в этом формальную типологию (Debénath, Dibble 1994: 5).

Классификации другого рода строятся с учетом комплекса признаков, касаясь, например, деталей формы, особенностей исходных заготовок, размеров и т. п. (Sackett 1966: 356—394; Movius et al. 1868: 1—58; Roe 1968: 1—82; Tyllesley et al. 1985: 19—30). Кроме этого используются самые различные приемы и методы математического анализа изделий или, по другому, «рациональной археологии» (Djindjian 1991: 334). Формализованные методы применяются не только к орудиям позднего (Djindjian 1986: 89—106), но также раннего и среднего палеолита (Binford R. and Binford S. 1966: 238—295; Barral et Simone 1977: 5—92; Monnier, Etienne 1978: 302—313). Не отрицая ни в коей мере важность использования математических приемов для анализа палеолитических предметов, следует все же заметить, что никакая, даже самая утонченная формализация не сможет заменить качественный подход.

Важной составной частью формально-необходимого описания, кроме тип-листов и других процедур, является, собственно описание предметов: общей формы, ее деталей, размеров и т.п. Именно такое описание обычно и проводится всеми исследователями (смотри, например: Любин 1977). Однако чрезмерно подробное описание может стать неуместным и бесцельным. Всякого рода описание должно быть достаточным, необходимым и целесообразным. Другой вид описания — это целевое описание, то есть более направленное, углубленное, аналитическое. Оно сводится к фиксации тех признаков, которые могут быть связаны с культурой, технологией, функцией, сырьем. На описание определенных морфологических признаков с целью выяснения некоторых технологических моментов обращал внимание еще А. Брейль (Breuil 1954: 9—10). Направленное скрупулезное изучение формы изделий и в том числе обычных отщепов приводит к описанию некоторых важных их технологических особенностей (Airivaux 1983—1984: 1—24; Carbonell et al. 1983—1984: 22—31). В основе всякого описания лежат морфологические и метрические критерии и никакие другие, например, функциональные (Kozłowski 1982: 182—186). Нужно избегать терминов, имеющих объяснительный характер, например, «незаконченные орудия», «пробные орудия», «заготовки», «режущие», «рубящие», «скребущие» и т. д., поскольку они не соответствуют логике начального уровня исследования. Тер-

мины должны быть адекватными, то есть формальными. Оправданно использование таких общих понятий как «типичные», «атипичные», «специфические», «комбинированные», «грубые», «разные» и др. Следует принять суждение тех типологов, которые полагают, что функциональные обозначения — это дань традиции и они не имеют прямого смысла (Bordes 1984: 430; Demars et Laurent 1992: I6). Речь идет всего лишь о формальных терминах, ярлыках. Типологическая классификация, традиционно используя функциональные термины, на деле не касается реальных функций орудий (Bordes 1967: 26). Она самостоятельна и имеет иные цели и задачи. Не следует обвинять формальную типологию в том, к чему она объективно не имеет отношения (Jelinek 1988: 204). Другими словами, не нужно смешивать классификацию, формальное описание и интерпретацию. Динамичность, неустойчивость формы палеолитических орудий, о которой справедливо пишут многие авторы (Dibble 1984: 431—436; Audouze 1985: 55—68), вовсе не означает замену формальной стадии на стадию функциональной интерпретации.

Несмотря на свою морфологическую и, следовательно, типовую специфику, изделиям из мастерских на стадии первичного описания присваиваются формальные, условные наименования, что и орудиям из стоянок. Для целей избранного нами исследования тип-листы более уместны и удобны, чем другие виды группировки изделий. Мы используем тип-листы Ф. Борда, но с некоторыми дополнениями и исправлениями. В инвентаре мастерских встречается немало изделий, которые не вызывают каких-либо затруднений в их обозначении. Это, например, двусторонние наконечники (рис. 1; 7: 1), скребла (рис. 2: 1—2; 3: 8; 6: 7), скребки (рис. 2: 3—4), бифасы (рис. 2: 5—6; 3: 4—7; 5: 4, 7; 7: 4—5), колуны (рис. 3: 1). Однако наряду с ними встречены сложные для наименования типы орудий, к числу которых можно относить атипичные макроорудия (рис. 2: 7; 6: 6), атипичные орудия (нередко мелкие) с двусторонней обработкой (рис. 3: 3; 4: 4, 6), нуклеидные орудия (рис. 4: 5; 7: 3), различные типы сложных скребел, в том числе скребла с утонченным основанием (рис. 3: 2; 4: 2; 6: 2), скребла с уплощенным корпусом (рис. 4: 3), атипичные частично двусторонние остроконечники (рис. 5: 6), отщепы с уплощенным корпусом (рис. 6: 3), отщепы с базальным утончением (рис. 4: 1; 6: 1), листовидные орудия с желобчатыми усеченными концами (рис. 7: 2) и др. Таким образом, здесь много атипичных и специфических орудий.

Переходя к следующей исследовательской стадии, а именно интерпретации, отметим, что ее, как и реконструкцию, в контексте настоящей работы мы понимаем как эмпирическую

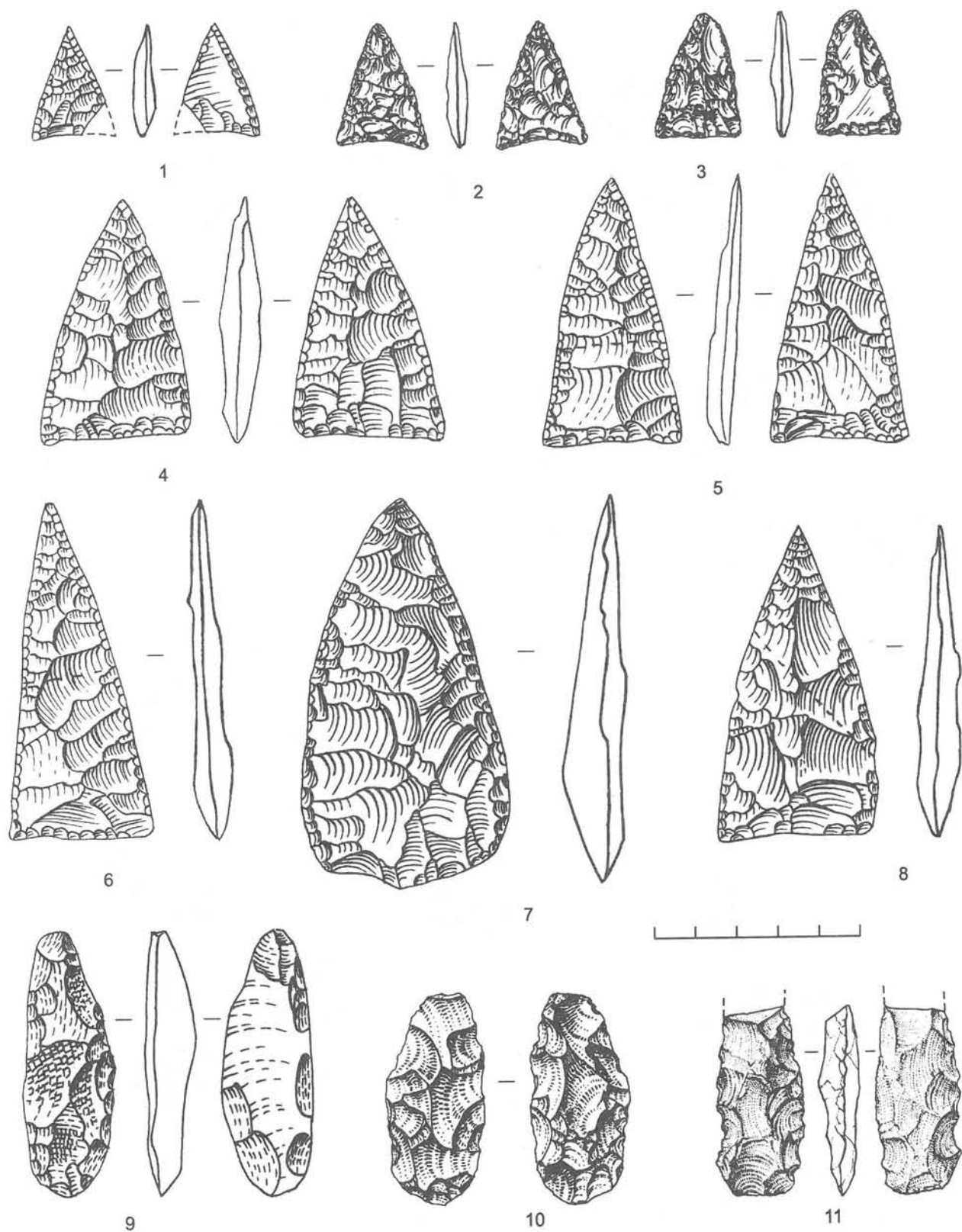

Рис. 1 Кремневые треугольные остря из Бирючьей балки 2 (1—8), кварцитовые листовидные остря из Калитвенки 1а (9—10) и Калитвенки 1 (11).

Fig. 1 Flint triangular points from Biryuchya Balka 2 (1—8), quartzite foliate points from Kalitvenka 1a (9—10) and Kalitvenka 1 (11).

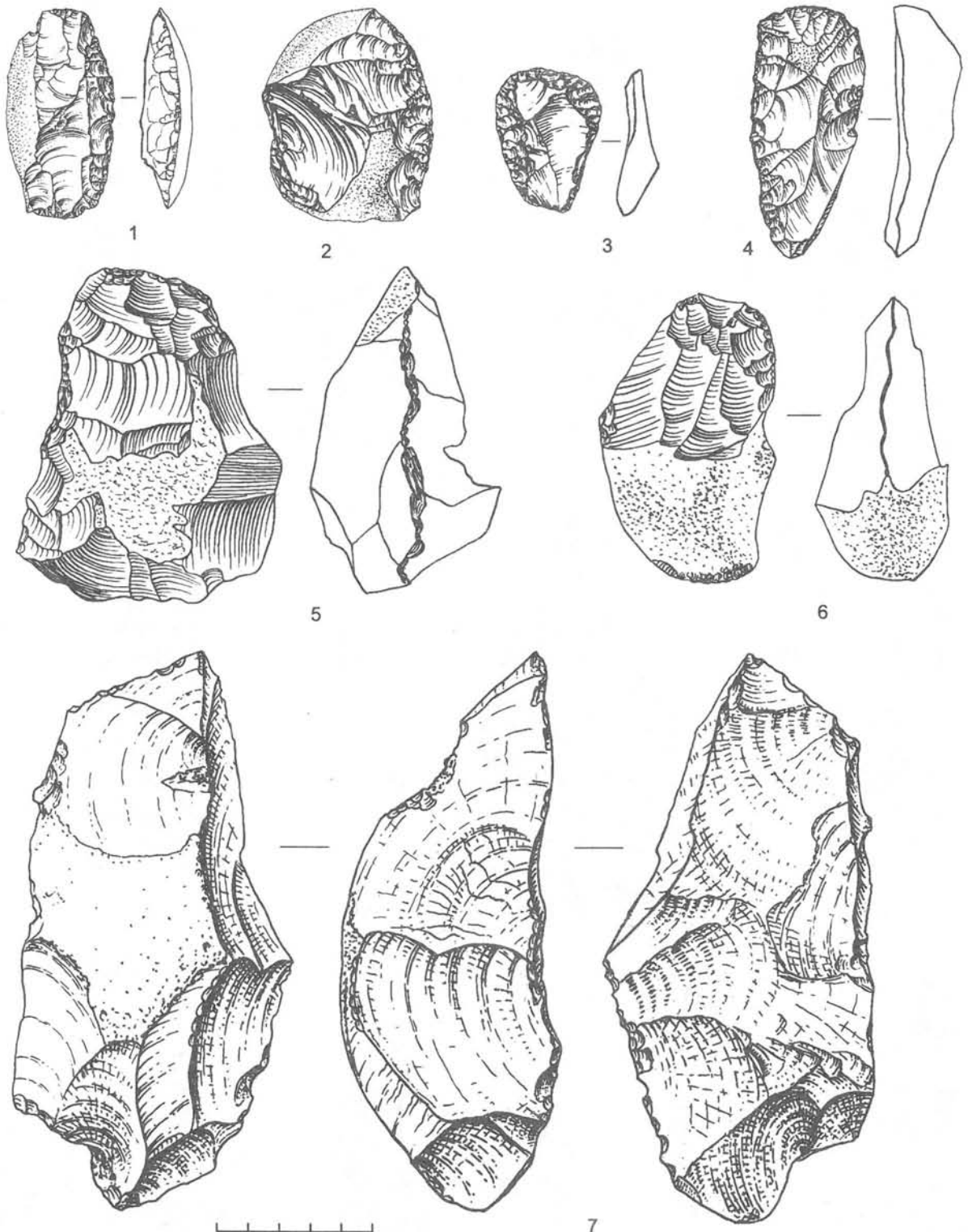

Рис. 2 Кремневые орудия из Бирючьей балки 2 (1—6) и кварцитовые орудия из Калитвенки 1 (7). 1—2 — скребла; 3—4 — скрепки; 5—8 — бифасы; 7 — атипичное макроорудие.

Fig. 2 Flint tools from Biryuchya Balka 2 (1—6) and quartzite tools from Kalitvenka 1 (7). 1—2 — side-scrapers; 3—4 — end-scrapers; 5—8 — bifaces; 7 — atypical macro-tool.

процедуру (Матюхин 1975: 19; 1998: 25, 27). Удобными также представляются термины «простая» (Гарден 1983: 137—154) или «археологическая» (Массон 1990: 13—14) интерпретация. Об эмпирической природе начального этапа интерпретации пишут и некоторые зару-

бежные исследователи (смотри Клейн 1997: 228). Следовательно, речь не идет о теоретической, то есть исторической интерпретации, как ее, собственно, понимают в большинстве случаев (Массон 1990; Клейн 1995: 178—180; 1997: 227—230). Эмпирическая интерпрета-

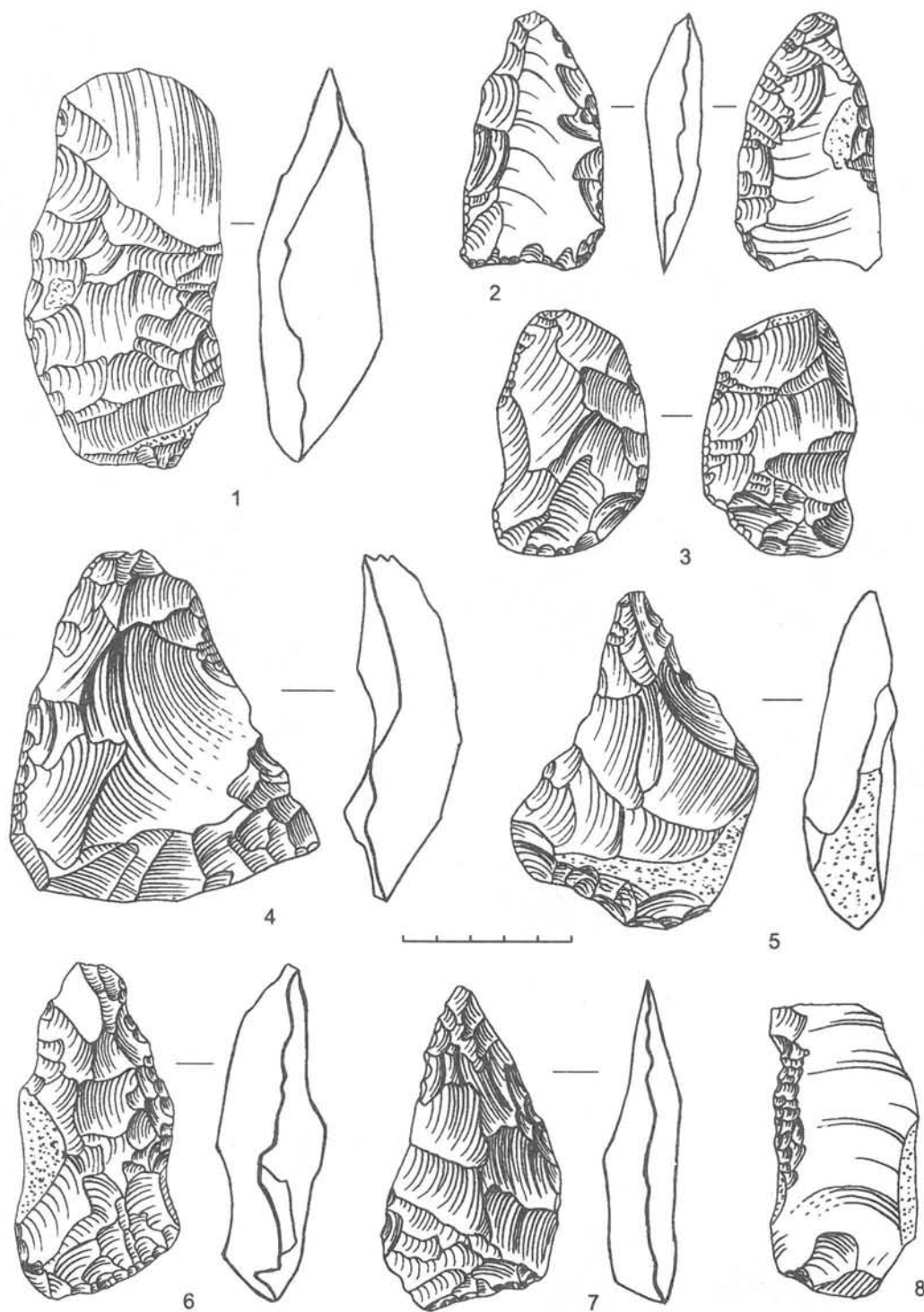

Рис. 3 Кремневые орудия из Бирючьей балки 2. 1 — колун; 2, 8 — скребла; 3 — мелкое атипичное орудие с двусторонней обработкой; 4—7 — бифасы.

Fig. 3 Flint tools from Biryuchya Balka 2. 1 — cleaver; 2, 8 — side-scrapers; 3 — a small atypical tool worked bifacially; 4—7 — bifaces.

ция — это сложная и строгая в логическом отношении операция, и она непосредственно основывается на результатах различных археологических методов и данных других наук. Станным кажется стремление отдельных авторов (Буровский 1995: 220—224) связать интерпретацию с обыденным знанием, «бытовыми аксиомами».

На стадии эмпирической интерпретации с учетом формально-необходимого и целевого описания, функционального и морфолого-технологического анализа, а также данных эксперимента, ремонтажа, петрографии и механики раскалывания камня у изделий выясняется в общих чертах, иногда предположительно, природа имеющихся признаков и таким же обра-

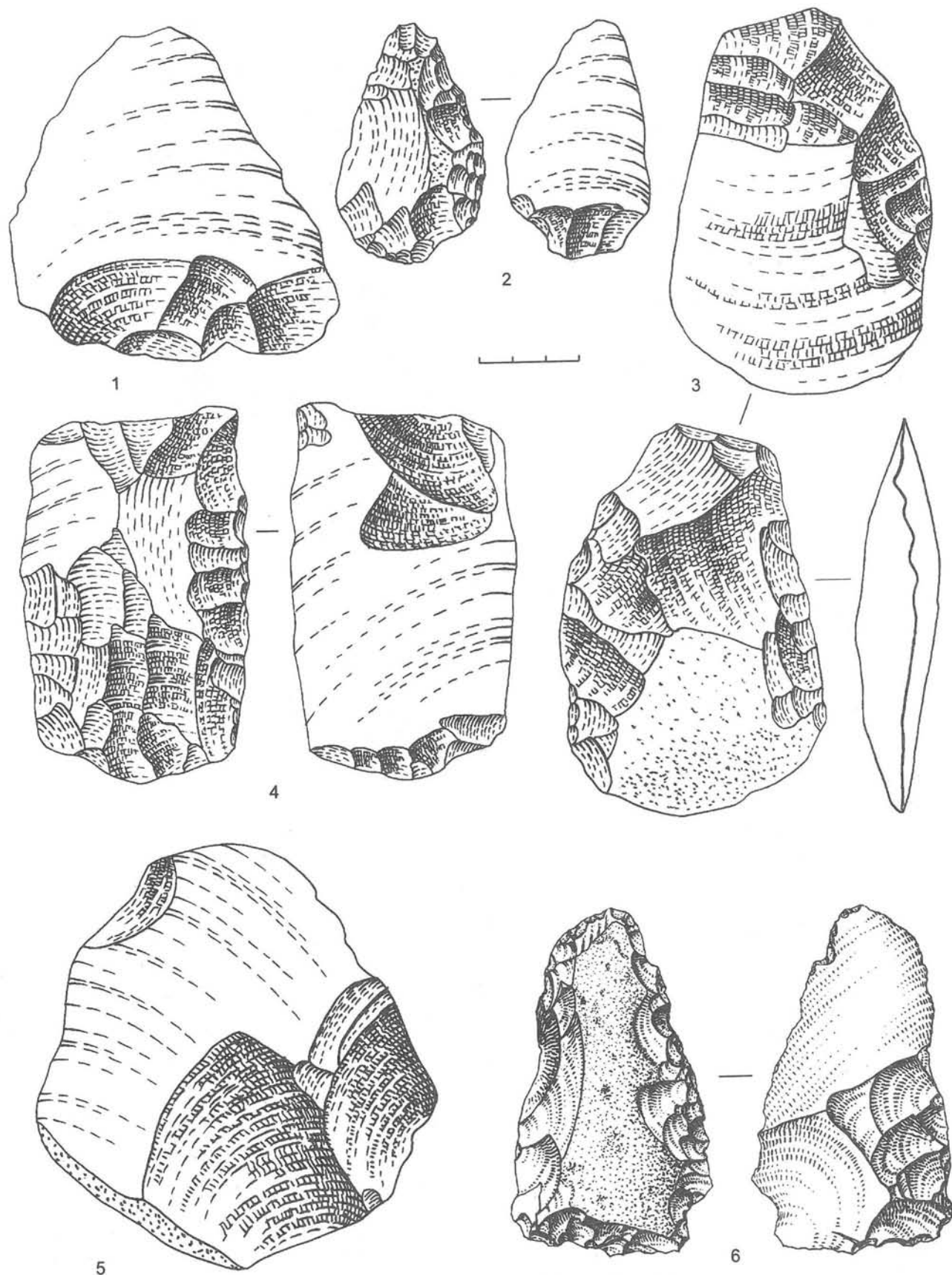

Рис. 4 Кварцитовые орудия из Калитвенки I (1, 3—6) и Калитвенки Ia (2). 1 — отщеп с базальным утончением; 2—3 — скребла; 4, 6 — атипичные орудия с двусторонней обработкой; 5 — нуклеидное орудие.

Fig. 4 Quartzite tools from Kalitvenka I (1, 3—6) and Kalitvenka Ia (2). 1 — flake with a basal thinning; 2—3 — side-scrapers; 4, 6 — atypical tools bifacially worked; 5 — core-shaped tool.

зом обозначаются основные группы признаков: культурные, технологические и функциональные. Выявление признаков первой группы вообще затруднительно и в значительной мере носит гипотетический характер. Довольно часто многие орудия, особенно раннего и среднего палеолита, содержат или минимальную культурную информацию, или вообще ее не содержат. Основная часть информации связана с функцией, технологией или сырьем. Под культурными признаками мы подразумеваем те, которые имеют отношение к этно-социальным традициям, а не элементарным целевым установкам в изготовлении и использовании орудий, а также привычкам, опыту, навыкам, индивидуальному стилю и т.п. Кроме толкования признаков осуществляется выяснение содержания изделий. Другими словами, что на деле означают те или иные формальные типы? Все ли эти орудия использовались в работе? О чем свидетельствует грубый облик предметов? Среди археологических методов наибольшими интерпретационными возможностями обладают технологический и функциональный методы. На стадии интерпретации используются в первую очередь такие термины как модель орудия, технологически значимые орудия, функционально значимые орудия, законченные (готовые), незаконченные, профильные, неполучившиеся, пробные орудия, заготовки (преформы), эталонные формы и др. Исключительно важное методологическое значение имеет учет функционального типа изучаемых памятников.

Функциональное исследование каменных орудий проводилось нами на основе направленного морфологического анализа, а также изучения их под бинокулярным микроскопом. Учитывались макроследы и микропризнаки износа. Установлено, что некоторые грубые по облику орудия, в частности, чоппинги и бифасы аббевильского и ашельского облика (рис. 2: 5—6) использовались для рубки кости и рога (изготовление отбойников для обработки двусторонних наконечников) и других целей. На некоторых кварцитовых атипичных макрорудиях из мустьерских мастерских выявлены следы копания песка (рис. 2: 7). Готовыми, функционально значимыми орудиями являются также некоторые выразительные скребла и скребки, обнаруженные на памятниках позднего палеолита (рис. 2: 1—4).

Однако в коллекциях мустьерских и позднепалеолитических мастерских выделено много различных грубых в типологическом отношении орудий без следов использования. Это, к примеру, некоторые атипичные макрорудия, бифасы, нуклевидные орудия, сложные скребла, двойные и бифасиальные скребла, некрупные атипичные орудия с двусторонней обработкой. Обратим также внимание на отщепы с уплощенным корпусом, отщепы с утончен-

ным основанием, грубые боковые и двойные скребла, крупные выемчатые и зубчатые формы, отщепы с ретушью (рис. 3: 1, 3—8; 4; 5; 6). Особенно показательна позднепалеолитическая мастерская Бирючья балка 1а (горизонты 2, 3а, 3), где обнаружены грубые и менее грубые двусторонние орудия без следов использования, редко — готовые листовидные острия. Здесь отсутствуют нуклеусы, а также типичные орудия на отщепах (рис. 7). Есть все основания считать, что практически все орудия, а в равной мере отщепы, пластины, осколки и чешуйки имеют отношение к процессу изготовления двух профильных типов — листовидных острий и листовидных орудий с желобчатыми усеченными концами (рис. 7: 1—2).

Структурными элементами технологического подхода являются данные типолого-морфологического анализа, экспериментов, ремонта, петрографии, теории раскалывания камня, планиграфии и этноархеологии (Матюхин 1999: 12). Исключительно важны различного рода реконструкции технологических процессов. Они проводятся на основе данных экспериментов и типолого-морфологического анализа. Отметим, что в инвентаре всех мустьерских и особенно позднепалеолитических мастерских присутствует очень много начальных, промежуточных и конечных стадийальных форм, что облегчает задачу реконструкций. Судя по всему, мустьерские мастерские Калитвенка 1 (участок 2) и Калитвенка 1а являются мастерскими по изготовлению заготовок листовидных острий и в меньшей мере готовых орудий подобного рода. В определенной степени это относится к позднепалеолитическим мастерским Бирючья балка 1а и 1в. На Бирючьей балке 2 обнаружено, наоборот, много готовых, типичных треугольных острий (рис. 1: 1—8).

В ходе реконструкций большое значение приобретают такие понятия как редукционная последовательность, редукционные ряды, полная схема технологического процесса, типолого-технологические контексты, стадийальные формы и т. д. Нельзя не заметить, что многими авторами понятие редукционная последовательность (*chaîne opératoire*) истолковывается упрощенно, являясь всего лишь эффектной модной конструкцией. В действительности, речь идет о сложном приеме типолого-технологического анализа. Реконструкция операционной стадийальной последовательности всякого технологического процесса обработки осуществляется с помощью редукционных (типолого-технологических) рядов (рис. 8). Их составление возможно только после проведения углубленного типолого-морфологического и функционального анализа. Использование лишь первого подхода делает такие реконструкции весьма гипотетичными. Конечно, даже в случае проведения функционального

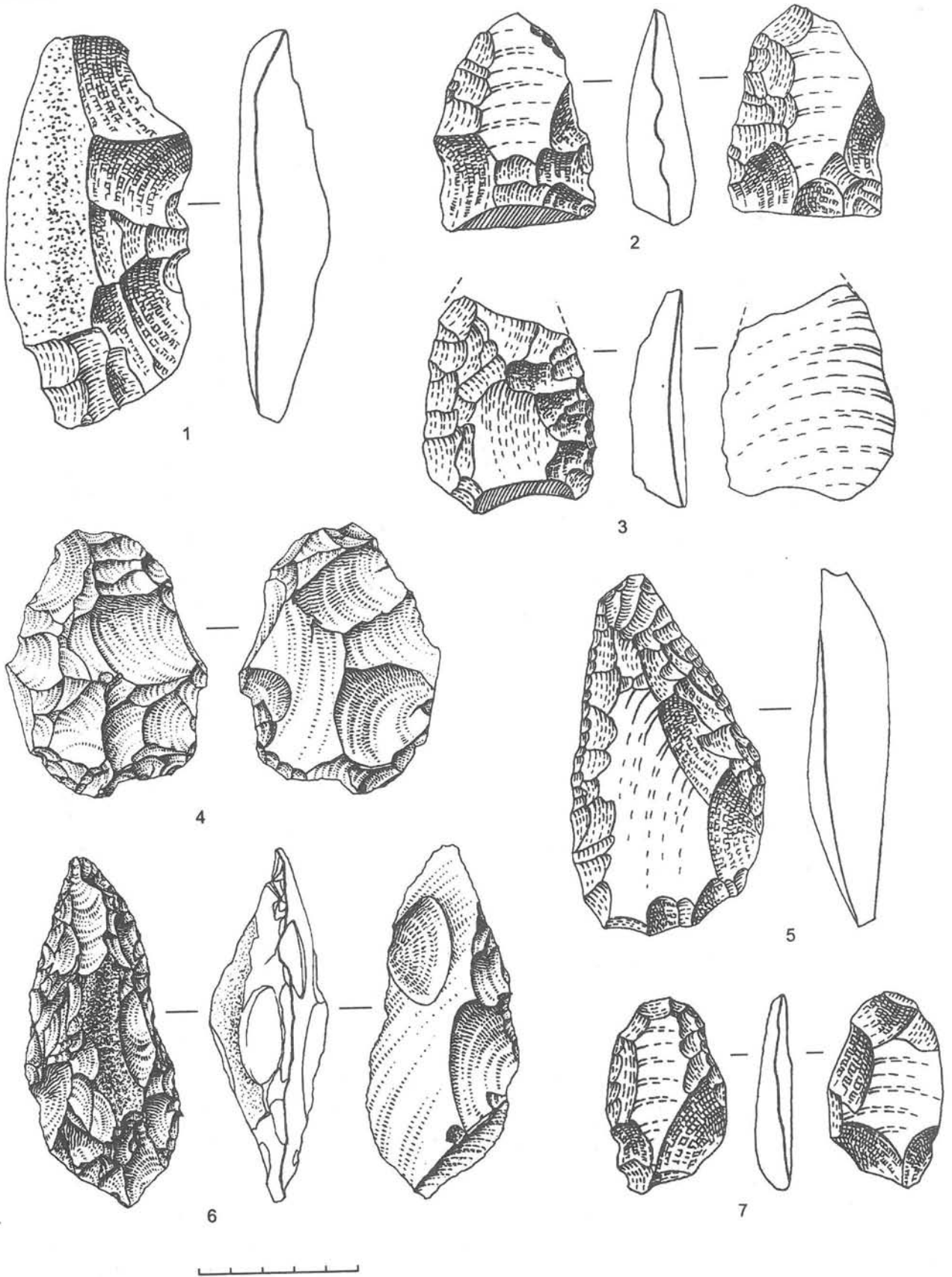

Рис. 5 Кварцитовые орудия из Калитвенки I (1, 5) и Калитвенки Ia (2—4, 6—7). 1 — зубчатое орудие; 2, 4, 7 — бифасы; 3, 5 — скребла; 6 — остроконечник.

Fig. 5 Quartzite tools from Kalitvenka I (1, 5) and Kalitvenka Ia (2—4, 6—7). 1 — denticulate tool; 2, 4, 7 — bifaces; 3, 5 — side-scrapers; 6 — point.

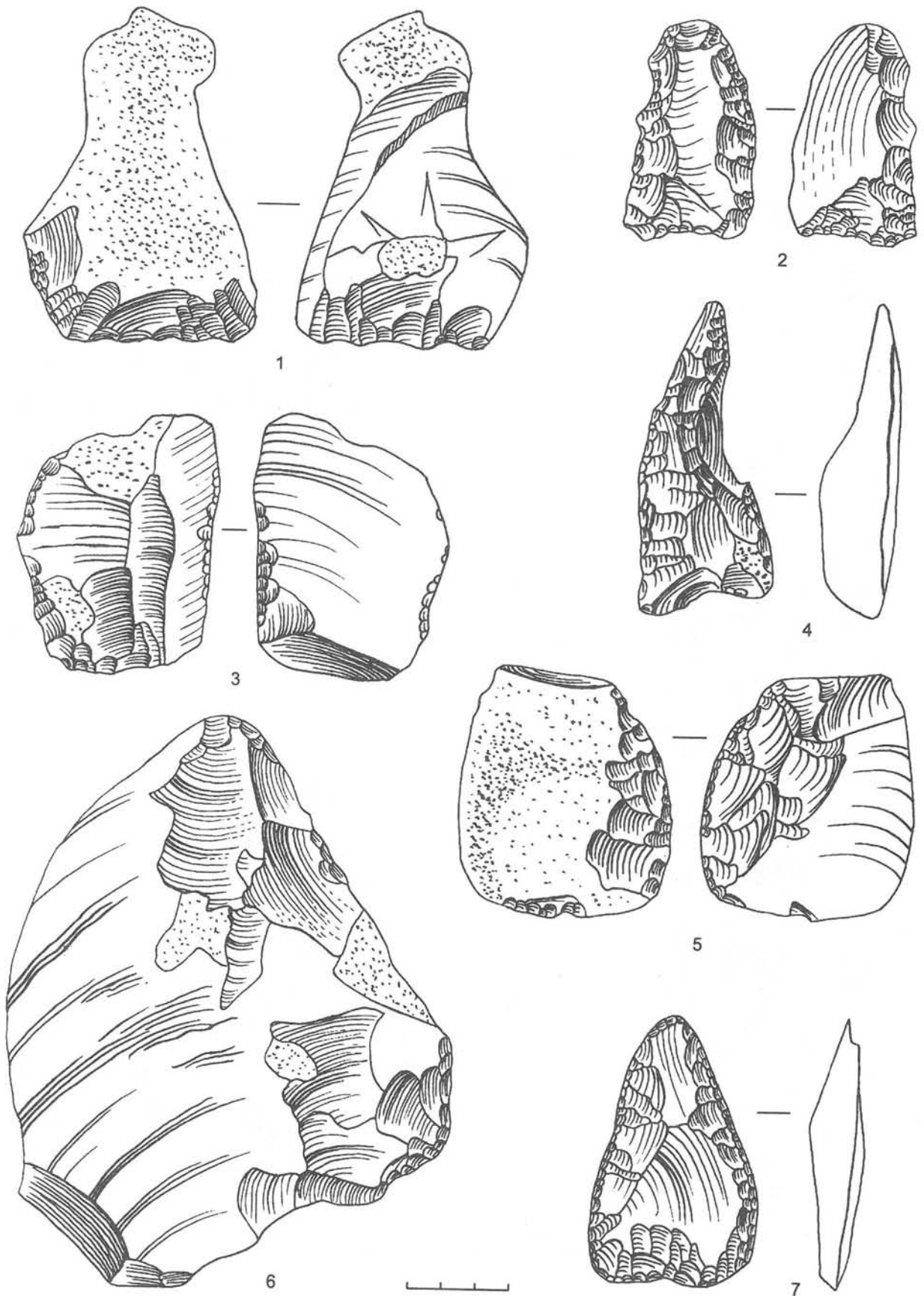

Рис. 6 Кремневые орудия из Бирючей балки 1а (1, 6) и Бирючей балки 2 (2—5, 7). 1 — отщеп с базальным утончением; 2, 5, 7 — скребла; 3 — отщеп с уплощенным корпусом; 4 — треугольное острие; 6 — атипичное макроорудие.

Fig. 6 Flint tools from Biryuchya Balka 1a (1, 6) and Biryuchya Balka 2 (2—5, 7). 1 — flake with basal thinning; 2, 5, 7 — side-scrapers; 3 — flake with flattened body; 4 — triangular point; 6 — atypical macro-tool.

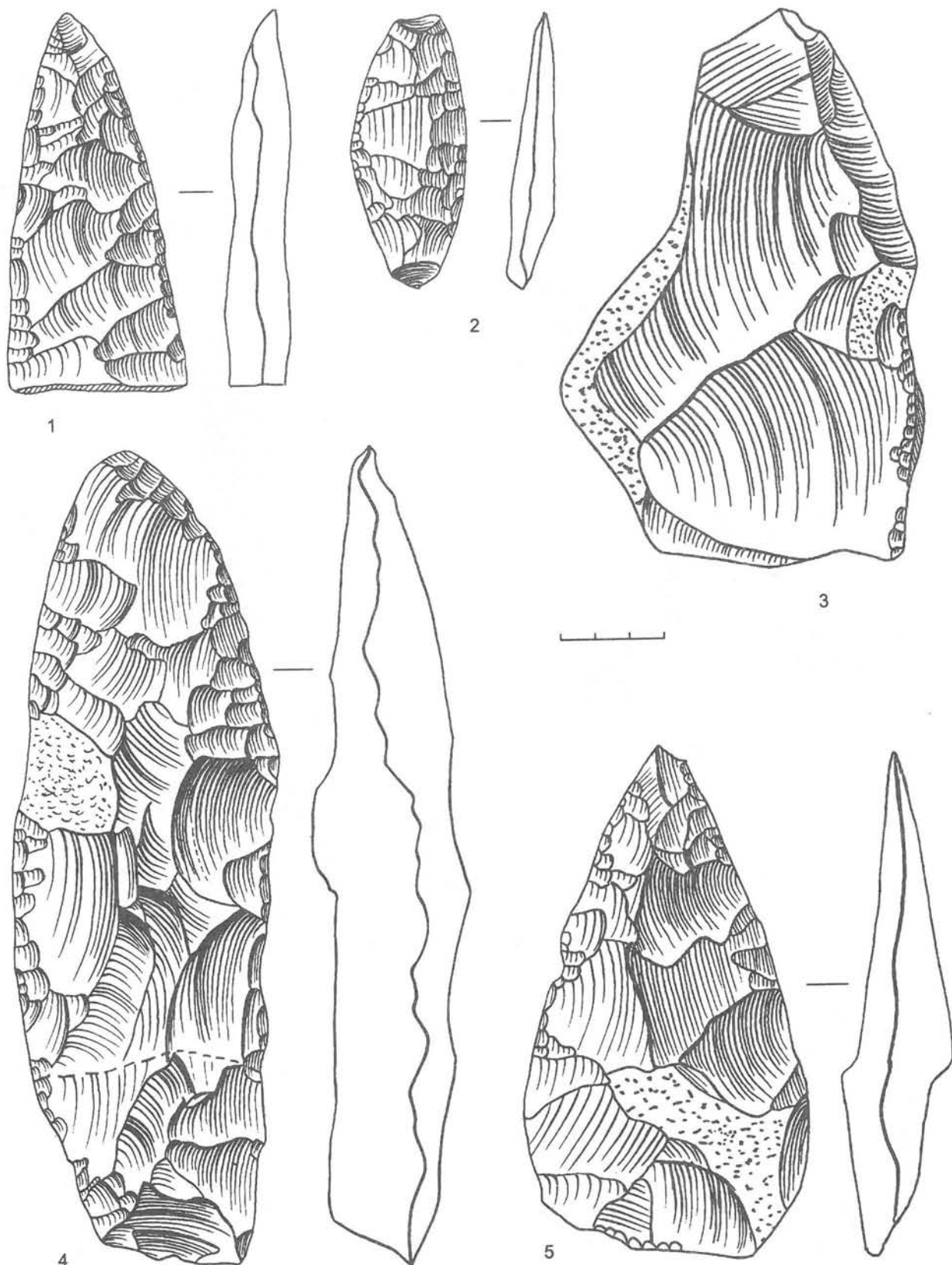

Рис. 7 Кремневые орудия из Бирючьей балки Ia. 1 — обломок листовидного острья; 2 — листовидное орудие с желобчатыми усеченными концами; 3 — нуклеидное орудие; 4—5 — бифасы.

Fig. 7 Flint tools from Biryuchya Balka Ia. 1 — fragment of a foliate point; 2 — foliate tool with grooved truncated ends; 3 — core-shaped tool; 4—5 — bifaces.

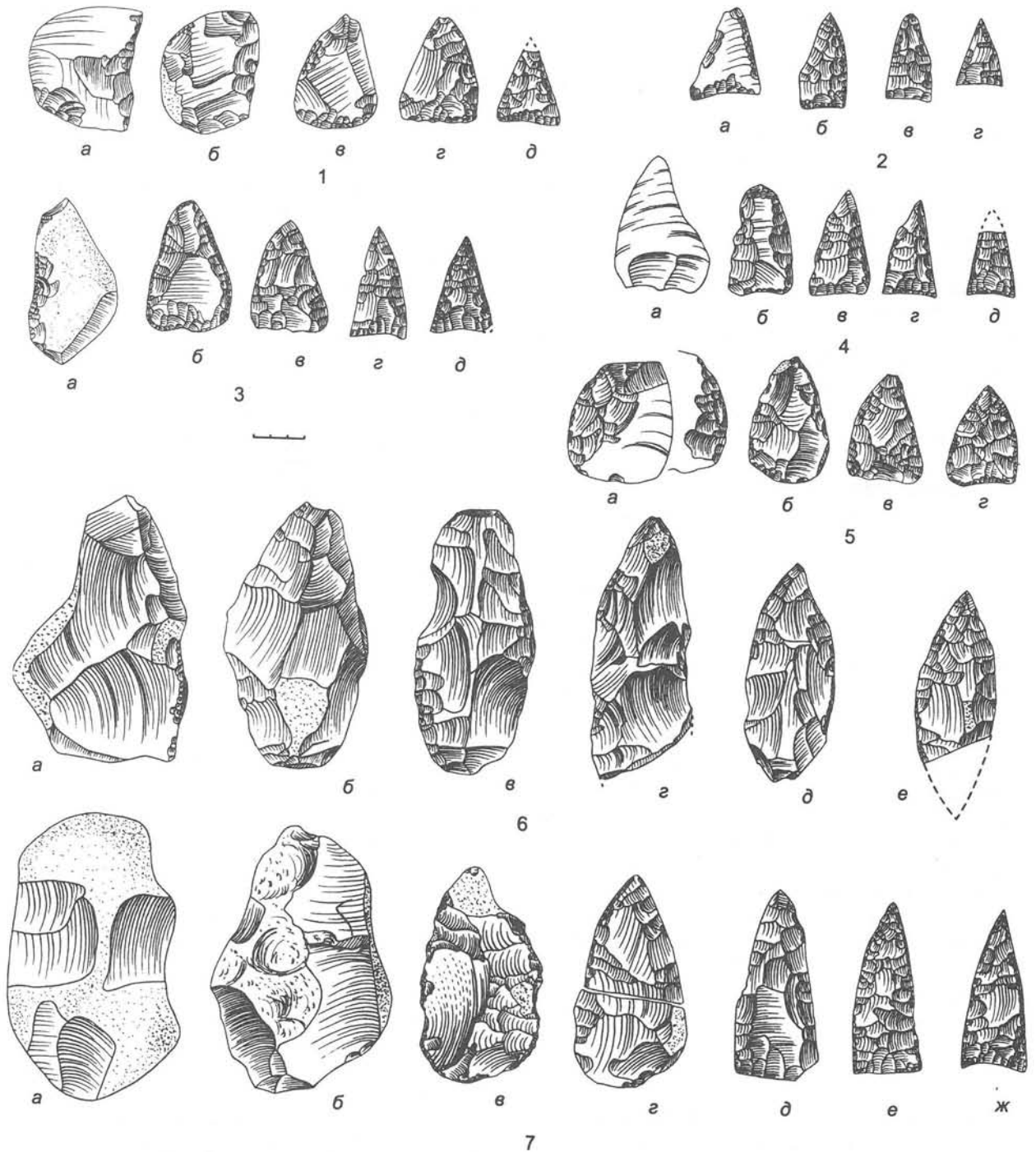

Рис. 8 Бирючья балка 2 (1—5, 7) и Бирючья балка 1а (7). Редукционные ряды и технологические варианты процесса изготовления двусторонних наконечников.

Fig. 8 Biryuchya Balka 2 (1—5, 7) and Biryuchya Balka 1a (7). Reduction series and technological variants of the process of manufacturing bifacial points.

анализа предположительный характер составленных редукционных рядов (во всяком случае некоторых) сохраняется.

Типолого-технологические контексты — это совокупность всех продуктов обработки, связанных с изготовлением определенных изделий. В примере с двусторонними наконечниками к данному контексту будут отнесены главным образом все двусторонние формы (кроме орудий со следами использования), а также раз-

личные типы сколов. Однако сделать это для каждого отдельного орудия на археологических материалах невозможно. Такая идея осуществима только в ходе экспериментов. Поэтому в реальных условиях исследования речь может идти о создании обобщенного контекста, составной частью которого является совокупность разных в типологическом отношении орудий, имеющих отношение к процессу изготовления наконечников. Унитарная же подходе-

щие орудия, соединенные друг с другом внутренними (технологическими) связями в пределах тех или иных редуцированных рядов (рис. 8). Можно связать с последовательными (соответствующими) стадиями обработки наконечников и сколы — отщепы, пластины и чешуйки, опираясь на их размеры, характер огранки, объем желвачной поверхности. Но эта группировка будет такой же обобщенной и условной.

Полная схема технологического процесса охватывает все его стороны: редуцированную последовательность, технологические и технические способы и приемы обработки, предполагаемые целевые установки мастеров, программы их действий и т. п. Стадиальные формы — это законченные и незаконченные орудия, оставленные на разных стадиях изготовления тех или иных профильных типов, к примеру, двусторонних наконечников, бифасов и топоров. Подчеркнем, что все стадиальные формы, приведенные в редуцированных рядах, это реальные орудия, обнаруженные, в частности, на Бирючьей балке 2 и Бирючьей балке 1а (рис. 8). Оправданно считать, что не все стадиальные формы обычно представлены в инвентаре мастерских. Выявленные нами стадиальные формы — это незаконченные, главным образом, неполучившиеся (неудавшиеся, сломанные) орудия, которые были выброшены по причине их непригодности для дальнейшей обработки. Среди них есть и неполучившиеся конечные формы, то есть наконечники (рис. 6: 4). Заготовок, как стандартных преформ, в инвентаре всех памятников крайне мало. На мастерских к числу заготовок могут относиться не только непосредственные преформы — орудия, имеющие грубую модель наконечника, но и отдаленные преформы, например, в виде бифасов. Это трудный вопрос. Его решению будут способствовать, строгая локализация разных типов преформ и их планиграфическая связь с профильными типами орудий.

Можно выделить несколько технологических вариантов и, соответственно, редуцированных рядов (рис. 8). Основанием для этого служат размеры (нередко крупные) готовых или почти готовых наконечников, незначительная их толщина, степень обработки. С учетом этих фактов, а также принимая во внимание невысокое качество кремня, уместно будет считать, что такие двусторонние наконечники изготавливались из достаточно крупных исходных заготовок. Обращалось также внимание на наличие заузенных удлиненных бифасов, в том числе листовидных бифасов, как это установлено для Бирючьей балки 1а (рис. 7: 4; 8: 6в—д). Кроме крупных и относительно крупных наконечников в инвентаре ряда памятников, прежде всего мустьерской мастерской Калитвенка 1а и позднепалеолитической мастерской Бирючьей балка 2, обнаружены не-

крупные наконечники, изготовленные из отщепов (рис. 1: 1—3, 9). У некоторых частичных двусторонних наконечников треугольной формы отмечено утончение основания и уплощение корпуса. В тоже время отдельные бифасы имеют подтреугольную форму, вогнутое или прямое основание. Вообще присутствие всех отчетливых двусторонних форм, в первую очередь бифасов и некрупных атипичных орудий с двусторонней обработкой весьма показательно (рис. 3: 1, 3—7; 4: 4, 6; 5: 2, 4, 7). Нельзя не обратить внимание на наличие сложных скребел, например, скребел с уплощенным корпусом (рис. 4: 3) и особенно конвергентных скребел с базальным утончением (рис. 3: 2; 4: 2; 5: 5; 6: 2, 5). Интересны в этой связи также частично двусторонние атипичные остроконечники (рис. 5: 6), двойные односторонние скребла (рис. 5: 3), а также скребла с двусторонней обработкой по одному краю (рис. 6: 7). Связь всех перечисленных орудий с процессом изготовления листовидных или треугольных двусторонних наконечников оправдана как с типологической точки зрения (наличие двусторонних форм и орудий конвергентных очертаний), так и с учетом производственного профиля мастерских. Однако связь нуклевидных орудий (рис. 4: 5; 7: 3), отщепов с односторонним уплощенным корпусом (рис. 6: 3), отщепов с односторонним базальным утончением (рис. 4: 1; 6: 1), простых скребел (рис. 3: 8), выемчатых, зубчатых форм и отщепов с ретушью (рис. 5: 1) с процессом изготовления данных наконечников можно представить лишь в виде допущения, однако, вполне реального. Конкретно здесь принимаются во внимание такие факты как отсутствие выразительных орудий вообще, присутствие грубых орудий без следов износа, производственный профиль мастерской и др. В пользу этого говорят материалы мастерских по изготовлению орудий эпох неолита и бронзы.

Обзор технологических вариантов и редуцированных рядов удобней всего будет проследить на примере орудий из двух позднепалеолитических памятников — Бирючьей балки 1а и Бирючьей балки 2 (рис. 8). Рассмотрим контекст наиболее сложного редуцированного ряда первого технологического варианта (рис. 8: 7—6). Начальными стадиальными формами здесь могут быть желваки, обломки, валуны или крупные отщепы с единичными сколами, нуклевидные орудия, атипичные макроорудия, крупные отщепы с единичными сколами (рис. 8: 7а-б, 6а) и др. Начальные стадиальные формы в виде нуклевидных орудий хорошо представлены в горизонте 3 Бирючьей балки 1а (рис. 7: 3) и в инвентаре мустьерской мастерской Калитвенка 1 (рис. 4: 5). Их мало на Бирючьей балке 2 (рис. 8: 7б). На всех памятниках (кроме Калитвенки I, участок 2) обна-

ружены в большом числе грубые бифасы (рис. 8: 7в, 6б—в). На другой мустьерской мастерской Калитвенка 1а они достаточно многочисленны (рис. 5: 2, 4, 7). К промежуточным стадийным формам отнесены менее грубые бифасы (рис. 8: 7г, 6г—д). В коллекциях всех рассматриваемых памятников их обнаружено довольно мало. Некоторые из них походят на начальные формы наконечников. Конечные стадийные формы представлены грубыми, менее грубыми и, наконец, готовыми, эталонными формами треугольных острий (рис. 8: 7д-ж, 6е). Таким образом, данный редуцированный ряд включает разные модели орудий. Отдельные орудия, например, бифасы, треугольные острия представлены рядом подстадий. Желвак с единичными сколами вполне оправданно называть пробным орудием, а нуклевидное орудие — одновременно пробным и незавершенным. В случае с другими мастерскими подобного рода возможны и другие разновидности этого редуцированного ряда.

Второй технологический вариант включает орудия, заготовками для которых послужили относительно плоские отщепы (рис. 8: 1, 3—5). Выделено несколько редуцированных рядов. В качестве начальных и промежуточных стадийных форм могут быть разные типы орудий. Например, один ряд начинается с отщепа с базальным утончением (рис. 8: 4а), второй — с отщепа с уплощенным корпусом (рис. 8: 1а), третий — с бокового скребла (рис. 8: 3а), четвертый — с частично двустороннего скребла (рис. 8: 5а). Промежуточными формами можно считать в первом случае двустороннее конвергентное скребло с базальным утончением (рис. 8: 4б), во втором — мелкое атипичное орудие с двусторонней обработкой (рис. 8: 1б), в третьем — одностороннее конвергентное скребло с базальным утончением (рис. 8: 3б), в четвертом — мелкий бифас (рис. 8: 5б). Профильный тип — треугольное острие, представлено рядом подстадийных форм. Повторим, что в качестве начальных стадийных форм здесь могут выступать боковые скребла, выемчатые и зубчатые орудия и отщепы с ретушью. Чаще всего это пробные орудия.

Третий технологический вариант связан с остриями, изготовленными из достаточно тонких, мелких и прямоосных отщепов (рис. 8: 2). Оформление треугольного или листовидного острия осуществлялось сразу. Начальные, тем более промежуточные формы здесь являются исключением. С помощью такой экономной технологии изготовлены многие мелкие треугольные острия из позднепалеолитической мастерской Бирючья балка 2 (рис. 1: 1—3).

Каждая в отдельности мастерская имеет свою технологическую специфику. Так, для Бирючьей балки 2 отмечено частое использование трех технологических вариантов (в пер-

вую очередь двух первых). С другой стороны, для мастерской Бирючья балка 1а (горизонты 3а, 3) характерно как преимущественное применение первого варианта, так первого и второго вариантов (горизонт 2). Второй момент имеет отношение к треугольным наконечникам из Бирючьей балки 1в и листовидным наконечникам из Бирючьей балки 1. На материалах мастерской Калитвенка 1а удастся установить более частое использование двух первых технологий. Однако отдельные орудия оформлены с помощью третьего варианта (рис. 1: 9).

Близкие по своей логике редуцированные ряды могут быть предложены равным образом и для таких сложных орудий как бифасы и топоры (рис. 9—10). Просмотренные нами обширные и многочисленные коллекции топоров мезолита, неолита и бронзы отдельных территорий Европейской части России, Польши и Вьетнама убеждают нас в том, что применительно к первому и отчасти ко второму технологическим вариантам начальные стадийные формы двусторонних наконечников, бифасов и топоров будут не отличимы друг от друга (рис. 3: 1; 4: 3—5; 7: 3; 9: 1, 3—4; 10: 2—4, 8). Особенно показательны в этом отношении нуклевидные орудия (рис. 4: 5; 7: 3; 10: 3—4). Эти формы свидетельствуют о первичном уплощении исходных массивных заготовок — желваков, валунов, обломков и др., то есть снятии с них крупных отщепов (Матюхин 1995: 18—19). Не удивительно, что топоры поздних эпох, оставленные на начальной стадии изготовления, были приняты некоторыми исследователями за аббевильские, ашельские и мустьерские бифасы, кливеры и чопперы. Именно такое недоразумение произошло с памятником Гора До во Вьетнаме, датированном в свое время шеллем и ранним ашеллем и который, по-нашему мнению, является мастерской неолита или бронзы по изготовлению топоров (Матюхин 1990: 92—98). За «кархаичные» были приняты пробные и неполучившиеся орудия (топоры), брошенные непосредственно у выходов базальта. Дальнейшая (полная) обработка проводилась уже на поселении, расположенном у подножья горы, у водоема. Нетрудно понять, что подобного рода ошибки являются результатом переоценки формальной типологии и отсутствия какой-либо интерпретации.

Следовательно, перечисленные выше грубые орудия: желваки с единичными сколами, нуклевидные орудия, бифасы, мелкие атипичные орудия с двусторонней обработкой, многие типы скребел являются на деле незаконченными, точнее, неудавшимися и пробными орудиями, то есть различными стадийными формами двух профильных типов — треугольных и листовидных острий, а также их заготовками. Сказанное в известной мере относит-

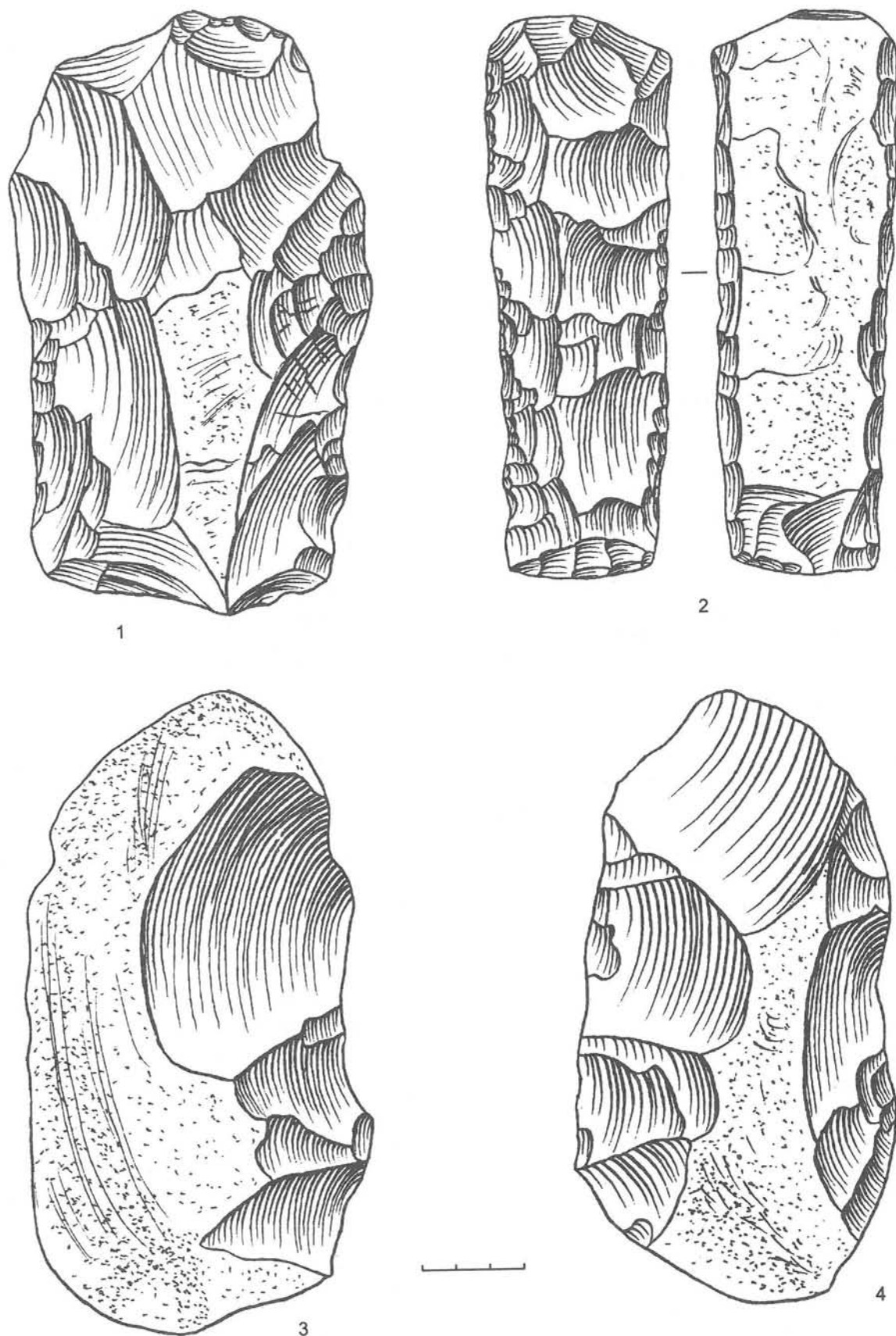

Рис. 9 Базальтовые орудия из мастерской эпохи бронзы по изготовлению топоров Нуонг (Вьетнам).
 Fig. 9 Basalt tools from a Bronze Age workshop for manufacturing axes, Nuong (Vietnam).

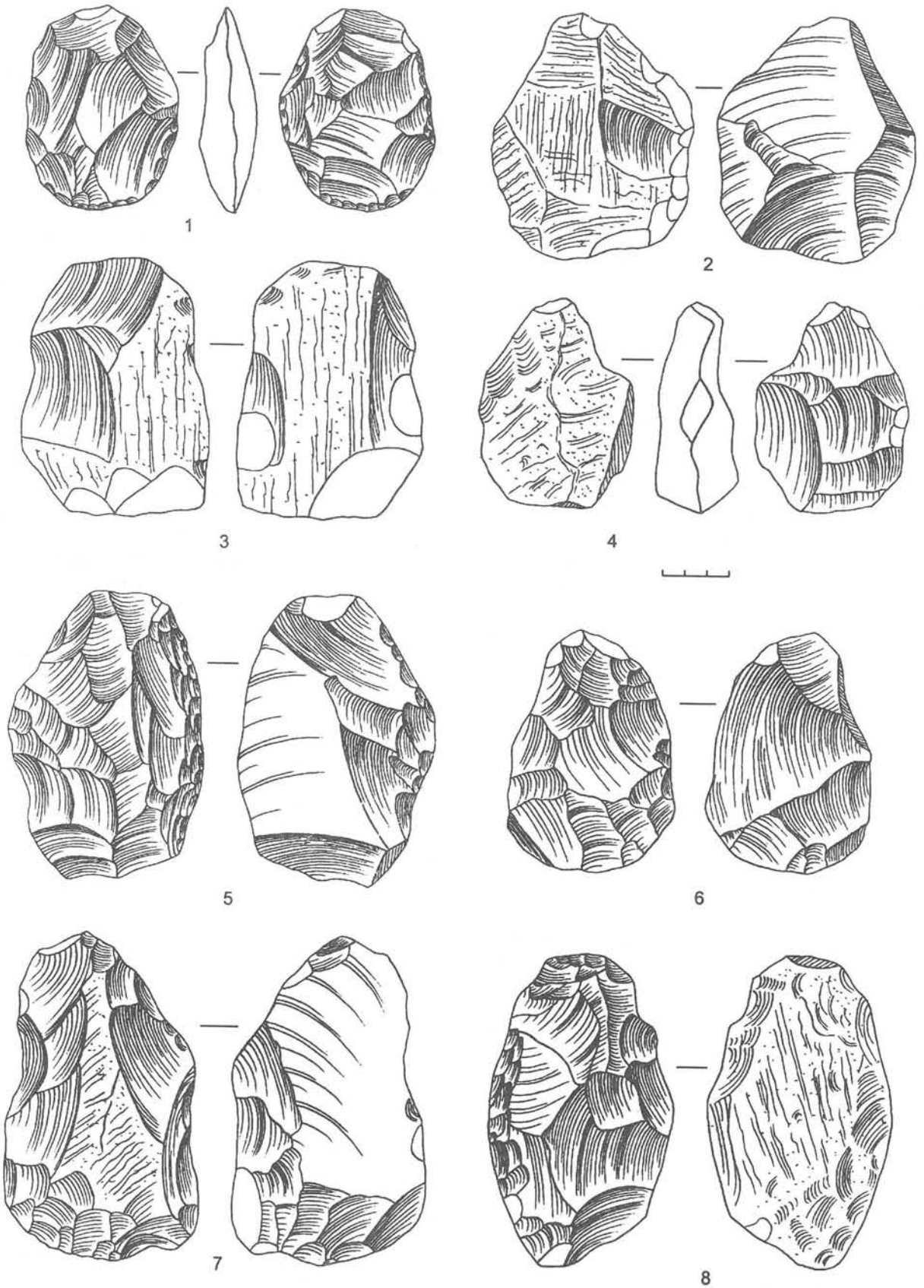

Рис. 10 Различные типы орудий из ашельской стоянки Сатани-Дар (Армения). 1—2, 4, 6, 8 — обсидиан; 3, 5, 7 — андезит.

Fig. 10 Different types of tools from Acheulean settlement of Satani-Dar (Armenia). 1—2, 4, 6, 8 — obsidian; 3, 5, 7 — andesite.

ся к стоянкам-мастерским, широко распространенным на территории Русской равнины и Крыма, где происходило массовое изготовление таких орудий. Однако в инвентаре поселений многие из этих форм окажутся, наоборот, законченными орудиями, которые использовались для тех или иных практических целей. Это важный момент. Повторим, что функциональный тип памятника здесь имеет принципиальное значение. Не всякие грубые орудия (бифас, протобифас, чоппер, атипичное макроорудие и др.) — это всегда незаконченные орудия. Как отмечалось выше у многих предметов подобного рода наглядно выражена структурная модель определенного вида орудия, предназначенного, например, для рубки и отмечены следы от работы. Решать вопрос о том является ли данное орудие законченным или нет только с типологической (в данном случае — формальной) точки зрения неправомерно. Необходимо провести целевое морфологическое описание и функциональное исследование, то есть эмпирическую интерпретацию.

Уровень технологических реконструкций, в частности, составление редуцированных рядов, свидетельствует о том, что здесь происходит существенное изменение в методологии исследования по сравнению с уровнем формального описания, а именно переход от формальных, описательных типов к содержательным или генерализованным (Матюхин 1977: 16) и, соответственно, формальной морфологической классификации — к содержательной. Такая классификация по своему характеру, является технологической. Ее нельзя напрямую назвать генеральной или синтетической (смотри Клейн 1991: 54—55) классификацией. В тоже время она учитывает различные, в данном случае внутренние признаки: технологические, предположительно культурные и функциональные, то есть всю доступную информацию. Поэтому в определенной степени ее оправданно относить к синтетической классификации. Она является результатом комплексного исследования, синтезом различных данных и носит интерпретационный характер (Матюхин 1977: 16). Это своеобразный вариант синтетической классификации. С другой стороны, нельзя не заметить, что представленные в мастерских начальные и промежуточные стадийные формы — это как бы не настоящие, не базовые типы, поскольку являются незаконченными орудиями, в данном случае незаконченными. Естественно, что всякого рода обобщенный, синтетический тип должен быть представлен готовыми, эталонными, функционально значимыми формами. Однако с точки зрения конкретной технологической группировки — это тоже суверенные, но имеющие свою специфику — динамические типы. В этом заключается особенность технологических типов, их много-

значность (мимикрия) и логическая неопределенность.

Какой же археологический подход должен проводить синтез различных данных? По-нашему мнению типология, но не формальная, а типология более высокого уровня, которая обладает функцией элементарного объяснения. Именно в данном случае она сумеет организовать различного рода информацию, определить ее объем, внутренние связи в археологических предметах, выделить обобщенные типы, рассматривая их как целостные, системные объекты. Ж.-К. Гарден (1933: 151) справедливо замечает, что типология потенциально обладает интерпретационными возможностями. Правильно будет считать, что объем исследовательских процедур, методологических возможностей и конкретных задач у типологии, как сложной дисциплины, больше, чем у других подходов. Из этого, конечно, не следует, что технологический, и прежде всего функциональный методы растворяются в типологии. Но неправомерна и другая точка зрения. Типология в данном случае выполняет интегрирующую роль, то есть отражает информационную полноту и целостность предметов. Все три подхода, с одной стороны, имеют самостоятельный характер, поскольку они касаются разных аспектов археологических объектов и, соответственно, имеют свой собственный объем информации. С другой стороны, оправданно ставить вопрос о внутреннем единстве этих методов. Оно ведет к научному синтезу данных, что достигается в процессе описания и объяснения изделий. Единство трех подходов обусловлено и тем, что их главным источником является форма изучаемых предметов, но в своем специфическом преломлении (особенно для функциональной типологии). Исследование функций орудий — это тоже так или иначе — изучение их формы. Кроме того вероятностное представление о функциях некоторых орудий, использовавшихся, например, для скобления, рубки, тесания, долбления, разбивания может быть уверенно составлено на основе изучения макроследов износа, то есть морфологических признаков. Наконец, археолог, занимающийся анализом деталей формы изделий с целью изучения технологических вопросов, может использовать для этого бинокулярный микроскоп (слабое увеличение). Вообще микроморфология орудий и продуктов расщепления (отщепов, пластин, чешуек) — это и есть одно из проявлений трех основных археологических методов. Более успешно такая работа будет проводиться исследователем типологической ориентации. У формальной типологии и функциональной по сути не должно быть конфликтов или компромиссов. Они выполняют свои собственные задачи, дополняя друг друга (Bordes, Rigaud, Sonnevillе-Bordes 1972: 23—24; Bordes

1984: 433). Выяснение какого-то одного информационного объема (блока) закономерно и неизбежно осуществляется на фоне других блоков, то есть всей информационной системы. Такова логика исследования сложных, системных объектов.

Можно в итоге сделать вывод о том, что работы, касающиеся интерпретации формальных типов, а также динамики формы орудий и вообще процессов их формообразования (смотри Матюхин 1977: 8—14; Dibble 1984: 431—436; Jelinek 1988: 199—210) вовсе не подрывают основы Бордовской типологии и ее необходимости как начального звена научного анализа каменных изделий и в наши дни. В последнее время предпринята попытка (на наш взгляд, неудачная) модернизировать эту формальную типологию, соединить ее с технологией, точнее, с некоторыми элементами последней (Debenath, Dibble 1994). Главный недостаток упомянутой типологии заключается в том, что она пыталась (безосновательно) объяснить значение как отдельных признаков, орудий в целом, так и различных индустрий. Однако неправы и те, которые упрекали типологию, наоборот, за неспособность проводить такое объяснение. Последний упрек несправедлив, поскольку формальная типология по своей сути не обладает объяснительной функцией. Типология уже давно не считается «матерью» всей аналитической археологии. Нужно согласиться с Д. Сэкетом (Sackett 1988: 416) в том, что лучшей благодарностью Ф. Борду будет продвижение вперед в плане развития типологии каменных орудий, а не оставаться в тени его достижений.

Строго говоря, изложенный выше вариант исследования каменных орудий вполне применим не только к процессу их изготовления, но

также использования. Это будут как сложные орудия (бифасы, топоры), так и орудия из отщепов — скребки, скребла, остроконечники, резцы и т. д. Другими словами, речь уже идет не о технологической, а функциональной ориентации исследования. Здесь изменение формы орудий происходит, с одной стороны, непосредственно в ходе использования, а с другой — в результате подправки затупившихся орудий. Для этих целей особенно пригодны материалы долговременных поселений. Реконструкция «жизни» орудий, фиксация динамики их формообразования может быть осуществлена в обобщенном виде с применением данных типолого-морфологического и функционального анализа, а также результатов экспериментов. Это будет примерная модель формирования орудий, их «жизни», отражающая не все реальные, конкретные случаи и обстоятельства этого процесса, а лишь его общую логику.

Таким образом, полновесное изучение каменных изделий должно иметь комплексный характер и отчетливо сложную методологическую направленность с ориентацией на их описание и объяснение. Материалы мастерских дают наглядные примеры некоторых вероятных путей формообразования орудий, многозначности и динамичности их конкретных форм. Аналогичный по логике подход может иметь иную, а именно функциональную направленность. Но это другая тема исследования. По-видимому, не приходится сомневаться в том, что всякого рода широкие, исторические реконструкции и интерпретация невозможны в первобытной археологии без проведения стадий формального описания, а также эмпирического объяснения, другими словами без всестороннего и углубленного изучения каменных орудий.

Буровский, А. М. 1995. Археологическая интерпретация и реконструкция // Российская археология 3: 220—224.
 Гарден, Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. Москва: Прогресс.
 Клейн, Л. С. 1991. Археологическая типология. Ленинград. 1995. Археологические источники. Санкт-Петербург: Фарн.
 1997. Интерпретация, реконструкция и теория в археологии (по поводу статьи А. М. Буровского) // Российская археология 1: 227—230.
 Любин, В. П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Ленинград: Наука.
 Массон, В. М. 1990. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе: Илим.
 Матюхин, А. Е. 1975. Об источниках, роли и типах объяснения в первобытной археологии // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Ленинград: Наука.
 1977. Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ленинград.
 1987. Палеолитическая мастерская Калитвенка I // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 189: 83—88.

1990. О спорных вопросах датировки палеолитического (?) местонахождения Гора До во Вьетнаме // Советская археология 2: 92—97.
 1994. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // Археологические вести 3: 25—37.
 1995. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // Российская археология 3: 13—27.
 1996. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
 1998. О некоторых методических и общих аспектах изучения каменных орудий // Археологический альманах 7: 25—38. Донецк.
 1999. О технологическом анализе каменных орудий // Российская археология 1: 12—22.
 2000. Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки р. археологии. Первые Семеновские чтения. Тезисы докладов. Санкт-Петербург.
 Audouze, F. 1985. L'apport des sols d'habitat a l'étude de l'outillage lithique // La signification culturelle des industries lithique // British Archaeological Reports, International series 239: 57—68.

- Airivaux, J. 1983—1984. Méthodologie systématique en typologie analytique // *Dialektike. Cahiers de typologie analytique*: 1—21.
- Barral, L. et Simone S. 1977. Eléments d'analyse des données. Application aux sciences naturelles et humaines et notamment à la préhistoire // *Bulletin de Musée d'Anthropologie Préhistoire de Monaco* 21: 5—92.
- Binford, L. R. and Binford S. R. 1966. A preliminary analysis of functional variability in the mousterian of levallois facies // *American Anthropologist* 2/68 (2): 238—295.
- Bordes, F. 1967. Considerations sur la typologie et les techniques dans le Paléolithique // *Quartar, Bd. 18*: 25—55. 1984. Leçons sur le Paléolithique, t. II. Le Paléolithique en Europe. Cahiers du Quaternaire 7.
- Bordes, F., J. Ph. Rigaud, D. de Sonneville-Bordes. 1972. Des buts, problèmes et limites de l'archéologie paléolithique // *Quaternaria XVI*: 15—34.
- Breuil, H. 1972. Prolégomènes à une classification préhistorique // *Bulletin de la Société Préhistorique Française LI* (1): 7—15.
- Cahen, D. 1985. Fonction, industrie et culture // *British Archaeological Reports, International séries* 239: 39—51. London.
- Cahen, D., L. H. Keeley, F. L. van Noten. 1979. Stone tools, tools-kits and human behaviour in Prehistory 20(4): 661—672.
- Cahen, D., C. Karlin. 1980. Nouvelles voix pour l'étude des pierres taillées // *Préhistoire et technologie lithique*: 24—27. Paris.
- Carbonell, E., M. Guilbaud, R. Mora. 1983—1984. Elaboration d'un système d'analyse pour l'étude des éclats bruts de débitage // *Dialektike. Cahiers de typologie analytique*: 22—31.
- Carbonell, E., J. Enamorado, M. Masquera. 1990. Introducing a model for an operational process in paleolithic cultures // *Le silex de sa genèse à l'outil. Actes du 5 Colloque International sur le silex*: 531—536.
- Cook, J. 1980. Are-examination of methods of study applicable to the British Lower Paleolithic // *World Archaeology* 12/2: 218—225.
- Debenath, A. and H. L. Dibble. 1994. Handbook of paleolithic typology. Vol. 1. Lower and middle palaeolithic of Europe. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania.
- Demars, P. Y., P. Laurent. 1992. Types d'outils lithiques du Paléolithique supérieur en Europe. Press du CNRS, Paris.
- Dibble, H. L. 1984. Interpreting typological variation of middle palaeolithic scrapers: function, style, or sequence of reduction? // *Journal of Field Archaeology* 11: 431—436.
- Djindjian, F. 1986. Recherches sur l'aurignacien du Périgord à partir des données nouvelles de la Ferrassie // *L'Anthropologie* 90/1: 89—106. 1991. *Methods pour l'archéologie*. Paris: Armand Colin. 1993. *L'Archéologie cognitive une réponse au problème de l'intégration des technologies de l'information en archéologie. Seminario discipline umanistiche e informatica Roma 8 ottobre 1991 // Contributi del Centro linceo interdisciplinare «Beniamino segre»* 87: 29—39.
- Geneste, J.-M., H. Plisson. 1990. Technologie fonctionnelle des pointes à cran solutréennes: l'apport des nouvelles données de la grotte de Combe Saunière (Dordogne) // *Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège* 42: 293—320. Liège.
- Jelinek, A. J. 1998. Technology, typology and culture in the Middle palaeolithic // *Upper Pleistocene prehistory of Western Eurasia*: 199—210. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania.
- Kozłowski, J. K. 1982. Sur l'interprétation des unités taxonomiques du paléolithique supérieur // *Aurignacien, perigordien et gravetien 2. Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de la Liège* 13:181—200. Liège.
- Laplace, G. 1964. *Essai de typologie sistématique*. Ferrara: Annali dell'universita di Ferrara, nuova série 15/1, suppl. 2.
- Matiokhie, A. E. 1998a. Les ateliers paléolithique supérieur de la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // *L'Anthropologie* 102/4: 466—487. 1998b. Les ateliers paléolithiques de taille du silex dans la vallée de Donets Severski (région de Rostov, Russie) // *Préhistoire Européenne* 13: 67—116.
- Monnier, J. L., R. Etienne. 1978. Applications des méthodes de classification automatique de J.C. Lerman deux séries de bifaces du Mousterien de tradition acheuléenne // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 75/10: 302—313.
- Movius, H. L. Jr., N. C. David, H. M. Bricker, R. B. Clay. 1968. The analysis of certain major classes of Upper Palaeolithic tools // *Bulletin American School of Prehistoric Research* 26: 1—52. Cambridge, Mass.
- Pertro, C., F. O. Amore, A. Antoniazzi et al. 1998. L'industrie lithique de la Belvédère di Monte Poggiolo: Stratigraphie, matière première, typologie, remontages et trace d'utilisation // *L'Anthropologie* 102/4: 343—465.
- Roe, D. A. 1968. British lower and middle Palaeolithic: hand-axes groups // *Proceedings of the Prehistoric Society* 34: 1—82.
- Sackett, J. R. 1966. Quantitative analysis of Upper Palaeolithic stone tools (spécial issue) // *American Anthropologist* 2/68 (2): 356—394.
- Sackett, J. R. 1988. The Mousterian and its Aftermath: a view from the upper palaeolithic // *Upper Pleistocene prehistory of Western Eurasia*. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania.
- Sonneville-Bordes, D. de et Perrot J. 1954. *Lexique typologique du paléolithique supérieur. Outils lithiques — I grattoirs, II outils solutréens* // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 51/7: 327—335. 1955. *Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outils lithiques — III outils composites, percors* // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 52/2: 76—79. 1956. *Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outils lithiques — IV burins* // *Bulletin de la Société Préhistorique Française* 53/9: 547—559.
- Texier, P.-J. 1980. Reflexions sur l'étude des ensembles lithiques // *Préhistoire et technologie lithique*: 44—46. Paris.
- Tyldesley, J. A., J. S. Johnson and S. R. Snape. 1985. «Shape» in archaeological artifacts: two case studies using a new analytical methods // *Oxford Journal of Archaeology* 4/1: 19—30.

DESCRIPTION AND INTERPRETATION OF TOOLS FROM PALAEOOLITHIC WORKSHOPS

A. E. MATYUKHIN

In this article we consider the finds of bifacial triangular and foliate points from Mousterian and late Palaeolithic workshops situated in the

Valley of the Seversky Donets in the Rostov Oblast (fig. 1). One must conclude that these tools are fairly peculiar in their types that makes their

study rather difficult. We have considered all tools in terms of their typology, technology and functions.

We are of opinion that studies of tools not only from workshops but also from settlements should include the two basic stages: description and empirical interpretation. We know that the formal typology allows to solve the problems of registration, classification, description of shapes and dimensions, and division into morphological i.e. formal types. This is necessary both for the basic denomination of the artefacts and for different purposes of the typological analysis of an industry.

A purposeful description is another sort of description, i.e. a more profound and analytic one. It includes registration of those features which may be related with the culture, technology, function, raw materials etc. Any description is based on morphologic and metric criteria, and on no other, e.g. a functional one, notwithstanding some attempts to do otherwise. The typological classification is not concerned with the real functions of a tool. It is independent and pursues its own purposes. Thus, at the stage of primary description, artefacts from workshops receive the same formal appellations as the tools found at settlements. We will use for this purpose F. Bordes' type-sheet though with some corrections and additions.

At the stage of empirical interpretation, applying the formally requisite and special descriptions as well as an analysis of functions and technology of the tools one identifies roughly the nature of their available features and outlines the cultural, technological and functional characteristics. Also the essence of the artefacts becomes clear, in other words, what is the actual meaning of a certain formal type.

Here we use such conceptions as model of a tool, finished, unfinished, spoilt, trial tools, blanks etc. Of a methodological importance is to take into consideration the functional type of the sites under study.

The functional method allows great interpreting possibilities in the identification of the nature and essence of artefacts. Thus, consideration of macro- and micro-traces of wear enabled to demonstrate that some tools of a rough appearance, in particular choppings, bifaces of the Abbevian and Acheulean appearance, had been used for chopping bones and horns (fig. 2: 5—6) and the atypical macro-tools from Mousterian workshops had served for digging quartzite boulders out of sand (fig. 2: 7). Some expressive side-scrapers (fig. 2: 1—2) and end scrapers (fig. 2: 3—4) found at late Palaeolithic sites, e.g. at Biryuchya Balka 2 also are finished and functionally significant tools (fig. 2: 1—2). However, a number of roughly made tools without traces of use have been sorted out from the collection from work-

shops. Such are, for example, the core-shaped tools (fig. 5: 5; 7: 3), rough and more carefully made bifaces (fig. 3: 2; 4—7; 4: 2, 4, 7; 7: 4—5), atypical macro-tools (fig. 6: 6), atypical tools bilaterally worked (fig. 3: 3; 5: 4, 6), and side-scrapers of complex types (fig. 3: 2; 4: 3, 5; 5: 2—3; 6: 2, 5, 7). Also of note are flakes with a flattened body (fig. 6: 3), flakes with a basal thinning (fig. 5: 1; 6:1), simple rough side-scrapers (fig. 3: 8), large notched and denticulate forms (fig. 4: 1), etc. Of a special interest are workshops, e.g. the workshop of Biryuchya Balka 1a where only rough bilateral tools without traces of use have been found and where there were neither cores nor typical flake tools (fig. 7).

In the interpretation of artefacts a systematic technological study is of course indispensable. The structural elements of the latter are results of a typological and morphological analysis of the purposes and results of the experiments, re-fitting, theory of stone cleavage, petrography, planigraphy etc. Of extreme importance are various reconstructions of technological procedures. A reconstruction of the reduction sequence of the process of manufacturing triangular and foliate points was carried out with the help of definite and varied reduction series (fig. 8). We should emphasise that all of the developmental forms presented in these series are tools which really exist and have been found at different sites. Due to the objective deficiency of some developmental forms their actual number is possibly greater in comparison with that on the figure here presented. Let us consider the context of the most complex reduction series of the first technological variant (8: 6—7). The initial developmental forms here were probably nodules, fragments or large flakes with single scars, atypical macro-tools or rough bifaces (fig. 8: 7a—b; 6a—b). The intermediate developmental forms are represented by more carefully made bifaces (fig. 8: 7r; 6r—d). At the end of the reduction series the standard typical form of triangular and foliate points is given. The second technological variant comprises tools made of relatively flat flakes taken as blanks (fig. 8: 1, 3—5). Several reduction series have been identified. One of these series, e.g., begins with a flake with a thinned base (fig. 8: 4a), the second does with a flake with a flattened body (fig. 8: 1a), and the third — with a bilateral or convergent side-scrapers (fig. 8: 5a). Less reliably initial developmental forms may be represented by denticulate or notched tools, simple rough side-scrapers or retouched flakes (fig. 8: 3a). This is just a supposition, which is however probable. The number of intermediate forms is being reduced. The third technological variant is connected with points manufactured of fairly thin flakes (fig. 8: 2). Designing of the model of points had been carried out from the beginning.

Logically analogous reduction series may be proposed also for bifaces and axes (fig. 9—10). For the first and partly for the second technological variant the initial developmental forms of points, bifaces and axes will be indistinguishable from each other (fig. 9: 1, 3—4; 10: 2—4, 8). No wonder that axes of the Neolithic and Bronze Age periods abandoned at an initial stage of their manufacture were considered by some scholars as Abbevillian, Acheulean and Mousterian bifaces, cleavers or other similar tools.

Thus among the inventory from workshops the rough tools listed above are unfinished spoiled trial tools or blanks (different developmental forms) of two profiled types — triangular and foliated points. However, among the inventory from settlements many of these tools, to the contrary, may prove to be finished tools which have served to some practical purpose. It is an important aspect. We repeat that the functional type of a site is here of principle import.

In terms of methodology the level of technological reconstructions signifies a transition from formal descriptive types to substantial ones and, correspondingly, from a formal classification to an essential synthetic one. The latter classification has a technological character and is built on a different — interpreting base. It results of a com-

plex study and represents a synthesis of varied evidences. What an approach should such a synthesis apply? In our opinion, it should be a typology though not a formal one but that of a higher level which possesses the function of elemental explanation. It is on this level that the classification is organising information of different kind and inner relations in archaeological objects considering the latter as integral systemic ones. It is a just supposition that the volume of research procedures, methodological possibilities and specific objectives of a typology as a complex discipline is greater than that of any other approach.

On the one hand, all three of the approaches are of an independent character since they are related to different aspects of archaeological objects and, correspondingly, possess their own volume of information. On the other hand, one is justified putting the question of the inner unity of these methods. The unity of the three approaches is due, in particular, to the fact that their main source of information is the shape of artefacts viewed in its specific aspect. The formal typology and functional study cannot essentially be at conflicts of compromises. They are independent and serve to their own definite purposes.

ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА – РАННЕГО МЕЗОЛИТА НА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКЕ ВЫШЕГОРА I В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. В. СИНИЦЫНА, С. Н. ЛИСИЦЫН¹

В работах последнего времени особое внимание уделяется критике, максимальной детализации источника. Такие понятия как «хронологически узкий комплекс» и «скопление» А. Е. Кравцовым (Кравцов 1999: 81—87) коррелируются между собой и рассматриваются как отдельные стоянки. Такой подход на наш взгляд, является правильным, поскольку направлен на увеличение степени достоверности заключений и выводов, сделанных на его основе.

Детализация описания структурных единиц раскопанных стоянок часто приводит к пересмотру сложившихся представлений о природе источника. Например, стоянка Тихоново, считавшаяся прежде эталонным памятником бутовской культуры, после детального планиграфического анализа данных, проведенного Е. В. Леоновой (Леонова 1998: 8), теперь рассматривается как комплекс хронологически смешанных материалов. Мезолитическая стоянка Ланино I, материалами которой в свое время была иллюстрирована валдайская культура (Гурина 1989), скорее всего является комплексом хронологически разновременных материалов (Синицына 1997).

По мере накопления фактов подобного рода, становится ясно, что часть археологических памятников, особенно расположенных на бортовых террасах, чаще всего является местами многоразового заселения. Выделение хронологически последовательных комплексов и использование данных радиоуглеродного датирования на таких памятниках чрезвычайно сложно. Особые трудности это вызывает для отдельных периодов, таких как ранний дриас III—конец дриаса III, когда процессы эрозии и деструкции отложений повсеместно преобла-

дали над процессами осадконакопления (Duplessy et al, 1992).

Во многом в связи с накоплением данных, показывающих неоднократный характер заселения стоянок, ранее считавшихся гомогенными, сложившиеся, и ставшие традиционными точки зрения стали подвергаться ревизии. Благодаря работам Е. А. Спиридоновой, А. С. Алешинской (Спиридонова, Алешинская 1999: 127—140), для каменного века Северо-Запада Восточной Европы создана детальная биостратиграфическая шкала палеоландшафтных изменений, с шириной интервала 100—300 лет, которая, в настоящее время, является основой для датирования стоянок постгляциального времени.

Применение данных разработок дает положительные результаты, особенно для стоянок, на которых культурный слой сохранился хотя бы на небольших участках (Синицына 2000; Синицына 2000а).

В том случае, когда данные естественнонаучных дисциплин отсутствуют, кроме традиционных, собственно археологических методов (сравнительно-типологического, планиграфического, ремонтажа...), возможности анализа могут быть расширены за счет применения метода выделения комплексов по используемому сырью (Синицына 1997), с учетом статистических характеристик (Лисицын 2000).

Решение вопроса о первоначальном заселении верховьев Днепра на рубеже плейстоцена-голоцена определяется состоянием источниковедческой базы. Как указывалось выше, специфика хронологического отрезка рубеж плейстоцена-голоцена заключается в том, что практически весь имеющийся археологический материал происходит из переотложенных от-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

ложений. Его расчленение на комплексы по данным естественнонаучных дисциплин, из-за этого, затруднено. Первостепенные вопросы хронологии и определения синхронности стоянок в таком случае обычно решаются исключительно на основании сравнительно-типологического анализа археологических материалов. Реже для решения этих вопросов применяется ремонтаж, горизонтальная стратиграфия и планиграфический анализ артефактов.

Целью настоящей работы является попытка выделения хронологически последовательных комплексов в совокупности археологических материалов многослойной стоянки Вышегора I, связанной с отложениями определенного геологического (рубеж плейстоцена-голоцена) и археологического периода (финальный палеолит—ранний мезолит).

Материальная культура днепровских стоянок финального палеолита отличается своеобразием как в технике первичного раскалывания так и во вторичной обработке орудий. Здесь, отмечено наличие элементов мадленской, гамбургской, свидерской культурных традиций, и элементов раннего иенево. На материалах соседних культур ряд авторов наиболее ранними признают также проявление мадленских культурных традиций (Римантене 1971, 1978; Копытин 1999). В настоящее время в районе истоков Днепра в Смоленской области открыты пункты, материалы которых являются сборами на распаханных полях. Первые исследования здесь были проведены В. Р. Тарасенко в 1929 году на правом берегу р. Днепра у д. Вышегора. На распаханном поле им были собраны нуклеусы, пластины, отщепы, скребки, резцы. В 1969 году Н. Н. Гурина (Гурина 1972) открыла группу памятников из 8 пунктов, представленных подъемным материалом близ д. Аносово, и 3 пунктов у быв. д. Вышегора. Местонахождения были интерпретированы как остатки мастерских по первичному расщеплению кремня и датированы, на основании аналогий с памятниками аренсбургского и свидерского типов, поздним палеолитом, возможно, началом мезолита. На ряде пунктов было установлено наличие культурного слоя. Материал аносовских мастерских по мнению В. П. Ксензова (Ксензов 1999: 231) относится к гренской культуре и представляет собой чистый комплекс. По мнению В. Ф. Копытина (Копытин 1999: 259), инвентарь ст. Аносово I типологически близок к стоянке Боровка, которая, в свою очередь, относится к раннему этапу гренской культуры и имеет прямые аналогии с материалами Мезинской стоянки. Расположенные в истоках Днепра, на небольшом расстоянии друг от друга в окрестностях населенных пунктов

Аносово и Лынозавод Новодугинского района Смоленской области, стоянки-мастерские содержат сходный между собой материал, близкий по типологическому составу памятникам гренской культуры. Раскопками (54 кв. м.) в указанном районе исследован только один памятник — Вышегора I (Синицына 1996). На наш взгляд, материалы этой стоянки представлены хронологически разновременным инвентарем.

Многослойная стоянка-мастерская Вышегора I расположена в Верхнеднепровской гляциодепрессии, слабонаклоненной в сторону Днепра. Пойма имеет высоту 5—6 м. Террасовые уступы здесь отсутствуют. На поверхности выражен древний полигональный микрорельеф. Полигоны заполнены отложениями тонкой светло-палевой супеси, разделенными бурыми суглинками с кремневыми конкрециями, известняками и валунами гранита. Раскопными работами 1996—1997 гг. здесь выделено 6 литологических слоев и остатки погребенной почвы (рис. 1А, 1Б): под дерном (слой 6) залегает серая слабо гумусированная супесь (слой 5), мощностью 15—45 см; ниже идет погребенная почва (слой 4), имеющая локальное распространение, мощностью 10—14 см, представленная темно-серой, слабо гумусированной супесью. Под слоем погребенной почвы зафиксировано клиновидное углубление, шириной 2 метра, исследованное на протяжении 20 м (слой 4а). Углубление заполнено палевой супесью, которую подстилает плотный коричневатобурый суглинок с включениями марганца. Ниже залегает лессовидная палевая карбонатная супесь мощностью до 17 см (слой 3), под ней светло-палевая супесь мощностью 5—18 см (слой 2), подстилаемой светло-желтым лимонным сильно ощебненным суглинком элювиального происхождения видимой мощностью 10 см (слой 1 — материк). Находки встречены во всех слоях. Внутри клиновидного углубления (древней промоины) зафиксировано округлое в плане скопление кремневого инвентаря и древесных угольков площадью около 4 кв. м. Предварительный анализ инвентаря, прежде всего наконечников стрел, показал, что находки типологически разнородны. В настоящее время, у истоков Днепра, это единственный случай, когда зафиксировано стратиграфическое залегание материалов. К сожалению, радиоуглеродный анализ и данные палинологического анализа не дали приемлемых результатов. Материалы здесь, так же как и на других стоянках, находятся в переотложенном состоянии. Тем не менее, удастся выявить некоторую закономерность в распределении находок, особенно если проследить их положение в скоплении округлом в плане, которое

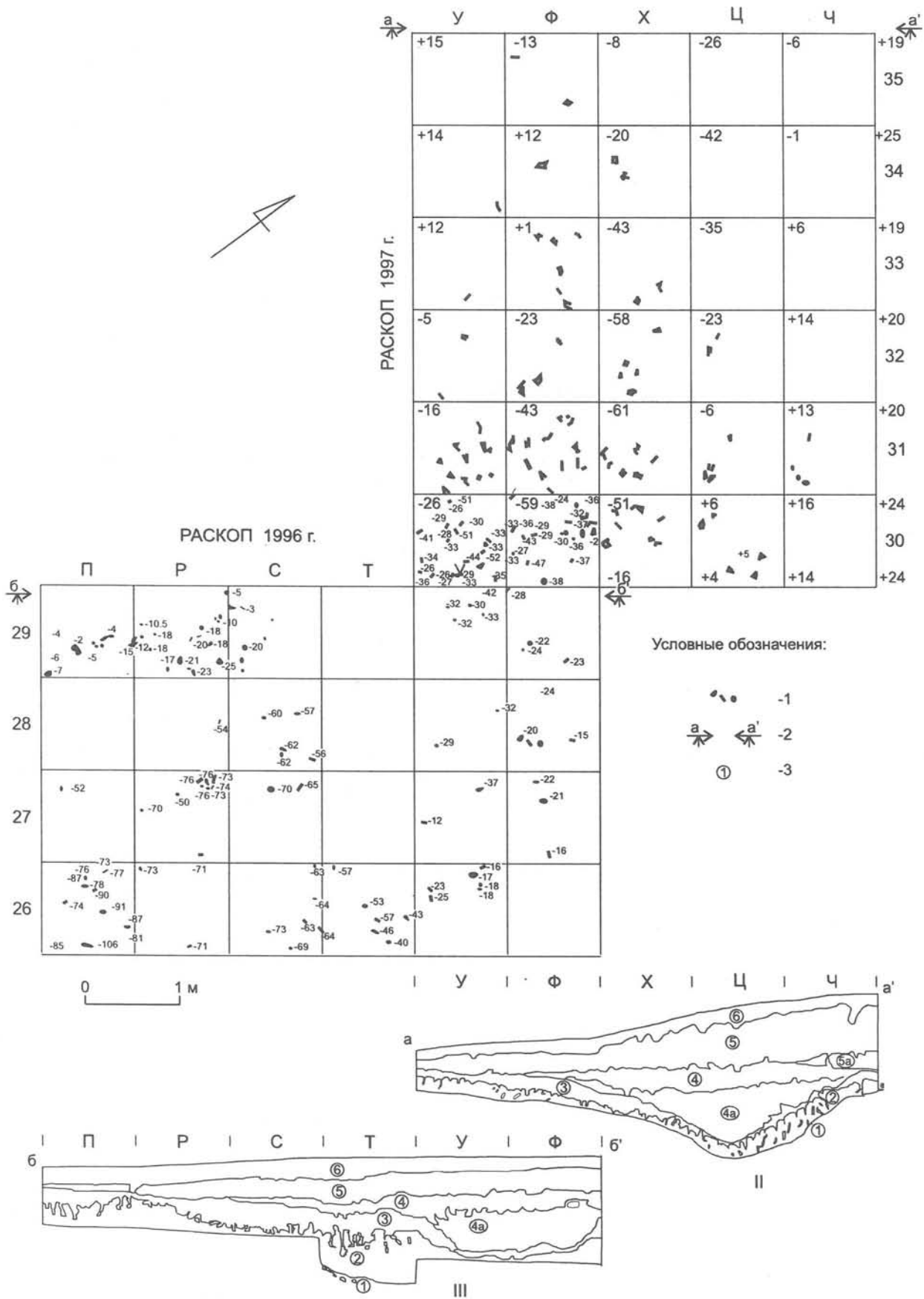

Рис. 1 План распространения находок по раскопанной площади и стратиграфия стоянки Вышегора I. I — раскопки 1996—1997 гг; II — профиль а — а'; III — профиль б — б'. Условные обозначения: 1 — находки; 2 — линии профилей стенок раскопа; 3 — номера слоев.

Fig. 1 Plan of finds distribution on the excavated area and stratigraphy of the site Vyshegora I. I — excavations of 1996—1997; II — section a — a'; III — section б — б'. Notations: 1 — finds; 2 — lines of sections of excavation pits walls; 3 — numbers of layers.

можно интерпретировать как место интенсивного обитания (рис. 1Б).

Участок квадратов У-Ф-Х-29—32, на котором располагается скопление, является участком раскопа с наиболее полной стратиграфической колонкой, где выделяется локализованная погребенная почва; глинистое углубление плавно переходит в насыщенное находками чашевидное заполнение, округлое в плане. Поэтому именно инвентарь этого скопления и сопоставление его остальными материалами рассматривается в настоящей работе.

Особенностью коллекции является использование местного сырья, в большом количестве встречающегося на берегу Днепра. По цвету кремня можно выделить по крайней мере 3 относительно однородные группы кремня (коричневый, серый, черный), которые внутри разделяются на более мелкие группы по оттенкам и сочетанию цветов и качеству сырья (табл. 1).

Наибольшую группу составляет во всех слоях пестроцветный коричневый непрозрачный кремень с оттенками от песочно-желтого до черно-бурого хорошего качества. На некоторых изделиях отмечена частичная патинизация. Черный кремень встречается в незначительном количестве во всех слоях. По качеству он тождественен пестрокоричневому и, возможно, составляет с ним одну группу, так как отличается от последнего лишь однородностью окраски.

Особый интерес представляет серый кремень, который резко отличается по качеству

и от черного, и коричневого (приносной?). Он представлен почти равным небольшим количеством во всех трех пачках отложений в пределах скопления, но по всей раскопанной площади дает другое соотношение (табл. 2).

Таким образом, наибольшая концентрация серого кремня наблюдается в верхней пачке отложений (слои 5—6). Серый кремень неоднороден. Выделяется ряд подгрупп внутри серого сырья (табл. 3).

Таким образом, все подгруппы серого кремня представлены лишь в верхней пачке, а в средней (в выклинивающейся за пределами скопления погребенной почве) и нижней пачке ряд подгрупп отсутствует. Скорее всего, концентрация серого кремня характерна лишь для верхних горизонтов, а в нижние он попал в результате почвенных процессов и в основном в тех местах раскопа, где стратиграфическая колонка неполна — отсутствует прослойка погребенной почвы и верхняя пачка отложений сразу следует за нижней (рис. 1А, 1Б).

Из серого кремня сделан ряд артефактов из верхней и средней пачки отложений: наконечник (подъемный материал, 6 слой, подгруппа IX, рис. 2: 1), двойной скребок (У-29, 5 слой, подгруппа I, рис. 2: 2), скребок (Ф-32, 6 слой, подгруппа V, рис. 2: 3), пластинчатый отщеп (Ф-32, 6 слой, рис. 2: 6) массивный угловой резец на отщепе (Ф-29, 6 слой, подгруппа II, рис. 2: 7), двухплощадочный призматический нуклеус для пластинок (Ф-30, 5 слой, подгруппа III; рис. 6: 3),

Табл. 1. Состав кремневого сырья скопления на кв. У-Ф-Х-29-32 по цвету.

Tabl. 1. Flint raw materials composition of the conglomeration sq. У-Ф-Х-29-32, based on flint colour.

Кремень	3—2 слой	4 слой	5—6 слой	Всего
Коричневый	705	311	484	1500
Серый	28	20	27	75
Черный	1	9	11	21
ВСЕГО	733	340	523	1596

Табл. 2. Распределение серого кремня по всей раскопанной площади.

Tabl. 2. Grey flint distribution over the excavated area.

	3—2 слой	4 слой	5—6 слой	Всего
Серый кремень	41	30	225	296

Табл. 3. Распределение серого кремня по подгруппам в скоплении на кв. У-Ф-Х-29-32.

Tabl. 3. Distribution of grey flint subgroups in the conglomeration on sq. У-Ф-Х-29-32.

3—2 слой		4 слой		5—6 слой	
Подгруппа сырья	Экз.	Подгруппа сырья	Экз.	Подгруппа сырья	Экз.
I серый в крапинку	3	I серый в крапинку	4	I серый в крапинку	16
II серо-белый	2	II серо-белый	—	II серо-белый	37
III серый в полосу	—	III серый в полосу	—	III серый в полосу	7
IV серый пятнистый	—	IV серый пятнистый	—	IV серый пятнистый	5
V серо-кофейный	—	V серо-кофейный	1	V серо-кофейный	20
VI серый с ржавчиной	—	VI серый с ржавчиной	—	VI серый с ржавчиной	5
VII серый слоистый	2	VII серый слоистый	—	VII серый слоистый	6
VIII серый другой	30	VIII серый другой	10	VIII серый другой	114
IX темно-серый с микрофауной	4	IX темно-серый с микрофауной	13	IX темно-серый с микрофауной	29

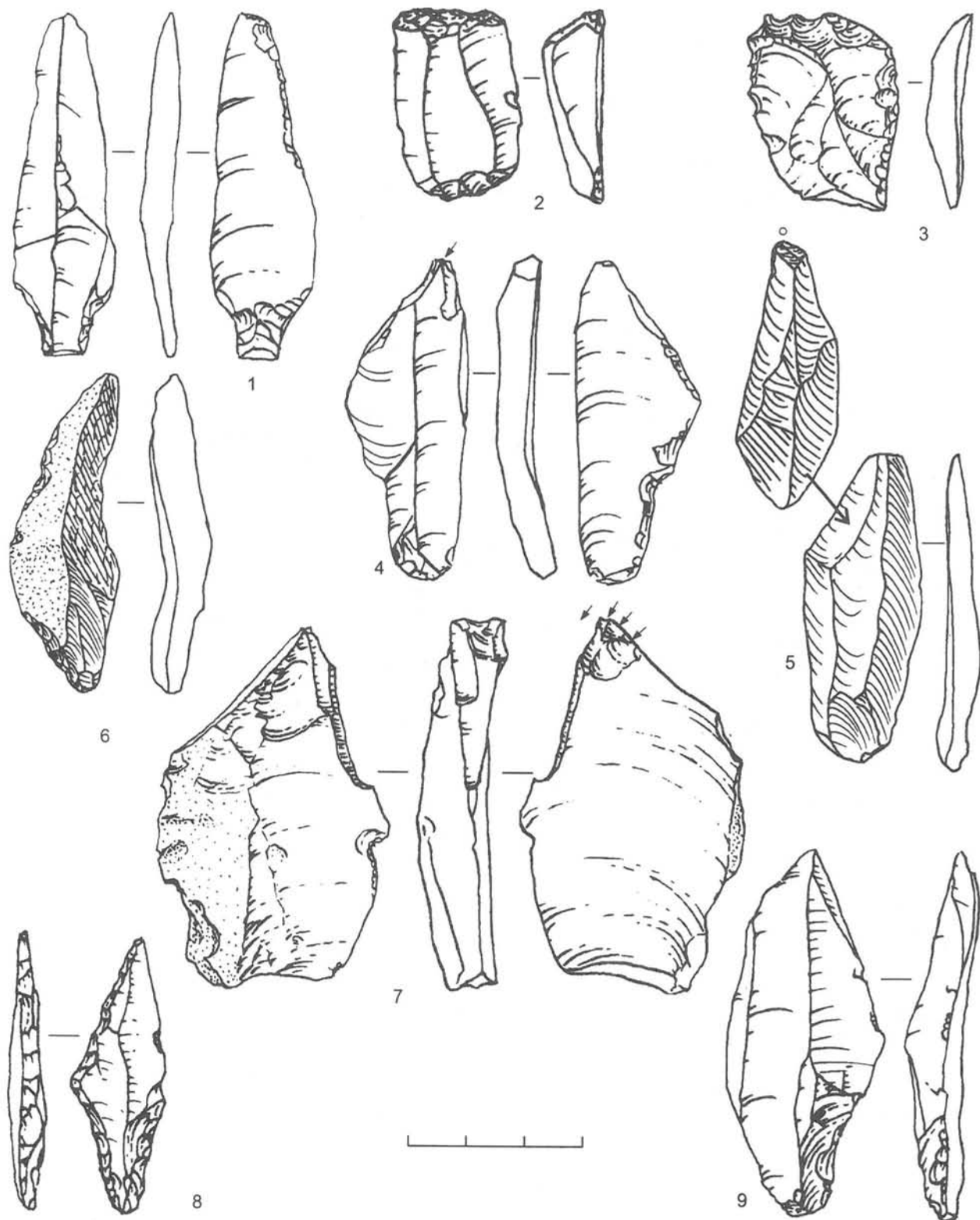

Рис. 2 Кремневый инвентарь скопления на кв. У-Ф-Х-29-32, верхние слои (1—7 — серый кремнь, 8—9 — пестрокоричневый кремнь).

Fig. 2 Flint inventory of the conglomeration on sq. У-Ф-Х-29-32, upper layers (1—7 — grey flint, 8—9 — medley-brown flint).

одноплощадочный призматический нуклеус для пластинок (У-30, 3 слой — погребенная почва, подгруппа I; рис. 5: 4). К последнему нуклеусу апплицируется обломок пластинки того же кремня из другого конца раскопа, происходящей из верхней пачки (Р-27, 5

слой). Кроме того, апплицируются две пластинки, сколотые с призматического встречного нуклеуса. Одна из пластинок найдена в скоплении (У-30, 5—6 сл., подгруппа II, рис. 2: 5), а другая пластинка вне скопления (П-27, 5 слой).

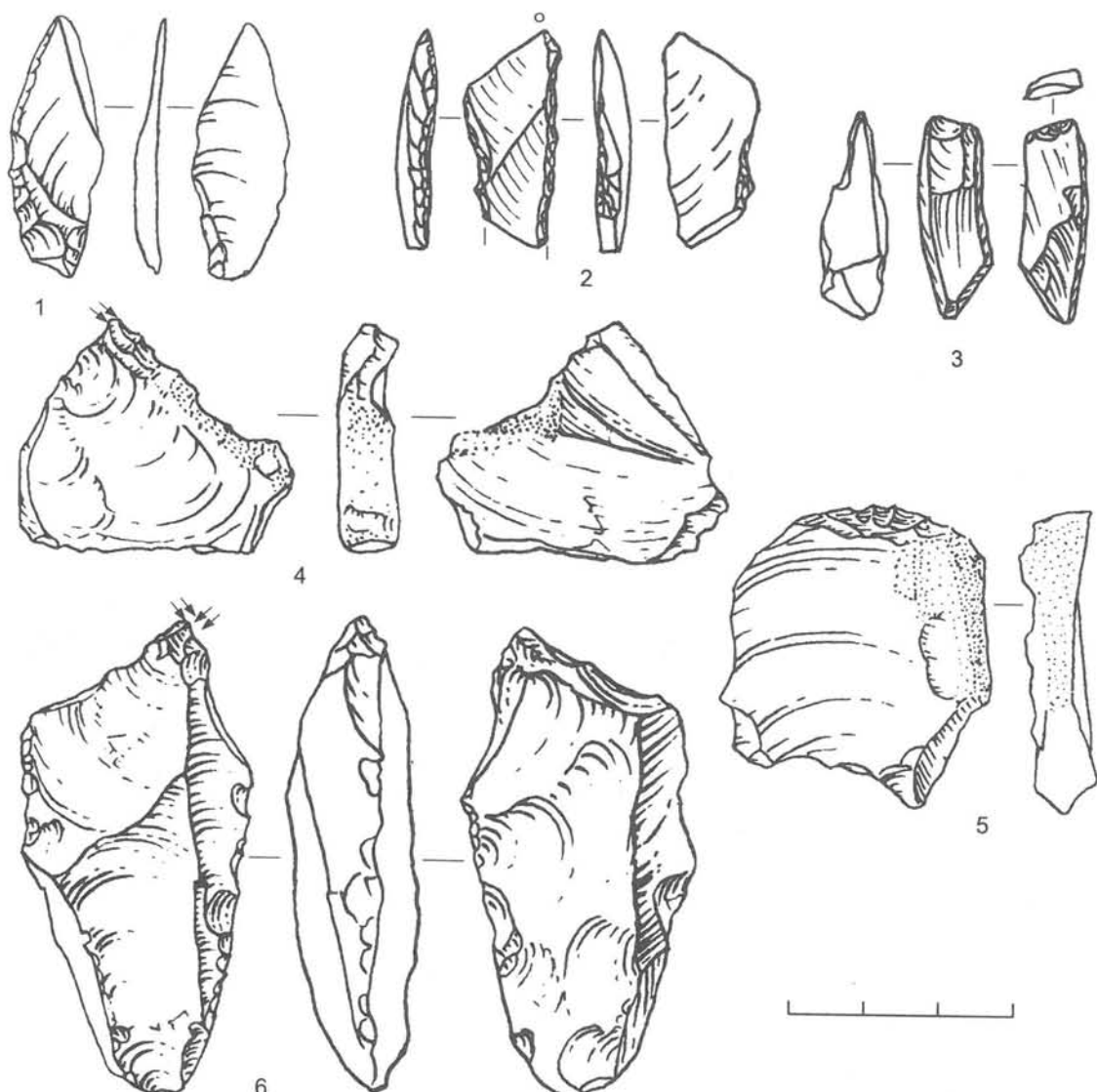

Рис. 3 Кремневый инвентарь скопления на кв. У-Ф-Х-29-32, нижние слои.

Fig. 3 Flint inventory of the conglomeration on sq. У-Ф-Х-29-32, lower layers.

Таким образом, ряд артефактов, образующих достаточно единую по сырью группу серого кремня (подгруппы I—III, V и IX) могут быть охарактеризованы и типологически как единый комплекс, отличающийся тонкопластинчатым раскалыванием, орудиями на пластинках и отщепках. Специфику его определяет свидероидный наконечник и двойной скребок на пластине.

Техника расщепления на стоянке представлена полным циклом. Также как в ановских мастерских (Гурина 1972), нуклеусы представлены одно-, двух- и многоплощадочными формами, в начальной стадии расщепления, и сработанными изделиями. Среди отходов производства отщепы составляют 80,8%. По мере утилизации, нуклеусы приобретали различные формы: конусовидные, торцовые, призматические со встречным скалыванием, призматиче-

ские двуплощадочные с односторонним скалыванием (табл. 4).

Табл. 4. Нуклеусы скопления на кв. У-Ф-Х-29-32

Tabl. 4. Cores of the conglomeration on sq. У-Ф-Х-29-32.

Слой ↓	Инвентарь →	Нуклеусы	Обломки нуклеусов
2—3 слои		16	8
4 слой погр. почва		14	1
5—6 слои		9	9
ВСЕГО		39	18

Всего в рассматриваемом скоплении в нижних слоях насчитывается 16 нуклеусов. Из них 9 экз. представлены аморфными формами. Из типологически определимых (7 экз.) 3 — одноплощадочные подконусовидные (рис. 4: 1—3), 3 — двухплощадочные (рис. 4: 4—6) и 1 экз. кубовидный многоплощадочный (рис. 4: 7). Ударные площадки гладкие, реже сформированы не-

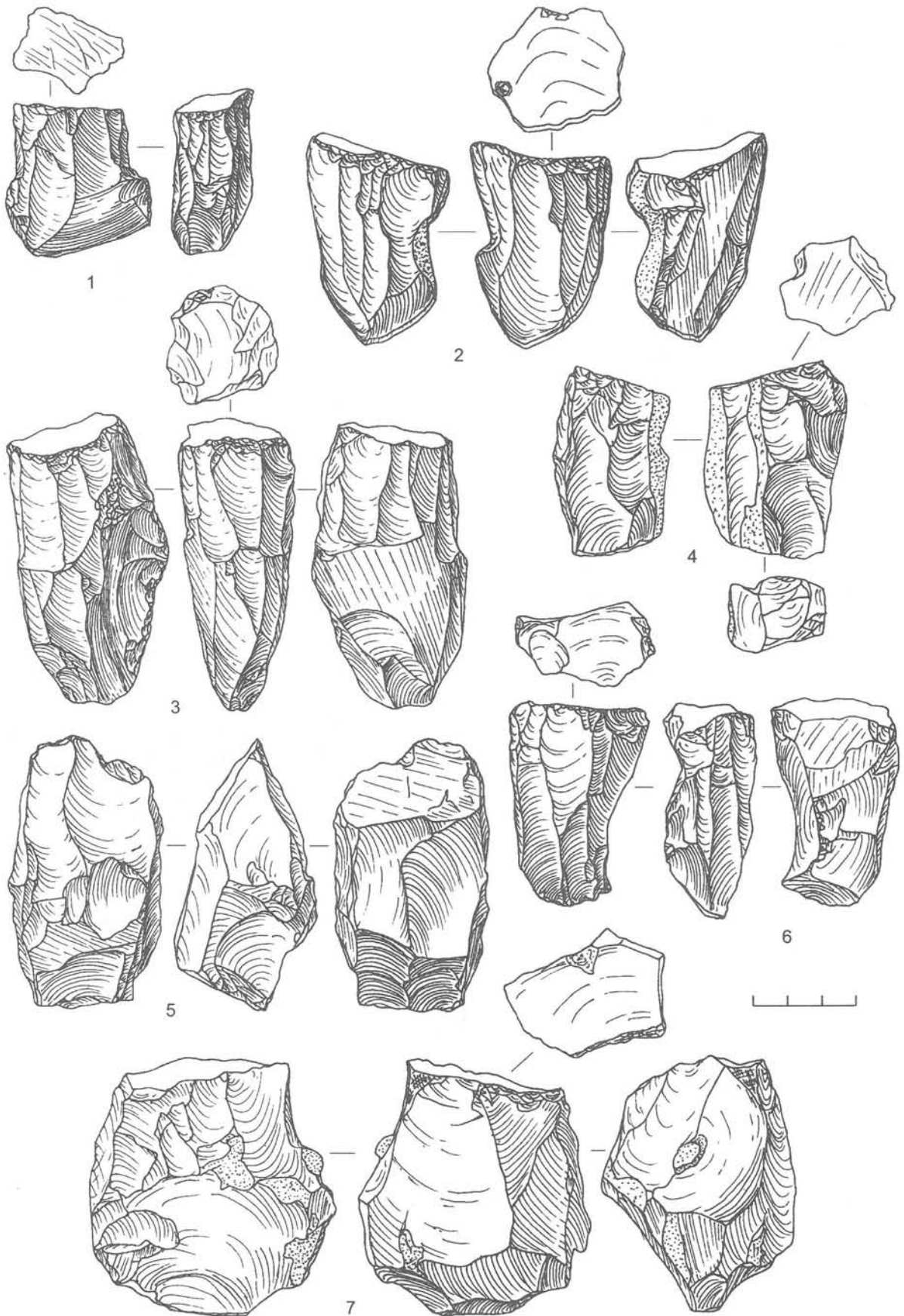

Рис. 4 Нуклеусы скопления на кв. У-Ф-Х-29-32, нижние слои.

Fig. 4 Cores of the concretion on sq. У-Ф-Х-29-32, lower layers.

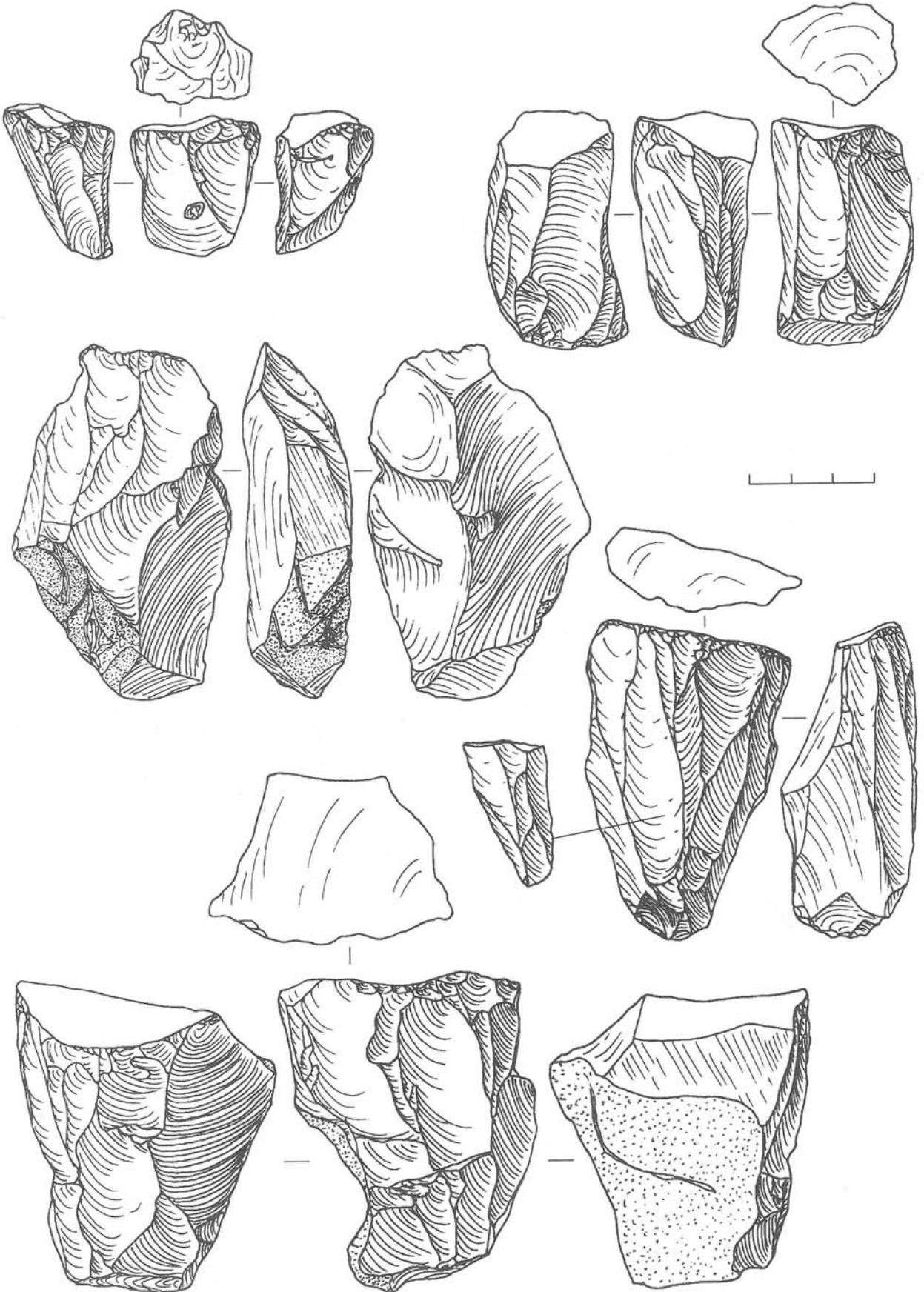

Рис. 5 Нуклеусы скопления на кв. У-Ф-Х-29-32, погребенная почва.

Fig. 5 Cores of the congestion on sq. У-Ф-Х-29-32, submerged soil.

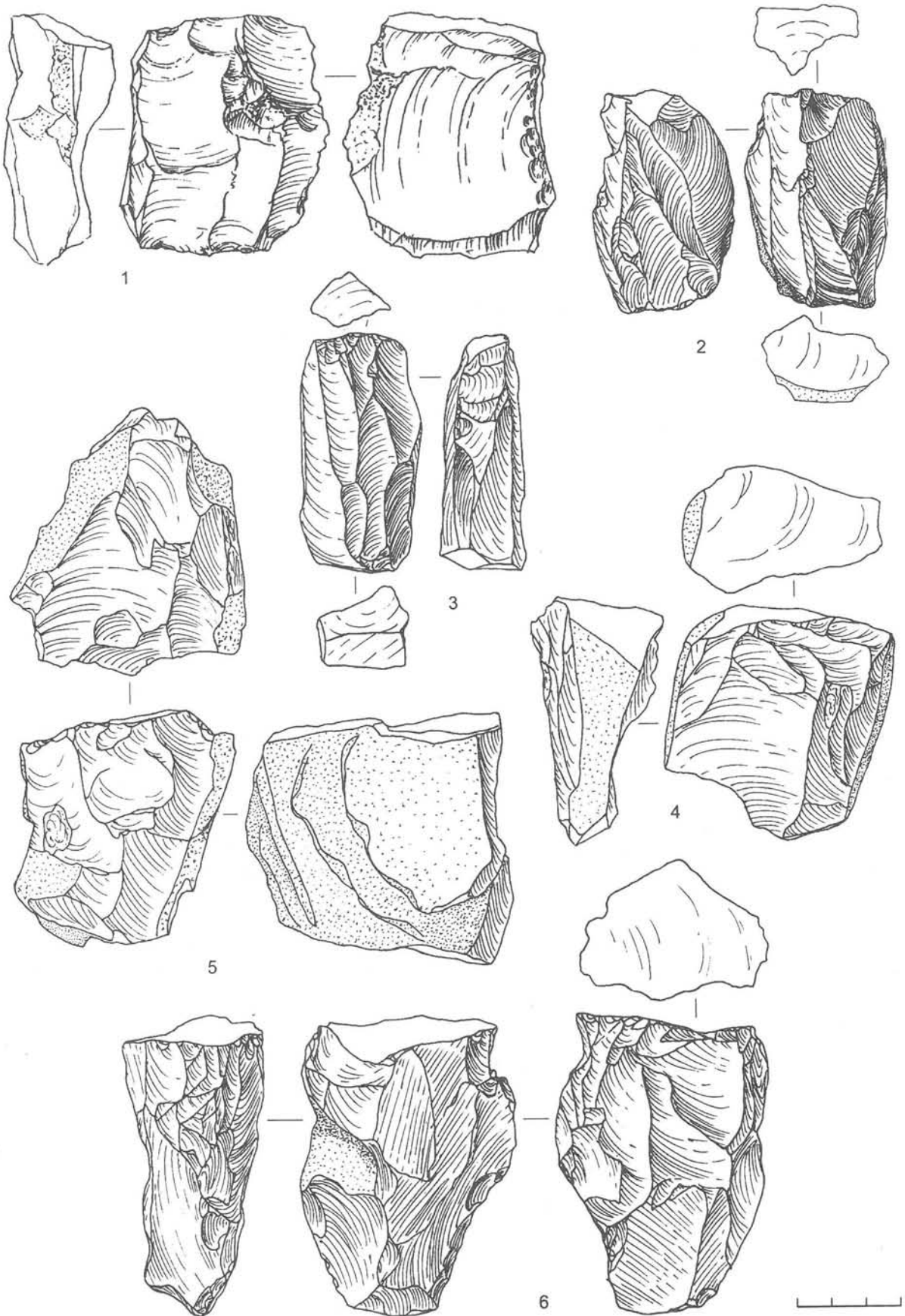

Рис. 6 Нуклеусы скопления на кв. У-Ф-Х-29-32, верхние слои.

Fig. 6 Cores of the congestion on sq. У-Ф-Х-29-32, upper layers.

сколькими сколами. В погребенной почве (слой 4) найдены 14 нуклеусов, из которых среди аморфных форм типологически вычлняются 7 экз.: 2 двухплощадочных ортогональных нуклеуса (рис. 5: 2, 3); 2 экз. одноплощадочных в разных стадиях расщепления, один — в начальной (рис. 5: 5), другой — в конечной (рис. 5: 1); 1 экз. одноплощадочный серого кремня с конвергентным схождением негативов сколов (к нему, как указывалось выше, апплицируется обломок пластинки) (рис. 5: 4). В верхней пачке отложений рассматриваемого участка раскопа, найдено 9 нуклеусов, из которых 2 аморфных, 2 в начальной стадии расщепления: один одноплощадочный подконусовидный (рис. 6: 6) и второй у которого негативы одной плоскости расщепления служили площадкой для второй плоскости (рис. 6: 5), 4 двухплощадочных призматических (рис. 6: 1—4). Среди последних выделяется упомянутый выше нуклеус серого кремня с негативами снятия призматических пластинок (рис. 6: 3). Общий состав всего расщепленного кремня рассматриваемого участка раскопа представлен в табл. 5.

Орудийный набор квадратов У-Ф-Х-29-32. Орудия, выполненные из серого кремня, происходящие из верхней пачки отложений, отличаются от общей коллекции техникой расщепления и вторичной обработки. Среди них присутствуют: постсвидерский наконечник на тонкой пластинке, полученной с одноплощадочного конусовидного нуклеуса (рис. 2: 1), двойной скребок на пластине (рис. 2: 2), скребок на отщепе с зубчатым лезвием (рис. 2: 3), пластинка с ретушью утилизации и резцовым сколом (рис. 2: 4), частично ретушированный пластинчатый отщеп с коркой (рис. 2: 6), угловой многофасеточный резец на пластинчатом отщепе (рис. 2: 7). Орудия на пестрокоричневом кремне из верхней пачки отложений включают: плечиковый наконечник гамбургского типа на пластинке (рис. 2: 8), наконечник, близкий по форме лингбийским, но со спецификой вторич-

ной обработки, нетипичной для лингби на массивной пластине, естественный черешок которого подправлен несколькими фасетками крутой дорсальной ретуши (рис. 2: 9).

Из погребенной почвы (слой 4) на рассматриваемых квадратах кроме пластин и отщепов выраженных типологически орудий не найдено. В нижних слоях (слои 2—3) 6 орудий: ланцетовидный наконечник на пластинчатом отщепе, с черешком, подправленным вентральной противоположающей ретушью (рис. 3: 1), высокая трапеция на отщепе (рис. 3: 2), оформленная крутой дорсальной ретушью. Резцы представлены 2 многофасеточными формами на отщепах (рис. 3: 4, 6). Присутствует 1 скребок на отщепе со слабовыпуклым лезвием (рис. 3: 5). Единичной формой представлено долотовидное орудие на осколке клиновидного профиля (рис. 3: 3).

Таким образом, в нижних слоях представлены орудия, характерные для раннего мезолита, тогда как из верхних слоев происходят 2 наконечника финальнопалеолитических типов и постсвидерский мезолитический комплекс на сером кремне. Можно сделать вывод, что на рассмотренном участке раскопа мы имеем дело с примером обратной стратиграфии, что подтверждается также и данными распределения маркирующего серого кремневого сырья: картина распределения серого кремня по всей площади раскопа и скопления оказывается фактически прямо противоположной. Если в скоплении, локализующимся в пределах клиновидного углубления серый («поздний») кремень представлен незначительно, также как и на тех же квадратах в вышележащих слоях, то на остальных участках раскопа количество серого кремня возрастает от нижних слоев к верхним. Та же ситуация наблюдается и по типологии орудий: в пределах углубления наиболее архаичные орудия залегают не в нижних, а в верхних слоях, а типологически более поздние относятся к скоплению. Обратная стратиграфическая

Табл. 5. Расщепленный кремень скопления на кв. У-Ф-Х-29-32.

Tabl. 5. Knapped flint of the congection on sq. У-Ф-Х-29-32.

Слой	Нуклеусы	Обломки нуклеусов	Массивн. сколы	Отщепы средние	Пластинч. отщепы	Мелк. отщ. и чешуйки	Пластины		Пластинки	
							цел.	обл.	цел.	обл.
2—3 слой	16	8	14	87	23	308	7	11	21	27
4 слой ПП	14	1	16	53	19	127	4	10	15	14
5—6 слой	9	9	14	91	18	224	17	10	19	20
ВСЕГО	39	18	44	231	60	659	28	31	55	61
Слой	Микропластинки		Осколки	Сколы таблетки	Рибрист. сколы	Резцовые сколы	Технич. сколы	ВСЕГО		
	цел.	обл.								
2—3 слой	10	7	177	3	4	—	1	724		
4 слой ПП	—	13	39	5	8	—	2	340		
5—6 слой	5	9	77	2	2	1	1	528		
ВСЕГО	15	29	293	10	14	1	4	1592		

последовательность характерна для склоновых участков в условиях активной эрозии отложений, например подобная картина наблюдается на верхнепалеолитической стоянке Костенки 14 (Sinitsyn 1996). Следовательно, можно реконструировать следующую последовательность переотложенности материала вниз по склону в

пределах зафиксированной «промоины»: ранне-мезолитический комплекс был смыт водотоком, сверху на него попали находки финальнопалеолитического набора инвентаря, еще позднее, возможно в позднем мезолите, образовался «постсвидерский» культурный слой, разрушенный распашкой.

- Гурина, Н. Н. 1972. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях р. Днепра // Палеолит и неолит СССР 7. Материалы и исследования по археологии СССР 185: 244—251. Ленинград: Наука.
1989. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР. Археология СССР 2: 63—76. Москва: Наука.
- Кольцов, Л. В. 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. Археология СССР 2: 68—86. Москва: Наука.
- Копытин, В. К. 1999. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe: 256—266. Lublin.
- Кравцов, А. Е. 1999. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х—1990-х годов) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения 1995—1996. Труды Государственного Исторического музея 103: 79—128. Москва.
- Ксензов, В. П. 1999. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged points cultures in Europe: 229—240. Lublin.
- Леонова, Е. В. 1998. Планиграфический анализ «двонных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.
- Лисицын, С. Н. 2000. Проблемы разделения смешанных комплексов финального палеолита и мезолита Двинско-Ловатского междуречья // Доклад, прочитанный на заседании международного круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (1935—1993), в Государственном Эрмитаже: Древнее население Подвinya в Восточноевропейском историческом контексте. Санкт-Петербург.
- Римантене, Р. К. 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.
1978. Типология палеолитических и мезолитических окончаний Прибалтики // Орудия каменного века: 20—31. Киев: Наукова думка.
- Синицына, Г. В. 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Санкт-Петербург: Tourussell.
1997. Ланино I — памятник каменного века // Каменный век верхневолжского региона 2: 5—62. Санкт-Петербург: АкадемПринт.
2000. Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Доклад, прочитанный на заседании международного круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (1935—1993), в Государственном Эрмитаже: Древнее население Подвinya в Восточноевропейском историческом контексте. Санкт-Петербург.
- 2000а. Финальный палеолит — ранний мезолит этапы развития материальной культуры на Верхней Волги // Тверской археологический сборник 4. Тверь.
- Стридонова, Е. А., А. С. Алешиинская. 1999. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения 1995—1996. Труды Государственного Исторического музея 103: 127—141. Москва.
- Duplessy, J.-C., L. Labeyrie, A. Juillet-Leclerc, J. Duprat. 1992. A new method to reconstruct sea salinity: application to the North Atlantic ocean during the Younger Dryas // The Last Deglaciation: Absolute and Radiocarbon Chronologies. NATO ASI Series I/2: 201—217. Berlin Heidelberg.
- Sinitsyn, A. A. 1996. Kostenki 14 (Markina Gora): data, problems and perspectives // Préhistoire Européenne 9: 273—313.

THE FINAL PALAEOOLITHIC — EARLY MESOLITHIC CHRONO-COMPLEXES SEPARATION EXPERIENCE OF THE MULTILAYER SITE VYSHEGORA I IN SMOLENSK REGION

G. V. SINITSINA, S. N. LISITSIN

Solving the problem of the initial settlement in the Upper Dnieper basin is determined by the available archaeological material recovered from redeposited sediments. The objective pursued by this paper comprises an attempt to separate successive chronological complexes in the archae-

ological materials aggregation of the multilayer site Vyshegora I, occurring within the geological sequence layers of the Pleistocene-Holocene border (the Final Palaeolithic-Early Mesolithic). Issues of the chronology and succession of the site settlement phases are solved by typological analy-

sis complemented by remontage as well as by horizontal and vertical stratigraphy.

The multilayer site (flint workshop) Vyshegora I is situated in the Novodugino area of the Smolensk region. The site is located on the right high-basal bank of the Dnieper. The 1996—1997 excavations at the area of 54 sq.m. recovered the unevenly distributed congestion of flint finds (Fig. 1). Most of them were concentrated within the wedge-like depression (ancient alluvial pothole), which dissected the excavated area in the South-North direction. In the sector of squares У-Ф-Х-29-32 there was found the most complete stratigraphical column comprising 6 layers (Fig. 1A, 1B). The 4-th layer here is distinguished as an isolated submerged soil whereas the wedge-like depression gradually grows into the roundish bowl-like hollow replete with flint finds. The inventory of this congestion was used as the basis for chrono-complexes separation and comparison with the other recovered materials.

FLINT RAW MATERIALS. It is possible to segregate at least 3 comparatively homogeneous flint groups of different colour (brown, grey, black), which can be further divided into sub-groups featuring different tints as well as colour combinations and flint quality (tab. 1, 2, 3).

KNAPPING TECHNIQUE. The cores found in the upper, middle and bottom batches of sedi-

ments within the limits of the examined excavation sector demonstrate cognate technique of knapping of one- or double-platform prismatic cores, destined for blade blanks (tab. 4, 5; fig. 4—6).

PLANIGRAPHY. It was traced that several remontaged flint pieces from the middle batch of the congestion sediments correspond to flints found in the upper batch found outside the congestion.

TOOL INVENTORY. At least 3 complexes of flint tools can be distinguished typologically. The first one similar to the Final Palaeolithic points of lingby and hamburgian types (fig. 2: 8, 9) lied in the upper layers. The second one from the same stratigraphic position demonstrates the Mesolithic post-svider types (fig. 1: 1—7) of grey flint. The third complex (fig. 3) of the Early Mesolithic inventory comes from the lower batch sediments.

Thus, we can reconstruct a converse stratigraphic sequence of the flint artefacts deposition inside the alluvial pothole. This is also proved by the comparison of the outside excavation area data. After the Early Mesolithic cultural layer destruction the Final Palaeolithic finds were redeposited above and finally the post-svider mesolithic complex appeared.

ПОЗДНИЕ КОМПЛЕКСЫ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ УЙ II И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В ГОЛОЦЕНЕ НА ВЕРХНЕМ ЕНИСЕЕ

С. А. ВАСИЛЬЕВ¹

Рассматривая состояние археологической изученности бассейна Енисея, нельзя не отметить, что между поздним палеолитом, представленным десятками стратифицированных памятников, и курганной археологией энеолита-бронзы простирается огромный хронологический отрезок, соответствующий мезолиту и неолиту. Пока об этих периодах мы имеем лишь скудные свидетельства. З. А. Абрамова (Абрамова 1975: 30) отмечала: «...в целом же на Енисее мезолит и неолит — явление далеко не изученное, и все памятники, заполняющие лакуну между палеолитом и афанасьевской эпохой, заслуживают самого пристального внимания». Несмотря на большое число новых открытий, высказывание более чем двадцатилетней давности, к сожалению, сохраняет свою актуальность, особенно если речь идет о Верхнем Енисее. Вот почему любые, даже обрывочные сведения, относящиеся к этой «темной эпохе» в древней истории Приенисейского края, столь ценны для нас. В этой связи интерес представляют материалы, добытые в ходе исследований автора на многослойных стоянках у пос. Майна. Известные своими многочисленными палеолитическими находками (Васильев 1996), эти памятники дали также серию раннеголоценовых комплексов, введению в научный оборот которых посвящена предлагаемая статья.² Пока материалы получили самое предварительное освещение в литературе (Васильев 1987, 1989, 1992, 1992а, 1995; Vasil'ev, Semenov 1993; Vasil'ev 1994).

Но вначале стоит кратко остановиться на истории исследования и современном состоянии изученности мезолита и неолита на Енисее. Как и в случае с палеолитом, начало научного поиска здесь было положено И. Т. Са-

венковым, который описал находки вещей неолитического типа, поступивших в основном из сборов, в том числе связанных с южными районами Минусинской котловины (Савенков 1896). В дальнейшем обследование поверхностных местонахождений было продолжено рядом авторов. Отметим проведенные Э. Р. Рыгдылоном (Рыгдылон 1953) разведки по правобережью Енисея вплоть до с. Означенное. Сводку по неолиту районов, расположенных севернее (преимущественно из окрестностей Красноярска), дал А. П. Окладников (Окладников 1957). К неолиту в это время относили ряд погребений, открытых у с. Батени, в Черемушном Логу и др. Предпринятый Э. Б. Вадецкой (Вадецкая 1988) сравнительный анализ находок из этих комплексов убедительно показал их более поздний (окуневский) возраст. Основой для суждения о характере культурного развития в мезолите и неолите оставалась Бирюсинская стоянка (Ауэрбах, Громов 1935).

В рамках крупномасштабных работ Красноярской экспедиции в 60-е гг. Л. П. Зяблин исследовал поздненеолитическое поселение Унюк (Зяблин, Виноградов 1991), а Н. Н. Гурина (Гурина 1964) возобновила работы на Бирюсе. В дальнейшем исследовательские усилия в основном сводились к сбору подъемного материала на местонахождениях раннего голоцена в степях Хакасии (Кызласов 1986; Лисицын 1988; Лисицын, Худяков 1997) или к раскопкам стоянок с переотложенными смешанными материалами (Виноградов 1982).

Положение начинает меняться лишь в 70—80е гг., когда был открыт ряд стратифицированных памятников, как в верховьях, так и в среднем течении Енисея. Переломным моментом в исследовании раннеголоценовых культур

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

² За помощь в изучении материалов поздних комплексов стоянок Майнской группы я благодарен С. Н. Астахову, Г. В. Синицыной, Вл. А. Семенову, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских, Н. М. Ермоловой, А. К. Каспарову, Ю. С. Свеженцеву, И. М. Громову, Я. И. Скоробогатову, М. Л. Подольскому, Н. П. Макарову и В. В. Боброву.

Рис. 1 Карта археологических памятников раннеголоценового возраста в районе пос. Майна на Енисее. 1 — Створ I, II; 2 — Летник; 3 — Малый Карак; 4 — Сизая III, IV, VI; 5 — Голубая V—VIII; 6 — Майнинская; 7 — Уй II; 8 — Кибик I, II; 9 — Изербель; 10 — Соболиный Бычек; 11 — Сойотка; 12 — Каменная Деревня; 13 — Пойлова; 14 — Водомерный Пост.

Fig. 1 Early Holocene sites near the Maina village at the Yenisei.

1: Stvor I and II; 2: Letnik; 3: Malyi Karak; 4: Sizaia III, IV and VI; 5: Golubaia V to VIII; 6: Maininskaia; 7: Ui II; 8: Kibik I and II; 9: Izerbel'; 10: Sobolinyi Bychek; 11: Soiotka; 12: Kamennaia Derevnia; 13: Poilova; 14: Vodomernyi Post.

Среднего Енисея стали раскопки Н. П. Макаровым в 80—90-е гг. многослойной стоянки в пещере Еленева. Судя по предварительным публикациям (Макаров, Мартынович, Оводов и др. 1992; Макаров, Орлова 1995), речь идет об открытии четко стратифицированных комплексов в диапазоне от раннего мезолита до средневековья. Здесь впервые для мезолита-неолита Енисея получена серия радиоуглеродных датировок, проведен комплексный анализ палеосреды и дана реконструкция хозяйственной деятельности человека каменного века. Кроме того, неолитические комплексы иссле-

дованы на стоянках Шалуниин Бык, Няша, Усть-Минжуль, Боровка II, Красноярская, Зимовейная, Язевка, Островки и др. (Макаров 1993; Макаров, Мандрыка, Ямских и др. 1995; Макаров, Ямских 1995). Наряду с накоплением новых материалов, продолжено переосмысление старых находок (Синицына 1993) и введение их в контекст изменившихся представлений о неолите Южной Сибири, сформированных в основном под влиянием разработок иркутских археологов. В этом плане большое значение имеет скопление памятников в долине р. Кан, особенно многослойная стоянка Казачка (Генералов 1979).

Что касается Верхнего Енисея, то стоит отметить исследованные Саяно-Тувинской экспедицией под общим руководством С. Н. Астахова стоянки Усть-Хемчик III (Беляева 1972), Малые Уры I (Васильев 1986), Сосновка Головановская (Васильев 1981) и др. Большое значение для изучения неолита региона имели раскопки стоянки Тоора-Даш. Нижние (1—4) культурные слои памятника дали оригинальные комплексы, которые послужили основой для выделения верхнеенисейской поздненеолитической культуры (Семенов 1992). Кроме того, В. А. Семеновым (1986) в Саянском каньоне Енисея были проведены работы на неолитических стоянках Усть-Кантегир и Сосновка Джойская.

Первые находки каменного века в районе Майны были обнаружены еще в 1971 г. С. Н. Астаховым при рекогносцировочных работах, связанных с началом строительства Саяно-Шушенской ГЭС и другими новостройками. Тогда на берегу Енисея у г. Саяногорска им были открыты неолитические местонахождения Створ I и Летник, а также стоянка Створ II, раскопанная на небольшой площади. В долине р. Голубой, наряду с палеолитическими стоянками, были обнаружены пункты Голубая V—VIII. В 1976 г. С. Н. Астахов (1989) при обследовании района будущей зоны затопления водохранилища Майнской ГЭС обнаружил ряд местонахождений с находками неолита-бронзы (Пойлова, Сойотка, Соболиный Бычек и др.). В 1980 г. С. Н. Астаховым и автором была проведена разведка в долине р. Сизой, где удалось открыть неолитические местонахождения Сизая III, IV и VI. В том же году автором были обследованы пункты Кибик I и II, а в 1983 г. при разведке по трассе Уйско-Означенской оросительной системы, было найдено неолитическое местонахождение Малый Карак. Однако, начиная с 1980 г. основные исследования сосредоточились на трех многослойных стоянках — Майнинской, Уй I и II. К изложению части материалов последнего памятника мы и приступим (рис. 1).

Стоянка Уй II приурочена к крайней северной части Саянского каньона Енисея неподале-

ку от выхода реки на степные просторы Минусинской котловины. Она расположена близ устья небольшой горной речки Уй — левого притока Енисея в 4 км к югу от центра пос. Майна. У устьев рек Уй и Голубая Енисей покидает узкое ущелье и образует долину шириной до 2 км, где хорошо представлены низкие четвертичные террасы и песчано-галечниковые поймы. На левобережье долину окаймляют отроги невысокого Джойского хребта. В приустьевой части р. Уй северный левый берег ее обрывается крутыми 200 м склонами Уйского хребта — отрогами г. Баштак. Правый берег речки более пологий, ширина долины равна 500—600 м. По дну ее среди галечника петляет речка шириной 8—15 м. В настоящее время пологие горы, окружающие долину, почти сплошь покрыты смешанной тайгой. В целом район Майны характеризуется обычной для горной местности мозаичностью ландшафтов. Преобладают пихтово-кедровые, лиственничные и березовые леса, чередующиеся с остепенными участками. В высокогорье — субальпийские луга с редкостойными лесами, курумники и горные тундры. Животный мир представлен типичными обитателями сибирской тайги — бурым медведем, лосем, кабаргой, маралом, соболем, белкой, горностаем, колонком и др.

Стоянка располагалась на левому берегу Енисея к югу от устья р. Уй. С южной стороны ее площадь была ограничена горными склонами, с запада — железнодорожной веткой Майна-Черемушки и шоссеной дорогой, с востока — водохранилищем Майнской ГЭС.

Памятник был приурочен к останцам II террасы (16—17 м) Енисея, сильно разрушенным в ходе строительных работ и позже подтопленным водохранилищем.

Стоянка была открыта в 1980 г., когда на северном, ближнем к устью р. Уй, участке был собран подъемный материал и сделана зачистка, установившая наличие двух культурных слоев. В последующие годы памятник не исследовался и лишь в 1987 г. в связи с окончанием работ на основных палеолитических объектах — стоянках Уй I и Майнинской, удалось вернуться к раскопкам стоянки Уй II, которые были проведены в 1987—1991 гг.

К этому времени уровень воды в водохранилище поднялся на 13 м и в итоге памятник очутился на вытянутом по направлению север-юг останце террасы размерами 120 × 35 м. При этом выделялся южный участок стоянки (где были заложены раскопы 2—5 и 10), далее к северу верхняя часть отложений с голоценовыми остатками была срезана бульдозером до начала раскопок (место расположения раскопов 6—8). Для нашей темы интерес представляет северный участок, где в останцах сохранилась мощная толща голоценовых отложений, перекрывавшая палеолитические слои. Здесь верхние слои вскрывались в 1987 г. в раскопе 1 (кв. а-г-102-112) и в 1991 г. — в раскопах 11 (кв. Щ-Ю-103-112) и 12 (кв. а-г-128-137), а наиболее полная колонка отложений была получена в 1990 г. в раскопе 9 (кв. д-л-128-137) непосредственно вблизи устья р. Уй.

Стратиграфия северного участка памятника по бровке в раскопе 9 следующая:

	мощность, м
1. Песок черно-серый, плотного сложения — современная почва. На глубине около 0,2 м — культурный слой А. Контакт с нижележащим слоем четкий.	0,17
2. Песок желтовато-серый, мелкозернистый, плотного сложения, представлен отдельными линзами и прослоями. В нижней части на глубине 0,3 м — культурный слой Б. Контакт с нижележащим слоем неровный, языковатый	0,20
3. Песок черно-серый, мелкозернистый, плотного сложения — погребенная почва. Местами в слое почвы встречаются линзы и вкрапления желтовато-серого песка, делящего слой на две части. В верхней части на глубине 0,4 м — культурный слой В, в нижней, на глубине 0,5 м — культурный слой Г. Контакт с нижележащим слоем неровный, языковатый	0,20
4. Песок желтовато-серый, мелкозернистый, плотного сложения, представлен отдельными линзами. Контакт с нижележащим слоем четкий, неровный	0,10
5. Песок коричневатого-серый, мелкозернистый, плотного сложения — горизонт А погребенной почвы. Из верхней части слоя заложена сеть узких грунтовых жил шириной 3—5 см, рассекающих уровень 1 культурного слоя. В плане они образуют полигональную сетку с шириной полигонов 30—50 см. Контакт с нижележащим слоем постепенный, языковатый. Литологические слои 1—5 включают раздробленную гальку и щебень, пронизаны корнями современных растений.	0,20
6. Песок желто-бурый пылеватый, плотного сложения, интенсивно окрашенный, книзу светлеет — горизонт В ископаемой почвы. На глубине 0,85 м — 1 культурный слой. Нарушен ходами землероев. Контакт с нижележащим слоем постепенный, волнистый, языковатый	0,20
7. Песок желто-серый. 2 и 3 палеолитические культурные слои	0,30
8. Песок светло-коричневый — погребенная почва. 4 палеолитический культурный слой	до 0,03
9. Песок серо-желтый со следами мерзлотных клиньев. 5 палеолитический культурный слой	0,35
10. Песок серый карбонатизированный. 6 палеолитический культурный слой	0,35

11. Переслаивание светло-серого и коричневатого-серого песков. 7 палеолитический культурный слой	1,00
12. Валунно-глыбовый горизонт, на его поверхности — 8 палеолитический культурный слой (видимая)	до 0,10

Погребенная почва, с которой были связаны остатки 1 культурного слоя, относится к типу светло-серых каштановых степного типа. Она была рассечена трещинами усыхания и полигональной сеткой грунтовых жил. Выше фиксировались остатки погребенной почвы лугово-черноземного типа, к которой были приурочены культурные слои Г и В. Современная почва относится к разряду лугово-черноземных.

Далее даем описание голоценовых культурных слоев сверху вниз.

Культурный слой А относится к таштыкской эпохе и нами здесь не рассматривается.

Культурный слой В в раскопе 9 залегал в основании подстилающего современную почву желтого песка и местами на верхнем контакте первой погребенной почвы (глубина 0,35 м, отметки -2—34). Слой залегал с легким уклоном в северном направлении. Он представлял собой горизонт залегания отщепов, костей и фрагментов керамики. На кв. и-127 был найден двусторонне обработанный наконечник стрелы ромбической формы. На кв. и-126 на краю раскопа встречены человеческие кости — два фрагмента бедренных и эпифиз большеберцовой. Вероятно, это остатки разрушенного погребения.

Табл. 1. Каменный инвентарь голоценовых культурных слоев стоянки Уй II.

Tabl. 1. Lithic inventories from the Holocene components of Uj II.

	Слой В	Слой Г	Слой Д	Слой Е
Оббитые и расколотые гальки		2	1	7
Обломки галек		2		29
Первичные сколы	1	7		17
Обломки и осколки	11	29	121	59
Нуклеусы		2	4	9
Нуклеидные обломки		1		2
Сколы оживления			3	14
Пластинки и микропластинки	6	18	131	48
Пластины			12	7
Отщепы	42	77	434	202
Чешуйки мелкие и отщепы	23	190	3925	779
Орудия	8	17	58	36
Сколы с ретушью утилизации	2	3	8	9
Итого:	93	348	4697	1218

Керамика слоя В (рис. 2: 1, 2) представлена немногочисленными фрагментами. За исключением примеси таштыкской керамики, можно отметить фрагмент верхней части сосуда с ото-

гнутом наружу венчиком, украшенным по срезу косыми насечками. Ниже венчика — ряд вдавлений и косая сетка из прочерченных линий. В разрезе черепок двухслойный, с темной внутренней поверхностью и коричневатосерой внешней, в тесте — примесь дресвы.

Каменный инвентарь слоя (табл. 1) характеризуется использованием черно-серых микрокварцитов, реже серого кварцита и кремня. Отсюда происходят 2 обломка вкладышей (рис. 2: 3). Единственный целый наконечник стрелы имеет удлинненно-ромбическую форму и прямое основание (рис. 2: 5), есть и фрагмент наконечника. В слое найден скребок на отщепе с ретушью по продольным краям (рис. 2: 4) и изделие типа топорика с унифасиальной отделкой по плоскости раскола гальки (рис. 2: 6). Дополняют коллекцию поперечное зубчатое орудие и массивный отбойник на конце удлиненной гальки.

Культурный слой В был расчищен только в раскопе 9, где он был приурочен к верхней части первой погребенной почвы. Находки залегали на глубине 0,4—0,5 м (отметки -5—44). Слой был выявлен в юго-восточной части раскопа на кв. д-л-126—132. Здесь были найдены отщепы, фрагменты костей и керамики. На кв. ж-127 найден крупный двусторонне обработанный вкладыш. На кв. и-128 на уровне слоя были встречены очень плохо сохранившиеся мелкие фрагменты бронзовых изделий, может быть бусинок. Нельзя исключить, что они попали сюда из таштыкского слоя. На кв. к-128 был обнаружен коренной зуб человека, а рядом — фрагмент нижней челюсти с зубами (вероятно, остатки разрушенного погребения).

Керамика слоя В (рис. 3: 1—3) представлена несколькими мелкими фрагментами сосудов с оттисками гребенчатого штампа и прочерченными линиями. Имеется фрагмент литевой формы.

Преобладающее сырье — гальки черно-серого кварцита и микрокварцита, а также окремненной породы коричневого цвета. Здесь встречен небольшой призматический одноплосщадочный нуклеус, атипичное клиновидное ядрище на отщепе с двусторонней обработкой основания (рис. 3: 6) и выразительный удлиненный бифасиальный вкладыш (рис. 3: 7). Наконечники стрел представлены 2 короткими треугольными изделиями с глубокой выемкой в основании (рис. 3: 3) и 2 треугольными наконечниками с прямым основанием (рис. 3: 4). Одно двусторонне обработанное изделие можно рассматривать как заготовку наконечника. Имеется также атипичное долотовидное

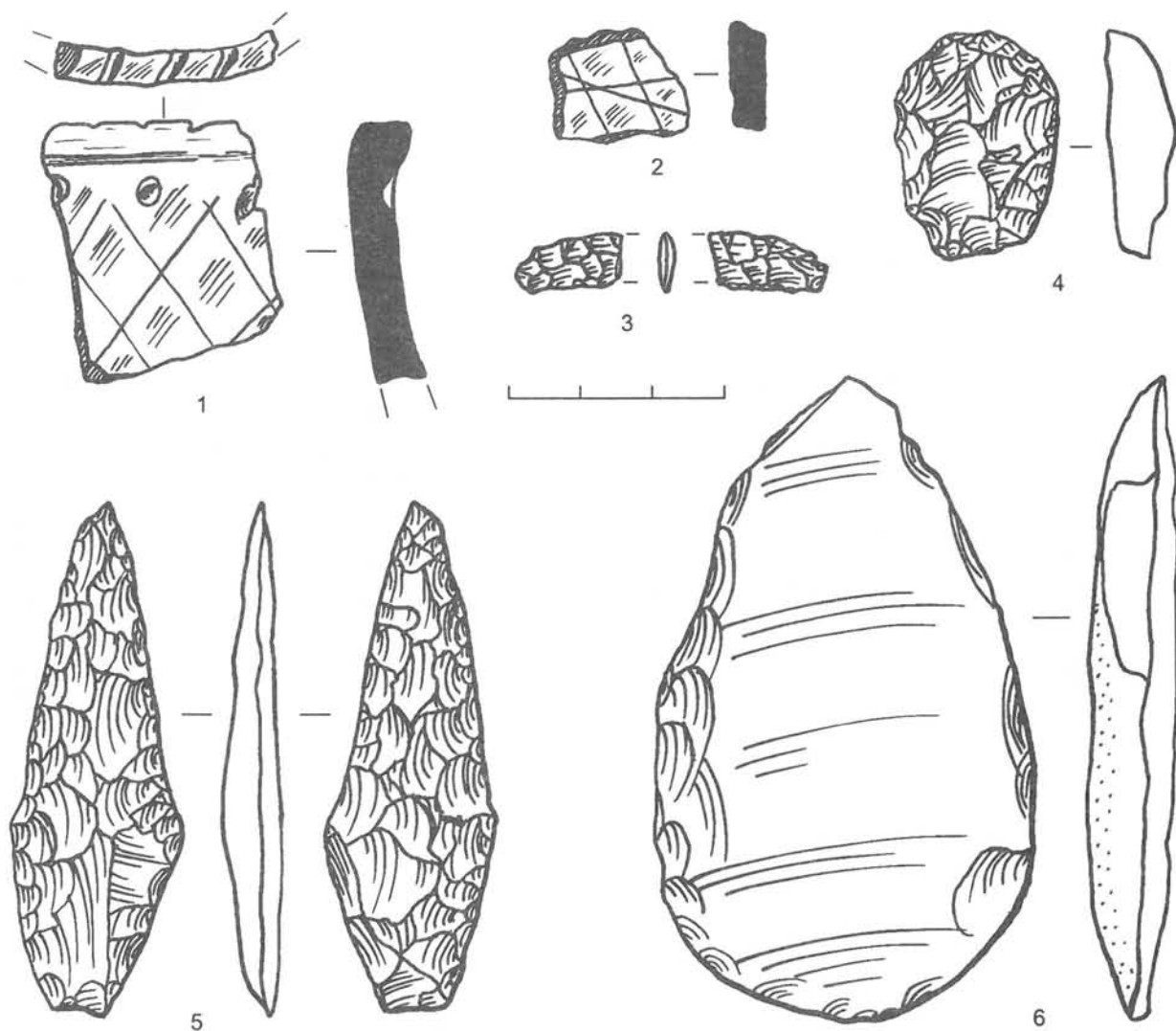

Рис. 2 Уй II. Керамика и каменный инвентарь культурного слоя Б.
1, 2 - фрагменты сосудов; 3 — вкладыш; 4 — скребок; 5 — наконечник; 6 — топорик.

Fig. 2 Uii II. Ceramics and lithics from Layer B.
1 and 2: potsherds; 3: insert; 4: endscraper; 5: point; 6: small ax.

орудие с одним рабочим краем и 2 невыразительных скребловидных изделия (угловое скребло на брюшке отщепа и продольное выпуклое орудие с рабочим краем также на вентральной плоскости). Далее отметим 3 отщепа с тонкой притупляющей ретушью по одному и двум краям (рис. 3: 5). Есть 2 продольных зубчатых орудия и 4 фрагмента орудий.

Культурный слой Г выявлен в северной части памятника. В юго-восточной части раскопа 11 (кв. э-103—104) на глубине 0,2 м (отметки +18—4) в слое темно-серой погребенной почвы вскрыто округлое в плане (диаметром около 0,6 м) значительное скопление предметов расщепленного камня (в основном серого кварцита), стратиграфически соответствовавшее слою Г. Отсюда происходят 8 пластин, 30 пластинок, 22 микропластинки, 213 отщепов, 6 осколков и 3182 чешуйки. Среди находок — 2 вкладыша, наконечник, 3 заготовки наконеч-

ников стрел подтреугольной формы, остроко-нечник, скребок, 4 бифасиальных ножа, тесло, 2 фрагмента орудий и отщеп со следами ути-лизации. Судя по характеру находок, перед нами остатки мастерской по изготовлению на-конечников стрел и вкладышей из двусторонне обработанных заготовок, причем первичное расщепление здесь не производилось. Отдельные предметы найдены в северо-восточной части раскопа.

В раскопе 9 слой залегал в первой погребенной почве на глубине 0,5 м (отметки -25—49). Находки были распространены по всей площади раскопа (отщепа, фрагменты керамики, кости, угли). Поверхность слоя была густо усеяна обломками растрескавшихся галек и обломков камней. Вдоль склона, на линиях кв. и-к, слой ополз; здесь четко читались трещины отседания, заполненные желто-серым песком. На кв. ж-132 найдены шлифовальный камень

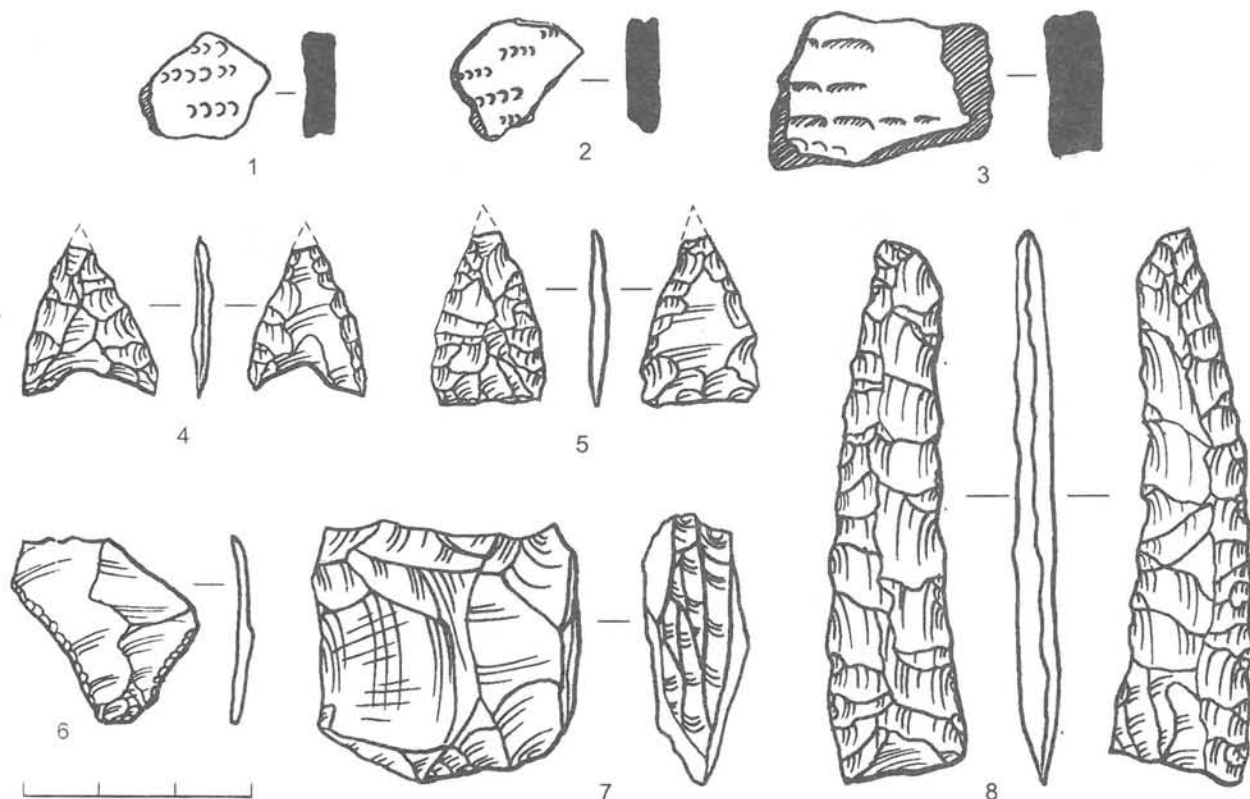

Рис. 3 Уй II. Керамика и каменный инвентарь культурного слоя V.

1—3 - фрагменты сосудов; 4, 5 — наконечники стрел; 6 — отщеп с ретушью; 7 — клиновидный нуклеус; 8 — вкладыш.

Fig. 3 Uii II. Ceramics and lithics from Layer V.

1 to 3: potsherds; 4 and 5: arrowheads; 6: retouched flake; 7: wedge-shaped core; 8: insert.

и обломок шлифованного тесла, на кв. д-132 — заготовка наконечника.

На кв. з-129 обнаружен череп собаки хорошей сохранности, поставленный в небольшое углубление вертикально челюстью вверх. Ритуальный характер объекта не вызывает сомнений.

Примечательной чертой слоя явилось наличие ряда каменных кладок и очагов, из трескавшихся обломков галек и плиток.

На кв. и-134 располагалась полукольцевая, разомкнутая к северо-западу, выкладка из плит сланца, причем камни были частично составлены в два яруса. Размеры кладки $0,5 \times 0,55$ м. От нее к югу тянулись отдельные разбросанные камни на кв. и-к-132—133. Вторая, более компактная кладка, овальной формы, находилась на кв. и-129—130. Ее размеры $0,3 \times 0,4$ м. На кв. ж-129—130. также была зафиксирована полукольцевая, разомкнутая к юго-западу, кладка из мелких камней, ее размеры $0,5 \times 0,4$ м.

В южной части раскопа были расчищены остатки двух очагов. Более крупный из них, на кв. з-и-127—128, имел удлиненно-овальную форму (размеры $0,7 \times 1$ м), вытянутую по направлению север-юг. Очаг состоял из крупных расколотых галек и обломков сланца. В разрезе под слоем камней читался $0,06—0,1$ м слой

черно-серой сажистой массы с вкраплением крупных углей. С восточной стороны от него, на кв. и-127—128, лежали камни со следами обожженности. На кв. к-129 имелось углистое скопление, на кв. к-128 — остатки дерева. Второй очаг (е-ж-117—120), состоял из мелких камней, он имел неправильно-овальную форму и был вытянут по направлению юго-запад — северо-восток. Его размеры $1,6 \times 1,4$ м. В разрезе под камнями — слой черной сажистой массы ($0,06—0,09$ м).

По образцу древесного угля была получена датировка 3625370 (JE-3822).

Керамика слоя Г (рис. 4), помимо попавших сюда фрагментов таштыкских сосудов, представлена фрагментами 6 сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом и отпечатками шнура. Есть фрагмент сосуда с рядом нанесенных изнутри вдавлений, расположенных горизонтально в ряд ниже венчика. Керамика тонкостенная, тесто однородное, с небольшой примесью дресвы, цвет черепка коричневатосерый.

Преимущественно использовались серые и черные кварциты и микрокварциты. Реже встречаются изделия из черного кремня и зеленоватого кремнистого сланца.

Нуклеусы — небольшие одноплощадочные на обломках камня с выпуклой дугой раскалы-

вания (2 экз.). Есть более мелкие одноплощадочные нуклеусы (2 экз.) (рис. 5: 7). Площадки у всех гладкие.

Вкладыши — 3 экз. Один небольшой и два крупных изделия четырехугольной формы (рис. 5: 9). Наконечники стрел — трех типов. Первый тип — треугольные наконечники небольших размеров, с вогнутым основанием, укороченных пропорций (2 экз.; рис. 5: 1). Ко второму относятся изделия близкой формы, также с вогнутым основанием, но удлиненные (2 экз.; рис. 5: 2). Третий тип представлен крупным наконечником с прямым основанием (рис. 5: 4). Встречены также фрагменты мелких наконечников с вогнутым (3 экз.), с прямым основанием (1 экз.) и 4 медиальных обломка, 1 обломок крупного наконечника со слабо вогнутым основанием. Есть дистальный обломок массивного наконечника, возможно дротика (рис. 5: 3). В инвентаре имеются бифасиальные заготовки наконечников стрел удлиненно-овальной (3 экз.) и подтреугольной формы (3 экз.; рис. 5: 5).

Выразителен экземпляр остроконечника листовидной формы на массивном отщепе. Рабочие края его оформлены крутой ступенчатой ретушью, а основание — полукрутой (рис. 5: 15). Кроме того найдены: пластинка притупляющей обработкой продольного края на брюшке (1 экз.), обломок долотовидного орудия с двумя перпендикулярно поставленными подтесанными лезвиями.

Проколки с короткими жальцами — 3 экз. Одна из них оформлена на углу отщепа противоположающей ретушью, вторая — бифасиальной отделкой на конце ретушированной пластинки (рис. 5: 6). Третья проковка — двойная с противоположающей обработкой жалец.

Скрепки слоя Г достаточно выразительны и разнообразны по морфологии. Выделяется крупное орудие с односторонней ретушью продольных краев (рис. 5: 13). Второе изделие — с бифасиальной обработкой краев (рис. 5: 12). Есть небольшой скребок удлиненных пропорций с двусторонней подработкой продольного края (рис. 5: 8) и обломок рабочего края орудия.

Скребло (1 экз.) — продольное выпуклое с рабочим краем на брюшке отщепа. Отщеп с притупляющей ретушью продольного вогнутого края (1 экз.). Ножи — 2 фрагмента со сплошной двусторонней обработкой (рис. 5: 10) и 2 фрагмента — с приостряющей бифасиальной ретушью по краю. Имеются 4 фрагмента удлиненно-овальных бифасиальных орудий (возможно ножи или тесла?) (рис. 5: 11).

Слой дал выразительную серию крупных изделий на гальках. Имеется 2 чоппера с прямыми рабочими краями, ориентированными вдоль длинной оси гальки (рис. 5: 19). Тесел — 4 экз. Первое из них представляет собой

Рис. 4 Уй II. Керамика культурного слоя Г

Fig. 4 Ui II. Ceramics from Layer G.

массивное изделие, изготовленное на сколе с гальки, с противоположающей подработкой основного лезвия и продольных краев (рис. 5: 17). Аналогично ему второе, не законченное обработкой, изделие. Еще одно тесло удлиненное, с бифасиальной оббивкой (рис. 5: 16). Привлекает внимание шлифованное тесло на сколе серой кремневой породы (рис. 5: 18).

В заключение отметим находку удлиненно-го точильного бруска и обломок сланцевой плитки со следами пришлифовки (рис. 5: 14). Фрагментов орудий — 9 экз.

В отличие от вышележащих горизонтов, 1 культурный слой был выявлен практически на всей площади стоянки, где он повсеместно был связан с остатками сдвоенной погребенной почвы.

В раскопе 2 слой залегал на глубине 0,8—1,7 м, резко поднимаясь в северном направлении от отметки —110 до —42. Он представлял собой уровень залегания отдельных кремней, лишь в южной части раскопа, на кв. М-11—12, наблюдалось скопление мелких отщепов и пластинок вокруг гальки. В северо-западной части раскопа 2 (кв. М-Н-18) и в прирезке к раскопу 3 (кв. М-П-19—21) слой был более четко выражен на отметках —24—37. На кв. Н-21 и М-Н-20 были встречены небольшие скопления отщепов, а на кв. Н-21 — две гальки-терочника. Следует отметить, что впоследствии вблизи раскопа 10 в блоке отвалившейся по-

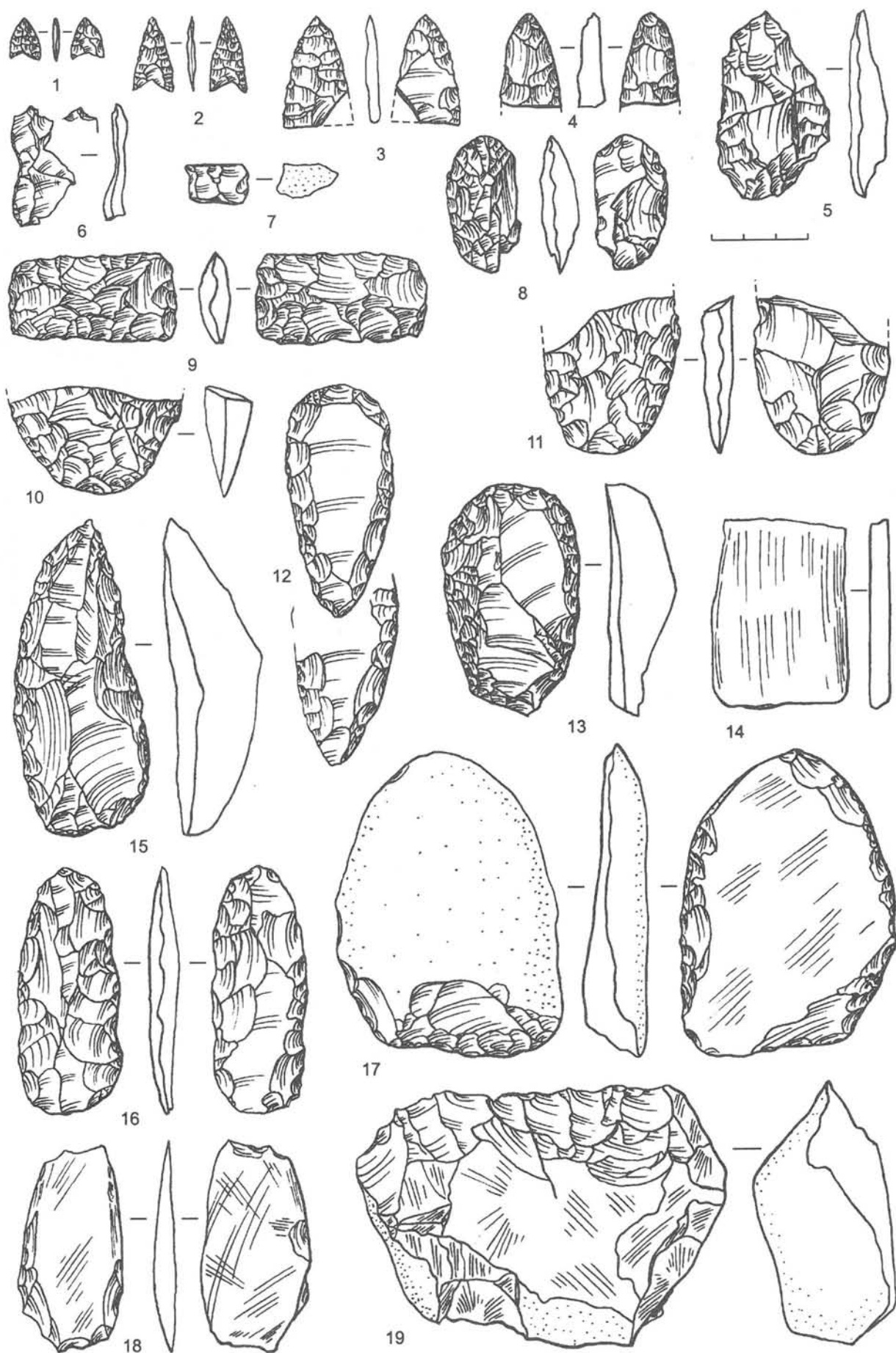

Рис. 5 Уй II. Каменный инвентарь культурного слоя Г
 1—4—наконечники стрел; 5—заготовка наконечника; 6—проколка; 7—нуклеус; 8, 12, 13—скребки; 9—
 вкладыш; 10, 11—ножи; 14—сланцевая плита со следами пришлифовки; 15—остроконечник; 16—18—
 тесла; 19—чоппер.

Fig. 5 Uii Lithics from Layer G.
 1 to 4: arrowheads; 5: arrowhead blank; 6: borer; 7: core; 8, 12 and 13: endscrapers; 9: insert; 10 and 11: knives;
 14: slate plate; 15: chopper; 16-18: spears; 19: chopper.

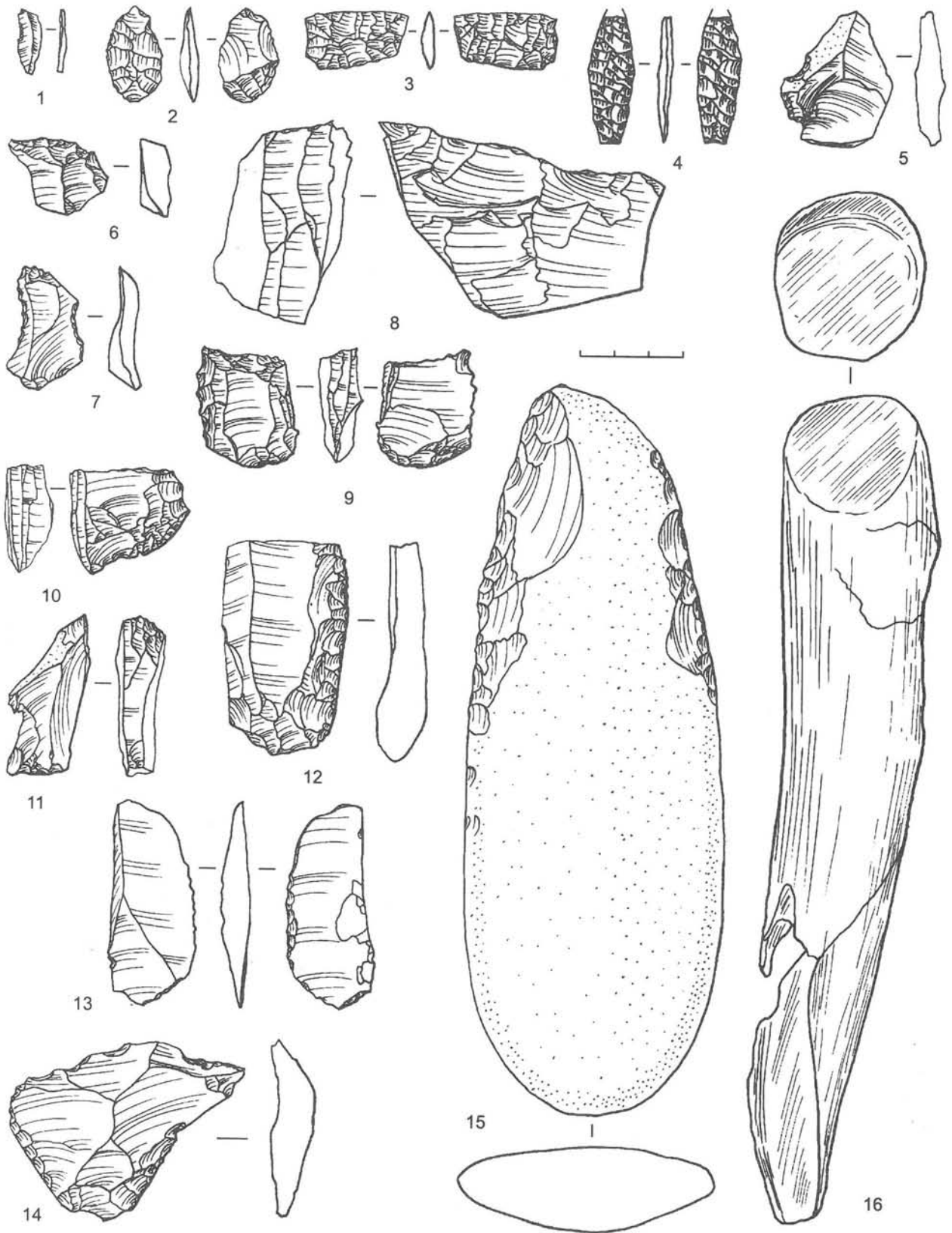

Рис. 6 Уй II. Изделия из камня и рога I культурного слоя.

1 — ретушированная микропластинка; 2, 4 — наконечники стрел; 3 — вкладыш; 5 — выемчатое орудие; 6 — скребок; 7 — зубчатое орудие; 8—11 — нуклеусы; 12, 14 — скребла; 13 — нож; 15 — топорovidное орудие; 16 — роговая колотушка.

Fig. 6 Uii II. Lithic and antler pieces from Layer I.

1 — retouched bladelet; 2, 4 — arrowheads; 3 — insert; 5 — notched tool; 6 — endscraper; 7: denticulated tool; 8 to 11: cores; 12 and 14: sidescrapers; 13: knife; 15: ax-like tool; 16: antler striker.

гребенной почвы, соответствовавшей 1 культурному слою, был встречен небольшой фрагмент человеческого черепа. Рядом в стенке обрыва читалась очажная линза. В раскопе 3 слой вскрывался на отметках от -1 до -22, здесь найдены отщепы, расколота галька, ядрища и орудия, а также немногочисленные кости. В раскопе 10 на отметках +1—17 (глубина около 1 м) также встречались предметы расщепленного камня и угольки.

Далее к северу остатки слоя сохранились лишь на ограниченной площади в крайней северо-западной части раскопа 4, южном углу раскопа 5, северо-восточном углу раскопа 6. На остальной площади верхняя часть отложений была срезана бульдозером.

В раскопе 1 культурный слой расчищен на глубине 0,2—0,3 м (отметки +10—29). В средней части раскопа на кв. б-в-105—106 вскрыты остатки небольшого очага округлой формы диаметром 0,7 м. В разрезе очаг имел вид линзы рыжеватого прокаленного песка с вкраплением темных углистых пятен. Мощность его в центре составляла 0,15 м. На кв. в-г-102—103 обнаружена впущенная из слоя округлая хозяйственная яма. Диаметр ее — 1,2 м, глубина — 0,9 м. В заполнении на дне ямы обнаружены скопление раковин моллюсков (*Bradybaena schrencki*), кварцитовые пластинки, крупное двуплощадочное ядрище красно-вато-серой кремневой породы и снятые с него отщепы.

В раскопе 11 находки встречались на глубине 0,5—0,55 м (отметки +10—34). На кв. Ъ-112 найдена роговая колотушка, на кв. Ы-111 — оббитая по периметру сланцевая плитка, а на кв. э-ю-103—104 — скопление костей. В раскопе 12 находок практически не было, в раскопе 9 на глубине 0,6—0,8 м (отметки -28—83) найдены отщепы и крупное топорovidное орудие (кв. 3-135).

Среди костных остатков представлен благородный олень и аргали (определение А. К. Каспарова, ИИМК РАН, Санкт-Петербург).

Кроме того, обнаружено значительное количество изделий из камня. В качестве сырья использовались черные и черно-серые кварциты, реже — микрокварцит, кварц, липарит, зеленовато-серые крупнозернистые породы, серо-коричневый кремль.

Техника расщепления в целом отщеповая, хотя есть и прекрасные образцы пластинок. Крупных ядрищ — 3 экз. Первый нуклеус — на расколоте пополам гальке плоский одноплощадочный с поперечным скалыванием. Второй — удлиненный двуплощадочный с торцовым скалыванием. Выразительно ядрище с ударной площадкой подработанный рядом сколов и следами снятия отщепов по боковой плоскости и пластинок на торце (рис. 6: 8).

Есть небольшой сработанный двуплощадочный нуклеус.

Клиновидных микронуклеусов — 3 экз. Два — типичных ядрища средних пропорций с квадратными в плане очертаниями и тщательной ретушной отделкой гребня и площадки (рис. 6: 10) и атипичный удлиненный нуклеус с ретушированной площадкой и следами частичной подработки основания (рис. 6: 9). Торцовых микроядрищ — 2 экз., они сделаны на удлиненных обломках и имеют гладкие площадки (рис. 6: 11).

Наконечники стрел представлены удлиненной асимметричной заготовкой, изделием миндалевидной формы с законченной обработкой (рис. 6: 3). Имеется наконечник с прямым узким основанием, оформленный струйчатой ретушью (рис. 6: 4) и мелкий фрагмент изделия. Вкладышей — 2 экз. (рис. 6: 2).

В коллекции имеется микропластинка с ретушированной выемкой (рис. 6: 1) и атипичный резец на углу сломанной пластинки.

Долотовидные орудия (2 экз.) — широкие, укороченных пропорций на отщепе с поперечным рабочим краем.

Скребки — 2 экз. Первый — стрельчатый скребок высокой формы на удлиненном отщепе, второй — атипичный скребок со скошенным лезвием, также на отщепе (рис. 6: 6).

Скребла — 7 экз. Три из них относятся к продольным выпуклым. Это выразительное изделие на пластине с субпараллельной ретушью (рис. 6: 12) и два орудия она отщепе (одно из них несет следы уплощения концов на брюшке). Еще одно скребло имеет поперечный выпуклый рабочий край, оформленный на брюшке отщепе и противолежащий естественный обушок. Последний предмет данной группы можно классифицировать как тройное скребло с двумя продольными лезвиями (выпуклым и вогнутым) и частичной подработкой поперечного края (рис. 6: 14). Найдены также два обломка скребел с бифасиальной обработкой края.

Нож (1 экз.) — на отщепе, оформлен плоской чешуйчатой ретушью, нанесенной с брюшка (рис. 6: 13).

Зубчатых орудий — 1 экз., это отщеп с зубчатой отделкой вогнутого продольного края и ретушированной выемкой на другом краю (рис. 6: 7).

Выемчатых изделий — 5 экз. В их число входят 1 поперечный и 2 продольных ретушированных анкоша на отщепе (рис. 6: 5), 1 ретушированный анкош на продольном крае пластинки на брюшке и пластинчатый скол с двумя не смежными клетонскими анкошами по краю.

Есть в коллекции отщеп с подработкой ретушью продольного края и уплощающим скалыванием на брюшке на поперечном конце.

Из числа крупных рубящих орудий отметим заготовку топора на продолговатой уплощенной гальке. Двусторонними сколами у нее создана рукояточная часть (рис. 6: 15). Другое топорovidное изделие изготовлено на очень массивном отщепе и имеет расширенную рабочую часть, небрежно подработанную рядом сколов.

В коллекции имеется 4 мелких фрагмента орудий.

Кроме того, в слое были обнаружены залегавшие друг на друге две гальки-терочника. Нижняя галька — плоская подтреугольная, со следами сточенности в центральной части. Поверх этого места лежала вторая галька, меньших размеров, со следами стертости и выбоинами на одном из краев (следы ее использования также в качестве отбойника).

Особняком стоит обколота по периметру сланцевая плитка овальной формы длиной 18 см.

В инвентаре слоя, кроме того, имеется крупное изделие из рога оленя типа колотушки размерами 242 × 45 × 50 мм (рис. 6: 16).

Теперь, на основании сопоставления описанных выше материалов с другими памятниками, попробуем определить хронологию и культурную принадлежность верхних комплексов стоянки Уй II.

К числу древнейших из рассматриваемых нами комплексов относится I культурный слой. Ближайшие аналогии можно найти в материалах неолитического слоя Майнинской стоянки (Васильев 1995) и стоянки Усть-Хемчик 3 в Туве (Беляева 1972). Общие черты сравниваемых памятников очевидны — это господство пластинчатой техники, отсутствие керамики, наконечники стрел с вогнутым основанием, иногда удлиненные, наконечники с боковой выемкой, ряд форм скребков. Отсутствие керамики на упоминаемых памятниках не может быть объяснено функционально, производственными особенностями стоянок. Ведь мы имеем дело в одном случае с мастерской (культурные остатки на Майнинской стоянке представлены почти исключительно предметами расщепленного камня, группировавшимися в ряде скоплений), а в двух других — с жилыми стоянками (Уй II доставил остатки очага и хозяйственной ямы, кости аргали и благородного оленя, а на Усть-Хемчике 3 были открыты очажные комплексы, остатки сибирского козерога, раковины съедобных моллюсков и т. д.) Однако, есть и различия в инвентаре. На Майнинской стоянке присутствуют не характерные для Усть-Хемчика ромбовидные и овальные крупные наконечники, скребла, вкладыши, призматические ядрища. В свою очередь, в инвентаре Усть-Хемчика представлены подтреугольные наконечники с прямым основанием, ретушированные микропластинки, кли-

новидные и конусовидные нуклеусы. Наличие клиновидных форм сближает Усть-Хемчик и Уй II. В целом материалы майнинских памятников имеют более развитый облик, хотя различия могут и не отражать хронологическую последовательность.

Вопросы хронологической привязки указанных памятников пока далеки от окончательного решения. Единственная радиоуглеродная датировка, полученная для Усть-Хемчика, помещает комплекс в V тыс. до н. э. Для докерамической культуры это достаточно позднее определение. Напомним, что сходные по общим параметрам памятники на Среднем Енисее относятся к значительно более раннему времени (VII—VI тыс. до н. э.). Судя по материалам пещеры Еленева, в V тыс. до н. э. на Енисее уже существовала культура раннего неолита со шнуровой керамикой (Макаров 1993).

Таким образом, возникает явное противоречие между ранней датировкой финального мезолита на Среднем Енисее (что полностью согласуется с современными оценками возраста этого периода в других частях Южной Сибири) и представлением о запоздалом развитии докерамических микролитических индустрий в горах Западного Саяна. Что это — отражение действительного отставания в культурном развитии изолированных групп древних охотников в горной области или ошибка единственного определения абсолютного возраста, еще предстоит выяснить.

Стоянки, лишенные керамики, достаточно широко распространены в горах Западного Саяна. В долине Енисея к ним можно отнести ряд местонахождений на р. Шугур (Беляева 1975), нижние (4 и 5) культурные слои стоянки Малые Уры I (Васильев 1986), стоянку Казыр-Сук на Большом Пороге (исследования С. Н. Астахова и автора) и ряд других пунктов. Добавим к ним открытую автором в долине правого притока Енисея, р. Ус, стоянку Теплая.

Комплексы, близкие описанным выше, то есть содержащие неолитический набор изделий из камня (наконечники стрел, вкладыши, шлифованные изделия), но лишенные керамики, открыты во всех уголках юга Сибири. Для обозначения этого культурного пласта я ранее использовал термин «бескерамический неолит», следуя традиции А. П. Окладникова. Отсюда происходит и название «неолитический культурный слой» на Майнинской стоянке (В. И. Беляева, кстати, тоже описала Усть-Хемчик 3 как «неолитическую», а не «мезолитическую» стоянку). В настоящее время практически всеми исследователями в Сибири принято относить бескерамические комплексы к финальному мезолиту, а термин «бескерамический неолит» вышел из употребления.

Сложнее определить место комплексов культурных слоев Г—Б. Ситуация осложняется явным смещением разновременных материалов в этой части колонки (столбовые ямы таштыкского времени и интенсивная деятельность землероев). Поселение слоя Г имеет характер жилой площадки с очагами и скоплением расщепленного камня. Труднее судить о характере обитания в слоях В и Б. Отметим, что во всех трех случаях начальный этап расщепления камня не фиксируется. Здесь нет крупных нуклеусов, крайне редки сколы оживления и первичные сколы.

Вряд ли можно рассматривать комплексы названных слоев как единое целое. Орнаментация керамики в них различна. На смену гребенчатой керамике слоев Г и В приходит орнамент в виде прочерченных линий в слое Б. Столь же велики различия в каменном инвентаре — треугольные наконечники стрел с вогнутой и прямым основанием, характерные для слоев Г и В, уступают место ромбовидным формам в слое Б.

Незначительное число керамического материала и отсутствие четко датирующих признаков в каменном инвентаре чрезвычайно затрудняют определение возраста комплексов. Даже открытие захоронения остатков собаки в слое Г мало что дает для датировки, так как погребения собак в Сибири встречаются в самых разных культурах от мезолита до железного века включительно.

Немногочисленные фрагменты керамики из слоев В и Б не имеют аналогий в неолитических памятниках региона и, скорее всего, относятся уже к бронзовому веку. Орнаментация венчика сосуда из слоя Б близка глазковской Восточной Сибири (см. Генералов 1982). Единственная радиоуглеродная датировка для слоя Г помещает комплекс в середину II тыс. до н. э., что также соответствует бронзовому веку, хотя нельзя исключить и несколько более ранний (финал неолита) возраст комплекса, исходя из факта открытия фрагментов гребенчатой керамики.

Попробуем, опираясь на материалы стоянок Майнинской группы, обрисовать в общих чертах характер каменного века на Верхнем Енисее в голоцене (рис. 7).

Первый же взгляд на схему обнаруживает резительный контраст между обликом финальнопалеолитических пунктов и скудостью данных по раннеголоценовым культурам. Это обстоятельство не может быть истолковано ни сохранностью отложений, ни с точки зрения палеоэкологии. Напомним, что в конце плейстоцена горы Западного Саяна изобиловали промысловой фауной, большая часть видов которой, вероятно, сохранилась с наступлением голоцена (лось, козуля, благородный олень и др.).

Древнейший в пределах голоцена период (ранний мезолит или эпипалеолит) представлен материалами нижнего слоя стоянки Сосновка Голованьянская (Васильев 1981). На этой фазе продолжают в основном палеолитические культурные традиции. Несмотря на малочисленность находок, можно предполагать, что носители афонтовской культуры, доминировавшей на Верхнем Енисее в финале палеолита (Астахов 1986; Васильев 1996) продолжали существовать в горах Западного Саяна. На Среднем Енисее этому этапу соответствуют раннемезолитические комплексы пещеры Еленева (слои 13, 14 и 15), датируемые временем 9—8 тыс. лет (Макаров, Орлова 1992).

Следующая фаза представлена памятниками бескерамического неолита или финального мезолита, такими как Усть-Хемчик 3, неолитический слой Майнинской стоянки и I слой стоянки Уй II. Здесь уже происходят существенные изменения в орудийном наборе — появляются наконечники стрел и вкладыши, шлифованные орудия. Именно с данного периода можно констатировать сплошное освоение древним человеком долины Енисея и его основных притоков (Васильев 1992б). Хозяйственная деятельность носителей этих комплексов основывалась на добыче сибирского козерога в южной части горной страны, благородного оленя и аргали в северной. Охота, судя по находкам галек-терочников, дополнялась собирательством. Поселения устраивались вблизи устьев рек, культурные остатки концентрируются вокруг очагов, встречены хозяйственные ямы. Неолитический комплекс Майнинской стоянки свидетельствует о наличии специализированных площадок-мастерских для обработки камня. На Среднем Енисее этому культурному пласту соответствуют материалы позднего мезолита пещеры Еленева (слои 12А, 12 и 11Д с датами в пределах 8,2—7,3 тыс. лет; Макаров, Орлова 1992).

К сожалению, в дальнейшем снова наблюдается перерыв в изученности, соответствующий раннему и среднему неолиту. До сих пор на Верхнем Енисее не встречено достоверных остатков этой эпохи. Немногим лучше обстоит дело в бассейне Енисея к северу. За исключением пещеры Еленева и ряда других стоянок Красноярского региона, материалы по неолиту немногочисленны. Помимо большого числа поверхностных местонахождений, датировка которых остается открытой (Кызласов 1986; Лисицын 1988; Лисицын, Худяков 1997), имеются поселения со смешанными разновременными остатками. К таковым относятся I слой Бирюсы, Усть-Собакина, Вьюжное, Оглахты и др. (Окладников 1957; Виноградов 1982а; Сеницына 1993). Вряд ли подобные материалы могут служить базой для выделения в неолите Минусинской котловины археологических

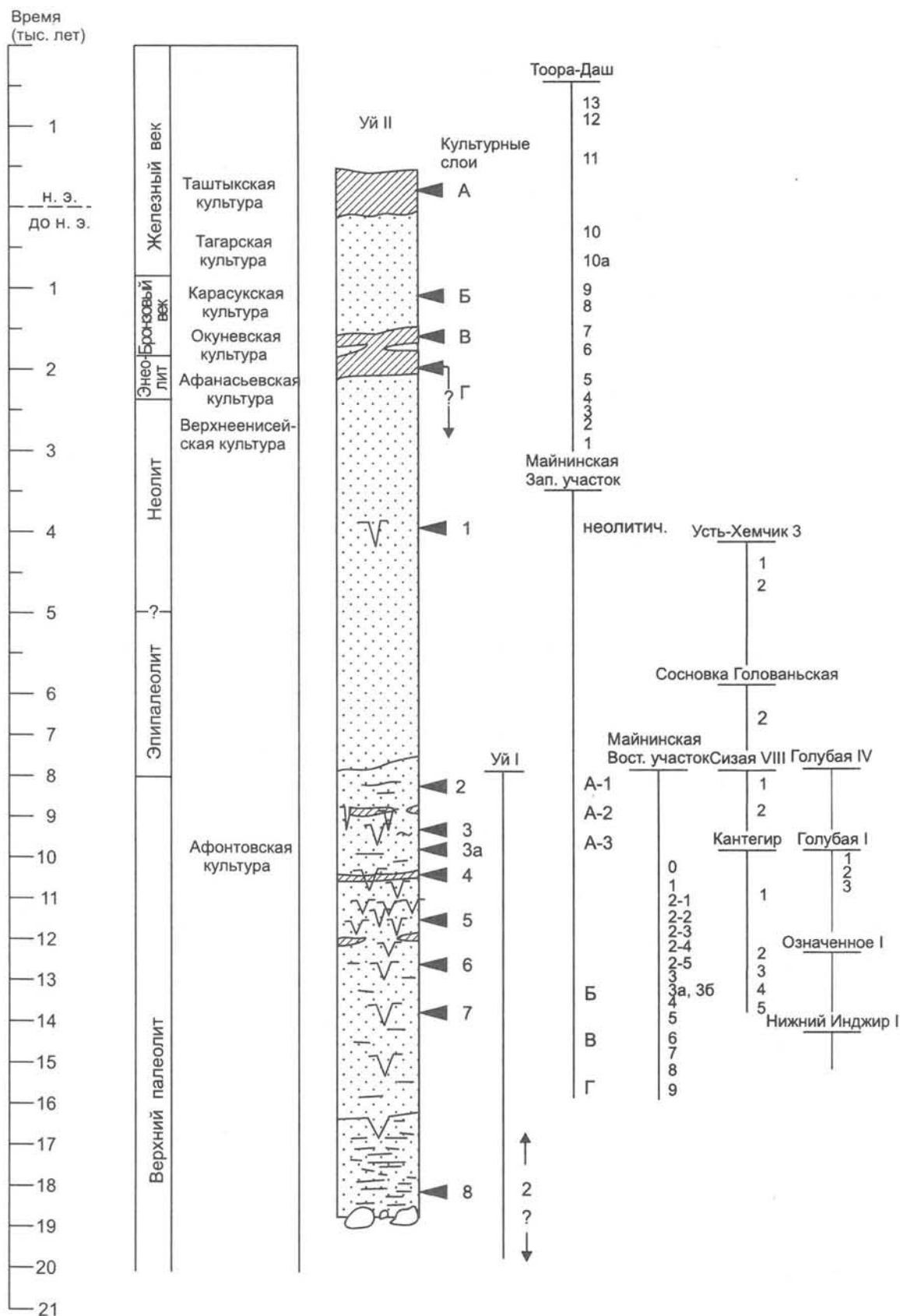

Рис. 7 Схема развития древних культур Верхнего Енисея по материалам стратиграфических колонок многослойных памятников.

Fig. 7 Tentative developmental scheme of the prehistoric cultures at the Upper Yenisei basin based on the stratigraphic successions of the multicomponent sites.

культур (оглактинской, унюкской и среднеенисейской; Кызласов 1986) или «культурных типов» (унюкского и карасевского; Виноградов 1982).

Только в конце неолита, в пред-афанасьевское время (первая половина III тыс. до н. э.) в Западном Саяне появляется поздненеолитическая верхнеенисейская культура, выделенная Вл. А. Семеновым (1992) по материалам нижних (1—4) слоев стоянки Тоора-Даш. Для нее характерна керамика с гребенчатой орнаментацией, господство в инвентаре отщепов, скребел, скребков высоких форм, коротких наконечников стрел с выемкой в основании, зубчатых орудий. В слоях открыты остатки каменных конструкций вероятно погребального характера, обложенные камнями очаги. Основой хозяйства было сочетание охоты на сибирского козерога, архара, косулю, дзерена, кулана и др., с рыболовством. Возможно, к позднему неолиту относятся и другие стоянки Саянского каньона Енисея (Сосновка Джойская и Усть-Кантегир), хотя они и не имеют прямых аналогий в материалах Тоора-Даша. На Среднем Енисее этому времени соответствуют поздний неолит Унюка (Зяблин, Вино-

градов 1991), стоянки Боровое II (3 слой) и пещеры Еленева (слой 10; Макаров 1993).

Таковы основные этапы развития каменного века в голоцене на Верхнем Енисее как они представляются нам на уровне современных данных. Разумеется, картина изобилует еще пробелами, что неизбежно до открытия в данном районе четко стратифицированных многослойных памятников типа пещеры Еленева или Казачки. Только начиная с финального неолита, уникальная колонка стоянки Тоора-Даш дает возможность проследить непрерывную цепь развития и смены археологических культур вплоть до средневековья.

В будущем стоило бы рассмотреть материалы, полученные в ходе работ на Майне, в более широком контексте голоценовых культур юга Сибири, тем более, что в свете новых данных на Алтае и в Приангарье, хронология мезолита-неолита Сибири вырисовывается более отчетливо. Перспективным представляется и поиск новых стратифицированных памятников в районе Саяногорска-Майны, хотя основная часть низких террас вдоль самого Енисея здесь уничтожена в ходе строительства. Однако, разведка по долинам притоков Енисея, как кажется, могла бы оказаться результативной.

- Абрамова, З. А. 1975. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине // Археология Северной и Центральной Азии: 21—30. Новосибирск: Наука.
- Астахов, С. Н. 1986. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука.
1989. Новые памятники каменного века в северной части устья Енисея в Саянах // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР I: 71—73.
- Аузрбах Н. К., В. И. Громов. 1935. Материалы к изучению Бирюсинской стоянки Красноярского округа // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 118: 219—245.
- Беляева, В. И. 1972. Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 в Западной Туве // Краткие сообщения Института археологии 131: 110—114.
1975. Кремневая мастерская на р. Шугур // Краткие сообщения Института археологии 141: 95—98.
- Вадецкая, Э. Б. 1988. Современное представление о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // Краткие сообщения Института археологии 199: 68—73.
- Васильев, С. А. 1981. Сосновка Голованьская — новый многослойный памятник каменного века в Западном Саяне // Краткие сообщения Института археологии 165: 123—125.
1986. Неолитическая стоянка Малые Уры // Палеолит и неолит: 113—117. Ленинград: Наука.
1987. Неолитический комплекс на многослойной Майнинской стоянке // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова I: 62—64. Томск: Издательство Томского государственного университета.
1989. Раскопки многослойной стоянки каменного века Уй-2 в Западном Саяне // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: 77—79. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета.
1992. Раннеголоценовые комплексы Верхнего Енисея и алтайские аналогии к ним // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая: 29—30. Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского государственного педагогического института.
- 1992а. Уй-II — опорная колонка древних культур эпохи камня и палеометалла в бассейне Верхнего Енисея // Арсеневские чтения: 155—157. Уссурийск: Издательство Уссурийского государственного педагогического института.
- 1992б. Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна // Российская археология 1: 5—12.
1995. К вопросу о бескерамическом неолите Сибири // Древности Южной Сибири: 16—20. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
1996. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Виноградов, А. В. 1982. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
- 1982а. Вьюжное I — новый памятник эпохи неолита и ранней бронзы в Минусинской котловине // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири: 117—132. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета.
- Генералов, А. Г. 1979. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // Краткие сообщения Института археологии 157: 43—47.
1982. Новые памятники эпохи неолита и бронзы Канской котловины // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири: 25—36. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета.
- Гурина, Н. Н. 1964. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции // Краткие сообщения Института археологии 97: 88—97.
- Зяблин, Л. П., А. В. Виноградов. 1991. Неолитическое поселение Унюк на Енисее // Палеознтологические исследования на юге Средней Сибири: 109—121. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета.
- Кызласов, Л. Р. 1986. Древнейшая Хакасия. Москва: Издательство Московского государственного университета.

- Лисицын, Н. Ф. 1988. К вопросу о неолите Хакасии // Краткие сообщения Института археологии 193: 15—20.
- Лисицын, Н. Ф., Ю. С. Худяков. 1997. Дюнные стоянки Хакасии (Койбальская степь). Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Макаров, Н. П. 1993. Неолит и ранний бронзовый век Красноярской лесостепи. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета.
- Макаров, Н. П., П. В. Мандрыка, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских. 1995. Археологический материал и палеогеография многослойной стоянки Караульный Бык // Палеогеография Средней Сибири 2: 81—112. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета.
- Макаров, Н. П., Н. В. Мартынович, Н. Д. Оводов, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских, Л. А. Орлова, В. И. Назаров, Е. А. Цепкин, В. М. Чхиквадзе. 1992. Пещера Еленева — многослойный голоценовый археологический памятник на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края 1: 111—120. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета.
- Макаров, Н. П., Л. А. Орлова. 1992. Мезолит пещеры Еленева // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке: 171—175. Красноярск: ИАиЭ.
- Макаров, Н. П., А. А. Ямских. 1995. Археология и палеогеография многослойной стоянки Шалуниин Бык // Палеогеография Средней Сибири 2: 113—135. Красноярск: Издательство Красноярского государственного педагогического университета.
- Окладников, А. П. 1957. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея // Советская археология 1: 26—55.
- Рыгдылон, Э. Р. 1953. Новые следы поселений каменного века в бассейне Енисея // Материалы и исследования по археологии СССР 39: 276—285.
- Савенков, И. Т. 1896. Каменный век в Минусинском крае // Материалы по археологии восточных губерний России 2: 175—226. Москва: Московское археологическое общество.
- Семенов, Вл. А. 1986. Неолитические памятники Верхнего Енисея (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) // Палеолит и неолит: 127—131. Ленинград: Наука.
1992. Неолит и бронзовый век Тувы. Санкт-Петербург: Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение.
- Сипицына, Г. В. 1993. Вопросы хронологии I и II культурных слоев многослойного памятника Бирюса на Енисее // Историческое познание: традиции и новации 1: 78—80. Ижевск: Издательство Удмуртского государственного университета.
- Vasil'ev, S. A. 1994. Ui 2: un site préhistorique a riche stratigraphie des Sayans Occidentaux (Sibéria) // L'Anthropologie 98 (2—3): 472—485.
- Vasil'ev, S. A., V. A. Semenov. 1993. Prehistory of the Upper Yenisei area (South Siberia) // Journal of world prehistory 7 (3): 213—242.

THE UPPER COMPONENTS AT THE MULTITAYERED SITE OF UI II AND THE HOLOCENE STONE AGE CULTURES AT THE UPPER YENISEI AREA

S. A. VASIL'EV

In spite of the intensive archaeological research the Early Holocene prehistory at the Upper Yenisei area (South Siberia) remains little known. The following study is based on the data obtained during a salvage archaeology project, related to the building of the reservoir of the Mainskaia hydroelectric power station. From 1987 to 1991 the field crew of the Institute for the Material Culture History investigated the key multicomponent site of Ui II, with cultural horizons ranging from the Upper Paleolithic to the Iron Age. It thus became possible to trace long-term culture change through millennia. The site is located near the mouth of the River Ui in the northernmost part of the Sayan canyon of Yenisei (Fig. 1). The cultural layers A, B, V, G, and I were in the uppermost deposits of the second terrace above the Pleistocene components (2 to 8).

The Layer A, attributed to the Tashtyk culture of the first millennium AD, is omitted here. The Layer B, embedded below the modern soil,

yielded ceramics with incised geometric rhomboid design (Fig. 2). The lithic artifacts consist of a rhomboid arrowhead, inserts, an ax-like tool, etc.

Layer V, associated with the upper portion of the first buried soil, produced comb-impressed and incised pottery (Fig. 3). Lithics are represented by triangular arrowheads, inserts, side-scrapers and denticulated tools.

Layer G was in the lower portion of the same buried soil. A radiocarbon date of 3625370 (LE-3822) was run out on charcoal. The layer contained numerous structural features. Slab-lined hearths and stone pavements, and the remains of the lithic workshop for arrowheads manufacture were unearthed. A discovery of a burial of a dog's skull is worthwhile to mention. The layer yielded comb-impressed and corded ware pottery (Fig. 4). Lithics consists of single-platform cores, inserts, triangular arrowheads with concave and straight bases, borers, endscrapers, knives, polished adzes, choppers, etc. (Fig. 5).

The first layer occurred in a buried double soil ascribed to the optimal phase of the Holocene. The fauna includes red deer and wild sheep. Remains of a destroyed burial were unearthed as well as a fireplace and huge storage pit. Lithic industry is based primarily on flake technology. Single- and double-platform cores, and wedge-shaped microcores predominate. The tools consist of arrowheads, inserts, splintered pieces, end-scrapers, sidescrapers, notches, huge axes and grinding-stones. An antler striker is worthwhile to mention (Fig. 6).

This assemblage is very similar to other pre-ceramic assemblages of the region (the Neolithic layer of Maininskaia, Ust'Khemchik 3, the lower layers of Malye Ury I, etc.). The sites are with the Neolithic-like stone industries, but lack pottery; thus these were ascribed to the so-called 'Aceramic Neolithic'. Ust'Khemchik 3 is radio-

carbon-dated to the fifth millenium BC. It seems more difficult to judge on the age and cultural affiliation of the assemblages of Layers G to B. The two latter could be referred to the Bronze Age while the former could be slightly older (Final Neolithic?).

On the basis of the correlation of stratigraphic successions of the sites we could propose the following tentative chronological scheme (Fig. 7). In the Final Pleistocene, the upper reaches of the Yenisei witnessed a florescence of the Afontova culture as part of the Upper Paleolithic of Siberia. The Pleistocene/Holocene boundary was not marked by any drastic cultural change and the Paleolithic traditions persisted. The development of the Aceramic Early Neolithic or Final Mesolithic in the seventh and sixth millennia BP was followed by the Late Neolithic Verkhneeniseisk culture in the first half of the fifth millenium.

СТОЯНКА КАМЕННОГО ВЕКА МАРЬИНО-1 НА РЕКЕ РАТЦЕ

Н. Б. ВАСИЛЬЕВА, Н. В. КОСОРУКОВА¹

Вопросы взаимосвязи неолитических и мезолитических памятников различных территорий вызывают пристальный интерес исследователей. Для их решения необходимо детальное сопоставление данных о формах инструментов, способах производства и использования каменного инвентаря. В Вологодской области известно около 200 неолитических поселений. Однако раскопками исследовались лишь единицы. Большинство неолитических памятников являются местами многократного заселения и содержат комплексы артефактов различных эпох, нередко залегающих в одном культурном горизонте; поэтому использование таких материалов для исторических реконструкций крайне затруднительно. Памятник Марьино-1 в Чагодощенском районе Вологодской области довольно интересен с этой точки зрения, так как состоит из двух компактных скоплений, предположительно неолитического возраста.

Стоянка Марьино-1 была открыта отрядом Череповецкого музея под руководством Н. В. Косоруковой в 1989 году. Памятник расположен в сосновом бору, на правом берегу реки Ратцы, в 0,5 км ниже по течению от д. Марьино. Высота над уровнем воды составляет 3 м. Предполагаемая площадь памятника

250 кв. м. Стоянка была исследована двумя раскопами: 81 кв. м и 16 кв. м (расстояние между раскопами 30 м) и тремя шурфами по 4 кв. м (рис. 1). Находки встречались в песчаном слое на небольшой (от 0,1 до 0,4 м) глубине, в шурфах они представлены единичными экземплярами: по несколько отщепов, обломок нуклеуса (шурф № 4, рис. 2: 19) и ножевидной пластины (шурф № 3, рис. 3: 5). Стратиграфия обоих раскопанных участков и шурфов выглядит идентично. Под слоем дерна залегала серая супесь мощностью до 0,2 м, подстилающаяся желтым песком, который с глубины 0,3—0,4 м приобретал светлую окраску (Косорукова 1999).

Соотношение различных категорий инвентаря в раскопах приведено в таблице 1 (единичные находки из шурфов в таблице не учитывались). Инвентарь необычно малочислен для неолитического поселения. На наш взгляд, набор орудий кратковременных стоянок хорошо отражает их хозяйственную специфику, а немногочисленность инвентаря позволяет дать в одной работе комплексный анализ коллекции. В данной статье представлена попытка морфологической атрибуции, функционально-планиграфического и технологического анализа каменных изделий.

Таблица 1

№	Категории изделий	Р-I	Р-II	Всего	Функции орудий								
					мясные ножи	наконечники	скребки для шкур	резцы	строгальные ножи	скобели	рубящие	сверла	
1	Скребки	13	8	21			21						
2	Наконечники	2	1?	3		2							1
3	Ножевидные пластины:												
	— без ретуши	1	23	24	4			3	1	6			
	— с ретушью		3	3						2			
	— микропластины	1	8	9	2								
4	Рубящие орудия	1	2	3								2	
5	Нуклеусы	1	2	3									
6	Технологически определяемые сколы	1	3	4					1	1			
7	Отщепы, чешуйки, обломки кремня	98	461	470									
	ВСЕГО:	118	511	629	6	2	21	3	2	9	2	1	

¹ Н. Б. Васильева. Россия. 160009. Вологда. ул. Путейская, 1. Областной центр детского и юношеского туризма. Н. В. Косорукова. Россия. 162600. Череповец. Советский пр-т, 8. Череповецкий государственный университет.

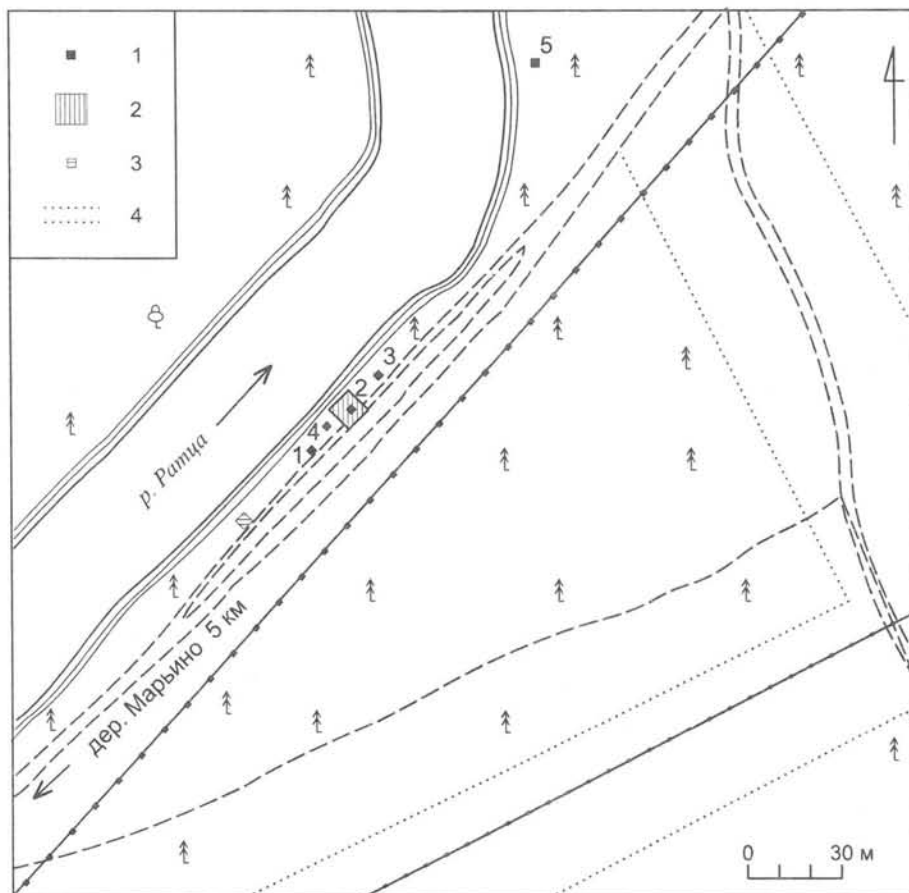

Рис. 1 План расположения раскопов и шурфов по площади стоянки Марьино-1.

Fig. 1 Location of excavation areas and trenches at the settlement of Mar'ino-1.

Все предметы коллекции были исследованы при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2 по методике, разработанной С. А. Семеновым для определения функционального назначения каменных изделий (Семенов 1957). Отличительной чертой практически всех коллекций памятников Молого-Шекснинского междуречья является «окатанность» каменных артефактов, что затрудняет трасологическое изучение. Но в данном случае на поверхности большинства орудий сохранились очень четкие следы утилизации, что свидетельствует о долговременном их использовании. Для изготовления орудий на стоянке использовался кремнь, преимущественно серого оттенка. Типологическое и функционально-планиграфическое описание инвентаря предпринято по раскопам.

Раскоп I оказался слабо насыщен находками (рис. 5—6). Морфологически выраженных изделий всего 17. В коллекции два наконечника стрел, один из которых (рис. 2: 15) сломан, причем в области жальца отмечен язычковый слом, свидетельствующий о выполнении этим изделием ударно-проникающей функции. Наконечник обработан ретушью с двух сторон, по форме близок к листовидным. Второй наконечник более тонкий в сечении, с довольно

широким черешком, частично ретуширован с двух сторон (рис. 2: 16).

Десять скребков типологически могут быть определены как концевые на пластинах или пластинчатых отщепах (рис. 2: 1—3, 5—11), один — двойной (рис. 2: 7), два изготовлены на широких отщепах (рис. 2: 4, 12). Скрепки на пластинах имеют примерно одинаковую ширину и толщину. Ретушированные участки этих орудий сохранили следы использования в виде жирной заполировки, скругленной в плане кромки, на особенно сильно изношенных участках заметны тонкие линейные следы, перпендикулярные лезвию. Такие следы утилизации позволяют определить данные инструменты как скребки для очистки шкур животных от мездры.

Для обработки твердых материалов использовалось миниатюрное рубящее орудие, изготовленное на отщепе подходящей формы. Минимальная подработка лезвия произведена с бруска (рис. 2: 17). На рабочем участке обнаружены следы износа в виде мелких ступенчатых фасеток, ориентированных перпендикулярно кромке; сама кромка смята, на ее выступающих участках заметен тусклый блеск. Вероятнее всего это орудие было связано с обработкой дерева.

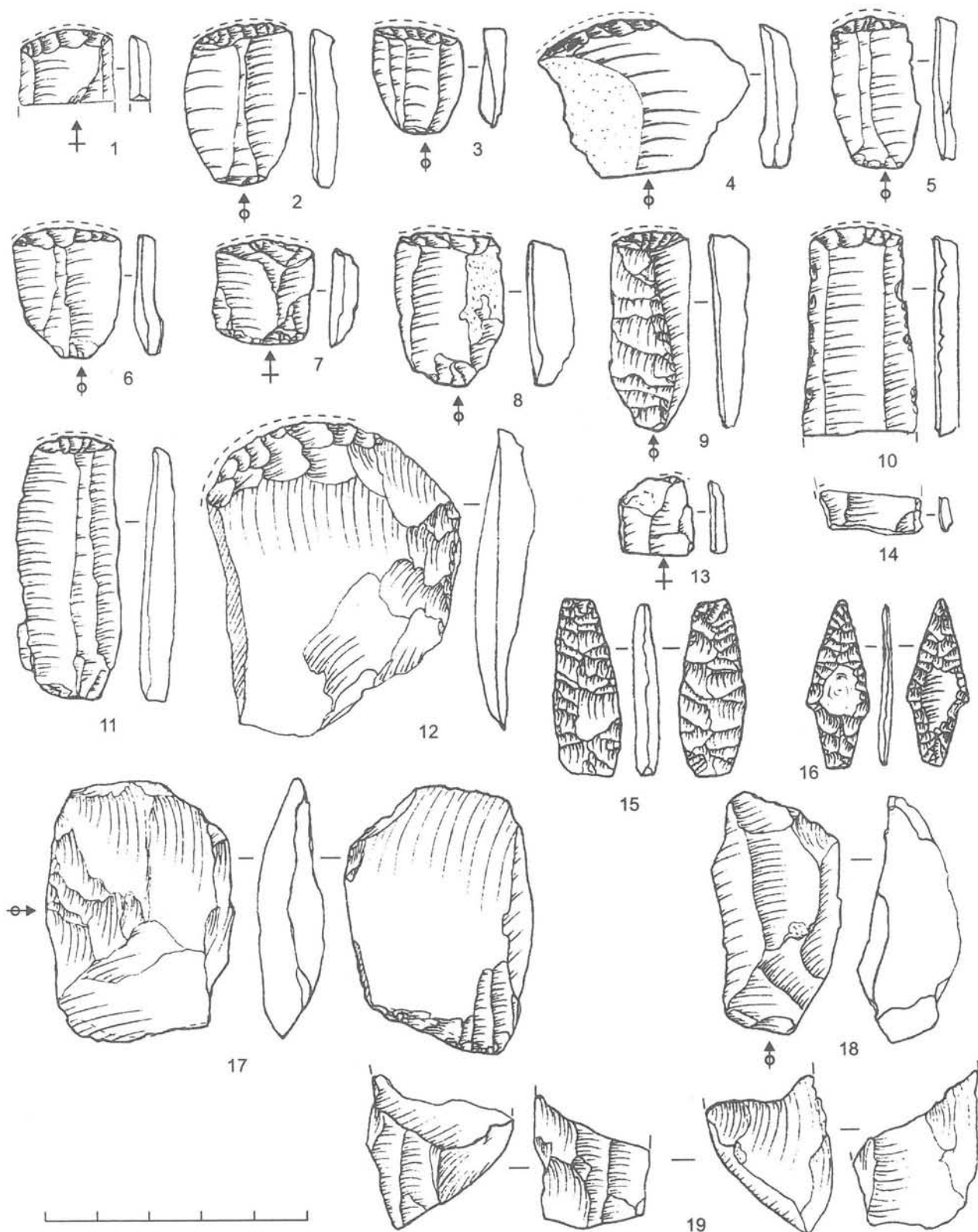

Рис. 2 Кремневый инвентарь стоянки Марьино-1. Раскоп 1.

Fig. 2 Flint finds from the settlement of Mar'ino-I. Excavation I.

Обломок пластины с петлеобразным окончанием (рис. 2: 14) использовался в качестве резца. Следы изношенности зафиксированы на углу обломка и выглядят как притертость, слабый блеск кромки.

За исключением одного нуклеуса и одного ребристого скола, остальные предметы коллекции первого раскопа — это мелкие отщепы (по размерам ближе к чешуйкам) и обломки кремня, равномерно распространенные по поверх-

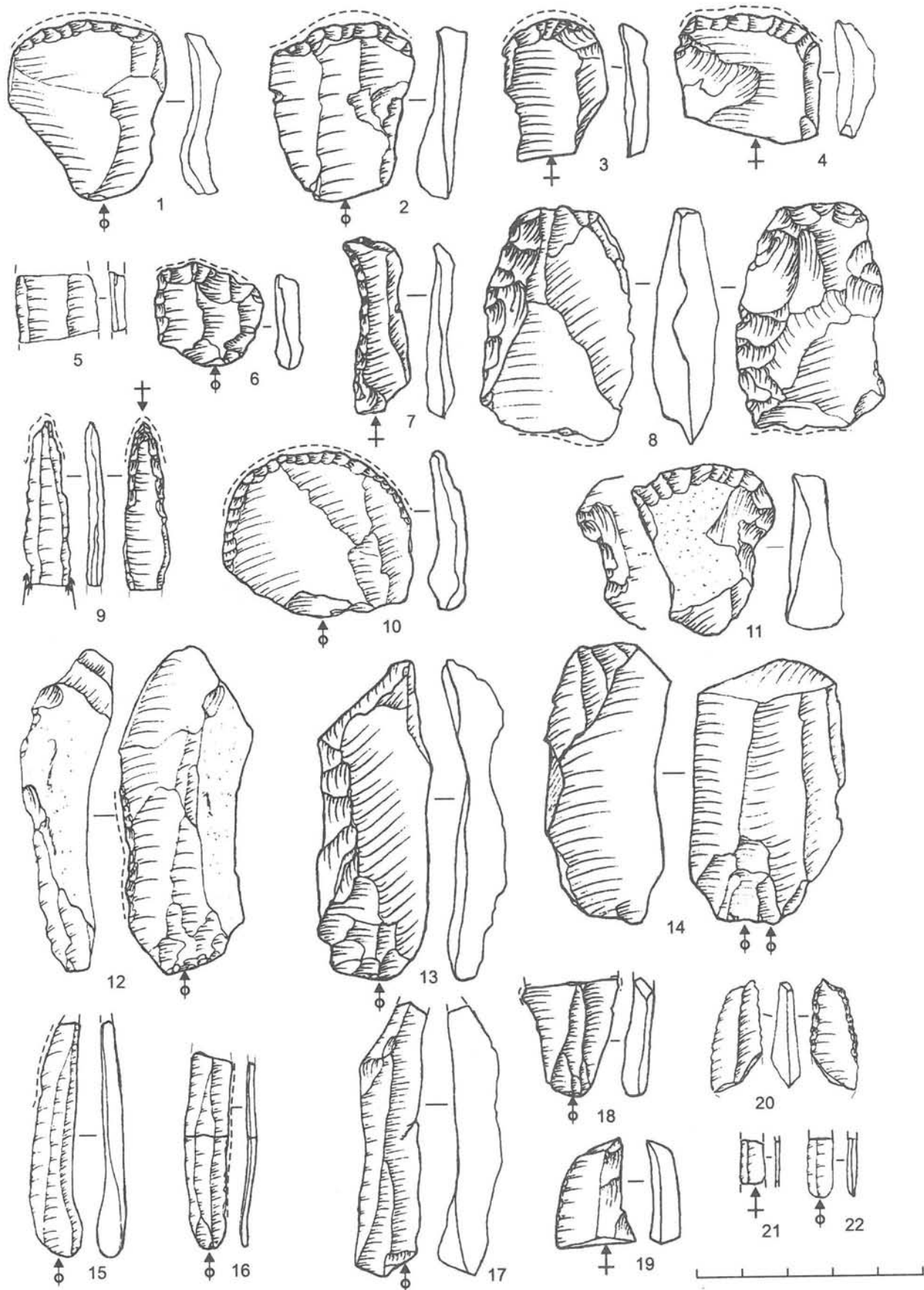

Рис. 3 Кремневый инвентарь стоянки Марьино-1. Раскоп 2.

Fig. 3 Flint finds from the settlement of Mar'ino-1. Excavation 2.

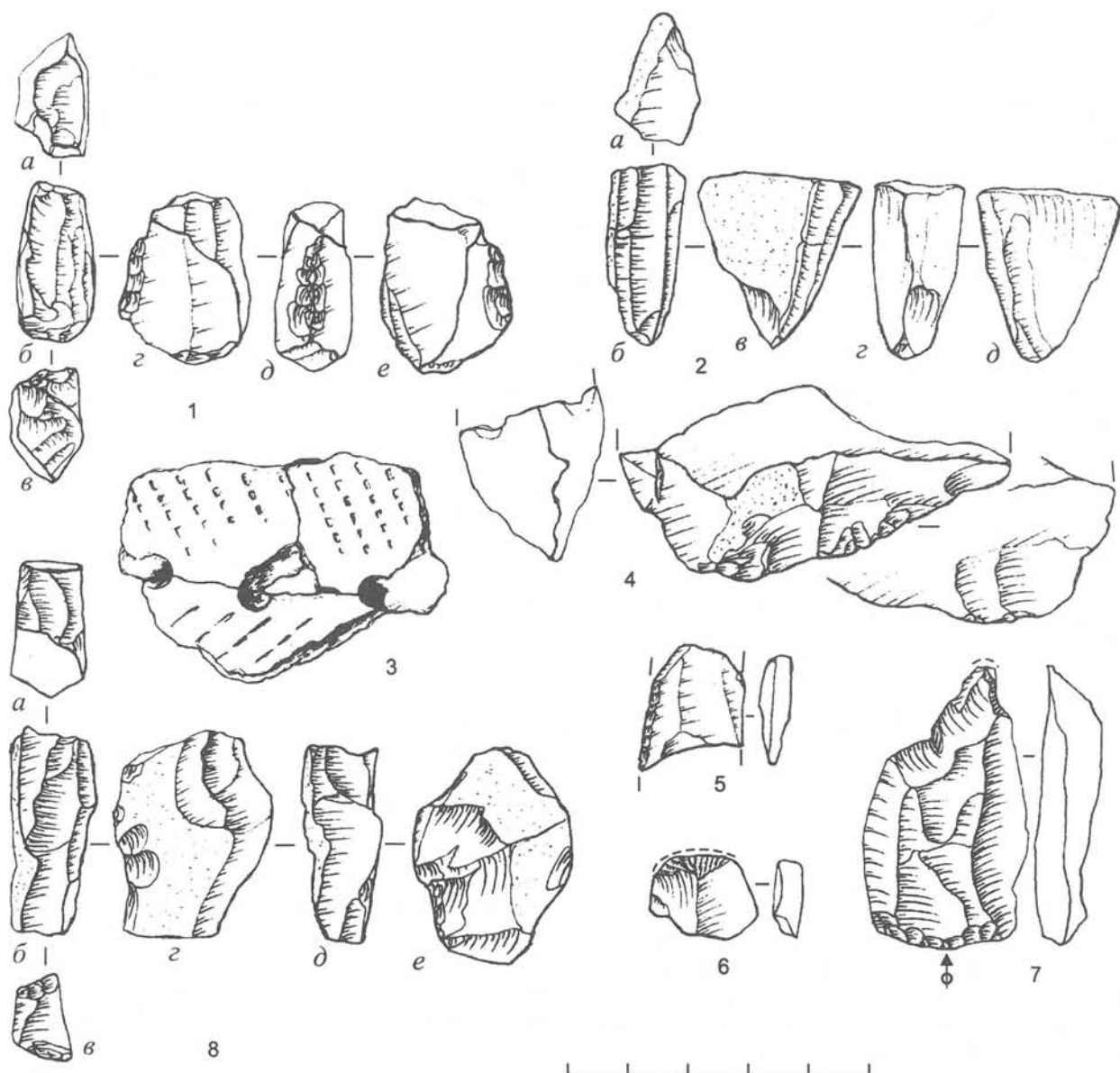

Рис. 4 Инвентарь стоянки Марьино-1. 1—2, 4—7—кремень, 3— керамика.

Fig. 4 Finds from the settlement of Mar'ino-1. 1—2, 4—7— cherts, 3— pottery.

ности раскопа (рис. 5, 6). Необычно малое количество орудий, поразительное типологическое и функциональное однообразие коллекции и компактное положение артефактов со следами утилизации в южной части раскопа позволяют сделать вывод, что данный участок был связан с непродолжительной хозяйственно-бытовой деятельностью (главным образом, с обработкой шкур) небольшого коллектива людей.

Раскоп II дал более многочисленную и разнообразную коллекцию инвентаря (таблица 1; рис. 5—6). Здесь найдено 8 скребков. Шесть из них могут быть описаны как концевые со слабовыпуклым лезвием (рис. 3: 1—4, 11; 4: 5), но в отличие от серии скребков первого раскопа, заготовками для них служили отщепы. Выделяются скребок с округлым лезвием

(рис. 3: 10) и скребок, у которого помимо рабочего участка подретуширован и боковой край (рис. 3: 6). Все эти изделия также использовались для обработки шкур животных.

Очень интересен фрагмент орудия, напоминающий черешок наконечника на ножевидной пластине (рис. 3: 9). Крутая ретушь, выделяющая острый кончик, нанесена с брюшка на проксимальном конце заготовки. Предмет сломан, и со стороны излома нанесены два резцовых скола. При функциональном анализе на ретушированном острие были обнаружены следы изношенности в виде скругленного смятого кончика и притертости выступающих частей фасеток. Это изделие, вероятно, служило сверлом по дереву. Возможно, использование было вторичным, после того как наконечник сломался.

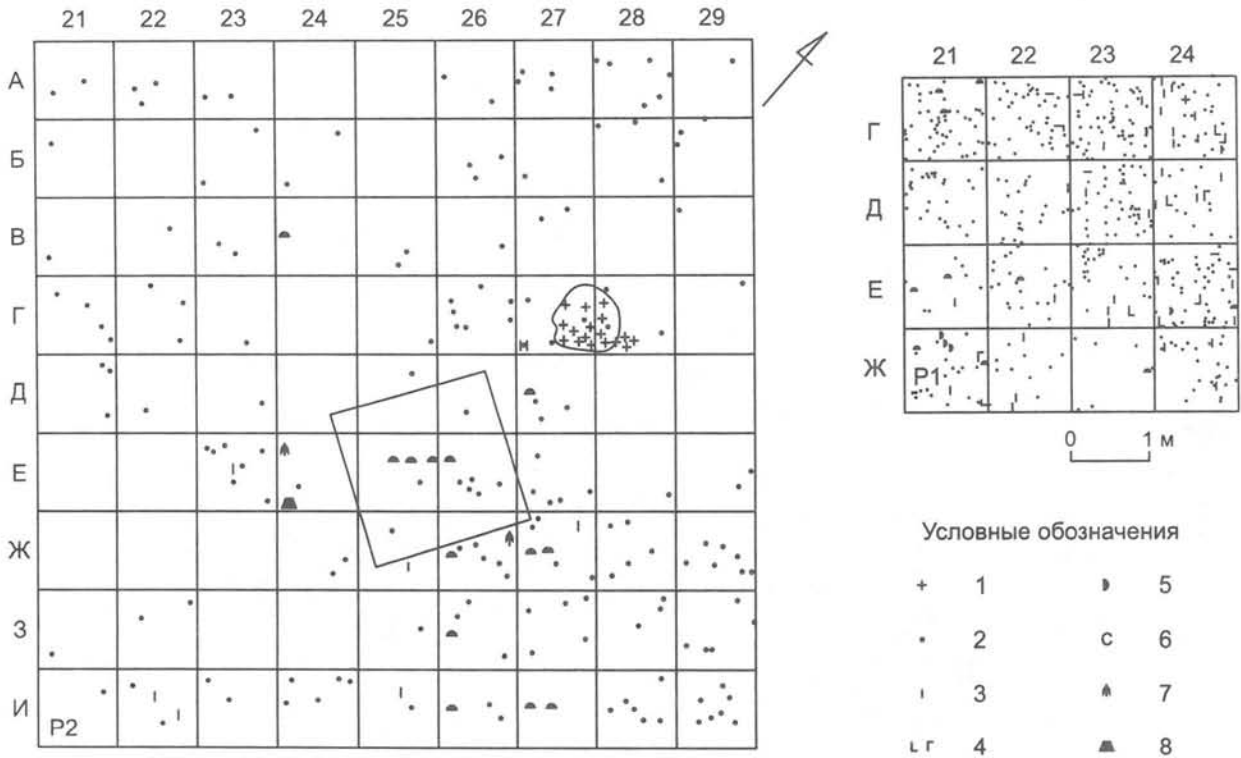

Рис. 5 Стоянка Марьино-1. Общий план распределения находок по раскопам. Условные обозначения: 1 — кальцинированные кости; 2 — отщепы; 3 — ножевидные пластины; 4 — нуклеусы, сколы с нуклеусов; 5 — скребки; 6 — скобели; 7 — наконечники стрел; 8 — рубящие и обломки рубящих орудий

Fig. 5 Site of Mar'ino-1. General plan of distribution of the finds by the excavation pits. Notations: 1 — calcined bones; 2 — flakes; 3 — knife-like blades; 4 — cores, core spalls; 5 — end-scrapers; 6 — push-planes; 7 — arrowheads; 8 — chopping tools and their fragments.

Рубящее орудие (рис. 3: 8) сделано из массивного отщепа, но в данном случае, потребовалась обработка крупными сколами по краям, для придания ему необходимой формы. Само лезвие, на котором сохранились следы от работы по дереву, имеет естественные контуры. Еще одно орудие, вероятно, также рубящее, большего размера, сохранилось в виде обломка лезвийной части (рис. 4: 4), подработанной несколькими сколами.

Восемь предметов определены как скобели по твердому материалу, так как имеют на кромке следы изношенности в виде мелкой крутой многоступенчатой выкрошенности, притертости рабочих участков. Две пластины подработаны ретушью (рис. 3: 7; 4: 5), остальные использовались без подработки (рис. 3: 19). Рабочие кромки скобелей имеют различные очертания: от сильно вогнутых (рис. 3: 7) до практически прямых (рис. 4: 5). Скорее всего, конфигурация лезвия связана с размерами и формой обрабатываемых предметов.

В качестве строгальных ножей использовались ножевидные пластинки и один ребристый скол. На них обнаружены следы износа в виде плоских разрозненных односторонних фасеток, на выступающих частях поверхности — участки блеска с линейной направленностью наискосок от кромки. (рис. 3: 13). Один обломок

пластины применялся для прорезания узких пазов в твердом материале (рис. 3: 18).

Следы использования в виде мелкой разрозненной ретуши и слегка сглаженной кромки, характерные для мясных ножей, обнаружены на пяти пластинах без ретушной обработки (рис. 3: 15, 16; 21, 22). Возможно две из них (микропластины) использовались в качестве вкладышей.

Распределение находок по площади раскопов представлено на рис. 5, 6. Компактно расположенная группа изделий первого раскопа связана, в основном, с одной операцией — обработкой шкур. Инвентарь второго раскопа более разнообразен функционально. Присутствуют как инструменты, связанные с обработкой туш животных (скребки, мясные ножи), так и изделия, предназначенные для работы по твердым материалам, в основном по дереву. Видимо, здесь производились более разнообразные работы. Здесь же, по всей видимости, происходило приготовление пищи, так как в слое встречаются мелкие кальцинированные косточки.

При анализе коллекции по цветности кремня и по ремонту удалось обнаружить связи между отдельными артефактами. Подобранные друг к другу отщепы и куски кремня находятся, как правило, в одном или двух смежных квадратах. Это можно расценивать как дока-

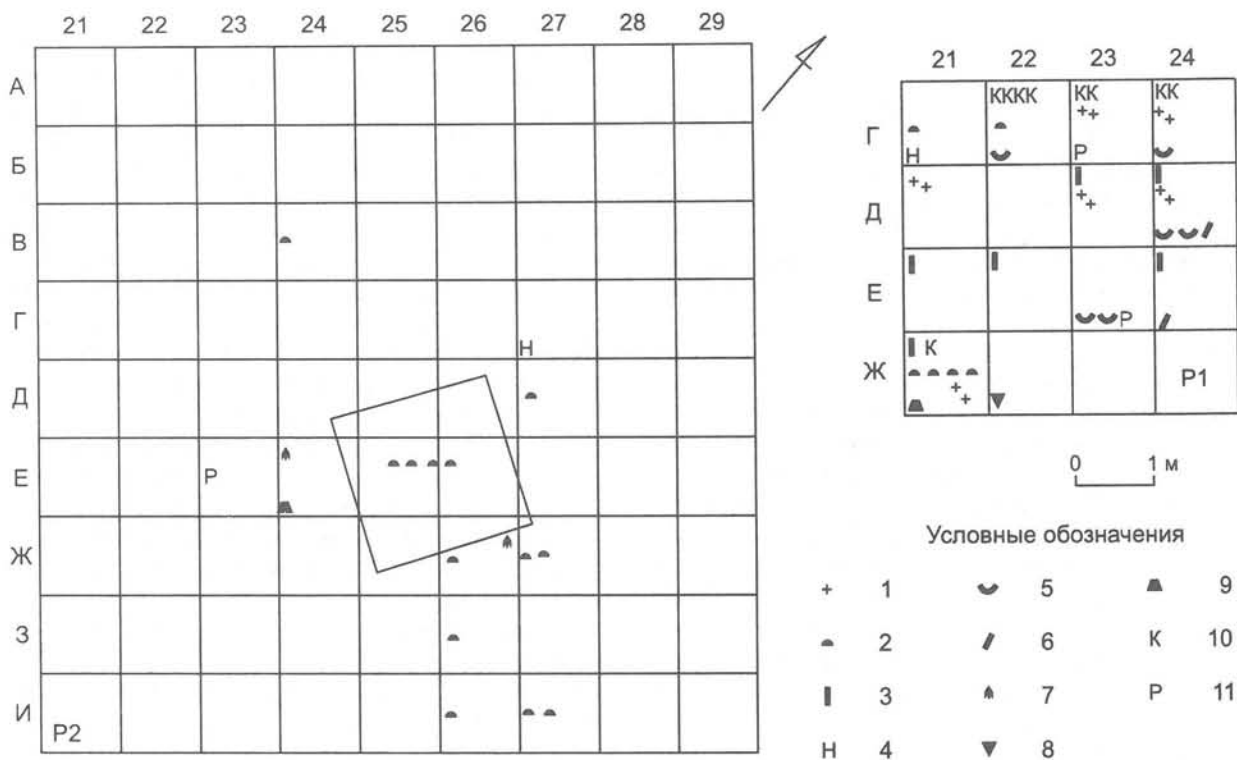

Рис. 6 Стоянка Марьино-1. План распределения орудий по площади раскопок. Условные обозначения: 1 - кальцинированные кости; 2 - скребок; 3 - мясной нож; 4 - нуклеус; 5 - скобель; 6 - строгальный нож; 7 - наконечник стрелы; 8 - сверло; 9 - рубящее орудие; 10 - керамика; 11 - резец.

Fig. 6 Site of Mar'ino-1. Plan of distribution of the finds by the area of excavations. Notations: 1 — calcined bones; 2 — end-scrapers; 3 — butchering knife; 4 — core; 5 — push-plane; 6 — planing knife; 7 — arrowhead; 8 — drill; 9 — choppers; 10 — pottery; 11 — burin.

зательство слабого перемещения культурных остатков на стоянке. Функциональный анализ позволяет выделить довольно большое количество ножевидных пластин, применявшихся в хозяйственно-бытовых процессах. Как и в мезолитическую эпоху, они использовались как заготовки для орудий без ретушной подработки и в составных инструментах.

Следует обратить особое внимание на присутствие пластин в коллекции. Исследователи часто указывают на наличие пластинчатого компонента в неолитических коллекциях как на свидетельство генетической взаимосвязи мезолита и неолита на определенной территории. Однако работы, посвященные детальному анализу технологических приемов серийного производства пластин в эпоху неолита, практически отсутствуют. На наш взгляд, данный аспект нуждается в тщательной разработке. Типологическая близость материалов разновременных стоянок не всегда может быть однозначно доказана, поскольку для сравнения используются близкие формы изделий ограниченного набора инвентаря. Сравнение пластин различных памятников по длине, ширине и характеру огранки не всегда может служить основой для весомых выводов. Представляется более перспективным изучение способов производства пластинчатых заготовок и сопоставление полученных данных. В этом случае сходство или

отличие пластинчатых технологий могут свидетельствовать о родственности или самостоятельности каменных индустрий. В данной работе представлена попытка восстановления технологии расщепления на стоянке Марьино-1 и сопоставление полученных данных с итогами изучения материалов мезолитических комплексов: Марьино-4 (наиболее ранняя стоянка региона) и Лиственка-8 (позднемезолитическая стоянка). Стоянка Марьино-4 располагается на берегу реки Ратцы, в 5 км выше по течению от Марьино-1. Она занимает краевой участок невысокой бортовой террасы (1 м над поймой). В 1994 году были произведены раскопки памятника площадью 116 кв. м. В итоге обнаружено небольшое скопление (5 × 7 м) находок общей численностью 733 экз. (Васильева, Косорукова 1998: 179). Лиственка-8 находится на берегу реки Колпь, в 8 км юго-юго-восточнее д. Лиственка. Стоянка раскапывалась в 1996 году, площадь раскопа составила 240 кв. м. Общее количество находок составляет 32901 экз. Автор раскопок относит стоянку к памятникам типа Андозеро-М и датирует примерно серединой бореала (Косорукова 1998: 168—177). Такие стоянки в настоящий момент рассматриваются как памятники, на основе которых происходило складывание неолитических индустрий (Косорукова 1997: 14).

Технологический анализ любой каменной индустрии закономерно начинается с характеристики использованного сырья, поскольку от его качества зависят и приемы его обработки. Берега реки Ратцы бедны высококачественным кремнем. В осыпях берега попадают куски кремнистых пород, как правило, плитчатой формы. Анализ технологии Марьино-1 производился на основе изучения двух нуклеусов, четырех сколов с ныряющими окончаниями и собственно ножевидных пластин. Интересную информацию дают сколы с ныряющими окончаниями (рис. 3: 12—14). Два из них представляют возможность реконструировать нуклеусы, на которых использовались два фронта расщепления, расположенные на противоположных торцах ядрищ (рис. 3: 12, 14). Один нуклеус имел и две ударные площадки (рис. 3: 14), на втором отсутствуют негативы ударных бугорков в зоне окончания нырнувшего скола, поэтому непонятно, была ли оформлена вторая ударная площадка или пластинки снимались с ребра между фронтами. Такие же приемы раскалывания использовались на обломке нуклеуса, найденном в шурфе между раскопами (рис. 2: 19). Получение пластин с данного ядрища также производилось с двух сторон в противоположных направлениях. Еще один скол несет негативы от встречного снятия пластин на одном фронте расщепления. На этом сколе выведено ребро, выравнивающее 90° поверхность расщепления (рис. 3: 13). Все сколы происходят с ядрищ с узким фронтом расщепления, о чем говорит наличие боковых сторон нуклеусов, представляющих собой поверхность разлома или галечную корку. Угол схождения боковой стороны и фронта расщепления нуклеуса приближается к.

Большинство пластин в коллекции серого цвета с более светлыми прожилками и происходят, вероятно, с одного куска кремня (этот факт также свидетельствует об одновременности формирования комплекса). Размеры пластин варьируют в широких пределах от 0,8 до 3 см. К числу общих признаков относятся слабый изгиб заготовок в профиле и приблизительно одинаковый угол скалывания — от 70° до 80°. Всего десять экземпляров пластин сохранили проксимальные концы. Один из них (рис. 3: 16), наиболее правильно ограниченный, имеет точечную ударную площадку. Ударные площадки остальных пластин гладкие, широкие (0,2—0,9 см), преимущественно прямые. Редуцирование замечено на двух экземплярах, на шести присутствуют следы абразивной обработки зоны расщепления. У двух пластин есть негативы коротких встречных снятий. В коллекции раскопа I, где ножевидные пластины без обработки обнаружены в очень малом количестве, рассматривались технологические параметры пластинчатых заготовок, использо-

вавшихся для изготовления скребков. Семь орудий сохраняют проксимальную часть заготовки. Угол скалывания на шести находится в пределах 70°—80°, на одном приближается к 90°. Для всех заготовок характерны широкие (0,3—0,7 см) прямые площадки, четыре из них гладкие, три — ретушированные. На всех семи предметах имеются следы абразивной обработки участка, примыкающего к зоне расщепления. Еще четыре мелких обломка отнесены к пластинам условно, так как сохранились в виде обломков. Три из них — это медиальные части, и один обломок проксимального участка. У последнего изделия ударная площадка гладкая, но применялась ли шлифовка, сказать сложно, так как предмет сильно окатан. Таким образом, технологические характеристики пластинчатых сколов обоих раскопов очень похожи.

В коллекции два небольших нуклеуса. Первый — двуплощадочный, фронт расщепления состоит из четырех негативов от узких пластин (рис. 4: 1). Три пластины были сняты в одном направлении и одна во встречном. Нуклеус раскололся при утилизации, видимо, это помешало использованию его тыльной стороны, где было оформлено бифасиальное ребро (рис. 4: 1e). Боковые стороны нуклеуса составляют с фронтом расщепления угол около 90° и представляют собой поверхность разлома кремня (рис. 4: 1г, е). Основная ударная площадка подработана со стороны фронта расщепления серией ударов, вторая подправлялась мелкими сколами, как со стороны плоскости расщепления, так и с боковой стороны (рис. 4: 1в).

Второй нуклеус (из раскопа II) примерно того же размера, во фронт расщепления шириной 1,5 см укладываются 3 негатива от пластинчатых сколов (рис. 4: 2б). Площадка подработывалась со стороны фронта расщепления (рис. 4: 2а). Боковые стороны являются естественными поверхностями кремневой плитки, одна сохраняет корку (рис. 4: 2в). Плоскость расщепления ядрища также использовалась для снятия пластин с двух сторон, но вторая ударная площадка не оформлялась (рис. 4: 2б, д).

Еще один предмет можно охарактеризовать как неудавшийся нуклеус (рис. 4: 7). Узкий фронт расщепления нуклеуса был безнадежно испорчен слишком глубоко прошедшим сколом. На нем отмечены те же приемы использования естественной плоской формы кремня с минимальной подработкой.

Таким образом, основную линию технологии получения пластинчатых заготовок можно определить как торцовый способ утилизации нуклеусов. Использовались как крупные, так и мелкие заготовки. Три крупных нырнувших скола демонстрируют прием снятия пластин в

двух противоположных плоскостях; на мелких заготовках — встречные снятия на одном фронте расщепления.

Данная статья посвящена главным образом стоянке Марьино-1, поэтому подробного описания пластинчатых технологий двух других стоянок не приводится, они изложены в других работах. Сравнение изученных технологий удобнее всего провести на примере формализованных схем (рис. 7). Следует отметить, что в схемах отражены не все использовавшиеся технологические приемы управления плоскостями расщепления, отмеченные на материалах стоянок, а главным образом ведущие способы формирования и использования фронта расщепления нуклеуса. На схеме отражены последовательные стадии «истощения нуклеусов». Цифрами обозначено количество ядрищ в коллекции, которые отвечают данной стадии утилизации.

Пластинчатая индустрия Марьино-4 базировалась на преимущественном использовании торцовых нуклеусов. На нескольких отмечены негативы встречных снятий на одном фронте (рис. 7: 1В), на одном использовались две противоположные стороны. Незначительное количество ножевидных пластин с негативами встречных снятий на спинке свидетельствует о том, что прием встречного скалывания не являлся устойчивым технологическим элементом индустрии, а использовался как способ понижения рельефа в дистальной части нуклеуса. Сходство основных приемов формирования и использования ядрищ с узким фронтом расщепления отчетливо прослеживается в обеих индустриях. Но при этом технологическая схема индустрии Марьино-1 более обрывочна, так как непонятно, есть ли в ней стадия А, то есть стадия получения отщепа для будущего нуклеуса, представленная многочисленными экземплярами вторичных ядрищ на Марьино-4. Это очень важный момент. Ведь в случае использования естественных кусков кремня плитчатой формы преобладание торцового способа расщепления можно считать вариантом приспособления к местному сырью. Но сознательное видоизменение крупных кусков кремня в мелкие плоские обломки, видимо, свидетельствует об устойчивой технологической норме.

При изучении технологически определенных сколов были выделены основные способы подготовки преформ. В обеих индустриях подготовка пренуклеуса включала формирование унифасиального или двустороннего ребра и выравнивание неровностей боковых сторон (рис. 7: Б₁, Б₂). При этом сырье подбиралось таким образом, чтобы правка была минимальной. Утилизация ядрищ производилась торцовым способом, в случае необходимости (ошибки расщепления), производилась подправка плоскости расщепления или перенос фронта

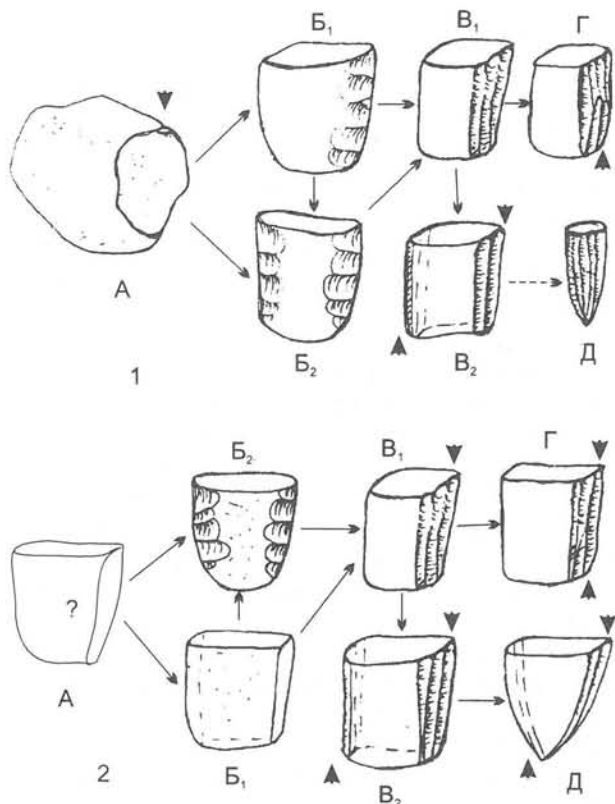

Рис. 7 Формальные схемы работы с ядрищами на стоянках Марьино-4 (1) и Марьино-1 (2).

Fig. 7 Formal schemes of working cores at sites of Mar'ino-4 (1) and Mar'ino-1 (2).

расщепления на другую сторону ядрища. Обращает на себя внимание сходство деталей технологии: на нуклеусах обеих стоянок зона расщепления дополнительно подготавливалась интенсивной абразивной подработкой ребра между ударной площадкой и фронтом расщепления нуклеуса.

Обитатели стоянки Лиственка-8 использовали такое же сырье, что и древние жители Марьино-1, то есть уплощенные кремневые гальки и куски кремня. Однако у нуклеусов, связанных с производством ножевидных пластин на Лиственке-8, фронт расщепления сформирован на широкой стороне уплощенного куска кремня. Все возможные способы трансформации ядрищ за счет использования встречных снятий, переноса фронта расщепления на другую сторону, или его переориентации, отмеченные на стоянке, отражены в схеме. Отчетливо видно, что технология основана на использовании широких слабовыпуклых плоскостей расщепления. Такой прием работы с кремневыми уплощенными отдельностями сырья позволял получать заготовки достаточно большой ширины, но приводил к частому возникновению ступенчатых окончаний и неизбежному уменьшению длины скола-заготовки. Всего 5 нуклеусов из 32 выделенных, являются торцевыми. По способам рабо-

ты с фронтом расщепления они вполне схожи с ядрищами Марьино-1 и Марьино-4. Есть также один нуклеус, по форме близкий к карандашевидным, длиной всего 1,5 см, с диаметром площадки — 0,5 см. Судя по составу нуклеусов, обитатели стоянки знали различные приемы получения пластин, однако большинство сколов-заготовок производилось при использовании широкого слабовыпуклого фронта расщепления ядрищ. Интересно отметить, что анализ проксимальных частей пластинчатых снятий показал, что подготовка зоны расщепления велась «небрежно» и ограничивалась слабым редуцированием карниза. Достаточно много примеров, когда снятие карниза не производилось. Площадки пластин широкие, гладкие, без каких-либо признаков ретушной обработки. У абсолютного большинства ядрищ отсутствуют следы подправки ударной площадки.

Проведенное сравнение ставит ряд вопросов. Может ли отмеченное сходство индустрий указывать на преемственность в историческом развитии? К тому же, даже похожие технологии различаются в деталях. Скальвание пластин с двух противоположных фронтов применялось чаще на Марьино-1, чем на Марьино-4, можно отметить различия в подработке ударных площадок нуклеусов с этих двух стоянок. О чем говорят различные способы работы с привычно узким фронтом расщепления? Связано ли это с традициями, конкретной ситуацией расщепления или демонстрирует «почерк мастера»? Иными словами, встает вопрос о «весе» признака для определения степени его значимости в исторических построениях. И, наконец, почему технология наиболее близкой по времени к неолиту стоянки демонстрирует такое количество отличий, тогда как наиболее удаленная во времени стоянка показывает наличие несомненного сходства? Трасологический анализ материалов Лиственки-8 показал, что хозяйственно-бытовая деятельность на стоянке была также разнообразна, как на Марьино-4 и Марьино-1, хотя орудия, благодаря своеобразной индустрии, имели несколько другой облик.

Сам по себе факт различного подхода к обработке похожего исходного сырья довольно интересен. Он вызывает определенные сомнения в нарисованной схеме линейного развития мезолитических индустрий и генетического родства неолитических стоянок с памятниками типа Андозеро-М. Разрешить эти сомнения на материалах одной—двух стоянок вряд ли возможно. Необходимы более масштабные работы с коллекциями чистых, датированных стоянок, которые еще предстоит найти.

Подводя итоги исследования, можно отметить:

1. Предметами, которые могут служить культурно-хронологическими индикаторами стоянки Марьино-1, являются наконечники стрел и фрагменты керамики. Все фрагменты керамики (8 экз.) относятся к одному сосуду, орнаментация которого состоит из наклонных оттисков гребенчатого штампа, разделенных пояском из ямок (рис. 4: 3). Использование гребенчатого штампа в сочетании с ямками является типичным для неолитической культур ямочно-гребенчатой керамики, и аналоги данному узору могут быть обнаружены на многочисленных памятниках лесной зоны, поэтому соотносить керамический материал Марьино-1 с каким-либо хронологическим этапом неолита севера Восточной Европы вряд ли возможно. Листовидные наконечники стрел также широко представлены на стоянках неолитической эпохи. Черешковые наконечники, по мнению С. В. Ошибкиной, относятся к развитому этапу каргопольской культуры (Ошибкина 1988: 82—83). Учитывая вышесказанное, возраст и культурную принадлежность стоянки можно определить только в самом общем виде: эпохой ямочно-гребенчатого неолита севера Восточной Европы. В то же время наличие в коллекции изделия, напоминающего черешок наконечника на пластине, наводит на мысль о возможности примеси более раннего времени.

2. Малочисленность коллекции, функциональный состав инвентаря, однообразие использованного сырья позволяют охарактеризовать стоянку Марьино-1 как кратковременное место обитания (с четко выраженными структурными элементами в виде двух рабочих площадок) небольшого коллектива людей. Вопрос о синхронности двух этих объектов остается открытым. Существуют данные, как подтверждающие их одновременность, так и противоречащие этому. К первым относится непрерывность культурных остатков на протяжении всей площади стоянки, хотя в шурфах между раскопами насыщенность находками очень слабая; похожее использованное кремневое сырье, сходные технологические приемы изготовления пластинчатых заготовок, морфология нуклеусов и рубящих орудий. Отличает скопления типологический состав орудий, особенно скребков: если на раскопе I они изготовлены из пластинчатых заготовок, то на раскопе II — в основном из отщепов. Стоянки с небольшим количеством каменного инвентаря и керамики встречаются нечасто. Похожие характеристики имеет, например, стоянка Суна-15 в Карелии (Шахнович, Чайкина 1993: 35). Подобные примеры позволяют говорить о сложном характере хозяйства неолитического населения, включающем в себя как долговременные, так и кратковременные сезонные стоянки, связанные, вероятнее всего, с охотничьей деятельностью.

3. Технологический анализ индустрии показал наличие несомненного сходства в способах получения пластин на наиболее раннем мезолитическом памятнике региона (Марьино IV) и неолитической стоянке Марьино-1. Однозначная трактовка указанного сходства в данный момент вряд ли целесообразна. Необходимо более широкое использование информации о технологических особенностях камен-

ных индустрий различных эпох. Дальнейшая работа по исследованию технологий изготовления каменных изделий разновременных памятников Молого-Шекснинского междуречья позволит определить степень их схожести и различий, и, возможно, скорректировать сведения о заселении региона и эволюции кремневых индустрий в мезолите и неолите.

- Васильева, Н. Б., Н. В. Косорукова.* 1998. Результаты планиграфического, трасологического и технологического анализов материалов стоянки Марьино-4 // Тверской археологический сборник 3: 179—192. Тверь.
- Косорукова, Н. В.* 1997. Мезолит Молого-Шекснинского междуречья. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
1998. Мезолитическая стоянка Лиственка-8 на реке Коль в бассейне Шексны // Тверской археологический сборник 3: 168—179. Тверь.

1999. Отчет о полевых работах в Чагодощенском районе Вологодской обл. в 1998 г.
- Ошибкина, С. В.* 1988. Неолит Восточного Прионежья. Москва: Наука.
- Семенов, С. А.* 1957. Первобытная техника // Материалы и исследования по археологии СССР 54. Москва: Наука.
- Шахнович, М. М., Л. Г. Чайкина.* 1993. Раннеолитическая стоянка Суна-15 // Вестник Карельского краеведческого музея 1: 28—35. Петрозаводск.

THE STONE AGE SETTLEMENT OF MAR'INO-1 ON THE RATSA RIVER

N. B. VASIL'EVA, N. V. KOSORUKOVA

The settlement of Mar'ino-1 is situated in a pine forest on the right bank of the Ratsa River 0.5 km downstream of v. Mar'ino. The height is 3 m above river level. In 1998 the site was investigated in two excavations and several trenches. The collection of artefacts found during the excavations comprises a number of cherts and several fragments of the pit-comb pottery (fig. 4: 3). The presence of the latter together with bifacially worked points (fig. 2: 15, 16) suggests a Neolithic age of the settlement.

A functional study enabled us to identify the categories of artefacts used in various manufacturing procedures. The most numerous group proved to be end-scrapers intended for treatment of hides

(fig. 2: 1—12). Meat knives (fig. 3: 15, 16, 21, 22) also had been used at the site, and burins (fig. 2: 14; 3: 18), planing knives (fig. 3: 13), push-planes (fig. 3: 7, 19; 4: 5), a drill (fig. 3: 9) and chopping tools (fig. 2: 17; 3: 8) had served for working hard materials. A planigraphic study revealed the presence of two slightly remote from each other working areas at the site (fig. 5).

Studies of the technology of manufacture of bladed blanks at Mar'ino-1 showed an undoubted similarity in working of cores at this settlement and at Mar'ino-4 — the earliest site in the region. Such a result demonstrates a fair perspective of technological studies for revealing relationships between flint industries.

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

(диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным)

Г. Ф. КОРОБКОВА, Т. А. ШАРОВСКАЯ¹

Модификация костяных орудий шла по линии совершенствования старых форм и выработки новых. Набор палеолитических шильев, игл, лоцил, мотыг, наконечников стрел и копий пополнился в эпоху неолита-энеолита шпателями, ложилами, орнаментирами, штампами для керамики, разминателями шкур и ремней, стругами и тупиками, стамесками и долотами, кочедыками для плетения сетей и циновок, полыми сверлами, кинжалами и ножами, разнотипными наконечниками, оправками для кисточек и др. (Семенов 1968; Коробкова 1960, 1969, 1987; Даниленко 1985). Эти орудия остаются популярными и в эпоху бронзы. Набор их пополняется серпами из нижних челюстей крупного рогатого скота, рыбными ножами, боевыми топорами, штампами для тиснения орнамента на коже и другими орудиями (Зданович, Коробкова 1988; Коробкова 1964, 1995; Сапожникова, Секерская, Черниенко 1996; Килейников 1985; Усачук 1996, 1996а). Функции их устанавливались предположительно, зачастую ошибочно. Обрабатываемый ими материал почти не определялся. В специальных экспериментальных экспедициях такой набор был смоделирован и использован. В результате получены эталоны следов износа для разных орудий, проведены сопоставления с аналогичными археологическими образцами, разработаны микро-макропризнаки для определения функций конкретных костяных инструментов и обрабатываемого ими материала. Но первые трасологические определения некоторых костяных орудий были сделаны С. А. Семеновым (Семенов 1957, 1968).

В разные годы в специальных экспериментально-трасологических экспедициях были проведены разнообразные опыты. Используемое для изготовления орудий сырье было тщательно обезжирено многократным кипячением. В опытах были задействованы ребра

крупного и мелкого рогатого скота, лопатки, нижние челюсти с зубами и без зубов, тазовые кости, рога, осколки трубчатых костей. При изготовлении орудий применялись следующие способы обработки: раскалывание, пиление, скобление и шлифование. Так, моделировались шилья, тесла, стамески, долота, штампы, гладилки, шпатели, серпы, кочедыки, ножи, мотыги и палки-копалки.

Ребра шли на изготовление стругов, лоцил, шпателей, штампов. Некоторые лезвия снабжались насечками. Нижние челюсти использовались в качестве стругов, тупиков, серпов, разминателей, для последних орудий применялись также и тазовые кости. Из лопаток приготавливались струги для обработки шкур и лопаты для вскапывания и выгребания земли.

Объектом обработки служили шкуры, кость, дерево, злаковые растения, необожженные, слегка подсушенные и высушенные глиняные сосуды, болотные травянистые растения, рыба, почва.

Для работы со шкурами использовались струги, стамески, тупики, разминатели, ложила, шилья. При изготовлении керамики были задействованы шпатели, ложила, гладилки и штампы. Почву рыхлили мотыгами, палками-копалками, лопатами. Злаковые и траву сжигали костяными серпами. Отверстия в кости высверливались полыми сверлами. Чистка рыбы производилась ножевидными орудиями. Циновки плелись с помощью кочедыков. Работа по дереву (снятие коры, долбление и строгание) производилась долотами и стамесками.

Для костяных орудий является характерным наличие осветленных участков и объемных следов — царапин, бороздок, выбоинок. Важное значение имеет топография этих признаков, а также конфигурация кромки лезвия.

Используемые для серпов челюсти уплощали с обеих сторон, оставляя внешнюю стенку

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

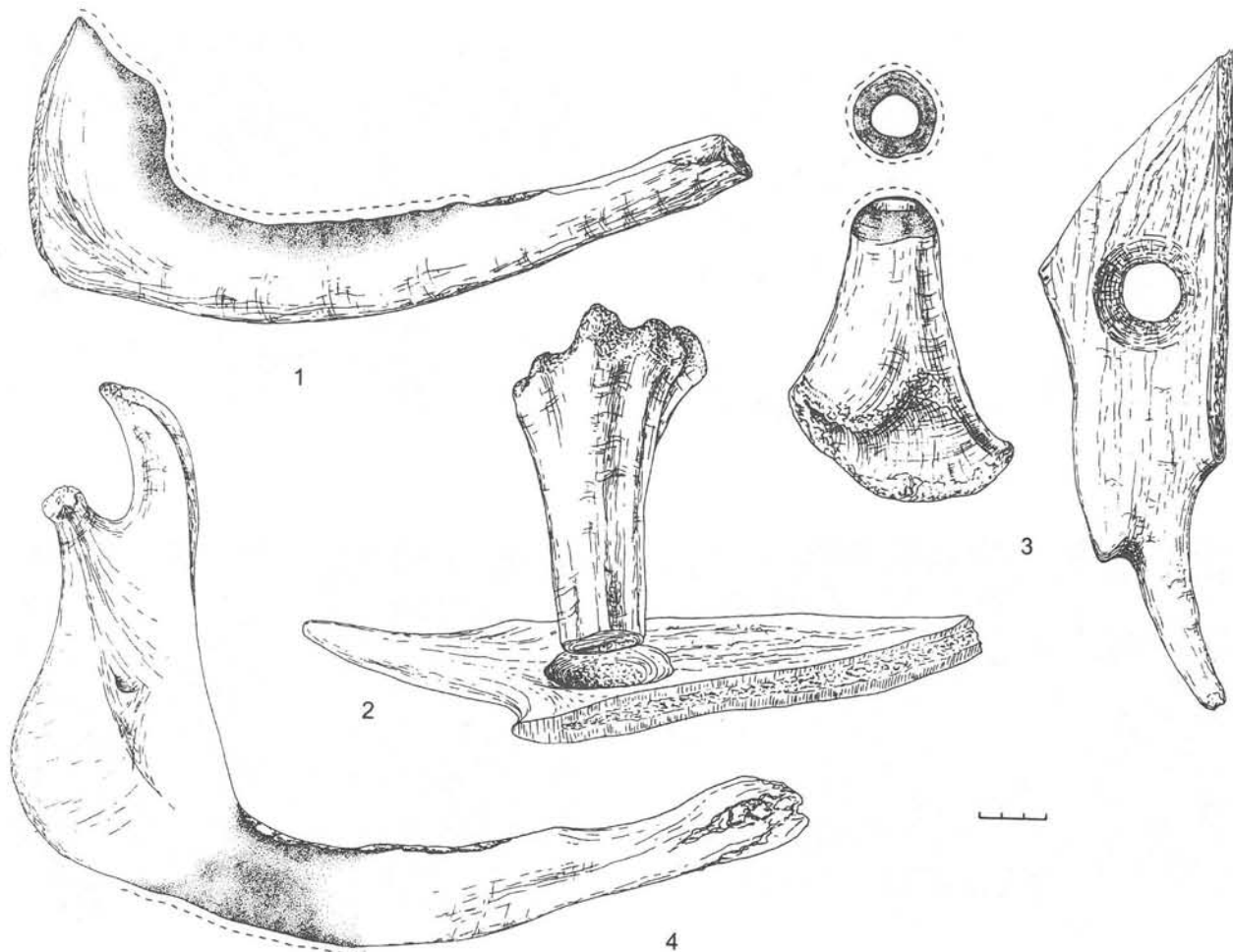

Рис. 1 1 — серп для злаков; 2 — сверло и рог с углублением, изготовленным сверлом; 3 — сверло и рог с отверстием, изготовленным сверлом; 4 — разминатель для ремней.

Fig. 1 1 — sickle for cereals; 2 — drill and a horn with a depression made by means of a drill; 3 — drill and a horn with a depression made by means of a drill; 4 — belt-softening tool.

альвеол (рис. 1: 1). В ходе утилизации на экспериментальных серпах появились макро- (визуальные) и микропризнаки (микроскопические) изнашивания. К числу первых относится осветленная, заполированная поверхность кромки и примыкающих к ней контактных зон, в виде широких полосок вдоль лезвия, локализирующихся с обеих сторон. Показательна скругленная в поперечном сечении и выровненная или волнистая в профиле сильно затупленная, равномерно заглаженная с обеих сторон кромка. Яркая, зеркальная заполировка, выравнивала микрорельеф рабочих плоскостей, у кромки она была сплошная, а вдали от нее — разреженная. На выпуклой стороне заполированная полоска шире и более непрерывная, чем на внутренней, неровной, где она занимает выступающие участки естественной шероховатой поверхности. Ширина заполированной полоски на лицевой стороне челюсти 0,8—1,9 см, внутренней — 0,4—1 см. Под микроскопом видны линейные следы в виде царапин и рисок различных направлений, тонких и глубоких, бороздчатых. На кромке они, в ос-

новном, были расположены в поперечном направлении. Но на обеих сторонах лезвия эти линии имели различную направленность — перпендикулярную, параллельную или наклонную, что отражает приемы жатвы (рис. 2: 1, 2).

В отличие от орудий для обработки шкур, для которых также использованы челюсти, площадь износа на серпах имеет большее распространение и занимает не только кромку, но и обе поверхности лезвия, располагаясь широкими полосами. Кромочная линия носит следы легкой микроскопической выкрошенности, разбросанной вдоль активной части лезвия. Края микрочешуек сnivelированы. Линейные следы на стругах и тупиках в основном направлены перпендикулярно к кромке, иногда слегка под углом к ней (рис. 2: 3,5). На серпах они разнонаправленные (преобладают удлиненные, продольные).

Разминатели для вытягивания и разминания ремней и шкурок мелких животных, изготовленные из нижних челюстей и тазовых костей крупного рогатого скота, выделяются сво-

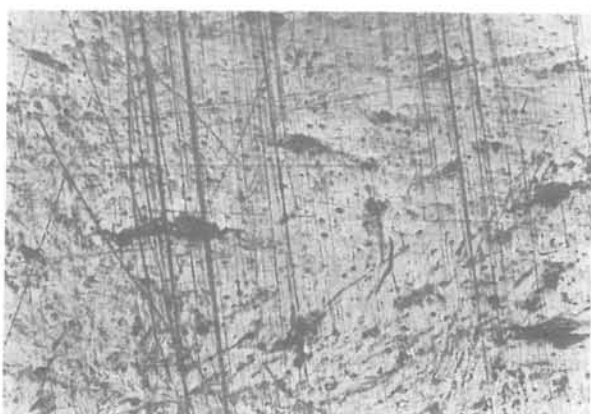
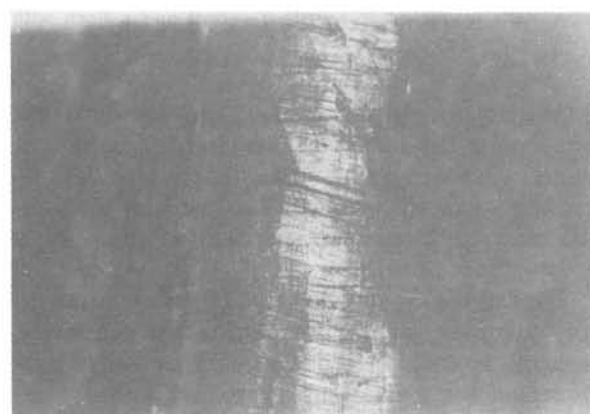
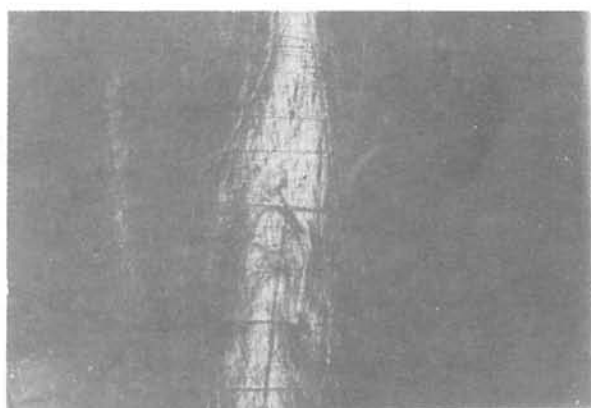
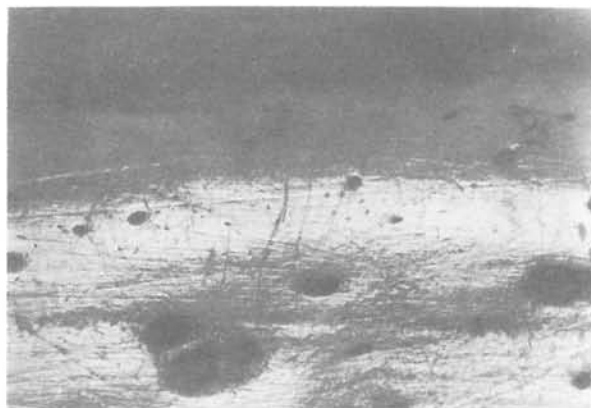

Рис. 2 Микрофото поверхности орудий с линейными следами: 1, 2 — серпы; 3, 5 — скребки; 4 — шило; 6 — разминатель.
 Fig. 2 Microphotograph of tool surfaces with linear traces: 1, 2 — sickles; 3, 5 — scrapers; 4 — awl; 6 — softening tool.

ими специфическими признаками (рис. 1: 4). Заметно (визуально) яркое осветленное пятно сработанной поверхности, локализирующееся на обеих сторонах лезвия. Наиболее светлая часть его приходится на активную зону орудия. В отличие от серпов и стругов разминатели выделяются, во-первых, спецификой локализации этого осветленного пятна, размеры которого полностью зависят от размеров обрабаты-

мых ремней или шкурок. Во-вторых, кромка в профиле у последних часто носит вогнутые очертания, у серпов и стругов — волнистые или выпрямленные. В-третьих, заполировка у разминателей проникающая, жирная, оплавляющая и в то же время выглаживающая микрорельеф рабочей поверхности в перпендикулярном направлении. Этим она похожа на заполировку на стругах, но имеет большее рас-

пространение. По мере удаления от рабочего края заполировка становится более разреженной ямками, канавками, оставшимися от обработки кости и ее естественного микрорельефа (рис. 2: б). У серпов она зеркальная, стирающая микрорельеф, плотная у кромок, имеет продольную ориентацию. В-четвертых, для разминателей характерны удлиненные, разновеликие по протяженности и глубине царапинки перпендикулярной и наклонной направленности по отношению к кромке, широко распространенные на обеих сторонах контактной зоны. Некоторые линии доходят в длину до 1,4—2,8 см. Другие прерываются, встречающимися на их пути западинами и углублениями, напоминая неравномерный пунктир. На самой кромке линии формируют гофрировку, как у стругов для шкур. В отличие от последних, линейные следы у разминателей большей протяженности и локализуются на обеих сторонах рабочего края. Объемные признаки у серпов занимают более распространенную зону, вытянутую в продольном направлении, у разминателей — в перпендикулярном и отличаются от вторых продольной, поперечной и наклонной ориентацией по отношению к кромке.

Стамески использовались для обработки дерева, снятия коры и шкур (рис. 3). Подобные орудия известны по материалам неолитических комплексов Средней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья. Заготовками для них служили продольно расчлененные отрезки трубчатых костей крупного и мелкого рогатого скота с подправленными на абразиве выпукло-плоскими или двоякоплоскими в поперечном сечении рабочими краями. Проведенные с аналогичными орудиями эксперименты позволили выявить комплекс микро-макропризнаков износа для определения и конкретизации функций исследуемых инструментов.

Среди визуальных признаков бросается в глаза осветление сработанной поверхности кости. Наблюдения показали, что характер осветления от обработки орудий и их утилизации дифференцируется, хотя на первый взгляд оно выглядит сходным. Однако при пристальном внимании можно заметить различия в степени осветления (оттенках) между тем, что появляется от обработки и тем, что от использования. Изношенные участки дают более яркую освещенность, чем обработанные, поэтому границы утилизованной поверхности всегда определяются.

Выкрошенность лезвия практически не выявляется. Лишь на орудиях с очень тонким краем можно проследить единичные в поле зрения микроскопические чешуйки, идентичные тем, что встречаются на кремневых и других скребках для обработки шкур.

Лезвие гладкое прямое или дугообразное в профиле. Кромка непрерывная, в поперечном

сечении скругленная по всей линии контакта. Более интенсивная скругленность наблюдается на угловых участках лезвия. В отличие от стамески для дерева или снятия коры округление кромок заметно как на выпуклых, так и вогнутых участках рабочего края. У первых — только на выпуклых площадках кромок.

Заполировка похожа на ту, что прослеживается на кремневых и других скребках для обработки шкур, но отличается локализацией. На стамесках она видна не только на кромке (как у скребков), но и на обеих сторонах лезвия. Причем на одной стороне она далеко заходит на контактную поверхность (0,1—0,6 см), на другой лишь слегка захватывает прикромочную полосу, шириной менее 0,1 см. Заполировка на стамесках, предназначенных для работы по дереву, более распространенная, чем та, которая получается при обработке шкур.

Специфичны линейные следы, очень похожие по своим очертаниям и ориентации на скребковые. Это короткие и более удлиненные тонкие, реже глубокие царапинки с мягкими сглаженными краями, перпендикулярными или наклонными к кромочной линии, иногда пересекающимися. Они фиксируются по всей длине сработанной кромок, включая западинки, и спускаются на обе контактные поверхности кромок. Но на одной стороне они более распространенные, чем на другой. Как и на скребках появляется гофрированная полоска. У стамесок для обработки дерева и коры гофрировка более отчетливая, рельефная и занимает более широкую полосу. Линейные следы локализуются у них только на выступающих участках контактной зоны, которая сохраняет следы истирания.

В отличие от стамесок для обработки шкур, на орудиях, предназначенных для работы по дереву и снятия коры, фиксируются следы микроскопической выкрошенности, расположенные цепочкой по всей кромочной линии. Мельчайшие микрочешуйки, образовавшиеся в ходе использования и выламывающие край, располагались с одной стороны перпендикулярно или наклонно относительно кромок. Лезвие приобрело мелкозубчатые (под микроскопом) очертания. Вершинки зубчиков притуплены. От обработки сухого дерева на орудии остается интенсивная, крутая выкрошенность, усиливающая зубчатость края. Кромка получается не гладкая, как у стамесок для обработки шкур, а зазубренная, непрерывная в плане. Если посмотреть на нее в профиль — она прямая или дугообразная, мелкозубчатая, в поперечном сечении — скругленная на выступающих участках лезвия, причем особенно скруглены угловые участки.

Как у стамесок для шкур, сохраняется осветленная поверхность утилизации с яркой

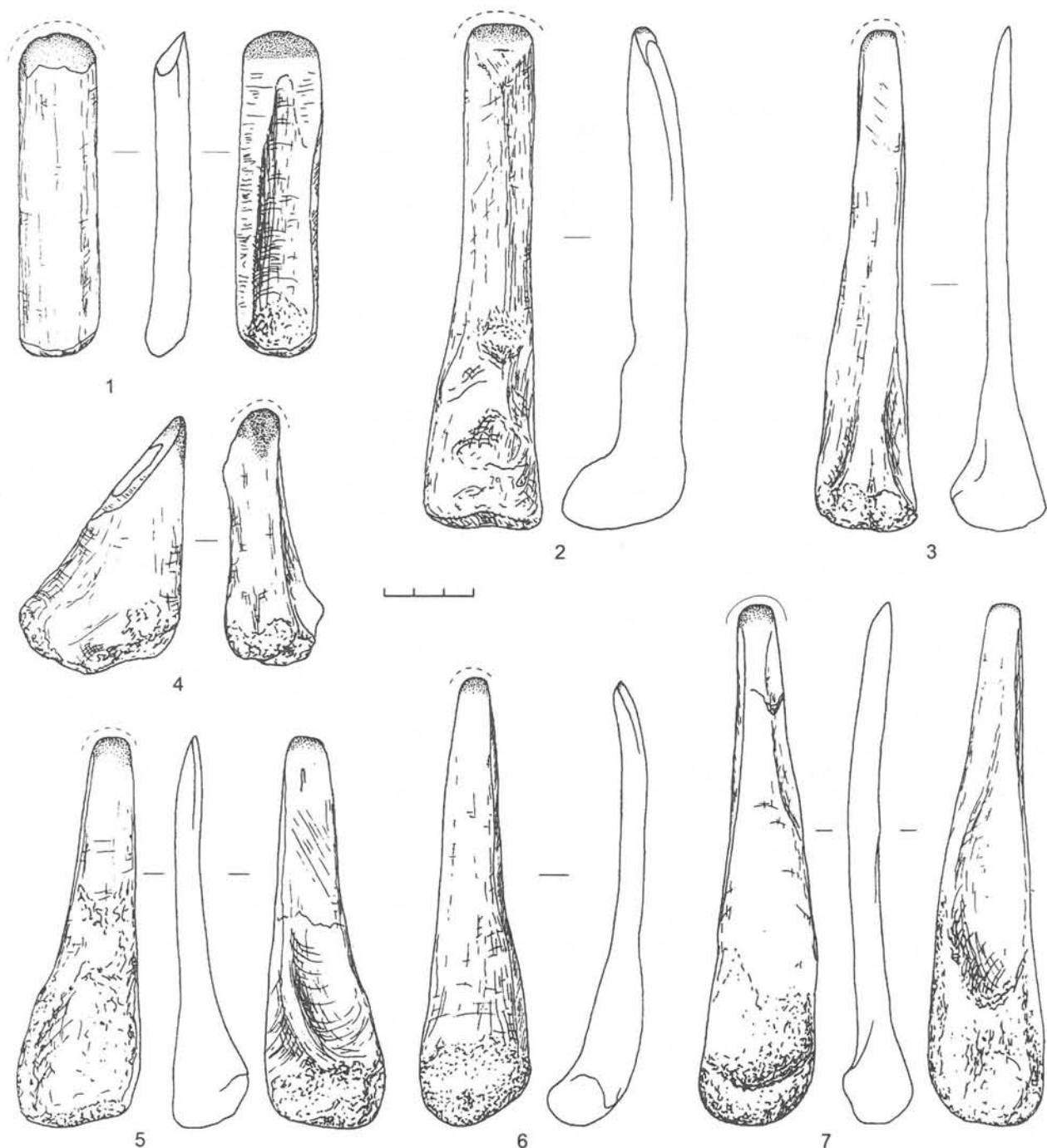

Рис. 3 1, 2 — долота для дерева; 3, 7 — стамески для мездрения шкур; 4—6 — стамески для дерева.

Fig. 3 1, 2 — gouges for wood; 3, 7 — chisels for fleshing; 4—6 — chisels for wood.

блестящей заполировкой от свежего дерева. Заполированная полоска шире (0,5—0,9 см), чем от обработки шкур и более выровнена. Вершинки кромочной линии и края фасеток утилизации сохраняют следы истирания. Блеск наиболее интенсивен на выпуклых участках кромки и контактной зоны. Типичны часто расположенные тонкие двусторонние царапинки, перпендикулярные кромочной линии. Изредка их пересекают глубокие канавки. На активной стороне длина царапинок 0,2—0,35 см, на другой — 0,1—0,15 см. У самой

кромки часто расположенные царапинки создают вид гофрированной поверхности.

Костяные долота отличаются от стамесок для дерева менее распространенной заполировкой (до 0,1—0,4 см, реже до 0,8 см), завальцованностью микрорельефа, более укороченными (0,1—0,15 см) линейными следами, наличием следов от ударов молотка на обушковом торце.

Ребра и обломки костей, имеющие участок выпуклой поверхности, были удобны как лощила и для шкур, и для сосудов (рис. 4: 4, 17,

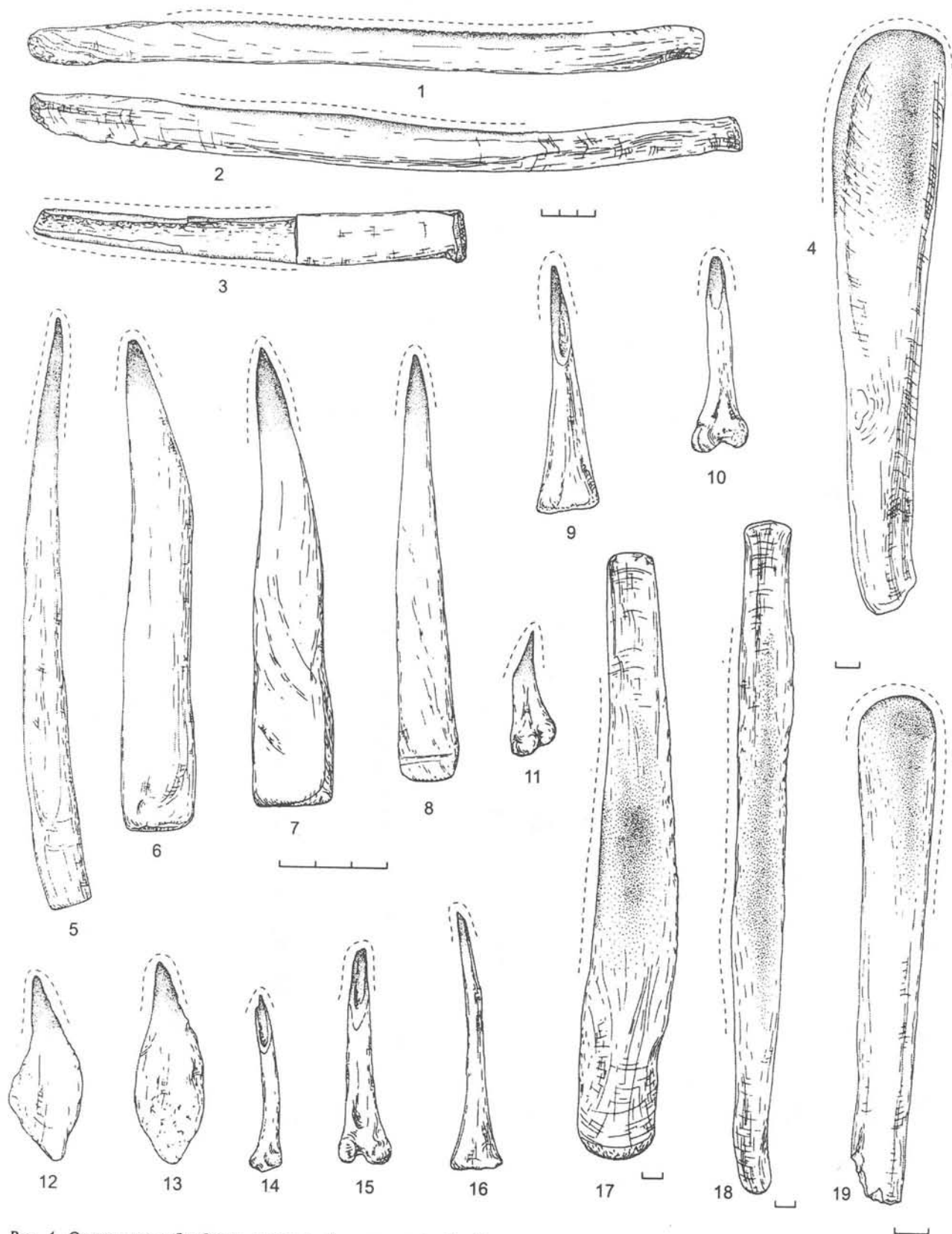

Рис. 4 Орудия для обработки шкур: 1—3 — струги; 4, 17—19 — лоцила; 5—16 — шилья.

Fig. 4 Tools for working hides: 1—3 — planing tools; 4, 17—19 — polishers; 5—16 — awls.

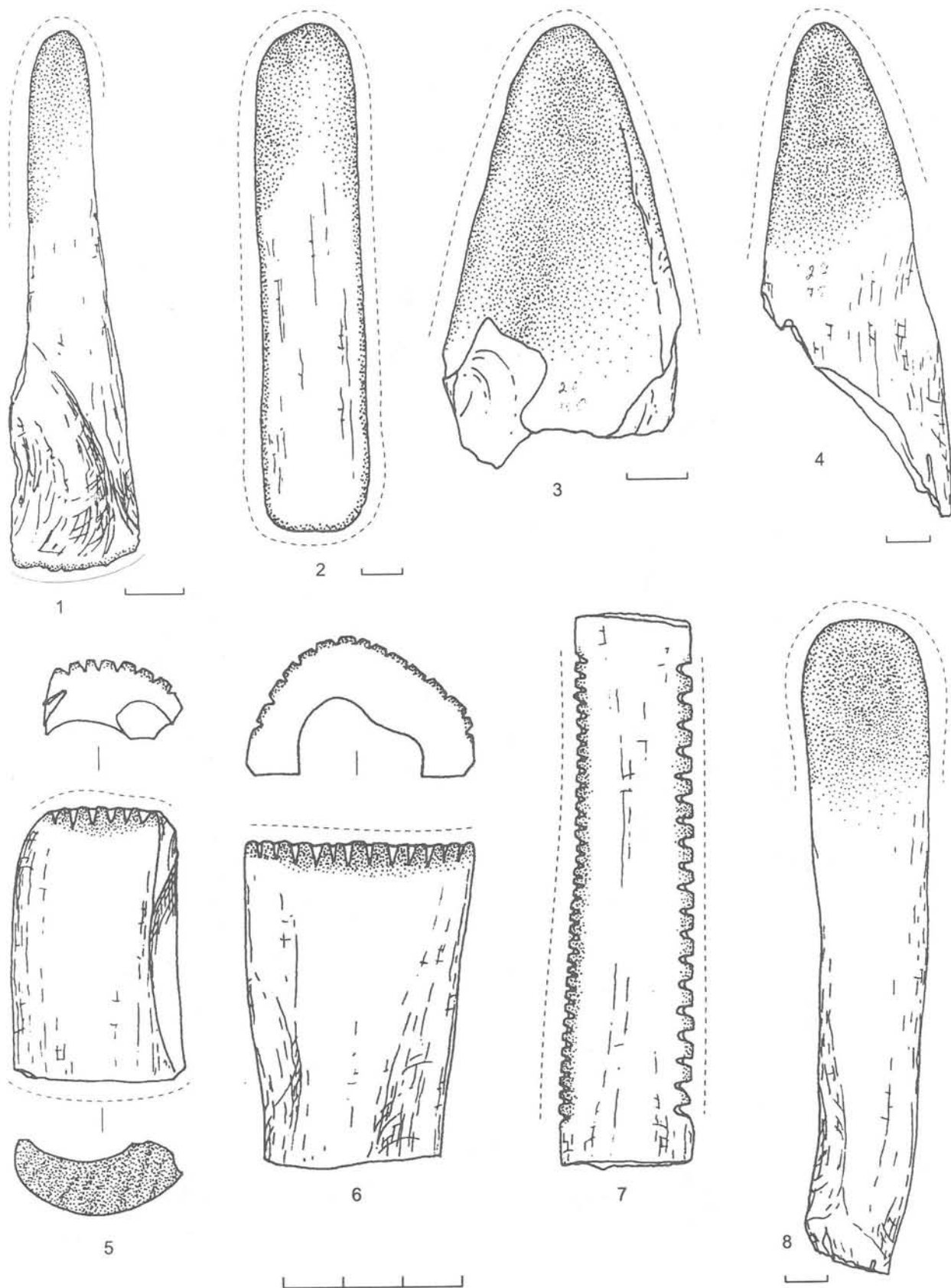

Рис. 5 Орудия для работы с глиной: 1, 2 — шпатели; 3, 4, 8 — ложила; 5 — штамп-гладилка; 6, 7 — штампы.

Fig. 5 Tools for clay: 1, 2 — spatulas; 3, 4, 8 — polishers; 5 — stamp-smoother; 6, 7 — stamps.

18, 19; рис. 5: 3, 4, 8). Визуально они различаются. От шкур заполировка более яркая, жирная, проникающая в микрорельеф. От керамики — абразивная, поверхностная, контрастная. Линейные следы от керамики заметны невооруженным глазом. Царапинки, канавки, бороздки разной длины и глубины разнонаправленно расположены на сработанной поверхности. Но в пределах ее можно увидеть более целенаправленные группировки, состоящие из хорошо очерченных линий. Линейные следы на лощилах для шкур тонкие, мягкие, тоже разновеликие. Направленность их зависит от ориентации орудия в процессе работы. На двуручных лощилах следы расположены часто и строго в одном направлении — поперек продольной оси орудия. Нередко заполировка принимает линейную направленность, ориентированную перпендикулярно или диагонально к рабочему краю. Кромка скруглена. Микрорельеф рабочей поверхности на лощилах для керамики сильно истерт и напоминает пришлифовку.

Рабочие поверхности кочедыков имели две рабочие зоны разного назначения (рис. 6: 3, 4, 5). Кончики орудия служили для проталкивания стеблей, боковые кромки — для их уплотнения и приминания. В результате кромки орудия по периметру скруглены и заполированы. От растительного материала заполировка распространяется равномерно на обеих сторонах рабочего конца, достаточно яркая и зеркальная. Конец кочедыка затуплен и скруглен. По мере удаления от рабочего конца заполировка становится рассеянной, обволакивающей микрорельеф рабочей поверхности. Граница с незаполированными участками размыта. Микрорельеф рабочей поверхности сглажен. Заполировка имеет линейную направленность — прямолинейную и продольную на конце и перпендикулярную у бокового края. Зафиксированы тонкие, неглубокие, разреженные линейные следы. На боковых кромках они поперечные, а у рабочих торцов наблюдаются следы, направленные вдоль длинной оси орудия, переходящие с кромок на прилегающие участки. Заметен оплавленный характер линейных следов.

Рыбные ножи (рис. 6: 2) имеют тенденцию к осветлению сработанной поверхности, занимающей полосу шириной чуть более 0,1 см, у конца — около 0,2—0,4 см. Лезвия затуплены. Заполировка жирная, проникающая, совпадающая с осветленной зоной, похожа на заполировку от обработки шкур. На кромках выявлены короткие, поперечные, линейные следы, у торцов следы переходят на прилегающие плоскости. Это тонкие, перпендикулярные, кромочные царапинки, охватывающие обе стороны лезвия. Но на одной стороне они распространены больше, чем на другой. При

большом увеличении видны продольные нитеобразные линии, локализующиеся на кромке и прилегающих к ней сторонах, пересекая поперечные и наклонные царапинки, появившиеся от чистки и потрошения рыбы.

Сверла на трубчатых костях сохраняют специфические следы износа (рис. 1: 2, 3). Прямо срезанный рабочий торец срабатывается на конус. Заполировка абразивная. Рабочая поверхность сплошь покрыта грубыми каннелюрами, параллельными и наклонными бороздами, наблюдаемыми без микроскопа. Они перпендикулярны длинной оси орудия и имеют вид концентрических окружностей. Четко обозначилась пришлифовка рабочего конца, более осветленного, чем обработанная поверхность кости. Видна резкая ступенчатая граница между рабочей и нерабочей поверхностями. Кромка на конце конуса неровная.

Характерными признаками шпателей для керамики являются наличие осветленной сработанной поверхности, скругленной кромки, абразивной тусклой заполировки, поперечных, а иногда и продольных удлинённых линейных следов и заглаженность микрорельефа (рис. 5: 1, 2). Царапинки далеко заходят на поверхность утилизации. Линейные следы разнокалиберны, порою наблюдаются визуально. Направление их зависит от кинематики орудия в процессе работы. От стругов для шкур отличаются наличием «абразивной» заполировки, ее локализацией, характером, размерами линейных следов и их топографией.

На шпателях с зубчатым краем наблюдается затупление вершинок зубцов, скругление их (в зависимости от наклона орудия к обрабатываемому материалу) в ту или иную сторону рабочего лезвия. Углубления на поверхности зубцов не затронуты выглаживанием. Заполировка видна только под микроскопом. Это — сравнительно приглушенная, хотя и блестящая, абразивная заполировка проникающего типа, обволакивающая микрорельеф. В углублениях между зубцами блеска нет. В пределах заполированной зоны видны тонкие и бороздчатые царапинки, часто расположенные, слегка наклонные к линии кромки, занимающие вершинки зубцов и прилегающую к ним контактную полосу. Привлекает внимание степень затупления зубцов. Так левый угол более завален и скруглен в сторону пропила. Правый лишь слегка притуплен. У стругов для обработки шкур зубцы равномерно оплавлены, линейные следы более тонкие, короткие и локализованы на вершинках зубцов и узкой прикромочной полоске. Не похож и характер заполировки и ее расположение.

Зубчатые штампы для керамики выделяются специальной обработкой рабочего края и следами изнашивания (рис. 5: 5, 6, 7). По заготовкам, технологии изготовления многие

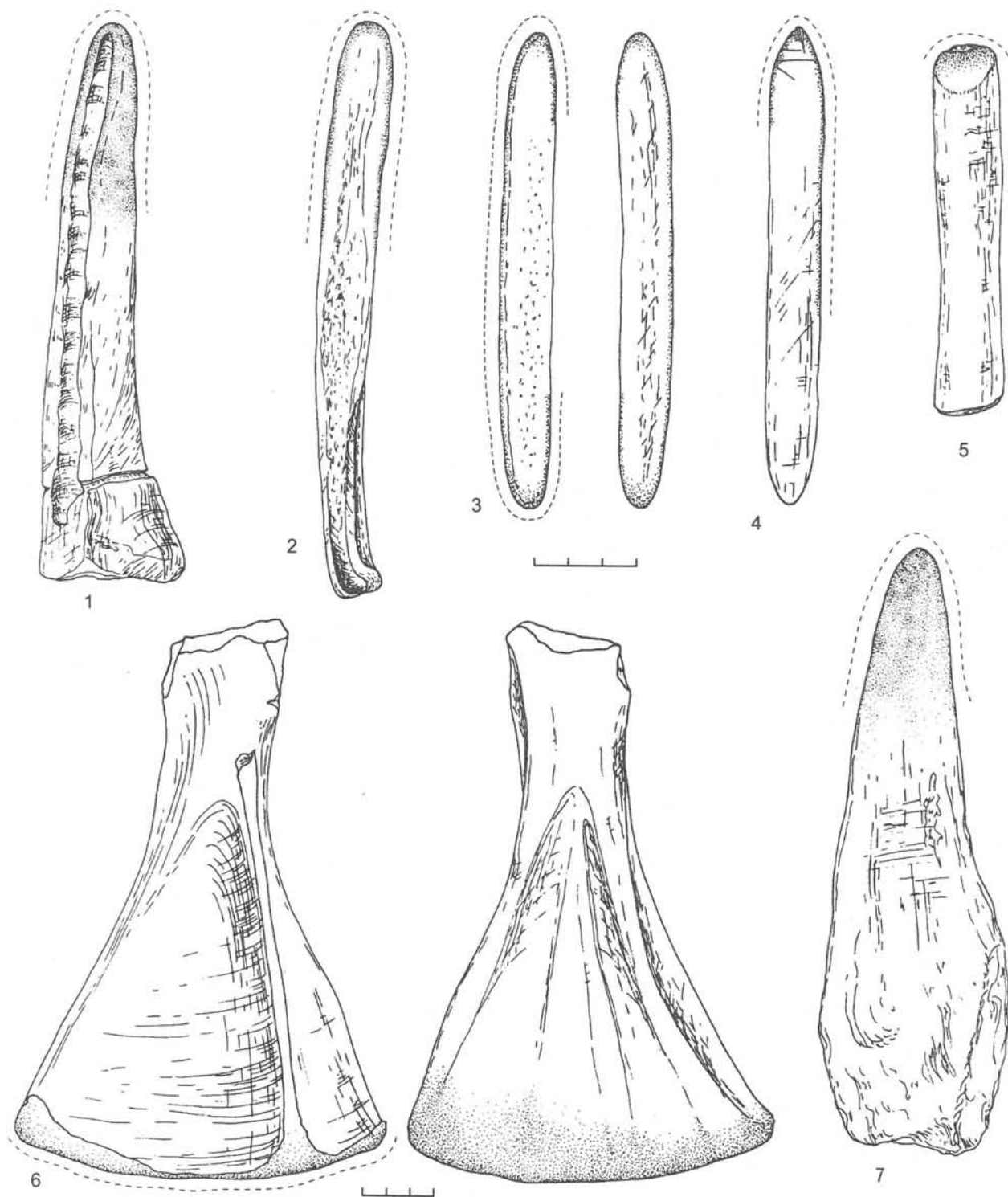

Рис. 6 1, 6, 7 — мотыги; 2 — рыбный нож; 3—4 — кочедыки.

Fig. 6 1, 6, 7 — hoes; 2 — fish-knife; 3—4 — tools for weaving mats.

орудия напоминают шпатели для керамики и струги для шкур. Однако дифференциация их функций проявляется достаточно четко (рис. 4: 1, 2, 3; рис. 5: 1, 2).

Заполировка на штампах похожа на заполировку на шпателях для керамики. Вместе с тем, локализация ее различается. Так у первых она фиксируется только на вершинках зубцов и слегка спускается с них, у вторых —

на вершинках и широкой контактной прикромочной полоске. Линейные следы у первых прослеживаются слабо, да и то под увеличением (x 50). Это единичные глубокие очень короткие канавки и царапинки, чередующиеся с неглубокими рисками, расположенными перпендикулярно к кромке. На боковых сторонах зубцов их нет. У шпателей линейные следы более удлиненные и локализуются не только

на вершинках зубцов, но и далеко заходят на контактную поверхность орудия. Головки зубцов на штампах как бы оплавлены со всех сторон, у шпателей — скруглены только углы, задействованные в работе. Распространение следов износа обусловлено глубиной проникновения штампа в обрабатываемый предмет. Линейные следы носят сглаженный характер.

На мотыгах и палках—копалках (рис. 6: 1, 7) в результате их постоянного использования сохранилась яркая широко распространенная заполировка, истирающая и выглаживающая контактную поверхность орудий с двух сторон. В зависимости от характера обрабатываемого грунта кромка у таких орудий обычно разбита, выкрошена или сильно затуплена. На их рабочей поверхности визуально наблюдаются линейные следы. Под микроскопом эти следы представляют собой глубокие бороздки, канавки и царапины разной протяженности и глубины, расположенные перпендикулярно или слабо наклонно к кромке. Преобладают удлиненные линии, наиболее густо расположенные у кромки с наружной стороны лезвия. С внутренней же стороны линии более короткие. Лезвия имеют тенденцию к самозатачиванию.

Лопаты для вскапывания почвы и выброса грунта (рис. 6: 6) сохраняют легкую выкрошенность лезвия, придающую ему некоторую волнистость. Под микроскопом кромка покрыта мельчайшими зубчиками с заглаженными вершинками. Среди них есть визуальные чешуйки, выламывающие рабочий край, но в целом они микроскопичны. В профиле кромочная линия зазубрена и заглажена по всей длине. В плане она непрерывная, в поперечном сечении — скругленная, но бывает как бы сточена в сторону контактной зоны. Заполировка менее яркая, чем залощенность от руки. Ее можно охарактеризовать как абразивную и поверхностную, двустороннюю и неравномерную, но в целом выравнивающую рельеф. На плоской стороне лопатки, контактирующей с землей (при сгребании), заполировка имеет вид пришлифованных разорванных пятен продольной направленности, распространение которых доходит до 9,2—9,8 см. Выпуклые участки истерты. Заполировка особенно интенсивна на кромке и прилегающей к ней контактной поверхности. В верхней части она облегает микрорельеф. По мере удаления от кромки заполировка ослабевает. В углублениях микрорельефа ее нет. На выпуклой стороне рабочего края заполировка менее распространена. Она занимает узкую прикромочную полосу вдоль всего лезвия. Линейные следы показательны. Это глубокие царапины, канавки и бороздки на кромке и на истертых рабочих поверхностях, перпендикулярной или слегка наклонной направленности по отношению к

кромочной линии. Они удлиненные, но разорванные (из-за разорванности заполировки), покрывают только выступающие участки поверхности. На плоской контактной стороне длина их доходит до 6—6,5 см. В западинах микрорельефа линейных следов нет.

Для шильев (рис. 4: 5, 16) характерна затупленность, скругленность и заполированность острия, причем на кончике более яркая. Заметно осветление кости на рабочих участках. Заполировка похожа на ту, которая образуется при обработке шкур. Ее можно охарактеризовать как глубокую, проникающую, жирную и отчетливо выделяющуюся на фоне естественного блеска кости. На контактной поверхности фиксируются следы интенсивного истирания и выглаживания. Заметны следы залощенности от рук на обушковом торце. Линейные следы различаются лишь под микроскопом и имеют два направления - вдоль длинной оси орудия (у кончика острия) и поперек ее. Это очень тонкие, короткие, неравномерные, перекрещивающиеся царапинки (рис. 2: 4).

Такова краткая характеристика следов изнашивания на дифференцированных костяных орудиях, широко встречающихся в разных регионах, начиная с эпохи палеолита. Предложенные методические разработки, основанные на данных многочисленных экспериментов и результатах анализа рабочих поверхностей эталонов, дают ключ к пониманию функционального содержания целого ряда орудий, выполненных из кости и рога. В этом плане большое значение имели трасологические изыскания С. А. Семенова, который впервые выделил следы износа и диагностировал функции некоторых костяных орудий. К ним относятся краскотерки из Костенок I, наковальни из Кош-Кобы, ретушеры из Киик-Кобы, лощила из Авдеево и Луки-Врублевецкой, мотыги из Елисеевичей и Пушкарей I, роговая лопата из Чигирского торфяника, шлифовальные кости из Ольвии, разбивники для мягчения и растягивания ремней с Роданова городища, гладильники и шпатели для кожи из Саркела (Семенов 1957: 200—227). В основу анализа были положены линейные следы, их направление и расположение, а также данные этнографии. Аналогичные признаки были выделены им на костяных стругах и тупиках из Джебела, Илурата и поселения Ирмень на р. Оби (Семенов 1968: 160—162). Помимо описания линейных следов ученый уделял много внимания технологии обработки кости и изготовлению костяных изделий и орудий. Вместе с тем, помимо линейных признаков, сработанные поверхности имеют еще и другие диагностические следы. Последние включают характер заполировки, ее топографию и локализацию, следы выкрошенности, истирания, степень затупленности кромки и ее распространение в

пределах кромочной линии, а также характер поперечного сечения.

Естественно, все эти признаки требовали дополнительной разработки, что и было предпринято авторами в специальных экспериментально-трасологических экспедициях. В опытах были задействованы разные костяные орудия, занятые в обработке дифференцированных материалов. Комплекс выявленных

следов был успешно применен к изучению археологических образцов, выполненных из кости или рога. Предложенная в статье методика микро-макроанализа костяных изделий позволяет определить и конкретизировать функции дифференцированных орудий, характер обрабатываемого ими материала, значимость их в хозяйственно-производственной деятельности населения прошлого.

- Даниленко, Т. А. 1985. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: 34—47. Челябинск.
- Зданович, С. Я., Г. Ф. Коробкова 1988. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей: 60—79. Челябинск.
- Килейников, В. В. 1985. Хозяйство населения донской лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда). Автореф. дисс. ... кандист. наук. Ленинград.
- Коробкова, Г. Ф. 1960. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции X.: 110—133. Ашхабад.
1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Ленинград.
1995. Функционально-производственные стимулы конвергентных явлений // Конвергенция и дивергенция в

- развитии культур энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: 13—18. Санкт-Петербург.
- Сапожникова, Г. В., Е. П. Секерская, Ю. А. Черниенко. 1996. Костяные орудия с поселения Струмок III // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): 69—72. Донецк.
- Семенов, С. А. 1957. Первобытная техника // Материалы и исследования по археологии СССР 54.
1968. Развитие техники в каменном веке. Ленинград: Наука
- Усачук, А. Н. 1996. Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменское II // Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): 21—27. Донецк.
- 1996а. Результаты анализа костяных изделий срубного поселения Капитаново I // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи 2: 60—63. Воронеж.

STONE AGE BONE TOOLS

(Diagnostics of Wear Traces on the Basis of Archaeological and Experimental Evidence)

G. F. KOROBKOVA, T. A. SHAROVSKAYA

This paper describes the diagnostic wear traces by which the functions of differentiated bone tools dating to a considerable historical range from the Palaeolithic period till the Stone Age are determined. The diagnostic method is based on the results of an analysis of experimental standards and archaeological originals. All in all, hundreds of experiments have been conducted and over 2200 various bone tools found on sites of different cultures and periods have been studied by the authors (Коробкова, 1960; 1964; 1969; 1987; 1995; Коробкова, Шаровская, 1983; Зданович, Коробкова, 1988 etc.). The first tracewear identifications of several bone objects were already conducted by S. A. Semenov (1957; 1968). The list of functions, as well as the set of characteristics has been considerably supple-

mented after carrying out large-scale experiments in special experimental-tracewear expeditions (1973—1993). As a result, tracewear standards were obtained for sickles, planing tools, hair removing tools, belt-softening tools made of cattle mandibles and pelvic bones (fig. 1: 1, 4; fig. 4: 1—3), and their comparative characteristics studied. Identified were the diagnostic traces on chisels for wood (fig. 3: 4—6), barking and hiding (fig. 3: 3, 7), on bone gouges (fig. 3: 1, 2), hide polishers (fig. 4: 4, 17—19) and pottery polishers (fig. 5: 3, 4, 8), tools for weaving mats (fig. 6: 3, 4, 5), fish knives (fig. 6: 2), drills made of tubular bones (fig. 1: 2, 3), spatulas for smoothing (fig. 5: 1, 2) and stamps for decorating (fig. 5: 5—7) pottery, mattocks and digging sticks (fig. 6: 1, 7), shovels (fig. 6: 6), and awls (fig. 4: 5—16).

ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗООМОРФНЫХ СТАТУЭТОК ИЗ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ ПАМЯТНИКОВ ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ, АЛТЫН-ДЕПЕ И КАРА-ДЕПЕ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

А. К. КАСПАРОВ¹

Значительную долю археологических находок на памятниках энеолита и бронзового века не только на юге Туркмении, но и по всей Центральной Азии, и на Ближнем Востоке составляют статуэтки животных из обожженной или необожженной глины. В археологической практике подобные находки, как правило, вносятся в описи и фигурируют затем в публикациях под обобщающим названием «фигурки животных» без более детального их определения. Происходит это потому, что грубо выполненные, хрупкие статуэтки утрачивают в результате попадания в культурный слой поселения такие характерные признаки, как уши или рога, и на первый взгляд не поддаются окончательному распознаванию. Лишь изредка они имеют настолько явные пропорции или сохранившиеся детали, что изображенное животное можно достоверно распознать. В эпоху развитой бронзы статуэтки становятся более выразительными и выполненными с несомненным, подчас довольно высоким, художественным мастерством.

В течение многолетних раскопок памятников подгорной полосы Копет-Дага было обнаружено большое количество статуэток животных. Основную массу находок составляют очень характерные образцы, имеющие приблизительно одинаковый план строения и с трудом распознаваемые по видам. В настоящей работе делается попытка определить видовую принадлежность изображенных животных, а также обнаружить такие признаки или выработать такие критерии, по которым можно было бы идентифицировать максимальное количество найденных статуэток, невзирая на степень их поврежденности. Следует подчеркнуть, что в задачу автора не входило описание

стилистики фигурок, приемов лепки, планиграфическое расположение их по площадям поселения и т. д. Исследования подобного рода целиком относятся к области археологии.

Всего было исследовано 70 статуэток с поселения Илгынлы-Депе, обнаруженных в течение 8 лет раскопок, 13 статуэток с поселения Алтын-Депе, найденных в процессе 2 сезонов, и 25 статуэток из Кара-Депе обнаруженных в течение 6 сезонов, во всех случаях датированных временем Намазга III. Кроме того, для сравнения были привлечены статуэтки с Алтын-Депе из слоев времени Намазга V. Материал, датированный временем Намазга V, уже описан с археологической точки зрения и опубликован (Массон 1981). Результаты определения статуэток животных из Кара-Депе также уже публиковались, однако методика их интерпретации в статье не рассматривалась детально (Каспаров 1999).

В целом терракотовые фигурки животных можно охарактеризовать следующим образом: это небольшие (длина колеблется в пределах от 20 до 57 мм) статуэтки, обожженные, частично обожженные или совсем не обожженные, имеющие 4 ноги (степень выраженности которых сильно варьирует) и в разной степени приподнятые головы на более или менее массивных шеях (рис. 1). На головах большинства статуэток наблюдаются следы или, в лучшем случае, остатки рогов, направленных вверх, в стороны или назад. В редких случаях рогов нет вообще. Морда бывает выражена слабо небольшим расплывчатым бугром, однако иногда может быть велика и массивна. Небольшой бугор может находиться на задней поверхности шеи, сразу за головой или ближе к туловищу. Иногда вместо него имеется короткий гре-

¹ Россия. 191186. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологических технологий.

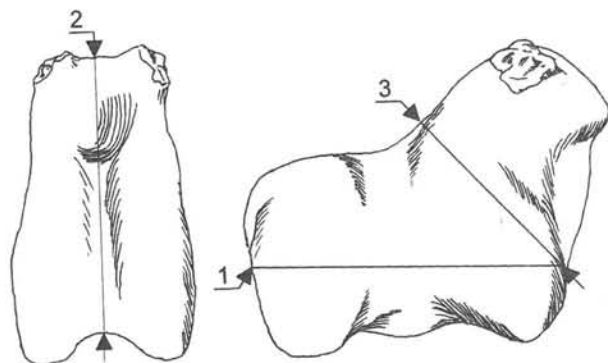

Рис. 1 Схема измерений статуэток.

Fig. 1 Scheme of measurement of figurines.

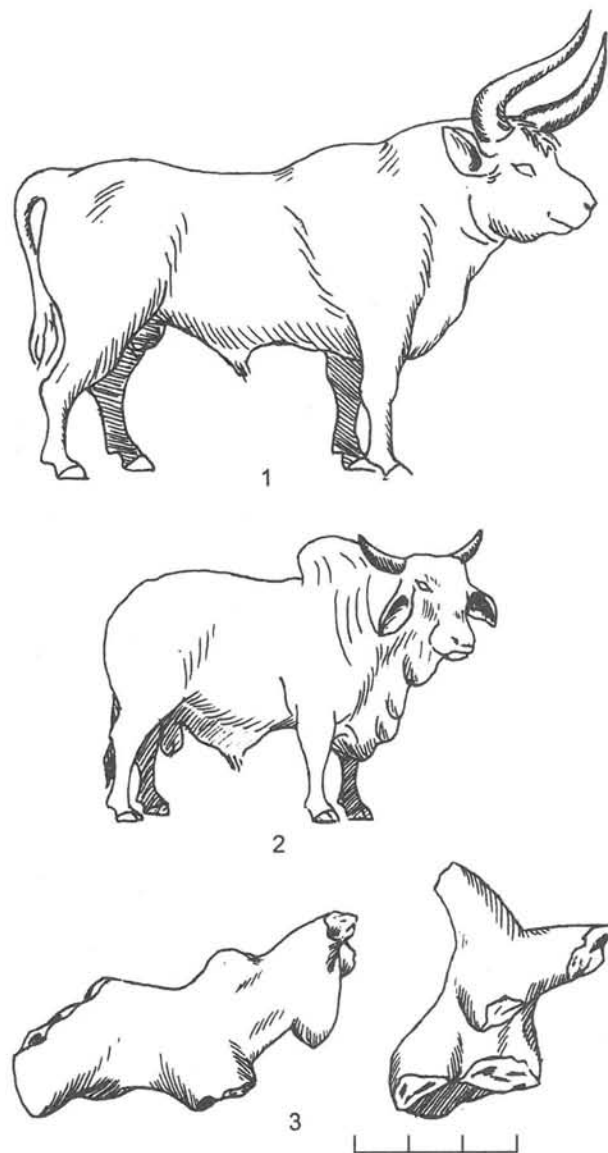

Рис. 2 Некоторые крупные *Bovidae* и глиняная статуэтка быка из Илгынлы-депе (вторая половина IV тыс. до н.э.): 1 — Ауруксы; 2 — Зебу; 3 — бык из Илгынлы-депе.

Fig. 2 Some large *Bovidae* and a clay figurine of a bull from Ilgynly-Depe (2nd half of the 4th mil. B. C.): 1 — Auurocks; 2 — Zebu; 3 — the bull from Ilgynly-Depe.

бень, идущий вдоль по шее и хребту статуэтки. Спереди на шее, под головой, сверху вниз по центральной линии часто проходит еще один гребень, более короткий и массивный, в дальнейшем называемый «подвесом». На брюхе, между передними и задними ногами в ряде случаев имеется небольшой защип, вероятно символизирующий препуциальный выступ, то есть половой признак самца. Сзади, на крупе, как правило, имеется хвост в виде плоской пластины в форме вытянутого треугольника, плотно прилепленной к телу. Хвост либо висит вертикально, либо закинут на спину, слегка отклоняясь при этом вправо или влево.

Среди статуэток времени Намазга III оказались и такие, видовой принадлежности которых при более внимательном рассмотрении не вызывает сомнений. В их числе определяются статуэтки быка, козла, барана, собаки, вероятно, кулана и, возможно, сайги и свиньи. Тщательный осмотр таких экземпляров позволил выявить черты, характеризующие внешность каждого животного.

Быки. Рога на статуэтках быков направлены в нижних своих частях в стороны, а затем загибаются вперед и вверх. Специально вылепленный бугорок разного размера изображался либо сразу за головой, либо, реже, ближе к туловищу. В одном случае, когда статуэтка выполнена довольно реалистично, можно видеть, что этот бугорок смещен назад и чрезвычайно напоминает специфический мускульно-жировой горб, имеющийся в основании шеи у зебувидных пород крупного рогатого скота, широко распространенных по всей Южной Азии (рис. 2). Этот вид имеет также и характерный, хорошо заметный подгрудок-подвес из соединительной ткани и жира, на передней стороне шеи и груди, что также как бы отражено на статуэтках. На статуэтках быков из Кара-Депе (6 экземпляров) подвес и защип на брюхе отсутствуют, однако на Алтыне и Илгынлы они имеются почти всегда.

Судя по египетским изображениям, зебу был известен и широко распространен уже в начале III тыс. до н. э. (Колесник 1936, Reed 1959). В. И. Громова определила один позвонок зебу из поселения раннего железного века Каунчи-Тепе, расположенного в районе Ташкента (Громова 1940). Можно было бы предполагать, что скот древних обитателей Илгынлы-Депе принадлежал к той же породной группе и что терракотовые статуэтки изображают именно этих животных, однако форма рогов фигурок и описанные выше данные остеологии практически исключают подобное предположение. Как отмечалось, статуэтки быков имеют рога, направленные в стороны и вперед, с концами, загнутыми кверху. Причем рога эти, даже учитывая, значительную стилизацию изображения, весьма велики. Зебу же имеет не-

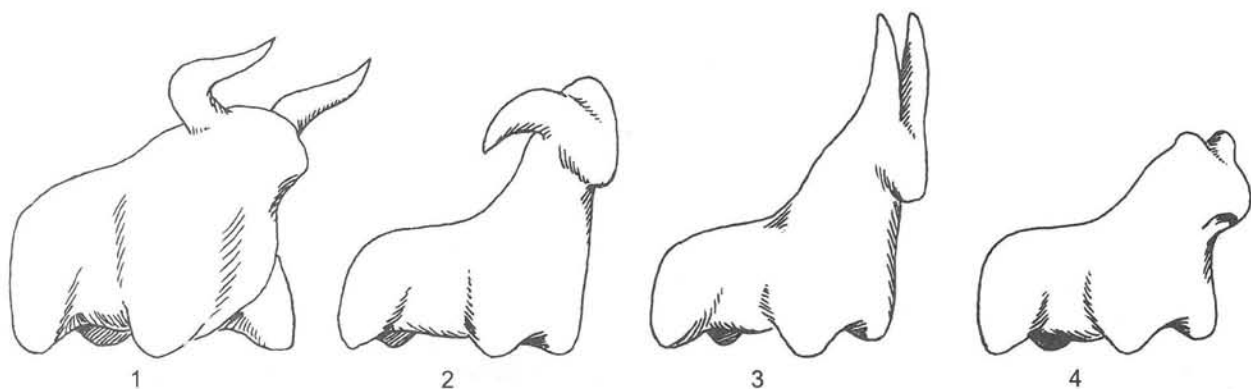

Рис. 3 Примерный внешний вид энеолитических статуэток животных из Илгынлы-депе и Алтын-депе: 1 — бык; 2 — мелкий рогатый скот; 3 — кулан; 4 — собака.

Fig. 3 Schematic appearance of Eneolithic animal figurines from Ilgynly-Depe and Altyn-Depe: 1 — bull; 2 — sheep or goats; 3 — kulan; 4 — dog.

большие искривленные рога, концы которых направлены вверх, а иногда даже назад.

Величина и форма рогов статуэток почти полностью соответствуют другому виду крупных полорогих, водившемуся в регионе, а именно дикому быку-туру, но у него нет горба и подвес выражен гораздо слабее. Он, однако, имеет более мощную конституцию, чем зебу, что также характерно для изображений быков, отличающихся в большинстве случаев нарочитой массивностью. Можно предполагать, что статуэтки быка не изображают какое-то конкретное животное, а являются чем-то собирательным, вобравшим в себя наиболее характерные черты знакомых первобытному скульптору крупных полорогих. Конечно, вопрос о том, какой именно вид бычьих изображают глиняные фигурки, не может считаться решенным окончательно и допускает наличие других мнений и гипотез.

Тем не менее можно утверждать, что фигурки, обладающие некоторыми или всеми вышеперечисленными признаками, а именно: мощными, направленными вперед рогами с загнутыми кверху концами, бугорком позади головы, подвесом на груди, защипом на брюхе, воспроизводящим изображение половых признаков самца, являются изображением быка (рис. 3: 1). Особенно достоверными являются, конечно, рога и бугорок за головой. Показательным признаком здесь является и массивность фигурки, о чем подробнее будет сказано ниже.

Мелкий рогатый скот. Характерной особенностью статуэток, изображающих мелких полорогих — козлов и баранов, — является прежде всего то, что рога их (или хотя бы уцелевшие основания рогов) направлены совершенно иначе. В отличие от быков, они направлены вверх у козлов и назад у баранов (рис. 3: 2). У козлов рога идут параллельно, у баранов же расходятся в стороны под углом примерно сто градусов. Направление рогов в

большинстве случаев хорошо заметно, даже если голова сильно повреждена. Кроме того, фигурки мелких полорогих никогда не имеют бугорка, подвеса на груди и, в большинстве случаев, признаков пола на брюхе. Тогда же, когда защип все-таки присутствует, он почти не выражен.

Установление сугубой видовой принадлежности статуэток мелких полорогих проблематично. Лишь в одном случае найдена статуэтка козла с хорошо сохранившимися, прямостоящими рогами, загнутыми назад. Исходя из их формы и параллельного расположения, можно с большой долей вероятности предположить, что перед нами изображение дикого козла *Sariga aegagrus*, причем самца (у самцов домашних животных рога расходятся в стороны сильнее и у взрослых особей сильно гетеронимно закручены). У самок, как домашних, так и диких, рога гораздо меньше.

Собака. В материалах с Илгынлы-Депе и Алтын-Депе встречены также статуэтки собак, на головах которых часто находятся два бугорка, видимо изображающие стоячие уши (рис. 3: 4). У некоторых статуэток времени Намазга V уши сохранились настолько хорошо и вылеплены столь реалистично, что можно предполагать их купирование у собак, обитавших в то время на Алтын-Депе.

К сожалению, у двух статуэток собак, обнаруженных на Илгынлы-Депе, каудальная область не сохранилась, вследствие чего неясно, в каком положении находились хвосты. Однако у трех фигурок собак, найденных на Алтын-Депе, хвост специально загнут вверх. У статуэток периода Намазга V хвост выглядит как короткий толстый стержень, приостренный к концу, отходящий от тела примерно под углом 60° и слегка загнутый вперед. Характерным признаком фигурок собак времени Намазга III является специфическое изображение пасти, переданное углублением на конце морды. У одной статуэтки оно находится спе-

реди, у двух других — с нижней стороны. Вероятно, таким образом символизировался открытый рот лающего животного (рис. 3: 4). В период Намазга V на Алтын-Депе доисторические мастера с этой же целью втыкали тонкую палочку в конец морды статуэткам собак. К тому времени зачастую это было чисто символическое действие, так как получающееся при этом крошечное отверстие ни в малой степени не походило уже на собачью пасть. В отличие от быков и мелких полорогих, морда у фигурок собак проработана с известной долей натуралистичности.

Итак, выраженная морда, стоячие уши, загнутый на спину, отделенный от тела хвост, обозначение открытой пасти являются характерными признаками собачьих статуэток.

Кулан. На Кара-Депе найдена одна, а на Илгынлы-Депе четыре статуэтки, у которых по задней стороне шеи и затем по хребту проходит специально вылепленный невысокий гребень. Фигурки не очень массивны, подвес в трех случаях отсутствует, в одном — имеется в виде также плоского гребня. Морда выражена хорошо, в виде большого бугра. На голове видны остатки выступов, но направлены они вверх, а не в стороны. Половых признаков нет в трех случаях. В двух — на брюхе зашип. У одной из таких фигур грива переходит с шеи на голову и подолгается между «ушей». Обращает на себя внимание еще и то, что именно у этих фигурок ноги выглядят относительно длинными, хорошо проработанными, в отличие от других статуэток, формированию ног у которых древние мастера совершенно не уделяли внимания. В большинстве случаев ноги у них едва намечены, либо сплюснуты при постановке сырой фигурки на плоскость, либо имеют форму толстых выростов, не имеющих ничего общего с реальностью. Нельзя однозначно утверждать, кого изображают эти пять скульптурок. Среди прекрасных и хорошо диагностируемых образцов более позднего времени с Алтын-Депе аналогов этим фигурам нет. Однако с большой долей вероятности можно предполагать, что это попытка изобразить кулана (рис. 3: 3).

Другие виды. Кроме того, на поселении Илгынлы-Депе найдена фигурка с массивной остроконечной мордой, отчетливо загнутой вниз. На голове у фигурки обломки ушей или рогов. Подвеса на груди и половых признаков на брюхе нет. Хвост в виде бугорка направлен назад. Можно предположить, что мы имеем дело с весьма стилизованным изображением сайги.

На поселении Алтын-Депе также найдена довольно странная статуэтка, принципиально отличающаяся по своей конституции от общей массы фигурок. Голова у нее как бы является продолжением туловища и мало приподнята

над ним, шея почти не выражена. Морда изображена в виде массивного выступа с заметным плоским концом. На груди — мощный подвес в виде плоского гребня. На голове имеются хорошо заметные уши, направленные вперед и вниз. Хвост массивный, направлен вниз и не прилегает к туловищу, как у большинства фигурок. Ноги — длинные, старательно вылепленные, что также не характерно для основной массы фигурок. Защица на брюхе нет. Не исключено, что это изображение дикой или домашней свиньи. Большую ясность в этот вопрос внесут новые находки подобного типа.

Помимо внешних признаков, исследовалось пропорциональное сложение статуэток. Дело в том, что древние мастера не соблюдали реальные масштабы объектов и статуэтки, изображавшие разных по размеру животных, имеют совершенно произвольную величину. Предполагалось, что кроме внешних признаков, они могут различаться и по пропорциям тела реального животного, невольно отражаемым мастером при работе. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что статуэтки различаются своей массивностью. Их можно приблизительно разделить на две морфологические группы: фигурки с выраженной шеей и высоко посаженной головой и фигурки, у которых шея массивна и коротка, а голова расположена относительно низко. Причем вторая группа явно преобладает.

С каждой статуэтки снималось 9 промеров, отражающих ее основные пропорции. Из них только 3 параметра достаточно точно характеризуют принципиальные особенности сложения каждой фигурки (рис. 1):

1 — общая длина тела. Она измерялась по средней линии сбоку от передней точки в основании груди до задней точки на середине крупы. Здесь не учитывалась ни ширина подвеса, ни толщина хвоста, чтобы исключить изменения в длине, обусловленные не самой конституцией статуэтки, а различной сноровкой мастера, в зависимости от силы давления пальцев которого получался подвес больше или меньше или хвост толще или тоньше.

2 — высота головы. Измерялась спереди по центральной линии статуэтки, не учитывая длины ног, а так же «рогов» или «ушей», так как эти признаки опять-таки могут варьировать в каждом конкретном случае в зависимости от прихоти или умения мастера.

3 — наименьшая передне-задняя ширина шеи по косой линии. Измерялось кратчайшее расстояние от уже упоминавшейся передней точки в основании груди до задней поверхности шеи.

Относительная высота посадки головы и относительная массивность в передней части определялись путем вычисления индексов отношения к общей длине соответственно промеров

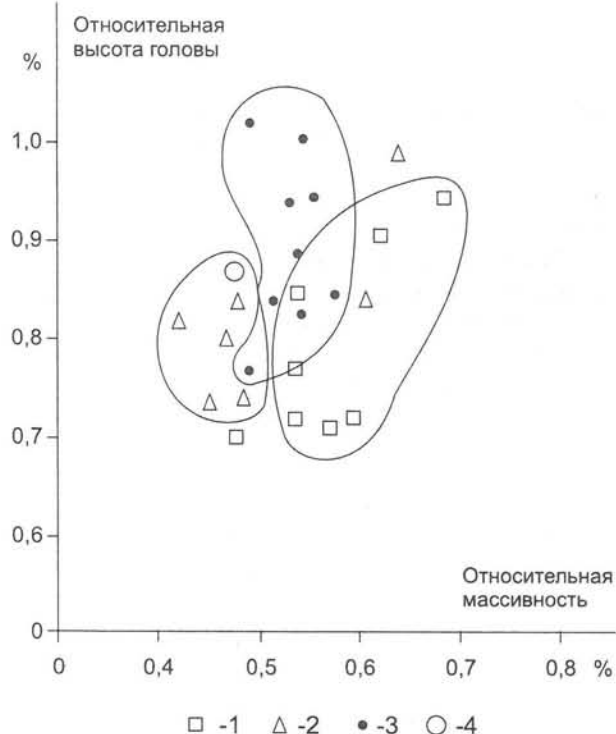

Рис. 4 Соотношение между относительной высотой и массивностью статуэток Алтын-Депе. Условные обозначения: 1 — бык; 2 — мелкий рогатый скот; 3 — собака; 4 — кулан.

Fig. 4 The correlation between the relative head height and massiveness of Bronze Age figurines from Altyn-Depe: 1 — bull; 2 — sheep or goats; 3 — dog; 4 — kulan.

2 и 3. Для каждой фигурки было вычислено по два индекса (там, где это позволяла сохранность). Полученные результаты отображались графически (рис. 4, 5). Каждая статуэтка представлялась в виде точки на графике, где на оси абсцисс отложена относительная высота посадки головы, а на оси ординат относительная массивность. В начале это было проделано для статуэток более позднего периода Алтына, где пропорции более стандартны, а видовая принадлежность статуэток в большинстве случаев абсолютно ясна (рис. 4). На графике видно, что точки, относящиеся к разным видам животных, группируются в разных областях поля, хотя границы этих областей и перекрываются. Распределение точек показывает, что статуэтки, изображающие козлов, баранов и кулана, обладают наиболее высоко сидящей головой при наименьшей массивности в передней части. Фигурки собак занимают в этом смысле как бы промежуточное положение, и замечено, что они могут обладать наиболее высоко посаженной головой. Статуэтки быков, как уже отмечалось, оказались более массивными, т. е. имеют при той же высоте головы гораздо большую ширину шеи.

При построении аналогичного графика для статуэток времени Намазга III для Илгынлы-

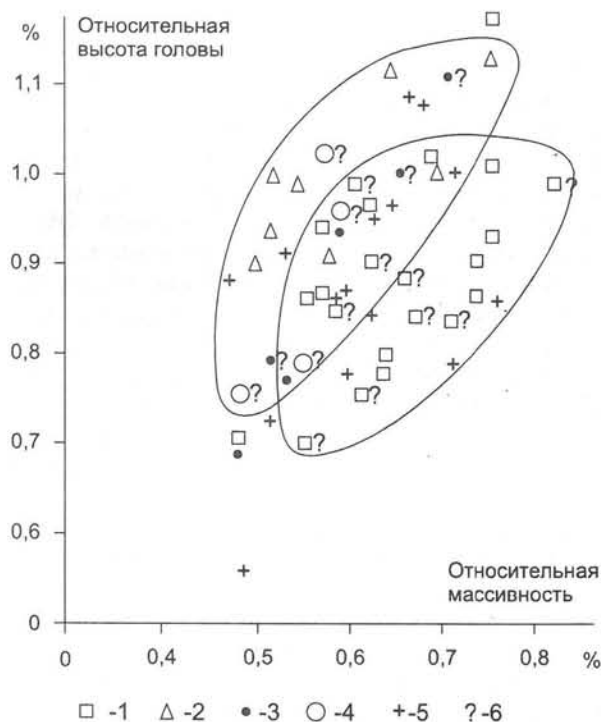

Рис. 5 Соотношение между относительной высотой головы и массивностью энеолитических статуэток животных из Илгынлы-Депе и Алтын-Депе. Условные обозначения: 1 — бык; 2 — мелкий рогатый скот; 3 — собака; 4 — кулан; 5 — неопределимые; 6 — определенные предположительно.

Fig. 5 The correlation between the relative head height and massiveness of Eneolithic animal figurines from Ilgynly-Depe and Altyn-Depe: 1 — bull; 2 — sheep or goats; 3 — dog; 4 — kulan; 5 — unidentifiable; 6 — identified hypothetically.

Депе и Алтын-Депе (рис. 5) эти закономерности оказываются более смазанными. Вероятно, в более раннее время древние мастера еще не так умело прорабатывали внешний вид своих изделий и пропорции выдерживались не так строго. Совокупность точек распадается здесь только на два облака, одно из которых представляют фигурки быков, а другое — все остальные. Характерно, что статуэтки собак и в этом случае занимают как бы среднее положение, хотя и не столь дифференцировано. Заметно, что изредка попадаются фигурки, абсолютно не соответствующие пропорциональным особенностям своего вида, но такие «уродцы» единичны и не меняют общей картины.

К сожалению, такое графическое отображение статуэтки не может служить универсальным и абсолютно надежным способом определения ее видовой принадлежности, если по внешним признакам она почему-то не ясна. Оно может служить лишь дополнительным аргументом в пользу того или иного предположения, хотя и достаточно весомым.

Наглядное распределение точек на графиках навело автора на мысль обработать полученные выборки значений относительной высоты головы и относительной массивности

статистически. Была проделана первичная статистическая обработка данных для фигурок времени Намазга III с Илгынлы-Депе, Алтын-Депе и Кара-Депе и сравнение по ним статуэток быков с объединенной группой фигурок куланов и мелкого рогатого скота. Сравнение производилось по критерию Стьюдента. Обработка данных производилась при помощи программы Statgraf 5.0. К сожалению, объем выборок для статуэток времени Намазга V с Алтына оказался недостаточным для достоверного сравнения. У фигурок времени Намазга III по обоим параметрам выборки группы быков и мелких полорогих и куланов оказались достоверно различимы ($P < 0,05$), то есть эти совокупности данных в обоих случаях имеют разную природу.

Несмотря на то, что статуэтки, изображающие один и тот же вид животных, зачастую мало похожи друг на друга, нам удалось объективно доказать, что существовали вначале два, а затем, вероятно и больше, канонических пропорциональных типов фигурок животных, которым древний мастер вольно или невольно стремился следовать, изготавливая образ того или иного животного. Вначале, в эпоху Намазга III, таких типов было только два: это массивные быки и второй тип — козлы, бараны и куланы, обладавшие более тонкой и вертикально стоящей шеей. Ко времени Намазга V на Алтын-Депе собака, вероятно, выделилась в собственный пропорциональный тип, занявший промежуточное положение по высоте головы и массивности между группой мелкого рогатого скота и кулана и группой быков. Кроме того, среди фигурок здесь появляются теперь, возможно, свинья и верблюд. Верблюд в данном исследовании не рассматривался, так как на Илгынлы его статуэток нет, а на Алтыне интерпретация их, как правило, не вызывает затруднений из-за характерных горбов на спине.

Необходимо отметить также, что статуэтки времени Намазга V с Алтын-Депе не очень показательны в плане изменения пропорций фигурок и их стандартизации. Дело в том, что эти, использованные для археологической пуб-

ликация объекты, были отобраны специально, как наиболее хорошо сохранившиеся и обладающие наиболее характерным внешним обликом. Тем не менее, следует учесть, что статуэток с такой тщательной проработкой пропорций и внешнего облика на Илгынлы-Депе и Кара-Депе не найдено вообще.

Итак, учитывая все вышеперечисленные внешние признаки и пропорции, можно констатировать, что из семидесяти фигурок, найденных на Илгынлы-Депе, 28 изображают быков, 7 козлов или баранов, 5 предположительно куланы, 4 изображают собак и у 25 статуэток видовую принадлежность установить не удалось. Из 13 найденных статуэток Алтына 2 — быки, 2 — мелкий рогатый скот, 2 — собаки, 1 — предположительно кабан, 4 — неопределимы. Из 25 статуэток с Кара-Депе 10 — быки, 2 — мелкий рогатый скот, 3 — куланы, 3 — собаки и 8 объектов не ясны.

В заключение следует отметить несколько отличий в приемах лепки фигурок животных на Кара-Депе и на Илгынлы-Депе и Алтын-Депе в энеолитическое время. У фигурок Кара-Депе ноги выражены чрезвычайно условно. Даже не в виде коротких выступов, а в виде двух продольных массивных барьеров по линии передних и задних конечностей. На Илгынлы и Алтыне ноги статуэток, хотя бы и в виде слегка проработанных бугров, но оформлялись всегда. У кара-депинских статуэток быков зачастую отсутствует подвес на груди и зацеп на брюхе встречается только в половине случаев. Статуэтки копытных Кара-Депе имели более тщательно проработанные хвосты, иногда несколько отстоящие от тела. В силу этого они оказались более уязвимы к внешним воздействиям и у статуэток почти всегда отсутствуют.

Таким образом, подавляющее большинство статуэток изображают быков, мелкие полорогие изготавливались доисторическими скульпторами в гораздо меньшем количестве, еще реже изготавливались ими фигурки куланов и собак. Новые находки на этих памятниках позволяют внести дальнейшую ясность в этот вопрос.

Громова, В. И. 1940. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии: 41—62. Ташкент: Уз.Фан.

Каспаров, А. К. 1999. Статуэтки животных и костяные орудия из поселения Кара-Депе (Южный Туркменистан) // Изучение Культурного Наследия Востока. Сб. материалов международной конференции: 75—79. Санкт-Петербург: Европейский Дом.

Колесник, Н. Н. 1936. Происхождение и географическое распространение крупного рогатого скота // Известия Академии наук СССР, серия биологии 2/3: 375—412.

Массон, В. М. 1981. Алтын-Депе // Труды Южно-Туркменской Археологической Комплексной экспедиции 18.

Reed, C. A. 1959. Animal domestication in the prehistoric Near East // Science 130/3389: 1629—1639.

POSSIBILITIES OF IDENTIFICATION OF ZOOMORPHIC FIGURINES FROM ENEOLITHIC LAYERS OF THE SITES OF ILGYNLY-DEPE, ALTYN-DEPE AND KARA-DEPE IN SOUTH TURKMENISTAN

A. K. KASPAROV

This paper describes a method for identifying the species of the animals represented in clay figurines from Eneolithic and Paleometallic sites in the foothill zone of the Kopet-Dagh. The method is based on measurement of the figurines and estimation of two proportional indices by the ratio of which the species is identified.

Information on the sites of Ilgynly-Depe, Altyn-Depe and Kara-Depe (4th mil. B.C.) is presented. The information on Kara-Depe is supplemented with new materials from collections of the State Hermitage.

The results obtained suggest that during the Eneolithic period the artists had at least two pro-

portional canons of representation of animals. Bull figurines belong to the first canon, the second one includes all the other animals, mostly small cattle. Diagrams reflecting the structural proportions of the investigated objects are presented.

From layers of Altyn-Depe we identified two bulls, two representations of goats or rams, two dog figurines, one presumably represents a wild boar and four representations were impossible to identify with certainty.

Among the figurines from Kara-Depe ten bulls, two sheep or goats, three kulans and three dogs were identified; eight objects remained undefined.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВКЛАДЫШИ МОЛОТИЛЬНОЙ ДОСКИ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Н. Н. СКАКУН¹

Древнее земледелие и связанные с ним вопросы являются одной из основных тем первобытной археологии. Важную роль в раскрытии этой проблематики играет изучение сельскохозяйственных орудий труда, применявшихся при обработке почвы, жатве урожая и его переработке. Многие русские и зарубежные историки и археологи в той или иной степени затрагивали вопросы их классификации, хронологической принадлежности, генезиса, функциональной интерпретации. Среди литературы на эту тему выдающееся место занимают труды С. А. Семенова, 100-летие со дня рождения которого отмечалось совсем недавно. Одна из ранних его статей была посвящена специальному анализу кремневых вкладышей серпов из трипольского поселения Лука-Врублевецкая (Семенов 1949). Позднее многолетние исследования были обобщены С. А. Семеновым в книге «Происхождение земледелия», которая до сих пор является одной из самых значительных монографий в этой области. В ней приведены подробные описания разнообразных инструментов, применявшихся в сельском хозяйстве в разные исторические периоды, от неолита до раннего средневековья, их функциональная интерпретация, основанная на данных микроанализа и экспериментов, многие из которых проводились впервые. Большой интерес представляет также включенная в книгу общая этнографическая информация (Семенов 1974). Экспериментально-трассологические работы самого С. А. Семенова, а также исследования его учеников в России и последователей за рубежом позволяют в настоящее время более обоснованно характеризовать различные аспекты древней агротехники (Коробкова 1978, 1980, 1981, 1994; Korobkova 1981, 1992, 1993; Скакун 1981, 1987; Skakun 1992, 1993; Anderson-Gerfaud 1983, 1988; Anderson 1991, 1997; Gijn 1989; Jensen 1995; Unger-Gamllton 1992).

После обобщающих разработок по трассологии древнеземледельческих инструментов (Семенов 1974; Коробкова 1978, 1980, 1981) только вкладыши молотильной доски, выделенные нами в конце 70-х годов, являются единственными орудиями этой группы, неизвестными ранее. Их открытие в Болгарии в материалах высокоразвитых балканских культур энеолитического времени заставило по-новому взглянуть на достижения древнего земледелия (Скакун 1981, 1982, 1985, 1987; Skakun 1992, 1993a, b; 1994) и привлекло внимание многих исследователей, занимающихся этими проблемами (Andreson, Inizan 1994; Jensen, 1995; Clemente, Gibaja 1998). Интерес трассологов и обнаружение аналогичных орудий в разновременных памятниках других регионов заставляет нас еще раз обратиться к этим находкам и дать их более подробное описание.

Первые вкладыши молотильной доски — дикани были найдены в материалах поселения Дуранкулак, расположенного в северо-восточной части Причерноморской зоны Болгарии (раскопки проф. Х. Тодоровой). К настоящему времени они известны в инвентаре многих памятников энеолита разных регионов Болгарии, относящихся к IV тыс. до н. э. (рис. 1). Большинство из них изготовлено из добруджанского кремня, который стал широко применяться в энеолите, сменив мелкогалечный кремень, использовавшийся в неолитическую эпоху. Добруджанский кремень транспортировался из мест его залежей в виде полуфабрикатов-пластин не только в разные районы Болгарии, но и далеко на север, в юго-западную часть Украины, на левый берег Дуная. Обычно вкладышами молотильной доски служили средние части крупных и очень крупных, суперправильных пластин, имевших пропорциональные очертания, прямые боковые стороны, прямой или слабоизогнутый профиль, низкую спинку

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трассологическая лаборатория.

с трапецевидным или треугольным поперечным сечением. Они были плотными, неломкими по всей длине и утончались лишь на самом верхнем конце. Интересно отметить, что в энеолите, на этом последнем этапе каменного века, на разных территориях и в разных археологических культурах техника обработки кремня достигла своей вершины, обеспечивая производство орудий труда такими оптимальными по качеству суперправильными заготовками (Скакун 1987, 1996а; Skakun 1993а—с).

Исследованные вкладыши отличаются хорошо выраженной стандартностью формы и размеров. Как правило, это средняя часть пластины длиной 3,5—5, шириной 2,5—4 см (рис. 2). Эксперименты показали, что именно эти размеры наиболее рациональны для работы. Стандартность вкладышей свидетельствует о преднамеренном членении пластин в специальных приспособлениях, так как расчленив пластину описанного типа в руках или с помощью ударной техники на заготовки нужной величины невозможно. Обычно боковые стороны вкладышей не несут следов вторичной обработки ретушью, их края бывают подправлены лишь в случае переоформления из орудия, имевшего другую функцию. Из-за стандартности размеров и общего однотипного визуального различного износа они еще до трасологического анализа были объединены в одну группу, предполагавшую их одинаковое назначение. Значительно реже в качестве заготовок использовались более массивные нижние части пластин с ударной площадкой и бугорком. В этом случае для уменьшения толщины и выпрямления профиля их торцы были подтесаны плоскими сколами со спинки и с брюшка. Такие изделия напоминают по внешнему виду орудия типа *pièce escollie*. Выше отмечалось, что эти вкладыши имеют как общие морфологические признаки, так и одинаковую изношенность в виде хорошо наблюдаемой визуальной заполировки и затупленности кромки. Заполировка занимает более или менее правильную треугольную площадку на одном или нескольких углах, распространяясь по обеим поверхностям изделия на спинке и брюшке. На первый взгляд местоположение заполировки и ее вид напоминают специфический износ серпов, именуемых в археологии Балкан карановскими, но при более тщательном рассмотрении между ними обнаруживается существенная разница. Во-первых, на вкладышах молотильной доски треугольник заполировки очерчен не столь резко как у серпов, ее интенсивность заметно затухает по направлению от края кромки внутрь поверхности. На некоторых участках заполировка не только не зеркальная, но и имеет матовый налет с пятнами затертости. Во-вторых, сработанность их более сильная, чем у серпов, а кромки утратили свою остроту

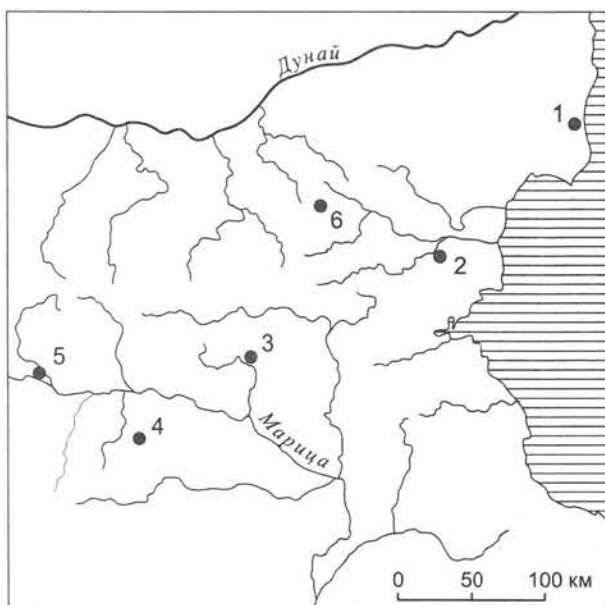

Рис. 1 Карта мест находок вкладышей молотильной доски на энеолитических поселениях Болгарии (1—6).

Fig. 1 Map of finding threshing sledge inserts at Eneolithic sites in Bulgaria (1—6).

и стали округлыми в профиле. Эксперименты показывают, что даже после длительного употребления рабочая часть вкладышей серпов не имеет такой сработанности и затупленности. Совершенно очевидно, что задолго до появления столь сильного износа вкладыши серпов не могли бы использоваться по своему назначению — жатве злаков, так как эта операция требует острого края с треугольным профилем. В-третьих, у некоторых вкладышей молотильной доски наблюдается деформация лезвия крупными плоскими сколами. При этом следы утилизации — заполированность, линейные признаки лежат поверх фасеток деформаций, края и границы которых снивелированы. Напрашивается вывод о том, что подобные разрушения кромки произошли не в процессе использования, а при изготовлении инструмента, вероятно, при забивании вкладышей в пазы. В-четвертых, линейные следы на рассматриваемых орудиях глубокие, рыхлые, параллельные друг другу линии, направленные вдоль края вкладыша или слегка под углом к нему. Иногда они хорошо просматриваются на изношенном торце кромки (рис. 3: 1). Линейные признаки серпов другие, это кометообразные фигуры, которые никогда не бывают столь густо расположены (рис. 3: 4).

Большинство проанализированных вкладышей, а их около 150, имеют все перечисленные признаки утилизации: макродеформацию, заполировку, линейные следы. При определении функции затруднение вызывали, как и для большинства других орудий, те инструменты, которые были: 1) переоформлены; 2) испорчены или 3) использованы недостаточное время.

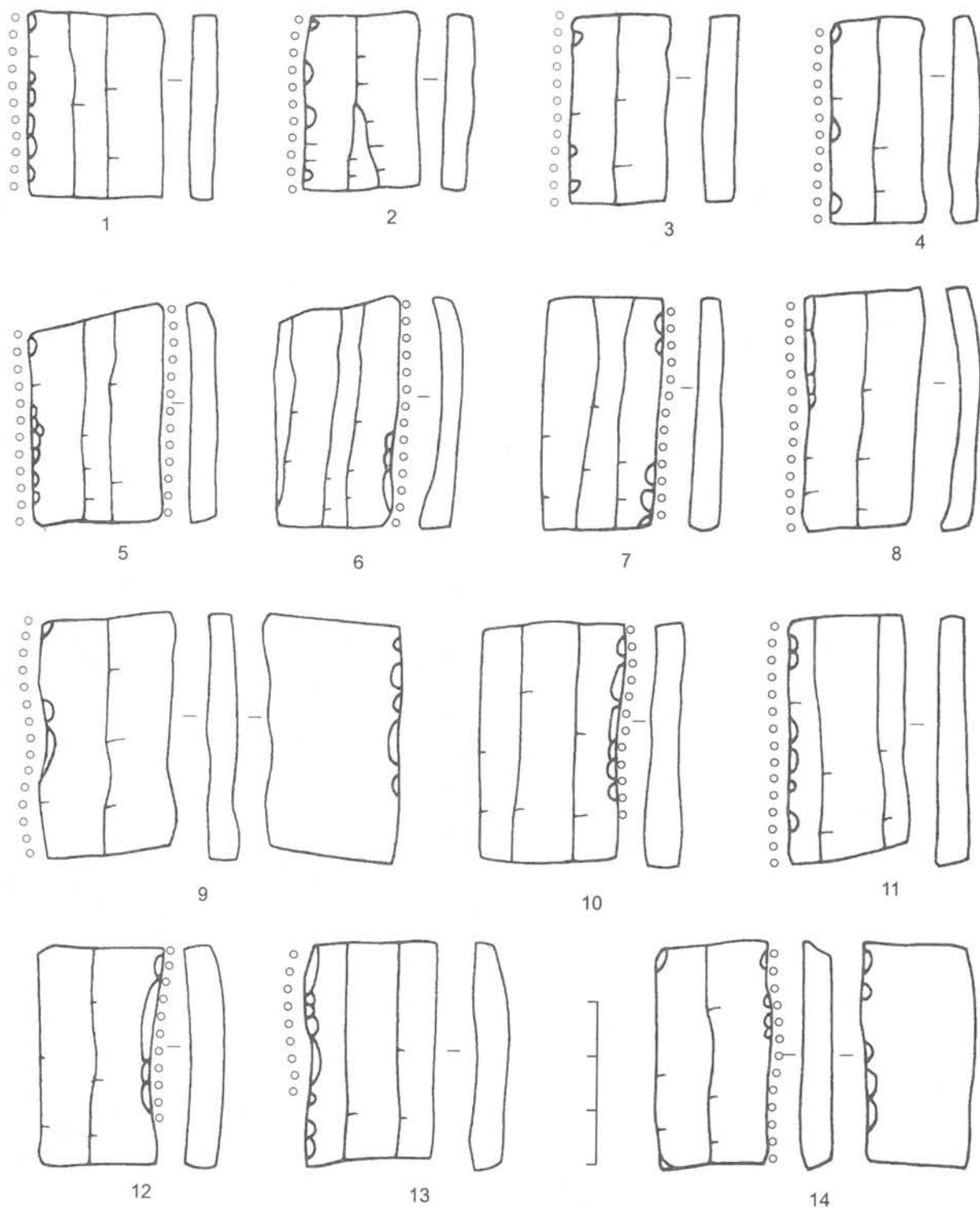

Рис. 2 Вкладыши молотильных досок из энеолитических поселений Болгарии.

Fig. 2 Threshing sledge inserts from Eneolithic sites in Bulgaria.

Повторим еще раз, что внешнее сходство износа с износом вкладышей серпов определяется местоположением яркой заполировки на углу изделия, показывающим способ помещения вкладыша в паз.

Столь явная разница в диагностирующих признаках несомненно указывает на различную кинематику и говорит о разных функциях этих орудий. Кроме того, сравнение их по

форме показывает, что, хотя они и изготавливались из одной и той же части пластин (средней), серпы имеют меньшие размеры.

В начале наших опытов, проводившихся во время археологических раскопок энеолитического поселения Нагорное II (культура Болград-Алдень II), на крайнем юго-западе Украины, в 7 км от левого берега Дуная, мы обнаружили в одном из крестьянских хозяйств

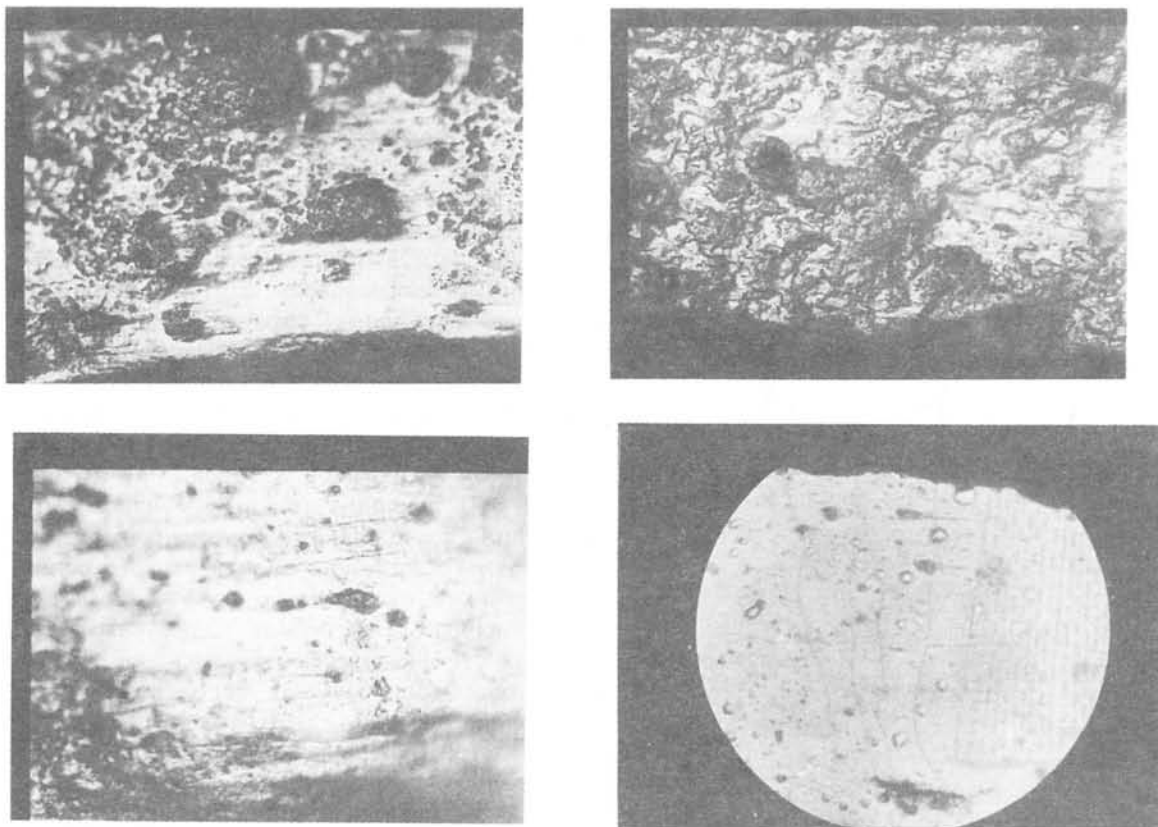

Рис. 3 Микрофото следов использования ($\times 100$); 1 — на вкладыше молотильной доски из Долнослава; 2 — на этнографическом вкладыше из с. Нагорного; 3 — на экспериментальном вкладыше; 4 — на вкладыше серпа.

Fig. 3 Microphotograph ($\times 100$) of use-wear traces: 1 — on the insert of a threshing sledge from Dolnoslav; 2 — on an ethnographic insert from Nagornoe village; 3 — on an experimental insert; 4 — on a sickle insert.

хорошо сохранившуюся молотильную доску, которая использовалась еще в 50-х гг. нашего века (рис. 4). Она представляет собой своеобразные сани, сбитые из 3-х досок длиной около 2 м, шириной в средней части 1,3 м, толщиной 6 см, соединенных между собой деревянными планками по двум концам и середине. Узкий конец приспособления слегка загнут вверх, сюда пристегивалась упряжь тягловых животных — волов, лошадей (рис. 5). В 60 см от него на нижней поверхности досок в шахматном порядке выдолблены узкие пазы длиной 3,5 см, глубиной 2 см. Всего их насчитывалось 22 ряда по 14—18 в каждом из них, через 1—1,5 см. В пазах, под углом к плоскости доски были помещены кремневые вкладыши, имевшие вид выступающих зубцов (рис. 4). Они представляли собой неправильные отщепы и осколки кремня размерами 4—4,5 \times 2—3 см. Наши информаторы рассказывали, что молотильное приспособление обычно изготавливалось из ивы или тополя, причем доски предварительно вымачивались в течение 2-х дней, затем выгибался передний конец и делались пазы. Вкладыши, сделанные из добруджанского кремня с помощью металлических и деревянных молотков, забивались в пазы, чем объясняется сильная деформация

кромочной части некоторых кремней. По-видимому, аналогичным способом оснащались молотильные доски и в энеолите, только при этом пользовались деревянными орудиями, меньше повреждавшими рабочую часть. Как было сказано выше, в наших опытах применялась этнографическая доска, а в несколько пустых пазов были вставлены экспериментальные вкладыши. Материалом для них послужили 8 отрезков пластин из добруджанского кремня, найденных при раскопках поселения Нагорное II и не имевших следов использования. Вкладыши были вставлены в пазы с помощью деревянного молотка. Население села Нагорное до сих пор прекрасно помнит способ работы с молотильной доской. По их рассказам, вначале устраивался харман — специальная площадка, служившая для нескольких хозяйств. Обычно она находилась в углу приусадебных участков или на деревенских пустырях. Здесь снимался верхний почвенный слой до лесса. Харман диаметром 20—50 м хорошо утаптывался, обмазывался глиной с половой или мелко рубленой соломой, дважды поливался водой, высушивался до твердости под солнцем, затем тщательно подметался. В день обмолота к харману на арбах привозили пшеницу. Около 60 снопов раскладывали по

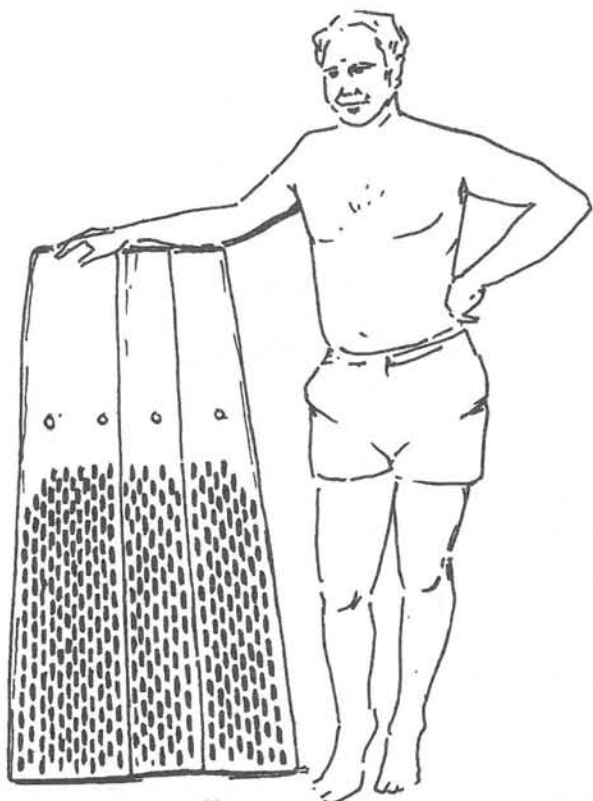

Рис. 4 Молотильная доска из Одесской обл., Украина (по фотографии К.В. Зиньковского).

Fig. 4 Threshing sledge from Odessa Oblast, Ukraine (photo by K. V. Zin'kovskiy).

Рис. 5 Эксперименты с молотильной доской.

Fig. 5 Experiments with threshing sledge.

кругу, колосьями к центру, пластом толщиной 0,8—1 м, затем приминали каменным катком с рифлеными боковыми сторонами. К молотильной доске пристегивали пару животных, на ее противоположный конец клали крупный камень или садился человек. Коней или волов гоняли по кругу. Кремневые вкладыши под действием тяжести резали стебли растений и вылущивали зерна из колосьев (рис. 5).

Из экспериментов стало ясно, что загнутый передний конец не позволяет орудью зарываться в солому, этому же способствует и груз, положенный на конце доски, который не только силой тяжести придавливает орудие к обрабатываемому материалу, но и приподнимает

противоположный конец дикани, облегчая ее движение. В ходе работы обмолачиваемый пласт неоднократно переворачивали деревянными вилами с 3—6 зубьями, начиная от края к центру хармана. Солому перетряхивали, чтобы зерно ссыпалось вниз. Размельченную солому отгребали в сторону, зерно сгребали деревянными лопатами в кучу и провеивали. Эта операция повторялась несколько раз, пока все зерно не оказывалось обмолоченным. По рассказам очевидцев, обработка 30—50 арб пшеницы занимала весь световой день. Во время опытов с молотильной доской, имевшей сильно сработанную кремневую рабочую часть и заполированную до блеска деревянную, мы, при отсутствии навыков, затратили на молотьбу 2-х арб пшеницы около 3-х часов. При сравнении археологических, экспериментальных и этнографических вкладышей все основные признаки износа (заполировка, деформации, линейные следы) были идентичными, но большая степень износа наблюдалась у этнографических (рис. 3: 1—3). Вероятно, в современных деревнях из-за отсутствия регулярного производства вкладышей они использовались дольше. На интенсивность износа влияет также характер хармана, местонахождение вкладыша в доске — на переднем или заднем конце, под грузом и др. Выше уже отмечалось, что большинство вкладышей, выделенных нами в болгарских материалах из типологически однородной группы пластин со следами утилизации, относится к энеолитическому периоду (Поляница, Голямо Делчево, Дуранкулак, Долнослав, Дядово, Юнаците). Несмотря на то, что на нескольких неолитических памятниках юго-восточных районов Болгарии также были обнаружены единичные предметы, предположительно отнесенные к вкладышам молотильной доски, сильная поврежденность их рабочих кромок, а самое главное — не совсем безупречное стратиграфическое положение, не позволяет нам пока удревнить время возникновения этого орудия в Европе (Skakun 1993b).

Недавние исследования П. Андерсон материалов из памятников Ближнего Востока выявили среди них вкладыши молотильной доски. Их открытие, наконец-то, подтвердило нашу гипотезу о широком ареале этого инструмента, а обнаружение здесь подобных орудий и в неолитических поселениях позволяет определить время и место их возникновения (Скакун 1987; Anderson, Inizan 1994; Anderson 1994). Таким образом, еще раз подтвердилось мнение об определенной схожести земледельческого инвентаря древних культур Балкан и ближневосточного региона как по конструкции инструментов, так и по набору типов, включающих в себя землеобрабатывающие, жатвенные, молотильные и мукомольные ору-

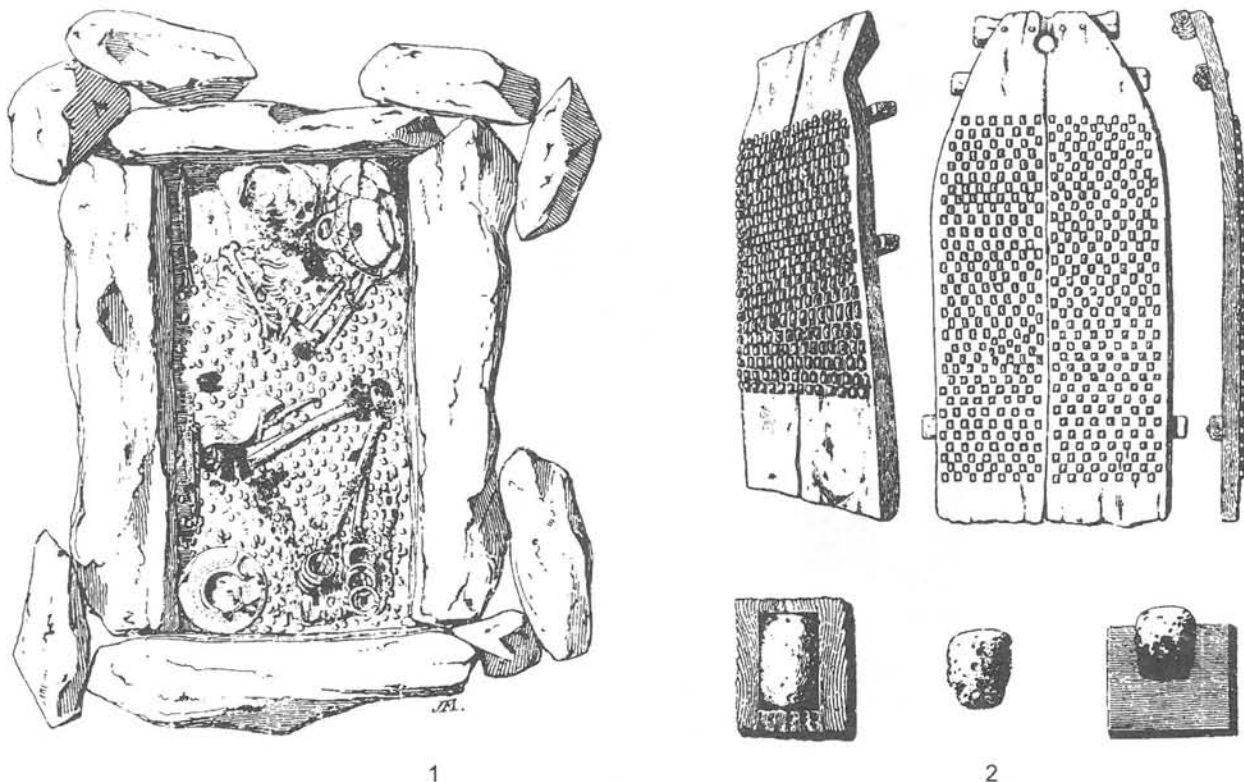

Рис. 6 а — погребение на молотильной доске в Атхале; б — реконструкция орудия (по Ж. де Моргану).

Fig. 6 а — burial on a threshing sledge in Atkhala; б — reconstruction of the tool (after J. de Morgan).

дия (Скакун 1987). За этой общностью хорошо улавливается близость между ними в хозяйственном отношении. Подчеркнем еще раз, что на поздних этапах каменного века — в энеолите, а также ранней бронзе в кремнеобрабатывающем производстве этих территорий применялись близкие технологии расщепления кремня, ориентированные на получение крупных суперправильных пластин, которые для европейских памятников мы называем добруджанскими, а на Востоке они названы хананейскими и харапскими (Скакун 1981, 1996а; Neuwill 1930; Crowfoot 1960; Rosen 1985; Peligrin 1994). Именно из средних частей этих пластин изготавливались вкладыши молотильной доски во время раннего Убеида. Многие ученые, работая на Востоке, сталкиваясь с современной молотильной доской, отличавшейся своей архаичностью, недоумевали по поводу отсутствия этого орудия в археологических материалах (Вулли 1961; Bordaz 1965; Diamond 1977; Whalton 1978; Ataman 1992). Сейчас после наших исследований больших коллекций древнеземледельческих инструментов, мы понимаем, что причиной этому являлось традиционное отношение всех изделий с зеркальным блеском к вкладышам серпов (Скакун 1981).

Аналогии молотильным доскам, которые были реконструированы нами по износу на вкладышах из Болгарии, имеются в погребальных комплексах Закавказья, относящихся к

эпохе бронзы (II тыс. до н. э.) и раннему железному веку (I тыс. до н. э.). Первые находки были сделаны в Армении в могильниках Атхалы, Шейтан-Дага и Мусиере (Morgan 1889: 59, 138—139). В первом могильнике доска была обнаружена в каменном ящике, на ней лежал погребенный в сильно скорченном положении. Деревянная часть доски сохранилась плохо, лишь отдельные вкладыши находились *in situ*, другие лежали на дне погребальной камеры (рис. 6а). Вкладышами служили подчетыреугольные кусочки базальта. Доска состояла из двух половин, скрепленных тремя поперечинами с помощью деревянных штырей (длина доски — около 190 см, ширина — 80 см, толщина — 6 см). На зауженном переднем конце имелось круглое сквозное отверстие для соединения с упряжью. На расстоянии около 60 см от этого конца, по всей ширине орудия выдолблены 34 ряда подчетыреугольных пазов, по 12—14 в каждом из них, глубина паза — 2 см (рис. 6б). Другое орудие обнаружено в Азербайджане, в кургане эпохи бронзы у с. Ханлар (Гуммель 1949) (рис. 7). Погребенный находился на доске, состоявшей из двух одинаковых половин, в передней части которых имелись полукруглые утолщения, вырезанные вместе с доской. Через отверстия в утолщениях половинки соединялись между собой и с упряжью. Размеры доски 120 × 40 × 4,5 см. Остатки подобной доски были найдены в Грузии в

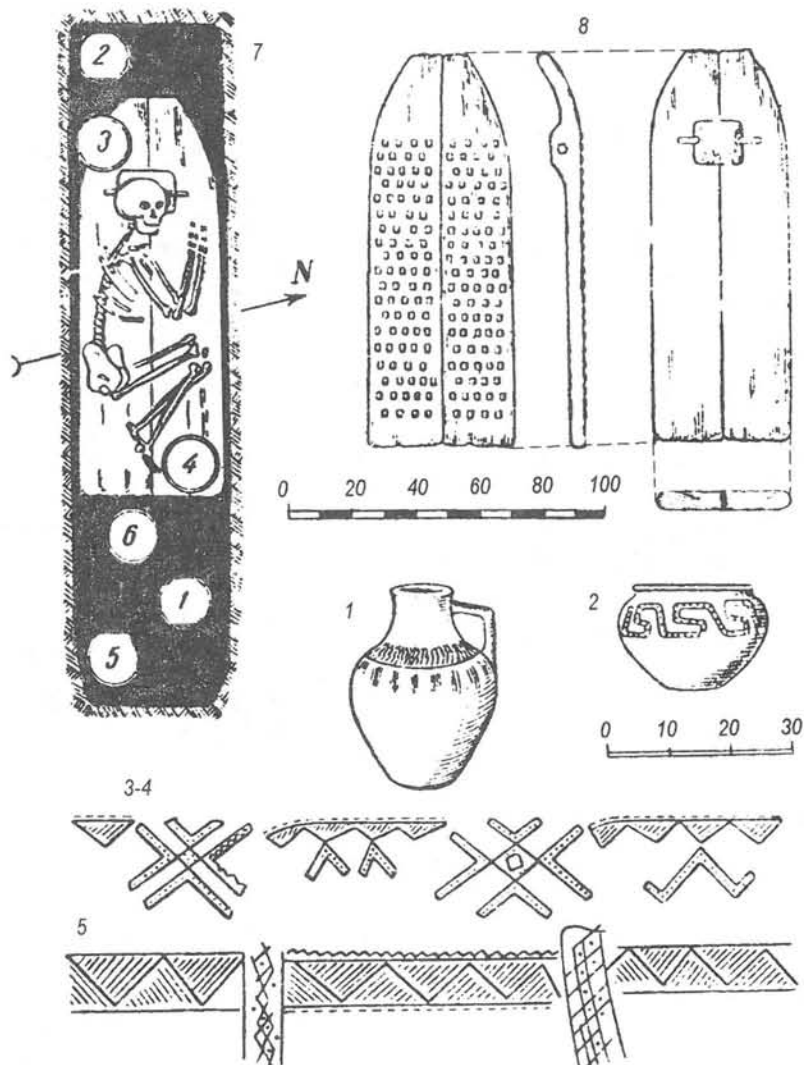

Рис. 7 Погребение на молотильной доске у с. Ханлар (по Я. Гуммелю).

Fig. 7 Burial on a threshing sledge near v. Khanlar (after Ya. Gummel').

грунтовым погребением Самтаврского могильника (Чубинишвили 1951) (рис. 8). В яме, под скорченным скелетом лежали 108 подчетырехугольных камешков: 101 из ракушечного песчаника, остальные 7 из базальта. При этом первый материал был распространен вблизи могильника, а месторождения второго в его окрестностях неизвестны. Аналогичные молотильные доски найдены в Ковле и Цхинвали (Гаситашвили, 1964). Остатки еще одной доски с 54 сохранившимися вкладышами известны из древнего погребения под Дербентом (Русов 1882).

Во всех перечисленных погребениях вкладыши — кусочки базальта и речные гальки — располагались вниз рабочей частью, следовательно, погребенные покоились на верхней плоскости, головой к узкому переднему краю доски. Описанные остатки молотильных досок, благодаря сохранности деревянной основы, расположению вкладышей на полу могильных ям или камер, являются несомненным сви-

детельством существования этого инструмента в древности. Несмотря на уникальность этих погребений и традицию, прослеживаемую в Закавказье с эпохи бронзы до железного века, значение этого обряда пока не получило удовлетворительного объяснения. Однако совершенно ясно, что молотильная доска в Закавказье в это время не только имела широкое распространение, но и приобрела сакральное значение.

В Сирии в XIX в. молотильная доска считалась священным предметом. Она не могла быть украдена, а когда становилась негодной к употреблению, то ее охотно навешивали в доме вместо двери, считая, что она может защитить от насильственного вторжения или воровства. Это орудие играло важную роль в торжественных обрядах свадьбы и похорон. В первом случае оно служило почетным сидением или треном для жениха и невесты в свадебных играх, проводившихся на току, во втором — парадным ложем для умершего хозяина

дома. Причем покойный укладывался на доске точно так же, как в закавказских погребениях эпохи бронзы. Кроме этих церемоний, зафиксированных этнографией, в сирийских преданиях, а еще ранее — в Ветхом Завете, доске приписываются функции, возможно, символического орудия пыток, с помощью которого жертву разрезали на мелкие, несоединимые части (Wetzstein 1873).

Поразительно, что изученные нами закавказские молотилки, хранящиеся в Российском этнографическом музее (С.-Петербург),² полностью повторяют конструкцию и размеры древних досок из Закавказья. Кроме того, их вкладыши идентичны друг другу и по сырью, и по форме. Это подпрямоугольные или аморфные камешки речной гальки или пористого базальта, в других случаях они сделаны из кремня в виде отщепов удлиненной формы, с необработанным рабочим краем или приостренным небрежными сколами. Каменные вкладыши имеют плоскую рабочую часть, рельеф которой сnivelирован в результате утилизации. На ней заметны небольшие (до 0,5 см) пятна блеска. В них хорошо видны линейные следы — довольно длинные параллельные друг другу полосы, идущие вдоль рабочей части. Кремневые вкладыши по своим функциональным признакам абсолютно повторяют археологические экземпляры и только крупные массивные изделия с утонченным небрежными сколами краем выглядят более деформированными, чем археологические. Некоторые доски были оснащены специально нарубленными металлическими пластинками ромбовидной формы. Причем выступающая из паза половина в результате использования изнашивалась и приобрела вид дуги. Кромка вкладыша в профиле — симметрично округла, на всем ее протяжении фиксируется блеск и линейные следы как у кремневых орудий.

На поселениях Закавказья одна из наиболее древних молотильных досок известна в Хизанаатгоре (III тыс. до н. э.). Сейчас мы располагаем данными о том, что орудия этого типа употреблялись в сельском хозяйстве Кавказа и в более раннее время. Кроме деревянных молотильных досок в эпоху бронзы в Закавказье для этих же целей использовали орудия целиком изготовленные из камня. Одно из них найдено в Горисском районе Армении (рис. 9). Оно представляет собой камень треугольной формы с плоской нижней и округлой верхней частью. На узком конце предмета сделан перехват для привязывания упряжи, длина орудия 60 см (Есаян, Шагинян 1962). Это орудие аналогично молотилкам из поселения Кюль-тепе и насыпей курганов в Лчашене

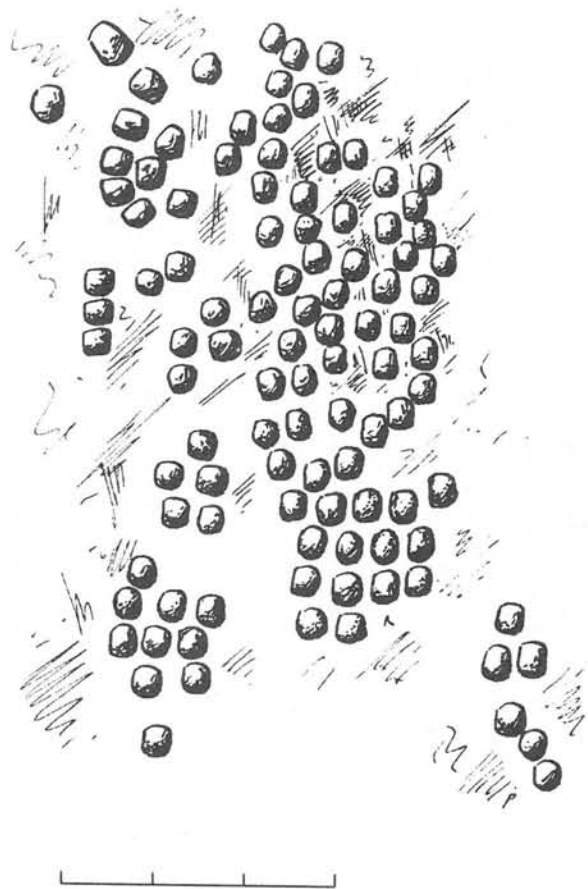

Рис. 8 Вкладыши молотильной доски из могильника Самтавро (по Т. Чубанишвили).

Fig. 8 Threshing sledge inserts from Samtavro necropolis (after T. Chubanishvili).

(XIV—XII вв. до н. э.). Каменные молотилки различаются способом крепления упряжи: одни в передней части имеют отверстие, а другие — выступы для привязывания упряжи, соединявшей орудие с ярмом быков. Интересно устройство их рабочих поверхностей. На них проделаны горизонтальные и вертикальные взаимно перекрещивающиеся глубокие борозды, при этом оставшееся между ними пространство образует почти равные квадратные выступы, которые расположены в правильном порядке, как для вкладышей в деревянной доске. Есть сведения о современном использовании таких каменных молотилок у армян Нагорного Карабаха (Гулиев 1968).

В античное время, как сообщают многие авторы, молотильная доска широко распространилась как компонент, включенный в набор сельскохозяйственных орудий древних римлян (Варрон 1963). Из более ранней литературной традиции упомянем сюжет из Библии о пророчествах Исайи (Ис. X 41, 5), сведения о доске есть и в шумерских источниках III тыс. до н. э. (Kramer 1963: 342).

² Автор приносит глубокую благодарность к. и. н. В. Дмитриеву за возможность ознакомиться с материалами.

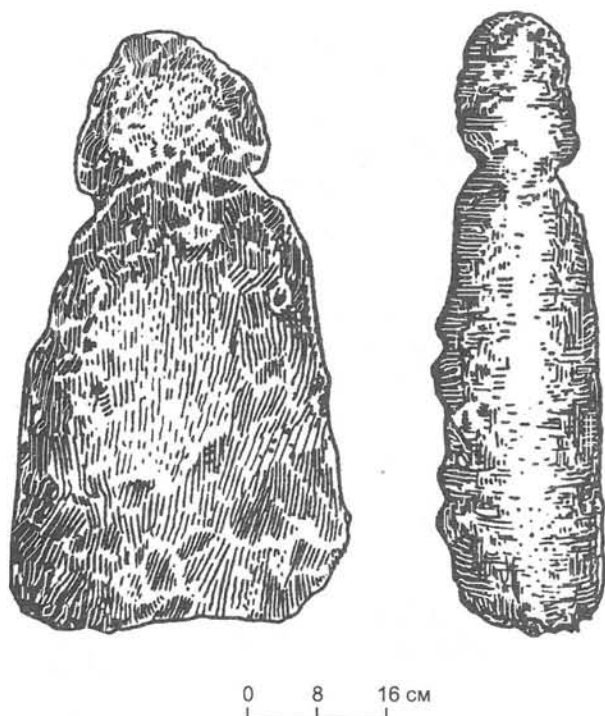

Рис. 9 Каменное молотильное приспособление из Гориского поселения (по С. Есаян, А. Шагинян).

Fig. 9 Stone threshing implement from the village of Goris (after S. Esayan and A. Shaginyan).

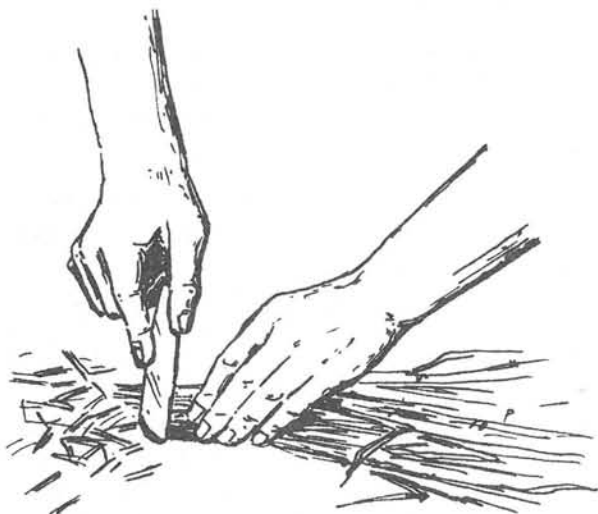

Рис. 11 Резание соломы кремневым ножом.

Fig. 11 Cutting straw with a flint knife.

Еще в середине XX в. молотильная доска продолжала употребляться в Средиземноморском регионе, на Иберийском, Италийском полуостровах, на Балканах, на территориях севернее них — в Румынской Добрудже, в южных районах Молдовы, на крайнем юго-западе Украины — в низовьях Дуная, в Закавказье, Анатолии, Сирии, Курдистане, Ираке, Леванте, на северном побережье Африки — Северный Египет, Тунис и т. д., а также на

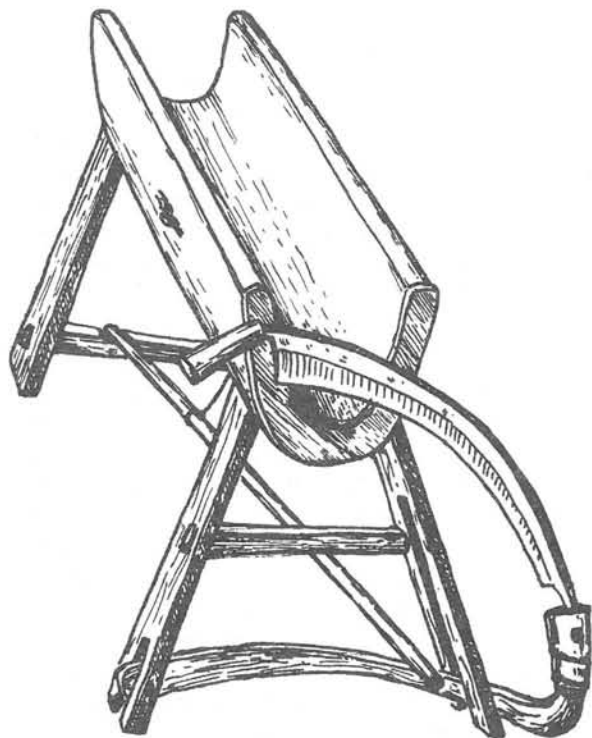

Рис. 10 Орудие для резки соломы «сичкарня», Украина, XX в.

Fig. 10 A tool for cutting straw — «sichkarnya» (Ukraine, 20th century).

островах Крите, Кипре, Канарских, Майорке (рис. 12).

Деревянные конструкции молотилок разных регионов поразительно однотипны. Они были одинарными или состояли из двух половин. Значительно отличались только способы крепления их с упряжью тягловых животных. Для досок, как показали специальные исследования сотрудника Государственного Эрмитажа к. б. н. Колосовой М. И., использовались такие породы дерева, как ива, дуб, тополь, орех; для связи конструкций — акация, клен, сосна. Вкладыши в Европейском регионе и Анатолии изготовлялись из кремня, в других районах кроме кремня применялись речные песчанниковые гальки, базальт, обсидиан, кварц, агат, обломки стекла, железные пластины. Для получения кремневых вкладышей существовали специализированные центры их производства. Так, на юго-запад Украины они привозились из Румынии. Старики рассказывают, что самыми лучшими для работы были кремневые орудия, так как они не портили зерно. В этом же регионе, как и в Молдове, молотильная доска имеет единый термин — диканя. В Турции в мастерских нескольких деревень вкладыши производили для всей округи (Ataman 1992). Процесс их изготовления аналогичен производству оружейных кремней.

В деревнях одна и та же доска употреблялась несколькими хозяйствами и хранилась, как правило, на чердаках жилых домов или

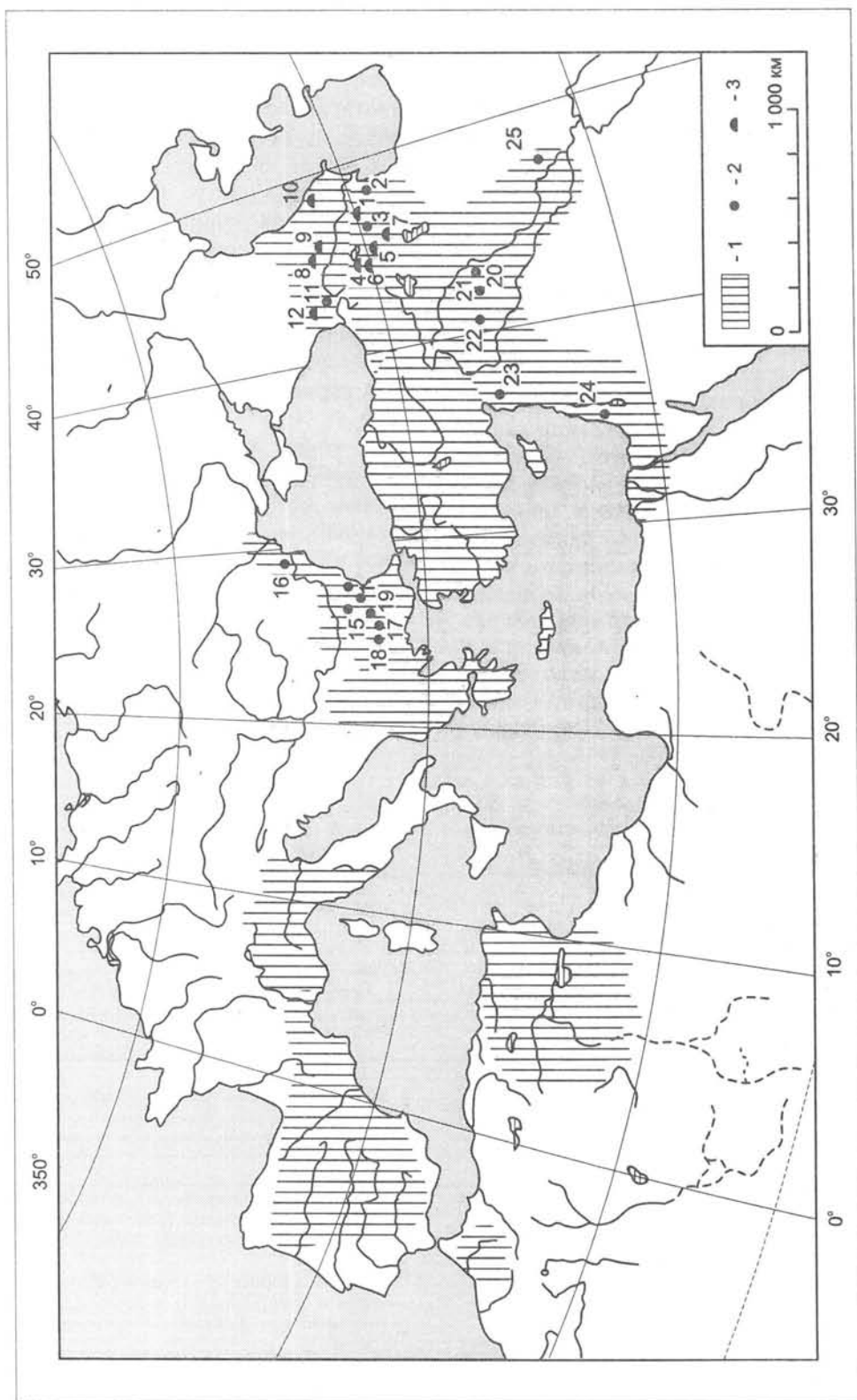

Рис. 12 Карта распространения молотильной доски. Условные обозначения: 1 — места этнографических находок; 2 — места археологических находок на поселениях; 3 — находки в курганах. 1—12 — памятники Закавказья; 13—19 — Болгарии и Украины; 20—25 — Ближнего Востока (по П. Андерсон).

Fig. 12 Map of distribution of threshing sledges. Notations: 1 — ethnographical finds; 2 — archaeological finds at sites; 3 — kurgan finds. 1—12 — sites in Transcaucasia, 13—19 — Ukraine and Bulgaria, 20—25 — the Near East (after A. Anderson).

хозяйственных построек. Вероятно, и в древности одной доской пользовалось несколько семей, так как на поселении Дуранкулак (Болгария) основное число вкладышей (78 экз.) было обнаружено в одном месте, в промежутке между двумя домами (Скаун 1987).

Хорошо известно, что в земледельческой практике существовали разнообразные способы молотбы. На территориях Европы, Азии, Африки их такое множество, что трудно перечислить все. Назовем основные: перетерание сухих и обожженных в огне колосьев руками, обмолот палками, специальными орудиями-цепями, обмолот в ступках, обмолот с помощью вытаптывания ногами людей или копытами животных, с добавлением в снопы речной гальки и без нее, обмолот рифленным каменным или деревянным катком и др. Способ молотбы часто зависел от того, на какие нужды в хозяйстве шла солома. Так, в районах, где применялись молотильные доски, при необходимости получить не измельченную солому использовались другие способы молотбы — удар снопов о различные предметы, вытаптывание. С другой стороны, там, где не использовалась молотильная доска, солома измельчалась топором, а также в специальных приспособлениях — сичкарнях

(Украина) (рис. 10). Интересно отметить, что в инвентаре Трипольской энеолитической культуры, родственной древнеземледельческим культурам Балкан, но расположенной к северо-западу от них, в иной природно-географической среде, не обнаружено вкладышей молотильной доски, зато здесь открыты специальные ножи для резания соломы (рис. 11).

Существование различных способов обмола, в том числе и молотильной доской, вероятно, зависит от многих причин, в их числе почвенно-климатические условия, сорта обмолачиваемого зерна и, конечно, немаловажную роль играет культурная традиция.

В настоящее время трудно ответить на вопрос, когда появилась молотильная доска во всех районах, известных по этнографическим данным, но, благодаря трасологическим исследованиям, можно констатировать ее использование в балканских культурах Болгарии и юго-запада Украины, в культурах Ближнего Востока, Испании и Закавказья (рис. 12) на ранних этапах развития древнего земледелия, когда наблюдается прогресс в арготехнике, связанный, вероятно, с появлением пахотной формы обработки земли.

- Бунятов, Т. А. 1957. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку.
- Вакарельски, Х. 1977. Етнография на България. София.
- Варрон. 1963. Сельское хозяйство. Москва.
- Вулли, Л. 1961. Ур халдеев. Москва.
- Гаситашвили, Г. С. 1964. Народное деревоотделочное ремесло в Восточной Грузии. Автореф. дисс. ... к. и. н. Тбилиси.
- Гулиев, Ш. А. 1968. Молотильные камни, найденные в Карабахе // Доклады АН Азерб. ССР XXIV/11: 79. Баку.
- Гуммель, Я. И. 1949. Курган N 2 близ Ханлара // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР XXIV: 55—58.
- Есяян, С. А., А. Н. Шагинян. 1962. Археологические находки в Загезури // Советская археология 3: 200—208.
- Клингген, И. И. 1960. Среди патриархов земледелия Ближнего и Дальнего Востока. Москва.
- Коробкова, Г. Ф. 1978. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность // Советская археология 4: 36—52.
1980. Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трасологические исследования // Первобытная археология: Поиски и находки: 212—225. Киев.
1981. Хозяйственные комплексы ранних земледельско-скотоводческих обществ юга СССР. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
1994. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке // Археологические вести 3: 166—181. СПб.
- Пчелина, Е. Г. 1932. По Курдистанскому уезду Азербайджана // Советская этнография 4: 108—121.
- Русов, А. А. 1882. Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане // Труды подготовительного комитета V AC в Тбилиси: 543—554. Москва.
- Семенов, С. А. 1949. Жатвенные ножи из поздненеолитического поселения Лука-Врублевская на Днестре // Советская археология XI: 151—154.
1954. Древнейшие каменные серпы // Советская археология XXI: 355—367.
1974. Происхождение земледелия. Ленинград.
- Скаун, Н. Н. 1981. Что такое трасология в археологии? // Интердисциплинарные исследования 7: 33—40. София.
- 1981a. Эксперименты в экспедиции «Добруджа 1979» // Интердисциплинарные исследования 7: 59—64. София.
1982. Прогрессивные явления в экономике раннеземледельческих культур Болгарии // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: 94—97. Ереван.
1984. Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла в Болгарии // The IIIrd Seminar on petroarchaeology. Reports: 83—92. Plovdiv.
1985. Новые данные о развитии производства в эпоху энеолита на территории Болгарии // Археология 52: 33—42. Київ.
1987. Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Северо-Восточной Болгарии (в свете экспериментально-трасологических данных). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1996. Развитие производств в эпоху палеометалла в Болгарии // Pulpudeva 6. Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture trace, 10—22 October 1986: 152—164.
- 1996a. К вопросу о кремнеобрабатывающем производстве в эпоху энеолита в Юго-Восточной Европе (по материалам Болгарии) // Археология 3: 124—128. Київ.
- Чубанишвили, Т. Н. 1951. Погребения с молотильной доской на Самтаврском могильнике // Сообщения АН Груз. ССР XII: 61. Тбилиси.
- Anderson, P. C. 1991. Harvesting of wild cereals during the Natufian as seen from the experimental cultivation and harvest of wild einkorn wheat and microwear analysis of stone tools // The Natufian Culture in Levant: 521—526. Ann Arbor, Michigan.
1992. Experimental cultivation, harvest and threshing of wild cereals and their relevance for interpreting the use of Epipaleolithic and Neolithic artefacts // Préhistoire de l'Agriculture: Nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Monographie du CRA 6: 180—209. ed. CNRS.

- Anderson-Gerfaud, P. C.* 1983. A consideration of the uses of certain bached and lustered stone tools from the late Mesolithic and Natufian levels of Abu Hureyra and Mureybet (Syria) // *Traces d'utilisation sur les outils Néolithiques du Proche Orient. Travaux de la Maison de l'Orient* 5:77—106. Lyon.
1988. Using prehistoric stone tools to harvest cultivated wild cereals: preliminary observations of traces and impact // *Industries lithiques tracéologiques et technologiques. BAR* 411: 175—195. Oxford.
- Anderson, P. C., M.-L. Inizan.* 1994. Utilisation du tribulum au début du III millénaire: des lames «cananéennes» lustrées a Kután (Ninive V) dans la région de Mossoul, Iraq // *Paléorient*. Vol. 20/2: 85—103. Paris.
- Ataman, K.* 1992. Threshing sledges and archaeology // *Préhistoire de l'agriculture: //Nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Monographie du CRA* 6: 305—319. ed. CNRS, Paris.
- Bordaz, J.* 1965. The threshing sledge — ancient Turkish grain separating method still proves efficient // *Natural History XL-XIV* (4): 26—29.
- Clemente, J., J. F. Gibaja.* 1998. Working Process of Cereals: An Approach Through Microwear Analysis // *Journal of Archaeological Science* 25: 457—464.
- Crowfoot, R. J.* 1960. Flint implements from Tell al-Judaidah // *Braidwood R. J. and Braidwood L. S. (eds.). Excavations in the plain of Antioch. O.I.P.* 61: 525—539. Chicago.
- Diamond, G.* 1977. The Nature of So-Called Polished Surfaces on Stone Artifacts // *Lithic use-wear analysis*. Ed. B.Hayden: 159—166. New York.
- Gijn van, A.* 1989. The wear and flint: Principles of functional analysis applied to Dutch Neolithic Assemblages. Leiden.
- Jensen, H.* 1995. Flint Tools and Plant Working. Hidden Traces of Stone Age Technology. Aarhus.
- Korobkova, G. F.* 1981. Ancient reaping tools and their productivity in the light of experimental tracewear analysis // *The Bronze Age Civilisation of Central Asia: 325—349*. New York.
1992. Les cycles de Veconomie agricole (d'après l'outillage): résultats des analyses expérimentales et traceologiques // *Préhistoire de l'Agriculture: Nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Monographie du CRA* 6: 271—280. 4 ed. CNRS, Paris.
1993. La différenciation des outils de moisson d'après les données archéologiques, l'étude des traces et l'expérimentation // *Traces et fonctions: les gestes retrouvés* 2/50: 369—382. Liege.
- Kramer, S. N.* 1963. The Sumerians: Their History, Culture and Character. Chicago.
- Lusquet G. H., J. H. River.* 1933. Sur le tribulum // *Mélanges. N.Y.O.K.G.A.*: 613—638.
- Morgan, J.* 1889. Mission scientifique au Caucase. Etudes archéologiques et historiques. I Les premières 6des des mûtaux dans l'Arménie-Russe. Paris.
- Neuville, R.* 1930. Notes de Préhistoire palestinienne. J.P.O.S. X.: 193—221.
- Pelegrin, J.* 1994. Lithic technology in Harappan times // *South Asia Archaeology* 1993 2/11: 285—298. Helsinki.
- Rosen, S. A.* 1983. The Canaanite Blade and Early Bronze Age. Archaeological Survey of Israel // *Israel Exploration Journal* 33: 15—29.
- Skakun, N. N.* 1992. Evolution des techniques agricoles en Bulgarie chalcolithique (d'après les analyses traceologiques) // *Préhistoire de l'Agriculture: Nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Monographie de CRA* 6: 289—303. ed. CNRS, Paris.
1993. Agricultural implements in the Neolithic and Eneolithic cultures of Bulgaria // *Traces et fonction: les gestes retrouvés. Colloque international de Liege* 50/2: 361—368. Ed. Eraul.
- 1993a. Tehniska framsteg inom jordbrukskulturerne i sydöstra Europa under kopparstenaldern // *Forntida Teknik: 4—24*. Frosen, Sweden.
- 1993b. Results of traceological examination of flint implements from neolithic settlements in Western Bulgaria // *Gatsov I. Neolithic chipped stone industry in Western Bulgaria: 52—54*. Krakow.
- 1993c. New implements and specialization of traditional industries in the Eneolithic of Bulgaria (part 1) // *Traces et fonction: les gestes retrouvés* 2/50: 139—195. Liege.
1996. New excavations of eneolithic settlements in the Lower Danube region // *Cucuteni aujourd'hui. Bibliotheca memoriae antiquitatis II: 142—158*. Peatra Neamt.
- 1996a. Le rôle et l'importance du silex dans le chalcolithique du sud-est de l'Europe // *La préhistoire au quotidien: 223—235*. Grenoble.
- Unger-Hamilton, R.* 1992. Experiments in harvesting wild cereals and other plants // *Préhistoire de l'agriculture: Nouvelles approches expérimentales et ethnographiques. Monographie du CRA* 6: 180—209. ed. CNRS, Paris.
- Whallon, R. J.* 1978. Threshing sledge flints: A distinctive pattern of wear // *Paleorient* 4: 319—321.
- Wetzstein, J. C.* 1873. Die syrische Dreschtafel // *Zeitschrift für Ethnologie* 5: 270—302. Berlin.

ARCHAEOLOGICAL THRESHING SLEDGE INSERTS: EXPERIMENTS AND ETHNOGRAPHICAL PARALLELS

N. N. SKAKUN

The ancient agriculture and problems connected with it are among the major topics of prehistoric archaeology. The important role for infolding of these problems belongs to study of agricultural tools used for cultivation, harvesting and processing. Many Russian and foreign historians and archaeologists touched one way or another on the problems of their classification, chronological belonging, genesis, functional interpretation. Among the literature devoted to this

subject the works by S. A. Semenov occupy a prominent place.

After generalized studies on use-wear analysis of ancient agricultural implements (Semenov 1974; Korobkova, 1978, 1980, 1981) the threshing sledge inserts identified by the author at the end of 70-s are the only tools of this group to have not been known before. Their discovery in Bulgaria among the materials of high developed Balkan cultures of the Eneolithic period made us to

take a new view of ancient agricultural achievements (Skakun 1981; 1982; 1985; 1987; 1992; 1993a; 1993b) and also attracted attention of many scientists studying the problems of genesis of early agriculture (Anderson, Inizan 1994; Jensen 1995; Clements, Giboja 1998).

Usually, threshing sledge inserts were made from the middle parts of large and very large, super well-proportioned blades with straight sides, straight or slightly bent profiles, low backs with trapezoid or triangular cross-sections (fig. 2). These inserts have common morphological signs and similar wear — polish and blunted ends which are well discernible (fig. 3: 1).

At the beginning of our experiments conducted during archaeological excavations of the Eneolithic settlement Nagornoe II (Bolgrad-Aideni II culture), in the extreme south-western part of Ukraine, 7 km from the left bank of the Danube River, in a peasant's house, we found a well preserved threshing sledge which was used even in the 50^s of our century (fig. 4, 5). This is an original sledge made of 3 planks, their length is about 2 m, width in a middle part — 1 m 30 sm, thickness — 6 cm, they were united with wooden tenons and fastened in upper part, to make them more stable, by three wooden laths along two ends and the middle part. A narrow end of this device was slightly bent upwards, a harness of draught animals — bullocks, horses had been fixed there. On a lower surface of planks, 60 cm from the end, the narrow grooves were made in chess pattern 3,5 cm long and 2 cm deep. In total there were 22 rows with 14—8 grooves, within an interval of 1—1,5 cm. Tooth-like flint inserts were put into the grooves. All the major wear signs (polish, deformations, linear traces) were identical on archaeological and ethnographical inserts, but the ethnographical materials were worn out to a greater extent (fig. 5).

As mentioned above, most of the inserts distinguished among Bulgarian materials from the typologically similar group of blades with the traces of utilization belong to the Eneolithic period (Yunatsite, Dyadovo, Durankulak, Golyamo Delchevo, Polyanitsa, Dolnoslav) (fig. 1). In spite of the fact that in some Neolithic sites of South-Eastern regions of Bulgaria a number of objects have been found which we consider as threshing sledge inserts, those had strong deformations of working edges and their stratigraphical situation was not quite irreproachable — that is the main, thus not allowing us to assume an earlier period for the appearance of this tool in Europe (Skakun 1993).

In recent studies by P. Anderson, threshing sledge inserts were identified among the materials from Tell Kutan in Iraq. Their discovery has proved at last our hypothesis about a wide distribution area of this tool, and the find of analogous tools in early Neolithic settlements of the

Near East allows us to determine the place and time of their appearance (Skakun 1987; Anderson, Inizan 1994; Anderson 1994). Thus, an opinion about certain likeness of agricultural tool assemblage of ancient cultures from Balkan region and the Near East in both the construction of the tools and their types, including cultivating, harvesting, threshing and grinding instruments, found its new confirmation (Skakun 1987). This similarity could explain common economical features. We would like to emphasize once more, that at the late stages of the Neolithic and during the Chalcolithic and the Early Bronze Age as well, similar technologies of flint knapping were used on these territories, they were orientated to achieve large super well-proportioned blades — we call them the Dobrudjian blades for European sites, and in the East they are called «Canaanite» and «Harappan» blades (Neuville 1930; Crowfoot 1960; Rosen 1985; Pelegrin 1994).

Parallels to the threshing sledges, reconstructed by the author on the basis of the inserts' wear on Bulgarian materials, are found in Trans-Caucasian burial complexes belonging to the Bronze Age (2nd millennium BC) and the Early Iron Age (1st millennium BC).

The threshing sledges mentioned, thanks to preservation of their wooden base, situation of their inserts on the floors of burial pits or chambers, undoubtedly indicate that this tool was fairly widespread in antiquity (fig. 6—8). We know some survivals of a symbolic use of a threshing sledge in the rituals of Syrians of the 19th cent., they considered this tool to be sacred (Wetzstein 1973). Strikingly, the Transcaucasian threshing devices, studied by us in the Russian Ethnographical Museum (St.-Petersburg), copy exactly the constructions and dimensions of ancient threshing sledges from Transcaucasian region.

During the Classical period, as it has been mentioned by many authors, threshing sledge was widespread as a component included in the assemblage of agricultural instruments of ancient Romans (Varro 1963). From an earlier written tradition we have already mentioned a passage about prophet Isaias from the Bible (Is., X 41, 5), information on threshing sledge is found also in Sumerian sources of the 3rd millennium BC (Kramer 1963: 342).

In the middle of the 20th century threshing sledge was still used in Mediterranean region, on Iberian, Italian peninsulas, Balkans, on more northerly territories — Romanian Dobrudja, in the southern regions of Moldova, the extreme south-western regions of the Ukraine — the lower Danubian region, in Anatolia, Syria, Kurdistan, Iraq, Levant, on the northern coast of Africa (Northern Egypt, Tunis, etc.), as well as on islands — Cyprus, Crete, Canaries, Majorca (fig. 12).

It is well-known that there had been different ways of threshing in the agricultural practice. Of note is, that among the tool assemblage from the Eneolithic Tripolye culture, which was related with ancient agricultural communities of the Balkan region, but situated to the north-west of the latter—in differing natural-geographical conditions, the threshing sledge inserts have not been found, conversely the special knives for straw-cutting have been discovered there (fig. 10, 11).

The existence of different threshing methods, including the use of a threshing sledge, probably depended on various reasons, *inter alia* on the

soil and climatic conditions, sorts of cereals, and, of course, a significant role belonged to the cultural tradition.

It is difficult to determine exactly when threshing sledge appeared in the regions known by ethnographical evidence, but owing to the use-wear analysis it may be ascertained that it was used among the Balkan cultures of Bulgaria and South-Western Ukraine, in the Near East, Spain and Trans-Caucasian region (fig. 12) at the early stages of the development of the ancient agriculture, when the progress of the agricultural technique, probably linked with the appearance of cultivation, took place.

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЙ КАМЕННЫЙ СОСУД ИЗ АЛТЫН-ДЕПЕ

(к вопросу о постгеоксюрском комплексе
Южного Туркменистана)¹

Л. Б. КИРЧО, Т. А. ШАРОВСКАЯ²

В настоящее время, когда экспедиционная деятельность петербургской школы среднеазиатской археологии резко сократилась в связи с финансовыми и политическими реалиями, задача обработки имеющихся материалов эталонных памятников археологии Средней Азии и той информации, которую они содержат, является первоочередной.

В коллекции материалов Алтын-депе — наиболее полно исследованного раскопками 50-х—90-х годов раннегородского поселения эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана (Массон 1981) имеется крупный обломок уникального орнаментированного каменного сосуда-ступки (рис. 1: 1). Обломок сосуда найден в 1965 г. при исследовании монументальных обводных стен в XVIII ярусе³ траншеи на «холме стены», расположенном на северо-восточном краю поселения. Сосуд-ступка был изготовлен из сероватого известнякового песчаника и украшен по наружной поверхности рельефным сетчатым орнаментом, образованным из (как минимум двух) горизонтальных рядов чередующихся выпуклых и углубленных ступенчатых пирамид, обращенных вершинами вверх и вниз.

Для изготовления сосуда использована каменная глыба, которую вчерне оббили для получения заготовки. Окончательно форму сосуду придали с помощью пикетажа, выравнивая поверхность и намечая углубление. Затем с помощью той же точечной техники сосуд был украшен рельефным орнаментом в виде ступенчатых пирамид. Разметка элементов декора была произведена не очень тщательно — осно-

вания пирамид получились заметно скошенными, что наблюдается даже на сравнительно небольшой поверхности фрагмента сосуда. Окончательная обработка сосуда была произведена уже с помощью абразивной техники, в результате чего не только поверхность сосуда стала более гладкой, но и проявились детали орнамента. Поверхность сосуда зашлифована не идеально — кое-где сохранились выбоинки от пикетажной техники и их скопления, однако детали орнамента выступают ярко. Сосуд шлифовали абразивами двух видов — венчик и выпуклые детали — на крупном пассивном, а углубленные участки в виде перевернутых пирамид зашлифованы с помощью миниатюрного активного абразива, который не выравнивает поверхность, оставляя ее бугристой, чего не происходит при использовании стационарного абразива.

По имеющемуся фрагменту восстановить форму сосуда сложно, поскольку сохранившаяся его часть говорит о некоторой асимметрии и неравномерности толщины стенок, колеблющейся от 2,8 до 3,5 см на одном уровне. Вероятнее всего, сосуд был почти цилиндрическим, с легким расширением кверху и воронкообразным углублением. Диаметр устья сосуда — примерно 17 см. Диаметр углубления — около 13 см, а на глубине 7 см — около 9 см. Судя по деформации поверхности углубления, в сосуде толкли и растирали какое-то вещество органического происхождения, поскольку не возникло участков интенсивной пришлифовки, появляющейся при растирании минералов.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, выполняемого при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, грант № 00—01—00079а «Становление основы культурного комплекса древнейшей цивилизации Средней Азии (энеолит Алтын-депе)».

² Л. Б. Кирчо. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Т. А. Шаровская. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

³ Ярус — условный пласт толщиной 0,5 м, принятый при стратиграфических исследованиях среднеазиатских многослойных поселений.

Сосуды-ступки из известняка и песчаника, в том числе фигурные и зооморфные, были ранее зафиксированы в материалах эпохи среднего и позднего энеолита Южного Туркменистана — на Илгынлы-депе (Masson, Berezkin, Solovyeva 1994: fig. 6, 2), Кара-депе и Геоксюре 1 (Массон 1961: табл. XXXII: 3; 1982: табл. XXI, 21; XXII, 19; Сарияниди 1965: табл. XXVI, 8, 9). Из Кара-депе происходят и другие неорнаментированные ступки, в том числе, и массивные сосуды со сливом, один из которых найден в погребении 101 (рис. 1: 2).

Единственная точная аналогия сосуду из Алтын-депе была неожиданно обнаружена при разборе коллекции фотоматериалов исследований, проведенных в Туркменистане Б. А. Куфтиным в 1952 г. Конический каменный сосуд-ступка с идентичным рельефным сетчатым орнаментом был найден при обследовании поверхности Кара-депе (рис. 1: 3 — прорисовка с фотографии).⁴ Такой орнамент является одним из наиболее характерных признаков расписной позднеэнеолитической керамики типа Кара 1А времени Намазга III (начало III тыс. до н. э.; Массон 1982: табл. XXIV: 11).

Приведенные аналогии позволяют датировать наш сосуд периодом позднего энеолита, причем он относится к одной из наиболее ярких категорий, характеризующих позднеэнеолитический комплекс Южного Туркменистана. В связи с этим, хотим обратить внимание на два возможных аспекта дальнейших исследований. Первый из них связан с использованием ступок, изготовленных из мягкого камня. До сих пор такие сосуды рассматривали как ступки для растирания и разведения краски. Так, на Кара-депе найдена ступка из известняка с обильными следами красной краски внутри. Зафиксировано и вторичное использование массивных сосудов-ступок как подпятников. Однако трасологическое исследование публикуемого сосуда и наличие на Кара-депе массивных каменных сосудов со сливами и без следов измельчения твердых веществ позволяет считать, что, начиная, по крайней мере, с периода позднего энеолита, в Южном Туркменистане производили растирание органических веществ (стеблей, плодов) для получения сока (?). В то же время, учитывая тщательность и трудоемкость обработки (нанесение рельефного геометрического орнамента, сложная форма со сливом) и находку сосуда-ступки в погребении, можно предположить их использование не в повседневной жизни, а при совершении ритуальных действий.

Второй аспект связан со стратиграфическим и хронологическим положением этих со-

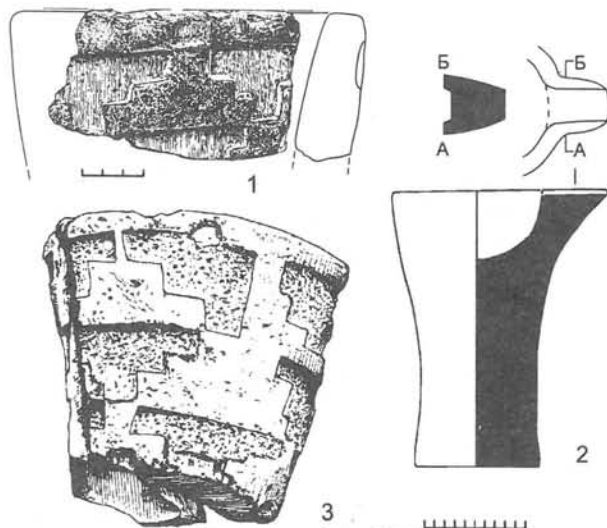

Рис. 1. Позднеэнеолитические каменные сосуды-ступки из поселений Южного Туркменистана: 1 — Алтын-Депе; 2, 3 — Кара-Депе.

Fig. 1. Late Eneolithic stone mortars from ancient settlements in Southern Turkmenistan: 1 — Altyn-Depe; 2, 3 — Kara-Depe.

судов-ступок. Ступки, происходящие из Кара-депе, включая и вновь обнаруженный по фотографии экземпляр, найдены в наиболее поздних напластованиях поселения: на поверхности, в кроющем слое на раскопе 4 и на раскопе 3 в погребении, впущенном в культурный слой Кара 1А, то есть относятся к позднему этапу периода Намазга III. Четырехугольный сосуд-ступка и обломок слива, найденные на Геоксюре 1 (Сарияниди 1965: табл. XXVI, 8, 9), также происходят с поверхности поселения. Наш сосуд из Алтын-депе, как было сказано выше, найден в XVIII ярусе траншеи на «холме стены». В первой публикации вся толща напластований, исследованных в 60-е годы на восточном краю «холма стены» Алтын-депе (яруса VIII—XXVII, Массон 1967: 170 и рис. 4), была отнесена к периоду ранней бронзы. Позднее В. М. Массон предположительно синхронизировал слои, подстилающие стену Б (XXIII—XXVII ярусы) с периодом Намазга III (Массон 1981: 22). Коллекция расписной керамики из траншеи на «холме стены», хранящаяся в ИИМК РАН, немногочисленна (53 фрагмента венчиков из XV—XXIV ярусов) и имеет смешанный характер. Так, типичная расписная керамика периода ранней бронзы с измельченной орнаментацией и керамика, украшенная крупными геометрическими монохромными мотивами, характерная для комплексов поселений Юго-Восточного Туркменистана конца позднего энеолита, представлены в материалах XV—XXIV ярусов траншеи, обломки

⁴ Публикуется впервые, местонахождение сосуда в настоящее время неизвестно. Обработка коллекции фотоматериалов из исследований Б. А. Куфтина не завершена, поэтому фотография пока не имеет инвентарного номера.

посуды с росписью типа Кара 1А найдены в XV и XIX ярусах, а с полихромной росписью геоксюрского типа — в XIX ярусе. В XXI ярусе встречен даже фрагмент ялангачского сосуда времени среднего Намазга II. Все это, к сожалению, свидетельствует о нарушенном состоянии культурного слоя и неточной фиксации материала. Более продуктивным оказывается соотнесение архитектурных остатков, изученных раскопками 1959—1961 и 1965 г. и графически зафиксированных в разрезе напластований восточного края «холма стены»

(Массон 1967: рис. 4), с данными многолетних стратиграфических исследований автора на раскопе 5 Алтын-депе (Кирчо 1986; 1991; Kircho 1994), которые частично включили и остатки обводных стен, впервые изученных в 60-е годы. Не вдаваясь в детали пересчета высотных отметок и с поправкой на значительные разрушения обводных стен в период с 1965 по 1977 годы, культурные слои траншеи на краю холма стены и стратиграфического раскопа 5 примерно можно соотнести следующим образом:

Период	Восточный край «холма стены»		Раскоп 5	
	яруса	обводные стены	яруса	строительные горизонты
Финал эпохи ранней и начало средней бронзы	XI—XIV	стена А	V—VIII	3—4
Средний этап ранней бронзы	XV—XVII	стены А ₁ , А ₂ и верхняя часть Б	IX—XII	5—6
Начало ранней бронзы	XVII—XIX	стена Б	XII—XIV	7—8
Постгеоксюрский комплекс конца позднего энеолита	XX—XXII	?	XV—XVII	9—10
Поздний энеолит типа Кара 1, Чонг-депе и позднего Геоксюр 1	XXIII—XXIV	?	XVII—XVIII	11—12

В результате материалы XVIII яруса, среди которых встречен орнаментированный сосуд-ступка, можно синхронизировать с материалами конца 8-го — начала 7-го строительных горизонтов раскопа 5, датируемых самым началом периода ранней бронзы и непосредственно сменяющимися позднеэнеолитическими горизонтами Алтын 9—10 раскопов 1 (Массон 1981: табл. XXV, XVII) и 5 (Кирчо 1991: рис. 4, 13) на Алтын-депе.

Таким образом, орнаментированные сосуды-ступки, скорее всего, относятся к наиболее позднему этапу развития комплекса времени Намазга III — к так называемому постгеоксюрскому⁵ комплексу позднего энеолита Юго-Восточного Туркменистана, выделение которого, предложенное на материалах анализа развития системы орнаментации керамики (Кирчо 1999: 77), теперь находит свое подтверждение и в других категориях материальной культуры.

- Кирчо, Л. Б. 1986. Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе) // Древние цивилизации Востока: 137—146. Ташкент.
1991. Изучение слоев эпохи позднего энеолита на Алтын-депе в 1984—89 гг. Новые археологические открытия 1. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
1999. Поселение эпохи энеолита — ранней бронзы Акдепе под Ашхабадом // К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана: 53—115. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
2000. Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана // Б. А. Латынин; судьба ученого. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж. В печати.
- Массон, В. М. 1961 (1960). Кара-депе у Артыка // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции X: 319—463. Ашхабад: Ылым.
1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // Советская археология 3: 165—190.

1981. Алтын-депе // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции XVIII. Ленинград: Наука.
1982. Энеолит Средней Азии // Археология СССР. Энеолит СССР: 9—92. Москва: Наука.
- Сарианиди, В. И. 1964. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // Краткие сообщения Института археологии 98: 60—65.
- 1965а. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении / Свод археологических источников Б 3-8 (IV). Москва: Наука.
- Kircho L. B. 1994. New studies of the Late Chalcolithic at Altyn-depe, Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia: 39—43. St-Petersburg: IIMK RAN
- Masson, V. M., Yu. E. Berezkin, N. F. Solovyeva. 1994. Excavations of houses and sanctuaries at Ilyny-depe Chalcolithic site, South Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia: 18—26. St-Petersburg. IIMK PAN.

⁵ Термин предложен В. И. Сарианиди для характеристики керамики с монохромным геометрическим орнаментом, продолжающим геоксюрские орнаментальные традиции (комплексы XII—XI ярусов шурфа на Хапуз-депе; Сарианиди 1964: 62).

A DECORATED STONE VESSEL FROM ALTYN-DEPE

(to the Problem of the Post-Geoksyur Complex in
Southern Turkmenistan)

L. B. KIRCHO, T. A. SHAROVSKAYA

Now, when the field activities of the Petersburg school of the Central Asia archaeology have been considerably reduced due to financial and political realities, an analysis of the available materials from the standard archaeological sites in Central Asia and of the information these materials contain is a task of top-priority.

The collection of materials from Altyn-Depe — an early urban settlement of the Eneolithic and Bronze Age period which is the most comprehensively studied in Southern Turkmenistan during excavations of 1950s—90s — contains a unique decorated stone vessel-mortar (fig. 1, 1). The vessel was uncovered in 1965 during investigation of monumental encircling defensive walls in arbitrary Level XVIII in a trench on the Wall Mound (the north-eastern edge of the settlement); it is made of greyish limestone-sandstone and decorated on the outer surface with a relief pattern of netting formed at least of two horizontal rows of alternating convex and impressed stepped pyramids with their apices directed upwards and downwards. Such a decoration is one of the most characteristic features of the ornamental set on the late Eneolithic pottery of Kara 1A type dating to Namazga III period (early 3rd millennium B. C.).

For manufacturing the vessel, a stone block was used which had been roughly cut to obtain a blank. The final shape of the vessel was achieved breaking the surface off by pointed strokes, smoothing it and outlining the depressions. Finally the surface was worked by means of the abrasive technique that resulted not only in its growing smoother but also in developing the ornamental details. The surface of the vessel is polished not quite ideally — occasional dints and their accumulations remain, but the decoration became clearer. The vessel was polished with abrasives of two types: the rim and the convex details — with a coarse passive one, and the impressed areas in form of upturned pyramids — by means of fine active abrasive which does not smooth the surface out but leaves it knobby — this does not occur when using a stationary abrasive.

It is difficult to restore the complete shape of the vessel on the basis of the fragment available.

Even the preserved part indicates to a certain asymmetry and irregularity of the wall thickness varying from 2,8 to 3,5 cm at the same height. The vessel was probably almost cylindrical and slightly widening upwards. The mouth diameter was about 17 cm. The inner reservoir was funnel-shaped with the upper diameter about 13 cm and about 9 cm at the deepness of 7 cm.

Judging by the deformation of the inner surface, the vessel was used for mashing and pounding some substance of organic origin, since there were no signs of intense grinding-in which results of minerals being ground.

Mortars made of limestone or sandstone, including zoomorphic ones, have been found before among the materials dating to the Middle and Late Eneolithic periods: in Ingyly-Depe (Mason, Berezkin, Solovyeva 1994: fig. 6, 2), Kara-Depe and Geoksyur 1 (Maccoh 1961: plate XXXII: 3; 1982: plate XXI, 21; XXII, 18). In Kara-Depe also undecorated mortars, including massive vessels with a spout, were found; one of them was uncovered in burial no. 101 (fig. 1, 2).

The only close parallel to the vessel from Altyn-Depe was unexpectedly discovered during examination of the collection of field photographs made during B. A. Kuftin's investigations of 1952 in Turkmenistan. A conical stone mortar with an identical relief netting pattern was found in observing the surface of Kara-Depe (fig. 1, 3 — drawn after a photograph).

Thus, judging by the parallels described, our vessel is one of the vivid examples constituting the late Neolithic corpus of Kara 1A type in Southern Turkmenistan. In this connection, we would like to note two possible aspects of future studies. The first is related with the purpose of a mortar made of soft stone. Hitherto, such vessels have been considered as mortars for grinding and mixing dyes. Thus in Kara-Depe a mortar was found with numerous traces of red dye on inside. Also, reuse of massive vessels-mortars as door-post sockets is known. However, a use-wear analysis of the vessel under discussion and the existence of massive stone vessels with spouts and without any signs of grinding solids in them suggest that as early as at least the late Eneolithic period in Southern Turkmenistan some organic

substances (stems or fruit) were mashed to obtain juice (?). At the same time, if one takes into account the carefulness and laboriousness of working (decorating with a relief geometric ornamentation and the complicated shape with a spout) and a vessel-mortar having been uncovered in a burial, one may suppose that such vessels were used not in the every-day life but in course of some ritual activities.

The second aspect is related with the stratigraphic and chronological position of the vessels-mortars. The mortars from Kara-Depe, including the sample newly discovered on a photo, were found in the latest levels of the site: on the surface, in the covering layer in Excavation 4, and in the burial dug into the Kara IA cultural layer in Excavation 3, i.e. they are dated to the later stage of Namazga III period. The vessel from Altyn-Depe, as is mentioned above, was found in Level XVIII of a trench on the Wall Mound. In the first publication, the entire thickness of the deposits investigated in 1960s at the eastern edge of the Wall Mound in Altyn-Depe (Levels VIII—XXVII, Массон 1967: 170 and fig. 4) was dated to the early Bronze Age. Later, V. M. Masson supposed that the layers underlying Wall B (Level XXIII—XXVII) were synchronous with Namazga III (Массон 1981: 22). The collection of painted pottery from the trench on the Wall Mound preserved in IIMK RAS is not numerous (53 rim fragments from Level XV—XXIV) and is of a mixed character. Thus, the typical painted pottery

with fine ornamentation dating to the early Bronze Age and the Post-Geoksyur pottery with large geometric monochrome motifs characteristic of the complexes of settlements in South-Eastern Turkmenistan dating to the end of the late Eneolithic period are represented among the materials from Level XV—XXIV of the trench; the pottery fragments of Kara IA type were found in Levels XV and XIX; those of the polychromous pottery of the Geoksyur type were in Level XIX, and in Level XXI even a fragment of a Yalangach vessel dating to the middle Namazga II has been found. Unfortunately, all these facts indicate to a disturbed state of the cultural layer and to an inaccurate registration of the artefacts. More instructive turned out to be a comparison of architectural remains excavated in 1959—61 and 1965 and drawn in the section of the layers at the eastern edge of the Wall Mound (Массон 1967: fig. 4) with the results of stratigraphic researches of many years in Excavation 5 in Altyn-Depe (Кирчо 1986; 1991; Kircho 1994). The latter researches included partly the remains of encircling walls first investigated in the 1960s. Omitting the details of recalculation of the surface markings and accounting for considerable destruction of the encircling walls during the period from 1965 to 1977, the correlation between the cultural layers in the trench at the edge of the Wall Mound and those in stratigraphic Excavation 5 is represented as below:

Period	The eastern edge of the Wall Mound		Excavation 5	
	levels	encircling walls	levels	building horizons
The final period of the Early Bronze Age and beginning of the Middle Bronze Age	XI—XIV	Wall A	V—VIII	3—4
The middle stage of the Early Bronze Age period	XV—XVII	walls A ₁ , A ₂ and upper part of B	IX—XII	5—6
Beginning of the Early Bronze Age	XVII—XIX	Wall B	XII—XIV	7—8
Post-Geoksyur complex of the end of the Late Eneolithic period	XX—XXII	?	XV—XVII	9—10
Late Eneolithic types Kara I, Chong-Depe and Late Geoksyur I	XXIII—XXIV	?	XVII—XVIII	11—12

Therefore, the materials from Level XVIII which included the decorated mortar are synchronous with materials of the end of the 8th and beginning of the 7th building periods in Excavation 5 dated to the very beginning of the Early Bronze Age.

To conclude, the identification of the Post-Geoksyur complex of the Late Eneolithic pe-

riod of South-Eastern Turkmenistan and synchronisation of this complex with the later stage of the development of the Namazga III type complex first proposed on the basis of an analysis of the development of a pottery ornamentation system (Кирчо 1999: 51) now find their confirmation in other evidences of material culture.

ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОГРЕБЕНИЙ СКИФСКОГО ПЕРИОДА НА МОГИЛЬНИКЕ АЙМЫРЛЫГ (ТУВА)

АЙЛИН М. МЁРФИ¹

Введение. В данной статье представлен обзор результатов детального палеопатологического анализа, проведенного недавно на материале человеческих скелетных остатков, полученных из погребального комплекса Аймырлыг в Туве (Murphy 1998). Основной целью исследований являлось выявление состояния здоровья, рациона питания и образа жизни у двух популяций железного века, погребенных на могильном комплексе. В данной статье представлены результаты, полученные для наиболее древней из двух популяций — группы населения скифского времени. В общей сложности анализ охватывает 607 погребенных.

Распределение заболеваний по экологическим и социо-экономическим ландшафтам все более признается как важнейшая составляющая для понимания условий жизни, как в прошлом так и в настоящем (Goodman 1991: 280). Данный вопрос для популяций Аймырлыга изучался с позиций биокультурологического подхода. При этом основной упор делается на роль состояния здоровья во взаимодействиях между населением, связанной с ним культурой и окружающей средой, а данные, полученные при таком анализе, могут быть далее использованы для выявления того влияния, которое заболевания могли оказывать на жизнь как популяции в целом, так и отдельных индивидов. Южная Сибирь и Монголия относятся к регионам Старого Света, имеющим наиболее древние скотоводческие традиции (Vainshtein 1980: 51), и анализ костных остатков из Аймырлыга предоставляет прекрасную возможность изучения значительного объема скелетных остатков полукочевых скотоводов обширной евразийской степи.

Могильник Аймырлыг. Могильный комплекс Аймырлыг расположен в Улуг-Хемском районе Тувинской автономной республики (рис. 1). Он тянется свыше десяти километров по левому берегу р. Чаа-Холь недалеко от Саянского ущелья р. Енисей. Первые научные

раскопки Аймырлыга проводились в 1964 г. под руководством М. Х. Маннай-Оола, в период с 1968 и до середины 1980-х гг. могильник раскапывался отрядом Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) Санкт-Петербург под руководством А. М. Мандельштама (характеристику могильника см. Мандельштам, 1975; 1982, 1992). Одновременно погребения тюркского и более поздних периодов раскапывались д-ром Б. Б. Овчинниковой из Уральского университета. После завершения раскопок скелетные остатки поступили в Отдел физической антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург), где для части материала были проведены краниометрические и остеометрические обмеры (Богданова, Радзюн 1991).

Скифский период. Аймырлыг использовался в качестве могильника на протяжении длительного времени: древнейшие погребения датируются эпохой бронзы, а последние производились еще в XVIII в. н. э. (Мандельштам 1983: 26). Большинство погребений, раскопанных А. М. Мандельштамом, относились к культуре скифского времени (прибл. VII—II вв. до н. э.), и большая часть датируется периодом между III и II вв. до н. э. Наиболее характерной чертой внутренней конструкции скифских погребальных сооружений является деревянный прямоугольный сруб. Количество погребенных в каждом срубе неизменно велико и насчитывает в некоторых случаях не менее 15 костяков (Мандельштам 1983). Также, на Аймырлыге часто встречаются погребения в прямоугольных ящиках из каменных плит. Такие ящики как правило невелики и рассчитаны на одного умершего, однако, встречаются и более крупные гробницы с останками двух-трех погребенных (Мандельштам 1983).

Погребальный обряд довольно однообразен: большая часть умерших погребены лежащими на левом боку с поджатыми ногами,

¹ School of Archaeology and Palaeoecology, the Queen's University of Belfast, Belfast BT7 INN, Northern Ireland. eileenmurphy24@hotmail.com

Рис. 1 Карта расположения могильного комплекса Аймырлыг.

Fig. 1 Map showing the location of the Aymyrlyg cemetery complex.

хотя в некоторых случаях встречены костяки погребенных на правом боку. Руки, как правило, вытянуты перед телом, но в нескольких случаях они были согнуты. Несколько скелетов обнаружено лежащими ничком, причем все с подогнутыми ногами (Мандельштам 1983). Большинство погребенных скифского периода ориентированы на запад с некоторыми отклонениями к северу или югу, хотя изредка попадались и другие ориентации (Мандельштам 1983: 33).

Дефекты развития. В современных популяциях врожденные пороки развития достаточно распространены и имеют место в 1—5% случаев для всех живорожденных. С еще большей частотой дефекты встречаются у мертворожденных и при естественных абортках, являясь одной из наиболее частых причин смертности у новорожденных и детей младшего возраста (Kennedy 1967: 1). Причины врожденных пороков развития у человека многочисленны и сложны, и каждый вид дефекта может вызываться различными причинами. Он может являться результатом специфичных доминантных или рецессивных генов, возникать случайным образом или быть наследственным в роду (Fraser 1959: 97—99). Кроме того, к появлению пороков развития могут приводить такие факторы внешней среды, как недостаточность питания (например, гиповитаминоз А и недостаток рибофлавина) или избыточное питание у матери (например, жирный рацион) в ранние сроки беременности (Seller 1987: 227). Общеизвестно, что большинство пороков развития возникает от комплексного взаимодействия генетических предрасположенностей и скрытых

факторов внутриматочной среды (Fraser 1959: 108). Известны многочисленные примеры незначительных пороков развития, затрагивающих в частности параксиальную мезодерму. Дефекты развития параксиальной мезодермы сопровождались блокированием позвоночника, наличием лишних позвонков, окципитализацией, сакрализацией и расщеплением нервных дуг.

Практика коллективных захоронений, особенно в гробницах-срубках, дает редкую возможность обследования семейных групп внутри археологической популяции. Утверждение о том, что спорадические врожденные пороки повторяются в семье (Barnes 1994: 293) находит свое подтверждение в присутствии специфических дефектов у погребенных в одной коллективной гробнице. Например, в срубном погребении VII.7 у двух умерших мужского пола наблюдались признаки окципитализации. Клинические исследования показывают, что в большинстве популяций окципитализация происходит с частотой 0,15—1,67% (Gregg and Steele 1969: 105). Этот дефект, таким образом, считается редким и вероятность, что имевшие его погребенные из данной могилы — родственники, весьма высока. У взрослых мужчины и женщины, погребенных в срубном захоронении XXIII. 13, обнаружена гипоплазия нижней челюсти, дефект первой бранхиальной дуги. Данный порок развития встречается в популяции с очень низкой частотой, и по всей вероятности умершие были близкими родственниками, возможно — брат и сестра.

У трех погребенных скифского периода по видимому имелись политропные нейрофиброматозные дефекты (рис. 2) (Murphy *et al* 1998), фронтотемпоропаретическая дисплазия и синдром Гольденхара/гемифациальная микросомия. У всех троих несомненно должны были наблюдаться лицевые аномалии (Murphy 2000). У женщины с вероятным нейрофиброматозом, по-видимому, имелась лицевая дисплазия с не умеренно увеличенным и, возможно, навывкате глазом яблоком. Кроме того, у поврежденного глаза должно было быть снижено зрение. Среди других физических проявлений нейрофиброматоза — встречаются пятна «кофе с молоком», кожные опухоли, кифосколиоз, псевдоартрозы, а также масса других аномалий (Gorlin *et al* 1976: 536—538). У ребенка с синдромом Гольденхара должна была наблюдаться односторонняя гипоплазия левой части черепа. У него или нее также могли быть аномалии внешнего уха и глухота, глазные дефекты, в том числе возможно, микрофтальмия или анофтальмия, умственная отсталость и аномалии позвоночника (Gorlin *et al* 1976: 548—550). Взрослый мужчина с подозрением на фронтотемпоропаретическую дисплазию должен был обладать грубыми чертами лица с боль-

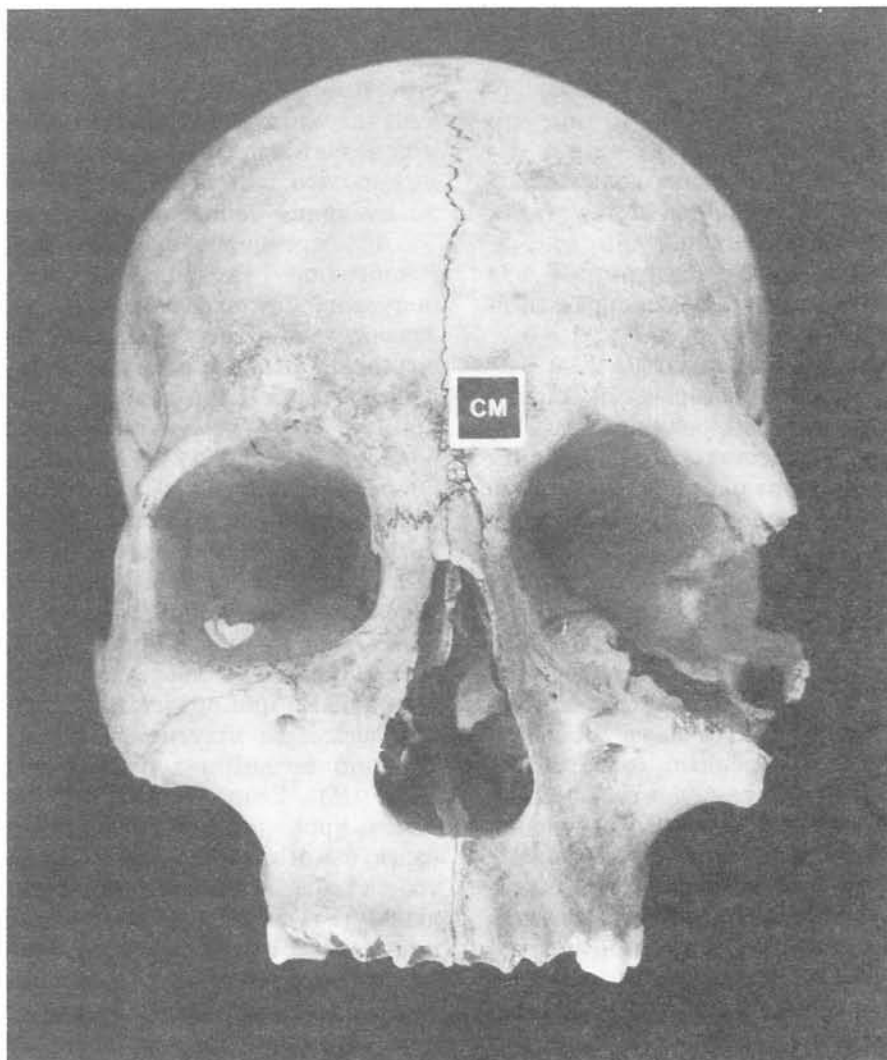

Рис. 2 Череп скелета XXIII.10.Ск.2 с сильно увеличенной левой глазной впадиной и дисплазией лицевых костей, вероятно вследствие нейрофиброматоза.

Fig. 2 Cranium of Skeleton XXIII. 10. Sk. 2 displaying a grossly enlarged left orbit and dysplasia of the facial bones which may have been due to neurofibromatosis.

шими надбровными дугами, широко расставленными глазами и асимметрией лица и подбородка. Также он, по-видимому, был глухим, плохо видел, имел короткое туловище с длинными конечностями, удлинненными пальцами и относительно малоподвижными суставами (McAlister and Herman 1995, 4207). К сожалению, во всех трех случаях сохранились только черепа, поэтому скелетные аномалии определить в полной мере не представляется возможным.

Высказывались предположения, что в прошлом, как и во многих современных «примитивных» сообществах нежелательные дети, в некоторых случаях с очевидными физическими недостатками, сознательно уничтожались с помощью болезней, хищников или природных средств. Действительно, инфантицид встречается и до сих пор, например среди индейцев дакота в Северной Америке. Подобная прак-

тика могла приводить к захоронению таких детей вне общих могильников, и в результате их останки редко присутствуют в популяциях, представленных археологическими костными остатками (Gregg et al 1981, 220). Если же особи с врожденными пороками развития все же появляются в археологической популяционной группе, это может пролить свет на отношение общества к больным членам. В тех редких случаях, когда такие факты обнаруживаются, можно предположить, что лицам, страдающим патологиями, оказывалась какая-то помощь для поддержания их жизни (Gregg et al 1981: 221).

Присутствие на Аймырлыге взрослых индивидов с явными врожденными пороками развития указывает на то, что даже после развития, по-видимому еще в детстве, видимых физических недостатков и уродств, этих людей не убивали и они доживали до взрослого воз-

раста. То, что в общие захоронения со здоровыми людьми попадали индивиды с возможно аномальным внешним видом и нетрудоспособностью, может свидетельствовать о том, что последние не были исключены из членов общества. Эти находки, однако, не должны рассматриваться как свидетельства того, что к людям с физическими недостатками относились с чем-то вроде «сочувствия» или что скифское население было «высоконравственным» (Dettwyler 1991: 379).

Вряд ли лица с сильными дефектами развития являлись бесполезными членами общества — этнографические исследования показывают, что во всех сообществах всегда имеется какая-то работа, которую могут выполнять люди с физическими недостатками. Например, у народности кунгсан в Калахари калеки с пониженной подвижностью или глухотой помогают в готовке пищи, собирательстве и ухаживают за детьми. Отмечалось, что в Мали слепым поручается прядение хлопка, изготовление одежды, и они следят за детьми (Dettwyler 1991: 380). Геродот даже сообщает, что скифы специально ослепляли своих рабов, которым поручалось потом доить кобылиц (Sélincourt and Burn 1972: 271). На основании лишь изучения костных остатков и контекстов археология не в состоянии определить, относились ли на Аймырлыге с сочувствием к людям с физическими недостатками, однако факт их захоронения в коллективных погребениях возможно свидетельствует, что современники признавали за ними какую-то роль в обществе. Какова была эта роль, однако, остается неизвестным. Вероятно, они вели очень тяжелую жизнь, подвергались насмешкам и избиениям, с ними обращались как с рабами и постоянно напоминали им об их физических недостатках. Этнографические исследования в Мали, например, показали, что нетрудоспособных членов общины постоянно забрасывают камнями, избивают и издеваются над ними на рынке для увеселения толпы. Благодаря помощи своих семей эти люди в состоянии выжить, однако сочувствия они не находят (Dettwyler 1991: 382). То же самое могло иметь или не иметь место в отношении лиц с физическими недостатками в Туве железного века. Ясно однако, что на самом примитивном уровне этим людям позволяли дожить до взрослого возраста и для их выживания в условиях полукочевого образа жизни они должны были получать определенную помощь.

Интересно, что как у ребенка с возможным синдромом Гольденхара, так и у взрослого мужчины с возможной фронтотемпоропаретической дисплазией, найденных в срубном погребении IV.2, выявлены политропные дефекты, которые биологически между собой не связаны (Dr. Robert Gorlin 1998, по личному сообще-

нию), и семейное родство обоих не может быть доказано. Соответственно, хотя и существует вероятность, что они — родственники, и наличие у них необычных врожденных синдромов является просто случайностью, также возможно, что они похоронены в одной могиле по причинам социального характера.

Дифференцированное захоронение людей с «необычной» внешностью известно по ряду популяций. Этнографические исследования показали, что у банту Северного Кавирондо существуют особые погребальные обряды для людей с физическими аномалиями, и что, например, «горбунам» отказано в обычной обрядности (Wagner 1949: 479). Йоруба Нигерии хоронят страдающих проказой, альбиносов, горбунов и умерших при родах женщин в «священных могилах», таким образом, чтобы священники обеспечили бы, чтобы подобные случаи и смерти не повторились (Bascom 1969: 66). У народа амба в Восточной Африке почти всех хоронили во дворе дома, однако людей с аномалиями или представляющих опасность (в том числе, со вздутием живота, близнецов и душевно больных) хоронили в лесах (Winter 1967: 25). Если у чувашей России умирал «очень уродливый» человек, его труп фиксировался в могиле с помощью железных предметов, чтобы дух не возвращался и не пугал людей (Frazer 1934: 67). В Ирландии, начиная примерно с VII в. н. э. и до относительно недавнего времени, для захоронения умственно отсталых, чужеземцев, жертв кораблекрушений, преступников, умерших от голода и самоубийц, а также мертворожденных и некрещеных детей, отводились специальные могильники, называвшиеся *cillini* (Donnelly et al 1999).

Вполне возможно, что двух погребенных на Аймырлыге скифского периода специально похоронили вместе в одном погребении из-за их необычного внешнего вида. Такому выводу, однако, противоречит то, что срубное погребение IV.2 не выделяется своим расположением, и что в погребении были обнаружены останки еще не менее десяти погребенных. Кроме того, погребальный инвентарь из данного погребения в основном аналогичен тому, что найден в других погребениях скифского времени, и включал остатки оружия, что может свидетельствовать о погребении воинов. Тем не менее, учитывая, что у двух из погребенных действительно имелись необычные дефекты развития, которые несомненно должны были проявиться в явных уродствах лица, нельзя исключать и того, что остальные умершие также были погребены особо, может быть, по каким-то социальным причинам, не оставившим следов в костных остатках.

Инфекционные заболевания. С инфекциями связаны патологические воспалительные процессы. Воспалением называется реакция клеток

организма на проникновение болезнетворных тел, например вирусов или бактерий. Оно проявляется в симптомах боли, опухания, болезненности и увеличения температуры тела (Roberts and Manchester 1995: 125). Неспецифические патологические изменения костей по сути идентичны друг другу и вызываются заражением рядом гноеродных бактерий (стафилококки, стрептококки, пневмококки и тифоидные бациллы). В наше время, *Staphylococcus aureus* вызывает свыше 75% всех инфекций (Finch and Ball 1991: 208). Однако по морфологическим характеристикам повреждений скелета невозможно в каждом случае определить, какой штамм бактерии вызвал инфекцию в древности (Roberts and Manchester 1995, 126). Причиной специфических инфекционных заболеваний являются такие известные бактерии, как *Mycobacterium bovis* и *Mycobacterium tuberculosis*, вызывающие туберкулез.

Неспецифические инфекционные повреждения. Периостит наблюдался в костях людей скифского периода с частотой, варьировавшей от 0,2% (париетальные) до 2,8% (большие берцовые). Большинство заболевших взрослых были мужчины (62%), и наибольший процент имевших повреждения умерли в возрасте 17—25 лет. Остеомиелит преимущественно поражал большие берцовые и имел частоту 0,2%. Примечательно, что неспецифические инфекционные повреждения имеют низкие частоты.

Всегда непросто интерпретировать соответствующие этиологические факторы или частоту распространения неспецифических инфекционных повреждений. Периостит может возникать в результате как специфической так и неспецифической инфекции, травмы (Ortner and Putschar 1981: 129—130), физиологического стресса (Ribot and Roberts 1996: 70), или вследствие системных заболеваний, например цинги (Roberts 1987: 14). Следовательно, трудно утверждать, от чего возникли повреждения у того или иного конкретного индивида. Остеомиелит более точно характеризует специфические и неспецифические инфекционные процессы. Кроме того, наличие инфекционных изменений в костных остатках указывает на то, что индивид не умер сразу в результате инфекции, а находился на какой-то степени выздоровления. Поэтому вполне вероятно, что признаки инфекций в археологическом костном материале свидетельствуют о выживании наиболее сильных членов популяции (Roberts and Manchester 1995: 127).

Обычно предполагается, что частота инфекций в археологической популяции возрастает при интенсификации оседлого земледелия, которой сопутствует рост плотности населения и уровней диетного стресса. Эти факторы образа жизни, как считается, обуславливают среду, в которой могут распространяться ин-

фекционные заболевания (Roosevelt 1984: 572). Анализ частот инфекционных повреждений в могильнике Диксон Маундс, шт. Иллинойс (950—1300 н. э.), например, показал увеличение уровней инфекционных повреждений от 31% в периоды малоинтенсивного земледелия до 67% в период перехода к более интенсивному земледелию (Goodman et al 1984: 291). Изучение частот неспецифических повреждений в японских популяциях охотников-сборителей за период от неолита (где-то в III в. до н. э.) и до начала современного периода показало изменение частот повреждений от 9,6% до 12,3% (Suzuki 1991: 133). Англосаксонские костяки в Англии имеют частоты неспецифических инфекционных повреждений около 10—15% (Roberts and Manchester 1995: 129). Таким образом видно, что частоты неспецифических повреждений у населения скифского периода на Аймырлыге гораздо ниже тех, что зафиксированы как для групп охотников-сборителей, так и для земледельческого населения в различные периоды и в разных географических точках по всему миру.

Специфические инфекционные повреждения. У четырех индивидов скифского периода обнаружены повреждения, которые предположительно были вызваны туберкулезом. Во всех случаях, однако, признаки этого специфического инфекционного заболевания не были четко проявлены в данных повреждениях, поэтому не исключается, что последние могли быть следствием других инфекционных процессов. У одного из умерших были обнаружены плечевые повреждения, у двух индивидов зафиксированы предположительные признаки желудочнокишечного туберкулеза, и в остатках еще одного индивида имелись повреждения в реберных костях. Вызывает сожаление, что ребра присутствовали только у одного из четырех костяков со следами заболеваний, так как в настоящее время не представляется возможным различить первичный кишечный (*Mycobacterium bovis*) и первичный легочный (*Mycobacterium tuberculosis*) туберкулез лишь на основании морфологического обследования скелетных остатков (Manchester 1987: 176). Если бы ребра были найдены среди остатков двух индивидов с подозрением на желудочнокишечный туберкулез, и если бы они не имели инфекционных повреждений, то можно было бы сделать вывод, что эти люди страдали первичной кишечной инфекцией, вызванной *Mycobacterium bovis*. У ряда индивидов обнаружены бляшки сплетения кости на внутренних поверхностях ребер. Данные повреждения вполне могли быть вызваны туберкулезом (Roberts et al 1994; Roberts et al 1998), однако, в качестве возможной этиологии не исключаются и другие легочные инфекции, например долевая пневмония (Pfeiffer 1991: 198).

Особенно интересно, что двое из умерших (взрослый мужчина и подросток) с возможными туберкулезными повреждениями были обнаружены в одном срубном погребении Х.1. По-видимому оба индивида были родственниками и оба умерли от инфекционного заболевания. Кроме того, у двух умерших из срубного погребения ХХ.10 обнаружены повреждения реберных костей, что опять-таки предполагает наличие заразного легочного заболевания, например туберкулеза.

Передача *Mycobacterium tuberculosis* происходит через дыхательные пути при вдыхании зараженных туберкулезной палочкой капелек, выдыхаемых больными открытой формой легочного туберкулеза (Manchester 1991: 26). Эта передаваемая от человека к человеку болезнь зависит от существования групп лиц, живущих в непосредственной близости друг от друга (Roberts and Manchester 1995: 136). Передача *Mycobacterium bovis* возникает через желудочно-кишечный тракт в результате потребления молока и мяса скота, зараженного *Mycobacterium bovis* (Manchester 1991: 26). Как отмечено выше, данное население являлось полукочевыми скотоводами и, согласно археологическим, этнографическим и историческим источникам, они содержали стада овец, коз, лошадей и крупного рогатого скота (Маннай-Оол 1970: 91; Sélincourt and Burn 1972: 286). Вероятно полукочевники перемещались небольшими группами в несколько семей. Если принять это предположение, то туберкулез должен был передаваться людям от животных, и инфекция вызывалась скорее всего *Mycobacterium bovis*, а не *Mycobacterium tuberculosis*. С другой стороны, исторические свидетельства говорят о том, что люди перемещались в повозках, где они находились в тесной близости, и что переселения полукочевников иногда затрагивали значительные группы людей. Если принять этот сценарий, то причиной туберкулеза была инфекция *Mycobacterium tuberculosis*, а не *Mycobacterium bovis*. Различить повреждения от туберкулеза, вызванного *Mycobacterium bovis* от повреждений *Mycobacterium tuberculosis*, довольно трудно, так как обе бактерии имеют одинаковые патологические отклики (Manchester 1987: 176).

Метаболические заболевания. Болезни обмена веществ часто рассматриваются как индикаторы физиологического стресса. Метаболические повреждения, обнаруживаемые в скелетных и зубных остатках, свидетельствуют о об адаптивном ответе организма на факторы физиологического стресса, воздействовавшие на него в детстве — еще в период роста и развития (Roberts and Manchester 1995: 163). Следовательно рассмотрение факторов физиологического стресса может дать важную информацию об общем состоянии здоровья, рационе

питания и образе жизни археологической популяции.

Cribra orbitalia и порозный гиперостоз. Широко признано, что *cribra orbitalia* и порозный гиперостоз указывают на детскую железодефицитную анемию (например, Stuart-Macadam 1991: 37). По имеющимся наблюдениям *cribra orbitalia* встречается с частотой 18%. Наибольший процент страдающих от *cribra orbitalia* умирают в возрасте 0—2 или 6—12 лет, в то время как наибольшая частота порозного гиперостоза встречается у индивидов, умерших в возрасте 12—17 лет. Данные симптомы встречаются чаще у мужчин (22%), чем у женщин (15%). Несмотря на эти данные, присутствие большего процента мужчин по отношению к женщинам и подросткам обеих групп населения с наименее тяжелыми повреждениями от *cribra orbitalia* по-видимому указывает, что вероятность восстановления мужчин от железодефицитной анемии была выше. У 9% черепов скифского периода, причем в заметно большем отношении у мужчин, чем у женщин, обнаружен порозный гиперостоз. У женщин и подростков серьезные повреждения встречались чаще, чем у мужчин.

Для интерпретации случаев *cribra orbitalia* и порозного гиперостоза необходимы данные по изменению экологической ситуации, археологическая реконструкция рациона питания (для определения потенциальных и практически используемых пищевых ресурсов) и детальный палеодемографический анализ повреждений, так как все эти факторы влияют на интерпретацию этиологии железодефицитной анемии в изучаемой группе населения (Huss-Ashmore *et al* 1982: 417). Высказывались предположения, что в развитии *cribra orbitalia* и порозного гиперостоза играет роль рацион питания. Ряд продуктов, в том числе, красное мясо, птица и моллюски содержат гемообразующее железо, легко усваиваемое кишечником (Mensforth *et al* 1978: 17). Растения, как правило, содержат негемное железо, которое усваивается труднее. Кроме того, некоторые вещества, называемые фитатами и содержащиеся в орехах (например миндалях и грецком орехе), зерновых (например в маисе, рисе, необдирной пшеничной муке) и овощах (например горохе), замедляют усвоение железа (Larsen 1997: 10). Вследствие этого, переход от охоты и собирательства к земледелию мог привести к недостатку железа в питании древнего населения, потреблявшего все больше растительной пищи. Гудман и др. (Goodman *et al* 1984, 289), например, обнаружили что частота *cribra orbitalia* и порозного гиперостоза на поселении Диксон Маунтс, шт. Иллинойс, возросла с 13,6% у популяции охотников-собирателей до 32,2% у группы, занятой малоинтенсивным земледелием, и достигла 51,5% у населения с высокоинтенсив-

ным земледелием. Такую тенденцию объясняют последствиями выросшей зависимости рациона от выращивания маиса, так как маис является продуктом с высоким содержанием фитатов.

Данные археологии, этнографии и истории свидетельствуют, что как скифское, так и гунно-сарматское население Тувы являлись преимущественно скотоводами. Продукты, получаемые от земледелия, охоты и собирательства, по-видимому играли вспомогательную роль в рационе питания по сравнению с мясомолочными продуктами скотоводческого хозяйства. Таким образом, поскольку продукция земледелия, как предполагается, не играла важной роли в рационе питания обеих популяций, маловероятно, что дефицит железа мог быть вызван повышенной зависимостью от зерновых продуктов. Кроме того, питание включало настолько значительное количество мяса, что можно исключить существование недостатка железа в пище.

Другие исследования показали, что железодефицитная анемия может быть связана не только с диетой. Имеются предположения, что за развитие данного синдрома может отвечать целый ряд этиологических факторов, в том числе потеря крови (при избыточных кровотечениях или заражениях паразитами), недостаточное питание в периоды повышенной потребности, недостаточное усваивание железа (диарея) или пищевые дефициты (Robinson 1972, *цит. по* Stuart-Macadam 1989: 212—213). В действительности, дефицит железа из-за недостаточного питания при здоровом во всех прочих отношениях организме достаточно редок (Stuart-Macadam 1989: 213). Следовательно, при определении этиологии железодефицитной анемии для археологической популяции нужно рассматривать другие факторы.

Подтверждением данной теории могут служить результаты исследований либбеновского населения поздневудлендского периода Огайо. Здесь археологические остатки фауны и флоры свидетельствуют о том, что питание было богато протеинами и железом. Тем не менее, имеются явные признаки того, что население страдало от высокого уровня заболеваний *cribra orbitalia* и порозным гиперостозом. Основную часть рациона питания составляли рыба и млекопитающие. И те и другие — богаты биоактивным железом и содержат мало хелатирующих агентов, подавляющих резорбцию пищевого железа. Из этого был сделан вывод, что развитие анемии в популяции было вызвано не только рационом питания (Mensforth *et al* 1978: 47), но существовали и еще какие-то причины. Учитывая наличие детей с реактивными повреждениями надкостницы, *cribra orbitalia* и/или порозным гиперостозом было выдвинуто предположение, что основным этио-

логическим компонентом физиологического стресса, воздействовавшего на данных индивидов являлись инфекционные процессы. Кроме того, было предположено, что причинными факторами данного синдрома могли послужить также сниженное усвоение железа вследствие диареи отнимаемых от груди детей и пищевое истощение, связанное с быстрым детским ростом ((Mensforth *et al* 1978: 46). Если, однако, обратиться к населению Аймырлыга, мы обнаружим, что у популяции скифского периода не выявлено высоких уровней инфекционных повреждений, причем инфекционные повреждения особенно редки у младенцев и маленьких детей. Таким образом, маловероятно, что инфекционные процессы играли значительную роль в появлении железодефицитной анемии на Аймырлыге.

Эпидемиологические исследования показали, что длительное кормление молоком и диеты для отучения от груди, основанные на маисе или зерновых кашах, обычно связаны с повышенной частотой анемии у детей. Это происходит, во всяком случае частично, от высокого содержания в молоке и зерновых фосфора, замедляющего усвоение пищевого железа (Mensforth *et al* 1978: 18). В полукочевой экономике с усиленным использованием продуктов животноводства, молоко должно было по-видимому составлять большую часть рациона детей, после их отнимания от материнской груди. Маленькие дети в первые несколько лет жизни особенно восприимчивы к стресс-факторам окружающей среды, так как на этой стадии жизни они переживают период необычайно быстрого роста, что приводит к усиленной потребности в питательных веществах (Stuart-Macadam 1989: 219). Если рацион детей на Аймырлыге был насыщен животным молоком, то усвоение пищевого железа могло замедляться, что приводило к развитию у них железодефицитной анемии. Повышенная частота *cribra orbitalia* и порозного гиперостоза у мужчин по сравнению с женщинами возможно отражает тот факт, что мальчики, по сравнению с девочками имеют при рождении меньшие питательные резервы и повышенную потребность в калориях (Huss-Ashmore *et al* 1982: 446).

Хенген (Hengen 1971: 67—70) предположил, что в развитии железодефицитной анемии также важную роль играют гигиеническая практика и заражение паразитами. Он констатировал, что «изменение гигиенических условий и уровня распространенности железодефицитных анемий в древности без сомнения сильно зависело от колебаний климата, различий в бытовых привычках, добывания и приготовления пищи, типов жилищ, содержания домашних животных, способов удаления экскрементов и т.д.».

Рацион питания не должен был быть основной причиной возникновения железодефицитной анемии, так как основной пищей полукочевников было мясо. Однако вполне возможно, что у маленьких детей, получавших много молочной пищи, могло ухудшаться усвоение железа. Нельзя исключать и другие возможные этиологические факторы, например диарею у отлучаемых от груди детей.

Гипоплазия зубной эмали. Похороненные на Аймырлыге были также обследованы на наличие еще одного важного признака физиологического стресса — гипоплазии зубной эмали. Гипопластические дефекты наблюдались у 13% индивидов с молочными зубами и у приблизительно 50—55% подростков с коренными зубами. В целом, у 29% взрослых и подростков с коренными зубами выявлена гипоплазия эмали. Большинство обследованных подверглись физиологическому стрессу в возрасте 2—4,5 лет. При изучении распределения частоты гипопластических дефектов по полам выявлено, что женщины были подвержены им несколько в большей степени, чем мужчины. Подростки, в целом, были более восприимчивы к многократному воздействию физиологических стрессов, чем взрослые. Индивиды, не имевшие признаков гипопластических повреждений, имели более высокую среднюю продолжительность жизни, чем лица, один раз подвергавшиеся стрессу. Более того, у последней группы продолжительность жизни была более высокой, чем у индивидов, подвергнувшихся стрессу неоднократно. Таким образом, лица, неоднократно подвергшиеся стрессу в детстве, имели меньшую среднюю продолжительность жизни. Такая картина, как было предположено, объясняется тремя причинами. Во-первых, индивиды, подвергшиеся физиологическому стрессу в детстве, очевидно были более подвержены болезням и во взрослом возрасте. Во-вторых, у подвергшихся физиологическому стрессу в детстве, возможно имелись вследствие этого «биологические повреждения». В третьих, как стресс-факторы в детском возрасте, так и пониженная средняя продолжительность жизни могли быть связаны с плохими социальными условиями (Goodman 1991: 283).

За развитие гипоплазии эмали отвечает широкий ряд этиологических факторов. Эти факторы можно подразделить на две обширные группы: те, что вызываются недостатком питания (например дефицит кальция или недостаток протеинов и углеводов), и те, что являются следствием перенесенных в детстве болезней, например кори (Hillson 1986: 131). Как это уже отмечалось для случая *cribra orbitalia* и порозного гиперостоза, исследованиями показано, что частота возникновения гипоплазии эмали увеличивается при экономическом переходе от охоты и собирательства к земледелию.

При изучении перехода от охоты и собирательства к земледельческому хозяйству в долине р. Огайо отмечалось возрастание частоты гипопластических дефектов от приблизительно 20% у охотников-собирателей и населения с низкой интенсивностью земледелия до 60,3% у населения с высоким уровнем земледелия (Perzigian *et al* 1984: 354). Вообще, в пятнадцати (79%) из девятнадцати работ, посвященных изменениям здоровья, связанным с возникновением земледелия в различных регионах, сообщается об увеличении частоты случаев гипоплазии эмали в костных остатках при данном переходе (Goodman 1991: 280).

Как было отмечено выше, население Аймырлыга являлось полукочевыми животноводами и, соответственно, питалось в основном пищей животного происхождения, а продукты земледелия играли вспомогательную роль. Поэтому гипоплазия эмали вряд ли была вызвана недостатками рациона, так как продукты животноводства богаты протеинами и железом. В ряде исследований, однако, отмечалось, что причиной пиковой частоты гипопластических повреждений у 2—4-летних детей может являться стресс отлучения от груди, так как при этом часто происходит переход к недостаточно питательному рациону. Еще более тяжелые последствия это может иметь, когда питание населения и так находится на грани достаточного (Blakely *et al* 1994: 373). Исследованиями гипопластических дефектов у современного населения Чикаго выявлено, что две третьих всех случаев гипоплазии приходятся на первый год жизни. В археологических популяциях распределение несколько отличается — большая часть повреждений приходится на группы с возрастом 2,5—4 года. Такое смещение пика образования дефектов интерпретируется как показатель возрастания инфекционных и пищевых стрессов в период после отнимания от груди (Huss-Ashmore *et al* 1982: 447—448). Связь между гипоплазией и отлучением от груди основана на общей для широкого ряда археологических популяций модели, в которой принимается, что отлучение детей от груди происходит в возрасте между двумя и четырьмя годами (Blakely *et al* 1994: 373). Исследования группы афро-американских рабов XIX в. поставили данную теорию под сомнение. В данной популяции женщины были вынуждены отнимать ребенка от груди в возрасте между 9 месяцами и 1 годом жизни (Blakely *et al* 1994), но пик частот гипопластических дефектов в среднем приходился на возраст 2—4 года, что противоречит предположению о том, что пиковые частоты гипоплазии эмали связаны с отлучением от груди (Blakely *et al* 1994: 377). Поэтому было предложено другое объяснение пика частот гипопластических повреждений, предполагающее воздейст-

вие нарушений в окружающей среде на состояние зубной эмали у детей (Lewis and Roberts 1997: 582).

Болезнь суставов. Дегенеративная болезнь суставов (ДБС) позвоночника и экстраспинальных суставов в рассматриваемой популяции была распространена. Дегенеративная болезнь суставов имеет многофакторную этиологию, которая включает наследственные факторы, эндокринные агенты, возраст, пол и функциональный стресс (Jurmain 1980: 143). Из экстраспинальных наиболее частые случаи ДБС с частотой 3,7% (19/517) выявлены для плечевого сустава. Семьдесят шесть процентов страдавших ДБС были мужчины, соответственно 24% — женщины.

При исследованиях дегенеративной болезни суставов аппендикулярного скелета у современных людей по материалам коллекции Терри Смитсоновского института в Вашингтоне и у коренных американцев Пуэбло и Аляски по археологическим материалам было обнаружено, что дегенеративная болезнь несомненно связана с возрастом (Jurmain 1980: 144). Повидимому то же самое имело место и на Аймырлыге. Большинство как мужчин, так и женщин с дегенеративными изменениями экстраспинальных суставов умерли в возрасте свыше тридцати пяти лет. Для возраста смерти менее тридцати пяти лет для мужчин наблюдаются более высокие частоты, чем для женщин, что указывает на то, что мужчины были повидимому более подвержены развитию дегенеративных изменений вследствие профессиональных стрессов.

Хотя в плечевой области выявлена наибольшая частота ДБС (3,7%), значительные частоты заболеваний наблюдались также в области тазового пояса и нижних конечностей: крестцовоподвздошный сустав (2,6%), колено (2,1%) и бедро (2%). Прочие суставы верхних конечностей были почти не затронуты — повреждения ДБС выявлены лишь у 0,6% локтевых суставов и ни у одного из кистевых. Современными клиническими исследованиями устойчиво показано, что нижние конечности поражаются ДБС чаще, чем верхние (Jurmain 1980: 148). В археологических популяциях обычно наблюдается обратная картина, что вероятно указывает на то, что у этих индивидов верхние конечности подвергались более сильным функциональным стрессам, чем нижние (Jurmain 1980). Например, при исследовании группы населения из Лондона XIV в. было обнаружено, что плечо (32,7%) было затронуто ДБС чаще, чем колено 4,1%) или бедро (3,1%) (Waldron 1992: 236).

Считается, что дегенеративные изменения в плечевой и бедренном суставах непосредственно связаны с возрастом, чем более открытые локтевой и коленный суставы, которые

сильнее должны испытывать воздействие функционального стресса (Jurmain 1980: 144). Соответственно, дегенеративные изменения, выявленные в плечах и бедрах, были в большинстве случаев связаны с возрастом, тогда как обнаруженные в коленях чаще являлись функциональными. Из этого можно предположить, что нижние конечности были несколько более восприимчивы к функциональному стрессу, чем верхние. Другие случаи экстраспинальных дегенеративных изменений включают болезнь плечевого сустава и увеличенные коленные грани.

Наибольшие частоты ДБС выявлены в позвоночнике. Важным фактором, вызывающим ДБС и остеофитоз позвоночного столба, часто считается функциональный стресс. Однако, выделить специфические зависимости между физической активностью и дегенеративными изменениями, проявляющимися в позвоночных суставах, чрезвычайно трудно (Lovell 1994: 150). Чаще всего дегенеративные изменения затрагивают поясничные позвонки, затем по частоте следуют грудные позвонки, в то время как шейные позвонки в наименьшей степени подвержены этим изменениям. Следует однако заметить, что в шейных позвонках чаще всего проявляется эбурнеация.

Шморль и Юнгханнс (Schmorl and Jung-hanns 1971: 187) сообщали о ряде исследований, показавших, что вертебральный остеофитоз связан с профессиональной деятельностью. В одном из этих исследований был обнаружен низкий уровень вертебральных остеофитозов у лиц, не занимавшихся тяжелым ручным трудом, в то время как у шахтеров этот уровень был значительно выше. В современных исследованиях, посвященных выявлению взаимосвязи между профессиональной деятельностью и ДБС, показано, что дегенеративные изменения наиболее часто имеют место в поясничных позвонках шахтеров и других работников, занятых тяжелым ручным трудом. Наиболее часто и тяжело поражается, как было установлено, позвоночное тело третьего поясничного позвонка (Lawrence 1955, *цит. по* Lovell 1994: 160). Большинство похороненных на Аймырлыге, имевшие дегенеративные изменения позвоночника, умерли в возрасте менее 35 лет. Так как заболевали преимущественно молодые, то наиболее вероятно, что дегенеративные изменения были больше связаны с родом занятий, чем с возрастом. У мужчин и женщин дегенеративные изменения выявлены в приблизительно одинаковых соотношениях, что указывает на примерно равную занятость мужчин и женщин тяжелым ручным трудом, вызывающим стрессы в позвоночнике, в частности в его нижней части.

Еще одним признаком стресса и напряжения в позвоночном столбе является существо-

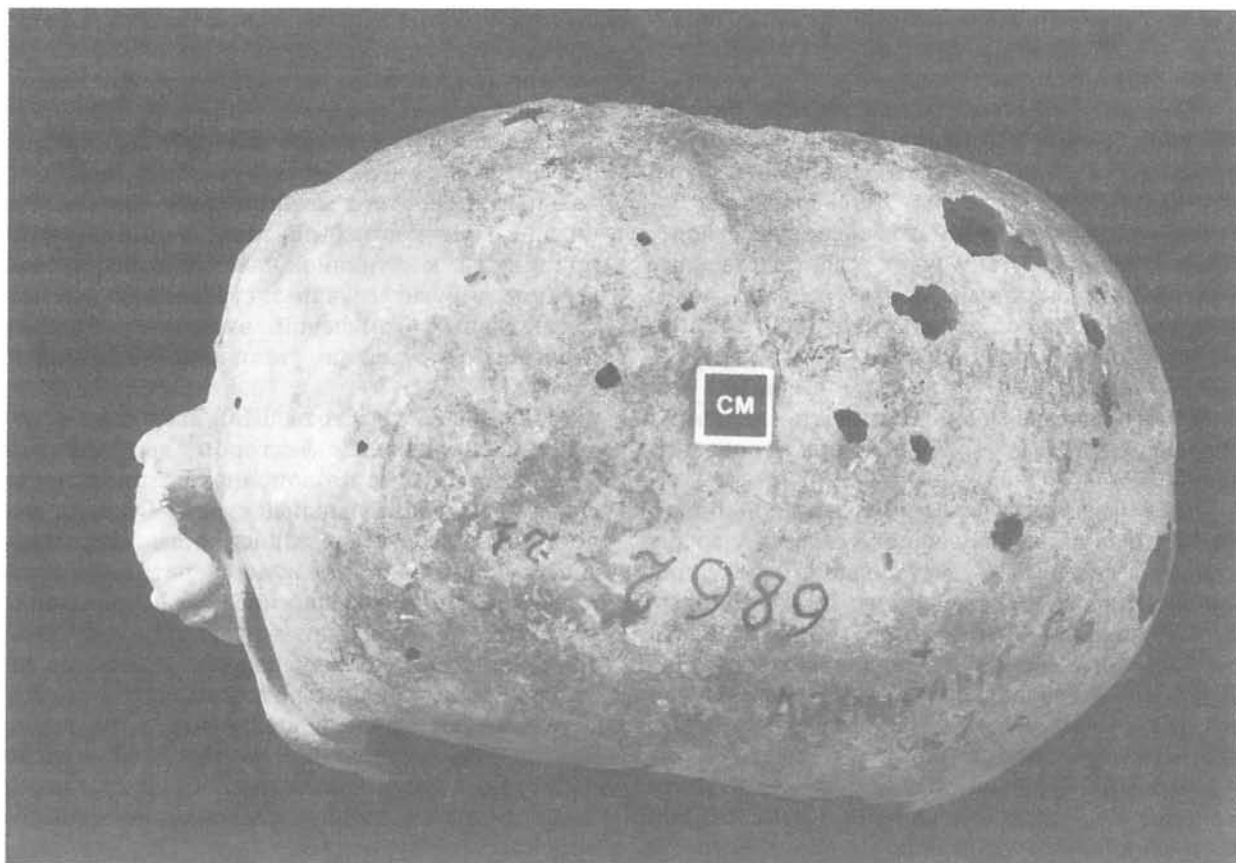

Рис. 3 Верхняя поверхность черепа скелета Г.6.Ск.1 с перфорациями, возможно указывающими на метастазирующую карциному.

Fig. 3 Superior surface of the cranium of Skeleton G. 6. Sk. 1 with perforations which may be indicative of metastatic carcinoma.

вание на позвоночных телах узлов Шморля. Узлы Шморля появляются вследствие интервертебрального остеофитоза, при котором *nucleus pulposus* и хрящевые диски позвонков дегенерируют одновременно. Этот процесс может развиваться в результате старения, вследствие каких-то первичных заболеваний, либо возникать из-за травмы (Resnick, Niwayama 1995: 1421). Узлы Шморля выявлены с частотой 17,8%, причем наиболее часто поражались поясничные позвонки. Большинство лиц с узлами Шморля умерли в возрасте до 35 лет, из чего можно предположить, что эти повреждения связаны больше с травмами, чем с процессом старения, и указывают на занятия тяжелым ручным трудом, вызывавшим стресс в нижней части позвоночника. У мужчин выявлена более высокая частота (60%) узлов Шморля, чем у женщин, что возможно указывает на несколько большую занятость тяжелым ручным трудом мужчин по сравнению с женщинами.

Опухолевые заболевания. Опухоль или неоплазму можно определить как прогрессирующее и неконтролируемое развитие новообразования тканей (Roberts and Manchester 1995: 186). «Доброкачественная» опухоль состоит из хорошо дифференцируемой ткани, которая ос-

тается локализованной. Если же, однако, в росте участвуют плохо дифференцируемые ткани и он происходит неконтролируемым образом, то опухоль может распространяться в организме — «злокачественная» неоплазма (Ortner, Putschar 1981: 365). В рассматриваемой популяции опухолевые повреждения встречаются нечасто. Большую часть неопластических повреждений составляли доброкачественные остеоомы типа «слоновая кость», которые выражаются в выступающей наружу опухоли из аномально плотной, но здоровой во всех других отношениях, кости, которая развивается в область надкостницы. Такие повреждения зарегистрированы с частотой 2% (8/473).

У одного мужчины пожилого возраста выявлены признаки злокачественной неоплазмы — метастазирующей карциномы (рис. 3). Поскольку повреждения носили остеолитический характер, возможно, что первоначально карцинома возникла скорее не в простате (Waldron 1987: 14), а в почке, легком или щитовидной железе (Resnick and Niwayama 1995a: 3997). Как первичные, так и вторичные злокачественные неоплазмы кости являются редкостью в палеопатологии (Ortner and Putschar

1981: 365). Вторичные злокачественные новообразования, как правило, возникают у лиц наиболее старших возрастных групп, и, вследствие низкой средней продолжительности жизни, у представителей археологических популяций эти неоплазмы в них встречаются редко (Ortner and Putschar 1981: 366).

Примечательно, что у жителей Аймырлыга скифского периода не встречено случаев первичных злокачественных неоплазм. Первичные злокачественные опухоли у молодых людей являются наиболее опасными для жизни человека (Roberts and Manchester 1995: 189). Соответственно, можно было бы ожидать одинаковую распространенность этих опухолей у археологических популяций и у современного населения. Высказывались предположения, что увеличение случаев развития новообразований в современном мире связано с факторами окружающей среды, в том числе загрязнением, влиянием радиации, а также курением (Roberts and Manchester 1995: 195). Поскольку обитатели тувинских степей в скифский период вряд ли могли подвергаться этим воздействиям в той же мере, что и современные люди, не удивительно, что первичные злокачественные повреждения не обнаружены у молодых членов скифской популяции.

Травмы. Зарегистрирован широкий спектр травматических повреждений. Хотя конкретные частоты каждого типа повреждений и затронутых ими костей были как правило низки, суммарные уровни травм свидетельствуют об активном и воинственном образе жизни этих людей. Переломы встречены для 0,9% всех длинных костей у взрослых (15/1710), причем наиболее часто для локтевых костей. За исключением дубиночных переломов локтевых костей и повреждений пятых костей пясти (вероятно при кулачном бое) большинство переломов аппендикулярного скелета носили характер полученных при различных несчастных случаях, в частности при падении. Другим примером тяжелых ушибов, полученных при падении, является мужской костьяк скифского периода со смещением гленогумерального сустава и рядом переломов аппендикулярного скелета. Большинство индивидов, имевших переломы аппендикулярного скелета были мужчины (69%), что свидетельствует о том, что деятельность мужчин, в отличие от большинства женщин, была более подвержена несчастным случаям, особенно падению.

Данное открытие особенно интересно в свете описаний мужских и женских занятий в скифском обществе, приведенных у Геродота и Псевдо-Гиппократата. Известно, что население Тувы скифского периода было полукочевым и его передвижение по степям сильно зависело от лошадей и волов. Псевдо-Гиппократ сообщает, что во время сезонных миграций женщи-

ны оставались в повозках, запряженных волами, а мужчины верхом на лошадях перемещались впереди своих стад (Chadwick and Mann 1978: 163). Рассказ об амазонках, содержащийся в том же тексте, также указывает на существовавшую дифференциацию между мужчинами и женщинами, так как занятия амазонок включали езду верхом, чего не делали скифские женщины (Chadwick and Mann 1978: 162—163). Геродот утверждал, что скифские женщины «оставались дома в своих повозках, занятые своими женскими делами» (Sélincourt and Burn 1972: 307—308). Вполне вероятно, что мужчины ездили верхом больше, чем женщины. Современные исследования показали, что большинство травм, полученных при верховой езде, вызваны падением (Williams 1988: 140). Однако трудно сказать, являлись ли падения в древности следствием верховой езды или результатом каких-то других несчастных случаев. Те не менее, если учесть полукочевой образ жизни обеих популяций, верховой ездой можно объяснить по крайней мере часть повреждений, выявленных в останках этих индивидов. Хотя переломы аппендикулярного скелета выявлены у женщин в меньших пропорциях, чем у мужчин, тем не менее можно утверждать, что наличие нескольких женских скелетов с признаками травм от падения указывает, что не только мужчины занимались деятельностью, связанной с травматизмом.

Другие травматические повреждения, свидетельствующие об активном в физическом отношении образе жизни населения, включают случаи спондилолиза, переломы «копальщиц глины», оссифицированные гематомы, оссифицирующий травматический миозит, энтезофиты и рассекающий остеохондрит. Большинство этих повреждений встречены с крайне малыми частотами, хотя спондилолиз имел место в 13% случаев и поражал женщин в большей мере, чем мужчин. К спондилолизу может приводить генетическая предрасположенность, однако считается, что он также может являться результатом неоднократных стрессов и напряжений в спинной части. Спондилолиз обнаружен почти у 50% эскимосов настоящего времени и недавнего прошлого, что объясняют их трудным и физически тяжелым существованием (Merbs and Wilson 1960: 160). Наличие более высокой частоты спондилолиза у женщин возможно указывает на то, что несмотря на утверждения исторических источников относительно занятий скифских женщин, последние вовсе не проводили все свое время сидя в повозках, а также занимались тяжелым физическим трудом.

Наблюдались также переломы, которые могли быть результатом физического насилия. Вдавленные переломы черепного свода присутствуют у 1,7% (8/473) черепов. Двадцать четы-

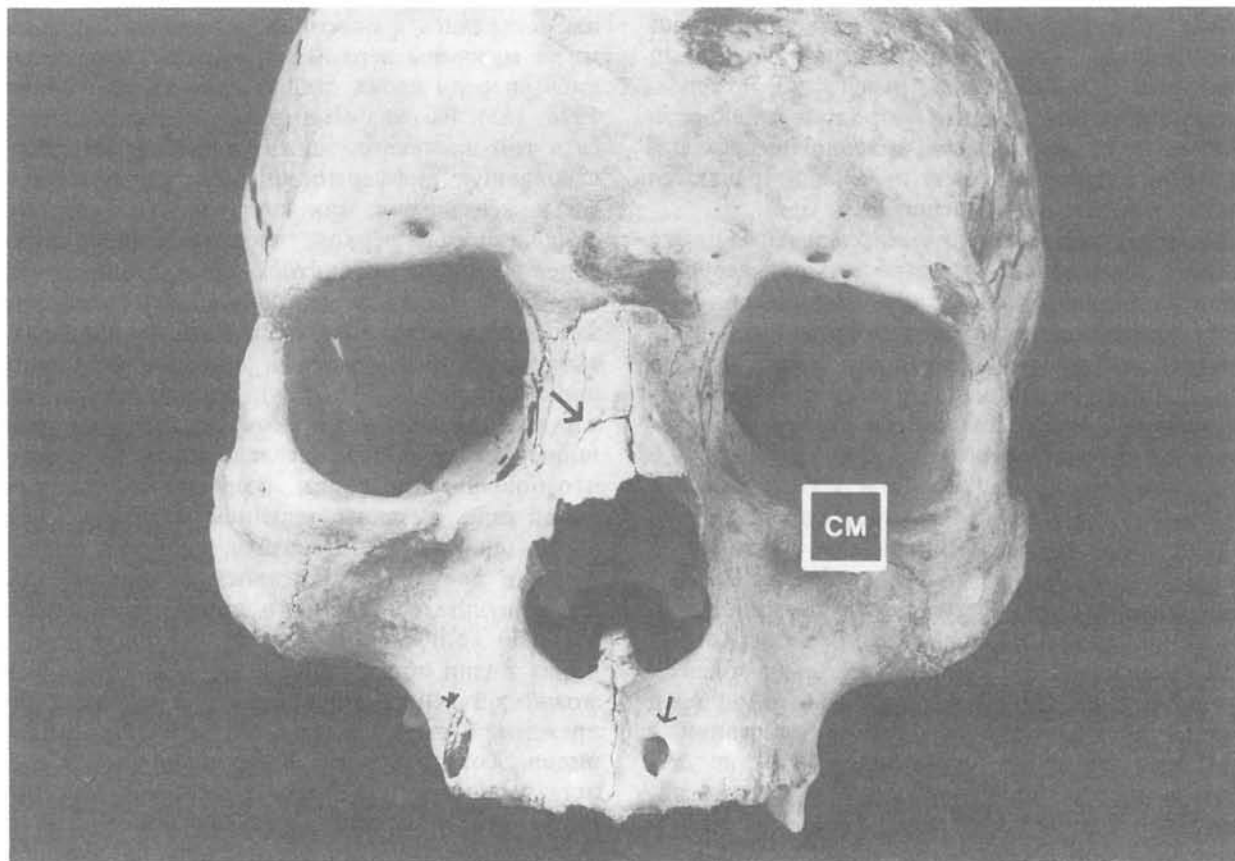

Рис. 4 Правая носовая кость скелета VIII.10 (ii) с признаками перелома. Обр. вним. на присутствие двух дентальных абсцессов.

Fig. 4 Fractured right nasal bone in Skeleton VIII.10 (ii). Note the presence of two dental abscesses.

ре процента данных индивидов были женщины, 38% — мужчины, а 38% индивидов с вдавленными переломами были подростки. Большая часть переломов встречена на левой стороне лобных и теменных костей, что имеет важное значение, так как голова часто является главной мишенью в единоборствах и межгрупповых схватках (Roberts and Manchester 1995: 79). Левая лобно-теменная область черепа является обычным местом поражения в рукопашном бою, если противник — правша (Wakely 1997: 26). Таким образом, вполне возможно, что большинство вдавленных переломов были нанесены намеренно, по-видимому тупыми орудиями. Также наблюдался ряд переломов лицевой области и нижней челюсти. Перелом носовых костей являлся наиболее частым из лицевых переломов и имел место с частотой 3,4% (23/675) (рис. 4). Сломанные носовые кости выявлены больше у мужчин, чем у женщин.

Распространенность проломов черепа, дубиночных переломов локтевой кости и полученных в кулачном бою переломов 5-х пястных костей — все это свидетельствует о наличии индивидуальных и межгрупповых конфликтов среди населения скифского периода. В большинстве случаев такие повреж-

дения обнаружены у взрослых мужчин, но травмы от межличностных конфликтов не ограничивались последними и были выявлены также у части подростков и взрослых женщин. Например, у одной женщины скифского периода обнаружены множественные переломы, в том числе дубиночный перелом левой локтевой кости, перелом костей правой пясти и сломанное ребро, по всей видимости — травмы, полученные при жестокой ссоре.

Исследования других археологических популяций показывают, что в общем случае распространенность переломов в этих группах значительно ниже чем у современного населения. Высказывалось предположение, что причиной таких высоких уровней распространения переломов являются технологические новшества современного мира, в частности развитие моторного транспорта (Roberts and Manchester 1995: 75). При обследовании скелетных остатков греческого и турецкого населения за период от VII тысячелетия до н. э. до II в. н. э. получены данные по распространенности переломов (Angel 1974). Для всех периодов выявлено более высокие частоты переломов у мужчин, чем у женщин, причем общая распространенность переломов варьирует от

Рис. 5 Повреждения от чекана на левой париетальной кости скелета Б.8. Ск.1.

Fig. 5 Pointed battle axe (chekan) injuries in the left parietal of Skeleton B. 8. Sk. 1.

1% до 3,6% (Angel 1974: 19). Дубиночные переломы локтевой кости обычны для всех периодов, а переломы носовых костей присутствуют у 0,2% женщин и 5,6% мужчин (Angel 1974: 11, 15). Обследование шести средневековых памятников в Британии показало распространенность переломов в диапазоне от 0,3% до 6,1%. Частота 6,1%, полученная на одной из этих выборок, заметно превышает оценки других исследований, поэтому предположено, что такой результат является следствием малой величины выборки (Roberts and Manchester 1995: 75). Частоты переломов, выявленные для населения Аймырлыга, таким образом, хорошо укладываются в ожидаемый для археологической популяции диапазон.

Травмы от оружия. Другим свидетельством проявлений межличностного и межгруппового насилия является широкий ряд травм, причиненных оружием. Большинство повреждений от оружия нанесено чеканами и такие повреждения на черепах встречены с частотой 2,5% (12/473) (рис. 5). Семьдесят пять процентов индивидов с травмами от боевого топорика были мужчины, 17% — подростки и 8% — женщины. Повреждения, нанесенные мечом, встречены в костных остатках скифского периода с общей частотой 0,1—0,8%.

Интересно, что у одного из мужских индивидов, найденных в кургане 2 на Пазырыке (Горный Алтай), выявлено по крайней мере два повреждения черепа чеканом (Rudenko 1970: 219). Более того, семь лошадей, найденные в том же кургане, были убиты единственным ударом чекана в верхнюю часть черепа (Jettmar 1951: 175). Остатки лошадей, убитых одним ударом чекана, были также найдены в 1993 г. при раскопках погребений пазырыкской культуры на плато Укок в Южной Сибири (Polosmak 1994: 97), причем эти памятники, по-видимому, оставлены племенами, которые были соседями и современниками скифской культуры Тувы. Наличие травм от чекана у погребенных, принадлежавших двум разным культурам, свидетельствует о широком использовании чекана у племен скифского мира. Художественные изображения воинов и боевых сцен часто встречаются в скифском искусстве. Так, на одном из наиболее отчетливых изображений на бронзовом сосуде IV в. до н. э. из кургана № 3 могильника Частые Курганы недалеко от Воронежа изображен бородатый воин с чеканом.

Хотя в военных столкновениях участвовали в основном мужчины, но следы травм от оружия зафиксированы на женских и детских

костяках. Наличие травм от чекана у двух детей в возрасте менее десяти лет может свидетельствовать о том, что не все погребенные с травмами от оружия были убиты в битвах — они могли быть убиты при нападении врага на их лагерь или повозки. Ничто не подтверждает однако, что женщины и старшие подростки не могли намеренно участвовать в боевых столкновениях. Как археологические так и исторические источники свидетельствуют о существовании женщин-воительниц у этих полукочевых племен, а среди погребений зарегистрирован ряд определенно относящихся к таким воинам-женщинам (Melyukova 1990: 106). Рассказы о воительницах амазонках, приведенные в книге IV Истории Геродота, в текстах Псевдо-Гиппократата и у других античных авторов, очевидно имели какое-то зерно истины, поэтому они так часто повторяются, и не исключено, что у степных племен действительно существовали воины-женщины. Подтверждается это и существованием исторически реальных цариц-военачальниц, например скифской царицы Томирис и сакской царицы Заринеи. (Gera 1997: 6—9, 89).

Не представлялось возможным определить могилы воинов на основании изучения погребального инвентаря, связанного с каждым из погребенных, так как при ограблении скифских погребений оружие являлось основной целью грабителей (Мандельштам 1983: 28). Кроме того, у нас не было возможности ознакомиться с полевыми отчетами за несколько лет раскопок. Несмотря на невозможность изучения погребального инвентаря, относящегося к каждому конкретному погребению, суммарное рассмотрение оружия из погребений скифского периода позволяет получить некоторую информацию. Оружие, найденное в погребениях, включало бронзовые и железные кинжалы, бронзовые и железные чеканы, и бронзовые, костяные и деревянные наконечники стрел (Мандельштам 1983: 28). Таким образом, присутствие повреждений костных остатков, вызванных применением чеканов, не является неожиданным, но любопытно, что ни у одного из погребенных не было обнаружено травм от наконечников стрел. Однако это может объясняться тем, что наконечники стрел поражают больше мягкие ткани тела, чем кости, и следовательно повреждения не отражаются на костных остатках.

Скальпирование. У одного мужчины в возрасте 25—35 лет были обнаружены отчетливые признаки скальпирования. Хорошо выделялся ряд небольших острых порезов по периметру черепного свода (Murphy *et al* в печати). Скальпирование было достаточно распространено по всему миру и в самые разные периоды как способ добывания трофея, служившего показателем воинского успеха и храбрости. Од-

нако, имеются предположения, что данная практика могла иметь место и в терапевтических или магиго-религиозных целях (Owsley 1994: 337—338).

Геродот очень подробно обсуждает обычай скальпирования у племен скифского мира, и общепринято, что его описание является наиболее ранним историческим свидетельством этой практики (Reese 1940: 7). Головы побежденных врагов тщательно обрабатывали: кожу с нее сдирали, делая круговой надрез вокруг ушей, а череп вытряхивали наружу (Sélincourt and Burn 1972: 291). Далее Геродот рассказывает, как воин отскребал кожу от мягких тканей с помощью воловьего ребра, чистил и обрабатывал ее, пока она не делалась мягкой, после чего использовал ее на подобии платка. Такие платки вешались на уздечку лошади как символы боевой доблести воина (Sélincourt and Burn 1972: 291).

У мужчины со следами ударов боевого топорика из пазырыкского кургана 2 также обнаружены следы скальпирования. Кожа выше лба, по-видимому, была надрезана от уха до уха и затем вывернута наружу, обнажив череп до шеи (Rudenko 1970: 221). Это описание вполне совпадает со свидетельствами Геродота. Большая часть данных по скальпированию происходит из Нового Света (Roberts and Manchester 1996: 85), где изучен большой объем остеологических материалов. Полученные данные показывают, что скальпирование практиковалось в Америке еще с V—VI вв. н. э. (Owsley 1994: 337). Хотя мы и имеем ряд письменных свидетельств о скальпировании в античных источниках, единственными известными нам случаями палеопаталогической фиксации скальпирования в Старом Свете остаются аймырлыгские материалы скифского времени вместе с двумя гунно-сарматскими образцами с того же памятника и одним скифского времени из Пазырыка.

Обезглавливание и перерезание горла. У одного ребенка обнаружены возможные признаки обезглавливания с четкими следами задне-бокового перерубания нервных дуг третьего и четвертого шейных позвонков. Кроме того, порезы, замеченные на передней поверхности первого и (второго? *пер.*) шейных позвонков, возможно указывают, что перед обезглавливанием ребенку перерезали горло. Для объяснения находок обезглавленных останков в археологических контекстах выдвигались различные гипотезы. Как правило, считается, что эти лица обезглавливались в целях наказания, при человеческих жертвоприношениях и для получения головы побежденного врага в качестве боевого трофея (Bush and Stirland 1987).

Некоторую информацию о мотивах обезглавливания можно снова найти в исторических источниках. Геродот сообщает, что соглас-

но скифскому обычаю, царю приносили головы всех убитых в битве врагов. Воин получал свою долю военной добычи только по предъявлении царю отрубленной головы. Кроме того, верхнюю часть черепа своих злейших врагов скифы покрывали сыромятной кожей, а в некоторых случаях золотили внутречерепную поверхность и использовали черепа в качестве сосудов для питья. С черепами враждующих сородичей по-видимому поступали таким же образом (Sélincourt and Burn 1972: 291). Художественное изображение обезглавливания в скифском искусстве можно найти на рельефной цилиндрической бляхе, которая когда-то, вероятно, украшала навершие головного убора, и была найдена в Курджипском кургане в Кубанской области. На этой пластине IV в. до н. э., по-видимому, изображен воин, передающий отрезанную голову царю (Rolle 1989: 82). Поскольку обсуждаемый здесь индивид был ребенком, то следует искать другое объяснение его обезглавливанию и перерезанию горла. Геродот сообщает, что скифы поклонялись богу Аресу на квадратной площадке, устроенной на огромном нагромождении хвороста. На вершине этой груды воодружался старинный железный меч. Каждый год этому мечу, олицетворявшему бога, приносились в жертву военные пленники, лошади и скот. Человеческим жертвам перерезали горло (Sélincourt and Burn 1972: 290—291). Свидетельства о перерезании горла при отправлении скифского культа меча, дают основания полагать, что ребенок был принесен в жертву во время ритуала, связанного с этим культом.

Хирургия. У двух умерших (одной женщины и одного подростка) имелись следы трепанации. В случае с женщиной операция, по-видимому, была произведена *ante-mortem* и вокруг области вскрытия на черепе имелись признаки заживления. Морфология перфорации показывает, что операция производилась методом скобления. Что касается подростка, его по-видимому оперировали после смерти. На темени можно было видеть овальное отверстие с гладкими глянцевыми краями и по всей поверхности черепного свода наблюдались мелкие следы скобления.

Лисовски (Lisowski 1976: 659) выдвигает три возможных объяснения мотивов трепанации в древности. Она могла производиться с действительно терапевтическими целями (например для облегчения болей при травмах головы), для избавления человека от злых духов (вероятно при головных болях и эпилепсии) и при магических ритуалах. Не исключено, что трепанация, обнаруженная у женщины, преследовала одну из этих целей.

При рассмотрении характера второй трепанации мы можем видеть некоторые отличия от

предыдущего случая. Отверстие от посмертной трепанации, обнаруженное на останках подростка, имело отполированные края, которые могут свидетельствовать о истирании (Owsley *et al* 1994: 368), а следы скобления располагались случайным образом по поверхности черепного свода и были довольно грубы морфологически. Это может указывать на то, что череп не скальпировался, так как при скальпировании надрезы обычно производятся методично и следуют изгибу черепа (Hamperl 1967: 630). Порезы, зафиксированные на черепе подростка, напоминали больше удаление мягких тканей, которое характеризуется избытком надрезов по всей голове, включая лицо, основание черепа и область скальпа (Olsen and Shipman 1994: 381).

Эти отличия могут означать, что три мотивационных фактора, указанные Лисовски, возможно не совсем подходят для данного случая. Этнографические исследования в Африке, показали, что распространенным мотивом для посмертной трепанации является получение медальонов из человеческого черепа. Эти медальоны обычно круглой формы и часто имеют отверстие и полируются таким образом, чтобы их можно было носить в ожерелье. Предполагается, что такие амулеты имеют религиозно-магические свойства и считаются амулетами или талисманами (Lisowski 1967: 659). Таким образом, наш индивид мог быть трепанирован после смерти с ритуальными целями для получения амулета из теменной кости. Поскольку отверстие на темени имело размеры лишь 18 мм на 8 мм, можно предположить, что амулет должен был быть довольно маленьким.

Еще одну теорию, объясняющую выемку округлых сегментов из черепа после смерти, можно найти в работе Гиллмана (Gillman 1876), который сообщает о серии искусственно перфорированных черепов с памятников Маунтбилдер в Мичигане (Северная Америка). Перфорация, как считается, во всех случаях была произведена после смерти и неизменно в самом вершине черепа. Отверстия, как правило, располагались на темени или рядом с ним, и были круглыми диаметром приблизительно 10—25 мм (Gillman 1876: 243—244). Гиллман (Gillman 1876: 238—239) приводит этнографические исследования даяков Борнео, в которых установлено, что в каждой деревне имелась центральная хижина, в которой жители держали головы мертвых пленников. Голова подвешивалась с помощью веревочки, проходящей через искусственное отверстие в верхней части черепа. Согласно описанию, отверстия в черепах из Мичигана, очень близко напоминали то, что обнаружено в черепе из Аймырлыга. Таким образом, возможно, что тот, кто проделал отверстие в черепе из Аймырлыга, сде-

лал это не для изготовления медальона из кости, а хотел подвесить череп.

У одного взрослого мужчины скифского периода выявлены предположительные признаки ампутации левого предплечья, которое по-видимому было ампутировано у дистального конца плечевой кости. Трохлея и головка плечевой кости отсутствовали и имела лишь верхняя часть медиального надмыщелка дистального конца плечевой кости. Кроме того, сам скелет был хорошей сохранности, но ни одной кости левого предплечья не было найдено. Как известно, ампутация конечностей производилась в древности по ряду причин. Иногда ампутация была добровольной и производилась с согласия человека, вероятно, в порядке хирургической помощи, но могла быть насильственной для наказания преступника или пленника (Ortner and Putschar 1981: 94). Кроме этого, ампутация могла происходить случайно — во время битвы в результате ранения лезвием (Mays 1996: 110) или в результате бытового несчастного случая (Roberts and Manchester 1995: 89).

При обсуждении скифского обычая приносить животных и пленников в жертву богу Аресу Геродот рассказывает о ритуале, при котором правые пясти и руки убитых пленников отсекали и подбрасывали вверх (Sélincourt and Burn 1972: 290—291). Возможно, у описываемого мужчины предплечье было намеренно отсечено при принесении ритуальной жертвы богу Аресу. Однако в погребении имелся погребальный инвентарь, в том числе четыре наконечника стрел и, наиболее вероятно, что данный человек потерял руку в сражении.

Болезнь зубов. Зубы человека являются богатым источником информации о методах приготовления пищи, рационе питания и характере потребления у археологических популяций (Powell 1985: 307). Большинство исследований палеопатологических повреждений зубов были посвящены обследованию популяционных групп либо охотников-собирателей, либо земледельческого населения. Вследствие этого анализ зубной палеопатологии скифского населения Аймырлыга, принадлежавшего к полукочевому скотоводческому типу хозяйства, имеет важное значение.

Уровень распространенности кариеса (6,5% зубов у взрослых) указывает, что население имело смешанный тип хозяйства, связанный с производством и потреблением определенного количества продуктов земледелия. Наличие значительного истирания (13,8% зубов у взрослых) может свидетельствовать о том, что рацион питания включал грубые крупяные компоненты, что пища требовала длительного и интенсивного пережевывания, либо что присутствовали оба этих фактора, приводящие к плохому состоянию зубов. Можно предпола-

гать, что случаи дентальных абсцессов (4,7% зубных позиций у взрослых) (рис. 4), периодонтальная болезнь (74% взрослого населения) и потеря зубов при жизни (9,1% зубных позиций у взрослых) были связаны с обширным изнашиванием зубов и кариесом. Широкая распространенность отложений зубного камня (77,4% зубов у взрослых) предполагает, что население, и особенно мужчины, слабо соблюдало гигиену ротовой полости.

Лукакс разработал дентально-патологические профили для хозяйства охотников-собирателей, переходных от охоты-собираательства к земледелию групп и земледельческих популяций (Lukacs 1989: 276). Исходя из этой системы у групп охотников-собирателей можно ожидать низкие уровни зубного кариеса, зубного камня и периодонтальной болезни и высокие уровни истирания. Полностью земледельческое население должно показывать высокие уровни зубного кариеса, зубного камня и периодонтальной болезни, но низкие уровни истирания зубов. Население со смешанной экономикой охотников-собирателей и земледельцев должно иметь средние показатели для всех характеристик. Однако палеопатологические повреждения зубов, выявленные для населения Аймырлыга, по-видимому, не достаточно хорошо вписываются в любую из этих схем. Высокие уровни зубного камня и истирания соответствуют данным, ожидаемым для охотников-собирателей, в то время как уровни кариеса можно рассматривать как средние, т.е. отвечающие значениям, ожидаемым для смешанной экономики. Кроме того, высокие частоты периодонтальных заболеваний могут быть отнесены к экономике развитого земледелия.

Данные относительно рациона питания скифского населения Аймырлыга получены также на основании археологических остатков пищи и инвентаря для ее приготовления, найденных в погребениях, из этнографических сообщений о питании и экономике тувинских племен XIX—начала XX вв. и кочевников-скотоводов по всему миру, а также из исторических источников. В антропологии считается общепринятым, что «кочевников в строгом смысле этого слова» не существует, так как продуктов скотоводства самих по себе недостаточно для поддержания жизни, и поэтому животноводам необходимо либо поддерживать определенный уровень земледелия, либо иметь хозяйственные связи с земледельческим населением (Hildinger 1997: 6). Высказывались предположения, что хозяйство тувинского населения скифского периода являлось формой полукочевое скотоводства, характеризуемого интенсивным скотоводством и вспомогательным земледелием (Khazanov 1984: 19). Антропологические исследования показывают, что

кочевое население, познакомившись с зерновыми, со временем принимает их в качестве основного продукта питания. В большинстве кочевых сообществ завтрак состоит из густой похлебки или каши, приготовленных из толченого зерна. Предполагается, что кочевники скифского мира также питались подобными кашами (Гаврилюк 1987: 27). Интересно, что в ряде скифских погребений Аймырлыга были найдены деревянные ложки, находившиеся в деревянных сосудах, что было интерпретировано как свидетельство употребления какой-то формы жидкой или кашеобразной пищи (Мандельштам 1983: 32). Археологические находки отпечатков зерна на керамических сосудах указывают, что к IV в. до н. э. по крайней мере некоторые скифские племена были знакомы с просом, пшеницей двузернянкой, покрытосеменным и голосеменным ячменем (Мандельштам 1983). Другими культурными растениями, известными в скифский период, по-видимому были рожь, зерновой овес, горох, чечевица, душистый горошек, бобы, кормовые бобы, рапс, лен и конопля (Rolle 1989: 110). Остатки проса и предполагаемых зернотерок найдены в ряде тувинских погребений скифского времени и считается, что население могло иногда заниматься земледелием или, что более вероятно, получать продукты земледелия путем обмена с соседними земледельческими племенами (Мандельштам 1992: 193).

Остатки животных костей, найденные в погребениях скифского времени, позволили оценить состав стада, показав присутствие в них овец, коз, лошадей и иногда крупного рогатого скота и собак (Маннай-Оол 1970: 91). Рацион питания тувинцев скифского времени, по-видимому, должен был следовать образцу, характерному для других кочевых скотоводческих народов, основанному в основном на молочных продуктах (Vainshtein 1980: 59). Этнографические исследования тувинских племен XIX и начала XX вв. показывают, что горно-степные племена содержали преимущественно мелкий рогатый скот, причем овцы составляли приблизительно половину всего имевшегося стада. Следующими по количеству шли лошади, затем крупный рогатый скот, и менее 1% численности стада составляли верблюды и яки (Vainshtein 1980: 54). Фаунистические остатки из погребений других тувинских горно-степных племен скифского периода показывают, что основным мясным скотом у этих групп были овцы и козы (Vainshtein 1980: 52). Остатки пищи из скифских погребений Тувы свидетельствуют, что овцы составляли большую часть стада, хотя также имелись козы, лошади и крупный рогатый скот (Мандельштам, Стамбульник 1992: 204). На Аймырлыге нередко находили бараньи лопатки в овальных блюдах —

по-видимому остатки плечевых кусков баранины (Мандельштам 1983: 32).

Второе место по экономической важности в Туве скифского времени очевидно занимала охота. Находки ожерелий из зубов марала, мускусного оленя и дикого кабана свидетельствуют об охоте на крупных животных. Однако остатки мехов и специфические формы наконечников стрел указывают, что охотились и на более мелких пушных зверей: соболя, горностаю, белку, зайца, лисицу и различных грызунов. В погребениях скифского времени также найдены рыбы позвонки, использовавшиеся в качестве бус и пуговиц, из чего следует, что в какой-то мере практиковалось и рыболовство (Мандельштам 1992: 193). Определенную роль в хозяйстве скифского населения играло по-видимому также собирание диких природных пищевых продуктов. В одном из курганов Казылганского могильника найден кожаный мешок, содержащий кедровые орешки, из чего видно, что собирание диких растительных продуктов практиковалось в это время (Маннай-Оол 1970: 93).

Исторические источники подтверждают мнение о полукочевом скотоводческом характере хозяйства населения скифского периода. Геродот сообщает, что питание скифов больше зависело от скотоводства, чем от земледелия (Sélincourt and Burn 1972: 286). Однако он же указывает, что не все скифские племена были скотоводами. Например, как каллипиды, обитавшие к западу от устья Борисфена (Днепра), так и их восточные соседи — ализоны, имели образ жизни, в целом похожий на скифский, однако они также сеяли зерно и выращивали лук, лук-порей, чечевицу и просо. Геродот предполагал, что часть скифов, занимавшихся земледелием, выращивали зерно на экспорт (Sélincourt and Burn 1972: 277). Согласно псевдо-гиппократовскому тексту скифы питались вареным мясом и пили кобылье молоко, из которого они также готовили сыр (Chadwick and Mann 1978: 163). Хотя кобылье молоко уступает по пищевой ценности молоку других домашних животных, оно идеально подходит для изготовления алкогольного напитка, называемого кумыс. Кобылье молоко относительно легко сбраживается, так как оно богато сахарами, бедно жирами и содержит микроорганизмы, запускающие ферментацию. Кумыс высококалориен, богат витаминами и, по общему мнению, имеет приятный вкус (Гаврилюк 1987: 29).

Таким образом, археологические, этнографические и исторические данные свидетельствуют о том, что скифское население Тувы было по преимуществу скотоводческим. Продукты питания, полученные от земледелия, охоты и собирательства играли вспомогательную роль в рационе по отношению к мясо-

лочной продукции животноводства. Результаты палеопатологического анализа зубов не обнаруживают строгого соответствия тенденциям, ожидаемым для охотничье-собирательской или земледельческой экономики, что, однако, и следовало ожидать, учитывая полукочевой скотоводческий характер экономики населения скифского периода. Но тип зубных патологий не соответствует в точности и тому, что должен был бы иметь место для скотоводческой группы. Исследования зубов у присахарских африканских скотоводческих племен, например масаи, показало, что эти скотоводческие группы были гораздо менее подвержены развитию повреждений зубов, чем представители соседних с ними земледельческих групп, и, что питание масаи богато кровью, мясом и молоком (Ogg and Gilkes 1931: 32). Большинство видов мяса практически не содержат углеводов (Министерство сельского хозяйства, рыболовства и пищевой промышленности 1976, *цит. по* Hillson 1979: 156). Уровни кариеса, выявленные для группы скифского периода, могут вероятно объясняться дополнительным использованием продуктов земледелия.

Наличие признаков обширного истирания зубов дает основания считать, что либо питание включало грубые крупяные компоненты, либо потребляемая пища требовала длительного и интенсивного пережевывания, либо к ухудшению состояния зубов приводили оба этих фактора. Такие данные полностью соответствуют полукожевому образу жизни, при котором должно потребляться большое количество мяса, так как мясо часто могло быть жестким и требовать интенсивного пережевывания. Немаловажно также, что высоким уровням истирания сопутствуют средние уровни распространения кариеса. Если бы продукты питания не приводили к такому обширному истиранию, частоты появления кариеса вероятно были бы выше.

Признаки перезахоронивания. На останках двадцати девяти погребенных выявлены по смертные порезы, которые возможно были произведены при удалении плоти и расчленении трупов (Murphy 2000a; Murphy and Malloy 2000). Следы удаления плоти обычно представлены либо тонкими, короткими надрезами, либо присутствием более широких следов скобления костной поверхности. Признаки расчленения включают тонкие порезы в области суставных поверхностей костей или рядом с ней. Такие порезы указывают на использование острых орудий для рассечения кожи, сухожилий и связок в суставе, что необходимо для разрезки тела на мелкие сегменты (Olsen and Shipman 1994: 380—381).

Большая часть надрезов свидетельствовала о расчленении. Целью расчленения, по-види-

мому, являлось отделение нижних конечностей от туловища и отделения нижних частей ног от верхних. Кроме того, верхние части рук были отделены от туловища, а предплечья были отделены от верхних костей рук. Хотя и в редких случаях, зафиксированы также признаки удаления мягких тканей с трупов скифского времени, причем наиболее частые следы надрезов для удаления мягких тканей наблюдались на бедренных костях, костях тазового пояса и лопатках. По-видимому эти надрезы были связаны с удалением крупной бедренной и плечевой мускулатуры, а надрезы в области таза были произведены при удалении внутренних и брюшной мускулатуры. Указанные надрезы встречены чаще у мужчин, чем у женщин.

Обработка и мумификация мертвых, по-видимому, были широко распространены в южносибирском регионе в доисторическую эпоху. Мумифицированные тела находились в погребениях пазырыкской культуры Горного Алтая (Rudenko 1970).

Погребальная обработка мертвых на Аймырлыге по-видимому имела большее сходство с практикой, принятой в тагарской культуре, чем с наблюдаемой в алтайских царских погребениях. Мандельштам (Мандельштам 1983: 27; 1992: 181) зафиксировал присутствие во многих погребениях компактных скоплений костей, уложенных в приблизительно анатомическом порядке. Он считал их захоронением полуразложившихся трупов или тел с отделенными мягкими тканями, и установил, что в некоторых случаях с этими трупами были связаны находки кожаных или матерчатых мешков. Он предположил, что захоронение частично разложившихся трупов возможно было вызвано смертью этих лиц зимой, когда из-за промерзлого грунта было невозможно добраться до подземных погребений. По мнению Руденко (Rudenko 1970: 28) похороны в пазырыкских курганах производились в определенное время года. Он также считал, что похоронить умерших зимой или ранней весной было бы крайне сложно, так как грунт промерзал на значительную глубину. Кроме того, некоторые находки из Пазырыка также подтверждают, что похороны производились ранним летом или осенью.

Если гипотеза Руденко (Rudenko 1970) о сезонных погребениях применима к аймырлыгскому могильнику, то похороны вероятно производились осенью незадолго до замерзания грунта либо весной сразу после его отмерзания. Тела умерших в течение зимнего периода возможно временно хранились в снегу до весны без необходимости искусственных мер для обеспечения их сохранности и погребались в относительно неразложившемся и неповрежденном состоянии. Однако для трупов умер-

ших в горных районах за период от поздней весны до ранней осени должна была по-видимому требоваться какая-то обработка. Если бы трупам давали разлагаться на летней жаре, это было бы и не гигиенично, и малопривлекательно для живых. Поэтому было бы вполне практично удалять мягкие ткани с тел и расчленять последние, чтобы безопасно сохранять их в матерчатых или кожаных мешках до осеннего возвращения группы на главный племенной могильник на Аймырлыге.

Заключение. Результаты остеологического и палеопатологического анализа собрания скелетных остатков скифского периода из Аймырлыга подтверждают данные археологии, этнографии и исторические источники. Мы имеем дело с полукочевым скотоводческим обществом, представители которого вели активный, часто воинственный образ жизни. Данные, полученные из представленного анализа и относящиеся к образу жизни, питанию и военному делу, непосредственно соответствуют описаниям, приведенным в исторических свидетельствах Геродота и Псевдо-Гиппократов.

Данные, полученные при изучении пороков развития, указывают на то, что в коллективных срубных погребениях хоронились семейные группы. Кроме того, присутствие ряда серьезных дефектов развития у некоторых представителей популяции, свидетельствует о том, что для поддержания жизни эти люди должны были получать какую-то помощь. Инфекционные повреждения в популяции встречаются редко и единственным специфическим инфекционным заболеванием по-видимому был туберкулез. Наличие этой болезни может свидетельствовать о полукочевом образе жизни населения и о том, что люди жили в тесной близости друг от друга и от своих животных. Характер зубных повреждений, выявленный у населения, не соответствует тому, что был обнаружен ранее для сообществ с экономикой охотников-собирателей, земледельцев и сме-

шанного типа охоты-собираательства и земледелия. Таким образом, эти повреждения возможно являются отражением экономики полукочевого скотоводства, при котором потребляется большое количество животной пищи (как мясной так и молочной), но используются, хотя и в меньшей степени, продукты земледелия, охоты и собирательства.

Дегенеративные изменения, выявленные в экстраспинальных и спинных суставах свидетельствуют об физически активном образе жизни полукочевников; многие из взрослых, по-видимому, занимались тяжелым ручным трудом, вызывающим напряжения в нижней части позвоночника. Присутствие многочисленных переломов может рассматриваться как признак активного образа жизни, хотя некоторые из выявленных переломов свидетельствуют о случаях физического насилия. Многочисленные примеры травм от оружия, в том числе произведенных чеканами, мечами и один случай скальпирования, также являются доказательством воинственности, причем в конфликтах могли участвовать как мужчины, так и женщины, и дети. У ряда погребенных обнаружены посмертные порезы, свидетельствующие об обычаях перезахоронивания, которое, как считается, могло быть связано с сезонными миграциями населения.

Использование биокультурологического подхода в данном исследовании позволило получить значительный объем информации относительно здоровья, питания и образа жизни полукочевого населения скифского периода, которое хоронило своих мертвых на могильном комплексе Аймырлыг в Туве. Кроме того, ряд обнаруженных палеопатологий дает ценные сведения о болезнях в древности. Хочется надеяться, что данная работа послужит основой для будущих биокультурологических исследований других полукочевых популяционных групп евразийских степей.

Богданова, В. И., А. Б. Радзюн. 1991. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Тувы // Новые Коллекции и исследования по антропологии и этнографии XLIV: 55—74.

Мандельштам, А. М. 1975. Раскопки на могильнике Аймырлыг // Археологические открытия 1974: 219—220. Москва: Наука.

1983. Исследование на могильном поле Аймырлыг: Некоторые итоги и перспективы // Древние культуры евразийских степей: 25—33. (Research at the Aymyrlug burial ground: some results and perspectives). Ленинград. Институт истории материальной культуры.

1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время (под ред. М. Г. Мошковой). Археология СССР: 178—196. Москва: Наука.

Мандельштам, А. М., Э. У. Стамбульник. 1992. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское

время (под ред. М. Г. Мошковой). Археология СССР: 96—205. Москва: Наука.

Маннай-Оол, М. Х. 1970. Тува в скифское время (уюкская культура). Москва: Наука.

Angel, J. L. 1974. Patterns of Fractures from Neolithic to Modern Times // Anthropologiai Kuzlemlynyek 18: 9—18.

Barnes, E. 1994. Developmental Defects of the Axial Skeleton in Paleopathology. Colorado: Colorado University Press.

Bascom, W. 1969. The Yoruba of Southwestern Nigeria. London: Holt, Rinehart and Winston.

Blakely, M. L., T. E. Leslie and J. P. Reidy. 1994. Frequency and Chronological Distribution of Dental Enamel Hypoplasia in Enslaved African Americans: A Test of the Weaning Hypothesis // American Journal of Physical Anthropology 95: 371—383.

Bokovenko, N. A. 1995. The Tagar Culture in the Minusinsk Basin // J. Davis-Kimball, V. A. Bashilov and L. T.

- Yablonsky (eds.). Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age: 299—314. Berkeley: Zinat Press.
- Bush, H. and A. Stirland. 1987. Decapitated Burials in Roman Britain // Unpublished paper presented at the 14th Annual Meeting of the Paleopathology Association. New York.
- Chadwick, J. and W. N. Mann. 1978. Medicine // G. E. R. Lloyd (ed.). Hippocratic Writings: 61—276 (revised edition). London: Penguin Classics.
- Cohen, M. N. and G. J. Armelagos. 1984. Paleopathology at the Origins of Agriculture. London: Academic Press Inc.
- Dettwyler, K. A. 1991. Can Paleopathology Provide Evidence for «Compassion»? // American Journal of Physical Anthropology 84: 375—384.
- Donnelly, S., C. Donnelly and E. Murphy. 1999. The Forgotten Dead: The cillinn and disused burial grounds of Ballintoy, County Antrim // Ulster Journal of Archaeology 58: 109—113.
- Finch, R. G. and P. Ball. 1991. Infection. Oxford: Blackwell Scientific Publications.
- Fraser, F. C. 1959. Causes of Congenital Malformations in Human Beings // Journal of Chronic Disease 10: 97—110.
- Frazer, J. G. 1934. The Fear of the Dead in Primitive Religion, Vol. II. London: Macmillan and Co. Ltd.
- Gavriilyuk, N. A. 1987. Pishsha Stephihi Skifov // Sovetskaya Arkheologiya 1: 21—34.
- Gera, D. 1997. Warrior Women, The Anonymous Tractatus De Mulieribus. New York: E. J. Brill.
- Gillman, H. 1876. Certain Characteristics Pertaining to Ancient Man in Michigan // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1875: 234—245. Washington DC: Smithsonian.
- Goodman, A. H. 1991. Stress, adaptation, and enamel developmental defects // D. J. Ortner and A. C. Aufderheide (eds.). Human Paleopathology: Current Syntheses and Future Options: 280—287. London: Smithsonian Institution Press.
- Goodman, A. H., J. Lallo, G. J. Armelagos and J. C. Rose. 1984. Health Changes at Dickson Mounds, Illinois (AD 950—1300) // M. N. Cohen and G. J. Armelagos (eds.). Paleopathology at the Origins of Agriculture: 271—305. London: Academic Press Inc.
- Gorlin, R. J., J. J. Pindborg and M. M. Cohen. 1976. Syndromes of the Head and Neck. (2-nd edition). London: McGraw-Hill Book Company.
- Gregg, J. B. and J. P. Steele. 1969. The Paraoccipital (Paracondylloid) Process: An Anatomic and Radiological Appraisal // Plains Anthropology 14: 103—106.
- Gregg, J. B., L. Zimmerman, S. Clifford and P. S. Gregg. 1981. Craniofacial Anomalies in the Upper Missouri River Basin Over a Millennium: Archaeological and Clinical Evidence // Cleft Palate Journal 18: 210—222.
- Hamperl, H. 1967. The Osteological Consequences of Scalping // D. Brothwell and A. T. Sandison (eds.). Diseases in Antiquity: 630—634. Springfield: Charles C. Thomas.
- Hengen, O. P. 1971. Cribra orbitalia: Pathogenesis and probable etiology // Homo 22: 57—75.
- Hildinger, E. 1997. Warriors of the Steppe: A Military History of Central Asia, 500 BC to 1700 AD. Staplehurst, Spellmount.
- Hillson, S. W. 1979. Diet and Dental Disease // World Archaeology 2: 147—162.
- Hillson, S. 1986. Teeth. Cambridge Manuals in Archaeology: Cambridge, Cambridge University Press.
- Huss-Ashmore, R., A. H. Goodman and G. J. Armelagos. 1982. Nutritional Inference from Paleopathology // M. B. Schiffer (ed.). Advances in Archaeological Method and Theory 5: 395—474. London: Academic Press.
- Jettmar, K. 1951. The Altai Before the Turks // The Museum of Far Eastern Antiquities Bulletin 23. Stockholm.
- Jurmain, R. D. 1980. The Pattern of Involvement of Appendicular Degenerative Joint Disease // American Journal of Physical Anthropology 53: 143—150.
- Kennedy, W. P. 1967. Epidemiologic Aspects of the Problem of Congenital Malformations // Birth Defects Original Article Series 3. London.
- Khazanov, A. M. 1984. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press.
- Larsen, C. S. 1997. Anemia and the Ancients // K. F. Kiple (ed.). Plague, Pox and Pestilence: Disease in History: 10—13. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Lewis, M. and C. Roberts. 1997. Growing Pains: the Interpretation of Stress Indicators // International Journal of Osteoarchaeology 7: 581—586.
- Lisowski, F. P. 1967. Prehistoric and Early Historic Trepanation // D. Brothwell and A. T. Sandison (eds.). Diseases in Antiquity: 651—672. Springfield: Charles C. Thomas.
- Lovell, N. 1994. Spinal arthritis and Physical Stress at Bronze Age Harappa // American Journal of Physical Anthropology 93: 149—164.
- Lukacs, J. R. 1989. Dental Palaeopathology: Methods for Reconstructing Dietary Patterns // M. Y. Iscan and K. A. R. Kennedy (eds.). Reconstruction of Life from the Skeleton: 261—286. New York: Alan Liss Inc.
- Manchester, K. 1987. Skeletal evidence for health and disease // A. Boddington, A. N. Garland and R. C. Janaway (eds.). Death, decay and reconstruction: 163—179. Manchester: Manchester University Press.
1991. Tuberculosis and Leprosy: Evidence for interaction of disease // D. J. Ortner and A. C. Aufderheide (eds.). Human Paleopathology: Current Syntheses and Future Options: 23—35. London: Smithsonian Institution Press.
- Mays, S. 1996. Healed Limb Amputations in Human Osteoarchaeology and their Causes: A Case Study from Ipswich, UK // International Journal of Osteoarchaeology 6: 101—113.
- McAlister, W. H. and T. E. Herman. 1995. Osteochondrodysplasias, Dysostoses, Chromosomal Aberrations, Mucopolysaccharidoses, and Mucopolipidoses // D. Resnick (ed.). Diagnosis of Bone and Joint Disorders 6: 4163—4244 (3rd edition). London: W. B. Saunders.
- Melyukova, A. I. 1990. The Scythians and Sarmatians // D. Sinor (ed.). The Cambridge History of Early Inner Asia: 97—117. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mensforth, R. P., C. O. Lovejoy, J. W. Lallo and G. J. Armelagos. 1978. The Role of Constitutional Factors, Diet, and Infectious Disease in the Etiology of Porotic Hyperostosis and Periosteal Reactions in Prehistoric Infants and Children // Medical Anthropology 2: 1—59.
- Merbs, C. F. and W. H. Wilson. 1960. Anomalies and Pathologies of the Sadlermuit Eskimo Vertebral Column // National Museum of Canada Bulletin 180, Contribution to Anthropology Part 1: 154—180.
- Murphy, E. M. 1998. An Osteological and Palaeopathological Study of the Scythian and Hunno-Sarmatian Period Populations from the Cemetery Complex of Aymyrylg, Tuva, South Siberia // Unpublished PhD thesis, The Queen's University of Belfast.
2000. Developmental Defects and Disability—the Evidence from the Iron Age Semi-nomadic Peoples of Aymyrylg, South Siberia // J. Hubert (ed.). The Mind and Body in Society, One World Archaeology. London: Routledge.
- 2000a. Mummification and Body Processing—Evidence from the Iron Age in South Siberia // J. Davis-Kimball, E. M. Murphy, L. Koryakova and L. Yablonsky (eds.). Current problems of Eurasian nomadism. Papers from the European Association of Archaeologists 4th and 5th Annual Meetings., BAR International Series.
- Murphy, E. M., U. M. Donnelly and G. E. Rose. 1998. Possible Neurofibromatosis in a Scythian Period Individual from the Cemetery of Aymyrylg, Tuva, South Siberia // International Journal of Osteoarchaeology 8: 424—430.
- Murphy, E. M., I. I. Gokhman, Y. K. Chistov and L. L. Barkova, forthcoming: Old World Scalping from Iron Age South Siberia.
- Murphy, E. M. and J. P., Mallery. 2000. Herodotus and the Cannibals // Antiquity.
- Olsen, S. L. and P. Shipman 1994. Cutmarks and Perimortem Treatment of Skeletal Remains on the Northern Plains // D. W. Owsley and R. L. Jantz (eds.). Skeletal biology of the Great Plains. Migration, warfare, health and subsistence: 377—387. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Orr, J. B. and J. L. Gilks. 1931. The Physique and Health of Two African Tribes // Medical Research Council Special Report Series 155. London: HMSO.
- Ortner, D. J. and W. G. J. Putschar. 1981. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains // Smithsonian Contributions To Anthropology 28. London: Smithsonian Institution Press.

- Owsley, D. 1994. Warfare in coalescent traditional populations of the Northern Plains // D. W. Owsley and R. L. Jantz (eds.). *Skeletal biology of the Great Plains. Migration, warfare, health and subsistence*: 333—343. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Owsley, D., R. W. Mann and T. G. Baugh. 1994. Culturally Modified Human Bones from the Edwards I Site // D. W. Owsley and R. L. Jantz (eds.). *Skeletal biology of the Great Plains. Migration, warfare, health and subsistence*: 363—375. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Perzigian, A. J., P. A. Tench and D. J. Braun. 1984. Prehistoric Health in the Ohio River Valley // M. N. Cohen and G. J. Armelagos (eds.). *Paleopathology at the Origins of Agriculture*: 347—366. London: Academic Press Inc.
- Pfeiffer, S. 1991. Rib lesions and New World Tuberculosis // *International Journal of Osteoarchaeology* 1: 191—198.
- Polosmak, N. 1994. A Mummy Unearthed from the Pastures of Heaven // *National Geographic* 186: 80—103.
- Powell, M. L. 1985. The Analysis of Dental Wear and Caries for Dietary Reconstruction // R. I. Gilbert and J. H. Mielke (eds.). *The Analysis of Prehistoric Diets*: 307—338. London, Academic Press Inc.
- Reese, H. H. 1940. The History of Scalping and its Clinical Aspects // *Yearbook of Neurology, Psychiatry and Endocrinology*: 3—19.
- Resnick, D. and G. Niwayama. 1995. Degenerative Disease of the Spine // D. Resnick (ed.). *Diagnosis of Bone and Joint Disorders, Volume 3*: 1372—1462 (3rd edition). London: W. B. Saunders.
- 1995a. Skeletal Metastases // D. Resnick (ed.). *Diagnosis of Bone and Joint Disorders, Volume 6*: 3991—4064 (3rd edition). London: W. B. Saunders.
- Ribot, I. and C. Roberts. 1996. A Study of Non-specific Stress Indicators and Skeletal Growth in Two Mediaeval Subadult populations // *Journal of Archaeological Science* 23: 67—79.
- Roberts, C. A. 1987. Case Report No. 9, Case Reports on Palaeopathology // *Palaeopathology Association Newsletter* 57: 14—15.
- Roberts, C. and K. Manchester. 1995. *The Archaeology of Disease*. Stroud: Alan Sutton Publishing Limited (2nd edition).
- Roberts, C., A. Boylston, L. Buckley, A. Chamberlain and E. Murphy. 1998. Rib lesions, tuberculosis and more support for the theory // *Tubercle and Lung Disease* 79: 55—60.
- Roberts, C., D. Lucy and K. Manchester. 1994. Inflammatory Lesions of Ribs: An Analysis of the Terry Collection // *American Journal of Physical Anthropology* 95: 169—182.
- Rolle, R. 1989. *The World of the Scythians*. London: B. T. Batsford Ltd.
- Roosevelt, A. C. 1984. Population, Health, and the Evolution of Subsistence: Conclusions from the Conference // M. N. Cohen and G. J. Armelagos (eds.). *Paleopathology at the Origins of Agriculture*: 559—583. London, Academic Press Inc.
- Rudenko, S. I. 1970. *Frozen Tombs of Siberia: the Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen*. London: J. M. Dent & Sons Ltd.
- Schmorl, G. and H. Junghanns. 1971. *The Human Spine in Health and Disease*. (2nd edition). London: Grune & Stratton.
- Sülincourt, A., de and A. R. Burn. 1972. *Herodotus: The Histories*. (revised edition). Middlesex: Penguin Books Ltd.
- Seller, M. J. 1987. Nutritionally induced congenital defects // *Proceedings of the Nutrition Society* 46: 227—235.
- Stuart-Macadam, P. 1989. *Nutritional Deficiency Diseases: A Survey of Scurvy, Rickets and Iron-Deficiency Anemia* // M. Y. Iscan and K. A. R. Kennedy (eds.). *Reconstruction of Life from the Skeleton*: 201—222. New York: Alan R. Liss Inc.
1991. Porotic Hyperostosis: Changing interpretations // D. J. Ortner and A. C. Aufderheide (eds.). *Human Paleopathology: Current Syntheses and Future Options*: 36—39. London: Smithsonian Institution Press.
- Suzuki, T. 1991. Paleopathological study on infectious diseases in Japan // D. J. Ortner and A. C. Aufderheide (eds.). *Human Paleopathology: Current Syntheses and Future Options*: 128—139. London: Smithsonian Institution Press.
- Vainshtein, S. I. 1980. *Nomads of South Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wagner, G. 1949. *The Bantu of North Kavirondo, Vol. I*. London: Oxford University Press.
- Wakely, J. 1997. Identification and analysis of violent and non-violent head injuries in the osteoarchaeological material // J. Carman (ed.). *Material Harm, archaeological studies of war and violence*: 24—46. Glasgow: Cruithne Press.
- Waldron, T. 1987. Lytic lesions in a skull: a problem in diagnosis // *Journal of Paleopathology* 1: 5—14.
1992. Osteoarthritis in a Black Death Cemetery in London // *International Journal of Osteoarchaeology* 2: 235—240.
- Williams, J. P. R. 1988. *Barron's Sports Injuries Handbook*. New York: Barron's.
- Winter, E. H. 1967. *Amba Religion* // J. Middleton (ed.). *Gods and Rituals: Readings Religious Beliefs and Practices*: 21—40. New York: The Natural History Press.

Благодарности

Хочу поблагодарить проф. Илью Гохмана, проф. Юрия Чистова и д-ра Анну Радзюн из Отдела физической антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге за разрешение изучить скелетные остатки из Аймырлыга. Я также благодарна проф. Джиму Маллори из Школы археологии и палеоэкологии Королевского университета Белфаста за его помощь и советы при работе над моей диссертацией на соискание степени д-ра философии. Хочу поблагодарить д-ра Роберта Горлина из Школы дантистов Миннесотского университета за проверку идентификации возможных случаев синдрома Гольденхара/гемифациальной микросомии и фронтометафизарной дисплазии. Также не могу не поблагодарить д-ра Колма Доннелли из Школы археологии и палеоэкологии Королевского университета Белфаста за его замечания к тексту статьи.

AN OVERVIEW OF THE RESULTS OBTAINED DURING THE PALAEOPATHOLOGICAL ANALYSIS OF THE SCYTHIAN PERIOD BURIALS FROM THE CEMETERY OF AYMIRLYG, TUVA, SOUTH SIBERIA

DR. EILEEN M. MURPHY

Introduction. The objective of this paper is to provide an overview of the results of a detailed palaeopathological analysis recently undertaken on the human skeletal remains recovered from the cemetery complex of Aymirlyg, Tuva, south Siberia (Murphy 1998). A total of 607 individuals were included in the analysis. The cemetery complex of Aymirlyg is located in the Ulug-Khemski region of the Autonomous Republic of Tuva, south Siberia (Fig. 1). Upon conclusion of the excavation programme the skeletal remains were stored in the Department of Physical Anthropology of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg, where a proportion of the remains were later subjected to craniometrical and osteometrical analyses (Bogdanova and Radzjun 1991).

Scythian period. Aymirlyg was used as a burial ground for a considerable period of time. The majority of burials were from the Culture of the Scythian period (c. 7th—2nd century BC). The most characteristic interior structure was the rectangular log house tomb. Invariably the numbers of individuals buried within a log house tomb was considerable, with as many as fifteen skeletons being recovered from individual examples. Rectangular stone cists composed of stone slabs were also commonly encountered at Aymirlyg. The majority of cists were small, with room only for the burial of a single individual, but larger cist burials which contained the remains of two or three individuals were also discovered.

Developmental defects. The practice of communal burial, particularly in the log house tombs, provided a rare opportunity for the examination of familial groups within an archaeological population. Support for the assertion that sporadic congenital defects occur along familial lines (Barnes 1994: 293) may be found in the presence of specific defects among individuals buried in the same communal tombs. In Log House Tomb VII. 7, for example, two male individuals displayed occipitalization. Clinical studies have indicated that occipitalization occurs with a frequency of 0.15% to 1.67% in most populations (Gregg and Steele 1969: 105). Consequently, the defect is considered to be rare, and it is highly probable that

the two affected individuals buried in this tomb were related. An adult male and adult female buried in Log House Tomb XXIII. 13 both displayed hypoplasia of the mandible, a defect of the first branchial arch. This defect occurred with a very low frequency among the population, and again it is very likely that the two individuals were closely related, perhaps brother and sister.

Three Scythian period individuals displayed the possible polytropic defects of neurofibromatosis (Fig. 2) (Murphy *et al* 1998), frontometaphyseal dysplasia and Goldenhar syndrome/hemifacial microsomia. All three individuals would definitely have displayed abnormal facial characteristics (Murphy 2000). The female with possible neurofibromatosis would have had a dysplastic facies with a grossly enlarged and probably protruding eyeball. In addition, she would probably have had reduced vision in the affected eye. Other physical characteristics of neurofibromatosis include the occurrence of *café au lait* spots, skin tumours, kyphoscoliosis, pseudoarthroses as well as a large range of other abnormalities (Gorlin *et al* 1976: 536—538). The child with possible Goldenhar syndrome would have displayed unilateral hypoplasia of the left side of the skull. He or she may also have displayed abnormalities of the external ear and been deaf, had eye defects possibly including microphthalmia or anophthalmia, suffered from mental retardation, and had vertebral anomalies (Gorlin *et al* 1976: 548—550). The adult male with possible frontometaphyseal dysplasia would have displayed coarse facial features with large brow-ridges, widely spaced eyes and an asymmetrical face and chin. He may also have been deaf, had poor vision, had a short trunk with long extremities, elongated fingers and relatively immobile joints (McAlister and Herman 1995: 4207). Unfortunately, in all three cases only the skulls were preserved and it is therefore impossible to determine the full extent of skeletal involvement.

The occurrence of adult individuals from Aymirlyg with prominent congenital malformations indicates that even after the development of observable physical disabilities and disfigurements, presumably during childhood, the indi-

viduals were not killed outright and the majority of them survived into adulthood. The inclusion of these individuals with possible abnormal appearances and disabilities in communal graves with unaffected people might suggest that they were held with similar regard to the other members of society. This finding should not, however, be assumed to indicate that people with physical disabilities and disfigurements were treated with what we would consider as 'compassion', or that the Scythian population was 'morally decent' (Dettwyler 1991: 379).

It was interesting to note that both the child with possible Goldenhar syndrome and the adult male with possible frontometaphyseal dysplasia recovered from Log House Tomb IV. 2 displayed polytropic defects which cannot be biologically related (Dr. Robert Gorlin 1998, pers. comm.) and a familial relationship between the individuals cannot be proven. Consequently, although it is possible that the two individuals were related and simply displayed unusual congenital syndromes through coincidence, it is also possible that they were buried in the same tomb for social reasons.

Infectious disease. *Non-specific infective lesions.* Periostitis was apparent in the bones of Scythian period individuals with a frequency ranging from 0.2% (parietals) to 2.8% (tibiae). The majority of the affected adults were male (62%), and the greatest proportion of individuals with the lesions had an age-at-death of 17–25 years. Osteomyelitis predominantly occurred in the tibiae, occurring with a frequency of 0.2%. The frequencies of non-specific infective lesions were notably low.

The frequencies of non-specific lesions among the Scythian period population at Aymyrylg are much lower than those recorded for either hunter-gatherer or agriculturist population groups from different periods and various geographical locations throughout the world.

Specific infective lesions. Four Scythian period individuals displayed lesions which were considered to have possibly been caused by tuberculosis. In all cases the lesions were not, however, clearly characteristic of this specific infective disease, and it is possible that they may have arisen as a consequence of other infective processes. One of the individuals displayed shoulder lesions, two of the individuals displayed possible evidence of gastrointestinal tuberculosis, while rib lesions were evident in the remains of one of the individuals. It was unfortunate that the ribs were only present in one of the four affected individuals since it is currently not possible to differentiate between primary gut (*Mycobacterium bovis*) and primary pulmonary (*Mycobacterium tuberculosis*) tuberculosis solely on the basis of a morphological examination of skeletal remains (Manchester 1987: 176). Perhaps if the ribs had been

present in the remains of the two individuals with possible gastrointestinal tuberculosis and been shown to display no infective lesions then one could have postulated that they had been suffering from primary gut infection due to *Mycobacterium bovis*. A number of individuals displayed plaques of woven bone on the visceral surfaces of ribs. It is possible that these lesions were due to tuberculosis (Roberts *et al* 1994; Roberts *et al* 1998), although other pulmonary infections such as lobar pneumonia must also be considered as possible aetiologies (Pfeiffer 1991: 198).

It was particularly interesting that two of the individuals (an adult male and an adolescent) with possible tuberculous lesions were discovered together in Log House Tomb X. 1. It is possible that these two individuals were related and that they had both died from an infectious disease. In addition, two of the individuals from Log House Tomb XX. 10 displayed rib lesions, again suggesting that the lesions were due to a contagious pulmonary infection such as tuberculosis.

Metabolic disease. *Cribra orbitalia and porotic hyperostosis.* Cribra orbitalia and porotic hyperostosis are widely accepted as indicative of childhood iron deficiency anaemia (eg. Stuart-Macadam 1991: 37). Cribra orbitalia occurred in observable orbits with a frequency of 18%. The greatest proportion of individuals with cribra orbitalia had an age-at-death of 0–2 or 6–12 years, while the greatest frequency of porotic hyperostosis occurred in individuals with an age-at-death of 12–17 years. A higher proportion of males (22%) than females (15%) displayed the condition. Despite this finding the occurrence of a greater proportion of males, relative to females and subadults in both populations, with the least severe lesions of cribra orbitalia may suggest that males were more likely to recover from iron deficiency anaemia. Nine percent of Scythian period crania displayed porotic hyperostosis, and a notably higher proportion of males relative to females displayed the condition. A greater frequency of female and subadult individuals displayed more severe lesions than males.

Dental enamel hypoplasia. Hypoplastic defects occurred in 13% of individuals with deciduous teeth, and in approximately 50–55% of subadults with permanent teeth. In all, 29% of Scythian period adults and adolescents with permanent teeth also displayed enamel hypoplasia. The majority of individuals had been subject to incidents of physiological stress at the age of 2–4.5 years. Individuals with no evidence for hypoplastic defects had a longer life expectancy than individuals with evidence of having been subjected to one incident of stress. In addition, the latter group of individuals achieved a greater longevity than individuals who had suffered from multiple incidents of physiological stress.

Joint disease. Degenerative joint disease (DJD) was common among the spinal and extraspinal joints of the population. Degenerative joint disease has a multifactorial aetiology which involves hereditary factors, endocrine agents, age, sex and functional stress (Jurmain 1980, 143). The shoulder joint was the most frequently involved extraspinal joint, displaying DJD with a frequency of 3.7% (19/517). Seventy-six percent of the individuals with DJD were male, whereas 24% of the affected individuals were female. Although the shoulder (3.7%) displayed the greatest frequency of extraspinal DJD, the joints of the pelvic girdle and the lower extremities — the sacroiliac joint (2.6%), the knee (2.1%) and the hip (2%) — were affected with the next greatest frequency. The remainder of the joints of the upper extremity were minimally affected, with only 0.6% of elbows displaying DJD and none of the wrists displaying lesions. Degenerative changes of the shoulder and hip are expected to more directly related to age than the more exposed joints of the elbow and knee which would be expected to be under the greater influence of functional stress (Jurmain 1980, 144). Consequently, it is possible that the degenerative changes present among the shoulders and hips were predominantly related to age, while those apparent in knees were functionally related. This finding may suggest that the lower extremities were slightly more susceptible to functional stress than the upper extremities. Other examples of extraspinal degenerative changes included rotator cuff disease and enlarged squatting facets. The spine displayed the greatest frequencies of DJD. Functional stress is often considered to be a significant factor in DJD and osteophytosis of the vertebral column.

Trauma. The levels of trauma are examined cumulatively they attest to the active and warfaring existence of these people. Fractures were present in 0.9% of all adult long bones (15/1710), with the ulnae being most frequently affected. With the exception of night-stick fractures of the ulnae and possibly boxer's fractures of the fifth metacarpals, the majority of fractures of the appendicular skeleton were characteristic of those obtained as a result of accidents, particularly those caused as a result of falls. Further evidence of injuries having been obtained as a consequence of severe falls presented themselves in the form of a Scythian period male with a dislocated glenohumeral joint and a number of fractures of the appendicular skeleton. The majority of individuals with fractures of the appendicular skeleton were males (69%), a finding which may suggest that males engaged in a physical existence which resulted in them being more prone to accidents, particularly falling injuries, than the majority of females.

Other traumatic injuries which attested to the active physical lifestyles of the population included the occurrence of spondylolysis, clay-shoveller's fractures, ossified haematomas, myositis ossificans traumatica, enthesophytes and osteochondritis dissecans. The majority of these lesions occurred in very small frequencies, although spondylolysis occurred with a frequency of 13% and affected females to a greater extent than their male counterparts. Fractures which had probably been attained as a result of interpersonal violence were also observed. Depressed fractures of the cranial vaults were present in 1.7% (8/473) of the crania. Twenty-four percent of the affected individuals were female, 38% were male and 38% of individuals with depressed fractures were subadults. The majority of fractures were present on the left side of the frontals or parietals. It is probable, therefore, that the majority of depressed fractures had been deliberately inflicted, possibly by blunt implements. A variety of fractures of the facial area and the mandible were also observed. Fractured nasal bones were the most common facial fractures, occurring with a frequency of 3.4% (23/675) (Fig. 4). Males more commonly displayed fractured nasal bones than females.

The occurrence of head fractures, night-stick fractures of the ulnae and boxer's fractures of the 5th metacarpals all attests to the occurrence of interpersonal and intergroup conflict among the Scythian period population. In the majority of cases the affected individuals were adult males, although interpersonal injuries were not exclusively restricted to these individuals and a number of subadults and adult females also displayed these types of injuries. Indeed, one Scythian period woman displayed multiple fractures - including a night-stick fracture of the left ulna, fractured right metacarpals and a fractured rib — which may indicate that she had procured these injuries during a violent incident.

Weapon trauma. Further evidence for the occurrence of interpersonal and intergroup violence was evident in the form of a wide variety of weapon injuries. The majority of weapon injuries had been made with pointed battle axes (chekans), and these injuries occurred on crania with a frequency of 2.5% (12/473) (Fig. 5). Seventy-five percent of the individuals with battle axe trauma were male, 17% were subadults and 8% were female. Sword trauma occurred with an overall frequency of 0.1—0.8% among the Scythian period remains.

It was not possible to identify the burials of warriors on the basis of an examination of the grave goods associated with each of the individuals, since evidence for episodes of grave robbing at the Scythian period tombs seem to indicate that the main objectives of the plunderers had been to remove weaponry. The occurrence of in-

juries caused by pointed axes is not to be unexpected among the skeletal remains of the Scythian period individuals, although it is perhaps curious that none of the individuals displayed injuries caused by arrowheads. This may possibly be explained, however, as a consequence of arrowheads being embedded in body flesh rather than bone, thereby making the injuries invisible among the skeletal remains.

Scalping. A 25–35 year old male from an uncertain context also displayed clear evidence for scalping.

Decapitation and throat cutting. A child displayed possible evidence for decapitation with the neural arches of the third and fourth cervical vertebrae displaying clear evidence of medio-lateral chopping. In addition, cut marks visible on the anterior surface of the first and cervical vertebrae of the individual may indicate that the child's throat had been cut prior to decapitation.

Surgery. Two individuals, one female and the other an adolescent, displayed evidence for trepanation. In the case of the female individual the operation was thought to have been performed ante-mortem, and healing was apparent surrounding the opening in the skull. The morphology of the perforation suggested that the operation had been undertaken using the scraping technique. It is considered, however, that the adolescent individual had been operated on post-mortem. An oval perforation with smooth, glossy margins was apparent at the bregma, and shallow scrape marks were present over the entire surface of the cranial vault.

When we look at the evidence for the second trepanation we find subtle differences from the previous case. The post-mortem trepanation perforation evident in the remains of the adolescent had polished margins which may be indicative of wear (Owsley *et al* 1994: 368), while the scrape marks were distributed randomly over the cranial vault and were fairly coarse in morphology. This would suggest that the cranium had not been scalped since in scalping the incisions are generally made in a deliberate manner and one that follows the curvature of the cranium (Hamperl 1967, 630). The cutmarks apparent on the cranium of the adolescent were more reminiscent of defleshing, which is characterised by abundant cutmarks with a wide distribution including the face, basicranium and scalp region (Olsen and Shipman 1994, 381).

A single adult male of Scythian period date displayed possible evidence for amputation of the left forearm which appeared to have been amputated at the distal end of the humerus.

Dental disease. The levels of caries (6.5% of adult teeth) suggest that the population may have practiced a mixed economy which involved the production/consumption of a certain amount of agricultural products. The occurrence of extensive

attrition (13.8% of adult teeth) may indicate that their diet included coarse, gritty components, that the individuals consumed food which required long and strong mastication, or that both factors were responsible for the poor condition of their teeth. It is probable that the presence of dental abscesses (4.7% adult tooth positions) (Fig. 4), periodontal disease (74% adult individuals) and ante-mortem tooth loss (9.1% adult tooth positions) was related to the extensive attrition and caries. High frequencies of calculus deposits (77.4% adult teeth) suggests that the individuals, and in particular the males, practiced a poor standard of oral hygiene. The occurrence of extensive attrition in the dentition suggests that either the diet included coarse, gritty components or that the individuals consumed food which required long and strong mastication, or that both factors contributed to their poor dentition.

Secondary burial practices. Post-mortem cutmarks were apparent on the remains of twenty-nine individuals, and it is probable that the cutmarks were produced during the defleshing and disarticulation of the cadavers (Murphy 2000a; Murphy and Mallory 2000). In defleshing the cutmarks are generally represented by the occurrence of fine, short cutmarks or the presence of broader scraping marks over the bone surface. The evidence for disarticulation comprises fine cutmarks located on, or adjacent to, the articular surfaces of bones. These cutmarks are indicative of the use of a sharp tool to sever the skin, tendons and ligaments at a joint thus enabling the division of the body into smaller segments (Olsen and Shipman 1994: 380–381).

Conclusions. The evidence derived from developmental defects is suggestive that family groups were buried in communal log house tombs. In addition, the presence of a number of severe development defects among the population may indicate that these individuals had been provided with some degree of life support measures. Infectious lesions occurred rarely among the population, and tuberculosis appears to have been the only specific infective disease. The presence of this disease may attest to the semi-nomadic lifestyle of the population, where the people may have been living in close proximity with each other and their livestock. The patterns of dental lesions apparent in the population did not correlate with those previously obtained for hunter-gatherer, agricultural or mixed hunter-gatherer and agricultural economies. As such, it is probable that the lesions reflect the nature of their semi-nomadic pastoralist economy which would have involved the consumption of large amounts of animal products (of both meat and dairy types) and the use of agricultural, hunted and gathered foodstuffs to a lesser extent.

The degenerative changes apparent among both the extraspinal and spinal joints of the individuals attest to the active physical lifestyle of their semi-nomadic existence; many of the adults appear to have engaged in heavy manual labour which had caused strain to the lower spine. The presence of numerous fractures may also be considered as an indication of the active lifestyle of the population, although fractures indicative of interpersonal violence were also identified. The numerous examples of weapon trauma, including battle axe trauma, sword trauma and a case of scalping, are further indications of their warfaring nature, with men, women and children all involved in these episodes of conflict. A number of individuals displayed post-mortem cutmarks which are indicative of secondary burial practices, and it is considered that these practices may have been related to the seasonal migrations undertaken by the population.

Acknowledgements. I would like to thank Professor Ilyia Gokhman, Professor Yuri Chistov and Dr. Anna Radzjun of the Department of Physical Anthropology at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography in St. Petersburg for permitting the study of the skeletal remains from Aymyrlyg. I am also grateful to Professor Jim Mallory of the School of Archaeology and Palaeoecology at the Queen's University of Belfast, for his help and advice during my PhD research. I would like to thank Dr. Robert Gorlin of the School of Dentistry at the University of Minnesota for verifying the identification of the possible cases of Goldenhar syndrome/hemifacial microsomia and frontometaphyseal dysplasia. Thanks must also go to Dr. Colm Donnelly of the School of Archaeology and Palaeoecology at the Queen's University of Belfast, for his comments on the text.

СЕМИРЕЧЕНСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ БРОНЗЫ

К. М. БАЙПАКОВ¹

Название семиреченские художественные бронзы применимо к комплексам изделий из бронзы, куда входят светильники, курильницы, котлы, жертвенные столы. Обычно эти изделия находят как клады в ходе строительных, либо сельскохозяйственных работ. Когда-то люди, использовавшие эти вещи, спрятали их, а затем по каким-то причинам они так и остались невостребованными до тех пор, пока счастливый случай не «воскресил» их, вернув к новому назначению в качестве экспонатов музеев и предметов научных исследований. Находки кладов происходят, главным образом, из района Семиречья: Илийская долина, Иссык-Кульская котловина и реке долин рек Чу и Таласа (Артамонов 1973; Байпаков, Исмагил 1990: 41—51; Бернштам 1952: 40—50; Жумабекова 1996: 19—25; Зимма 1941; Стрелков 1932: 477—493).

Отдельные находки художественных бронз зафиксированы на востоке Восточного Туркестана, на северо-востоке Сибири, на Памире, на юге и юго-западе Ферганы (Древности Таджикистана 1985: 66—67, рис. 176—178; Кызласов 1979: 51—53, рис. 35; Пугаченкова 1986: 189—190; *The ancient art in Xinjiang...* 1994: pic. 074, 075, 078—082). Следует подчеркнуть, что клады происходят из предгорной зоны, обычно из мест, наиболее удобных в качестве весенних и осенних пастбищ, богатых травостоем, водой, лесом и, что не менее важно, удивительно живописных. Датируются бронзы эпохой ранних кочевников — саков и усуней, обитавших здесь с VIII в. до н. э. по IV в. н. э. Однако данные изделия изготавливались в более узкий промежуток времени — во второй половине I тыс. до н. э. Эти вещи, отлитые в сплошных формах, зачастую украшены скульптурками крылатых барсов или тигров, яков и быков-зебу, верблюдов и лошадей, горных козлов и баранов, волков и птиц, а также фигурками людей. Последние фигурки изображали вооруженных воинов, в одном случае — конных лучников, в другом — сидящего с подогнутыми ногами спешившегося всадника. Однажды фигурки, видимо женские, в тунико-

образных одеждах выполняли роль «атлантов», удерживающих на поднятых руках жертвенный стол. Скульптурки обычно украшали бортики и углы жертвенников, края и плоскости курильниц в качестве «подсвечников», а также ручек и ножек котлов.

Многие из этих изделий являются шедеврами высокохудожественного ремесла, произведениями выдающихся художников. Уже первые находки изделий из бронзы, как раритеты, отправлялись в музеи. Так, жертвенный стол, найденный в начале XX века в районе Алматы, попал в Эрмитаж и стал объектом пристального изучения. Было высказано предположение о ритуальном назначении бронзового стола-алтаря, связанного с отправлением древних культов саками и усунями (Стрелков 1932: 477—493). В 1947 году вблизи села Семеновское на берегу Иссык-Куля, где еще в довоенное время был найден один из наиболее крупных кладов, состоящий из двух жертвенных столов, двух светильников и котлов, археологи провели раскопки участка рядом с местом находки и обнаружили остатки жертвенного места, где совершались обряды и церемонии. Площадка с толстым слоем золы на ней указывала на то, что одним из главных объектов культа был огонь. Тогда же было сделано предположение о том, что предметы использовались в зороастрийских и шаманистических обрядах, распространенных у саков и усуней (Бернштам 1952: 43, 49), и сохранялись в Семиречье очень долго. Некоторые традиции культа огня дошли до недавнего времени у казахов и кыргызов (Валиханов 1958: 151—153).

Впоследствии было раскопано еще одно жертвенное место рядом с находкой курильницы и котлов на территории южной части Алматы, на левом берегу р. Большая Алматинка, рядом с опытной станцией «Юный натуралист». Котел был железный с горизонтальными ручками, а рядом найдены фрагменты еще двух котлов на ножках (триподов). Неподалеку была расчищена круглая в плане площадка размерами 130 кв. м, углубленная на 0,4 м в землю. По заключению исследователей, на ста-

¹ Казахстан. 480021. Алма-Ата. ул. Шевченко, 28. Институт археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахстана.

ционарный характер «храма» указывают: глиняная платформа—алтарь, кострище, кости жертвенных животных — крупного и мелкого рогатого скота, литейная форма, керамические напрасла и лепная керамика — чаши, горшки, банки, хумчи, — отличная от найденной в погребениях сако-усуньского времени. Видимо, площадка храма была когда-то обнесена невысоким земляным валом или стеной (Жадырбаев 1996: 65—66). Похожая ритуальная площадка с остатками кострища, слоев золы, керамики, костей животных была расчищена на месте находки жертвенного стола и обломков трех котлов у села Чельпек на северном берегу озера Иссык-Куль (Винник, Лесниченко, Санаров 1977: 582—583).

Очевидно, что находки бронз связаны с древними святилищами, расположенными в живописных укромных местах: в предгорьях и горных ущельях. Культовый характер вещей предполагает сложную семантику скульптурных изображений на них. Это не просто утилитарные изделия, предназначенные для приготовления и подачи пищи, не просто светильники, а предметы, имеющие прямое отношение к мировоззрению, духовной культуре и идеологии народа. По ним можно реконструировать космогонические и мифологические представления саков и усуней. При этом целесообразно привлечение мифологических систем, использовавшихся хорошо знавшими их создателями культовых предметов, для расшифровки назначения изделий и изображений на них.

Как установлено, в сакрализованном мире известны правила его организации, относящиеся к структуре пространства и времени, соотношений причин и следствий. Высшей целостностью (максимум сакральности) обладает та точка в пространстве и времени, где свершился акт творения, то есть центр мира, где проходит мировая ось, где стоят разные варианты земного образа космической структуры — «мирового древа», мировой горы, башни, алтаря, очага, огня — всего, что связывает человека с небом и творцом (Мелетинский 1977: 25—26).

Вместе с культовыми предметами и, прежде всего со светильниками, поддерживающими огонь, сакские и усуньские святилища являлись в представлениях их устроителей своеобразными каналами космической связи людей с верховными божествами, обитавшими на вершинах гор, соединявшихся с верхним миром. И правы исследователи, подчеркивающие, что природа и ландшафт Семиречья с белоснежными вершинами «золотых гор мира», реалии жизни, детерминирующие кочевание из степи к подножью гор и их вершина — от зимовок к летовкам, способствовали сложению мифологических традиций, представляющих вселенную в виде грандиозной горы или камня (Акишев 1984: 20—23). «Твердь небесная» мысли-

лась каменной, горы — созданными из материала небесного свода.

Одним из наиболее распространенных воплощений универсального знакового комплекса служит Мировое древо, символизирующее пространственную структуру мира. Тройное членение по вертикали отражает универсальную картину организованного космоса, так называемую тернарную модель или триграмму. Космос состоял из подземного мира — низа, воды; середины — земля; верха — неба. Горизонтальная структура космоса представляла собой круг или квадрат с четверичным членением: правый-левый, передний-задний; север-юг — восток-запад; четыре бога, четыре мифологических героя; четыре героя. Такая трактовка Мирового дерева существовала в текстовом и знаковом выражении у различных народов Евразии (Афанасьев 1983: 214—220; Топоров 1982: 26—29). С образом Мирового дерева перекликаются многие изделия и символы древнего искусства. Ярким примером идеи Мирового дерева и представления о Космосе является костюм «Золотого человека» из сакского кургана Иссык (Акишев 1984: 7—28). Космографическая структура учитывалась при изготовлении любого сакрального (религиозного) предмета и, именно с этих позиций, надо объяснять назначение и семантику семиреченских художественных бронз, связанных с храмами или святилищами саков и усуней.

Центральное место в триаде изделий (светильник, котел, жертвенный стол) принадлежало светильникам, каждый из которых был индивидуален и насыщен изображениями, слагаемыми в определенные композиции. Охарактеризуем три из них, найденные на территории Большой Алматинки.

Первый из них представляет собой поднос четырехугольной формы с почти вертикальными бортами, переходящими в горизонтальные закраины шириной 3 см, укрепленный на конической подставке. Размеры подноса: 33,8 × 34,7 × 34,1 × 34,7 см. Высота бордюра — 2,5 см. В четырех углах подноса расположены четыре крылатые фигуры кошачьих хищников, скорее всего барсов или тигров. Хищники изображены в движении — их левые передние и задние когтистые лапы выдвинуты вперед. Морды оскалены, пасть приоткрыта. Глаза — круглые, уши — большие, закругленные. Фигуры — поджарые, хвосты почти достигают земли. Загнутые крылья как бы вырастают из плеч. Размеры фигурок: длина — 12,4 см, ширина — 3,1 см, высота — 7,5 см. Фигуры хищников укреплены на подставке с помощью напаянных штифтов, а с обратной стороны подноса — с помощью заклепок (рис. 2).

Между двумя фигурами хищников у края подноса поднимается вертикальная полая трубка, закрепленная с обратной стороны под-

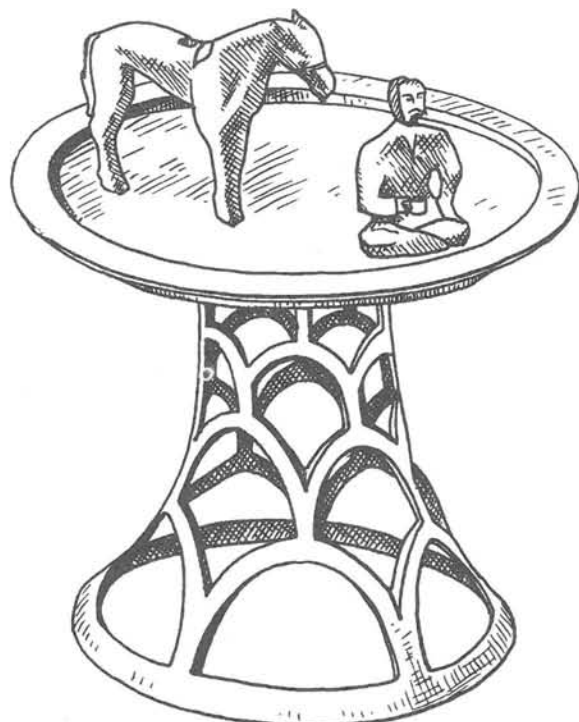
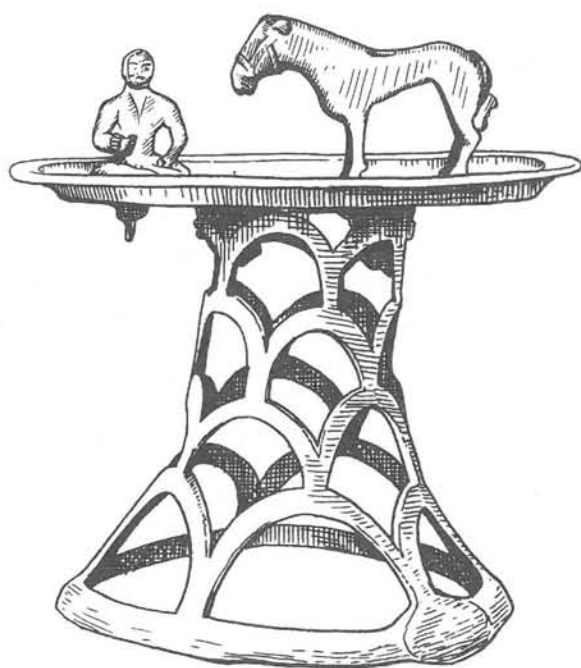

Рис. 1 Светильник с изображением спешившегося всадника.

Fig. 1 Lamp with representation of a dismounted rider.

носа бронзовой заклепкой. Высота ее — 11,9 см, диаметр — 1,6 см. В верхней части трубки с боковой стороны имеется небольшое круглое отверстие. Подставка имеет форму усеченной четырехугольной призмы с вогнутыми гранями. Поднос по отношению к подставке укреплен слегка наклонно с помощью припаянных бронзовых налепов с внешней и внутренней сторон по окружности подставки. Высота подставки до подноса с одной стороны — 23,4 см, а с другой — 27 см. Основание подставки имеет размеры 27,5 × 28 см. На трех гранях подставки наблюдаются 6 отверстий разной величины (Копылов 1957: табл. IV: 1). Похожий светильник был обнаружен в Синьцзяне (КНР), отличающийся от семиреченского количеством и расположением крылатых хищников, которых лишь два, стоящих рядом в центре квадратной чаши (Археологические исследования в Синьцзяне... 1983: табл. 44).

Хищники на обоих светильниках изображают, скорее всего, тигров или барсов — представителей фауны Семиречья и Восточного Туркестана. Тигры обитали в предгорьях и долинах рек, барсы — в горах. Образы этих зверей характерны для искусства, фольклора и мифологии народов Евразии. Они выполняли функции оберегов и защищали пространство, мир саков со всех сторон. По два-четыре тигра, барса, леопарда или льва изображались на городских воротах, по углам буддийских

монастырей, по сторонам тронов, по периметру савроматских алтарей (Акишев 1984: 47—50) и, в данном случае, на углах или в центре чаши светильника. Известно также, что образы тигра и хищников носили и космогонический характер. Тигры охраняли границы Космоса. Этот образ был связан с культом огня, в нем воплощались планетарные огни и бог огня — Агни (Воусе 1968: 52—53). В хотаносакском языке тигр — «рассвет» (Герценберг 1965: 96). Таким образом, становится понятным назначение светильников и изображений на них, как ритуальных предметов, связанных с огнем, солнечным светом и календарными циклами времен года.

Второй жертвенник был найден недалеко от опытной станции «Юный натуралист». Он состоит из круглого блюда диаметром 31 см на ажурной конической подставке. По краю блюда укреплены скульптурные фигурки быков-зебу с характерным для этой породы горбом на холке. Морды быков слегка опущены и повернуты налево, наружу. Две скульптурки всадников, повернутые в противоположные стороны, помещены на плоскости блюда. В руках всадников — натянутые луки М-образной формы. В целом вся композиция полна экспрессии и в то же время передает миг напряженного ожидания: замерли переставшие пастись быки, как вкопанный встал конь, натянута тетива..., еще миг и с легким свистом

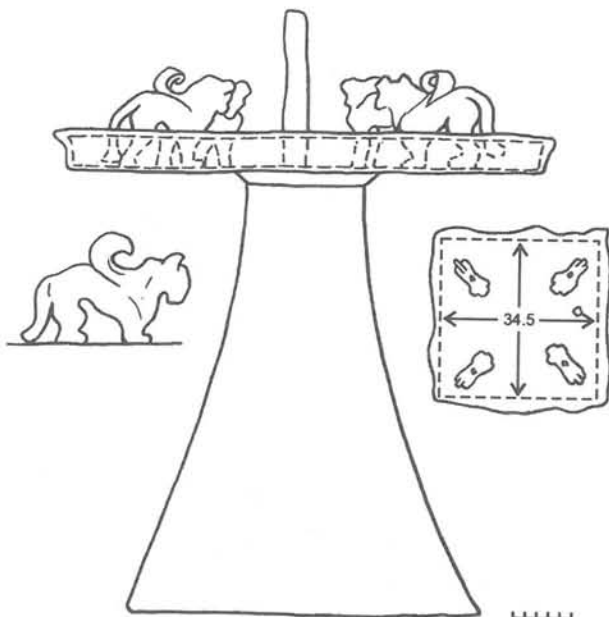

Рис. 2 Светильник с изображениями четырех крылатых кошачьих хищников.

Fig. 2 Lamp with representations of four winged feline predators.

начнет свой полет стрела. Видимо, сдвоенный образ всадника, охраняющего все стороны света, олицетворяет солнечное божество Митру в своей обители, на вершине мировой горы, идею которой и воплощает светильник. Митра — божество, наделенное самыми широкими возможностями, а в данном случае он мог выступать в роли владыки пастбищ, верховного охранителя земли, стража космического порядка (Кадырбаев 1996: 65—68). Возможны и другие толкования сюжета. На светильнике изображен бог Митра, который сражается с демонами и при помощи грозовой молнии-стрелы разбивает темные тучи и возжигает светильник жизни, потушенный демонами тьмы и мрака. Он же выводит пастись на небесный луг стадо коров и быков в виде дождевых облаков, проливающих на землю живительную влагу. Отступает зима и тьма и наступает весна. Свет также отождествлялся с коровами и быками (Афанасьев 1983: 157,158).

У памирцев сохранились реликты древних верований о том, что облака — коровы, а дождь — молоко этих коров. При первом весеннем дожде жители Шугнана подставляли чашку под отверстие в крыше и произносили заклинание «Произведи дождь молоком, хлебом». Исследователи полагают, что это, очевидно, обращение к божеству — владыке небес и небесных вод (Литвинский 1981: 93). В ведической литературе о небесных водах говорится, что это «небесные коровы» (Gonda 1960: 45). Интересно, что близкая сцена с изображением золотого вооруженного кинжалом всадника, сидящего на коне, который стоит на вы-

сокой подставке, окруженной четырьмя буйволами, украшает ритуальный предмет, видимо, также светильник с двумя ручками в виде хищников, скорее всего тигров, происходит из Китая. Он найден в горах Чи-Пай в провинции Янань в Китае и датируется 206 г. до н. э. Всадник на коне, по мнению исследователей, изображает солнце (The Sun... 1993: pic. 70).

И еще один светильник с центральным изображением всадника, но спешенного и сидящего, был найден в Иссыке (рис. 1). Блюдо диаметром 25,5 см укреплено на ажурной подставке высотой 18 см. Человек сидит в позе лотоса и держит сосуд в правой руке, левая — опущена на бедро. Он одет в короткий кафтан, правая пола которого запахнута над левой. На голове — шапка шлемообразной формы с вертикальным полуовальным козырьком, плотно охватывающая голову и шею. С правой боковой стороны шапки, начиная от козырька, прослеживается рельефный орнамент в виде ломаной зигзагообразной линии. Лицо — с горбатым носом, переносица отсутствует. Глаза — каплевидные, рот обозначен горизонтальным углублением, над верхней губой — пышные усы. Фигурка прикреплена нижней частью к блюду с помощью вертикального штифта и вращается вокруг своей оси. Лошадь показана стоящей, со слегка опущенной мордой, взнузданной ременной уздечкой с псалиями. Челка — короткая, грива подстрижена или заплетена так, что конец ее свисает с одной стороны. Длинный хвост лошади закручен на конце в фигурный узел и связан. В области спины имеется отверстие подпрямоугольной формы, со стороны живота металл отсутствует. Фигурка подвижна, качается из стороны в сторону. С обратной стороны блюда напаяно по два бронзовых вертикальных налета в виде ушка, между которыми вставлена подставка и укреплена с помощью штифта. Ажурная подставка конусовидной формы имеет 20 арочных отверстий. Конкретное толкование сюжета, конечно же являющегося иллюстрацией определенного мифа, затруднено. Можно лишь, как и в первом случае, видеть в изображенном Митру на вершине Мировой горы.

И еще один светильник из района Большой Алматы также состоит из двух частей — ажурной подставки высотой 22,4 см и блюда диаметром 39 см с бортиком (рис. 3). В центре его расположена композиция из пяти фигур животных: горного козла, двух волков и двух воронов. Горный козел убит и лежит на боку. Его ноги с копытами вытянуты. Рога козла саблевидной формы изогнуты и имеют 13 валиков — годовых колец. Одна фигура стоящего волка расположена над мордой козла, другая — с противоположной стороны, над его крупом. Морды волков склонены над жертвой, пасть оскалена, видны зубы и клыки. Уши

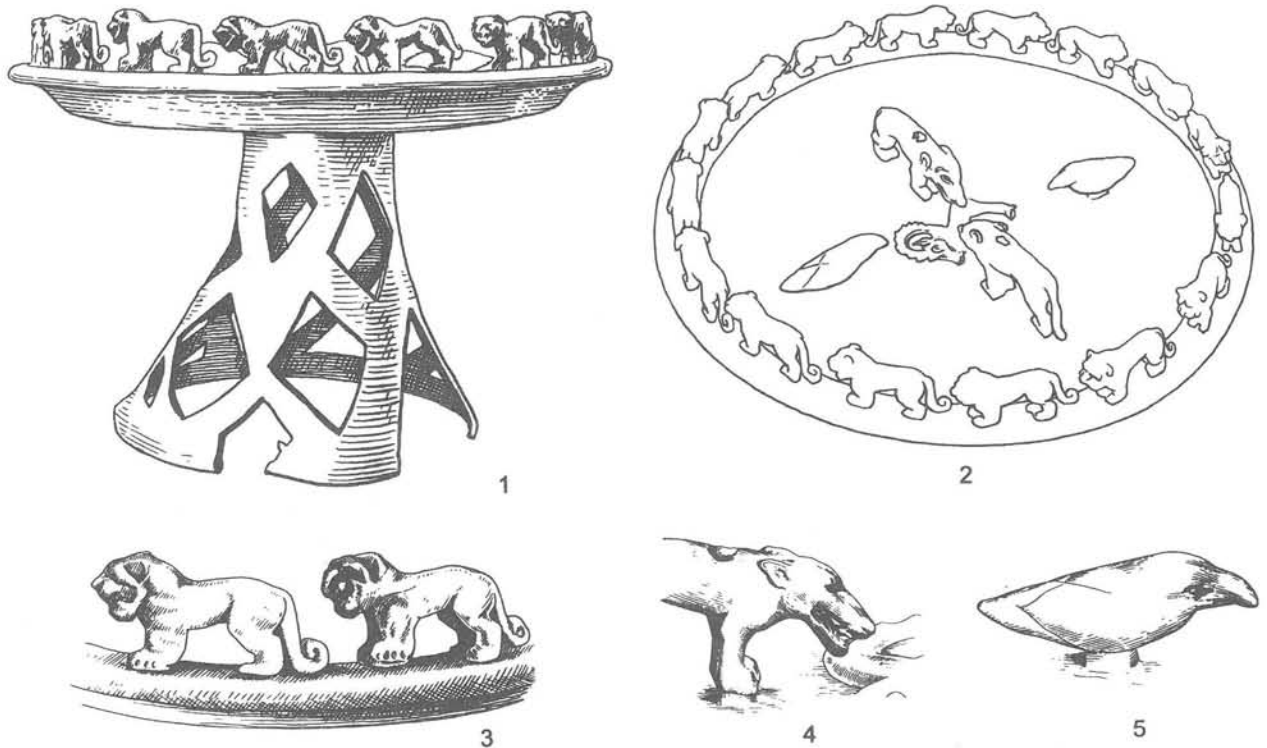

Рис. 3 Светильник с изображением сцены терзания горного козла.

Fig. 3 Lamp with a scene of tearing to pieces a mountain goat.

прижаты к голове. Удлиненные глаза каплевидной формы проработаны резцом. Туловище — длинное с втянутым животом, хвостом до пят, мощными лапами с крупными когтями. На спинах литых, полых фигур имеется по одному круглому отверстию. С двух других сторон на квадратных маленьких подставках припаяны фигуры воронов в позах ожидания остатков волчьей трапезы. Головы воронов с круглыми глазами чуть склонены набок, клювы сильно загнуты. Туловище со сложенными крыльями слегка наклонено вперед.

По бортику блюда напаяно 16 полых бронзовых фигур кошачьих хищников — барсов или тигров, расположенных друг за другом по часовой стрелке, в статичных настороженных позах. Пасти их оскалены; глаза каплевидной формы; хорошо выражены закругленные уши и носы; лапы имеют пять когтей, концы хвостов закручены в колечко. У двух хищников хвосты касаются закраины блюда, у пяти почти касаются ее, у восьми расположены на средней высоте и у одного тигра хвост отбит.

Как и в случае с вышеописанными светильниками, сцена на блюде светильника при ее внешне прозрачном смысле, легко объяснимом как конечный результат охоты волков на горного козла, безусловно, имеет мифическое значение. Изображенные на блюде персонажи хорошо известны по генеалогической легенде происхождения усуней, которые были политическими и, возможно, этническими преемника-

ми саков Семиречья. В изложении китайских источников сохранилась легенда, гласящая о том, что усуньский владетель назывался Гуньмо. Его отец правил усунями, когда на них напали большие юеджи и убили отца. Однако наставнику Гуньмо удалось бежать вместе с младенцем в страну сюнну. Наставник, положив ребенка на траву, отправился на поиски пищи, а когда вернулся, то увидел, что ребенок не один — его кормит молоком волчица, а ворон кружит над ним с куском мяса в клюве. Так был спасен Гуньмо, а волк (волчица) и ворон стали священными животными у народа (Кюнер 1961: 72—73).

Вероятно, изображение волков и воронов на вершине священной горы у туши козла является одним из эпизодов легенды о чудесном спасении владетеля усуней, однако возможны и другие варианты семантики сцены. Центром композиции на блюде светильника является загнанный и поверженный козел, изображения которого в бронзе, в гравировках на каменных плоскостях скал были популярными у саков и усуней. Образ козла был связан с культом гор, плодородием (Литвинский 1972: 142—144). С этим животным сопоставлялся один из элементов структуры мирового дерева. Козел ассоциировался с богом огня — Агни (Атхарваведа IX, 5, 7, 9, 10, 13, 15). Волк, как правило, противопоставлялся травоядному животному, в данном случае козлу. В образе волка олицетворялась нечистая сила ночного и зимнего мрака. Как

травоядные животные имеют страшного врага в ползущем волке, так и небесные стада, выводимые и охраняемые Митрой или богами Солнца и Света, должны были иметь своих мифических волков (Акишев 1984: 49).

По преданию западных славян, Солнце борется с нечистой силой — Зимой, нападающей на него в виде волка. Если лето представлялось периодом победы светлых богов над темными, то зима — периодом торжества демонов (холода, туманов, снеговых туч) над благодатной силой солнечного света и теплоты. Продолжение зимы от ноября до февраля известно под именем волчьего времени (Афанасьев 1983: 163).

Обычно в общечеловеческих представлениях птица — образ неба и солнца. По мнению А. К. Акишева, изображение пары грифов на вершине иссыкского кинжала отражает общеиндоевропейский миф о птицах на вершине Мирового древа, откуда они обозревают весь свет и «фиксируют» течение времени (Акишев 1984: 40). Итак, вороны, сидящие рядом с убитым козлом, олицетворяющим свет и огонь, и поверженными силами тьмы и холода в образе волков, ассоциировались с небом, верхом вселенной, где и начинались процессы, связанные с изменениями годовых циклов, и, в данном случае, победы тьмы над светом, смены лета на зиму.

Видимо, второе по значению место в серии священных бронз Семиречья занимали котлы, в которых варилось мясо жертвенных животных. Поэтому все они закопчены. В настоящее время в музеях Алматы собрано около 80 экземпляров котлов. Количество их вкладах колеблется от 4 до 10, но есть и отдельные экземпляры, возможно и не имевшие отношения к святилищам и комплексам культовых бронз. Котлы имеют полусферическое тулово опирающееся на куносвидную подставку или, реже, на три ножки, оформленные в виде лап хищников либо ног копытных животных. Известны случаи, когда места изгиба ножек украшены протомами архаров, драконообразных существ и каких-то ушастых животных, возможно куланов? Обычно гладкое тулово котлов иногда украшено валиками, полуовалами и треугольниками. На них для транспортировки имеются ручки у закраины по две или четыре, поставленных накрест. В таком случае одна пара ручек располагается вертикально, другая — горизонтально. Имеется тип котлов яйцевидной формы с вертикальными ручками, выступающими над краем. Эти ручки обычно украшены выступами в виде кнопок. В ряде случаев у котлов зафиксированы носикосливы. Размеры котлов различны: от огромных, вмещающих до 100 литров воды, до небольших вместимостью 5—7 литров. Один из последних кладов котлов найден в урочище

Орман в 7 км к востоку от г. Талгара и состоял из шести экземпляров, отличающихся размерами, числом ручек и украшениями. Интересно, что на дне всех котлов имеются метки в виде выступающих палочек (Байпаков, Исмагил 1990: 41—51). Число котлов не случайно и определялось, скорее всего, количеством отдельных коллективов: семей, родов, племен, которым принадлежало святилище. Размеры котлов свидетельствуют о их назначении либо для одного коллектива, либо нескольких. По их числу вкладах можно судить о характере святилищ, их иерархии от родовых до племенных и, возможно, общегосударственных. Очевидно, что, кроме утилитарного назначения, котлы несли и глубокую смысловую нагрузку.

О символическом значении котлов свидетельствует рассказ Геродота о скифах. Он сообщает, что «один скифский царь по имени Ариант пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников... медный сосуд и выставить в Эксампае». Сосуд был огромным: толщина его стенок равнялась шести пальцам, а объем 600 амфорам. Таким образом, этот «царь-котел» как бы символизировал многочисленность и мощь этого скифского царства и был в то же время символом самого царства Арианта (Геродот IV, 81 1970: 208). Котлы из святилищ Семиречья также, видимо, являлись символами-знаками объединенной семей, родов и племен саков. Значение котла как символа единения фиксируется и позднее. Так, в некоторых погребениях кыпчаков-половцев XII—XIII вв. вместе с умершим захоранивали котел или котелок, который означал, что здесь был похоронен глава семьи или рода. А русский летописец, желая подчеркнуть мощь и силу половецкого объединения хана Кончака, писал, что этот великий хан может перенести котел через Сулу (Полное собрание русских летописей II 1962: 716).

Третьим элементом триады являлись жертвенные столы. Их известно несколько экземпляров. Наибольшую известность получил так называемый «семиреченский алтарь», обнаруженный в 1912 г. на территории Большой станицы г. Верного (Стрелков 1932: 477—493). Стол — прямоугольный размером 113 × 126 см с бортиками высотой до 6,5 см. На каждой из его сторон имеется по горизонтальной ручке для переноски. Стол стоит на четырех невысоких округлых в сечении ножках высотой 22 см. На бортике стола по всему периметру расположены ритмично, одна за другой фигурки стоящих крылатых барсов (тигров?). Всего их было 30, но к моменту находки сохранилось только

25. Изображения один к одному повторяют фигурки крылатых барсов на светильнике из окрестностей Алматы, описанном выше. Не исключено, что когда-то они входили в состав единого ритуального комплекса святилища. Безусловно, фигуры крылатых барсов на бортике стола, как и в случае со светильниками, являлись защитниками его пространства, возможно, символизирующего землю саков. Не менее символичны изображения и на других жертвенных столах, в частности фигурки яков на углах стола, найденного вблизи села Семеновское на северном берегу Иссык-Куля (Бернштам 1952: рис. 19). Як, как и бык, и корова, отождествлялся с небесными облаками. Здесь же был найден еще один стол, ножки которого сделаны в форме ног верблюда.

Интересный стол находился в составе Чельпекского клада, также найденного на северном берегу Иссык-Куля. В его составе были и котлы, причем на бортике одного из них находилась припаянная фигурка яка, аналогичная тем, которые украшали углы стола из Семеновского клада. Стол же был интересен тем, что опирался на ножки, сделанные в форме женских фигурок, высотой 22,5 см. Из четырех ножек сохранились лишь две, изображающие женщин с большим прямым носом, миндалевидными, поднятыми к вискам глазами и широким ртом. Лицу присуще застывшее выражение. Головной убор изображен в виде круглой шапочки с околышем. Руки, поднятые вверх и поддерживающие стол, украшены широкими плоскими браслетами. Женщина одета в туникообразное платье без рукавов с отложным воротником, закрывающим плечи. Полоса, состоящая из стреловидных блях, образующих «елочку», украшает изображение от шеи до талии. Складчатая, узкая юбка спускается до пола (Винник 1982: 26—29, рис. 12—15). В чем-то фигурка женщины схожа с изображением женщины-богини на ковре из Пазырыкских курганов на Алтае. Она одета в узкое платье, украшенное спереди полосой с нашивными бляхами стреловидной формы. На голове ее — прямоугольная

шапка, запястья рук украшены плоскими браслетами. Женщина сидит на троне, одна рука у нее поднесена к лицу, во второй — ветка с цветами, бутонами и листьями. Есть предположение, что это богиня Анахита (Руденко 1960: 298). Появление образа богини, поддерживающей жертвенный стол, оправдано, поскольку подчеркивает его сакральный характер.

Назначение столов вполне понятно — на них помещали сваренное в котлах мясо жертвенных животных, которое поедали участники культовых обрядов и празднеств, связанных, скорее всего, с воскресающей природой, весенним равноденствием или с Ноурызом — Новым годом. Это был важнейший и древнейший праздник народов Евразии. Интересное предположение об этом празднике было высказано Е. Е. Кузьминой, которая по-новому «прочла» изобразительный контекст изображений на Каргалинской диадеме, принадлежавшей шаманке (Бернштам 1940: 23—31). По мнению Е. Е. Кузьминой, Ноурыз соотносится с греческим праздником в честь Диониса — древнегреческого божества умирающей и воскресающей природы, родственного египетскому Осирису, фригийскому Аттису, сиро-финикийскому Адонису, фракийскому Сабасию (Кузьмина 1987: 158—181). После походов Александра Македонского культ этого божества широко распространился в Евразии и зачастую сливался с местными божествами. Однако греческие или греко-бактрийские черты проявились в изобразительном искусстве, о чем свидетельствует анализ сюжета Каргалинской диадемы, принадлежащей усуням и датированной II в. до н. э. — I в. н. э. В пользу распространения культа Диониса могут свидетельствовать и женские фигурки, поддерживающие столешницу жертвенного стола из Чельпека. Их, вероятно, можно сопоставить с женой Диониса Ариадной, отождествленной с главной богиней среднеазиатского пантеона Анахитой — Миной (Рапопорт 1978: 275—283), образы которых победно шествовали по Великому Шелковому Пути.

Акишев, А. К. 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука.

Артамонов, М. И. 1973. Сокровища саков. Амударьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. Москва: Искусство.

Археологические исследования в Синьцзяне. 1983. Археологические исследования в Синьцзяне за 30 лет (1948—1979 гг.). (На китайском языке). Урумчи.

Афанасьев, А. Н. 1983. Древо жизни и лесные духи. Древо жизни. Москва.

Байпаков, К. М., Р. Б. Исмагил. 1990. Бесагашский клад бронзовой посуды из Семиречья // Известия Министерства науки — Академии наук Республики Казахстан 2.

Бернштам, А. Н. 1940. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинка // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР V: 23—31.

1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР 26. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.

Валиханов, Ч. Ч. 1958. Следы шаманства у киргизов // Избранные произведения. Алма-Ата.

Винник Д. Ф., Н. С. Лесниченко, А. В. Санаров. 1977. Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля // Археологические открытия 1976 года. Москва.

Геродот. 1972. История в 9 книгах // Перевод и примечание Г. А. Стратоновского. Кн. IV, 81. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.

Герценберг, Л. Г. 1965. Хотано-сакский язык. Москва.

Древности Таджикистана. 1985. Древности Таджикистана. Душанбе: Дониш.

Жумабекова, Г. С. 1996. О «кладах» металлических изделий в Семиречье // Известия Министерства науки — Академии наук Республики Казахстан 2.

- Зимма, Б. М. 1941. Исык-кульские жертвенники. Фрунзе: Издательство Комитета наук при СНК Киргизской ССР.
- Кадырбаев, М. К. 1996. Светильник с космогоническим сюжетом из Алматы // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек.
- Копылов, И. И. 1957. Из истории литейного дела в сакское время // Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института. Серия общественно-политическая XIV (2). Алма-Ата.
- Кузьмина, Е. Е. 1987. Дионис у усуней (о семантике каргалинской диадемы) // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства: 158—181. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Кызласов, Л. Р. 1979. Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). Москва: Издательство Московского государственного университета.
- Кюннер, Н. В. 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Москва: Издательство восточной литературы.
- Литвинский, Б. А. 1981. Семантика древних образов, верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: 90—121. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Мелетинский, Е. М. 1977. Миф и историческая поэтика фольклора. Фольклор. Поэтическая система. Москва.
- Полное собрание русских летописей. 1962. Полное собрание русских летописей. Том II. Москва: Издательство восточной литературы.
- Пугаченкова, Г. А. 1986. Шедевры Средней Азии. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма.
- Рапопорт, Ю. А. 1978. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока: 275—284. Москва: Главная редакция восточной литературы.
- Руденко, С. И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
- Слепков, А. С. 1932. Большой Семиреченский алтарь // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882—1932. Ленинград.
- Топоров, В. Н. 1982. Первобытное представление о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. Москва.
- Boyse, M. 1968. On the Sacred Tires in Zoroastrians // Bulletin of the school of Oriental and African Studies XXXI: 1.
- Gonda, J. 1960. Die Religionen Indiens I. Veda und alterer Hinduismus. (Die Religionen der Menschheit Bd II). Stuttgart.
- Great Bundahishn. 30.5; 77.
- The ancient art in Xinjiang. 1994. The ancient art in Xinjiang. China. Beijing.
- The Sun. 1993. The Sun Eternal flame creation // Compiled and presented by M. Singh: pic. 70. UNESCO.

ARTISTIC BRONZES FROM THE LAND OF THE SEVEN RIVERS

K. M. BAYPAKOV

The name of *artistic bronzes from the Seven Rivers* is referred to the sets of bronze objects including lamps, incense burners, cauldrons, and tables for sacrifices, usually found in hoards originating mostly in the region of Seven Rivers: the Ili Valley, Issyk Kul Depression, and occasionally in the valleys of the Chu and Talas rivers. These bronzes are dated to the period of the early nomads — Sakians and Usuns who occupied this area from the 8th century B.C. to the 4th century A.D. However, the objects under discussion were manufactured during a narrower period — in the second half of the 1st millennium B.C. Finds of the bronzes are connected with ancient sanctuaries located in picturesque hidden places: in foothills and mountain canyons. The ritual character of the objects suggests a complicated semantics of their sculptural representations. The central place in the triad (lamp, cauldron, sacrificial table) undoubtedly belonged to lamps, everyone of which was very individual and saturated with representations making up certain compositions. In this article, three lamps found on the territory of Great Almatinka are described. The beasts of prey on two of the lamps (fig. 1; 3: 3) probably depict tigers or

snow leopards — representatives of the fauna of the Seven Rivers and Eastern Turkestan. Tigers were found in foothills and river valleys, and snow leopards lived in mountains. Representations of these animals are characteristic of the art, folklore and mythology of Eurasian peoples. Such representations were regarded as amulets and guarded the space or the Sakian World from the outside. Two, three or four tigers, snow leopards or lions were depicted on a city's gates, at the corners of Buddhist temples, on both sides of thrones, on the perimeter of Sauromatian altars, and, as in our case, in the centre and corners of lamps. Also, it is known that representations of tigers and other beasts of prey had a cosmogonical meaning. Tigers guarded the borders of the Cosmos and this image was linked with the fire cult: the planetary fires and the god of fire — Agni — were personified in a tiger. In the Khotan-Sakian language 'tiger' means 'the dawn'. The purpose of the lamps and representations on them as ritual objects connected with the fire, sunlight and calendar seasonal cycles thus becomes clear.

The representation on the second lamp probably depicts god Mithras fighting demons and by

means of an arrow-lightning breaking dark clouds and kindling the Lamp of Life put out by the demons of Darkness. Also, he is bringing out to pasture on the Meadow of Heaven a herd of cows and bulls in form of rain-clouds spilling the life-giving moisture onto the earth. The Winter and Darkness are retreating and the Spring is coming. The light also was identified with cows and bulls.

The characters represented on the plate of the third lamp are well known from a genealogical tradition about the origin of Usuns who were the political and, probably, the ethnical successors of the Sakas of the Seven Rivers. Chinese sources

preserved a legend telling that the Usunian ruler's name was Gunmo. His father ruled the Usuns when the Great Yüeh-chih attacked the latter and killed him. However, Gunmo's tutor succeeded in escaping with the infant to the land of the Hsiung-nu. The tutor put the baby on the grass and set out in search of food, but on coming back he saw the baby was not alone — a she-wolf was breast-feeding him and a raven was circling above with a piece of meat in his beak. Thus Gunmo was rescued and the wolf (she-wolf) and the raven became the people's sacred animals (Кюнер 1961: 72—73).

ЛЕПНЫЕ ЧАШКИ НА НОЖКАХ КОНЦА VII—I вв. до н. э. ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Часть вторая

К. И. ЗАЙЦЕВА¹

В первой части статьи (Зайцева 2000) были рассмотрены лепные чашки на ножках, происходящие из греческих центров Северного Причерноморья. Во второй части статьи изучаются подобные сосуды конца VII—I вв. до н. э., сделанные местными варварскими племенами Лесостепной и Степной Скифии, поздними скифами Крыма, Нижнего Приднепровья и Приднестровья, меотами Прикубанья — всего 51 чашка и одна крышка. Нумерация всех чашек в статье сплошная, во второй части она начинается с № 40. Номера сосудов в тексте статьи соответствуют номерам под их рисунками (рис. 1: 40—70; рис. 2: 71—91). Все эти изделия собраны в рамках данной работы по ранее сделанным разрозненным публикациям.

Самые ранние лепные чашечки происходят из раскопок поселений и могильников лесостепных районов Восточной Европы, занимающих пространство от Среднего Днестра на западе до Среднего Дона на востоке. В краткой характеристике этих сосудов мы придерживаемся разделения скифообразной культуры Лесостепи на несколько локальных групп, предложенного А. И. Мелюковой и В. Г. Петренко (Степи 1989: 40—48, 67—68). Из Западноподольской группы, охватывающей памятники бассейна среднего течения Днестра, рассматриваются четыре чашечки (рис. 1: 40—43). Из них сосуд № 40 найден при раскопках 1970—1974 гг. на поселении конца VII—VI вв. до н. э. у с. Залесье (Барышевский район, Тернопольская область) (Ганина 1984: 68—79, рис. 3: 6 — рис. 1: 40; Степи 1989: 67, 73, 74, карта 8, VIII, табл. 21: 15 — рис. 1: 40). Чашечки № 41—43 обнаружены в 1951 г. на поселении второй половины VI—начала V вв. до н. э. у с. Селище в урочище «Скрипки» (Мелюкова 1953: 60 сл., 67—73, рис. 32: 7, 8, 9 — рис. 1: 41, 42, 43). К этой группе относятся также две чаши на ножках конца VII—VI вв. до н. э. из раскопок Т. Сулимирского 1936 г.

в Западной Подолии (Степи 1989: 73; табл. 21: 13, 16).

Чашки на ножках Ворсклинской группы памятников датированы VI—V вв. до н. э. (рис. 1: 44—48). Все они происходят из раскопок Восточного укрепления Бельского городища (Полтавская область), которое было крупнейшим в Восточной Европе поселением скифской эпохи. Б. А. Шрамко (Шрамко 1987: 15 сл., 164, 165) отождествляет Бельское городище с Гелоном Геродота и предполагает, что это был центр племенного объединения в Левобережье Днепра — области, где жили будины и гелоны. Бельское городище прекратило свое существование в III в. до н. э. Лепные чашки № 44—48 названы светильниками (Шрамко 1973: 82—112, рис. 1, 2 — планы Бельского городища и Восточного укрепления, рис. 5: 16, 23 — рис. 1: 46, 47; 1983: 73—92, рис. 11: 13, 14, 18 — рис. 1: 44, 46, 48; 1987: 11—36, 52, 111, рис. 18: 19 — рис. 1: 47; рис. 51: 12, 13, 17 — рис. 1: 44, 46, 48; Степи 1989: 67, 74, 75, карта 8, IV, табл. 22: 42 — рис. 1: 45). К Ворсклинской группе относятся еще три ранее опубликованные чашки (Шрамко 1987: 46, рис. 14: 14, 26; Степи 1989: табл. 22: 12).

Лепные чашки Посульской группы памятников тоже относятся к раннему времени (рис. 1: 49—52). Они найдены: чашка № 52 — в кургане 9 VI в. до н. э. у хутора Поповка; №№ 49, 50 — в кургане 494 V в. до н. э. у с. Волковцы (около г. Ромны); № 51 — в кургане 505 первой половины V в. до н. э. у с. Броварки (Ильинская 1968: 57—59, 70, табл. 52: 2 и 63: 6 — рис. 1: 52; табл. 63: 7, 10, 11 — рис. 1: 49, 50, 51; Галанина 1977: 42, 47, 50—55, табл. 24: 26, 27 — рис. 1: 49, 50; табл. 30: 14 — рис. 1: 51; Степи 1989: 67, 77—79, карта 8, V). В курганах найдено еще несколько чашек на ножках, не переиздаваемых нами (Ильинская 1968: табл. 11: 15 и 59: 5, табл. 52: 34 и 63: 9; табл. 59: 9, 11; табл. 63: 8, 15).

¹ Россия. 196657. Санкт-Петербург. Колпино. Пролетарская ул., д. 58. кв. 154.

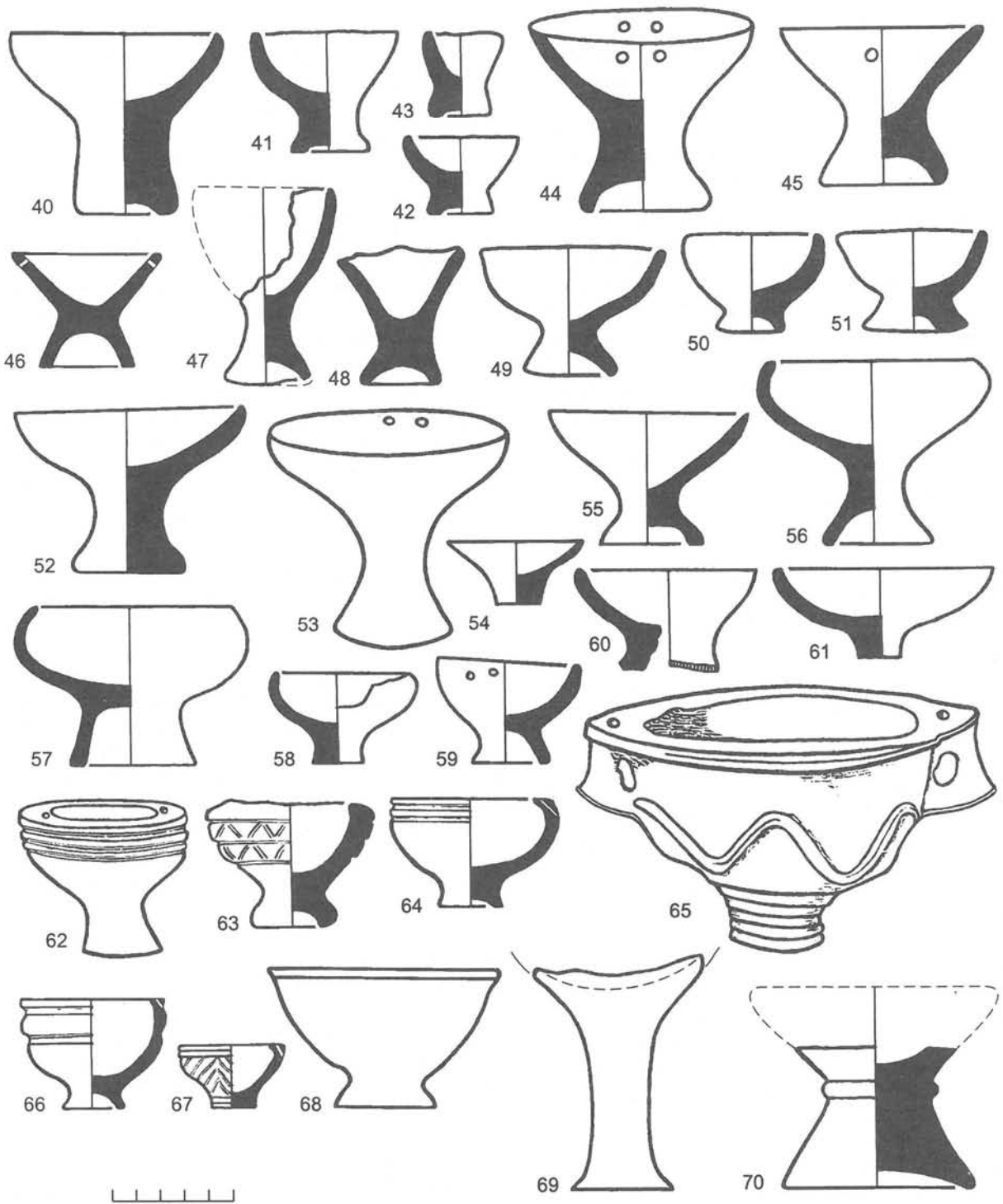

Рис. 1 Лепные чашки местных варварских племен Северного Причерноморья. Лесостепь юга Восточной Европы: № 40—43 — Западноподольская группа памятников, конец VII — начало V вв. до н. э.; № 44—48 — Ворсклинская группа, VI—V вв. до н. э.; № 49—52 — Посульская группа, VI—V вв. до н. э.; № 53—61 — Правобережная Среднеднепровская группа, V—начало III вв. до н. э.; № 62—67 — Среднедонская группа, IV—III вв. до н. э. Степная Скифия: № 68 степная группа памятников, середина V в. до н. э.; № 69, 70 — Elizavetovskoe gorodishche na Nizhnem Donu, IV—начало III в. до н. э.

Fig. 1 Hand-made cups of local barbarian tribes of the northern Black Sea region. Forest-steppe zone of south Eastern Europe: 40—43 Western Podol group, late 7th—early 5th century B. C.; 44—48 — Vorskla group, 6th—5th centuries B. C.; 49—52 — Sula group, 6th—5th centuries B. C.; 53—61 — Right Bank Middle Dnieper group, 5th—early 3rd centuries B. C.; 62—67 — Middle Don group, 4th—3rd centuries B. C. Steppe zone of Scythia: 68 — Steppe group, middle 5th century B. C.; 69—70 — Elizavetovskoe townsite at Lower Don, 4th—early 3rd centuries B. C.

К Правобережной Среднеднепровской группе памятников относятся 9 лепных чашек на ножках (рис. 1: 53—61). Они обнаружены в погребениях: чашки № 53—55 — в кургане 70, погребение 2 V в. до н. э. у с. Куриловка; сосуд № 59 — в кургане 395 того же времени у с. Ковали; № 58 — в кургане IV в. до н. э. 98 (погребение 2) в урочище Секирное (около г. Смела). Чашки №№ 56, 57 V-IV вв. до н. э. с лощеной поверхностью найдены случайно у с. Малый Ржавец; судя по хорошей сохранности, они происходят из погребений. Фрагментированные сосудики № 60, 61 выявлены на поселении V — начала III в. до н. э. у с. Грищенцы (Черкасская область) (Петренко 1967: 12, 22, 72—75, 94, 121, 125, табл. 8: 6—12 — рис. 1: 53—59, табл. 6: 18, 24 — рис. 1: 60, 61; Степи 1989: 67—71, карта 8, VI; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 74, 76, сл., рис. 17: 28, рис. 18: 38 — рис. 1: 60, 61; рис. 21: 11—13 — рис. 1: 53—55; рис. 34: 7 — рис. 1: 59; 145, 146, 170, 266, 267 — датировки даны по этой книге; Галанина 1977: 17, 18, табл. 5: 7 — рис. 1: 59). Из этой группы изда- но еще несколько чашек (Петренко 1961: 85, 86, рис. 9: 6, 7 — поселение у с. Грищенцы; 1967: 125, табл. 8: 5; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 78, 82, 108, 148, рис. 19: 38; 21: 10; 34: 8).

Лепные чашки на ножках Среднедонской группы памятников датированы IV-III вв. до н. э. (рис. 1: 62—67). Две из них найдены на городищах у хут. Городище (Кировское) — № 63 и Волошино I — № 65 (Либеров 1965: 24, 25, 30, 59, табл. 2: 4 и 10: 32 — рис. 1: 65; Пузикова 1969: 57—66, рис. 11: 2, 14 — рис. 1: 63, 65; Степи 1989: 67, 79, 80, карта 8, I). Остальные чашечки обнаружены в крупных курганных могильниках у с. Мастюгино: № 62 — в 1908 г. в кургане 2; № 67 — в 1958—1962 гг. в кургане 18/38, а также в урочище «Частые Курганы» (под г. Воронежем); №№ 64, 66 — в 1954—1957 гг. в кургане 11/2 (Либеров 1965: 19, 59, табл. 10: 34, 35, 38, 39 — рис. 1: 62, 64, 66, 67; Степи 1989: табл. 24: 54, 55 — рис. 1: 62, 67). Из раскопок поселений и могильников на Среднем Дону ранее опубликовано еще несколько целых и фрагментированных чашек (Либеров 1960: 169, рис. 5; 1965: 59, табл. 10: 22—24, 33, 37; 1971: 106, рис. 2: 10; Пузикова 1969: 59, 60, 88, рис. 11: 4, 5, 8—13; рис. 12: 4, 6; рис. 3: 4; Гуляев, Савченко 1995: 92, 98, рис. 5: 3 и 9: 4). П. Д. Либеров (Либеров 1965: 33—35) считает, что на правом берегу Средне- го Дона и по обеим сторонам р. Воронежа, ле- вого притока Дона, жили оседлые племена, за- нимавшиеся земледелием и скотоводством. Остальная территория Среднего Дона к востоку от него была занята кочевыми племенами.

Чашки из Лесостепной Скифии разнообразны по размерам: большая часть их высотой

от 4 до 8,6 см, высота миниатюрных сосудиков № 42, 43, 54, 67 от 2,7 до 3,7 см. Они разно- образны и по своим формам, которые типоло- гически близки лепным сосудам из античных центров Северного Причерноморья. Вместили- ща сосудов из лесостепных районов тоже де- лали конусовидными (№ 40, 43—46, 48, 52— 55), либо полушаровидными (№ 41, 42, 49—51, 56—61). Они также покоятся на ножках с под- ставками, на ножках, несколько расширяю- щихся книзу, на ножках в виде плавного пере- хвата между верхней и нижней частями сосу- дов (№ 44—46, 48, 53). В отличие от чашек из античных центров, некоторые из них стоят не- посредственно на конусовидных подставках разной высоты и диаметра (№ 42, 50, 51, 59, 63, 64, 66). Снизу ножек и подставок у многих изделий имеются выемки разной глубины, реже они плоско срезаны (№ 52, 54, 58, 67). Подчеркнем, что в ножке чаши № 60 так же, как и в ножке фрагмента № 12 из Ольвии (Зайцева 2000: рис. 1), имеется широкое сквоз- ное отверстие. Чашечка № 47 отличается от остальных рюмкообразной формой, сосуды № 44—46, 53, 59, 62, 64—67 — наличием двух маленьких отверстий под краями вместилищ или в толще краев. Тулово вазочек Среднедон- ской группы украшено валиками и желобками, иногда резным орнаментом в виде треугольни- ков (№ 62—64, 66, 67). Наиболее своеобраз- ным из всех изделий является серолощенный кубок-канфар III в. до н. э. с двумя ручками Среднедонской группы памятников — рис. 1: 65 (его высота 9,5 см). Прототипом для него послужили античные чернолаковые канфары, но привозная форма сильно переработана на местный лад. У него широкий, сплюснутый край с двумя проколами, как и у других чашек этой группы; округлое тулово, украшенное волнистым наклепным валиком, и высокая полая снизу ножка с пятью резными поясками. Этот сосуд вряд ли использовался в бытовых целях, поскольку его край выступает над стен- ками как внутрь чаши, так и наружу. Чаша известна в единственном экземпляре.

Обширные степные просторы Северного Причерноморья, простирающиеся от низовий Дуная на западе до Дона на востоке, занимали собственно скифские кочевые или полукочевые племена. Очевидно, обычая изготавливать леп- ные чашки на ножках у скифов не было: нам удалось найти всего лишь одну «небольшую мисочку на невысоком поддоне» — рис. 1: 68 (Мурзин 1977: 60—62, рис. 4: 4; 1984: 33, рис. 18: 12). Она обнаружена в 1964 г. при строительных работах в г. Днепрорудном (За- порожская область) в довольно богатом нару- шенном погребении середины V в. до н. э. (Мурзин 1977: 60—66, рис. 4: 5; 1984: 32, 33, рис. 18). Форма этого сосуда наиболее близка

чашечке № 51 первой половины V в. до н. э. Посульской группы Лесостепи.

В Нижнедонской степной группе самым крупным и центральным поселением являлось Елизаветовское городище в дельте Дона, на юго-восточной окраине Скифии. Оно существовало с V по начало III вв. до н. э. (Брашинский, Марченко 1980: 211—218; Марченко 1992: 174—186; Копылов, Васильев 1991: 27—36; Степи 1989: 59—62). На территории Елизаветовского городища обнаружено небольшое количество обломков лепных чашек, из них опубликованы всего два фрагмента лучшей сохранности — рис. 1: 69, 70 (Марченко 1972: 122—134, тип X, рис. 2: 13, 16). Один из них это «обломок светильника на столбовой ножке» — он найден в 1968 г. в культурном слое IV—III вв. до н. э.; другой — нижняя часть чаши с рельефным ободком на ножке. Четыре обломка чашек последнего типа найдены либо в самой верхней пахотной части культурного слоя, либо при сборах на поверхности городища; они датированы самым последним периодом жизни памятника (Марченко 1972: 132, 133). Опубликована также одна лощеная миска с диаметром края около 20 см из погребения третьей четверти V в. до н. э. (Копылов, Марченко 1980: 156, 159, рис. 1: 17, тип VI).

После распада Великой Скифии или разгрома ее сарматами в первой трети III в. до н. э. (Щеглов 1985: 185—198; 1988: 29—40) центрами позднескифской культуры стали Крым и Нижнее Приднепровье. Столицей позднескифского царства в Крыму был Неаполь — резиденция царя скифов Скилура и его сына Палака, при которых это государство достигло наивысшего расцвета. Скифское государство прекратило свое существование в III—IV вв. н. э.

Из раскопок на территории Крыма переиздаются 9 лепных чашек на ножках (рис. 2: 71—79). Они найдены на городищах: Неаполь (рис. 2: 71, 74, 79), Красное (рис. 2: 72) и Южно-Донузлавское (рис. 2: 76); датированы III—II вв. до н. э. (рис. 2: 71, 72, 76) и эллинистическим временем (рис. 2: 79). Фрагментированная чашка № 74 отнесена к рубежу н. э., но среди наших изделий имеется сосуд V—IV вв. до н. э. точно такой же формы (рис. 1: 56) (Высотская 1979: 102, 103, 109, 110, рис. 36: 14 — рис. 2: 74; рис. 43: 1 — рис. 2: 79; Степи 1989: 125—140, карта 11 — позднескифские памятники Крыма и Нижнего Приднепровья; Дашевская 1991: 15, 16, 17, 67, 73, табл. 11: 1—3 — рис. 2: 71, 72; табл. 17: 9 — рис. 2: 76). Несколько чашек найдено в погребениях: № 75 — в погребении конца III—II вв. до н. э. и № 78 — в погребении 3 земляного склепа 4 II—I вв. до н. э. Неапольского могильника (Степи 1989: табл. 56: 12 — рис. 2: 75; Дашевская 1991: 105, табл. 49: 17 — рис. 2: 75; Сы-

монович 1983: 30, 31, 120, табл. I: 6 — рис. 2: 78). Среди археологических материалов из Крыма имеются две редкой формы курильницы. Конусовидная лощеная курильница № 73 покоится на трех ножках, украшенных резными линиями; на ее внутренней поверхности имеется резной орнамент. Она найдена в кургане 2 конца III—I вв. до н. э. в бывшем имении Черкеса близ Симферополя (Дашевская 1991: 28, 102, табл. 46: 1). Курильница № 77 с округлым вместилищем на толстой полой ножке внутри разделена перегородкой на два отсека (высота 4,3 см, диаметр 10 см). Она происходит из раскопок земляного склепа 38 I в. до н. э. Беляусского могильника (Дашевская 1980: 25, 26, рис. 6: 2; Степи 1989: табл. 51: 14).

Культура поздних скифов представлена также материалами городищ и поселений, располагавшихся на Нижнем Днепре. Из Знаменского городища, самого северного из нижнеднепровских поселений, происходят всего три лепные чаши (рис. 2: 80—82). Чашка № 80 на массивном поддоне-подставке датирована II в. до н. э., № 81, 82 — II—I вв. до н. э. Из них сосуд № 81 опоясан рельефным валиком, изделие № 82 могло использоваться как чашка или крышка (Погребова 1958: 133, рис. 16: 3, 5, 6 — рис. 2: 80—82); Степи 1989: табл. 5: 2 — рис. 2: 80). Из раскопок Гавриловского городища переиздается одна миска на полой ножке, сделанная небрежно. Она найдена в яме № 2 II—I вв. до н. э. на участке II (Погребова 1958: 164 сл., 171, 211, рис. 27: 6 — рис. 2: 83). Однако, целых и фрагментированных сосудов с этого городища издано значительно больше, некоторые из них, вероятно, тоже относятся ко II—I вв. до н. э. (Погребова 1958: 180, 185, 206, рис. 31: 9 (диаметр края 30 см), рис. 34: 6, 8, 9 — III—I вв. до н. э.; рис. 42: 11 — обломок чаши с валиком на ножке; Петров 1961: 155—174, табл. VI: 1—6; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 109). Несколько подобных чашек издано и из других городищ (Петров 1961: 172, табл. XII: 3; Гаврилюк, Абикулова 1991: 3 сл., 21, 25, рис. 11: 1, 2, 4, 5).

Много лепных чашек на ножках найдено на поселении Золотая Балка, существовавшего с конца III—II вв. до н. э. по I—II вв. н. э. К II—I вв. до н. э. можно отнести всего три чаши и крышку, которая могла принадлежать одной из них (рис. 2: 84—87). Почти все они обнаружены в жилых домах указанного времени на раскопах «А» и «Г». Еще одна упоминаемая нами чашка выявлена в яме № 10 II в. до н. э. (Вязьмитина 1962: 24, 25, 81—83, 86, 87 сл., 131, рис. 2: 46: 6 и 65: 48 — рис. 2: 87; 48: 9—11 — рис. 2: 84, 85; 65: 46 — рис. 2: 86; 57: 2 — чашка из ямы № 10).

Несколько лепных чашек на ножках II в. до н. э. обнаружено на левобережье Нижнего

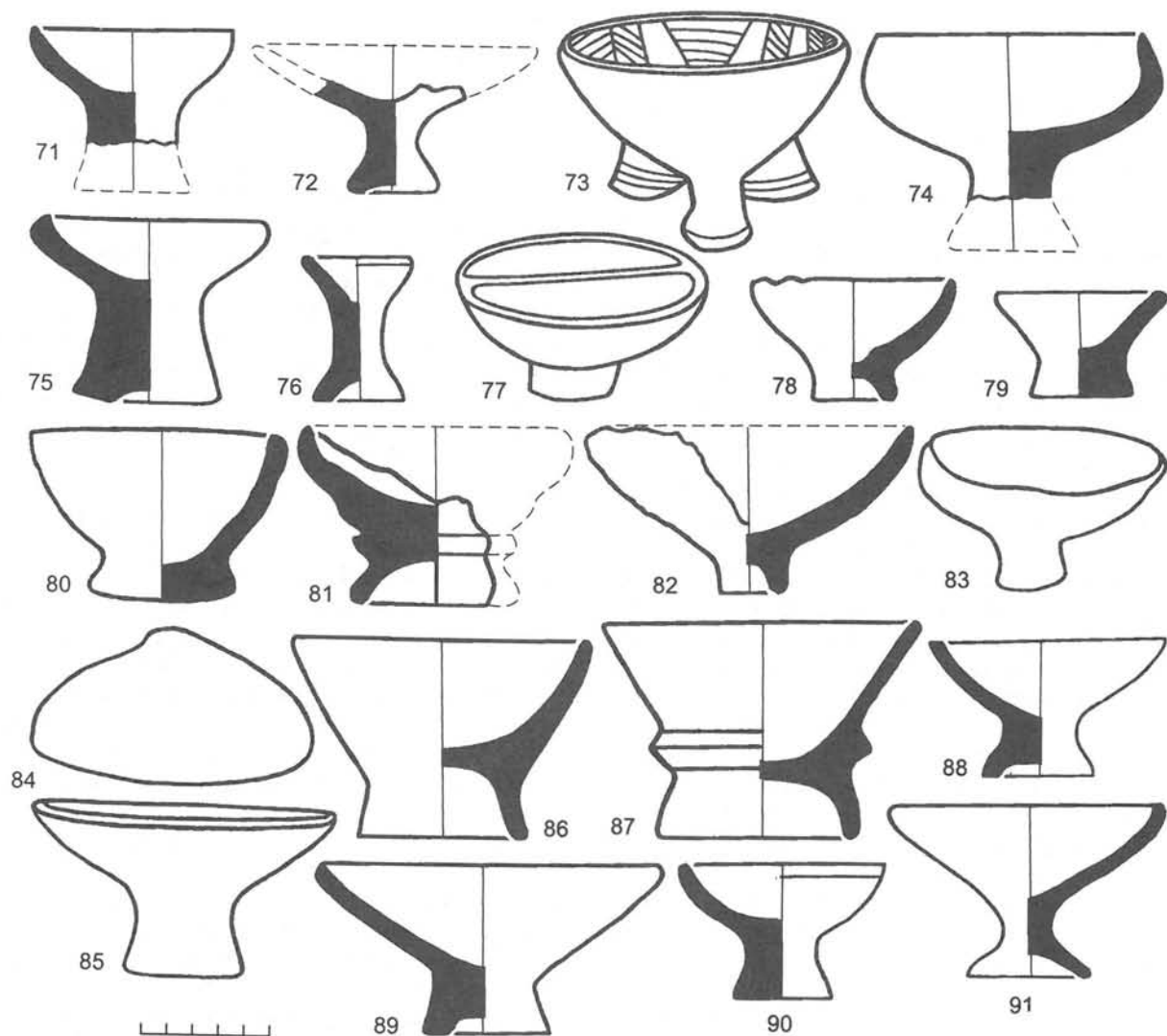

Рис. 2 Лепные чашки местных варварских племен Северного Причерноморья. Позднескифское царство в Крыму: № 71—79, III—I вв. до н. э. Поздние скифы Нижнего Приднепровья: № 80—82 — Знаменское городище, II—I вв. до н. э.; № 83 — Гавриловское городище, II—I вв. до н. э.; № 84—87 — Золотая Балка, II—I вв. до н. э. Нижнее Поднестровье, курганы Тираспольщины: № 88, 89, II в. до н.э. Меоты Прикубанья: № 90, 91, IV — начало I в. до н. э.

Fig. 2 Hand-made cups of local barbarian tribes of the northern Black Sea region. Late Scythian Kingdom in Crimea: 71—79 — 3rd—1st centuries B. C. Late Scythians of Lower Dnieper region: 80—82 — Znamenskoe townsite, 2nd—1st centuries B. C.; 83 — Gavrillovskoe townsite, 2nd—1st centuries B. C.; 84—87 — Zolotaya Balka, 2nd—1st centuries B. C. Lower Dniester region, burial mounds of Tiraspol area: 88—89 — 2nd century B. C. Maeotians of Kuban region: 90—91 — 4th—early 1st centuries B. C.

Поднестровья в курганах Тираспольщины: № 88 — в кургане 377 у с. Плоское, № 89 — в кургане 409 у с. Чобручи и одна не переиздаваемая чашка в кургане 275 у с. Глинное (Мелюкова 1962: 122—127, 131, 134, 155—165, табл. 5: 1, 2 и рис. 3: 10, 11 — рис. 2: 88, 89; табл. 8: 2; 1971: 54).

В Крыму, Нижнем Приднепровье и Нижнем Приднестровье в III—I вв. до н. э. продолжалось изготовление лепных чашек на ножках тех же основных типов, что и в более раннее время в Лесостепной и Степной Скифии (рис. 2: 71, 72, 74—76, 78, 79, 81—83, 85—89), но «позднескифские» сосуды в большинстве своем увеличены в размерах и стали более массивными. В конце III—I вв. до н. э. появились

некоторые новые формы — курильницы № 73, 77 и миска № 80 на сплошном поддоне-подставке.

В Прикубанье и по восточному побережью Азовского моря обширную территорию занимали оседлые меотские племена. В отличие от других древних племен Северного Причерноморья, не знавших гончарного круга, меоты с V в. до н. э. применяли гончарный круг. Среди гончарной керамики большую группу составляли вазочки на ножках с подставками (Степи 1989: 224—240, карты 20, 21, 22, табл. 91: 40, 41, 96: 14—16; Зайцева 1997: 44, 45, табл. 6: 94—105). Меотские племена изготовляли и лепную керамику, но чашечки среди них встречаются редко — переиздаются всего

два сосуда (рис. 2: 90, 91). Чаша № 91 найдена в 1947 г. в женском погребении № 4 IV — начала III в. до н. э. Пашковского могильника (Смирнов 1958: 279—282, 301, рис. 5: 20); № 90 — в 1938 г. в детском погребении № 80 III — начала I вв. до н. э. Усть-Лабинского могильника (Анфимов 1951: 170—172, рис. 5: 10) Ранее опубличены еще две чашки конца VII—VI вв. до н. э. из грунтового могильника на р. Псекупс и из погребения № 96 1938 г. раскопок Усть-Лабинского могильника № 2 (Степи 1989: 230—233, табл. 91: 6, 7), а также «сероглиняный светильник на ножке из Ладожского городища № 7» (Ловпаче 1981: 90, табл. 8: 11). Меотские чашки № 90, 91 из Прикубанья по форме почти такие же, как сосуды № 88, 89 из Тираспольщины.

Исследователи, ранее опубликовавшие лепные чашки № 40—91, именуют их курильницами, ритуальными сосудами, светильниками, а чаще всего мисками, вазочками. Они обычно не касаются вопросов назначения этой группы сосудов или отмечают, что «миски ... имели какое-то специфическое назначение» (Погрехова 1958: 137). Для того, чтобы определить, для чего предназначались лепные чашки местных варварских племен Причерноморья, необходимо рассмотреть конкретные места их находок и проанализировать совместно обнаруженные с ними археологические материалы.

Чашки конца VII—III вв. до н. э. из Лесостепной и Степной Скифии по местам находок распределяются почти равномерно: 15 сосудов обнаружено на городищах и поселениях (рис. 1: 40—48, 60, 61, 63, 65, 69, 70); 14 чашек — из погребений (рис. 1: 49—55, 58, 59, 62, 64, 66—68); № 56, 57, вероятно, тоже происходят из погребений.

В Крыму и Нижнем Приднепровье 13 чашек конца III—I вв. до н. э. происходят из раскопок городищ и поселений (рис. 2: 71, 72, 74, 76, 79—87); 4 чашки — из погребений умерших (рис. 2: 73, 75, 77, 78). В Нижнем Приднепровье и в Прикубанье чаши найдены только в погребениях (рис. 2: 88—91).

В Лесостепной Скифии лепные чашки на ножках обнаружены на поселениях нескольких групп памятников. Из числа чашек № 44—48 Ворсклинской группы, открытых на Восточном укреплении Бельского городища, точное место находки указано только для № 47. Этот сосуд выявлен в землянке начала V в. до н. э. № 12—14 в 1967 г. вместе с предметами бытового и культового назначения. К числу последних отнесены голова грифона от глиняной статуэтки, лепные лепешки, имитирующие маленькие хлебцы, миниатюрный сосудик в виде горшочка (Шрамко 1987: 48—52, рис. 18: 1—21). Подобные и многие другие культовые изделия, в том числе небольшие глиняные жертвенники, сверху хорошо заглаженные и побеленные, найдены на Восточном укреплении почти во всех открытых жилых землянках, наземных жилищах и усадьбах, например, в № 81—28—1979, № 22—26—1976, № 13—25—1974, № 72—29—1980 и др. (Шрамко 1987: 55—65, рис. 20—24). Огромное количество ритуальных предметов, много жертвенников, связанных с ними ям с остатками жертвоприношений, открыто на общественном святилище, которое было расположено на высокой средней части Восточного укрепления. Среди культовых изделий основную массу составляют глиняные антропоморфные мужские и женские статуэтки, глиняные фигурки домашних и диких животных, птиц, змей, фантастических существ. Во многих статуэтках Б. А. Шрамко видит изображения божеств плодородия и земледелия, Диониса — бога умирающей и воскресающей природы, Великой богини — матери всего сущего (Шрамко 1987). Зооморфные, орнитоморфные и другие изображения тоже связываются с культом плодородия, а также с почитанием солнца и луны. К культовым отнесены лепные миниатюрные сосудики разных форм, повторяющие большие сосуды, и другие изделия. Они использовались при совершении ритуальных обрядов как в жилищах, в частных культурах, так и в общественном святилище Восточного укрепления Бельского городища (Шрамко 1987: 127—137, рис. 62—65). К культовым предметам Б. А. Шрамко относит и светильники, которыми он считает изданные им лепные чашки на ножках (чаши № 44—48), а также два упоминаемые нами подобных сосудика из раскопок 1958—1959 гг. зольника № 12 на Западном укреплении Бельского городища (всего на нем открыты 53 зольника) (Шрамко 1987: 46, рис. 14: 14, 26). Такие зольники, встречающиеся на многих других памятниках скифского времени, свидетельствуют о культовом почитании огня и домашнего очага (Петренко 1967: 10).

Сосуды № 63, 65 найдены на поселениях Среднего Дона. Из них чашечка № 63, названная ритуальной, происходит из городища у хут. Городище (Кировское); кубок-канфар № 65 найден в 1957—1958 гг. в землянке 1 на городище Волошино 1. Следует отметить, что на этих и на некоторых других среднедонских городищах открыты предметы культового назначения: обломки глиняных жертвенников в виде «сковороды» (Кировское, Круглое); каменная антропоморфная фигурка, изображающая, видимо, само божество (Кировское); немногочисленные глиняные лепешки и фрагменты зооморфных статуэток (Кировское, Волошино 1, Круглое, Большое Сторожевое); обломки очажных подставок, иногда называемых «рогатыми кирпичами» (Кировское) (Пузикова 1969: 48, 59 сл. 77—79; рис. 3: 17, 11; 2, 14; 15: 16; 21). Находки этих изделий свидетельствуют

о культовом почитании огня и домашнего очага (Петренко 1967: 10).

о том, что на поселениях среднедонских племен Лесостепи справлялись земледельческие культы, культы огня и домашнего очага (Пузикова 1969: 80, 81). Вероятно, сосуды № 63, 65 применялись при совершении обрядов, связанных с этими культурами.

На поселениях найдены также чашечки № 40—43 Западноподольской группы памятников; № 60, 61 Правобережной Среднеднепровской группы Лесостепи. Сосуд № 40 обнаружен у с. Залесье в культурном слое с остатками наземных каркасных глинобитных жилищ, на этом поселении оказалось много фигурок животных; № 41—43 — у с. Селище в жилой землянке № 1. Конкретные места находок чашек № 60, 61 на поселении Грищенцы в изданиях не указаны. Отмечается лишь, что на поселении открыт зольник (Петренко 1967: 10).

Изучение многочисленных и разнообразных культовых изделий, найденных не только на указанных городищах Лесостепи юга Восточной Европы, но и на многих других, в частности, на городище V—II вв. до н. э. у с. Караван в бассейне Северского Донца (Шрамко 1957: 178—198, рис. 3—9), позволило исследователям сделать вывод о том, что у местных земледельческо-скотоводческих племен лесостепной полосы уже в раннем железном веке сложился своеобразный пантеон божеств и связанных с ними религиозных обрядов с ярко выраженным земледельческим культом и плодородия вообще во всех его проявлениях, с культурами огня домашнего и родового очага, с культурами солнца и луны (Шрамко 1957: 180—189, 193—198; 1987: 127—140; Петренко 1967: 8—10; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 14—26).

Лепные чашки № 49—52 Посульской группы; № 53—55, 58, 59 Правобережной Среднеднепровской группы и № 62, 64, 66, 67 Среднедонской группы происходят из курганных могильников Лесостепи Северного Причерноморья. Эти чашки и лепные миниатюрные сосудики разных форм ставились в мужские, женские и парные захоронения, иногда по несколько экземпляров. Так, вместе с чашками № 49, 50 обнаружены маленькие лепные горшочки и мисочка на плоском дне; в одном из погребений оказалась три чашки № 53—55; в другом погребении — две чашки № 64, 66 (Ильинская 1968: табл. 40: 30—33). Вместе с чашей № 52 в кургане VI в. до н. э. у с. Поповка найдена маленькая мисочка (Ильинская 1968: табл. 52: 2, 3). В курганах этой группы почти над каждой могилой выявлены следы огненного ритуала, заключавшегося, очевидно, в сожжении деревянного погребального сооружения после совершения обряда захоронения. Этот обряд в VI—V вв. до н. э. был широко распространен не только в Посульской, но и в других группах лесостепной полосы Восточ-

ной Европы (Петренко 1967: 17, 19; Ильинская 1968: 59, 60; Степи 1989: 69, 77—80).

Скифы, населявшие степные просторы Северного Причерноморья, по свидетельству Геродота, более всего почитали Гестию, именуя ее богиней Табити. Табити считалась божеством очага и огня, она занимала в скифском пантеоне главенствующее положение. Вслед за Табити-Гестией все скифы почитали Папая-Зевса, бога неба и плодоносящих сил природы; его супругу Апи-Гею, богиню земли, воды и плодородия; Аргимпасу-Афродиту Небесную, богиню плодородия, заступницу и покровительницу человеческого рода; Гойтосира-Аполлона, бога солнца, неба, света; Геракла и Арея; царские скифы поклонялись также Тагимасаду-Посейдону (Артамонов 1961: 57—87; Граков 1971: 81—86; Раевский 1977: 42—63 сл., 87—109; Бессонова 1983: 25—59; Степи 1989: 120—122). О почитании скифами очага и огня свидетельствуют и данные археологии. На Каменском городище в 1949 гг. открыто, по мнению Б. Н. Гракова, святилище богини огня (Граков 1954: 62, 63; 1971: 34, 62). Культ огня прослеживается и в погребальных сооружениях скифов VII—III вв. до н. э.: в полном или частичном сожжении деревянного перекрытия могил, которое встречается реже, чем в Лесостепи; в наличии в захоронениях углей, золы, мела, красной краски — заменителей огня (Ольховский 1991: 40—43, 60, 65, 66 сл., 159, 160).

О большом значении очага и культа огня у поздних скифов Крыма свидетельствует открытие в Неаполе Скифском нескольких зданий типа мегарон, а также зольников. Наиболее ранние здания датируются III—II или II—I веками до н. э.; они расположены на территории городища (здания А, Б, В, Н) и за его оборонительной стеной (здания Е, З). Некоторые исследователи считают их культовыми. Центральное место в главном зале таких сооружений занимал глинобитный очаг-жертвенник. Лучше сохранившиеся очаги в зданиях А и Е сильно прокалены, огонь, вероятно, горел на них в течение длительного времени. В здании Е открыт своеобразный жертвенник в виде ямки, в которой бережно сохранялись кости пяти особей молодых овец, принесенных в жертву, лежали обломки 9 лепных миниатюрных культовых сосудов, части от 4 антропоморфных статуэток и 5 фигурок баранов — они связываются с культурами огня и плодородия. Около зданий Е и З обнаружены два небольших зольника, которые возникли в результате исполнения каких-то обрядов, связанных с огнем (Высотская 1979: 57—71; 1976: 60; 1989: 21—26; Попова 1991: 98, 99; Маликов 1961: 64—69, рис. 1—5) В мегароне Н найдена культовая керамика, фрагменты скульптур (гермы, гекатейона), алтарного (?) блока с ос-

татками росписи, алтариков, терракот и др.; в примыкающем к нему огражденном дворе располагался культовый бассейн (Зайцев 1995: 88—100, рис. 1—7). В общественных культовых зданиях Неаполя Скифского и около них совершались священные обряды с жертвоприношениями и возлияниями в честь богов, связанных с культами очага и огня, плодородия, земледелия, скотоводства, торговли (Высотская 1979: 155—165; 1989: 74—77). Добавим, что жертвенники в виде ямки с костями жертвенных животных, чаще всего молодых баранов, открыты также в небольших жилых домах на городище Чайка в Евпатории. Два из них, расположенные под полами помещений, отнесены к I в. до н. э.: ямка в помещении XIV обнаружена у южной стены, рядом с ней была врыта верхняя часть амфоры для возлияний и других постоянных жертвоприношений; ямка в помещении ХСI находилась в его центре, рядом с ней возвышался сильно прокаленный глиняный столик — алтарь, на котором жертвоприношения сжигались. Е. А. Попова называет эти сооружения жертвенниками домашнего типа и связывает их с верой в возрождение, с обрядами в честь домашних божеств, обеспечивающих жизненность дома, благополучие и богатство его обитателей (Попова 1990: 196—203).

Зольники или ямы с золой и очажными остатками, связываемые с культами огня и домашнего очага, выявлены не только на многих других поселениях Крыма, но и на городищах Нижнего Днепра: Знаменском, Гавриловском, Золотобалковским и др. (Погребова 1958: 122, 124, 196, 198, 200). С домашним очагом и огнем многие исследователи связывают находки очажных подставок, торцовые стороны которых часто украшались головками баранов и коней. Такие изделия обнаружены на памятниках разных племен, на поселениях поздних скифов Крыма и Нижнего Приднепровья. Появившись в Северном Причерноморье в позднеэллинистическое время, очажные подставки получили широкое распространение в первые века н. э. (Шульц 1971: 135—137; Высотская 1976: 51—60; 1979: 157—160, рис. 71: 1—9; Дашевская 1991: 12—15, 64, табл. 8). На поселении Золотая Балка очажные подставки — «коньки» обнаружены вместе с переиздаваемыми изделиями: в жилом доме № 4 II—I вв. до н. э. оказались лепная чашка № 87 (рис. 2), два «конька» с головками коней на концах одного из них, миниатюрный сосудик от керноса и др. предметы; в жилом доме № 7 того же времени найдены лепные крышка и чашка № 84, 85 (рис. 2), миска на ножке с диаметром края вместилища около 20 см и два фрагмента «коньков» с головкой барана. М. И. Вязьмитина (Вязьмитина 1962) «коньки» и сосудик от керноса считает культовыми

предметами и связывает их с почитанием домашнего очага и с земледельческими обрядами (Вязьмитина 1962: 81—83, 86, 87, 112, 113, 208—211, 216, рис. 46, 48) Сосуды № 80, 81, 82 происходят из культурных слоев Знаменского городища, № 83 — из ямы на Гавриловском городище. Конкретные места находок на городищах Крыма и Нижнего Днепра чашек № 71, 72, 74, 76, 79, 86 в изданиях, к сожалению, не указаны.

В религиозных верованиях меотов Прикубанья главное место занимала Великая богиня, местное божество земли, плодородия, покровительница земледелия и скотоводства. С культом плодородия переплетался культ света-солнца, главного подателя плодородия. Меоты поклонялись домашнему очагу и огню, о чем свидетельствуют находки на Елизаветинском городище небольшого глиняного жертвенника прямоугольной формы с конусовидными сосудиками по его углам и обломков от таких же жертвенников на некоторых других городищах (Анфимов 1955: 70—73; 1977: 111—124, табл. 1: 5) Меоты так же, как и многие другие древние племена, почитали умерших, снабжая их различными вещами, пищей и питьем. В погребальные сооружения ставили меотские гончарные курильниги в виде чашки на ножке с подставкой и подобные им лепные вазочки (рис. 2: 90, 91).

Лепные чашки на ножках, происходящие из Лесостепной и Степной Скифии, Крыма, Нижнего Приднепровья, Приднепровья и Прикубанья, вряд ли являлись сосудами бытового назначения или детскими игрушками, как их именуют некоторые исследователи. Находки многих из них на городищах и поселениях, в погребальных сооружениях, иногда в зольниках, вместе с разнообразными культовыми изделиями (глиняными фигурками людей и животных, лепешками-хлебцами, миниатюрными лепными сосудиками разных форм, очажными подставками и пр.), устойчивость и традиционная передача из поколения в поколение основных типов рассматриваемых сосудов — все это свидетельствует о культовом назначении лепных чашек на ножках указанных регионов (рис. 1—2: 40—91).

В первой части статьи говорилось о том, что лепные чашки на ножках, найденные в греческих государствах Северного Причерноморья, некоторые исследователи считают изделиями выходцев из местных варварских племен (Марченко 1988; Кастанаян 1981). Сравнивая чашки из античных центров (Зайцева 2000: рис. 1—2) с рассмотренными здесь сосудами (рис. 1—2) легко заметить большое сходство форм многих из них. Отличаясь исполнением отдельных деталей, наиболее близки между собою чашечки № 1, 22, 52; 4, 5, 39, 44—46, 48, 70, 81; 7, 8, 33—35, 76; 24, 87. Из

них № 1 из округа Ольвии, № 22 из Мирмекия и № 52 из Посульской группы Лесостепи как будто сделаны одним человеком. Сходство прослеживается также в наличии некоторых деталей: специально сделанного углубления на дне чаши или перегородки внутри вместилища для воскурений ароматическими веществами (Зайцева 2000: рис. 1, № 15 — Ольвия; см. рис. 2: 77 — поздние скифы Крыма); сквозного отверстия в дне и ножке сосудов для возлияний (Зайцева 2000: рис. 1, № 12 — Ольвия; см. рис. 1: 60 — поселение Лесостепи); рельефного ободка на ножках нескольких изделий (Зайцева 2000: рис. 2, № 29 — Нимфей, № 31 — Херсонес, см. рис. 1: 70 — Елизаветовское городище на Дону; рис. 2: 81, 87 — городища Знаменское и Золотая Балка на Нижнем Днепре). Эти наблюдения подтверждают вывод исследователей об изготовлении большинства лепных чашек, найденных в античных центрах, выходцами из местной негреческой среды, жившими там постоянно или временно. Однако, на выделку некоторых лепных вазочек оказали влияние гончарные чашки на ножках с подставками, сосуды из металла или стекла (Зайцева 2000: рис. 2, курильница № 25 из Нимфея, чаша № 23 из Мирмекия); в ножках восьми ольвийских и одной херсонесской гончарных вазочек тоже имеются сквозные отверстия, а саму ножку часто огибает рельефный ободок. Круг издавна считается соляным символом. Возможно, валики вокруг ножек как лепных, так и гончарных чашек являлись символами солнца и света. Гончарные вазочки являются культовыми сосудами (Зайцева 1997: 38 сл., 46—52, табл. 1—9). Культовым было назначение и лепных чашек на ножках в греческих государствах Северного Причерноморья.

Лепные чашки на ножках из раскопок греческих и местных варварских памятников Северного Причерноморья были прежде всего курильницами, применявшимися в культовых обрядах и церемониях для воскурений ароматическими веществами. Сосуды со сквозным отверстием в дне и ножке, а, возможно, и с носиком по краю вместилища, являлись жертвенниками для возлияний. Чашечки могли использоваться как светильники для возжигания священного огня, который считался не только большой очистительной силой, но и посредником между человеком и божествами. Они могли применяться и для мелких жертвоприношений, например, зерен хлебных и других злаков, плодов, кусочков пищи и пр. В античных северопричерноморских центрах культовые обряды с использованием чашечек производились, главным образом, в жилых домах, землянках, домашних святилищах и были связаны с культами домашнего очага и огня, с почитанием божеств-покровителей дома и семьи, с культами земледелия и плодородия.

Отдельные лепные чашки были вотивными приношениями в храмы главных государственных богов (Ольвия). На поселениях оседлых варварских племен священные обряды с использованием чашек на ножках чаще всего, вероятно, совершались также в жилищах у жертвенников и очагов в честь божеств огня, домашнего и родового очагов. Они были связаны с земледельческими культами плодородия. Чашки из погребальных сооружений связываются с верой в бессмертие души, продолжающей свое существование и после смерти человека, с почитанием усопших и с культом предков.

Наиболее ранние лепные чашки на ножках конца VII—V вв. до н. э. обнаружены в Лесостепи. В античных центрах Северного Причерноморья они появились в середине VI—первой трети V в. до н. э. на территории сельскохозяйственной округа Ольвии (Зайцева 2000: рис. 1, № 1 — поселение Большая Черноморка 2) и в Мирмекии (Зайцева 2000: рис. 2, № 22); в V — первой половине IV вв. до н. э. — в Нимфее (Зайцева 2000: рис. 2, № 26, 27) и хоре Ольвии (Зайцева 2000: рис. 1, № 2, 3 — Лузановское поселение; № 6 — Козырка 12). Преобладающее большинство лепных чашек из античных государств относится к III—I вв. до н. э. Вероятнее всего, лепные чашки на ножках не являлись изобретением лесостепных племен, а появились в более древние эпохи — подобные сосуды обнаружены при раскопках памятников нескольких культур значительно более раннего времени. Так, одна лепная чашка, типологически близкая некоторым нашим сосудам с ножкой в виде перехвата между их конусовидными верхней и нижней частями, была найдена в 1980 г. в энеолитическом погребении № 1 кургана 2 около с. Орлик Полтавской области (высота чаши 11,3 см, диаметр края 12,7 см, диаметр подставки 8,8 см). Погребение было совершено на специально сделанной культовой площадке, в нем ярко выражен культ огня: чаша обнаружена в остатках кострища, который был разведен в полутора метрах от умершего. Около плохо сохранившегося костяка лежали куски темно-красной краски, угли, остатки сгоревшей деревянной конструкции (Лугова, Рассмакин 1985: 53—57, рис. 1—3 — см. Зайцева 2000: рис. 1, № 4, 5, 11; Зайцева 2000: рис. 2, № 24, 39; Зайцева 2001: 44—46, 70, 81, 87). Большое количество курильниц ритуального характера в виде невысоких чаш на 3-х, 4-х, 5-и отдельных или соединенных внизу ножках, реже — на одной ножке, с небольшим полукруглым отделением внутри вместилища или без него, выявлено на памятниках катакомбной культуры конца III—II тысячелетия до н. э. в Северном Причерноморье, Прикубанье и на Северном Кавказе (Егоров 1970: 156—164, рис. 1: 2; Попова 1957:

161—177 рис. 1—11). Катакомбным сосудам наиболее близки курильницы № 73, 77 (рис. 2) из Скифского царства в Крыму. Несколько десятков курильниц в виде низкой чаши на коническом поддоне-подставке или на коротких ножках найдено в Сибири в могильниках афанасьевской и окуневской культур III—II тысячелетий до н. э. По мнению Э. Б. Вадецкой, такие курильницы ставили в могилы лишь тем, кто владел ими при жизни для исполнения определенных ритуальных церемоний, то есть в

могилы служителям культа (Вадецкая 1986: 50—59, рис. 1—25, 31—36). Как видно из приведенных примеров, курильницы в виде чашек на ножках или на подставках изготавливались на обширной территории Восточной Европы, Северного Кавказа и Сибири задолго до рассматриваемой нами эпохи. Вероятно, находки таких изделий свидетельствуют о сходстве верований многих древних племен и о культовом назначении чашек-курильниц в течение нескольких тысячелетий.

Анфимов, Н. В. 1951. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // *Материалы и исследования по археологии СССР* 23: 155—207. Москва - Ленинград: АН СССР.

1953. Древние поселения Прикубанья. Краснодар: Книжное издательство.

1977. Религиозные верования у меотов // *Сборник трудов по археологии Адыгеи*: 111—124. Майкоп: Адыгейский Институт экономики, языка, литературы и истории.

Артамонов, М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 2: 57—87. Ленинград.

Бессонова, С. С. 1983. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка.

Брашинский, И. Б., К. К. Марченко. 1980. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // *Советская археология* 1: 211—218.

Вадецкая, Э. Б. 1986. Сибирские курильницы // *Краткие сообщения Института археологии* 185: 50—59. Москва: Наука.

Высотская, Т. Н. 1976. Культы и обряды поздних скифов // *Вестник древней истории* 3: 51—73.

1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка.

1989. Скифские городища. Симферополь: Таврия.

Вязьмитина, М. И. 1962. Золота Балка. Київ: АН УРСР.

Гаврилюк, Н. А., М. И. Абикулова. 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). I. Препринт. Киев.

Галанца, Л. К. 1977. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // *Свод археологических источников* Д 1—33. Москва: Наука.

Ганіна, О. Д. 1984. Поселения ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся // *Археологія* 47: 68—79.

Граков, Б. Н. 1954. Каменское городище на Днепре // *Материалы и исследования по археологии СССР* 36. Москва: МГУ.

1971. Скифы. Москва: Московский государственный университет.

Гуляев, В. И., Е. И. Савченко. 1995. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // *Российская археология* 4: 87—102.

Дашевская, О. Д. 1980. О скифских курильницах // *Советская археология* 1: 18—29.

1991. Поздние скифы в Крыму // *Свод археологических источников* Д 1—7. Москва: Наука.

Егоров, В. Г. 1970. Классификация курильниц катакомбной культуры // *Статистико-комбинаторные методы в археологии*: 155—164. Москва: Наука.

Зайцев, Ю. П. 1995. Мегарон Неаполя Скифского // *Археология* 1: 88—100. Київ: Київська Академія Євробізнесу.

Зайцева, К. И. 1997. Культовые чаши V—I веков до н. э. из Северного Причерноморья // *Труды Государственного Эрмитажа XXVIII*: 38—53.

2000. Лепные чашки на ножках конца VII—I вв. до н. э. из Северного Причерноморья. Часть I // *Археологические Вести* 7: 140—153.

Ильинская, В. А. 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка.

Кастанаян, Е. Г. 1981. Лепная керамика боспорских городов. Ленинград: Наука.

Ковпаненко, Г. Т., С. С. Бессонова, С. А. Скорый. 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка.

Копылов, В. П., К. К. Марченко. 1980. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // *Советская археология* 2: 155—160.

Копылов, В. П., А. Д. Васильев. 1991. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV — начало III до н. э.) // *Вопросы истории и археологии Боспора*: 27—36. Воронеж-Белгород: Воронежский государственный педагогический институт.

Либеров, П. Д. 1960. Мастюгинские курганы и Волошинские городища // *Советская археология* 3: 162—170.

1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // *Свод археологических источников* Д 1—31. Москва: Наука.

1971. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // *Проблемы скифской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР* 177: 103—115. Москва: Наука.

Ловпаче, Н. Г. 1981. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // *Вопросы археологии Адыгеи*: 80—113. Майкоп: Адыгейский Институт экономики, языка, литературы и истории.

Лугова, Л. М., Ю. Я. Рассамакін. 1985. Енеолітичне поховання в кургані поблизу с. Орлик Полтавської області // *Археологія* 49: 53—57. Київ: Наукова думка.

Маликов, В. М. 1961. Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского // *Краткие сообщения Института археологии* 11: 64—69. Киев.

Марченко, К. К. 1972. Лепная керамика V-III вв. до н. э. с городища у станции Елизаветовской на Нижнем Дону // *Советская археология* 1: 122—134.

1988. Варвары в составе населения Березины и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. По материалам лепной керамики. Ленинград: Наука.

1992. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // *Очерки археологии и истории Боспора*: 174—186. Москва: Наука.

Мелюкова, А. И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 51: 60—73. Москва: АН СССР.

1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемповских) // *Материалы и исследования по археологии СССР* 115: 114—166. Москва: АН СССР.

1971. Население Нижнего Поднепровья в IV—III вв. до н. э. // *Проблемы скифской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР* 177: 39—54. Москва: Наука.

Мурзин, В. Ю. 1977. Два раннескифских комплекса из Запорожской области // *Новые исследования археологических памятников на Украине*: 54—68. Киев: Наукова думка.

1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.

- Ольховский, В. С.* 1991. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). Москва: Наука.
- Петренко, В. Г.* 1961. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР 96 : 53—102. Москва: АН СССР.
1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // Свод археологических источников Д 1—4. Москва: Наука.
- Петров, В. П.* 1961. До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н. е.—II ст. н. е. // Археологічні пам'ятки УРСР X: 155—174. Київ: АН УРСР.
- Погребова, Н. Н.* 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. (Городища Знаменское и Гавриловское) // Материалы и исследования по археологии СССР 64: 103—247. Москва: АН СССР.
- Попова, Е. А.* 1990. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // Советская археология 3: 196—203.
1991. Здание типа мегарон позднескифского городища «Чайка» и возможности социальных реконструкций на материалах древних поселений (к постановке вопроса) // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции 1: 98. 99. Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати.
- Попова, Т. Б.* 1957. К вопросу о курильницах «северокавказского типа» // Советская археология 1: 161—177.
- Пузикова, А. И.* 1969. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифские время. Материалы и исследования по археологии СССР 151: 41—81. Москва: Наука.
- Раевский, Д. С.* 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен: опыт реконструкции скифской мифологии. Москва: Наука.
- Смирнов, К. Ф.* 1958. Меотский могильник у станицы Пашковской // Материалы и исследования по археологии СССР 64: 272—312. Москва: АН СССР.
- Степи.* 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва: Наука.
- Сымонович, Э. А.* 1983. Население столицы позднескифского царства. (По материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка.
- Шрамко, Б. А.* 1957. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // Советская археология 1: 178—198.
1973. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности: 82—112. Киев: Наукова думка.
1983. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 23: 73—92. Ленинград: Искусство.
1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка.
- Шульц, П. Н.* 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. (Постановка проблемы) // Проблемы скифской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР 177: 127—143. Москва: Наука.
- Щеглов, А. Н.* 1985. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: 185—198. Цхалтубо, 1982. Тбилиси: «Мецниереба».
1988. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация: 29—40. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

HANDMADE STEMMED CUPS OF THE LATE 7th—1st CENTURY B. C. FROM THE NORTHERN BLACK SEA AREA

Part II

K. I. ZAITSEVA

The second part of this paper is dedicated to discussion of 7th—1st centuries B.C. handmade small stemmed dishes associated with the local Barbarian tribes of the northern Black Sea area: the forest-steppe zone in the south Eastern Europe, the late 7th—3rd centuries B.C. (fig. 1; nos. 40—43, the western Podol group of sites; nos. 44—48, Vorskla group, 6th—5th centuries B. C.; nos. 49—52, Sula group, 6th—5th centuries B. C.; nos. 53—61, a group from the Right Bank of the Middle Dnieper; nos. 62—67, the Middle Don group); steppe Scythia (no. 68, 5th century B. C. burial in the town of Dneprorudny); the Lower Don steppe group (nos. 69 and 70, 4th—early 3rd centuries B. C., the townsite of Elizavetovskoe in the Don's delta); the late Scythian Kingdom in the Crimea, 3rd—1st centuries B. C. (fig. 2, nos. 71—79) and in the Lower Dnieper area (nos. 80—87, townsites of

Znamenskoe, Gavrillovskoe, Zolotaya Balka); the lower Dniester region (nos. 88 and 89, barrows around the city of Tiraspol, 2nd century B. C.); Maeotians of the Kuban River region (nos. 90 and 91, burials of the 4th—early 3rd centuries B. C. and 3rd—early 1st centuries B. C.) Out of the total of 51 cups and one lid, 28 examples were found within the areas of townsites and settlements, 22—24 in burials. The data on these artefacts are compiled from different earlier publications. Here the places where the cups were found will be indicated, their shapes characterised, and a comparison made with the handmade cups from Black Sea Greek states discussed in the first part, differences between them and similarities of the shapes of some vessels being defined (nos. 1, 22, 52; 4, 5, 11, 44—46, 70, 81; 7, 8, 33—35, 76; 24, 87; 51, 68; 56, 74) (Зайцева 2000). Also similarity was found between

their details such as depression in the floor and partitions inside the reservoir for burning incense (no. 15 — Olbia; no. 77 — late Scythians of the Crimea), a through channel in the stem for libations (no. 12 — Olbia; no. 60 — a settlement in the forest-steppe), a relief fillet symbolising the sun and light (nos. 29, 31, 70, 81, 87). The most peculiar was the beaker-kantharos no. 65 of the 3rd century B. C. from the settlement of Voloshino I. It imitated the Greek black-glazed kantharoi but had also certain features typical to the other cups from the Middle Don. During the 3rd—1st centuries B. C. certain new forms appeared — the late Scythian incense burners (nos. 73 and 77).

The handmade cups of the late 7th—3rd centuries B. C. from forest-steppe Scythia were found on the sites of towns and settlements in pit-dwellings, houses and complexes, in cultural layers containing the remains of dwellings, and in one of the ash pits which are related to the fire and domestic and kin hearth cults (nos. 40—43, settlements near the villages of Zalesye and Selishche; no. 47 and two already published cups from the Eastern and Western defences of the townsite of Bel'skoe; no. 65, from Voloshino I). In the previous publications the definite places of find of some of the vessels were not indicated (nos. 4—46, 48, the Eastern defences of the Bel'skoe townsite; nos. 60 and 61, settlement near v. Grishchentsy; no. 63, settlement near the farmstead of Gorodishche (Kirovskoe)). In the open and closed archaeological complexes various ritual objects were found: clay figurines of humans, animals, birds, and fantastic beings; altars of different forms, flat breads modelled of clay, miniature vessels imitating the shapes of larger vessels, etc. (dwellings and a public sanctuary on the Eastern Defence of the Bel'skoe townsite and other settlements). At the townsite of Kirovskoe a stone anthropomorphic figurine representing probably the deity proper was found. Almost the same quantity of handmade cups dating to the late 7th—3rd centuries were found in burials of forest-steppe Scythia (nos. 49—55, 58, 59, 62, 64, 66, 67, possibly nos. 56, 57). In many of the burials indications of a fire rite were identified: presence of charcoals, ashes and red dye — substitute for fire. These materials as well as excavations of other settlements and cemeteries in the forest-steppe zone suggest that the local settled tribes had early adopted a peculiar pantheon of deities and religious rites linked with the latter with a clearly expressed cult of agriculture and fertility

in all its manifestations, with the fire, sun and moon cults and worship of deceased.

Only three cups from Forest Scythia (nos. 68, 69, 70) are republished. According to Herodotus, Scythians worshipped chiefly Tabiti-Hestia — goddess of the hearth and fire, as well as many other gods of the heaven, sun and light, earth and water, fertility, the protectors of humankind. On the townsite of Kamenskoe, according to Grakov, a small sanctuary of the goddess of the fire has been discovered; signs of the fire cult occasionally has been discerned in Scythian burial structures of the 7th—3rd centuries B. C. Sacrificial rituals with animal sacrifices and libations near hearths-altars, clay tables-altars and ash pits were performed in the 3rd—1st centuries B. C. by late Scythians of the Crimea and Lower Dnieper area for the worship of deities associated with the hearth and fire, fertility, agriculture and trade cults. These rituals were performed in dwelling houses and public edifices of the *megaron* type (Neapolis, townsites of «Chayka» in Eupatoria, Znamenskoe, Gavrilovskoe, and Zolotaya Balka). Vessels nos. 71, 72, 74, 76, 79—87 come from settlements and nos. 73, 75, 77, 78 from burial sites of the Crimea and Lower Dnieper. In the religious beliefs of Maeotians from the Kuban region the chief place was held by the Great Goddess — a local deity of the earth and fertility. Maeotians also worshipped the Sun, the domestic hearth and fire and honoured the deceased.

The purpose of the handmade cups of local Barbarian tribes of the northern Black Sea area was probably the same as that of the much similar vessels from Greek centres: they also were intended for ritual ceremonies and served for incensing fragrances, as altars for libations and as lamps. The sacred rituals performed both in private dwellings and in public sanctuaries and edifices were dedicated to deities of the fire, domestic and family hearth, the Sun and the Moon, protectors of the fertility, agriculture, cattle herding, trade, defenders of the home and family. In contrast to the Greek centres the numerous handmade cups appeared to be associated with the worship of deceased and the ancestor cult. The ritual vessels in form of small handmade cups seem to have appeared not during the Scytho-Sarmatian period but even earlier: they are found in Eneolithic burials and at the northern Black Sea sites of the Catacomb culture and on burial sites of the Afanasyevo and Okunev cultures of Siberia.

СТАТУЭТКА АФРОДИТЫ ИЗ ОЛЬВИИ

В. В. КРАПИВИНА¹

В 1981 году на Центральной возвышенности Ольвии (участок Р-19) была найдена небольшая терракотовая статуэтка (инвентарный № О-81/Р-19/819), ныне хранящаяся в Музее археологии ИА НАНУ. Она была обнаружена между верхним и нижним уровнями южной части развала западной оборонительной стены города (подробнее о развале см. Русяева, Крапивина 1992: 17—21). Не исключено, что она попала сюда вместе с архитектурными деталями и постаментами с Восточного теменоса Ольвии. Сопровождающий материал в основном датируется IV—III вв. до н. э., однако, встречается небольшое количество материалов I в. до н. э.—I в. н. э.

Статуэтка ранее не публиковалась, имеет значительные утраты: отсутствуют голова, левая рука, часть спины, ног и покрывала² (рис. 1, 2). Размеры сохранившейся части: высота — 8,3 см, ширина — до 3,6 см, толщина — до 2,4 см. Описываемая статуэтка изображает стоящую с легким изгибом бедра влево обнаженную женскую фигуру, придерживающую край покрывала правой рукой. Вероятно, второй край покрывала, прослеживаемого вдоль левой части тела, был переброшен через левую руку. В целом она тщательно выполнена, вероятно, в двусторонней форме, из хоро-

шо отмученной, скорее всего, аттической, глины розоватого цвета с включением небольшого количества мельчайших частиц слюды. Детали хорошо проработаны. На покрывале сохранились остатки розовой краски.

Статуэтка представляет собой реплику Афродиты Книдской Праксителя, одной из первых скульптур, где богиня была изображена обнаженной (Blinkenberg 1933: abb. 1—3; Bieber 1961: fig. 25). Этот образ становится весьма популярным в скульптуре от времени создания статуи Праксителем до поздне-эллинистического времени, представлен разными вариантами, чаще выполненными в мраморе. Греческие образцы затем копируются в римское время (Bieber 1961: 191; LIMK 1984: 81).

Вероятно, публикуемая терракотовая статуэтка из Ольвии относится к произведениям аттических коропластов конца IV—III вв. до н. э. Абсолютные аналогии ей найти не удалось. По иконографии наиболее близки мраморные статуи, хранящиеся или приобретенные в Риме (LIMK 1984: № 391—393, 399, 490; Richter 1954: 84), небольшая статуя из коллекции П. Гетти (Vermeule, Neuerburg 1973: 5), а также найденная в Малой Азии (Richter 1954: 83).

Русяева, А. С., В. В. Крапивина. 1992. До історії Ольві в IV—I ст. до н. е. // Археологія 4: 17—34.

Крыжицкий, С. Д., Н. А. Лейпунская. 1997. Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев: «Возможности Киммерии».

Bieber, M. 1961. *The Sculpture of the Hellenistic Age*. New York: Columbia University Press.

Blinkenberg, Chr. 1933. *Knidia*. Beitrage zur kenntnis der Praxitelischen Aphrodite. Kopenhagen.

LIMK. 1984. *Lexicon iconographicum mythologiae Graecae*. II. München.

Richter, G. M. A. 1954. *Catalogue of Greek Sculpture*. Cambridge: Harvard University Press.

Vermeule, C., N. Neuerburg. 1973. *Catalogue of the Ancient Art in the J. Paul Getty Museum. The Larger Statuary, Wall Painting and Mosaics*. New York.

¹ Украина. 254210. Киев. пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии Национальной академии наук. Отдел античной археологии.

² Цветная фотография этой статуэтки без описания была представлена в путеводителе по Ольвии (Крыжицкий, Лейпунская 1997: цветная вклейка между с.40 и 41). По вине издательства под ней была помещена ошибочная надпись, удостоверяющая, что это Венера, выполненная из мрамора.

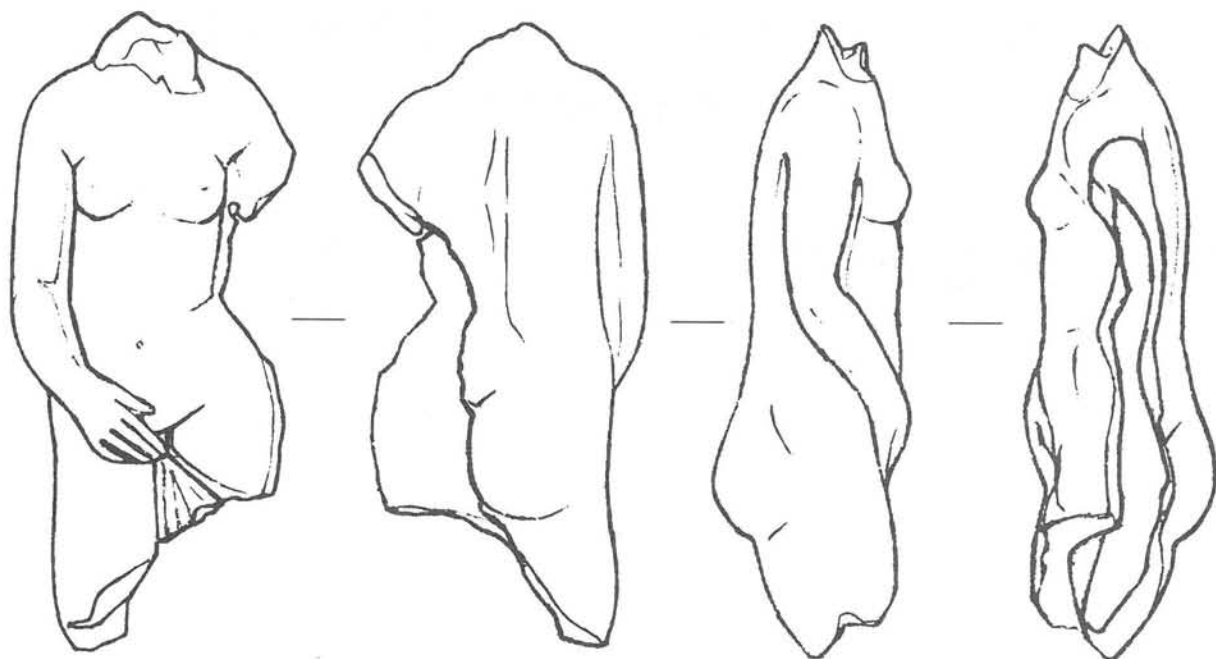

Рис. 1 Статуэтка Афродиты из Ольвии. Рисунок Т. А. Зиновьевой.

Fig. 1 The figurine of Aphrodite from Olbia. Drawing by T. A. Zinov'eva.

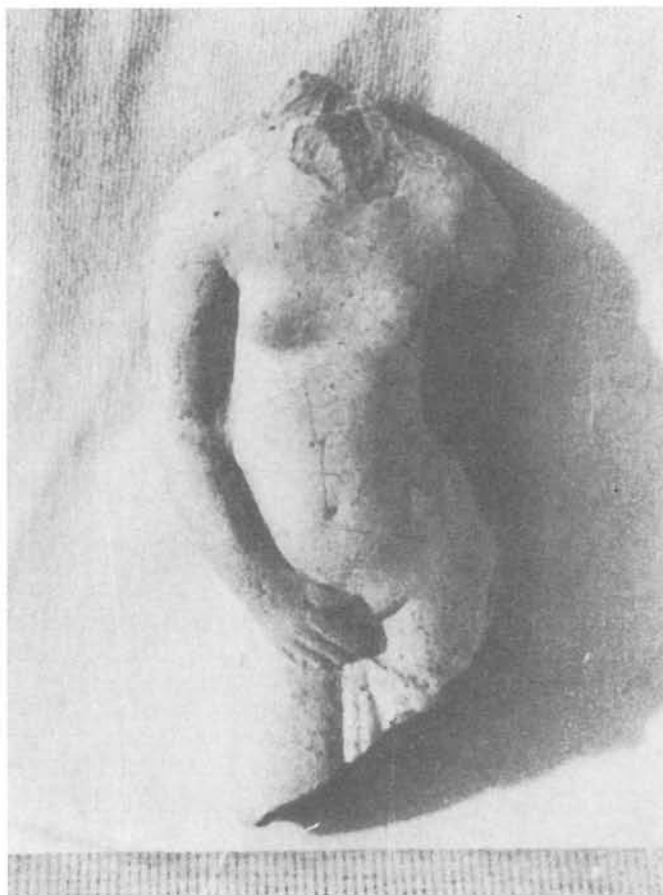

Рис. 2 Статуэтка Афродиты из Ольвии.

Fig. 2 The figurine of Aphrodite from Olbia.

AN APHRODITE FIGURINE FROM OLBIA

V. V. KRAPIVINA

In 1981 a small carefully modelled terracotta figurine — a replication of the Aphrodite of Cnidus by Praxiteles — was found in Olbia.

Probably, the figurine belongs to the works of Attic coroplasts of the late 4th — 3rd centuries B. C.

ФИБУЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ДРУЖНОЕ И НЕЙЗАЦ

В. В. КРОПОТОВ¹

Металлические застежки-фибулы — категория вещей, чаще других привлекающая к себе внимание исследователей. Такое отношение к ним не случайно. Чутко реагируя на малейшие колебания моды, постоянно изменяя свою форму и стиль и одновременно будучи одним из наиболее распространенных видов украшений, они являются надежными и, пожалуй, наиболее узкими хронологическими индикаторами, играющими большую роль в вопросах датировки как отдельных комплексов, так и целых культур. С этой точки зрения фибулы из могильников Дружное и Нейзац представляют особый интерес. Оба памятника расположены в предгорьях Центрального Крыма.

Некрополь Дружное находится у истоков р. Малый Салгир на склоне одного из отрогов Долгоруковской яйлы в 0,5 км к востоку от одноименного села Симферопольского района. В 1984 г. А. И. Айбабин исследовал на нем один склеп (№ 1/84) и две подбойные могилы (№ 2/84 и 3/84) (Айбабин 1994). В 1990—1994 гг. часть некрополя, не разрушенная расположенным рядом карьером, была полностью исследована экспедицией Симферопольского государственного университета. Всего на раскопанном участке открыто 25 склепов, 32 подбойные могилы, 15 грунтовых с погребениями людей и 14 грунтовых с погребениями коней. (Храпунов 1994; 1994а; 1998; 1998б; 1999а; Khrapunov 1998; Храпунов, Власов 1998; Храпунов, Масыкин 1997; 1998; Храпунов, Мульд 1997; Храпунов и др. 1994)

Могильник Нейзац находится в 1 км к юго-востоку от с. Баланово Белогорского района, в 1 км к северу от плотины Балановского водохранилища на правом берегу р. Зуя на западном склоне г. Ташлы-Баир. Памятник был открыт в 1927 г., когда Н. Л. Эрнст доследовал разрушенные крестьянами склепы. В 1957 и 1969 гг. еще три склепа изучала экспедиция Института археологии АН УССР (Высотская, Махнева 1983: 73—79). В 1996, 1997 и 1999 гг. раскопки некрополя вела совместная экспедиция Симферопольского государственного университета и Крымского отделения Института

востоковедения НАН Украины. Было открыто 15 склепов, 33 подбойные могилы, 46 грунтовых могил (среди них 1 — конская, 3 — с «заплечиками», 11 — с пазами в стенах, 2 — перекрыты плитами) и 2 могилы уникальных конструкций (Храпунов 1998; 1998а; 1999).

Оба некрополя очень сходны между собой, расположены рядом (12 км друг от друга) и, несомненно, оставлены одной этнической группой населения. В предыдущих публикациях могильники датировались III—IV вв. н. э. и связывались с сарматами и пришедшими с Северного Кавказа аланами.

Всего из раскопок этих памятников происходит 72 фибулы: 24 из Дружного и 48 из Нейзаца. Среди них численно преобладают лучковые подвязные, которые составляют почти половину всех находок, затем следуют фибулы с прогнутым корпусом черняховского облика. Застежки других типов представлены отдельными экземплярами. Так, редкими оказались смычковые фибулы (группа 14 по классификации А. К. Амброза) (Амброс 1966: 47). В нашей коллекции их всего четыре экземпляра (рис. 1: 6, 9, 11, 12).

Двумя образцами представлены пружинные фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника (группа 13 по классификации А. К. Амброза) (Амброс 1966: 45—46). Одна из них (рис. 1: 13) — бронзовая, одночленная, с четырехвитковой пружиной и верхней тетивой, узкая ленточная спинка украшена точечным орнаментом — относится к 3-му варианту (Амброс 1966: 45). Фибула найдена при детском погребении в подбойной могиле № 67 Нейзаца. Застежка из грунтовой могилы № 69 того же некрополя — железная (рис. 4: 1). Она также одночленная, с узкой ленточной спинкой и четырехвитковой пружиной, но с нижней тетивой, завиток на конце приемника, видимо, был развит слабо.

Кнопку или завиток на конце приемника имели еще две железные фибулы из могил № 17 и 27 Нейзацкого могильника (рис. 4: 2, 7). Застежки сильно корродированны, что затрудняет определение их типа. По-видимому,

¹ Украина. 95036. Крым. Симферополь. Ул. Ялтинская, 4. Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. Кафедра истории Древнего мира и средних веков.

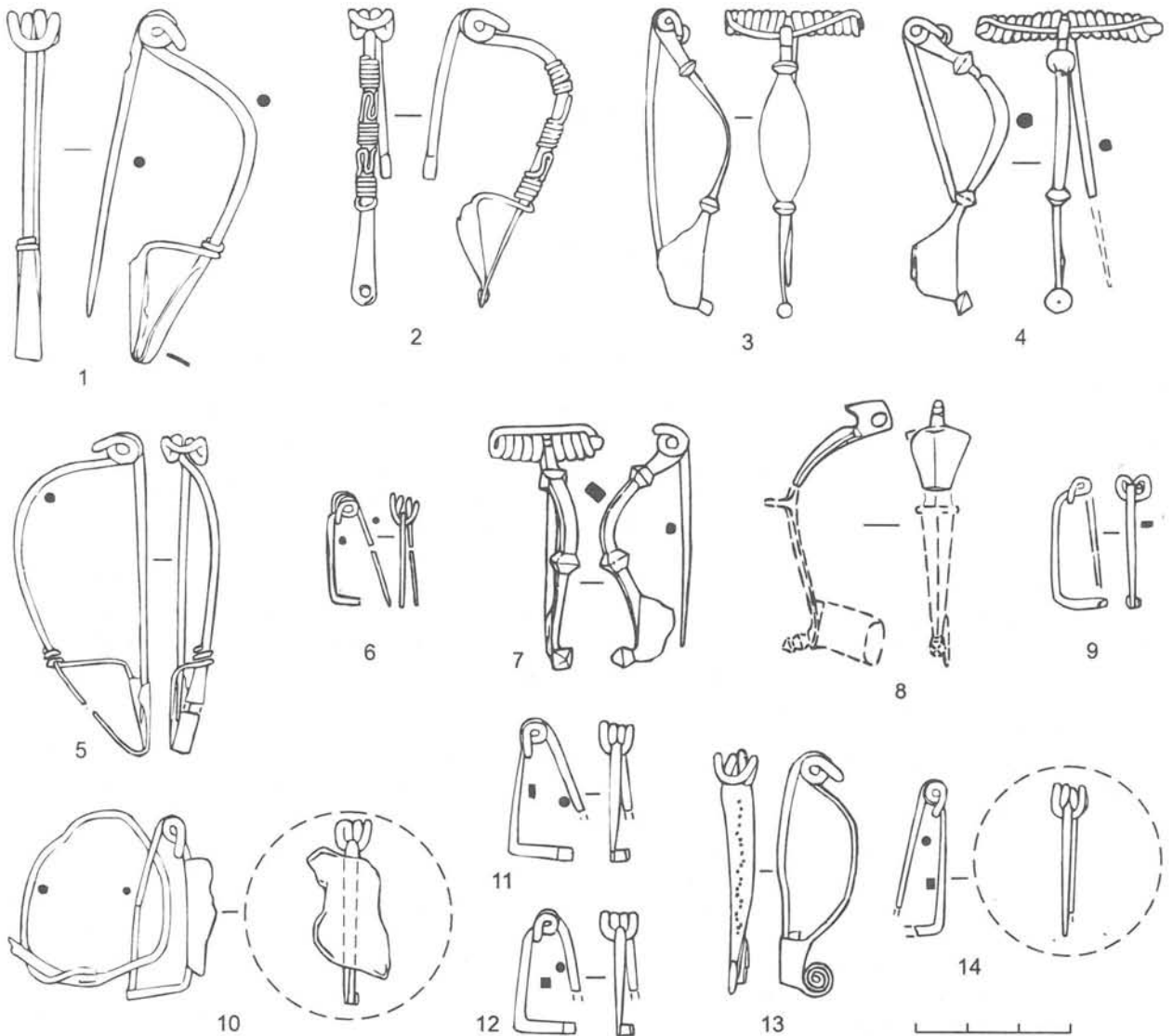

Рис. 1 Фибулы из могильника Нейзац: 1 — грунтовая могила № 71; 2 — подбойная могила № 76; 3 — грунтовая могила № 94; 4, 7 — подбойная могила № 38; 5 — подбойная могила № 55; 6 — грунтовая могила № 28; 8 — грунтовая могила № 57; 9 — склеп № 18; 10 — грунтовая могила № 92; 11, 12 — подбойная могила № 78; 13 — грунтовая могила № 67; 14 — грунтовая могила № 90. 1—9, 11—13 — бронза; 10, 14 — бронза и свинец.

Fig. 1 Fibulae from the cemetery of Neusatz. 1 — earth grave no. 71; 2 — catacomb grave no. 76; 3 — earth grave no. 94; 4, 7 — catacomb grave no. 38; 5 — catacomb grave no. 55; 6 — catacomb grave no. 28; 8 — earth grave no. 57; 9 — vault no. 18; 10 — earth grave no. 92; 11, 12 — catacomb grave no. 78; 13 — earth grave no. 67; 14 — earth grave no. 90. 1—9, 11—13 — bronze; 10, 14 — bronze and lead.

они были шарнирными с ленточной сужающейся к ножке спинкой. По своей форме эти фибулы ближе всего застежкам Хумаринского могильника (Абрамова 1996: 104, рис. 2: 3, 5—9; Храпунов 1998а: 232). Последние наиболее характерны для погребений второй половины II—первой половины III в. н. э. Не противоречат этой дате и материалы нейзацских комплексов. Образец из могилы № 27 был встречен вместе с лучковой фибулой I серии 4-го варианта (рис. 2: 11), а комплекс вещей из склепа № 17 хорошо датируется первой половиной III в. н. э. (Храпунов 1998: 28; Unbekannte Grim 1999: abb. 107)

Видимо, также шарнирной была фибула, изображенная на рис. 4: 3. По формальным признакам — массивной дуговидной спинке,

трубчатому шарниру и сплошному длинному приемнику — она напоминает провинциально-римские Т-образные шарнирные фибулы (группа 19 по классификации А. К. Амброза (Амброз 1966: 74—75). Вместе с тем, от последних ее отличает материал изделия (железо) и отсутствие кнопки на головке. Фибула найдена на полу склепа № 18 (Нейзац) среди разрозненных костей нескольких погребений вместе с тремя другими фибулами (рис. 1: 9, 2, 6, 7).

Уникальной находкой являются две фибулы-броши со свинцовым щитком и бронзовой застежкой, сделанной из Smychkovy fibuly (рис. 1: 10, 14). К сожалению, щитки полностью разложились, поэтому невозможно определить их форму. По-видимому, по аналогии

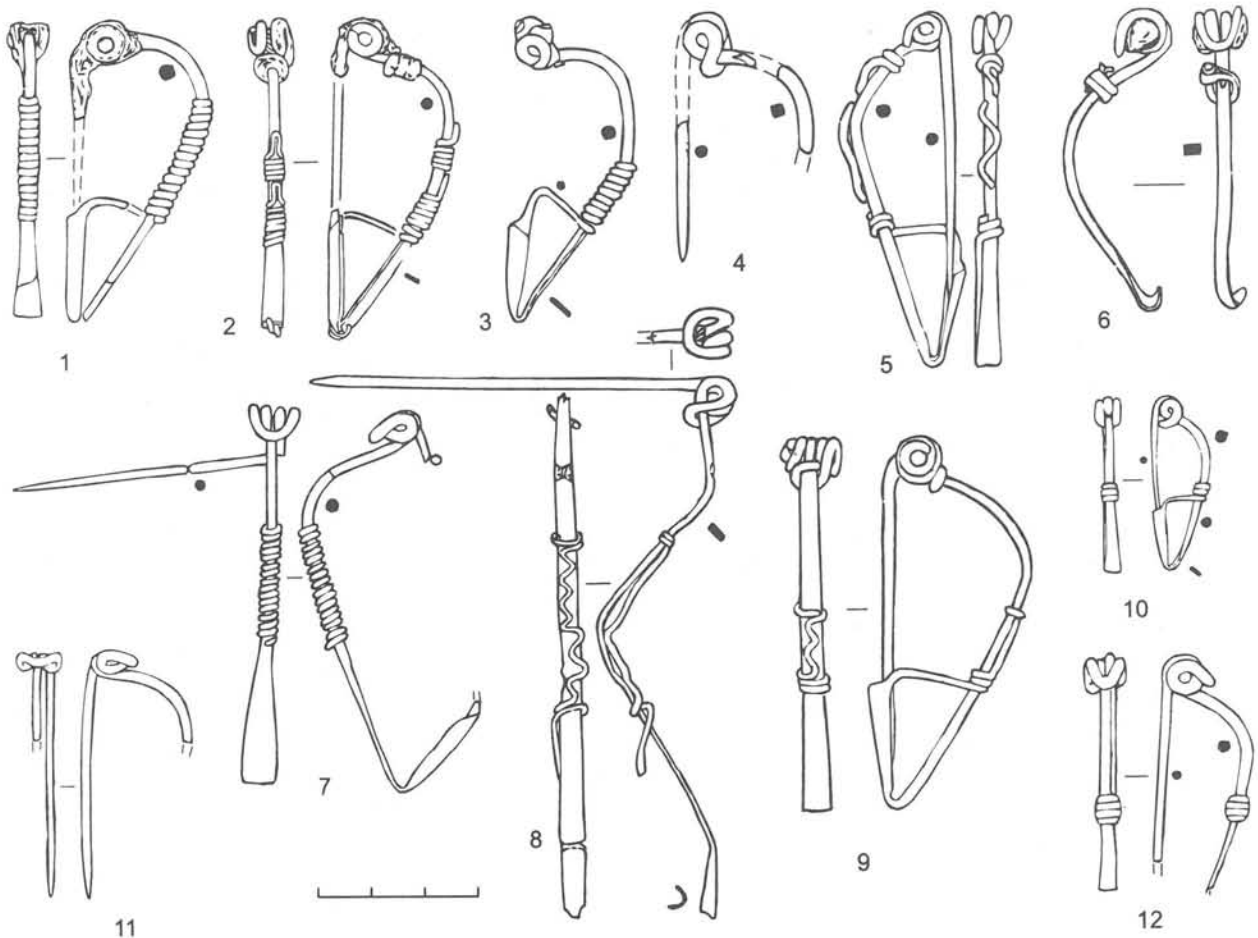

Рис. 2 Фибулы из могильников Дружное и Нейзац. 1, 5, 9 — Дружное, подбойная могила № 67. 2—4, 6—8, 10—12 — Нейзац (2 — подбойная могила № 59; 3 — подбойная могила № 25; 4 — склеп № 35; 6, 7 — склеп № 18; 8 — подбойная могила № 36; 10 — подбойная могила № 72; 11 — грунтовая могила № 27; 12 — грунтовая могила № 92). 1—3 — бронза и железо; 4—12 — бронза.

Fig. 2 Fibulae from the cemeteries of Druzhnoe and Neusatz. 1, 5, 9 — Druzhnoe, catacomb grave no. 67. 2—4, 6—8, 10—12 — Neusatz (2 — catacomb grave no. 59; 3 — catacomb grave no. 25; 4 — vault no. 35; 6, 7 — vault no. 18; 8 — catacomb grave no. 36; 10 — catacomb grave no. 72; 11 — earth grave no. 27; 12 — earth grave no. 92). 1—3 — bronze and iron; 4—12 — bronze.

с медальонами бронзовых и серебряных брошей с застежками в виде смычковой фибулы (Амброз 1966: табл. 14: 21; 15: 1; Симоненко 1993: рис. 20: 16), щитки наших образцов были круглыми с рельефными изображениями.

Одним экземпляром представлена провинциально-римская шарнирная брошь. Ее щиток, редкой для Северного Причерноморья формы, украшен белой эмалью (рис. 6: 9). А. К. Амброз датировал подобные украшения II—III вв. н. э. (Амброз 1966: 32). Наш экземпляр был встречен в могиле № 32 (Нейзац), относящейся ко второй четверти III в. н. э.

Обломок еще одной провинциально-римской застежки происходит из могилы № 57 того же некрополя. Он представляет собой расширяющийся к головке фрагмент корпуса фибулы с центральным гребнем и вертикальной пластинкой на конце, в которой просверлено отверстие для удержания оси пружины. На пластинке также имеется выемка, в которой закреплялась тетива фибулы (рис. 1: 8). По описанным признакам застежка может

быть реконструирована как двучленная сильнопрофилированная фибула без опорной пластины над пружины типа Альмгрен 84, датирующаяся второй половиной II в. н. э. (Амброз 1966: 38, табл. 7: 13; Almgren 1923: 41, 43—44, fig. 84). Данный обломок был обнаружен в детском погребении, где использовался как подвеска.

Северопричерноморские сильнопрофилированные фибулы представлены тремя экземплярами. Все они бронзовые одночленные с верхней тетивой, в пружину для жесткости вставлена железная ось. Два образца имеют крючок для тетивы (рис. 1: 3, 4). У третьего он отсутствует (рис. 1: 7). Эта застежка отличается от двух предыдущих также короткой спинкой и приемником, удаленным от задней бусины. По этим признакам она должна быть определена как образец варианта 1, обычно датируемый второй половиной I или первой половиной II в. н. э. (Амброз 1966: 40; Скрипкин 1977: 112; Косяненко 1987: 47) Две другие фибулы (рис. 1: 3, 4) типологически более поздние.

Длина спинок этих изделий превышает расстояние от задней бусины до кнопки приемника, что позволяет отнести их ко 2-му варианту (II—начало III в.) (Скрипкин 1977: 110). Застежка с пластинчатой спинкой (рис. 1: 3) была найдена в могиле № 94 (одной из наиболее ранних на некрополе Нейзац), датированной концом II—началом III в. н. э. Образцы же с нераскованной спинкой (рис. 1: 4, 7) происходят из нейзацской могилы № 38. Это, пожалуй, единственный случай находки сильнопрофилированных фибул разных вариантов в одном комплексе. К сожалению, эта могила ограблена, что сильно затрудняет датировку. Однако ее хронологическую позицию можно уточнить по другим погребальным сооружениям, среди которых она была расположена. Их дата определяется по лучковым фибулам I серии 5-го варианта. Вероятно, это вторая четверть III в. н. э.

Интересной находкой является бронзовая застежка из могилы № 82 Нейзаца (рис. 6: 13). У нее завязка начинается не снизу, как у лучковых фибул, а сверху, ножка круто подогнута. По этим признакам наша застежка может быть определена как гладкопроволочная фибула среднелатенской схемы, датированная I в. до н. э. («неапольский» вариант) (Амброз 1966: 22). Однако подобные изделия в столь поздних комплексах еще ни разу не были выявлены. Могила, в которой она была найдена, на некрополе ничем не выделялась и находилась среди других наиболее ранних погребальных сооружений, относящихся ко второй половине или концу II—началу III вв. н. э. (рис. 7: III).

Лучковые подвязные фибулы наиболее многочисленны. Всего в Дружном и Нейзаце их найдено 31 экз. Все они относятся к первым трем сериям этой группы фибул по классификации А. К. Амброза (1966: 48—53).

Фибулы I серии — круглопроволочные одночленные с четырехвитковой пружиной и верхней тетивой. Традиционно их делят на пять вариантов (Амброз 1966: 48—51; Скрипкин 1977: 102). Все найденные в Нейзаце образцы — бронзовые и относятся к вариантам 3—5. В могильнике Дружное лучковых подвязных фибул I серии не обнаружено.

Изделия варианта 3 — крупные фибулы с высокой, плавно изогнутой спинкой и пластинчатой ножкой. Обычно их датируют первой половиной II в. н. э. (Амброз 1966: 49; Скрипкин 1977: 107) В. М. Косяненко по материалам некрополя Кобякова городища находит возможным удрежить время их появления до середины — второй половины I в. н. э. (Косяненко 1987: 56). Единственная фибула этого варианта из Нейзаца (рис. 6: 12) найдена в подбойной могиле № 32 вместе с провинциально-римской эмалевой брошью (рис. 6: 9) и фибулой с кнопкой на конце пластинчатого

приемника (рис. 6: 10). Весь комплекс датируется второй четвертью III в. н. э. (см. ниже)

Спинка одночленной фибулы из склепа № 18 изогнута так же плавно, четырехвитковая пружина с верхней тетивой (рис. 2: 6). Однако от других изделий I серии ее отличает прямоугольная в сечении дужка. Ножка этого экземпляра практически не раскована, в пружину вставлена железная ось, на спинке сохранилась кожаная (?) завязка.

К варианту 4 относятся образцы из могил № 18, 27, 55, 71, 76 и 92 (рис. 1: 1, 2, 5, 2: 7, 11, 12). Их спинки сильно изогнуты, но не имеют перегиба, как у варианта 5. А. К. Амброз датировал изделия варианта 4 второй половиной II, возможно, началом III в. (Амброз 1966: 50). Эта датировка подтверждена последующими разработками материалов сарматских погребений Северного Причерноморья и Поволжья (Скрипкин 1977: 107; Симоненко 1999: 233). Не противоречат этой дате и комплексы с фибулами из Нейзаца (Храпунов 1998а: 232). Последние происходят из наиболее ранних погребений нижнего хронологического «горизонта» могильника. В более поздних захоронениях встречаются фибулы 5-го варианта.

Фибулы 5-го варианта зафиксированы в могилах № 20, 29, 37, 45, 50 и 87 (рис. 3: 1—6). Их спинки изогнуты так, что нависают над пружиной. У экземпляра из могилы № 87 на иглу было надето большое бронзовое кольцо, украшенное свернутым в полтора оборота витком проволоки. Два маленьких проволочных колечка были накручены на ножку фибулы, еще одно — на ее шейку (рис. 3: 4).

Фибулы II («инкерманской») серии также одночленные. Главное их отличие — нижняя тетива, у многих из них — трехвитковая пружина. Только у фибул «инкерманской» серии дужка иногда украшена проволочной «змейкой», встречается также ее сплошная обмотка. Данные изделия в целом несколько грубее лучковых фибул I серии и известны только в Центральном и Юго-Западном Крыму (Амброз 1966: 52). За его пределами изредка попадают лишь простые проволочные образцы (например, на Северном Кавказе) (Степи 1989: табл. 107: 40). Это позволяет предположить наличие в Крыму собственного их производства.

Всего в Дружном и Нейзаце обнаружено восемь фибул, принадлежность которых к «инкерманской» серии сомнения не вызывает: из них шесть — бронзовые (рис. 2: 4, 5, 6, 8, 10, 11) и две — железные (рис. 4: 8, 6). Все бронзовые экземпляры имели трехвитковую пружину. Дужки, как правило, круглые в сечении (вариант 1 по классификации А. К. Амброза) (Амброз 1966: 52). Только у экземпляра из нейзацской могилы № 36 (рис. 2: 8) узкая пластинчатая спинка постепенно расширяется к концу ножки (вариант 2 по классификации

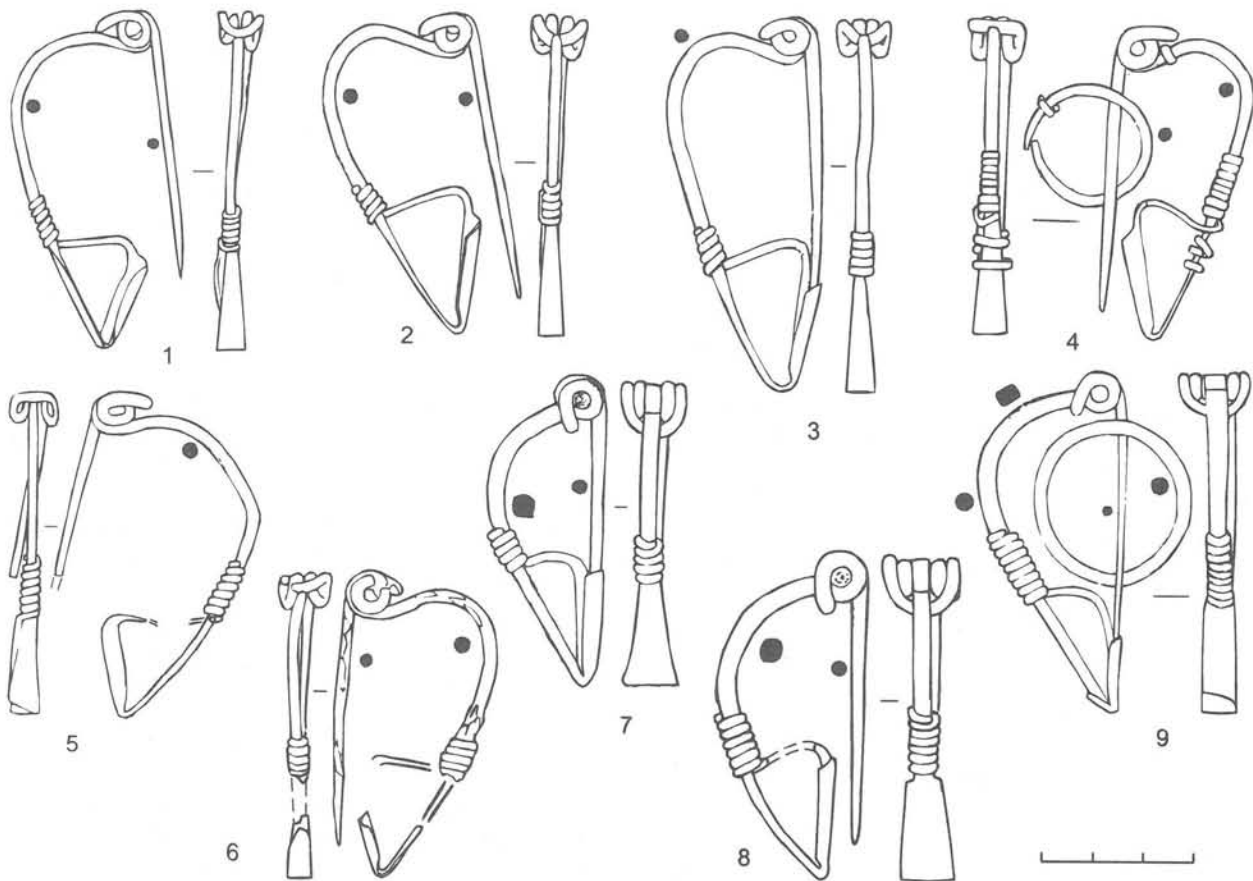

Рис. 3 Фибулы из могильников Дружное и Нейзац. 1—6 — Нейзац (1 — подбойная могила № 20; 2 — подбойная могила № 50; 3 — подбойная могила № 37; 4 — подбойная могила № 87; 5 — подбойная могила № 29; 6 — грунтовая могила № 45); 7—9 — Дружное (7, 8 — подбойная могила № 20; 9 — подбойная могила № 24). 1—6, 8 — бронза; 7, 9 — серебро.

Fig. 3 Fibulae from the cemeteries of Druzhnoe and Neusatz. 1—6 — Neusatz (1 — catacomb grave no. 20, 2 — catacomb grave no. 50, 3 — catacomb grave no. 37; 4 — catacomb grave no. 87; 5 — catacomb grave no. 29; 6 — earth grave no. 45); 7—9 — Druzhnoe (7, 8 — catacomb grave no. 20; 9 — catacomb grave no. 24). 1—6, 8 — bronze; 7, 9 — silver.

А. К. Амброза (Амброз 1966: 52). Фибула из детской подбойной могилы № 72 (могильник Нейзац) — миниатюрная (длина 3,3 см), ножка раскована слабо и лишь в нижней части. Она очень похожа на маленькие лучковые фибулы I серии 2-го варианта, однако отличается от них трехвитковой пружиной и нижней тетивой (рис. 2: 10). Фибула из грунтовой могилы № 90 скручена из очень тонкой проволоки, в ее иглу продет маленький детский браслетик (рис. 6: 11). Могилы № 72 и 90 топографически не выделялись и находились среди других наиболее ранних погребальных сооружений могильника, датирующихся концом II—началом III вв. н. э. (рис. 7: III).

Железные застёжки «инкерманской» серии сильно корродированны. У экземпляра из подбойной могилы № 76 (Нейзац) пружина четырехвитковая со вставленной в нее железной осью, на ножке сохранились остатки ткани (рис. 6: 14). Пружина образца из подбойной могилы № 55 (Нейзац), очевидно, была трехвитковой (рис. 4: 8).

К лучковым фибулам II серии условно можно отнести и две застёжки из склепа № 39 Дружного (рис. 4: 4, 5). Они корродированны настолько, что невозможно определить конструкцию их пружинного аппарата, вся поверхность фибул покрыта остатками ткани.

Особую группу составляют лучковые фибулы из подбойных могил № 25, 55, 59 Нейзаца (рис. 2: 2, 3, 4, 6) и № 67 Дружного (рис. 2: 1, 9). Корпус и игла с пружиной у этих застёжек изготовлены из двух частей, соединенных между собой в одной технике. Верхний конец корпуса загнут назад и в сторону, образуя спиральное кольцо в полтора оборота. В это кольцо вставлена ось, на выступающую часть которой навита игла с пружиной. Свободный конец пружины обмотан вокруг шейки фибулы в несколько оборотов. Только у экземпляра, изображенного на рис. 2: 9, обе части сделаны из бронзы. У трех других застёжек (рис. 2: 1—3) игла и пружина изготовлены из железа (у образца из могилы № 25 сохранилась лишь пружина). Фибулы сильно изношены. У экземпляра из могилы № 59 отломанный в древнос-

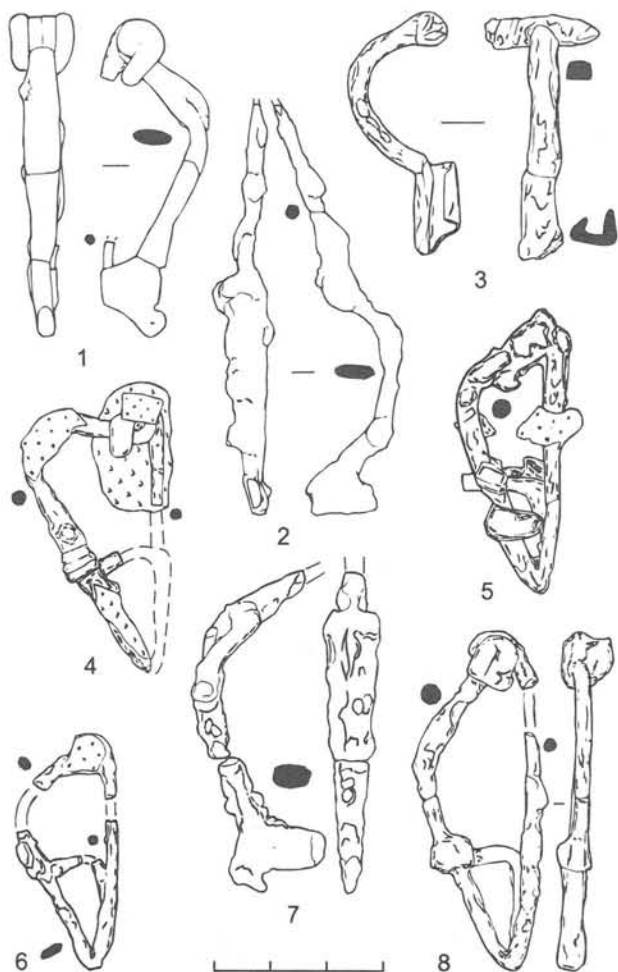

Рис. 4 Фибулы из могильников Дружное и Нейзац. 1—3, 6—8 — Нейзац (1 — грунтовая могила № 69; 2 — грунтовая могила № 27; 3 — склеп № 18; 6, 8 — подбойная могила № 55). 4, 5 — Дружное, склеп № 39. 1—8 — железо.

Fig. 4 Fibulae from the cemeteries of Druzhnoe and Neusatz. 1—3, 6—8 — Neusatz (1 — earth grave no. 69; 2 — earth grave no. 27; 3 — vault no. 18; 6, 8 — catacomb grave no. 55). 4, 5 — Druzhnoe, vault no. 39. 1—8 — iron.

ти приемник прикреплен к ножке двумя витками проволоки (рис. 2: 2). Застежка из могилы № 55 — полностью железная (рис. 4: 6). Несмотря на коррозию, ее конструкция хорошо видна. Игла и пружина этой фибулы сделаны из отдельного куска металла и соединены с корпусом тем же способом.

Подобные застежки в небольшом количестве известны и на других крымских памятниках (Амброз 1966: табл. 9: 17; Бабенчиков 1963: табл. IX: 8; Богданова и др. 1976: рис. 8: 99; 10: 23; Зайцев 1997: рис. 58).² А. К. Амброз относил их к «инкерманской» серии, а дву-

членность объяснял тем, что древний мастер не точно рассчитывал необходимое для фибулы количество проволоки и в случае, если ее не хватало, делал надставку (Амброз 1966: 52). Иного мнения придерживаются И. Н. Храпунов и В. В. Масякин, которые полагают, что в данном случае мы имеем дело со специфическим способом изготовления двучленных фибул, характерным только для локальной крымской группы памятников (Храпунов, Масякин 1997: 169; 1998: 140; Храпунов 1999: 268).

Для прояснения указанной особенности крымских фибул особый интерес представляет единственная в нашей коллекции нелучковая двучленная фибула с подобным креплением пружины к корпусу (рис. 6: 10). Она относится к группе пружинных фибул с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (группа 12 вариант 4 по классификации А. К. Амброза) (Амброз 1966: 44). Застежка сильно изношена, кнопка на конце приемника утрачена.

Крупные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника известны на Нижнем Днепре, в Прикубанье и на Северном Кавказе, но особенно многочисленны они в Низовьях Дона, где, по-видимому, и производились. В Танаисе даже найден полуфабрикат такой фибулы (Амброз 1966: 44). В Крыму такие застежки представлены лишь единичными находками (Амброз 1966: 44). Здесь их не изготавливали, а импортировали, вероятнее всего, из Танаиса. Все без исключения образцы этой группы — одночленные. Двучленность же нашего образца, таким образом, является не чем иным, как следствием его местного ремонта.

По-видимому, и описанные выше лучковые фибулы двучленной конструкции представляют собой отремонтированные изделия I и II серий. Наиболее изнашивающиеся из-за постоянной нагрузки части фибулы — приемник и пружина с иглой. В случае повреждения последних мастер удалял пришедшую в негодность часть застежки, обрезав ее у основания тетивы. В оставшуюся от пружинного аппарата полторовитковую спираль закреплял ось, на которую наматывал одностороннюю пружину с иглой. Свободный конец пружины обвивался вокруг шейки фибулы в несколько оборотов.³ Такой способ ремонта очень прост и надежен, поэтому не претерпевал изменений. Вероятно, приемник у фибулы ломался значи-

² Следует отметить, что такие фибулы в единичных экземплярах известны и далеко за пределами Крыма (см., например, Пшеничнюк 1983: рис. LI: 3; 1992: рис. 3: 8).

³ Фибула, изображенная на рис. 2: 3, судя по всему, сломалась у основания пружины. Чтобы отремонтировать данную застежку традиционным способом, мастер круто изогнул ее спинку, укоротив, таким образом, саму фибулу, а освободившуюся при этом часть дужки скрутил в полтора оборота. Вероятно, первоначально застежка относилась к 5-му варианту I серии лучковых подвязных фибул (типа рис. 3: 1—6).

тельно реже. На публикуемых застежках его ремонт отмечен только дважды. У фибулы из могилы № 76 Нейзаца отломанный в древности приемник был прикреплен к ножке бронзовой заклепкой (рис. 1: 2), а у образца из могилы № 59 того же некрополя — двумя проводочными колечками (рис. 2: 2).

Все рассмотренные выше застежки встречаются в погребениях с однообразным в целом инвентарем⁴ и составляют единую хронологическую группу, которая датируется позднесарматским временем, то есть второй половиной или концом II—первой половиной III вв. н. э. (Храпунов 1999: 262—263)

Интересные результаты дает наблюдение за топографией находок фибул различных типов на могильнике Нейзац. Некрополь исследовался в трех раскопах: Центральном, Северном и Южном. На Центральном раскопе, расположенном по склону горы несколько ниже двух других, обнаружены смычковые фибулы (3 экз.), пружинные с завитком на конце приемника (2 экз.), северокавказская шарнирная застежка, северопричерноморская сильнопрофилированная фибула с раскованной спинкой, две броши со свинцовыми щитками, лучковые подвязные фибулы I серии 4-го варианта (5 экз.), «инкерманской» серии 1-го варианта (4 экз.) и два отремонтированных образца I-II серий (рис. 7: III). Застежки, найденные на Северном раскопе, уже иных типов (рис. 7: II). Это северопричерноморские сильнопрофилированные фибулы с нераскованной спинкой (2 экз.), отремонтированная застежка с кнопкой на конце приемника, провинциально-римская эмалевая брошь, лучковые подвязные фибулы I серии 3-го (1 экз.) и 5-го (4 экз.) вариантов и «инкерманской» серии 1-го и 2-го вариантов (2 экз.). На Южном раскопе, где доминируют погребальные сооружения IV в., комплексы первой половины III в. н.э. единичны. Найденные в них застежки типичны как для Северного, так и для Центрального раскопов.

Различие фибульных наборов Северного и Центрального раскопов скорее всего объясняется хронологическими причинами. В каждом из них погребения расположены компактно и вряд ли разделены значительным временным промежутком. В таком случае могилы Центрального раскопа, содержащие наряду с лучковыми подвязными фибулами I серии 4-го варианта (типичными для позднесарматской культуры) и застежки, характерные в основном для среднесарматского времени (фибулы с завитком на конце приемника, сильнопрофи-

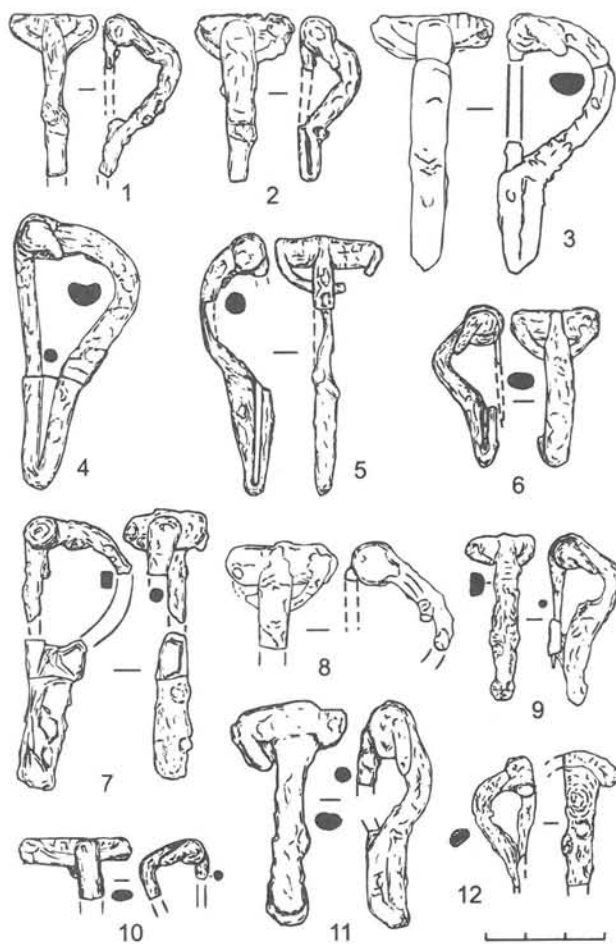

Рис. 5 Фибулы из могильников Дружное и Нейзац. 1, 2, 4—7, 9, 10, 12 — Дружное (1, 2 — склеп № 78; 4—6 — склеп № 21; 7 — склеп № 85; 9 — склеп № 32; 10 — склеп № 9; 12 — подбойная могила № 47); 3, 8, 11 — Нейзац (3, 8 — склеп № 4; 11 — склеп № 54). 1—12 — железо.

Fig. 5 Fibulae from the cemeteries of Druzhnoe and Neusatz. 1, 2, 4—7, 9, 10, 12 — Druzhnoe (1, 2 — vault no. 78; 4—6 — vault no. 21; 7 — vault no. 85; 9 — vault no. 32; 10 — vault no. 9; 12 — catacomb grave no. 47); 3, 8, 11 — Neusatz (3, 8 — vault no. 4; 11 — vault no. 54). 1—12 — iron.

лированную с раскованной спинкой, броши с застежкой в виде смычковой фибулы), оказываются наиболее ранними на некрополе и, видимо, датируются второй половиной или концом II—началом III вв. н. э. Несколько более позднего времени комплексы Северного раскопа. Их дата определяется лучковыми фибулами I серии 5-го варианта. Вероятно, это вторая четверть—середина III в. н. э.

В середине III в. н. э. фибулы старых форм сменяются лучковыми подвязными III серии. Ко второй половине III в., возможно, относятся лишь застежки из друженского склепа № 39 (рис. 4: 4, 5).⁵ Склеп был ограблен, поз-

⁴ Это зеркала-подвески с боковой петлей, браслеты с концами, орнаментированными в виде змеиных головок, краснолаковые тарелки с вертикальным бортиком (вариантов 3-Г-III, 3-Д-III и 3-Д-IV по классификации А. А. Труфанова (Труфанов 1997: 188—190), огромное количество бус различных форм (в том числе 14-гранных), которые составляли ожерелье и обшивку платья, и т. д.

⁵ Следует напомнить, что к «инкерманской» серии они отнесены условно. Членность этих застежек не установлена.

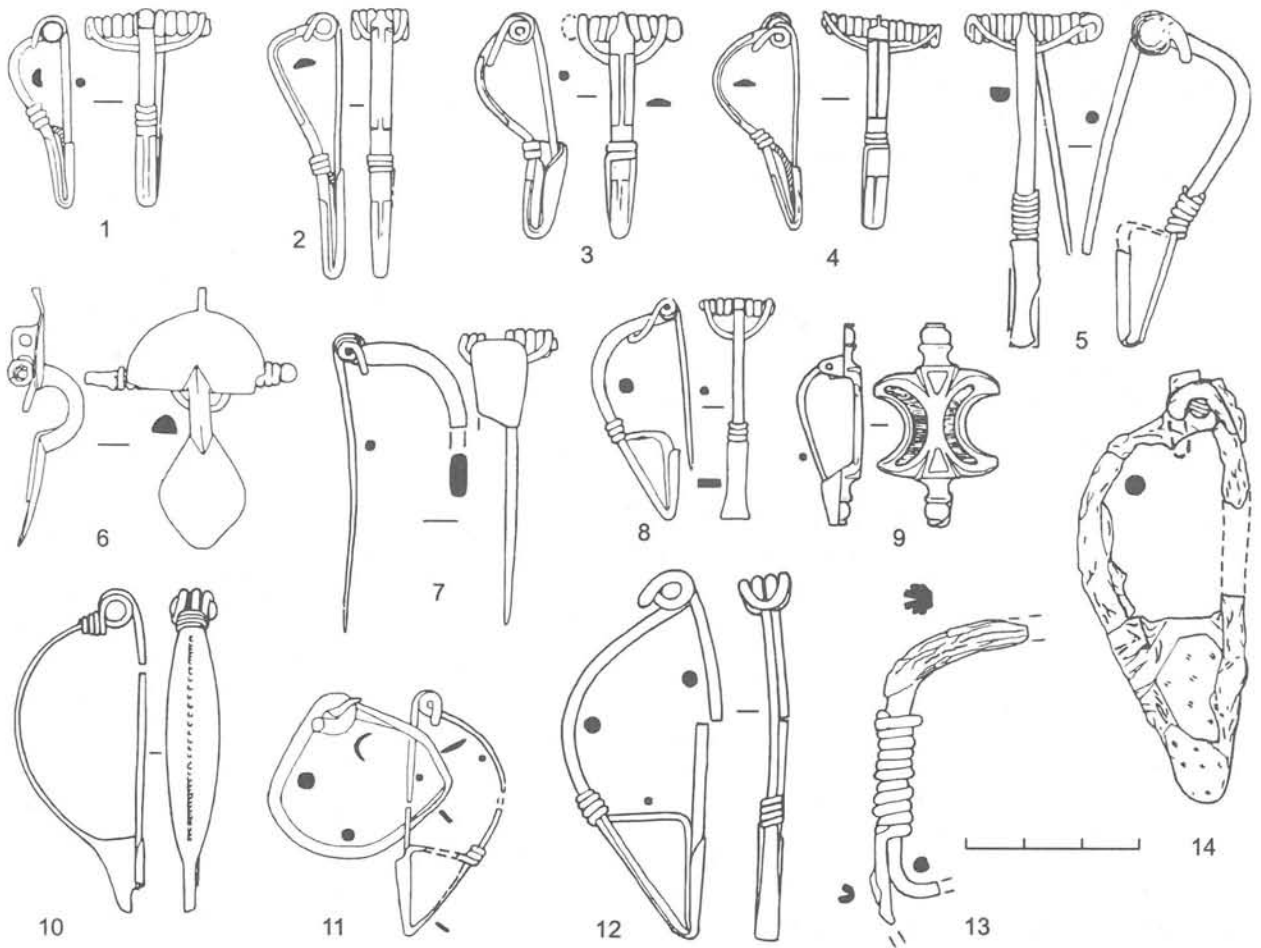

Рис. 6 Фибулы из могильников Дружное и Нейзац. 1, 2, 7, 8 — Дружное (1, 2 — склеп № 21; 7 — склеп № 85; 8 — склеп № 9); 3—6, 9—14 — Нейзац (3 — склеп № 54; 4 — склеп № 60; 5 — склеп № 4; 6 — грунтовая могила № 73; 9, 10, 12 — подбойная могила № 32; 11 — грунтовая могила № 90; 13 — грунтовая могила № 82; 14 — подбойная могила № 76). 1, 4, 8 — серебро; 2, 3, 5, 6, 10—13 — бронза; 7 — железо и бронза; 9 — бронза с эмалью; 14 — железо.

Fig. 6 Fibulae from the cemeteries of Druzhnoe and Neusatz. 1, 2, 7, 8 — Druzhnoe (1, 2 — vault no. 21; 7 — vault no. 85; 8 — vault no. 9); 3—6, 9—14 — Neusatz (3 — vault no. 54; 4 — vault no. 60; 5 — vault no. 4; 6 — earth grave no. 73; 9, 10, 12 — catacomb grave no. 32; 11 — earth grave no. 90; 13 — earth grave no. 82; 14 — catacomb grave no. 76). 1, 4, 8 — silver; 2, 3, 5, 6, 10—13 — bronze; 7 — iron and bronze; 9 — enamelled bronze; 14 — iron.

тому весь дошедший до нас инвентарь находился в перемешанном состоянии. Помимо фибул здесь были найдены фрагментированный лепной кувшин, обломки железных топора и ножей, более 300 бус различных форм, а также две янтарные грибовидные подвески. Последние являются характерной особенностью черняховской культуры, где распространяются со второй половины III в. н. э. (Славяне... 1993: 149).

Фибулы III серии — двучленные. Передний конец их дужки, сделанной из массивного стержня, загнут в широкое кольцо, в которое вставлена ось с намотанной на нее двусторонней пружиной с нижней тетивой. Такие изделия в нашей коллекции представлены тремя экземплярами: две фибулы — серебряные (рис. 3: 7, 9) и одна — бронзовая (рис. 3: 8). А. К. Амброз датировал такие застёжки II—III вв. н. э. (1966: 52—53). Вместе с тем, в литературе уже неоднократно высказывалось

мнение об ограничении времени их бытования второй половиной III в. н. э. (Скрипкин 1977: 109; Абрамова 1996: 103; Храпунов, Масыкин 1997: 168). Подтверждают эту точку зрения и материалы друженских комплексов. В могилах № 20 и 24 двучленные лучковые фибулы III серии были встречены вместе с монетами Деция Траяна (249—251 гг.) и Галлиена (253—268 гг.) и инвентарем второй половины III в. (Храпунов 1994; Храпунов, Масыкин 1997).

Двучленные фибулы с прогнутым корпусом черняховского облика уступают по численности лучковым. Всего их найдено 22 экземпляра: 16 — в Дружном и 6 — в Нейзаце. Большинство из них — железные (14 экз.), лишь 4 образца сделаны из бронзы и 3 — из серебра. Одна застёжка — биметаллическая: ее корпус выкован из железа, а пружина с иглой — бронзовые (рис. 6: 7).

Все изготовленные из цветного металла фибулы — подвязные (16 группа 2 подгруппа I

серия по классификации А. К. Амброза) (Амброс 1966: 61—67). Застежки из склепов № 9 Дружного и № 4 Нейзаца по форме спинки, сделанной из узкого массивного стержня круглого или полукруглого сечения, должны быть отнесены к варианту 1, датируемому второй половиной III—началом IV вв. н. э. (Амброс 1966: 62; Шаров 1992: 181). Вместе с тем, среди изделий 1-го варианта они выделяются целым рядом признаков, сближающим их с двучленными лучковыми фибулами III серии. Так, застежка из склепа № 9 (рис. 6: 8) отличается от последних лишь малыми размерами (она в два раза меньше фибул типа рис. 3: 7—9), и длинной 8-витковой пружиной. Ее корпус соединен с пружиной с помощью широкого кольца, образованного загнутым концом дужки, ножка слегка раскована. Расширенная ножка и у образца из склепа № 4 (рис. 6: 5).

Данные застежки в погребениях были встречены с тем же инвентарем, что и фибулы 2-го варианта. В первую очередь, это пряжки со ступенчато срезанным сзади язычком. Последние ни в одном случае не были отмечены вместе с лучковыми фибулами III серии,⁶ а, следовательно, распространились уже после выхода оных из употребления, то есть, не ранее конца III в. н. э. Вместе с тем, застежки из склепов № 4 и 9 еще содержат признаки, объединяющие их с фибулами типа рис. 3: 7—9, что, видимо, указывает на их близкую хронологическую позицию. В таком случае изделия, изображенные на рис. 6: 5, 8, следует датировать концом III—началом IV вв.

Пять фибул имеют спинки, сделанные из уплощенного стержня треугольного или сегментовидного сечения (рис. 6: 1—4; Айбабин 1994: рис. 11, 2). По этому признаку их следует отнести ко 2-му варианту⁷ (Амброс 1966: 63; Шаров 1992: 181). У застежки, изображенной на рис. 6: 1, ось пружины закреплена в широком кольце (как у фибулы на рис. 6: 8). У других четырех фибул она продета сквозь отверстие, просверленное в вертикально раскованной головке (как и у экземпляра на рис. 6: 5). У образца из склепа № 54 подвязка приемника заменена пластинкой, на которой нарезкой имитированы витки проволоки (рис. 6: 3).

А. К. Амброс изделия 2-го варианта предположительно датировал первой половиной IV в. (Амброс 1966: 61). Судя же по материалам Дружного и Нейзаца, они продолжали бытовать и в третьей четверти этого столетия.

Фибулы 3-го варианта (со спинкой, сделанной из сильно уплощенной, часто широкой, пластины) (Амброс 1966: 63) в Дружном и Нейзаце не обнаружены. Здесь следует заметить, что такие застежки в целом не свойственны крымским некрополям, прекратившим свое существование в конце IV в. Пожалуй, единственное исключение — экземпляр из склепа № 30 Суворовского могильника (Зайцев 1997: рис. 64), где он был встречен вместе с В-образной пряжкой, датируемой 370—400 гг. н. э. (Айбабин 1996: 294).⁸ В Крыму прогнутые подвязные фибулы 3-го варианта происходят в основном из могильников, на которых в числе прочих обнаружены и погребения V в. (Инкерман, Совхоз 10, Алмалык, Скалистое, Лучистое, Суук-Су, Харакс). Видимо, указанные застежки наиболее характерны уже для гуннской эпохи.

Особую группу составляют железные застежки с прогнутым корпусом и узкой ножкой (рис. 5) (Айбабин 1994: рис. 3: 2; 13: 1). Все они сильно корродированны, что затрудняет установление их типа. Как «воинские»⁹ уверенно определяются только две из них (рис. 5: 7, 9). Большинство же фибул, судя по перегибу на конце ножки,¹⁰ были подвязными (рис. 5: 2—6, 11). Завязка хорошо различима лишь у экземпляра из нейзацкого склепа № 4 (рис. 5: 3). У фибулы, изображенной на рис. 5: 2, она была заменена пластинкой (как у фибулы на рис. 6: 3). У застежки из склепа № 21 Дружного (рис. 5: 4) короткая (четырёхвитковая?) пружина.

Фибулы с прогнутым корпусом встречаются в погребениях с иным, нежели рассмотренные выше застежки, кругом инвентаря, характеризующим уже новый хронологический горизонт. Это пряжки со ступенчато срезанным сзади язычком, короткие мечи и кинжалы с вырезами у пяты клинка, новые формы краснолаковой и стеклянной посуды, узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F, зеркала-под-

⁶ В комплексах с фибулами типа рис. 3: 7—9 обнаружены лишь типологически более ранние пряжки (Храпунов, Масыкин 1997: 169—170).

⁷ Фибулу из склепа № 1/84 А. И. Айбабин определил как образец варианта 1 (Айбабин 1994: 94). По широкой (более 4 мм) почти полукруглой в сечении (как у фибулы на рис. 6: 2) спинке эта застежка должна быть отнесена ко 2-му варианту.

⁸ Экземпляр из склепа № 1 Озерного III А. И. Айбабин отнес к 3-му варианту (Айбабин 1990: 18, рис. 8: 2). Однако по своим формальным признакам (размерам, форме и сечению спинки) эта застежка абсолютно идентична образцам из нашей коллекции (рис. 6: 1—4), вместе с которыми она и должна быть объединена в один вариант.

⁹ Группа 17 подгруппа 1 вариант 1а-б по классификации А. К. Амброза (Амброс 1966: 70—71).

¹⁰ У «воинских» фибул сплошной приемник отгибался от бокового края ножки (как у фибулы на рис. 4: 3) и зачастую был немного короче последней. У подвязных же фибул приемник образовывался загнутым вниз свободным концом ножки, из-за чего и возникал перегиб (см. рис. 6: 1—4).

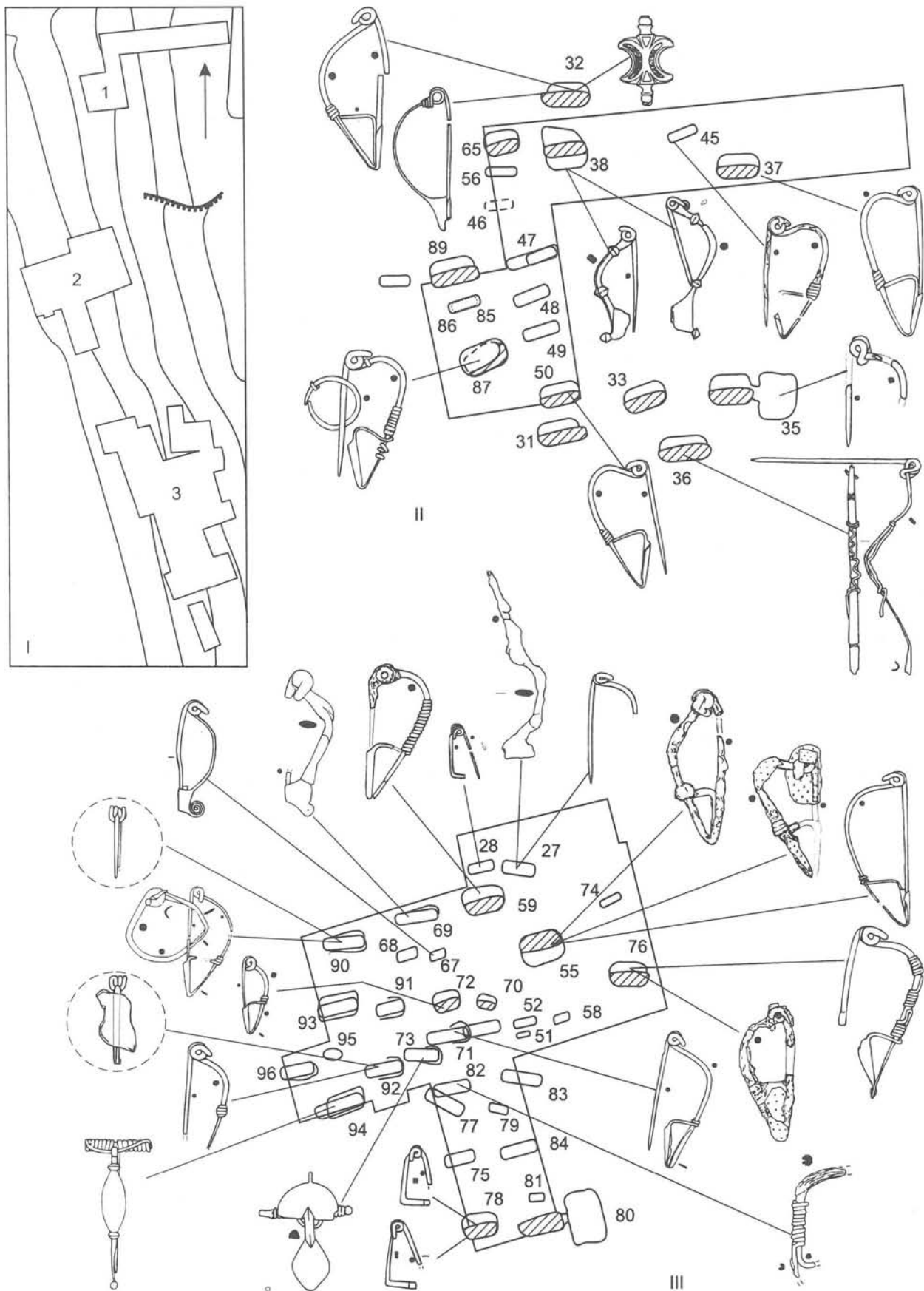

Рис. 7 Планы Северного и Центрального раскопов могильника Нейзац. I — схема расположения раскопов на могильнике (1 — Северный раскоп; 2 — Центральный раскоп; 3 — Южный раскоп). II — план Северного раскопа. III — план Центрального раскопа.

Fig. 7 Plans of the Northern and Central excavation areas of the cemetery of Neusatz. I — schematic location of excavations at the cemetery (1 — Northern Excavation; 2 — Central Excavation; 3 — Southern Excavation). II — plan of the Northern Excavation. III — plan of the Central Excavation.

вески с центральной петлей, специфический набор лепной керамики и т.д. Все эти вещи твердо датируются IV в. (Храпунов 1999а; Khrapunov 1998; Кропотов 1998; Айбабин 1990: рис. 2).

Наиболее поздняя застежка в нашей коллекции — бронзовая двупластинчатая фибула варианта IAB (рис. 6: 6) (Амброз 1966: 83). Ее приемник и игла утрачены в древности. Застежка была найдена в нейзацской могиле № 73 у пояса погребенного и, вероятно, использовалась как подвеска.

Двупластинчатые фибулы распространяются в Крыму в гуннскую эпоху (Айбабин 1990: 18). Их эволюция хорошо изучена. С течением времени они увеличивались в размерах, одновременно изменяя пропорции ножки. Наш образец типологически наиболее ранний и, видимо, относится к концу IV в.

Таким образом, все фибулы Дружного и Нейзаца распадаются на три хронологические группы, которые соответствуют трем временным «горизонтам» этих памятников.

Застежки первой группы (конец II—первая половина III вв.) наиболее многочисленны¹¹ (всего 44 экз.). Практически все они происходят из могильника Нейзац. На некрополе Дружное фибулы первой половины III в. содержала лишь могила № 67, расположенная у самого края карьера, в отдалении от остальных погребальных сооружений. Любопытно, что и другая ранняя могила Дружного (№ 2/84) (Айбабин 1994: 92—93) также располагалась на краю карьера. Видимо, древнейшая часть могильника была уничтожена современными земляными работами (Храпунов, Мяскин 1998: 146).

Застежки второй половины III в. (вторая группа) представлены лишь тремя экземплярами. Это лучковые подвязные фибулы III серии. Подбойными могилами № 20 и 24, в которых они были найдены, пожалуй, и ограничивается список погребальных сооружений второй половины III в. н. э. могильника Дружное.¹² На некрополе Нейзац могил, твердо датированных этим временем, пока не найдено.

Здесь следует отметить, что комплексы второй половины III в. н. э. в Крыму весьма немногочисленны, в то время как погребения первой половины III и IV вв. известны уже сотнями. Такая ситуация не может объясняться случайностью. Возможно, запустение предгорной части полуострова во второй половине III в. является следствием активности племен готского союза. С походами готов середины этого века связывают разгром позднескифского царства (Степи... 1989: 125).

Возрождение жизни в Предгорном Крыму в IV в. отражают погребения верхнего горизонта могильников Дружное и Нейзац, которые характеризуются как новыми формами инвентаря (в том числе фибулами с прогнутым корпусом, составляющими треть хронологическую группу), так и иным нежели ранее типом погребальных сооружений. Если в предыдущий период захоронения совершались в основном в подбойных или простых грунтовых могилах, то в IV в. доминируют склепы с подпрямоугольной в плане камерой, соединенной с входной ямой коротким коридорчиком — дромосом. Считается, что распространение последних связано с миграцией в Крым в середине III в. сармато-алан (Айбабин 1990: 66; 1994: 98; Храпунов 1998: 29). Однако раскопками последних лет открыта небольшая группа склепов, датирующаяся еще первой половиной этого столетия.

Судя по наиболее поздним вещам (двупластинчатой фибуле из грунтовой могилы № 73 Нейзац и раннегуннским пряжкам из склепа № 87 Дружного) могильники Дружное и Нейзац прекращают использоваться в самом конце IV в. Видимо, население из этих районов отступает в Юго-Западный Крым и на Южный берег, где в это время закладываются новые могильники, по многим признакам аналогичные нашим (Лучистое, Суук-Су, Скалистое, Красный Мак, Алмалык, Бакла и др.). С их возникновением начинается новая эпоха в истории Таврики — раннее средневековье.

Абрамова, М. П. 1996. Фибулы Хумаринского могильника (II—III вв. н. э.) // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) 2: 100—105. Армавир, Москва.

Айбабин, А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 1: 3—86. Симферополь.

1994. Раскопки могильника близ с. Дружное в 1984 году // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии IV: 89—131. Симферополь.

1996. Население Крыма в середине III—IV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии V: 290—303. Симферополь.

¹¹ Это фибулы смычковые, сильнопрофилированные, лучковые I и II серий, застежки с завитком или кнопкой на конце приемника, а также фибулы-броши.

¹² Как уже было отмечено выше, склеп № 39 был ограблен, поэтому узко датировать его не представляется возможным. Ко второй половине III в., видимо, относятся безынвентарные погребения верхних ярусов могилы № 67.

- Амброс, А. К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.—IV в. н. э. // Свод археологических источников Д1—30. Москва.
- Бабенчиков, В. П. 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР XIII: 90—123. Кив.
- Богданова, Н. А., И. И. Гуцина, И. И. Лобода. 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму // Советская археология 4: 121—152.
- Высотская, Т. Н., О. А. Махнева. 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э.: 66—80. Киев.
- Зайцев, Ю. П. 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: 102—118. Симферополь.
- Косьяненко, В. М. 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // Советская археология 2: 45—61.
- Кропотов, В. В. 1998. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія 4: 128—134. Киев.
- Пишечников, А. Х. 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. Москва: Наука.
1992. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры: 67—84. Саратов.
- Симоненко, А. В. 1993. Сарматы Таврии. Киев.
1999. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этно-политическая история. Дисс. докт. ист. наук. Киев.
- Скрипкин, А. С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология 2: 100—120.
1989. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. Москва: Наука.
1993. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э.—первой половине I тыс. н. э. // Археология СССР. Москва: Наука.
- Труфанов, А. А. 1997. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник 1: 181—192. Симферополь.
- Храпунов, И. Н. 1994. Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии IV: 529—544. Симферополь.
- 1994а. Аланский могильник IV в. в Центральном Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV—IX вв.). Тезисы докладов: 77—79. Симферополь.
1998. Сарматские погребения III в. н. э. из Центрального Крыма // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6-го археологического семинара 2: 28—29. Краснодар.
- 1998а. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии VI: 230—238. Симферополь.
- 1998б. Склеп IV ст. н.э. из могильника Дружное // Археология 4: 118—127.
1999. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. III Граковские чтения: 262—268. Запорожье.
- 1999а. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // Российская археология 2: 144—156.
- Храпунов, И. Н., В. П. Власов. 1998. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии VI: 239—255. Симферополь.
- Храпунов, И. Н., В. В. Масякин. 1997. Подбойная могила второй половины III в. н. э. из могильника Дружное // STRATUM + Петербургский археологический вестник: 164—180. Санкт-Петербург - Кишинев.
1998. Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму // Российская археология 4: 133—149.
- Храпунов, И. Н., С. А. Мульд. 1997. Завершение исследования могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: 256—262. Симферополь.
- Храпунов, И. Н., С. А. Мульд, Э. А. Хайреддинова. 1994. Исследование позднеримского могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1993 год: 254—261. Симферополь.
- Шаров, О. В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчаны и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени: 158—207. Санкт-Петербург.
- Almgren, O. 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek 32. Leipzig.
- Khrapunov, I. N. 1998. A rapport on the cemetery near Druzhnoye village in the Crimea (3d—4th century A. D.) // Acta universitatis Lodziensis. Folia archaeologica 22: 91—98.
1999. Unbekannte Krim. Heidelberg.

FIBULAE FROM THE CEMETERIES OF DRUZHNOE AND NEUSATZ

V. V. KROPOTOV

The cemeteries of Druzhnoe and Neusatz are situated in the foothills of the central Crimea 12 km from each other. Altogether, 72 fibulae were found during the excavations: 24 in Druzhnoe and 48 in Neusatz. Among the finds the bow-like tied-up ones are the most numerous (31 examples), clasps of the Chernyakhov type with a bent frame hold the second place (22 examples). Examples of other types are represented only by single finds.

Thus the violin bow fibulae (4 examples, fig. 1: 6, 9, 11, 12), those with a rich profile

from the northern Black Sea area (3 examples, fig. 1: 3, 4, 7), the ones with a volute at the end of the clasp etc., are rare in our collection (2 examples, fig. 1: 13; 4: 1). The group of provincial Roman products includes an enamel brooch (fig. 6: 9) and a richly profiled fibula of the Almgren 84 type (fig. 1: 8). A unique find was a clasp of the middle Laten pattern (fig. 6: 13) from a grave of the late 2nd century B.C. Such objects have never been encountered in so late funerary sets.

The bow-like tied-up fibulae from the cemeteries of Druzhnoe and Neusatz are subdivided into three series according to A. K. Ambroz's classification: the examples of series I are single-part ones with a four-turn spring and an upper string (14 examples, fig. 1: 1, 2, 5; 2: 6, 7, 11, 12; 3: 1—6; 6: 12). The samples of series II (the «Inkerman» series) also consist of a single part. Their main peculiarity is the lower string and many have a three-turned spring (7 examples, fig. 2: 4, 5, 8, 10; 4: 8; 6: 11, 14). Only the shackles of fibulae of the «Inkerman» series sometimes are decorated with a wire «snake» (fig. 2: 5, 8); also shackles completely wound with wire were found.

Of a special note are six fibulae (fig. 2: 1—3, 9; 4: 6; 6: 10) in which the pin with the spring are made of a separate piece of metal and joint together in a peculiar way: the upper tip of the shackle is bent backwards and aside forming a spiral ring of one and a half turns. An axis is put into the ring and the pin with the spring are coiled onto the protruding part of the axis. The free end of the spring is wound at several turns around the neck of the fibula. Few similar clasps are found at other Crimean sites. It is unlikely that their double-part composition was intentional and possibly it resulted of repairs.

All the fibulae described are dated according to the accompanying finds to the late Sarmatian period i.e. the second half or the end of the 2nd century—the first half of the 3rd century A.D. In the middle of the 3rd century they give place to the bow fibulae of series III (according to A. K.

Ambroz's classification). Clasps of series III are composed of two parts. The front tip of their shackle is bent into a wide ring into which an axis is put. Onto the axis a double-sided spring is wound with the lower string (fig. 3: 7—9). Such objects are dated to the second half of the 3rd century A. D.

The Chernyakhov type fibulae with a bent frame are mostly tied-up; however, specimens with a plate-like clasp are also found (fig. 5: 7, 9). They all are composed of two parts but the spring with the pin are joint to the frame in a different way than at bow-like fibulae. The axis is put not into the circular ring formed by the bent tip of the shackle but into a hole bored through the vertically forged head (fig. 5: 6, 2—4). Only the three earliest examples have the spring gear made in the old way (fig. 6: 1, 5, 8).

The Chernyakhov type fibulae with a bent frame are found in graves with a differing type of funerary inventory characterising a new chronological «horizon» which enables to date them reliably to the 4th century A. D.

The latest find in our collection is a double-plated fibula of variant IAB dated to the late 4th century (fig. 6: 6).

In the very end of the 4th century A. D. the population leaved the foothills of the central Crimea and retreated to the south-western part of the peninsula and to the Southern Coast where new cemeteries in many respects similar to ours appeared during that period. With these cemeteries a new epoch—the early medieval one—begins in the history of Taurica.

РИМСКИЙ БРОНЗОВЫЙ ТРЕНОЖНИК ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

М. А. ХОМЧИК¹

В Национальном музее истории Украины имеется несколько предметов римского времени, найденных на территории Киева в разные годы: это два небольших стеклянных флакона II—IV вв. н. э., которые были обнаружены в начале XX в. на Подоле (Кирилловская и Александровская улицы); низка бус II—IV вв. н. э., поступившая в музей в 1897 году от Императорской Археологической комиссии (из коллекции В. В. Хвойко); римская монета — бронзовый асс II в. н. э., найденная в 50-х годах XX в. на Замковой горе; фрагменты античной керамики I—II вв. н. э. Из этих предметов опубликована только монета (Брайчевский 1963: 33). Кроме того, в археологических фондах музея хранится бронзовый треножник, отнесенный к византийскому времени (Ханенко Б. И. и В. Н. 1907: 33; Каргер 1958: 195) (рис. 1). Он представляет собой посудину со сферическим, сплюснутым по вертикали туловом и имеет отогнутый венчик и втулку, в которую вставлялась деревянная ручка (D = 112 мм, L = 140 мм). Этот сосуд поступил в музей в начале века из коллекции Б. И. и В. М. Ханенко. Он был найден в котловане при строительстве большого дома на территории Софиевского собора в Киеве и опубликован в 1899 году в журнале «Археологическая летопись Южной России» в разделе «Случайные находки». В 1907 году в «Древностях Поднепровья» в разделе «Древности славянские» его публикуют Б. И. и В. М. Ханенко как бронзовую кадилницу византийского типа.

В 1958 году М. К. Каргер в монографии «Древний Киев» сделал попытку подвести итоги полустолетнего исследования Киева. Одна из глав первого тома этой работы посвящена изучению могильников на территории Киева. В ней М. К. Каргер определяет место находки треножника (погребение № 119) и дает такое описание: «В конце 90-х годов XIX века в усадьбе Софиевского собора во время выборки земли для фундамента большого дома было разрушено интересное захоронение с трупосожжением. Из-за невнимательного от-

ношения к объекту находка была потеряна для науки. Очевидец, который случайно посетил место строительства дома, видел на дне котлована на значительной глубине остатки огромного кострища, особое внимание вызвал бронзовый котелок или курильница и многочисленные куски перегорелой ткани. Но возникает вопрос: было ли это погребением?»

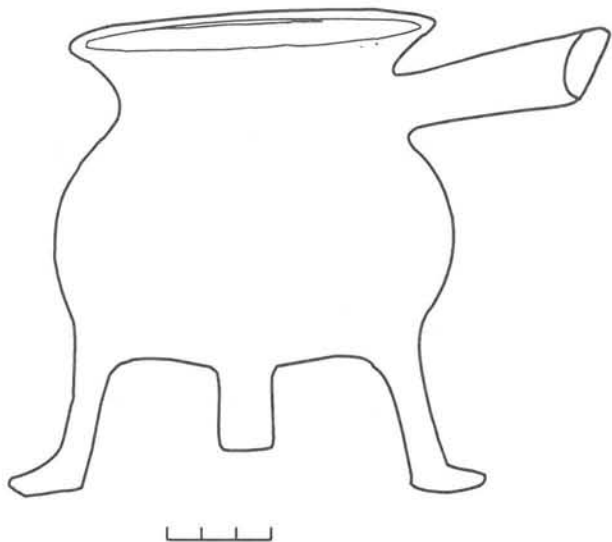
В. В. Хвойко в своей работе «Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена» отметил, что во время раскопок в Киеве не раз встречались захоронения с трупосожжениями, которые состояли из кострища с остатками пережженных костей и кострища с сосудом, в который были положены остатки тела умершего. В. В. Седов в Археологии СССР «Восточные славяне VI—XIII вв.» в главе «Дружинные курганы» дает описание захоронения с кремацией. На площадке, выбранной для сооружения насыпи, устраивали костер и клали в него умершего, одетого в лучшие одежды, в сопровождении вещей, которые, по мнению его современников, нужны были в загробном мире: орудия труда, вооружение, еда и др. После того как костер прогорал, кальцинированные кости собирали в глиняный сосуд — урну, которую ставили в центр костра, а потом к урне сгребали остатки костра. После завершения погребального ритуала насыпали курган.

В кострище же, выявленном на территории Софиевского собора, остатков костей, погребальной урны и погребального инвентаря не обнаружено, а на поверхности бронзового треножника лишь немного копоти. Таким образом, можно сделать вывод, что кострище, которое было найдено в XIX веке на территории Софиевского собора, не следует относить к погребению. Это предположение подтвердила и консультация сотрудника Института археологии Национальной академии Украины кандидата исторических наук Ю. И. Козуб, которая на протяжении длительного времени исследовала некрополь Ольвии.

¹ Украина. 254250. Киев. ул. Владимирская, 2. Национальный Музей истории Украины.

Подобный сосуд известен из Ольвии (датируется I—II вв. н. э.) и хранится в Одесском археологическом музее. Аналогичный треножник был найден при раскопках древнеримского города Помпеи. В Древнем Риме такие сосуды использовались в харчевнях для приготовления горячих напитков из вина. Про такие харчевни упоминают римские авторы Цицерон, Цезарь, Вергилий, Гораций, Светоний и др. В I в. н. э. в Помпеях на 10 тыс. населения было около 120 подобных заведений. При раскопках одной из главных улиц города было обнаружено 20 харчевен. Если допустить, что лишь половина жителей проводила здесь время, то это означает, что примерно на каждые 40 человек приходилась одна харчевня. Размещение их и особенности древнеримского быта указывают на то, что они обслуживали, в основном, местных жителей (Кнабе 1986: 122—152).

Таким образом, бронзовый треножник из археологической коллекции нашего музея можно отнести к римскому времени и датировать I—II вв. н. э. Это полностью опровергает мнение предыдущих исследователей о византийском происхождении этого сосуда. В I—II вв. н. э. территория Среднего Поднепровья была заселена племенами зарубинецкой культуры, для которых характерно наличие некоторого количества античных импортов. Пред-

Римский бронзовый треножник из собрания Национального музея истории Украины.

A Bronze Roman Tripod from the Collection of the National Historical Museum of Ukraine.

меты римского времени существовали на этой территории и в III—IV вв. н. э., когда она была заселена племенами киевской и черняховской культур. Находки подобных вещей на территории Киева свидетельствуют о торговых связях проживавшего здесь населения с Римской империей в первых веках нашей эры.

Алексеева, Е. М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников Г1—12: 5—103.

Брайчевський, М. Ю. 1963. Коли і як виник Кив. Кив: Наукова думка.

Каргер, М. К. 1958. Древний Киев. Т. 1. Киев: Издательство АН СССР.

Кнабе, Г. С. 1986. Древний Рим — история и повседневность. Москва: Искусство.

Кунина, Н. З., Н. П. Сорокина. 1972. Стекланные бальзамари Боспора // Труды Государственного Эрмитажа XIII: 146—177.

Максимов, Е. В. 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наукова думка.

Одесский археологический музей АН УССР (путеводитель). 1983. Киев.

Седов, В. В. 1982. Восточные славяне VI—XII вв. // Археология СССР. Москва: Наука.

Случайные находки. 1899. Случайные находки // АЛЮР 1. Киев.

Хвойко, В. В. 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев: Типография «Т-во Е. А. Синкевич».

Ханенко, Б.И. и В.Н. 1907. Древности Поднепровья. Вып. 6. Киев: Типография С. В. Кульженко.

A BRONZE ROMAN TRIPOD FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL HISTORICAL MUSEUM OF UKRAINE

M. A. KHOMCHIK

The National Historical Museum of Ukraine has a bronze vessel found in Kiev and hitherto considered as Byzantine.

On the basis of some parallels known from Olbia and Pompeii we define this object as a

Roman manufacture of the 1st—2nd century A.D. It is thus supplementing the number of rare finds of the Roman period from Kiev and extends our knowledge of the trade links of the territory of what is now Ukraine with Italy.

К НЕКРОПОЛЮ ОЛЬВИИ НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ

(даты, находки, гипотезы)

В. И. ДЕНИСОВА¹

В поле зрения посвященной части русского общества античные памятники Северного Причерноморья оказались с последних десятилетий XVIII в., когда после русско-турецких войн (1768—1774 и 1787—1792 гг.) Россия получила новые границы на Черном море. В 1793 г. Екатерина II даровала графу И. А. Безбородко 12 тыс. десятин земли вдоль правого берега Бугского лимана. Здесь, ниже Волошской косы, далеко отходящей в текущие к югу воды лимана, располагалось старообрядческое село Парутино, основанное около 1790 г., после акта дарования покинутое первооселенцами, заселенное крепостными графа И. А. Безбородко и переименованное в Ильинское. В пределах владений И. А. Безбородко оказались лежащие южнее села остатки древнегреческого города Ольвии, курганный могильник и, как выяснилось позже, обширный грунтовой некрополь Ольвии.

В данной связи важны и интересны три плана, явно составленные на одной и той же топографической первооснове начала XIX в. (Карасев 1956: 17). Так, на плане, приложенном к сочинению И. Бларамберга (Blaramberg 1822), обозначены: село Ильинское (Парутино), Ольвия и рассыпанные по степи курганы. На двух других чрезвычайно сходных между собой планах — таковы план П. И. Кеппена, побывавшего в Ольвии в 1819 г.,² и план из книги И. М. Муравьева-Апостола (Муравьев-Апостол 1823) — территория села Ильинское не показана, зато охвачена степная ширь. Правда, на плане И. М. Муравьева-Апостола экспликация в правом верхнем углу закрывает значительную часть степного пространства; определенные неудобства в пользовании этим планом создают и начертанные на нем реконструкции И. М. Муравьева-Апостола. План П. И. Кеппена от подобных недочетов свободен, но на нем неверно указано местоположение Зевсова кургана (Diehl 1937: Spt. 2405). Однако прекрасное техническое исполнение плана П. И. Кеппена (внизу под рамкой ука-

зано: Грав[ировал] Баженовъ Выре[зал] слова Шкатовъ) предопределило его популярность. Именно фрагмент этого плана, ограниченный территорией Ольвийского городища, публиковался в русских и зарубежных научных изданиях первых трех десятилетий XX в. (Diehl 1937: Spt. 2405; Minns 1947: 109).

План П. И. Кеппена в полном виде (рис. 1) хорошо передает характер ландшафта тех мест на рубеже XVIII—XIX вв. Плато, высотой около 40 м, обрывами спускается к водам лимана. Большой глубоко врезавшийся в плато овраг (Заячья балка) — его ось по отношению к береговой линии составляет угол примерно 30° — отсекает от массива плато треугольный участок, длиной вдоль берега около 1 км. С севера этот участок тоже ограничен оврагом; один его конец смыкается почти под прямым углом с Заячьей балкой, а второй (восточный) конец выходит к береговой линии. Обе балки определяли юго-западную и северную границы территории Ольвии. Руины города тогда были скрыты в земле. За балками раскинулась степь, усеянная курганами, особенно густо — в юго-западном от города направлении. Данная местность исстари по обилию курганов называлась «Урочище ста могил».

Из-за нежелания владельцев имения разрешить проведение регулярных раскопок Ольвии и ее некрополя изучение этого первоклассного археологического памятника задержалось фактически на столетие. За истекшие годы и городище, и некрополь многократно подвергались локальным разрушениям. Остатки городских сооружений Ольвии и каменные склепы некрополя служили своего рода каменоломней для добывания строительного материала. Широко практиковавшийся местными крестьянами промысел кладоискательства, особенно оживлявшийся в неурожайные годы, приводил к опустошению могил грунтового некрополя и к их разрушению.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

² Дата на плане: 1821 г. План был издан Н. Н. Мурзакевичем (Мурзакевич 1872: Табл. IX) некоторое время спустя после кончины П. И. Кеппена.

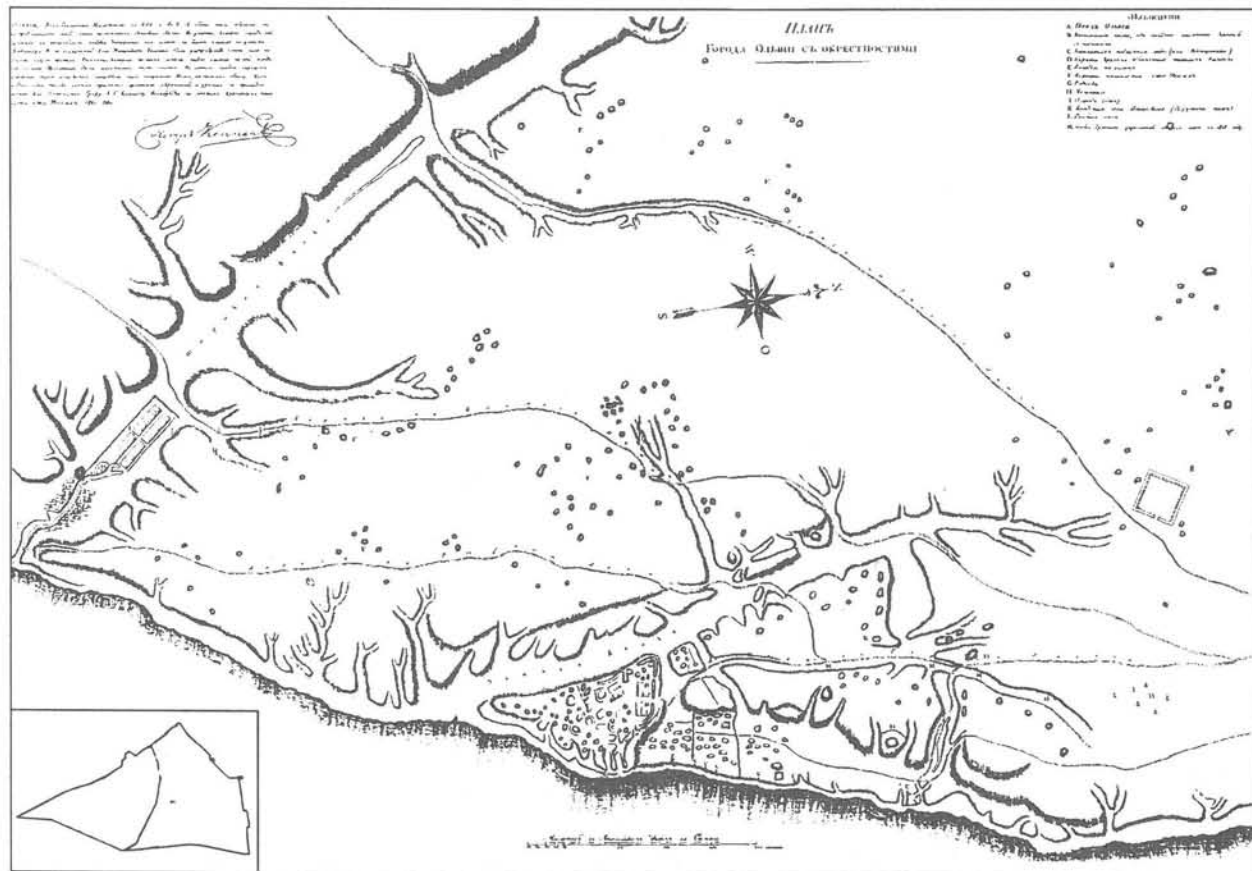

Рис. 1 План Ольвии и окрестностей, 1821 г. (так называемый план П. И. Кеппена).

Fig. 1 Plan of Olbia and its neighbourhood, 1821 (so-called P. I. Keppen's plan).

Эпизодические раскопки Ольвийского городища и курганного некрополя на протяжении XIX в. оказались нерезультативными.³ Больше информации дали раскопки последних десятилетий XIX в. на крестьянских наделах, а также на улицах и дворах села Парутино (Ильинского), к тому времени уже близко подступившего к северной границе Ольвийского городища. При этих раскопках были выявлены различные типы погребальных сооружений — простые грунтовые ямы, подбойные конструкции, земляные склепы. Стало ясно, что со стороны степи городскую территорию Ольвии охватывало широкое полукружие некрополя, на юго-западе доходившее до Широкой балки, на севере — до Парутинской балки.

В 1901 г. графом А. А. Мусиным-Пушкиным — тогдашним владельцем имения Ильинское, наконец было дано согласие на производство раскопочных работ на его землях. Специальный денежный фонд, выхлопотанный председателем Императорской археологической комиссии графом А. А. Бобринским, обеспечил возможность Б. В. Фармаковскому —

члену Императорской археологической комиссии — ежегодно осуществлять раскопки Ольвийского городища и некрополя.

Наиболее важные достижения Б. В. Фармаковского по исследованию Ольвии хорошо известны (Карасев 1976). В данной статье мы кратко коснемся лишь результатов, полученных им при работах на некрополе. Итак, за пятнадцатилетие ежегодных работ экспедиции (с 1901 по 1915 гг.) не только удалось раскопать свыше тысячи погребений (Скуднова 1988: 5 и сл.), но был найден участок с погребениями раннего периода существования Ольвии. Поскольку при жизни Б. В. Фармаковского сводный план некрополя с нанесением всех раскопанных участков не был составлен,⁴ местоположение участка с ранними погребениями определить можно лишь примерно — путем сопоставления кратких заметок Б. В. Фармаковского и его сотрудников с общими границами участков, раскопанных в соответствующие годы (рис. 2). «Архаический некрополь находится... в северо-западном направлении от древнего города, где в древности проходила,

³ История археологического изучения Ольвийского городища и некрополя изложена (с ссылками на соответствующую литературу) в работах: Фармаковский 1915: 5 и сл.; Diehl 1937: Spt. 2410—2413; Minns 1947.

⁴ Опубликован только план, выполненный В. И. Деренкиным в 1915 г., на котором обозначены некоторые раскопочные участки территории некрополя (Фармаковский 1926: 145, рис. 3).

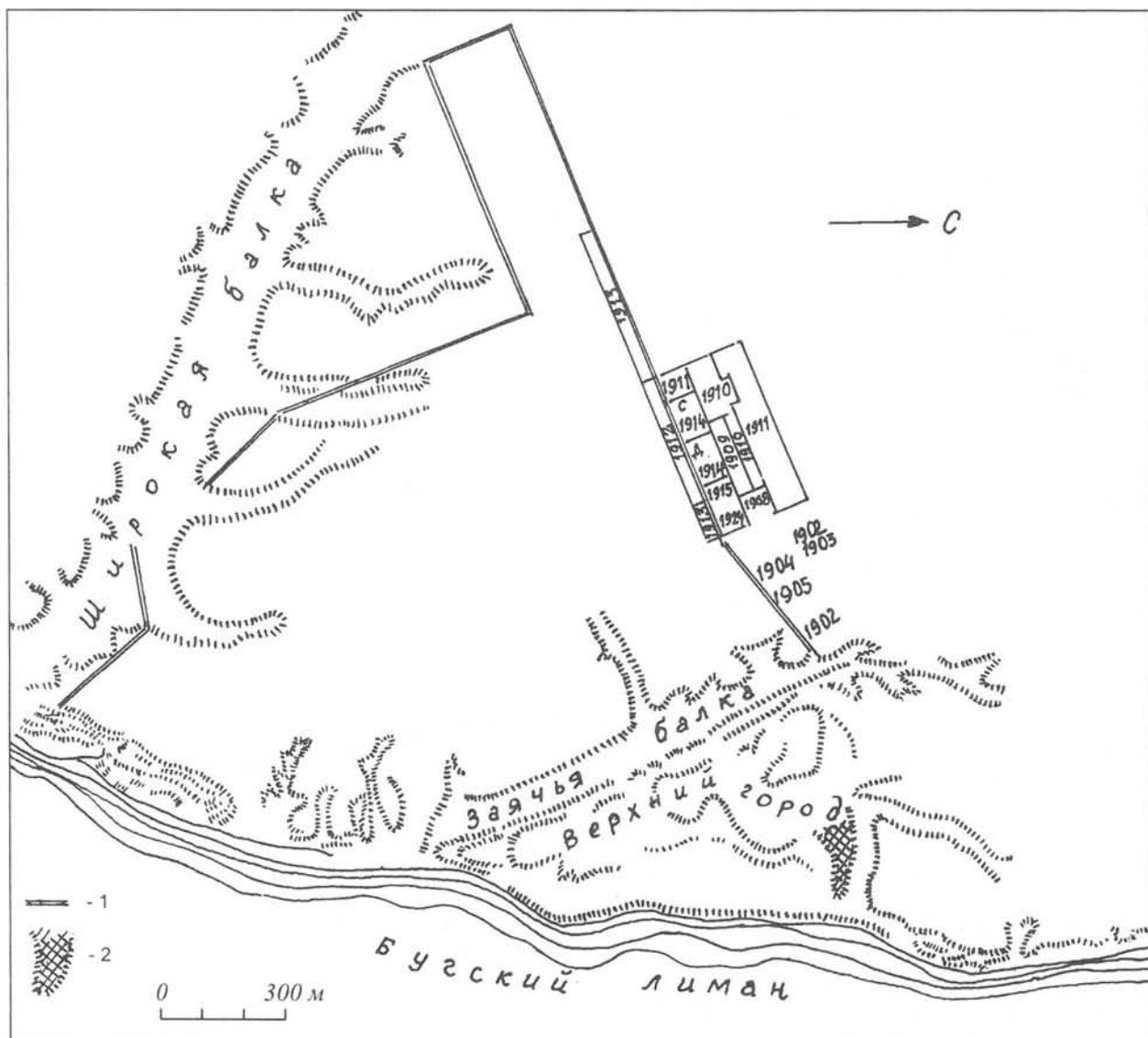

Рис. 2 Схематический план Ольвии и окрестностей с обозначением основных участков, раскопанных Б. В. Фармаковским на некрополе: 1 — канава, отделявшая земли А. А. Мусина-Пушкина от крестьянских наделов; 2 — участок Верхнего города с разновременными захоронениями.

Fig. 2 Schematic plan of Olbia and its neighbourhood designating the major areas excavated by B. V. Farmakovskiy on the necropolis: 1 — the ditch which separated A. A. Musin-Pushkin's lands from peasants' plots; 2 — the area of the Upper Town with burials of different periods.

вероятно, дорога в степь», — писал Б. В. Фармаковский в отчете о работах за 1911 г. (Фармаковский 1914: 14, 15). А вот как Э. В. Диль освещал работы на некрополе в 1913 г.: «Была исследована полоса, шириной в 45 м, длиной в 350 м. При этом было найдено 107 могил, расположенных таким образом, что южная граница их встречаемости проходила в восточно-западном направлении, косо перерезая исследованную площадь, по условиям места разбитую с некоторым отклонением от расположения по странам света». Значительную часть раскрытых тогда могил составили могилы VI в. до н. э. и

эллинистического времени, некоторые могилы оказались римского времени, несколько могил — классического времени (Диль 1914: 50). Как справедливо отметила В. М. Скуднова (Скуднова 1988: 6), архаические могилы были открыты во всех пунктах, где производились раскопки, исключая 1901 г.⁵

В 1915 г. обстоятельства вынудили Б. В. Фармаковского свернуть работы экспедиции. Возобновлены они были в 1924 г., но проводились лишь на участке некрополя, недокопанного в 1915 г. (Фармаковский 1926а: 154).⁶ Раскопки следующего года, осуществлен-

⁵ Попытка установить местонахождение ранних погребений была предпринята, в частности, М. Б. Парович (Парович 1962).

⁶ Данные о раскопках в Ольвии между 1915 и 1924 гг. приведены в работе В. А. Папановой (Папанова 1993: 15—19).

ные на северо-восточной оконечности Ольвийского плато, условно называемого «Верхний город», обозначили новую веху в исследовании Ольвии. Упомянутый сейчас участок (рис. 2 — обозначен штриховкой) долгие десятилетия принадлежал военному ведомству и поэтому с самого начала работ Б. В. Фармаковского в Ольвии был недоступен для каких-либо археологических изысканий. Первые раскопки Б. В. Фармаковский смог провести здесь лишь в 1925 г. Проложив несколько раскопанных траншей, Б. В. Фармаковский установил, что в черту города Ольвии эта местность вошла не ранее конца IV в. до н. э. — в предшествовавшее время здесь был некрополь. После гетского разгрома данная часть города не возобновлялась, а вновь была отведена для захоронений. В ходе работ 1925 г. было раскопано три погребения архаического времени и несколько погребений, относящихся к первым векам н. э. (Фармаковский 1926а: 177, 179, 190).

Раскопки северо-восточной оконечности «Верхнего города», где Б. В. Фармаковский сделал столь важное открытие, были продолжены другими исследователями в течение ряда полевых сезонов (участок «И») и завершились раскрытием обширного городского квартала и выявлением погребений, в основном, разграбленных и разоренных (Славин 1940). Материалы обнаруженного на участке «И» некрополя известны лишь по нескольким предварительным публикациям (Книпович 1940; 1940а; 1941).

Небольшие по объему работы на ольвийском некрополе проводились в первые годы после окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.⁷ Исследования некрополя, возобновленные в 1956 г. Институтом археологии АН УССР (г. Киев) и с 1964 г. проводившиеся относительно регулярно, дали новый материал для изучения некоторых аспектов истории Ольвии и исторической топографии ольвийского некрополя (Козуб 1984; Папанова 1994). Но его понимание и интерпретация невозможны без обращения к массиву материалов, добытых Б. В. Фармаковским за годы исследований Ольвии, несущих в себе огромный объем научной информации и являющихся, по существу, ключевыми.

Полевая документация экспедиции Б. В. Фармаковского хранится в Рукописном архиве ИИМК РАН. Вещевой материал из рас-

копок Ольвийского городища и некрополя поступил в Отдел античного мира Гос. Эрмитажа.⁸ Высококвалифицированные сотрудники Отдела произвели его научную обработку. По полевым описям и рукописным дневникам Б. В. Фармаковского, а также его сотрудников был тщательно выверен состав погребальных комплексов и в соответствии с традиционной хронологией, используемой при классификации античного археологического материала, комплексы были отнесены к четырем периодам: архаический, классический, эллинистический и первые века н. э.

Комплексы с материалами классического и эллинистического периодов были в начале 1960-х гг. предоставлены двум аспирантам Института археологии АН УССР для кандидатских диссертаций, доработанных впоследствии в монографии (Козуб 1974; Парович-Пешикан: 1974). Погребальные комплексы периода архаики явились объектом специального научного интереса В. М. Скудновой — одного из ведущих специалистов Отдела античного мира Гос. Эрмитажа. Рукопись монографии «Архаический некрополь Ольвии» В. М. Скуднова завершила к 1964 г. Путь рукописи к опубликованию (Скуднова 1988) растянулся почти на четверть века.

Упомянутые монографии Ю. И. Козуб и М. Парович-Пешикан построены примерно по одной схеме. В работу в виде приложения к авторскому тексту включен каталог погребений, относящихся к хронологическому периоду, обозначенному в заглавии каждой монографии. Каталог представляет собой публикацию дневниковых записей Б. В. Фармаковского и его сотрудников; к ним добавлены данные о немногочисленных погребениях, раскопанных после Б. В. Фармаковского. Общая слабость обеих монографий (Козуб 1974; Парович-Пешикан 1974) — отсутствие должного внимания к археологическому материалу: он привлекается, главным образом, для иллюстрации тех или иных положений авторского текста.

Иную структуру имеет монография В. М. Скудновой. В этом исследовании введение — краткое, но в достаточной степени информативное, объединяющее историю исследования ольвийского некрополя, описание устройства могил, характеристику основных групп вещевых находок, — предшествует каталогу, включающему 265 погребений, с хорошими фотовоспроизведениями многих комплек-

⁷ Сведения о работах в Ольвии в послевоенный период кратко изложены В. А. Папановой (Папанова 1993: 7, 8; 1994: 26, 27).

⁸ В первые годы работ Б. В. Фармаковского в Ольвии находки из раскопок некрополя передавались не только в Эрмитаж, но и в другие музеи, в частности, в Одесский и Херсонский, где впоследствии фактически затерялись. Какая-то группа находок, поступивших в собственность владельцев имения Ильинское, тоже оказалась для науки утраченной. Начиная с 1909 г. и по 1915 г. весь материал из раскопок Б. В. Фармаковского поступил в Эрмитаж (Скуднова 1988: 5, 6).

сов находок, а также отдельных предметов. В каталоге не только приведены все необходимые в таких случаях сведения, но и даны перекрестные ссылки, позволяющие синхронизировать ряд погребений. Благодаря высокой научной квалификации, В. М. Скуднова сумела в своей монографии максимально раскрыть археологический материал и довести его до того уровня научной обработки, который не только открывает другим исследователям возможность его использования, но и позволяет наметить общую перспективу дальнейшего изучения архаических погребений Ольвии.

Неизбежен, однако, и ряд замечаний. Так, на фоне современных добротных научных публикаций отдельных групп античного керамического материала — они введены в научный обиход зарубежными учеными в тот почти четвертьвековой отрезок времени, который потребовался для опубликования монографии В. М. Скудновой, — стало очевидным, что погребения, включенные в монографию, охватывают более широкий хронологический период, чем тот, который обозначен в ее заглавии. Поэтому коллеги В. М. Скудновой, готовившие ее труд к печати, оказались перед необходимостью передатировать ряд погребений, отметив в предисловии (Скуднова 1988: 4), что данный труд «является первой полной публикацией материалов, относящихся к архаической и раннеклассической эпохам Ольвии».

Необходимость продолжить углубленную работу по уточнению дат ранних погребений ольвийского некрополя очевидна. С ней, в частности, напрямую связано решение вопроса о времени появления в Ольвийском некрополе первых подбойных погребений. Предложенная В. М. Скудновой дата — конец VI в. до н. э. (Скуднова 1988: 7) остается в высшей степени проблематичной. Специальной проработки требует и вопрос о дате первых свидетельств использования ольвиополитами в погребальной практике «обола Харона». Как известно, в античном мире этот обычай зафиксирован с IV в. до н. э. Б. В. Фармаковский считал, что в это же время его начали практиковать в Ольвии. Между тем, в ряде включенных в каталог В. М. Скудновой погребений были обнаружены медные дельфины («рыбки»), которых отдельные авторы отождествляют с «оболом Харона», а в одном погребении (Кат. 262)⁹ — присутствовала медная монета.

Разумеется, работа по уточнению дат погребений ольвийского некрополя может быть проведена лишь путем детального изучения всех категорий вещевого материала из могил, в первую очередь — керамики, и их исчерпывающей публикации. До настоящего времени

такая работа была проведена применительно к отдельным группам керамических сосудов.

Первая добротная публикация такого рода была выполнена И. П. Малевым, тесно сотрудничавшим с Б. В. Фармаковским. И. П. Малев профессионально систематизировал и продатировал группу коринфских арибаллов, тулово которых украшено изображением четырехлепесткового стилизованного цветка (Малев 1914). В своем исследовании И. П. Малев основывался на датах погребений некрополя Ритзона (Беотия), содержащих значительное количество таких сосудов. Однако в последующее время выяснилось, что погребения упомянутого сейчас некрополя, на которых базировался в своей работе И. П. Малев, относятся к несколько более позднему времени, чем считалось ранее. Таким образом, налицо необходимость повторного обращения к этой группе сосудов с учетом новых появившихся в археологической литературе данных о керамике указанного типа.

Несколько асков из ольвийских ранних погребений опубликовал О. Вальдгауэр, определивший их как самосские (Waldhauer 1929). Можно предположить, что дополнительное изучение этой группы сосудов позволит уточнить их дату. Сказанное в полной мере относится и к чернофигурным лекифам из ольвийского некрополя ранней поры, рассмотренным В. М. Скудновой (Скуднова 1958).

Особо пристального внимания заслуживают кольцевидные аски с перекидной ручкой — довольно частая находка в ольвийском некрополе. Они присутствуют примерно в пятидесяти погребальных комплексах каталога В. М. Скудновой. Этим сосудам В. М. Скуднова посвятила специальную статью, в которой по типологическому признаку они разделены на четыре группы и продатированы на основании следующих соображений: «Т. к. в инвентаре могил с кольцевидными сосудами не встречаются вещи ранее середины VI в. и позднее первой половины V в. до н. э., то промежуток времени бытования этих сосудов ограничен преимущественно этим периодом» (Скуднова 1945: 138). «Первые три группы сосудов, датируются, по моей классификации, второй половиной VI в. до н. э., точнее, последней третью; четвертая группа захватывает начало V в. до н. э.; во вторую четверть V в. до н. э. кольцеобразные сосуды не заходят» (Скуднова 1988: 13). При сопоставлении сейчас приведенных утверждений с ольвийскими погребальными комплексами, содержащими кольцевидные аски, становится заметной их декларативность и недостаточная подкрепленность археологическим материалом. Кольце-

⁹ Здесь и далее указываются порядковые номера по каталогу В. М. Скудновой (Скуднова 1988).

видные аски из Ольвии требуют дополнительного изучения. Этот вид керамических сосудов был широко распространен в античном мире, и пока нельзя считать исключенным, что те типологические их различия, на которых основывалась В. М. Скуднова при их классификации и датировке, являются не хронологическим индикатором, а указывают на их происхождение из различных производственных центров.

Оставляя за рамками нашего беглого обзора статьи и публикации, посвященные отдельным сериям вещевых находок (как, например, бусы или стеклянные бальзамари), при работе над которыми авторы руководствовались давно бытующими датами ранних ольвийских погребений, мы уделим специальное внимание бронзовым зеркалам, поскольку одна из категорий этого материала, а именно, зеркала, украшенные в «зверином стиле», не только органически слилась (в научной литературе) с ольвийской тематикой, но уже давно привлекается для решения ряда историко-культурных проблем.

Вначале, однако, ознакомимся с фактической стороной вопроса. В предисловии к каталогу (Скуднова 1988: 24) сказано: «Зеркал в могилах найдено 26, в большинстве это — греческие и несколько скифских». Ниже мы убедимся — количество зеркал указано неточно, но предварительно уясним следующее. Оба из приведенных сейчас определений подразумевают тип портативного зеркала с круглым диском и отходящей от него вниз ручкой; диск и ручка (нередко украшенная) находятся в одной плоскости. Некоторые из зеркал данного типа напоминают по форме ракетку для игры в настольный теннис (пинг-понг), другие, воспроизводящие этот же базовый тип, отличаются формой ручки. Зеркала такого типа некоторые пишущие по-русски авторы называют «ручное зеркало» (*Handspiegel* — нем.; *hand mirror* — англ.) В отечественной литературе бытуют и такие их определения: «зеркало с вертикальной ручкой» или «зеркало с боковой ручкой».

Скифские зеркала каталога В. М. Скудновой, следуя в общих чертах той же форме, что и зеркала греческие, имеют свои характерные отличия. Прежде всего, они массивнее и больших размеров (общая длина, вместе с ручкой, некоторых экземпляров превышает 32 см, диаметр диска, в среднем, около 18 см). Кроме того, край диска, отогнутый под прямым углом к его оборотной стороне, образует по всей окружности невысокий вертикальный бортик. Наконец, удлиненная ручка с продольными рельефными желобками украшена стилизованными зооморфными украшениями: на одних зеркалах украшен только конец ручки, на других имеется еще второе изображение,

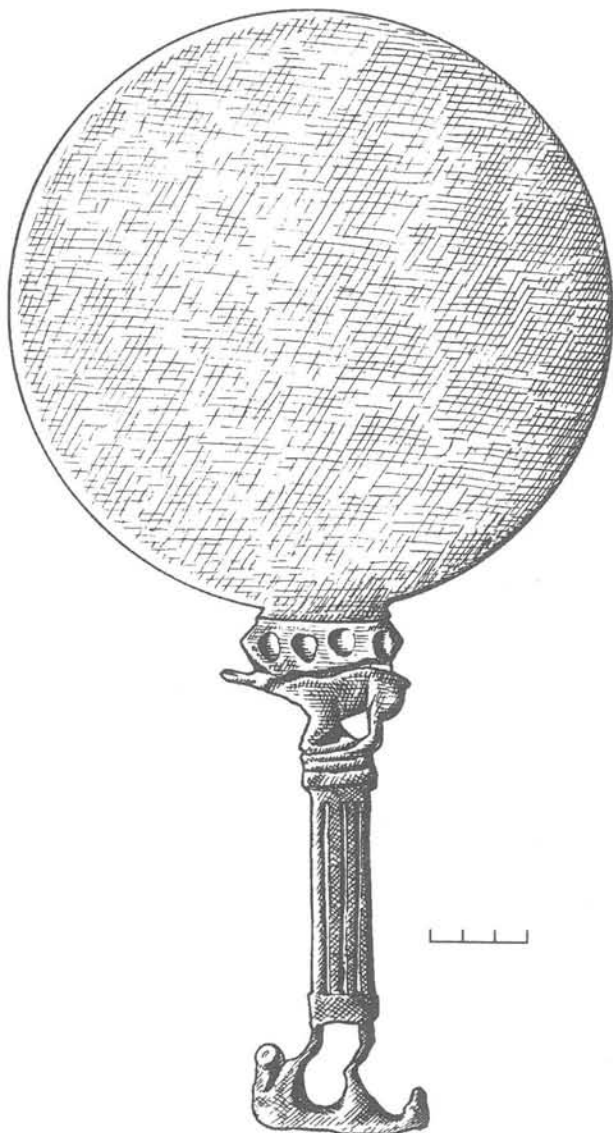

Рис. 3 Бронзовое зеркало «звериного стиля» (Скуднова 1988. Кат. 170)

Fig. 3 Bronze mirror decorated in the «animal style» (Скуднова 1988. Cat. no. 170).

помещенное между диском и началом ручки. Взглянув на воспроизведение такого зеркала (рис. 3), мы тут же вспомним и иные встречающиеся в литературе их определения — «ольвийские зеркала», «зеркала ольвийского типа», «зеркала, украшенные в зверином стиле».

Портативные зеркала, снабженные ручкой, имеют долгую, уходящую в глубь веков, историю, которой здесь мы заниматься не будем. Что касается зеркал из некрополя Ольвии, отнесенных В. М. Скудновой к числу греческих (Скуднова 1988: 24—26), то в массе своей это, бесспорно, привозные изделия. Говорить об изготовлении какого-то их количества в Ольвии, ввиду полного отсутствия документальных данных, можно лишь в порядке предположения. Гораздо сложнее вопрос о месте производства второй группы зеркал каталога

В. М. Скудновой, а именно, скифских. Но до того, как в него углубиться, уточним два вопроса: во-первых, общее количество зеркал, найденных в ольвийском некрополе, и затем количественное соотношение обеих групп — греческой и скифской.

Извлекая данные из монографии В. М. Скудновой, мы легко подсчитаем, что зеркала были найдены в тридцати одном из опубликованных ею погребений. Четыре зеркала из этого числа в Эрмитаж, по-видимому, не поступили — в каталоге дано лишь общее их описание без ссылки на инвентарные номера (Кат. 46, 172, 215, 234). Среди зеркал, поступивших в Эрмитаж, греческих — восемнадцать (Кат. 20, 62, 66, 78, 92, 101, 123, 179, 188, 199, 202, 206, 207, 208, 211, 236, 259, 264),¹⁰ скифских, как их определяет В. М. Скуднова, — восемь (Кат. 87, 136, 170, 174, 182, 221, 245, 258). К слову заметим, что имеется еще одно, по общему счету тридцать первое зеркало, охарактеризованное В. М. Скудновой так: бронзовое зеркало-диск (диаметр 10,3 см), гладкое, с одной стороны, с загнутым краем и шпеньком в центре — с другой; в шпенек, находящийся отдельно, продета булава (Кат. 52). По описанию узнается тип скифского зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой; зеркало было найдено в 1910 г. (могила № 9), но, насколько можно судить, никогда не привлекало специального внимания.

Итак, суммируем: в архаических погребениях некрополя Ольвии греческих зеркал найдено почти в два раза больше, чем скифских (они же — «ольвийские», «ольвийского типа»,

«звериного стиля»). Увидев такое количественное соотношение, исследователи, хотя бы поверхностно ознакомившиеся с литературой по данному вопросу, несомненно испытывают чувство недоумения. Приведенное соотношение явно противоречит двум, давно и безраздельно господствующим в отечественной литературе утверждениям, согласно которым: в ольвийском некрополе якобы найдено большое число зеркал «звериного стиля» и будто бы они являются продукцией работавших в Ольвии греческих мастеров-бронзолитейщиков.

Оба эти тезиса были сформулированы Б. В. Фармаковским в докладе на Международном конгрессе историков в Лондоне в 1913 г. (Фармаковский 1914: 37 и сл.) и затем в ходе многолетнего их тиражирования другими авторами обрели статус настолько бесспорных фактов, что никем не была предпринята попытка разобраться, например, в обосновании выводов В. М. Скудновой, определившей эти зеркала как скифские и настаивавшей на изготовлении какой-то их части скифскими мастерами Карпатского региона (Скуднова 1962); никто из авторов, развивавших положения доклада Б. В. Фармаковского, не прикоснулся к таблице, приведенной на стр. 24 статьи В. М. Скудновой с точным указанием количества зеркал «звериного стиля» из Ольвии — их всего тринадцать.¹¹

Общее состояние в отечественной литературе вопроса о зеркалах «скифского звериного стиля» хорошо обрисовано С. Я. Ольговским (Ольговский 1992), не избежавшим, однако, всеобщего заблуждения, характеризующего

¹⁰ Эта группа зеркал, за исключением четырех (Кат. 179, 208, 236, 264), была изучена и введена в научный оборот З. А. Билимович — старшим научным сотрудником Отдела античного мира Гос. Эрмитажа (Билимович 1976). Свое исследование З. А. Билимович снабдила обильными ссылками на диссертацию П. Оберлендер и без какой-либо критической оценки данной работы последовала за некоторыми ее положениями и выводами. Поскольку диссертация не опубликована и осталась неизвестной широкому кругу исследователей, уместно вкратце охарактеризовать ее. Диссертация П. Оберлендер (Oberländer «Griechische Handspiegel») была представлена в 1967 г. на Философский факультет Гамбургского университета на степень доктора философии (в библиотеке Отдела античного мира Гос. Эрмитажа имеется ротапринтный экземпляр диссертации; поступил в 1972 г.). Перед П. Оберлендер стояли три основные задачи: 1) составить по возможности полный каталог портативных греческих зеркал с ручками, опубликованных в археологической литературе; 2) сгруппировать эти зеркала по типам; 3) разобраться в вопросах их датировок.

С первой задачей П. Оберлендер справилась весьма успешно, проработав огромный объем научной литературы, в том числе — на русском языке, благодаря чему в диссертации были учтены зеркала из дореволюционных русских раскопок и полностью использованы материалы, опубликованные в советской археологической литературе. При решении второй задачи П. Оберлендер руководствовалась классификационной схемой, которую ее научный руководитель У. Янтцен наметил много раньше в своей диссертации (Jantzen 1937: 67). Что касается третьей задачи — вопросов хронологии, то здесь П. Оберлендер столкнулась с определенными трудностями. Как она сама отметила, ей пришлось довольствоваться теми данными, которые содержались в проработанной ею литературе, а при их отсутствии — прибегать к предположениям. В противовес мнению В. М. Скудновой, определившей зеркала с зооморфными украшениями в качестве скифских (Скуднова 1962), П. Оберлендер отдала предпочтение господствующему в литературе их определению как зеркал греческих, изготовленных в Ольвии, и привела «географический» аргумент, указав, что Ольвия якобы находится в центре той территории, на которой зафиксированы находки зеркал «звериного стиля» (Oberländer 1967: 87, Anm. 64). Этот тезис был развит М. В. Скржинской (Скржинская 1984: 119) в статье, построенной на диссертации П. Оберлендер, а также на работах Б. В. Фармаковского, В. М. Скудновой, З. А. Билимович и других исследователей.

¹¹ К восьми выше нами упомянутым зеркалам следует приплюсовать: два зеркала из раскопок ольвийского некрополя (Скуднова 1962: 17, № 2, 6) и три зеркала, обстоятельства находки которых неизвестны (Скуднова 1962: 17, № 3—5).

Ольвию как место, где было найдено много таких зеркал.

Непонятная, на первый взгляд, ситуация вокруг этих зеркал объясняется просто: данная группа археологического материала давно, задолго до начала систематических раскопок Ольвии и ее некрополя, была привлечена для решения сложных исторических и этнокультурных проблем. Еще во второй половине XIX в. в поле зрения западно-европейских исследователей оказалась большая серия бронзовых предметов — наперстки, котлы, пряжки, зеркала из разрушенных древних погребений на территории Семиградья и Трансильвании. Аналогии этим предметам, в частности, зеркалам с ручками, украшенными стилизованными фигурками животных, исследователи нашли среди изделий из скифских курганов Среднего Поднепровья. Начало систематизации, классификации и работе над хронологией упомянутых выше бронзовых предметов Дунайского региона было положено на состоявшемся в Будапеште в 1876 г. Международном конгрессе (Fettich 1931; Parducz 1973). Ряд исследователей объясняли появление этих предметов в дунайском бассейне проникновением сюда скифов Приднепровья. Уже тогда за зеркалами «звериного стиля» закрепилось наименование — «скифские».

Однако истоки их типа исследователи определяли по-разному. П. Рейнеке — видный немецкий археолог, занимавшийся, в частности, разработкой хронологии гальштата и раннего латена, полагал, что зеркала из скифских курганов юга России являются типичным предметом туалета скифов и что художественный облик зеркал из Венгрии и Румынии с фигурками животных указывает на их связь с северо-понтским регионом, охватывающим греческие города и скифское окружение. Вместе с тем, мотив оленя с подогнутыми ногами, присутствующий на некоторых зеркалах, П. Рейнеке вслед за венгерским ученым И. Гампелем определил как скифский — точнее, сибирский, элемент орнамента. Точку зрения П. Рейнеке в развернутом виде изложил А. А. Бобринский: «Южнорусские скифы, вероятно, издревле научились у греков употреблению больших металлических зеркал с длинными, металлическими же рукоятками. Мало-помалу зеркала эти стали принимать характер местного изделия и обратились в предметы, составляющие типическую особенность Скифии. Эта новая, вполне своеобразная форма зеркал только лишь в некоторых отно-

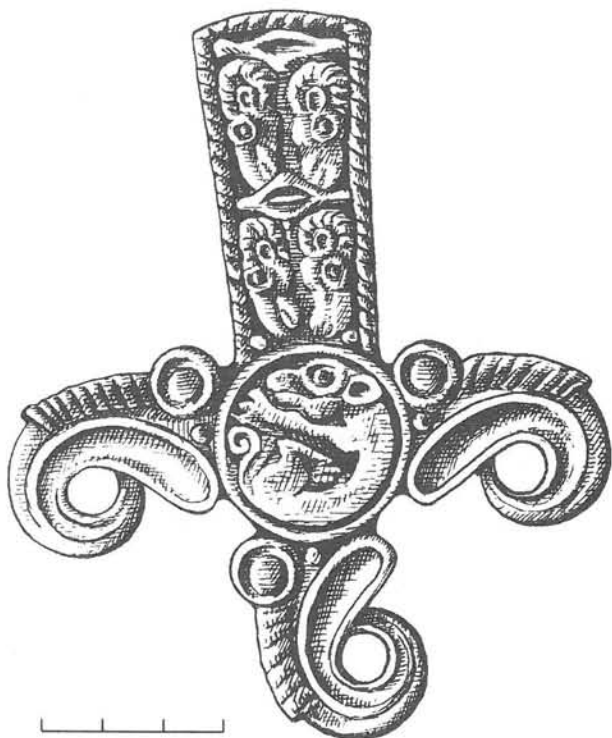

Рис. 4 Бронзовая крестовидная пряжка (Скуднева 1988. Кат. 55).

Fig. 4 Bronze cross-shaped buckle (Скуднева 1988. Cat. no. 55).

шениях указывает на происхождение свое от греческих прототипов» (Бобринский 1901: 71). Оставив, как и П. Рейнеке открытым вопрос о точном месте изготовления зеркал «звериного стиля», А. А. Бобринский наметил (Бобринский 1901: 69) крайние, в широтном направлении, пункты их встречаемости: «...от Оренбурга и Пятигорска до середины Венгрии».

Начало систематических раскопок Ольвии, сопровождавшихся находками в некрополе зеркал с зооморфными изображениями (рис. 3) и крестовидной бляхи (рис. 4), дали толчок к разработке в среде русских ученых гипотезы, согласно которой «скифский звериный стиль» сформировался в греческих городах-колониях Северного Причерноморья, в первую очередь — в Ольвии, а сам стиль якобы является ионийским. Основные слагаемые этой концепции изложены в упоминавшемся выше докладе Б. В. Фармаковского на Международном конгрессе в Лондоне (Фармаковский 1914): «Прежде эти зеркала считали иногда «скифскими» и думали, что формы их ведут свое происхождение с северо-востока» (Фармаковский 1914: 27);¹² «...теперь документально до-

¹² Согласно утверждению Б. В. Фармаковского, «...уже И. Гампель, однако, стал на верный путь, полагая, что зеркала представляют собой изделия греческих колоний по северному берегу Черного моря». Здесь налицо явное недоразумение. Статья И. Гампеля, на которую сослался Б. В. Фармаковский, посвящена скифским древностям из Венгрии и имеет подзаголовок: «К урало-алтайской археологии» (Hampel 1895). В статье И. Гампель указал на близкое сходство найденных на территории Венгрии бронзовых изделий (наперстки, котлы, кинжалы) с подобными предметами из урало-алтайского региона, которые он определил как скифские, а скифов отнес

казано, что по крайней мере некоторые «скифские» украшения делались в Ольвии» (Фармаковский 1914: 32). «Звериный» стиль до сих пор большей частью считали за оригинальный стиль «скифов» и вместе с ними выводили его из Азии и называли иначе «урало-алтайским» (Фармаковский 1914: 34). Однако нет «...никаких сомнений, что этот «скифский» звериный стиль должен быть тесно связан с архаическим искусством ионийских колоний юга России» (Фармаковский 1914: 35). «Ионийское искусство южно-греческих колоний в Скифии и в примыкающих к ней областях создало художественные образы своеобразного «звериного» стиля» (Фармаковский 1914: 76). Полагая, что через Ольвию и другие центры ввозили вещи в Скифию, Б. В. Фармаковский прочертил путь их дальнейшего продвижения: «Уже Геродоту была известна длинная караванная дорога, которая из Ольвии вела через всю Скифию и центральную Азию и достигала Алтая» (Фармаковский 1914: 29).

Итак, согласно одной из точек зрения, отраженной в научной литературе конца XIX в., зеркала как предмет туалета вошли в быт Геродотовской Скифии через посредство греческих колоний Северного Причерноморья. Хотя при этом вопрос о месте изготовления зеркал «звериного стиля» не уточнялся, само включение в сферу этой проблематики упомянутых греческих колоний создало предпосылку для вывода, что в этих центрах они и производились. Согласно иной, более распространенной в то время точке зрения, перемещение зеркал, украшенных в зверином стиле, шло с востока, из урало-алтайского региона, на запад.

После формирования в начале XX в. концепции, приписавшей Ольвии и роль творца «звериного стиля», и роль центра, занимавшегося изготовлением и поставкой на скифский рынок бронзовых изделий, выполненных в этом своеобразном художественном стиле, исходным пунктом движения зеркал, украшенных фигурками животных, стали считать Ольвию, а само движение обрело бифуркальность: из Ольвии на восток — идея Б. В. Фармаковского, подхваченная Б. Н. Граковым (Граков 1947) и его последователями; из Ольвии на

запад — постулат, получивший развитие в трудах ряда румынских и венгерских ученых, например, М. Пардуца (Parducz 1973: 28, 36).

Как известно, тезис о формировании в Ольвии «звериного стиля» дальнейшего развития не получил. Однако высказанное тогда же утверждение об изготовлении зеркал данного типа в Ольвии и тогда же начертанные пути их проникновения в скифскую среду по-прежнему доминируют в специальной литературе, фактически удерживая исследователей на позиции гипотез начала XX в., впоследствии документально не подтвержденных. А. И. Мелюкова — ведущий специалист по скифской археологии — однозначно указывает на отсутствие в настоящее время данных, позволяющих «поддержать или отвергнуть какую-либо из имеющихся в литературе точек зрения о месте (местах) производства зеркал» (Мелюкова 1999: 173, 174).

После беглого ознакомления с уровнем изученности ольвийского некрополя в целом, и находок из погребений в частности, начинают вырисовываться общие контуры огромной работы, какую необходимо провести для превращения этих материалов в исторический источник. Эта работа на первом этапе предполагает не только воссоздание полного графически выполненного плана некрополя путем мобилизации сохранившихся в архиве рукописных и графических материалов экспедиции Б. В. Фармаковского, но и доскональное изучение всех групп находок с исчерпывающей их публикацией. Успешное выполнение этих задач, прежде всего, позволит уточнить даты погребений. Вместе с тем, можно надеяться, что последовательное изучение и сопоставление комплексов находок из ольвийских могил позволит вычленивать индикаторы для определения, например, пола погребенного. Заметим, что привлекаемые в настоящее время критерии, согласно которым погребение с оружием — мужское, с ювелирными украшениями — женское, не являются в достаточной степени надежными. Не следует при этом забывать, что немалый процент могил ольвийского некрополя содержал преимущественно керамические сосуды. Необходимо также попытаться найти дополнительные критерии для выделе-

к урало-алтайской группе народов. Появление в Дунайском регионе указанной группы предметов И. Гампель объяснил продвижением сюда народов, родственных скифам урало-алтайской группы. По отношению к зеркалам с ручками, украшенными стилизованными фигурками животных, позиция И. Гампеля двойственна — раздел, в котором они рассмотрены, озаглавлен «Греческие зеркала». Приняв тезис, согласно которому зеркала прочно вошли в быт скифов Приднепровья через посредство греческих колоний Северного Причерноморья, И. Гампель счел зеркала с фигурками животных местной, северо-причерноморской переработкой греческого прототипа, не конкретизируя, однако, вопрос о месте их производства. Более того, отметив отсутствие в современной ему научной литературе материалов для датировки указанных зеркал и подчеркнув, что в его распоряжении нет археологических данных для того, чтобы напрямую связать их с урало-алтайским регионом, И. Гампель сделал все же вывод, что часто встречающееся на этих зеркалах изображение оленя с подогнутыми ногами — мотив, распространенный на прилегающей к Уралу территории, служит веским основанием предположить, что зеркала с фигурками животных, наряду с напершиями, котлами, кинжалами, ведут свое происхождение из урало-алтайского региона.

ния детских и подростковых погребений. В. М. Скуднава в качестве определяющего признака избрала длину могильной ямы не более 1,50 м (Скуднава 1988: 9). Однако в рукописных дневниках сотрудников Б. В. Фармаковского, наблюдавших за раскопками могил, в ряде случаев отмечены детские погребения в могильных ямах длиной около 2 м.

Разумеется, даже при успешном выполнении охарактеризованных выше задач, на ряд вопросов в силу объективных причин ответ не будет найден. Многолетняя деятельность кладовщиков и использование территории грунтового некрополя для земледелия привели к значительному изменению рельефа местности. «Насыпи мелких могил уже давно исчезли, поверхность степи ничем не выдает существования здесь многих тысяч погребений»; «...те погребения, которые могли бы дать наиболее полную и цельную картину, все разграблены, позволяя воссоздать картину похорон лишь в общих чертах, по ничтожным остаткам». Так охарактеризовал степень сохранности ольвийского некрополя Э. Диль — один из сподвижников Б. В. Фармаковского по археологическому изучению Ольвии (Диль 1916: 207, 211).

Небезинтересно ознакомиться с изложенными в научной литературе суждениями о характере ольвийского некрополя. Б. В. Фармаковский, как известно, видел в нем все черты, свойственные некрополю демократического полиса. На таких же позициях стоял Э. Диль, отмечая, однако, следующее: «Не менее интересны, но к сожалению и не менее загадочны некоторые из тех вещей, которые клались покойнику в гроб или в могилу и, несомненно, имели религиозное значение. Здесь на первом месте следует назвать оселки и точильные камни, плоские, округлой, нередко яйцевидной формы. Часто в могилах бывают находимы обломанные экземпляры; иногда все же встречаются целые, тщательно отделанные, как, например, экземпляр, найденный во время последней раскопной кампании» (Диль 1916: 240).

Вероятно, Э. Диль имел в виду плиту из могилы 18, раскопки 1914 г. Хорошее представление о подобных находках дает плита (рис. 5), найденная в 1910 г. в могиле 1 (Скуднава 1988: Кат. 46). Заметим, что плит подобного рода, с рельефным валиком по краю, в некрополе Ольвии было найдено немного; в раскопных дневниках экспедиции Б. В. Фармаковского они, как правило, именуется «плита-блюдо» или «точильное блюдо». В довольно большом числе могил архаического периода было обнаружено по одной грубо обработанной каменной плите — «точило» или «точильный камень», согласно терминологии дневников раскопок.

Изучению ольвийского некрополя раннего периода много внимания в свое время уделила

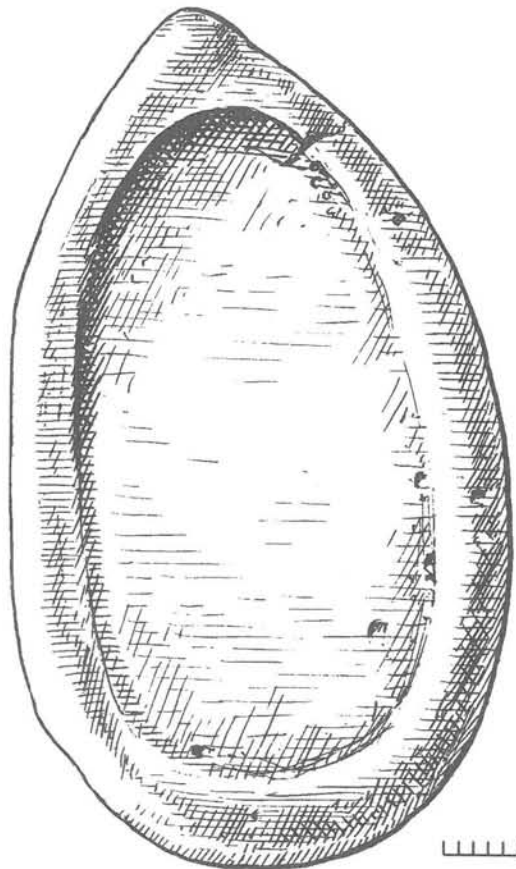

Рис. 5 Каменная плита-блюдо (Скуднава 1988. Кат.46).

Fig. 5 Stone slab-dish (Скуднава 1988. Cat. no. 46).

С. И. Капошина, сосеодоточившись, в частности, на погребениях с оружием (Капошина 1950), а также на отдельных элементах погребального обряда; вывод ее был таков: «...в ранний период истории Ольвии в составе ее населения отчетливо прослеживается местная прослойка, происходящая из этнической среды, окружавшей Ольвию» (Капошина 1956: 189). Против выводов С. И. Капошиной выступила В. М. Скуднава. Охарактеризовав результаты работы С. И. Капошиной как малоубедительные, В. М. Скуднава утверждает: «Весь обряд захоронения воинов в грунтовых могилах... заставляет делать вывод, что эти могилы принадлежат греческому населению» (Скуднава 1960: 72). Фактически В. М. Скуднава солидаризировалась с оценкой, данной ольвийскому некрополю Б. В. Фармаковским. Сравнительно недавно погребения ольвийского архаического некрополя привлекли внимание С. С. Бессоновой. Распределив по трем таблицам находки из этих погребений, подпадающие, по ее мнению, под категорию носителей «чистых варварских» признаков, С. С. Бессонова заключила, что «...среди ранних погребений ольвийского некрополя (вторая половина VI—начало V в. до н. э.) выделяется значительная группа погребений, в инвентаре которых обнаруживаются

более или менее явные «варварские» признаки (Бессонова 1991: 95). Заключение С. С. Бессоновой фактически воспроизводит выводы, несколькими десятилетиями ранее сформулированные С. И. Капошиной. Правда, С. И. Капошина высказала предположение, что местная прослойка в составе населения Ольвии раннего периода происходила из этнической среды, окружавшей Ольвию (Капошина 1956: 189). С. С. Бессонова тоже допускает возможность «и прямого присутствия «варваров» в составе населения ранней Ольвии», но полагает, что «ими могли быть, прежде всего, население Днепровского Лесостепного Правобережья» (Бессонова 1991: 95). Здесь необходимо отметить, что С. С. Бессонова в своей статье, включив воинские погребения ольвийского некрополя в число «варварских» и упомянув в связи с ними статью В. М. Скудновой (Скуднова 1960), умолчала о позиции В. М. Скудновой, определившей эти погребения, в отличие от С. И. Капошиной, как греческие.

Итак, становится очевидной настоятельная необходимость расширения базы источников по Ольвии и насыщения ее новыми документальными материалами, без чего дальнейшая разработка различных аспектов истории этого античного центра может свестись к своего рода метафизической игре. Для такого расширения, наряду с реализацией задач, о которых мы говорили выше, нужны исчерпывающие научные публикации археологических материалов из ольвийских раскопок нескольких последних десятилетий. Пока вместо материалов наличествуют, в основном, публикации сообщений и выводов. С другой стороны, необходимо путем скрупулезной аналитической работы попытаться извлечь из архивных документов Ольвийской экспедиции Б. В. Фармаковского, являющихся ценнейшим наследием, максимально возможный объем научной информации. Объединение всех полученных результатов и составит банк новых данных, необходимых для качественного сдвига в исследовании истории Ольвии.

- Билимович, З. А. 1976. Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания // Труды Государственного Эрмитажа 17: 32—66. Ленинград.
- Бобринский, А. А. 1901. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы 3. Санкт-Петербург.
- Бессонова, С. С. 1991. Об элементах скифского обряда в архаическом некрополе Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья (К 100-летию основания Херсонского музея древностей): 92—99. Херсон.
- Граков, Б. Н. 1947. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія 1: 23—38. Київ.
- Диль, Э. 1914. Ольвия // Гермес 18/1: 13—18; 18/2: 17—52. Санкт-Петербург.
1916. Ольвийский некрополь // Гермес 18/10: 207—213. Санкт-Петербург.
- Капошина, С. И. 1950. Погребения скифского типа в Ольвии // Советская археология 13: 205—216.
1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // Материалы и исследования по археологии СССР 50: 154—189. Москва-Ленинград.
- Карасев, А. Н. 1956. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // Материалы и исследования по археологии СССР 50: 9—34. Москва-Ленинград.
1976. Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира: 13—21. Москва.
- Книотович, Т. Н. 1940. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища // Советская археология 6: 92—106.
- 1940а. Раскопки некрополя в северо-восточной части верхнего города Ольвии в 1938 г. // Советская археология 6: 302—303.
1941. Некрополь на территории Ольвии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР 10: 112—120.
- Козуб, Ю. И. 1974. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Київ.
- Козуб, Ю. И. 1984. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья: 156—173. Киев.
- Малев, И. П. 1914. Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвии // Известия Императорской археологической комиссии 54: 83—98. Санкт-Петербург.
- Мелюкова, А. И. 1999. Звериный стиль в Карпатском регионе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). III Граковские чтения: 173—174. Запорожье.
- Муравьев-Апостол, И. М. 1823. Путешествие по Тавриде в 1820 г. Санкт-Петербург.
- Музакевич, Н. Н. 1872. Митрополит Евгений и академик Кеппен // Записки Одесского общества истории и древностей VIII: 404—411. Одесса.
- Ольговский, С. Я. 1992. Походження дзеркал «ольвійського» типу // Археологія 3: 14—21. Київ.
- Папанова, В. А. 1993. Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). Акадмия наук Украины. Институт археології. Бердянск.
1994. Некрополь Ольвії (історична топографія та поховальний обряд). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Київ.
- Парович, М. Б. 1962. Про історичну топографію ольвійського некрополя // Археологічні пам'ятки УРСР XI: 33—38. Київ.
- Парович-Пешикан, М. Б. 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.
- Скрудновская, М. В. 1984. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья: 105—129. Киев.
- Скуднова, В. М. 1945. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // Труды отдела истории и культуры античного мира Государственного Эрмитажа I: 131—140. Ленинград.
1958. Чернофігурні лекіфи з архаїчного некрополя Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР 7: 113—130. Київ.
1960. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // Записки Одесского археологического общества I (34): 60—74. Одесса.
1962. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Труды Государственного Эрмитажа 7: 5—27. Ленинград.
1988. Архаический некрополь Ольвии. Ленинград: Искусство.
- Славин, Л. М. 1940. Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия I: 9—82. Киев.
- Фармаковский, Б. В. 1914. Раскопки в Ольвии // Отчеты Императорской археологической комиссии за 1911 г.: 1—25. Санкт-Петербург.
- 1914а. Архаический период на юге России // Материалы по археологии России 34: 15—78. Петроград.
1915. Ольвия. Москва.

1926. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры I: 143—163. Ленинград.
- 1926а. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры I: 171—192. Ленинград.
- 1926б. Ольвийская экспедиция // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры I: 309—314. Ленинград.
- Фармаковский, Б. В. 1929. Розкопування Ольвії. 1926. Одеса.
- Blaramberg, J. 1822. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. Paris.
- Diehl, E. 1937. Olbia // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. Neue Bearbeitung unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen. Hrgs. von Georg Wissowa. Bd. XVII-2 (Halbbd. 34). Spt. 2405—2423.
- Fettich, N. 1931. Bestand der Skythischen Altertümer Ungarn // M. Rostovcev. Skythien und der Bosphorus: 494—529. Berlin.
- Hampel, J. 1895. Skythische Denkmäler aus Ungarn. Beitrag zur ural-altaischen Archaeologie // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn 4: 1—26.
- Jantzen, U. 1937. Bronzewerkstätten in Grossgriechenland und Sizilien // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 13. Ergänzungsheft. Berlin.
- Minns, E. H. 1947 [1945]. Thirty Years of Work at Olbia // Journal of Hellenic Studies LXV: 109—112.
- Oberländer, P. 1967. Griechische Handspiegel. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät an der Universität Hamburg. Hamburg.
- Parducz, M. 1973. Probleme der Skythenzeit in Karpatenbecken (Skythen-Ur-Bevölkerung) // Acta Archaeologica Acad. Scient. Hungaricae XXV/1—2: 27—86.
- Reinecke, P. 1896. Die skythische Altertümer in mittleren Europa // Zeitschrift für Ethnologie. Jhg. 28: 1—43.
- Waldhauer, O. 1929. Ein Askos aus der Sammlung Chanenko in Kiew und die altsamische Kunst // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts. Bd. 44. Archäologischer Anzeiger III/IV. Spt. 235—266.

ABOUT THE NECROPOLIS OF OLBIA OF THE EARLY PERIOD

(Dates, Finds, Hypotheses)

V. I. DENISOVA

Since the last decades of the 18th century ancient sites of the northern Black Sea area attracted the attention of Russian scientific community. Particular interest was concentrated on the Ionian colony of Olbia situated on the right bank of the Bug estuary and the adjoining it mound cemetery from olden times called «The Grove of Hundred Graves». Later, it was revealed that a vast field cemetery encompassed the area of the city of Olbia on the steppe side (fig. 1) stretching as far as the Shirokaya Balka to the west and the Parutinskaya Balka to the north. The fact that Olbia was situated on the lands granted by Empress Catherine II to Count I. A. Bezborodko affected adversely the destiny of this first-rate archaeological site. Until 1901, the owners of the estate did not give permission to conduct regular excavation.

In 1901, Member of the Imperial Archaeological Commission B. V. Farmakovskiy got the opportunity to begin extended systematic interdisciplinary investigations of the Olbian urban territory and its field necropolis. The works had been conducted annually until 1915. During these years Farmakovskiy successfully solved a number of basic problems of the city's history. Under his direction over thousand burials of different periods of Olbia's existence has been investigated on the necropolis and the area of the earliest graves has been revealed. In 1924, after a forced long

interruption, Farmakovskiy resumed excavation in Olbia and conducted it during three field seasons focusing his attention chiefly to the investigation of the city's territory.

B. V. Farmakovskiy had described briefly the major results of the investigation of the city in a number of summarising publications. He intended to publish the materials from the necropolis in form of a composite work, however, he had had no time for that. Moreover, during his life no overall topographic plan of the Olbian necropolis had been drawn. At present, the position of the burials investigated by Farmakovskiy in 1901—1915 may be defined only summarily by comparison of the brief notes in the field documents (the descriptions of Farmakovskiy's excavations are preserved in the Manuscript Division of IIMK, RAS, File no. 1) with the boundaries of the excavated areas (fig. 2).

Most of the finds from the Olbian necropolis uncovered by Farmakovskiy entered the collection of the Department of Classical World of the State Hermitage, where they have been subjected to initial scientific procedures: sorting according to their contexts and dating. The burial sets of the Classic and Hellenistic periods made up the basis for two candidate theses prepared in 1960-s and later re-worked into monographs (Козуб 1974; Парович-Пешикан 1974). The major deficiency of both of the monographs was the

authors not paying the due attention to the archaeological evidence, that whittles away any attempts to derive a scientifically significant information from these works.

The finds dating to the Archaic period from the Olbian necropolis have been studied and prepared for a publication by V. M. Skudnova, Senior Research Assistant of the Department of Classical World, the State Hermitage. Skudnova's monograph which had been awaiting its publication for twenty five years (Скуднова 1988) is a thorough and strictly science-based work. Since Farmakovskiy's materials from the necropolis even now remain the basic ones for studying various aspects of Olbia's history, one can hardly overestimate Skudnova's monograph which presents archaeological evidence on one of the least illustrated in historical documents periods of Olbia's history — the period of its establishing. However, for a successful continuation of the studies of this period a more precise dating of a number of burials comprised by Skudnova's work is necessary. This task has been partly fulfilled by Skudnova's colleagues during preparation of her work for publication, but the study should be continued paying a special attention, in particular, to catacomb burial structures to confirm or to correct their dates (the late 6th century B.C.) proposed by Skudnova. It is clear that correction of dates may be done only on the basis of a comprehensive scientific analysis (with subsequent publication) of all finds from the burial sets considered by Skudnova, and simultaneously by correcting the dates of already published groups of pottery, e.g. ring askoi.

Beside fulfilling the tasks already noted it is urgent to consider more attentively such group of Olbian finds as the bronze mirrors decorated in the «animal style» (fig. 3). In Russian literature they have been called «Olbian» for a long time and it is a tradition to consider them as Greek mirrors. Mirrors of such a type are known to be fairly common finds in the Danube region (Semi-gradye, Transylvania). As early as the second half of the 19th century they attracted attention of West European scholars. Even then several views

as to their «ethnic belonging» and of the routes of their penetration into the region under discussion formed. After revealing a number of similar mirrors together with a bronze buckle decorated in the «animal style» (fig. 4) in Olbian burials of the Archaic period, B. V. Farmakovskiy asserted (Фармаковский 1914) that Olbia was the place of formation of this specific style («actually an Ionian one» according to Farmakovskiy) and that Olbian bronze-cast craftsmen made these artefacts for exporting them to Scythia.

Later the first term of Farmakovskiy's hypothesis had not received a support, however, the second one without any additional scientific analysis had been «replicated» in works of different authors; to Olbia, in particular, a status of a bronze-casting centre was ascribed. Also, another erroneous concept has rooted in the present day scientific literature: as though a considerable number of «animal style» mirrors have been found in Olbia. Actually, they are only thirteen (Скуднова 1962). Much more have been registered from the Carpathian region.

The overall estimation of the Archaic necropolis of Olbia also needs a special attention. Thus, Farmakovskiy supposed that the Olbian necropolis possessed all the features typical to a necropolis of a Hellenic democratic polis. Later, S. I. Kaposhina, referring to certain elements of the burial rite and warriors' graves revealed on the necropolis, concluded that the Olbian population in the initial period included natives of an autochthonous «Barbarian» peoples (Капошина 1950; 1956). This view was then rejected, however at present, Kaposhina's hypothesis is revived (Бессонова 1991) and corroborated with additional references, in particular, to the presence of a stone slab among the funerary set in a number of graves, and in a few graves of a stone object called slab-dish (fig. 5).

Thus it is clear that for continuation of the study of Olbia's history of the initial period it is necessary to expand the base of sources both by a deep study of the archives of Farmakovskiy's expedition and by publication of the archaeological evidence dated to the period under discussion.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ТЯНЬ-ШАНЕ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ¹

В 1998 и 2000 гг. кыргызские археологи Куват Табалдиев и Ораз Солтобаев в ходе археологических работ в Кочкорской долине (Центральный Тянь-Шань) обнаружили новую группу рунических надписей на камнях-валунах. К настоящему времени открыто восемь памятников с девятью текстами разной степени сохранности.

Кочкорская долина расположена на высоте 1900—2200 м, в верховьях р. Чу и обильно орошена многочисленными притоками этой реки. Длина долины около 80 км, ширина до 20 км. Долина замкнута в кольцо снежных хребтов — Киргизского на севере и северо-западе, Джумгала на юге и Терской Ала-Тоо на востоке. К ним примыкают вторгающиеся в долину мелкие горные цепи. Долина р. Чу открывает Кочкорскую равнину к юго-западному берегу Иссык-Куля, туда, где в древности пролегла одна из основных трасс Великого Шелкового пути.

Кочкорская долина насыщена погребальными и поминальными памятниками древнетюркского времени (VI—X вв.), в исследовании которых основная заслуга ныне принадлежит К. Табалдиеву (Табалдиев 1996).

Валуны с руническими надписями обнаружены в юго-восточной части долины, в местности Кок-Сай, у подножья горной цепи Укок, на высоком берегу сухого древнего русла. Кроме камней с текстами обнаружены камни с многочисленными силуэтными изображениями горных козлов, архаров, двугорбых верблюдов, всадников и пеших охотников, стреляющих в зверей из лука. Надписи выработаны сплошной или точечной выбивкой. Для надписей были использованы наиболее массивные камни. Все надписи сопровождаются одинаковой тамгой, а некоторые из них и наскальными рисунками.

В августе 2000 г. К. Табалдиев передал мне эстампажи надписей и несколько фотографий для изучения и публикации, а также

справку о местоположении памятников. Далее я излагаю первые результаты своего исследования. Я следую нумерации текстов, принятой К. Табалдиевым.

Текст 1. Длина надписи — 1 м, высота знаков — 15 см. Четко прослеживается 8 знаков, под надписью — тамга.

Транскрипция: *r *tʻm *dʻg on °q...

Перевод: Мое мужское имя — Адык («Медведь»). Десять стрел...

Текст 2. На массивном удлинённом камне прослеживается антропоморфный силуэт в длинном одеянии. Слева от него — тамга, аналогичная первой, а так же изображения лошади и птицы. Ниже тамги и изображений надпись длиной 7 м, высота знаков 25 см. Часть знаков подверглась эрозии, надпись недостаточно разборчива для уверенного чтения.

Текст 3. На массивном камне высотой более двух метров выбито изображение всадника в пластинчатом панцире, с боевым топором за поясом. На правой руке всадника сидит на привязи (изображены свисающие концы веревки) длиннохвостая птица, левой рукой удерживаются поводья узды. Круп лошади покрыт коврой попоной, седло отсутствует, всадник сидит, свесив ноги, вплотную к шее коня. Конь высокий с длинной шеей, маленькой головой и поджарым крупом. Справа и выше всадника — руническая надпись длиной 75 см, высота знаков до 17 см. Отчетливо прослеживаются три знака, еще 5 знаков повреждены.

Транскрипция: *r *tʻm *dʻg on °q

Перевод: Мое мужское имя Адык. Десять стрел...

Текст 4. Двухстрочная надпись нанесена точечной выбивкой на восточную поверхность массивного валуна. Длина верхней строки — 1,25 м, нижняя несколько короче и сохранилась неполностью, высота знаков до 20 см. Выше надписи — тамга, аналогичная предыдущим.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.

Рис. 1 1 — текст 1; 2 — текст 2; 3 — текст 3; 4 — текст 4; 5 — текст 5; 6 — текст 7; 7 — текст 8—9.

Fig. 1 1 — text 1; 2 — text 2; 3 — text 3; 4 — text 4; 5 — text 5; 6 — text 7; 7 — text 8—9.

Транскрипция: (1) munda ilg^гъ *b(?) q°... (q^а...?)

(2) *r *t^тm *d^дg on °q

Перевод: Там впереди (т. е. на востоке) становище (кочевье).

Мое мужское имя Адык. Десять стрел...

Вариант перевода стк. 1.: Там, на востоке граница (кочевья, становища?).

Текст 5. Надпись нанесена сплошной резьбой на боковую поверхность массивного удлиненного валуна. Длина надписи — 2,26 м, высота знаков от 17 до 21 см. Сохранилось 18 знаков, однако инициальные и финитные знаки эрозированы и прослеживаются нечетко. Выше начальной части надписи — изображение тамги, аналогичное предыдущим.

Транскрипция:...(нечетко 4 знака) *r *t^тm *d^дg on °q j^яr^р...^тm^тz

Перевод: Мое мужское имя Адык. Мой (наш?) Ярыш в стране десяти стрел.

Текст 6. На обратной стороне того же камня — следы двух знаков. Неразборчиво.

Текст 7. Надпись на валуне удлиненной формы. Длина надписи — 2 м, высота знаков — 18 см. Прослеживаются 13 знаков. В финитной части надписи видны следы еще одного знака. Выше первого знака надписи — тамга, аналогичная предыдущим.

Транскрипция: *r *t^тm *d^дg on °q (словоразделитель) j *r^р...^тm^тz

Перевод: Мое мужское имя Адык. Наш Ярыш (в стране) десяти стрел.

Текст 8. Массивный пирамидальный валун с надписью из 5 знаков. Высота знаков до 22 см.

Транскрипция: j^яr^р...^тm^тz

Перевод: Наш Ярыш

Текст 9. Надпись из 5 знаков по поверхности валуна. Высота знаков до 22 см.

Транскрипция: j^яr^р...^тm^тz

Перевод: Наш Ярыш.

Итак, выявлена новая группа рунических памятников, по репертуару знаков и дукту совершенно идентичная таласской группе надписей. От надписей Таласа новые находки палеографически отличает лишь направленность строк и размеры знаков. В таласских надписях на камнях-валунах принято круговое расположение текста, в кочкорских — горизонтальное линейное, с вертикальным расположением строк. Характерны для кочкорских надписей необычно крупные знаки, это как бы «плакатное» письмо, хорошо видимое сверху с высоты 1,5—2 м, то есть предназначенное для чтения человеком, сидящем на коне. Тем не менее, палеографическая идентичность обеих подгрупп позволяет отнести их к одной письменной традиции и датировать одной эпохой. Время создания таласских надписей уже было установлено мною — 716—739 гг., то есть вторая половина периода существования в Семиречье и на Тянь-

Шане Тюргешского каганата, сохранившего старое название «государство Десяти Стрел» (Kljashstorny 1990; Кляшторный 1999). Кочкорские надписи, как и таласские, являются письменными памятниками Тюргешского эля.

Вместе с тем, кочкорские надписи функционально совершенно иные, чем таласские. Памятники Таласа — эпитафии, поминальные надписи, типологически подобные кыргызским эпитафиям Енисея. Среди кочкорских надписей нет ни одной эпитафии, они принадлежат к совершенно иному классу тюркской руники. Впервые этот класс наскальных надписей был выделен мною в 1978 г., при публикации Хэнтэйской надписи из Северо-Восточной Монголии (Кляшторный 1978). Еще несколько подобных надписей были открыты мною в Южной Гоби (готовятся к публикации) Все они привязаны к территории зимних кочевий и содержат три обязательных элемента: имя создателя надписи, его родовую тамгу и название местности. Иногда (в Хэнтэйской надписи) вместо названия места указывается год стоянки (по двенадцатилетнему циклу).

Все эти надписи являются своего рода памятниками обычного права кочевников. Согласно существовавшим среди тюркских и монгольских племен нормам землепользования, право на постоянно или преимущественное пользование зимниками определялось сроком давности пользования и свидетельствовалось какими-либо знаками прежнего пребывания. У казахов, например, еще в прошлом веке таким знаком мог быть воткнутый в землю шест или родовая тамга, начертанная на глине вблизи кошары. Очевидно, что наиболее убедительным свидетельством был своего рода камнеписный документ, превращавшийся в часть местного ландшафта и указывающий кто и когда (или сколько раз) пользовался здешними угодьями. Поэтому, одна и та же формула многократно, скорее всего ежегодно, повторялась, а сами надписи высекались на видном месте крупными знаками и были предельно кратки.

Однако кочкорские надписи имеют еще одну особенность. Там, где знаки видны полностью, сохранилось древнее название Кочкорской долины — Ярыш; отмечается ее принадлежность «стране десяти стрел», то есть государственная отнесенность, и употреблена форма принадлежности множественного числа — «наш Ярыш». Хозяин долины, «муж-воин Адык», говорит как бы от имени государства. Что скрывается за словами Адыка?

В год создания таласских и кочкорских памятников, к западу от Сыр-Дарьи в войнах с арабами решалась судьба Средней Азии. Жители Согда и Хутталя все еще отстаивали свою независимость и свои древние верования. Их союзниками в сопротивлении исламу были

тюргеши. Все перипетии борьбы подробно описал великий арабский историограф ат-Табари (IX в.) и в его «Истории», среди прочих деталей, содержится рассказ о том, как тюргешский каган собирал и готовил к походу свое огромное войско. Вот рассказ ат-Табари: «Хакан приказал своим готовиться к войне. А у хакана были во владении луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, ибо они были оставлены для (подготовки) к войне. Пространство, которое занимал этот луг, было в три дня (пути) и заповедника в горах — три дня. И люди стали готовиться (к походу). Они выпустили пастись свои стада (на заповедный луг), стали дубить шкуры убитых на охоте животных и делать из них сосуды, стали изготавливать луки и стрелы» (Ат-Табари 1987: 242).

О подобных заповедниках-куруках, где тюркские и монгольские владетели готовили войско к походу, впоследствии рассказал Рашид ад-дин. Где же был курук тюргешского хана? На этот вопрос отвечает надпись Тоньюкука.

В 711 г., после победы над енисейскими кыргызами, Тоньюкук готовился к большой войне с союзниками кыргызов, тюргешами. И он послал на запад своих разведчиков, чтобы те выяснили намерения тюргешского кагана. Вот что донес Тоньюкуку его разведчик: «на равнине Ярыш собралось десять тюменов войска (тюргешей)». А трое других разведчиков донесли, что все войско «Десяти Стрел» выступило в поход, и тюргешский каган приказал ему собраться на «равнине Ярыш» (Малов 1951: 62).

Сведения арабского историографа, рассказ Тоньюкука и наскальные надписи Адыка сошлись и совпали. Великим куруком тюргешских каганов, сборным пунктом их армии и отправной точной походов была Ярышская равнина, ныне именуемая Кочкор. Лишь два конных перехода по долине Чу (через Боамское ущелье) отделяли Ярыш от столицы кагана, Суйаба.

Таков исторический контекст новой находки кыргызских археологов.

Кляшторный С. Г. 1978. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник: 156—158. Москва: Наука.

Кляшторный С. Г. 1999. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: 30—33. Санкт-Петербург: Европейский дом.

Малов С. Е. 1951. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. Москва-Ленинград: издательство АН СССР.

Ат-Табари. 1987. История ат-Табари. Ташкент: ФАН.

Табалдиев К. 1996. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек.

Klyashtorny S. G. The date of the ancient inscriptions of Semirechie // *Altaica Oslonesia*: 219—221. Oslo.

NEW DISCOVERIES OF ANCIENT TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS IN THE CENTRAL TIEN SHAN

S. G. KLYASHTORNYI

The article gives a reading and interpretation of eight ancient Turkic runic inscriptions which were found in 2000 in the Kochkor Valley (the Central Tien Shan).

These inscriptions are dated to the first half of the 8th century. They include the name of the

scribe (Adyk), the name of the Kochkor Valley in those days (Yarysh) and indicate their belonging to the «Country of Ten Arrows» (Turgesh state).

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ГОРОДИЩА ОСОВИК

К. В. ПАВЛОВА¹

Поливная керамика в слоях XI—XIII вв. древнерусских городищ встречается довольно часто, однако в публикациях находит отражение лишь незначительная часть этих изящных, не лишенных художественного вкуса и профессионального мастерства, изделий древнерусских гончаров. Общие вопросы, связанные с происхождением, производством и распространением поливной керамики в Древней Руси, довольно подробно освещены в работах Т. И. Макаровой, что в значительной степени облегчает задачу обработки, осмысления и публикации новых материалов с древнерусских городищ, добытых в последние годы (Макарова 1963: 246—253; 1965: 200—237; 1967: 25—67; 1972: 1—12).

Довольно интересный комплекс поливной керамики был обнаружен на городище Осовик в процессе раскопок 1969, 1972—1978 гг. (Павлова, Раппопорт 1973: 200—216; Раппопорт 1969; Павлова 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1978). На этом городище на площади около 3500 кв. м найдено более 350 обломков поливной керамики примерно от 40—45 различных сосудов. В основном это обломки поливных кувшинов и лишь незначительная часть фрагментов относится к поливным горшочкам и чашечкам. Большая часть поливной керамики городища Осовик сильно измельчена и рассеяна по площади раскопа. Лишь в развалах построек 5, 6 и 8 встречаются более крупные обломки поливных кувшинов, которые частично восстановлены (рис. 1: 7, 9; 2: 16, 18).

Почти вся поливная керамика городища Осовик сделана из так называемой беложгущейся глины с белым или сероватым цветом черепка в изломе, редко с розоватым оттенком. Такая посуда по наблюдениям Т. И. Макаровой бытовала в слоях XI—XII вв. некоторых древнерусских городов. В частности, в древнем Любече белоглиняная поливная посуда встречается, в основном, в постройках XI—XII вв. В постройках середины XII в. этого города белоглиняная поливная посуда уже единична, а в комплексах XII—XIII она исчезает. Не является преобладающей по сведениям Т. И. Макаровой белоглиняная поливная посуда и в комплек-

сах Киева, погибших в 1240 г. (Макарова 1965: 234). Фрагменты поливной керамики из красножгущейся глины на городище Осовик единичны.

Для выяснения рецептуры теста поливной керамики в лаборатории ИИМК РАН Н.В. Селивановой был проведен петрографический анализ 15 образцов посуды с Осовика. Для анализа были отобраны 9 поливных черепков с визуально белым или сероватым цветом в изломе, 4 образца неполивной керамики с таким же цветом черепка, а также 2 образца (один поливной, а другой неполивной) из красножгущейся глины с красным (кирпичным) цветом в изломе. В результате удалось выделить 6 различных рецептов теста, употреблявшегося для изготовления поливной посуды городища Осовик. Эти рецепты различаются между собой как по типу глины (жирная или тощая), так и по количеству, видам и измельченности отощающих примесей. Основу теста 11 из 15 исследованных образцов составляет жирная глина, отощенная кварцевым песком, дрсевой, реже шамотом. Тощая глина обнаружена лишь в одном образце поливной керамики и в трех образцах неполивной (приложение I).

Вся поливная посуда городища Осовик сформована на гончарном круге. На внешних частях сосудов, особенно на плечиках и горловинах кувшинов, четко прослеживается формовка сосудов способом спирального налепа. Подавляющее большинство фрагментов осовикской поливной керамики покрыто желтой прозрачной поливой, и в единичных случаях встречается зеленовато-желтая, зеленая и коричневая полива, что отличает поливную керамику Осовика от поливной посуды слоев XII—XIII вв. некоторых древнерусских городов, где преобладает зеленая поливная (древний Любеч, Смоленск, Киев, Новогрудок). Полива на осовикской керамике, как правило, односторонняя, нанесена с наружной стороны сосудов. Двусторонняя полива имеется лишь на единичных обломках, относящихся к трем различным кувшинам, а так же на чашечках и горшочках, на раструбах и ручках кувшинов. Таким образом, двусторонняя полива на осовикской поливной посуде выносилась лишь на

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

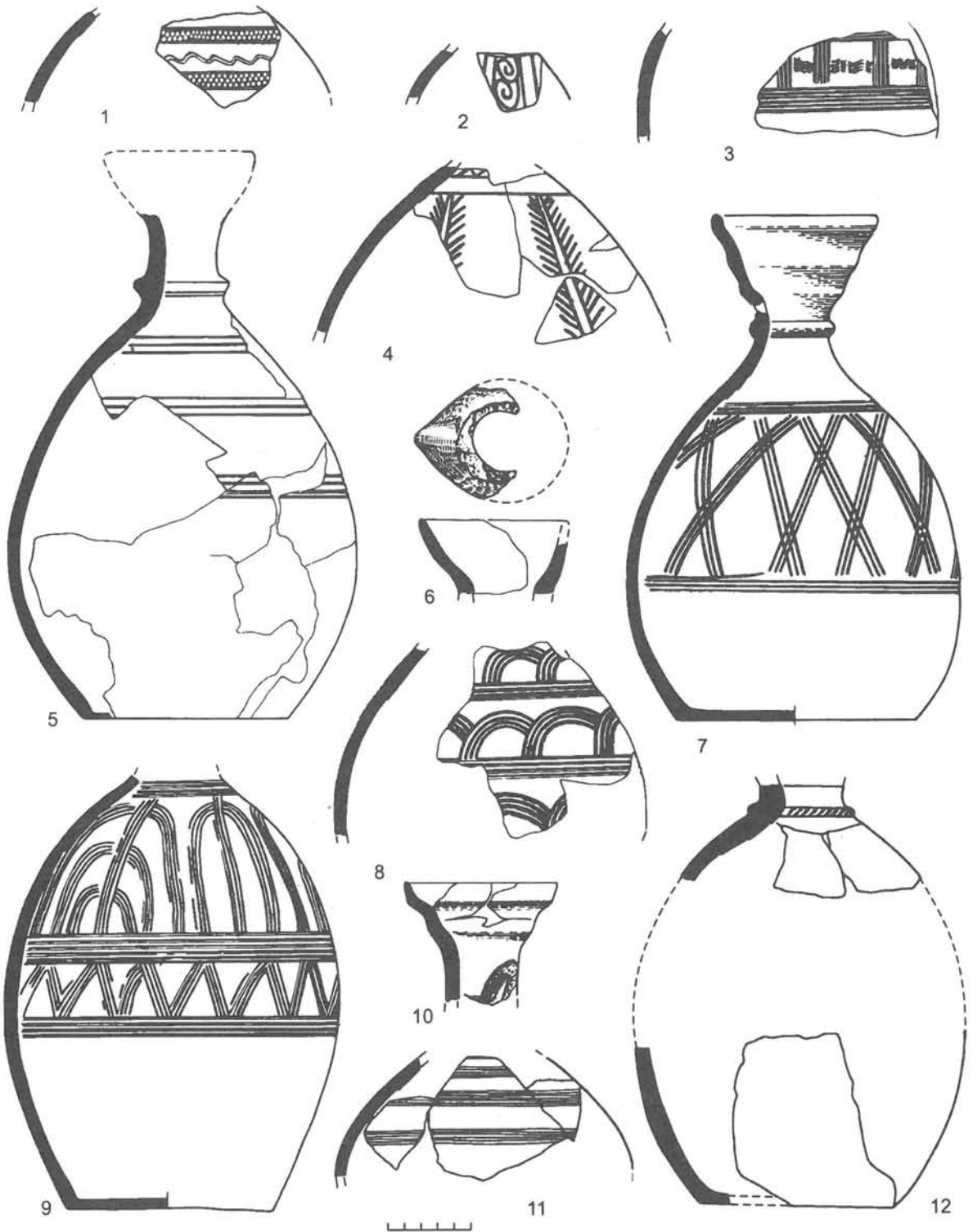

Рис. 1 Поливные кувшины с городища Осовик.

Fig. 1 Glazed jugs from the hillfort Osovik.

открытые поверхности сосудов. Этим качеством поливная посуда городища Осовик так же отличается от поливной посуды некоторых древнерусских городов, например, Любеча, Смоленска, Новогрудка, где преобладает двусторонняя полива (Гуревич 1981: 99—107; Каргер 1968: 446; Малевская 1969: 194—203; Макарова 1965: 231, 1967: 48—53; Павлова 1973:

77—83; Сергина 1981: 236; Толочко 1981: 288—290).

Спектральный анализ керамики Осовика, сделанный так же в лаборатории ИИМК РАН старшим научным сотрудником В. А. Галибиным, показал, что осовикские гончары пользовались весьма своеобразным, но очень простым рецептом — чисто свинцо-

вой поливой. Только в четырех образцах присутствует олово, причем в образце № 8845-А его много. В качестве красителя в основном служило железо. По мнению В. А. Галибина железо вводилось в поливу в составе глины, которая являлась одновременно вторым компонентом шихты вместо песка, о чем свидетельствует наличие в поливе большого количества алюминия (см. Приложение II).

Почти вся осовикская поливная керамика богато и разнообразно орнаментирована. Орнамент обычно прочерчен по сырой глине и покрыт поливой. Простейшим мотивом орнамента являются пояса горизонтальных линий, проведенных трех-четырёх или шестирядной гребенкой. Более сложный и чаще встречающийся орнамент состоит из различных плетенок, ромбов, треугольных фестонов, городков, проведенных той же многорядной гребенкой. Некоторые фрагменты кувшинов украшены вертикальными елочками, растительными завитками. В таких случаях поверхность сосудов разбита на вертикальные зоны теми же многорядными линиями. Орнаментирована чаще верхняя треть тулова сосудов и только в единичных случаях орнаментирована вся поверхность сосуда (рис. 1: 2, 4; 2: 16).

Классификация поливной керамики городища Осовик предельно проста, ибо сводится к выявлению различных форм кувшинов, так как другие категории поливной керамики этого памятника (горшки, чашки, миски, кружки) представлены единичными маловыразительными фрагментами. По составу теста, цвету поливы, форме стенок, орнаменту нам удалось выделить фрагменты примерно 25 кувшинов. При подсчете этих сосудов не принимались в расчет обломки горловин и раструбов, которые не удалось отнести ни к одному из выделенных типов сосудов. Преобладание кувшинов среди осовикской поливной посуды ставит этот памятник на особое место среди древнерусских городов, на которых найдена поливная посуда. Например, в древнем Любече из 175 реконструированных поливных сосудов насчитывается лишь 20 кувшинов, то есть менее 10%, а все остальное — горшки, миски, чашки (Макарова 1965: 231; Малевская 1969: 195; Сергина 1981: 236). Столь же небольшой процент от общего количества поливной посуды составляют кувшины и в Киеве, Вышгороде, Смоленске, Новгороде (Макарова 1965: 231—234, 1967: 48—58; Сергина 1981: 238).

Ни один из осовикских кувшинов не сохранился полностью. Все они представлены большим или меньшим количеством фрагментов, по которым удалось частично восстановить три кувшина и два графически реконструиро-

вать, а так же выделить пять различных типов кувшинов, бытовавших на поселении. Тип I представлен кувшином грушевидной формы с узким горлом, высотой 4 см, внешний диаметр которого 4 см, внутренний — 2,5 см.

На переходе от тулова (плечиков) кувшина к горлу сохранился узкий валик. Горло кувшина заканчивалось, очевидно, несохранившимся широким раструбом (рис. 1: 5). Высота кувшина без раструба — 30 см, диаметр наиболее широкой части тулова — 22 см, диаметр дна — 12,5 см. Кувшин покрыт желтой прозрачной односторонней поливой, орнаментирован тремя горизонтальными поясами трехрядных линий на расстоянии 4 см. С внутренней стороны плечиков и горла кувшина часто видны следы формовки сосуда способом спирального налепа. Аналогичный кувшин опубликован Т. И. Макаровой в работе о поливной посуде древнего Любеча (Макарова 1965: 234, табл. I: 15, 14). Близок по форме к этому кувшину сосуд из развала постройки № 8, сохранившийся (в обломках) почти полностью (рис. 1: 7). В отличие от первого этот кувшин более приземистый. Высота его тулова — 25 см, диаметр наиболее широкой части тулова — 20,5 см, диаметр дна — 15 см. На днище сосуда имеется не очень четкое клеймо, на котором, по-видимому, был изображен трезубец, вписанный в круг. Этот кувшин так же, как и первый, имел, вероятно, высокое горло и заканчивался широким раструбом высотой около 5,5 см. Орнаментирован этот кувшин по средней части тулова косыми переплетающимися линиями, проведенными трехрядной гребенкой, заключенными между такими же двумя горизонтальными линиями. Возможно, к тому же типу следует отнести обломки верхней части кувшина, орнаментированного вертикальными елочками (рис. 1: 4), а также совсем маленькие обломки небольшого кувшинчика с орнаментом вертикальными двухрядными линиями и растительными завитками между ними (рис. 1: 2).

Кувшины II-ого типа имеют яйцевидную форму. Один из них, восстановленный почти полностью, найден в развале постройки 5 (рис. 1: 9). Его высота (без горла) — 26,5 см, наибольший диаметр тулова — 20 см, диаметр дна — 12,5 см. Полива желтая с легким зеленоватым оттенком. Орнаментирован тремя горизонтальными поясами из многорядных линий, между которыми по середине тулова заключен пояс из треугольных фестонов, проведенных четырехрядной гребенкой. Верхнюю часть тулова занимает какая-то древовидная фигура, проведенная той же гребенкой. Второй кувшин этого типа сохранился хуже (рис. 1: 12). Он реконструирован графически по черепкам от верх-

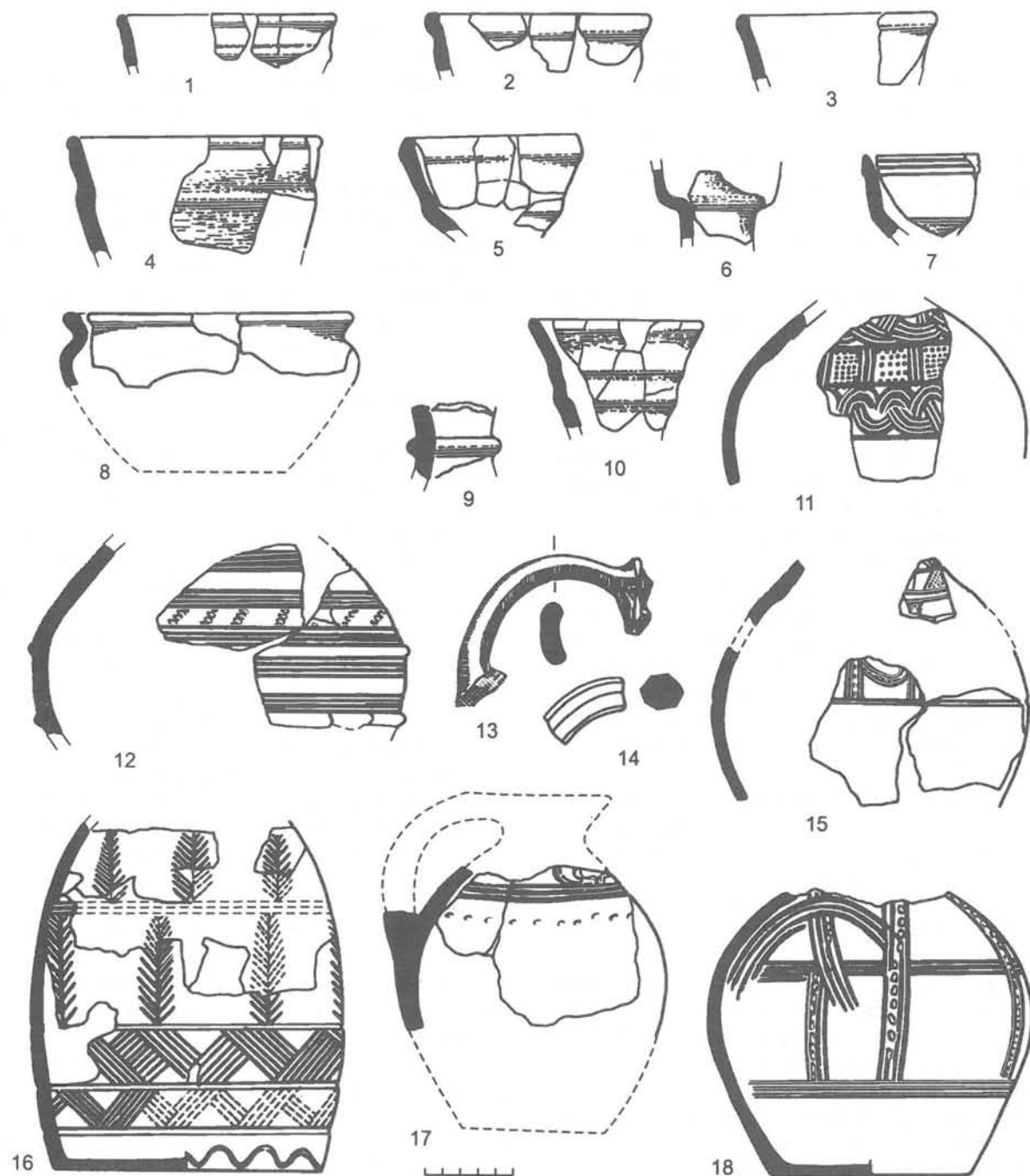

Рис. 2 Поливная керамика с городища Осовик.

Fig. 2 Glazed pottery from the hillfort Osovik.

ней и придонной частей сосуда, высота этого кувшина без горла около 25 см, диаметр тулова — 20 см, диаметр дна — 12 см. Кувшин покрыт желтой прозрачной с зеленоватыми прожилками поливой. Сосуд не орнаментирован, отличается более толстыми по сравнению с другими кувшинами стенками. К этому же типу следует, по-видимому, отнести кувшин, от которого сохранились лишь обломки верхней части, покрытые яркой зеленой поливой и орнаментированные горизонтальными поясами из тонких линий (рис. 1: 11), а также верхнюю часть кувши-

на, орнаментированного горизонтальными поясами из четырехрядных линий, между которыми расположены примыкающие одна к другой полуарки, прочерченные той же четырехрядной гребенкой (рис. 1: 8).

Тип III представлен кувшином, форма которого близка к шаровидной (рис. 2: 18). Высота сохранившейся части — 17 см, диаметр тулова — 18,5 см, диаметр дна — 11,5 см. Кувшин орнаментирован двумя поясами из четырехрядных линий. От нижнего пояса вверх идут вертикальные линии, а по ним нанесены семячковые наколы. На

верхний горизонтальный пояс опираются две пересекающиеся четырехрядные дуги. Видимо, близкую к этому типу форму имел кувшин с розовато-серым цветом черепка в изломе, от которого найдены лишь небольшие обломки пригорловой и средней частей тулова (рис. 2: 10). Этот кувшин, возможно, был орнаментирован поясами из вертикальных городков и гирляндовидными линиями с зернообразными наколами. К этому же типу следует отнести кувшин, от которого имеется несколько обломков верхней части тулова, орнаментированных поясами сложной четырехрядной плетенки и городками с точечными наколами (рис. 2: 11), а также тулово кувшина с основанием ручки (рис. 2: 17).

К IV-ому типу относится очень плохо сохранившийся кувшин, форма которого близка к бутылки (рис. 2: 16). Высота реконструированной части — 20 см, диаметр тулова — 18 см, диаметр дна — 15 см. Кувшин покрыт желтой поливой, богато орнаментирован по всему тулову. Нижняя часть сосуда, разделена на три примерно равные полосы узкими горизонтальными каннелюровидными линиями, между которыми заключены треугольные многорядные фестоны. У самого дна сосуда проходит одна волнообразная линия. В средней части тулова и по очень пологим плечикам размещены вертикальные елочки на расстоянии 5—6 см одна от другой. На дне кувшина имеется плохо пропечатавшееся клеймо, читаемая часть которого имеет форму полукруга.

Тип V. Этот тип представлен обломками кувшина больших размеров, покрытого двусторонней поливой коричневого цвета (рис. 2: 12). Среднюю часть тулова этого сосуда опоясывали два наlepных округлых валика шириной около 1 см. Орнаментирован сосуд поясами из горизонтальных четырехрядных линий, между двумя из которых располагаются наклонные четырехрядные группы семячковидных наколов. Только на одном из реконструированных кувшинов сохранились следы от крепления восьмигранной ручки (рис. 2: 17). Кроме того, следы от крепления ручки имеются на обломке одного (рис. 2: 5—7, 10) из девяти реконструированных раструбов различной формы (рис. 1: 10), а на одном из них имеется оттянутый зацеп для слива (рис. 1: 6). Довольно много на городище найдено обломков горловин от кувшинов и почти все они сохраняют округлый валик в месте перехода от плечиков кувшина к горлу (рис. 2: 9). Ручки представлены единичными экземплярами. Одна из них имела восьмигранную форму в сечении, другая — овальную (рис. 2: 14, 13). Все обломки первого, второго и третьего типов кувшинов относятся ко второму го-

ризонту за исключением черепка с орнаментом в виде вертикальной елочки (рис. 1: 4), относящегося к нижнему горизонту. Обломки кувшинов IV и V типа были рассеяны по площади раскопа во втором и нижнем горизонтах. Пятый тип найден на границе верхнего и второго горизонтов. Таким образом, почти все обломки поливной керамики в Осовике относятся ко второму горизонту. Горизонт этот по стратиграфическим данным и по отдельным типам вещей датируется второй половиной XII—началом XIII вв., то есть относится ко второму периоду жизни города, отличающемуся бурным расцветом его материальной культуры, что, по-видимому, следует связывать с перерастанием этого поселения из феодальной усадьбы в административный и ремесленный центр округа.

Другие категории поливной посуды в Осовике представлены небольшими немногочисленными обломками венчиков чашечек, покрытых желтой или коричневой двусторонней прозрачной поливой (рис. 2: 1—4) и обломками двух идентичных горшочков, покрытых тоже двусторонней поливой — снаружи коричневатой прозрачной, изнутри — ярко желтой глухой (рис. 2: 8). Эти горшочки относятся скорее к категории мискообразных. Высота их не превышает 9—10 см. Диаметр венчиков равен 16 см.

По форме и орнаментации осовицкая поливная посуда весьма своеобразна. Среди опубликованных материалов по поливной керамике древнерусских городов только в Любече можно указать кувшины, аналогичные осовицким кувшинам первого и третьего типов и сходные по размерам и форме чашечки, а также 8-гранные ручки (Макарова 1965: 234, табл. I: 15, 14). Горшочки же из Осовика находят себе аналогии среди поливной керамики Смоленска (Сергина 1981: 238—240). Однако по составу теста и по химическому составу поливы осовицкая поливная посуда отличается как от любечской, так и от смоленской. В Любече полива свинцовая с большим содержанием окиси алюминия, а в Смоленске отмечено три класса поливы: калиево-свинцово-кремнеземная, натриево-свинцово-кремнеземная и свинцово-кремнеземная (Макарова 1965: приложение II). Это дает возможность предполагать изготовление осовицкой поливной посуды местными гончарами из местных подручных материалов, хотя какие-то связи с такими древнерусскими центрами гончарного производства как Киев, Любеч, Смоленск несомненно были.

Итак, осовицкая поливная посуда характеризуется рядом отличительных черт.

1. Вся поливная керамика Осовика вылеплена из беложгущейся глины. Черепки в изломе серовато-желтые, редко с розоватым оттен-

ком, и только обломки двух горшочков имеют красный в изломе цвет.

Беложгущаяся глина употреблялась в Осовике довольно часто не только для изготовления поливной посуды, но и для формовки обычных кухонных горшков. По-видимому, в городе или в его ближайшей округе проживала группа гончаров, которая пользовалась глиной этого сорта. Причем, как показал петрографический анализ образцов осовикской керамики из беложгущейся глины, обычные горшки без поливы по составу теста были очень близки поливным кувшинам, хотя несомненно имелись отличия в рецептах изготовления теста, прежде всего, по количеству и структуре отощающих примесей. Скорее всего, это можно объяснить хронологическими различиями, спецификой отдельных мастеров и, наконец, особенностями

ми в замесах теста разных партий продукции.

2. В ассортименте поливной посуды Осовика несомненно преобладают кувшины. В свою очередь, поливные чашечки, плошки, горшочки и миски, вероятно, не пользовались таким спросом.

3. Доминирование в Осовике желтой поливы в отличие от таких центров гончарного производства как Киев, Любеч, Смоленск, где наиболее широкое распространение получает полива зеленого цвета, а также своеобразие орнамента кувшинов дает возможность предполагать, что в Осовике в XII—XIII вв. развивалось собственное производство поливной керамики, и при благоприятных условиях городище могло бы стать еще одним крупным центром по изготовлению поливной посуды в Древней Руси.

Гуревич, Ф. Д. 1981. Поливная керамика новгородского детинца // Советская археология 4: 99—107.
 Каргер, М. К. 1968. Древний Киев. Т. II. Москва-Ленинград.
 Макарова, Т. И. 1963. О производстве поливной посуды на Руси // Советская археология 2: 246—253.
 1965. Поливная керамика древнего Любеча // Советская археология 4: 200—237.
 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси // Свод археологических источников Е-38. Москва: Наука.
 1972. Поливная керамика древней Руси: 1—12. Москва: Наука.
 Малевская, М. В. 1969. Поливная керамика Новгорода // Советская археология 3: 194—203.
 Павлова, К. В. 1973. Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии 129: 77—83.

Архив ИИМК РАН. Отчеты о раскопках городища Осовик:
 1972. дело № 86;
 1973. дело № 65;
 1974. дело № 71;
 1975. дело № 74;
 1976. дело № 165;
 1978. дело № 74.
 Павлова, К. В., П. А. Раппопорт. 1973. Городище Осовик // Советская археология 1: 200—216.
 Раппопорт, П. А. 1969. Отчет о работе отряда по изучению жилищ в 1969 г. // Архив ИИМК РАН, фонд 35, дело № 62.
 Сергина, Т. В. 1981. Поливная посуда из Смоленска // Советская археология 2: 233—245.
 Толочко, П. П. 1981. Ремесленное производство // Новое в археологии Киева: 288—290. Киев.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ КЕРАМИКИ С ГОРОДИЩА ОСОВИК РОГНЕДИНСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. Б. СЕЛИВАНОВА

Микроскопическое изучение 15 образцов древнерусской керамики с городища Осовик, среди которых 10 образцов (№ 1—10) представлены поливной керамикой, пять (№ 11—15) — неполивной, позволило определить минеральный состав отошителя, его процентное содержание в тесте, размер зерен, степень их окатанности, что дает возможность видеть структуру теста (пористость, трещиноватость), характер глинистой части — наличие или отсутствие естественных примесей в глине.

По этим принципам среди исследованных 15 образцов керамики Осовика удалось выделить 6 петрографических типов, которые соответствуют 6 разным рецептам изготовления теста. При этом внутри типа могут несколько варьировать такие характеристики, как степень пористости глины, процентное содержание песка, однако, решающим является рецептурный принцип. Исходя из него, все 6 типов отчетливо отличаются друг от друга. Ниже приводится петрографическое описание каждого типа.

Тип I (образцы № 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10). В эту группу попали образцы только поливной керамики. При этом визуально цвет теста у разных образцов серый, темно-серый, светло-коричневый. Однако микроскопически все образцы идентичны и изготовлены по одному рецепту: в жирную непрозрачную почти черного цвета глину добавлялось около 20% мелко-среднезернистого слабо окатанного кварцевого песка с размером песчинок 0,2—0,25 мм и очень немного шамота (единичные кусочки размером 0,25—0,3 мм). В подавляющем большинстве образцов шамот имеет черный цвета и отошен тем же мелкозернистым песком, что и все тесто. Однако в образце № 7 помимо мельчайших кусочков шамота описанного типа встречаются кусочки шамота, состоящего из жирной глины темно-коричневого цвета, а в образце

№ 9 шамот отличается от остальных образцов кирпичным цветом глины (отошитель тот же), структура теста для большинства образцов (№ 4, 7, 8, 9, 10) параллельно-трещиноватая и в связи с этим слабо слоистая параллельно краям изделий. Однако в образцах № 1, 2, 3 глина представляет однородную массу.

Тип II (образцы № 5 и 14). Эта группа включает один образец поливной керамики (№ 5) с двусторонней поливой и один образец неполивной. В том и другом образце визуально тесто имеет кирпично-красный цвет и содержит мелкие (1—2 мм) включения белого цвета. В образце № 5 этих включений больше, чем в образце № 14. Микроскопически, однако, они объединяются в одну группу из-за особого характера отошителя: мелкая дресва (1—1,5 мм) — остроугольные обломки кварца — плагиоклаза, полевого шпата, гранита, биотита, рудного минерала. Этот материал получен, возможно, дроблением обломков гранита. Поверхность зерен не имеет никаких следов окатанности. Образец № 5 содержит 25%, а образец № 14 — 15% дресвы. Глинистая основа в образцах разная. В образце № 5 глина жирная. Мельчайшие зерна кварца и полевого шпата не являются, по-видимому, естественным отошителем, а попали в тесто вместе с дресвой в качестве мелкой тонкозернистой фракции, полученной при дроблении. В образце № 14 глина сильно тощая. Отошитель — мельчайшие зерна кварца, составляющие 45% теста, являются частью самой глины, «естественным отошителем».

Тип III (образец № 6, поливная керамика). Тесто представляет собой тощую глину, включающую очень тонкозернистый естественный отошитель и содержащую, кроме того, около 12% среднезернистого (0,4 мм) кварцевого песка в качестве искусственного отошителя.

Тип IV (образцы № 11 и 13). Тесто представляет собой сильно тощую глину, состоя-

шью на 60% из тонкозернистого неокатанного кварцевого песка. Размер песчинок около 0,1 мм. На этом фоне выделяются более крупные (0,2—0,5 мм в образце № 13) хорошо окатанные песчинки, единичные в образце № 11 и составляющие 4% в образце № 13. Песок распределен в глине чрезвычайно равномерно, нет никаких следов замеса. Это позволяет предполагать, что песок является естественной примесью в глине — естественным отощителем, а более крупные песчинки — его составной частью.

Тип V (образец № 12). Тесто представляет собой жирную глину, на 40% отощенную кварцевым песком, внутри которого выделяются 2 фракции: 1) тонкозернистая угловатая (0,1 мм); 2) мелкозернистая (0,2 мм) хорошо окатанная. Песок распределен в тесте неравномерно, встречаются участки, почти не содержащие отощителя.

Тесто содержит комки той же жирной глины, что составляет основу теста, которые в одних случаях имеют четкие границы, в других — нечеткие. Это свидетельствует в пользу того, что песок замешивался в качестве отощителя в жирную глину, а не является естественным отощителем. Встречены тонкие единичные куски шамота, того же состава, что и вмещающее его тесто, но более обожженные. Размер обломков до 1 мм.

Тип VI (образец № 15). Тесто аналогично образцу № 12, представлено жирной глиной, отощенной тонкозернистым кварцевым пес-

ком, аналогичным образцу № 12, в котором зерна второй фракции несколько крупнее (до 0,5 мм) и составляют 2%. Это тесто отличается от теста образца № 12 значительно большим содержанием шамота (10%). Кусочки глины имеют округлые края, размер их колеблется от 0,8 до 1,5 мм. Глина эта либо очень слабо отощена, либо почти не отощена. И глина, и отощитель в шамоте аналогичны глине и отощителю вмещающего теста.

Итак, для исследованных образцов выявляется 6 рецептов изготовления керамического теста.

Рецепт I: в жирную глину замешивается песок и единичные кусочки шамота.

Рецепт II: глина отощалась гранитной дресвой.

Рецепт III: глина отощалась кварцевым песком, причем песок брался в небольших количествах, так как глинистая основа была изначально тощей.

Рецепт IV: бралась сильно тощая (запесоченная) глина, не требующая специального дополнительного отощителя.

Рецепт V: в жирную глину добавляли большое количество песка и очень немного шамота.

Рецепт VI: в жирную глину добавляли большое количество песка и довольно много шамота.

Пятый и шестой рецепты отличаются только количеством добавленного шамота.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Результаты количественного спектрального анализа образцов глазури поливной керамики (в %)

Лабор. шифр	Инв. №	Цвет глазури	% глазури в пробе	Горизонт	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	TiO ₂	MnO	PbO	CuO	SnO ₂
296-39	8846	Темно-зеленые	70	Средний	8	0,18	5,5	0,9	2,2	0,18	0,031	45	1,9	3,0
296-40	8846	Ярко-желтый	60	Средний	9	0,3	7,5	1,1	2,2	0,2	0,031	30	0,12	1,0
296-41	8431	Серый	90	Верхний	15	0,03	1,2	0,2	1,1	0,28	0,012	45	0,03	0,035
296-42	8895	Серый	70	Средний	11	0,03	1,1	0,16	1,1	0,26	0,012	40	0,025	0,05
296-43	8301	Светло-зеленый	79	Верхний	19	0,04	1,8	0,32	2,1	0,35	0,015	55	0,06	0,05
296-44	8986	Светло-зеленый	95	Верхний	7	0,03	1,3	0,06	1,0	0,2	0,011	45	1,2	0,15
296-45	8594	Черный	60	Верхний	12	0,03	1,1	0,12	1,3	0,25	0,013	40	0,035	—
296-46	8594	Светло-коричневый	100	Верхний	9	0,03	1,2	0,11	1,0	0,16	0,011	60	0,022	—
296-47	8414	Коричневый	70	Верхний	13	0,04	1,9	0,18	2,2	0,19	0,014	45	0,022	0,09
296-48	8385	Зеленый	80	Верхний	3,5	0,04	0,6	0,04	0,6	0,09	0,011	48	0,85	0,13

Продолжение

Лабор. шифр	Инв. №	Цвет глазури	% глазури в пробе	Горизонт	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	TiO ₂	MnO	PbO	CuO	SnO ₂
296-49	8385	Ярко-коричневый	90	Верхний	5,5	0,04	1,1	0,04	2,7	0,15	0,013	50	0,8	0,2
296-50	9193	Коричневый	60	Нижний	16	0,03	1,1	0,15	1,8	0,18	0,01	28	0,025	0,006
296-51	9040	Серый	60	Нижний	9	0,03	1,0	0,1	0,8	0,16	0,01	30	0,025	0,03
296-52	120	Ярко-желтый	100	Средний	19	0,03	1,2	0,16	0,9	0,3	0,01	70	0,023	0,004
296-53	8491	Черный	100	Нижний	17	0,03	1,3	0,17	0,3	0,31	0,011	28	0,025	0,022
297-11	7803	Желто-коричневый	100	Верхний	4,5	—	0,9	—	1,2	0,09	—	22	0,025	—
297-12	7803	Светло-желтый	100	Верхний	8,5	0,03	1,3	0,11	1,2	0,23	0,013	55	0,05	0,005
297-13	7819	Ярко-коричневый	60	Верхний	14	0,02	1,1	0,11	1,5	0,28	0,013	40	0,03	0,06
297-14	7796	Черный	100	Верхний	16	—	1,3	0,04	2,0	0,23	0,011	40	0,015	0,12
297-15	7819	Темно-коричневый	75	Верхний	11	0,9	0,9	0,09	1,7	0,26	0,01	50	0,04	0,6
297-16	7825	Желто-зеленый	95	Средний	13	0,03	1,2	0,1	1,4	0,23	0,016	45	0,03	0,05
297-17	6670	Зеленый	100	Средний	12	—	1,6	0,11	2,3	0,28	0,012	65	0,05	0,1
297-18	6821	Ярко-коричневый	100	Средний	14	0,03	1,9	0,15	2,5	0,42	0,016	43	0,04	0,022
297-19	6831	Желто-зеленый	60	Нижний	20	0,03	1,6	0,22	3	0,65	0,014	30	0,02	0,013
297-20	3863	Коричневый	70	Нижний	14	0,02	1,1	0,12	1,3	0,33	0,012	40	0,015	0,004
297-21	3852	Коричневый	60	Нижний	20	0,03	1,6	0,25	2,3	0,55	0,015	30	0,015	0,015
297-22	3858	Коричневый	100	Нижний	9	0,25	1,1	0,08	2,0	0,25	0,013	60	0,025	0,007
297-23	3854/2	Коричневый	95	Нижний										
297-24	3841	Коричневый	100	Верхний	11	0,02	1,3	0,13	2,5	0,34	0,016	55	0,02	0,016
297-25	2601	Желто-зеленый	95	Нижний	9	—	1,3	0,05	1,5	0,18	0,011	50	0,012	0,04
297-26	2646/2	Желто-зеленый	100	Нижний	11	—	1,3	0,09	1,7	0,25	0,04	60	0,025	0,004
297-29	63	Светло-коричневый	50	Нижний	25	0,02	1,3	0,22	2,0	0,4	0,012	45	0,015	0,006
297-30	2426/2	Темно-коричневый	70	Средний	20	0,02	1,1	0,19	2,0	0,35	0,012	40	0,06	0,007
297-31	62	Желто-зеленый	100	Средний	15	0,02	1,1	0,08	2,1	0,18	0,015	60	0,025	0,5
297-32	3861	Темно-коричневый	100	Средний	15	0,02	1,1	0,09	1,9	0,22	0,011	60	0,02	0,8
298-11	2457	Темно-коричневый	50	Нижний	15	0,04	1,4	0,3	2,0	0,8	0,04	30	0,02	0,008
298-12	8845a	Желто-зеленый	90	Средний	1,4	0,04	1,3	0,17	1,1	0,2	0,014	45	1,3	8,0

- Примечания: 1. Содержания SiO₂ можно вычислить по разности.
 2. Содержания K₂O не выше чувствительности анализа (1,5%).
 3. Содержания сурьмы не выше 0,6—0,4% Si₂O₃, кобальта и никеля не выше 0,01%.

GLAZED POTTERY FROM THE HILLFORT OSOVIK

K. V. PAVLOVA

This article presents a description of glazed pottery from the hillfort Osovik in the Rognedinskiy Region of the Bryansk Oblast. The pottery was found during excavations of 1969, 1972—1978 as small fragments of about 40—45 vessels dated to the 12th—13th centuries and dispersed throughout the excavated area (3500 sq. m.). Most of the fragments belonged to glazed jugs. The other kinds of glazed ware (pots, cups, bowls and mugs) were represented here only by rare and nonindicatory fragments.

All glazed ware from this site was made on a potter's wheel of the so-called 'white-fired' clay which is greyish-white or pinkish in section; it is richly and diversely decorated and coated with pale-yellow transparent lead glaze. Green or brown glaze is found only in rare cases distinguishing the Osovik glazed ware from that of some ancient Russian towns.

It was possible to restore three and to reconstruct graphically two of the vessels and to consider a division of the jugs into five major types with pear-like, egg-like, globular and bottle-like shapes. All of the restored jugs had a narrow high neck with a wide bell-shaped mouth. All jugs had a small encircling ridge 6—8 mm wide at the transition from the body to neck. The glazed ware from Osovik was produced exclusively by local potters using local materials, the same as it was for manufacturing unglazed ware. The peculiarity of the Osovik glazed ware suggests that in the 12th—13th centuries an own production of this type pottery was developing here and, in more favourable conditions, it could have resulted in the formation of a large centre of manufacture of glazed ware.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИШРАТХАНЕ И ДВОРЦЕ ДИЛЬКУША

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА¹

Ишратхана принадлежит к числу замечательных памятников архитектуры темуридского Самарканда. Название это переводится как «Дом наслаждений» и связано с народным преданием, по которому, здание строилось по желанию легендарной жены Темура Биби-Ханым в качестве ее будущего мавзолея (а возведение усыпальниц еще при жизни имело место среди восточных правителей). Но, когда Темура увидел законченное здание, он был так восхищен его красотой, что в восторге расцеловал жену, воскликнув — «Пусть это будет нашей Ишратханой, а мавзолей возведем в другом месте!».

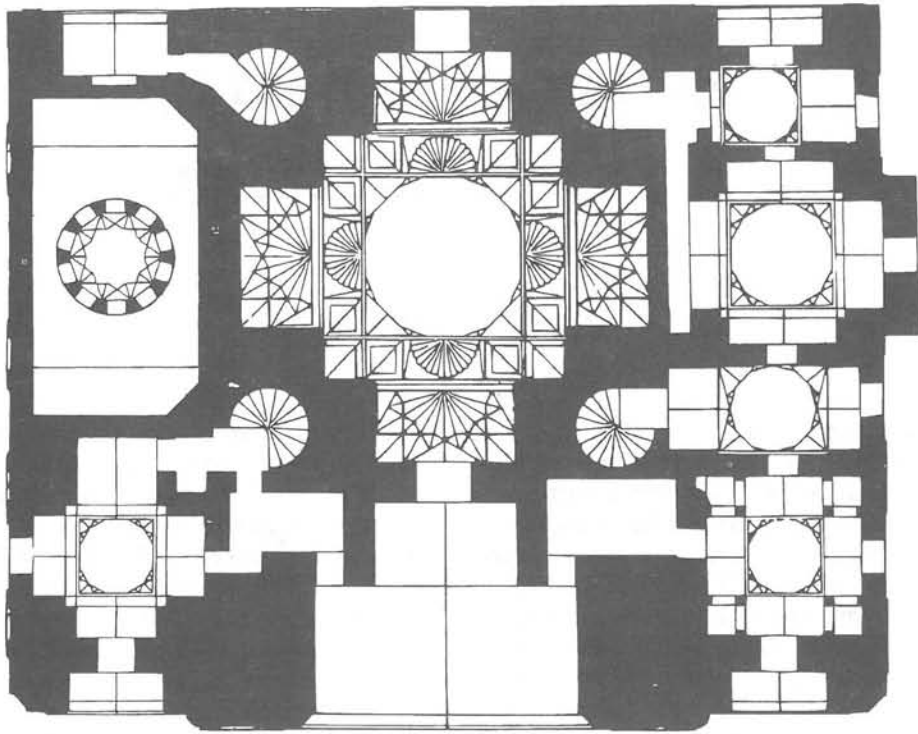
Легенда эта была записана еще в прошлом столетии русскими авторами, у которых Ишратхана на этой основе соответственно фигурирует, как один из загородных дворцов Темура. Это определение было повторено еще в 20-х гг. XX столетия некоторыми западноевропейскими авторами.

Между тем уже в 30-х гг. XIX в. высокообразованный самаркандский автор-таджик Абу-Тахир Ходжа, на основе как личных наблюдений, так и широкой ориентации в письменных источниках, в посвященной памятникам Самарканда книге «Самария», писал: «Та дахма благородная, что к северу от их мавзолея (имеется в виду мавзолей Абди-Дарун), и что людьми Ишратхана именуется, та запрещенная, целомудренной госпожи Сахиб-Давлет-бика, каковая мать упомянутой госпожи Хабиба-Султан-Бегум, дочь эмира Джелаледдина, того гумбаза выдающегося и художр для жилья распоряжение сделала» (Абу-Тахир Ходжа 1899: 257). Перевод «Самарии» и комментарии к ней были осуществлены В. Л. Вяткиным и опубликованы в 1899 г. А затем им был изучен связанный с Ишратханой вакуфный документ, составленный в 868 г. х. = 1464 г. В нем приведено детальное распоряжение о возведении женой темурида Абу-Саида Хабиба — Султан-Бегим «здания под куполом голубого цвета» для их дочери Хавенд-Султан-бика, о пожаловании ею в вакф для поддержания постройки земель, рабов, всяческого имущества — ковров, покрывал, сосудов и пр.

Натурное изучение памятника было проведено уже в советское время. В 1919 г. М. Е. Массон сосредоточил внимание на прекрасной изразцовой панели в главном зале мавзолея (Массон 1927: 171, 172). В 1926 г. В. Л. Вяткин осуществил расчистку спуска из этого зала, где был обнаружен обширный склеп, заполненный завалами земли, удаление которых, однако, им не осуществлялось. А в 1939/40 гг., в связи с подготовкой в Узбекистане к 500-летию юбилею Навои, было осуществлено всестороннее изучение памятника группой специалистов во главе с М. Е. Массоном. Здесь им были осуществлены раскопки склепа, где обнаружено 23 погребения, по определению антропологов женских и детских. Результаты работ коллектива были позднее опубликованы в коллективной монографии «Мавзолей Ишратхана» (Мавзолей 1958). В ней разделы, посвященные истории памятника, его изучения и результаты археологических исследований написаны М. Е. Массоном, раздел по архитектуре — Г. А. Пугаченковой, по архитектурному декору — Б. Н. Засыпкиным. В монографии также опубликованы: вакуфный документ (перевод и комментарии В. Л. Вяткина) и результаты анализов стекла и тканей. После этого материалы исследования памятника публиковались неоднократно, в частности и автором этих строк (Пугаченкова 1963: 177—180).

Казалось бы был получен максимум данных об этом мавзолее женщин и детей самаркандского дома темуридов второй половины XV в. Однако в 1974 г. в журнале «Строительство и архитектура Узбекистана» появилась статья П. Ш. Захидова, где он утверждает, что Ишратхана это не мавзолей, но один из роскошных дворцов Темура — Дилькуша (Захидов 1974: 32—34). Год спустя мною была опубликована ответная статья, в которой показана необоснованность такого отождествления (Пугаченкова 1975: 10—13). Позднее археолог У. Алимов произвел под руководством Я. Г. Гулямова раскопки холма, местонахождение которого соответствует данным письменных источников и где он обнаружил остат-

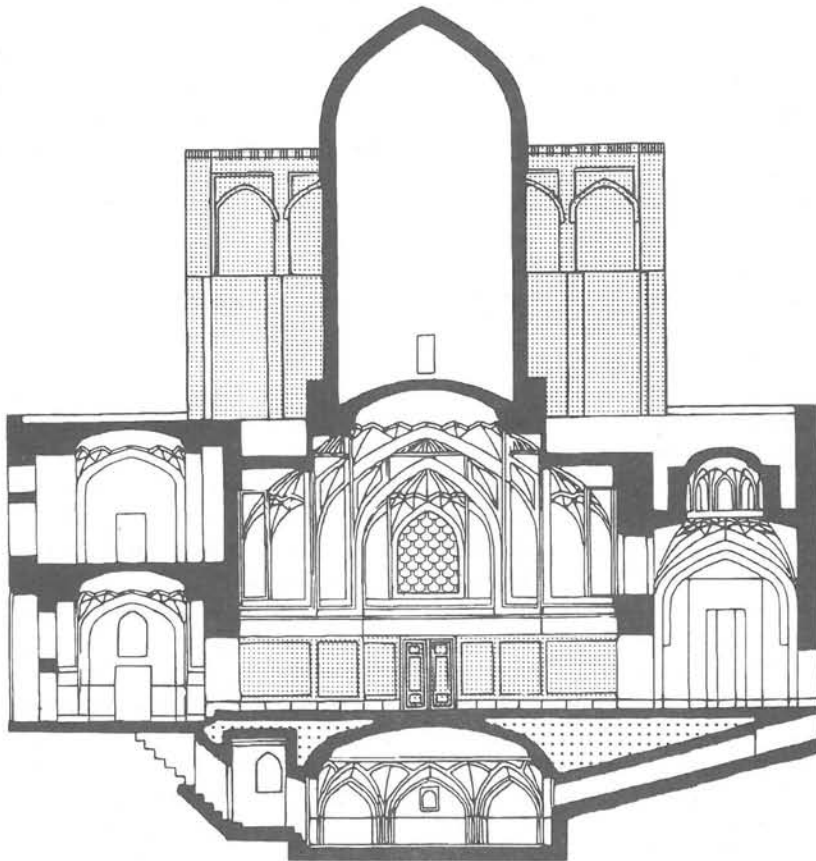
¹ Узбекистан. 700003. Ташкент. ул. Тураб Тулы, д. 18, кв. 34.

0 5 м

Рис. 1 Ишратхана. План второго этажа.

Fig. 1 Ishrat-Khaneh. Plan of the second storey.

0 5 м

Рис. 2 Ишратхана. Поперечный разрез.

Fig. 2 Ishrat-Khaneh. Cross-section.

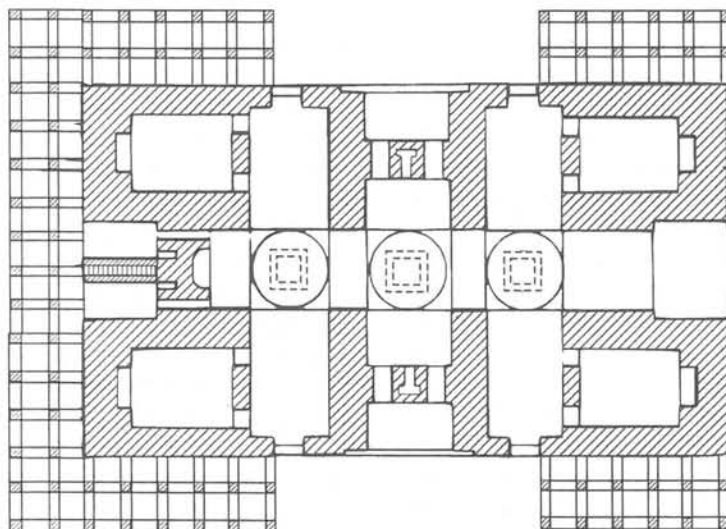

Рис. 3 План дворца Дилькуша.

Fig. 3 Plan of Dilkush's palace.

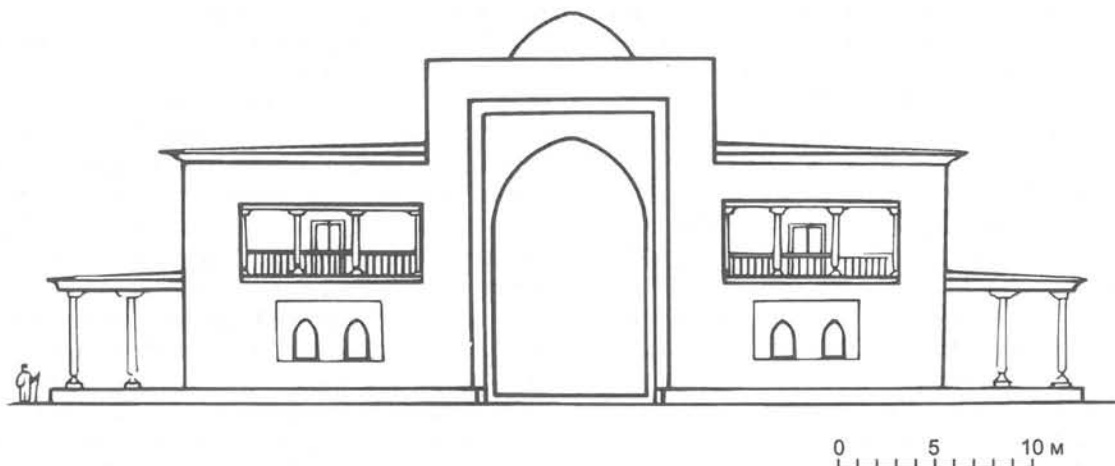

Рис. 4 Реконструкция дворца Дилькуша.

Fig. 4 Reconstruction of Dilkush's palace.

ки дворцового здания, отождествляемого с дворцом Дилькуша (Алимов 1974: 26—27; 1984). Тем не менее в 1997 г. к юбилею Темура появляются две богато изданные книги, где автором об архитектуре времени Темура является П. Ш. Захидов, вновь отождествляющий Ишратхану с дворцом Дилькуша (Захидов 1996: 69—77; 1996а: 75—83).

Какие же данные приведены в пользу такого утверждения? По существу единственный довод сводится к тому, что, по сведениям Бабура, Темура приказал провести от сада Дилькуша до ворот Фирюза парадную аллею-хиабан, обсаженную тополями. Но ведь по обе стороны ворот Фирюза располагалось немало участков, садов и построек. В частности в вакуфном документе указано, что мавзолей располагался близ сада Фирюза. Далее П. Захидов пишет, что в документе якобы «речь идет о мавзолее-ханаке, пристроенном к небольшому зданию мазара Ходжа-Абди-Дарун, что же

касается женского захоронения, то могила Султан-Хавенд-бика располагалась в непосредственной близости от мазара Ходжа Абди-Даруна внутри некрополя». Никаких доказательств этому не приводится. Между тем в документе прямо говорится о возведении не просто парадной могилы, а здания, показателем чего служат даже перечисленные дарственные предметы — ковры, ткани, сосуды, которые нужны в помещении, но не для открытой могилы. Почему-то П. Захидовым опущено и указание Абу-Тахир-ходжи о том, что Ишратханой население именует именно здание усыпальницы, а ведь Абу Тахир досконально знал и вакуфный документ, и о мавзольном назначении постройки.

Само расположение Ишратханы возле кладбища, разросшегося здесь с XII в. и использовавшегося еще в XV в. (о чем говорят сохранившиеся на нем мраморные надгробники — Мавзолей 1958: 92, рис. 14—15) ис-

ключает возведение Темуром в 1497 г. для своей жены Тукель-Ханым бок о бок с мазаром со многими погребениями, загородного увеселительного дворца, где проходили пышные пиршества с возлияниями вина (о чем пишет Клавиго). Разумеется для такого дворца Великий Эмир выделил бы обширную территорию с густым садом, вдали от места печальных поминок или текущих захоронений. И наоборот, вполне логичным было возведение при Абу-Саиде рядом с почитаемым мавзолеем Абди-Даруна фамильной усыпальницы темуридского дома.

П. Захидов обходит молчанием склеп Ишратханы. Прежде он писал, что захоронения в нем — якобы поздние, когда-де дворцовая функция дворца Дилькуша была как бы забыта. Но археологические вскрытия выявили в одной из центральных могил две монеты, одна из которых достаточно четкая, принадлежит к чекану Бухары 1428/9 г., с надчеканом второй половины XV в. — дата достаточно убедительная, посттемуровская (Мавзолей 1958: 44).

Спрашивается почему во дворце стали бы устраивать обширный склеп? Во всей дворцовой архитектуре мусульманского Востока нет дворцов со склепами. Между тем они характерны для мавзолеев. Сошлемся на Гур-Эмир, Мавзолей Биби-Ханум, ряд усыпальниц в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде, Дорус-Си-адат в Шахрисябзе, мавзолеем Абу Наср Парса в Балхе. В Азербайджане это мавзолей Ших-Бабалы в с. Баба-Юсуфа, ибн Касайира и Мудане-Хатун в Нахичевани, крупные мавзолей в Берда, в Карабагляр и ряд других. В Индии после Бабура — мавзолеем Мухаммед Адильшаха в Биджапуре, Хумайюна в Дели, Тадж-Махал в Агре — перечень можно продолжить. Склепы здесь оправданы «функционально» причем нередко их делали обширными с «запасом» — для захоронения членов семьи «основного» усопшего.

Утверждая, что Ишратхана, якобы является дворцом конца XIV в., автор затем безапелляционно заявляет об отнесении к этому времени конструкции пересекающихся арок и щитовидных парусов, ссылаясь при этом на Чупан-ата в Самарканде и усыпальницу Ходжа-Ахмеда Ясеви в Туркестане. Однако отнесение Чупан-ата ко времени Темура ничем не доказано по всем данным это памятник 30—40 гг. XV в. Что касается здания Ахмеда Ясеви, то там нет ни пересекающихся арок, ни развитой системы щитовидных парусов имеется лишь самое начальное появление таких парусов в двух помещениях.

Проследим вкратце эволюцию этой представленной в Ишратхане развитой системы, которая уже вошла в ряд публикаций. Итак, почти до конца XIV в. в архитектуре региона от Ирана до Турана использовалась система

купольных перекрытий, переход к которым от квадрата помещения (нередко с нишами на осях) осуществлялся системой переходного восьмигранника стен помещения (иногда с арочными нишами) и угловых арочных парусов. Однако в конце столетия впервые появляются восемь промежуточных ромбовидных парусов (получивших в литературе название «щитовидных», по-английски *squiches* «косые паруса»). Систему эту можно видеть в поминальной мечети при мавзолее, построенном Туркан-ака в 1405 г. в ансамбле Шахи-Зинда и в одном из помещений мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви в Туркестане. Позднее число этих парусов увеличивается — вместо одного по три в двух ярусах. При этом купол уже покоится на образуемом ими 12-ти и 16-ти-гранном звездчатом основании. Примеры тому дают помещения у Хазире Абдаллаха Ансари в Герате 1425—29 гг. и входной портал ансамбля Шахи-Зинда, возведенный в 1334 г. Улугбеком от имени его сына Абдалазиса.

Упомянутая прежняя система восьмигранника арок и арочных парусов, которая применяется почти во всех постройках Темура (Гур-Эмир, мечеть и мавзолеем Биби-Ханым, мавзолеем Шахи-Зинда) используется еще в первой трети XV в. — например, в мечети Гаухар-Шад в Мешхеде 1418 г. и мавзолее в Туруке 1433/4 г. Но в третьем десятилетии появляется новая система пересекающихся арок-аркбутов и промежуточных щитовидных парусов, иногда дополненных также сталактитами. Первый пример тому дает мавзолеем Гаухар-Шад при медресе ее имени в Герате. Оно было окончено в 1438 г., но мавзолеем, очевидно был завершен уже к 1424 г., поскольку в нем был погребен ее брат Эмир — Суфи Тархан, а в 1433 г. — сын Басункар (Golombek, Wilber 1988: 306—307, ill. 160, 166, 169; O'Kane 1988: 167—168, fig. 14: 3, 4). Лишь с этого времени данная конструкция получает применение в парадных сооружениях. Такова она в медресе Гиясийе в Харгирде 1443 г., в Масджиди — Джамии, в Турбети — Шейх Джаме 1440—44 гг., в Бука'а Зайнедина в Тайабаде 1444/45 гг., в мавзолее Касым-Анвара в Лангаре 1486 г. (Golombek, Wilber 1988: 96—98; O'Kane 1988: fig. 22: 5, 6; 24: 2, 3; 25: 1—3; 39: 2,3). В этот перечень органично входят Аксарай в Самарканде и мавзолеем Йнусхана в Ташкенте.

Ничем, по существу, не обосновано П. Захидовым утверждение, будто в планировочном отношении «крестовидный план» является основу парковых дворцов и парадных домов, а применение такого плана для мавзолеев «носит произвольный характер — результат использования существующего дома или подражания им». На чем же строится такое утверждение? Ни на чем, кроме отождествления Ишратханы с двор-

цом Дилькуша — ни одного другого примера «кешка-дворца» не приведено. Между тем, «крестовидный план» характерен в XV в. для макуры больших мечетей (Биби-Ханым в Самарканде, Массджиди-Мавляна в Тайабаде, джума-мечеть в Зиратгохе), для помещений мечети при медресе (Улугбека в Бухаре, Гийясийе в Харгирде, Ду-Дар в Мешхеде, Амир Фирузаб-ад в Турбети-Шейх Джаме). Вместе с тем для парадных усыпальниц типичен этот план. Таковы мавзолеи Гур-Эмир и Биби-Ханым в Самарканде, мавзолей Джехангира в Шахрисябзе, Гаухар Шад в Герате, Юнус-хана в Ташкенте, Шейх-Ахмед Абул-хана в Турбети-Шейх-Джаме, Абу-Наср Парса и Ходжа-Аккаша в Балхе, Момо Шарифон в Газни, Али б. Талиба в Мазари-Шерифе. Причем это отнюдь не «результат использования существующего дома, или подражания им», но вполне определенный архитектурный тип «гумбаза» — купольной усыпальницы со склепом. В этот тип органично входят Ишратхана, Чупан-ата, Ак-Сарай в Самарканде отнесенные П. Захидовым в разряд кешков-дворцов.

Столь же безосновательно отнесено появление техники росписей «кундаля», украшающих интерьеры Ишратханы, ко времени Темура. На самом деле ни в одной из бесспорно темуровских по времени построек (Гур-Эмире, мечети и мавзолее Биби-Ханым, мавзолеях Шахи-Зинда) — росписи, выполненной в такой же технике нет. Изучением кундали детально занимался художник И. К. Мрочковский и позднее Б. Н. Засыпкин (Засыпкин 1958: 104—108). Сам этот термин означает один из видов златотканной парчи. Особенность кундали в том, что детали орнамента наносятся из особо приготовленной глины в рельефе и затем либо рельеф покрывается позолотой, а фон цветной краской, либо наоборот. Ни в одном из памятников времени Темура кундали нет, но она представлена в росписях Ишратханы и Ак-Сарая и в дальнейшем применяется в постройках XVI в. (ханака Ходжи Зайнуddина, мечеть Балянд в Бухаре).

Автор интерпретации «Ишратхана» = «дворец Дилькуша» обходит молчанием прямое указание Бабура о том, что во дворце

этом были настенные картины на темы походов Темура в Индию (Бабур-наме 1958: 60). Между тем тщательное изучение декора Ишратханы И. К. Мрочковским и Б. Н. Засыпкин не выявило никаких следов тематических росписей в интерьерах — только орнаментальные мотивы. И это — еще один довод против отождествления этого мавзолея с дворцом. И, наконец, не может не вызвать удивления, что П. Захидов даже не упомянул о раскопках У. Алимова в том же районе холма, которые принесли открытие остатков дворца Дилькуша.

Согласно сведениям Шерефеддина Али Йезди, по повелению Темура был разбит обширный сад с регулярной планировкой участков и аллей, а посреди «основали трехэтажный дворец с высокими сводами и оформили всяческими украшениями, какие только могли чаровать человеческий взор. Он был выстроен прочно, на долгие времена, покрыт разнообразным убранством и окружен мраморной колоннадой, придававшей ему царственное величие» (пер. Е. Поляковой).

Местоположение холма, на котором велись раскопки отвечает данным письменных источников. Вскрытие же выявило остатки обширного здания из жженого кирпича, фрагменты мозаичного и живописного декора. Оно — продолговатое в плане с обширными сводчатыми входами по фасадам, в центре крестообразный зал, по обе стороны которого по четыре симметрично расположенных помещения. Вдоль фасадов располагались колонные террасы, от которых дошли мраморные фрагменты. Все в архитектуре этого здания отвечает задаче организации зала для царских приемов и богатых покоев, все дает убедительные основания к отождествлению его именно с дворцом Дилькуша. Уместно указать, что у Ишратханы никаких обводных колоннад нет. Таким образом Ишратхана по историческим, археологическим, архитектурным данным это не пригородный дворец Темура Дилькуша 1397 г., но мавзолей женщин и детей дома самаркандских темуридов, созданный в 1464 г. Мужским же мавзолеем был во второй половине XV в., Ак-Сарай, аналогичный по архитектуре, конструкциям и декору.

Абу-Тахир Ходжа. 1899. Самария (пер. В. Л. Вяткина) // Справочная книжка Самаркандской области VI. Самарканд.
Алимов, У. 1974. История садово-паркового хозяйства Самарканды XV в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент.
1984. Урта асларда Мавероунахрда бозчилик хузалоги тарихи. Ташкент.
Бабур-наме. 1958. Записки Бабура (пер. М. Салье). Ташкент.
Засыпкин, Б. Е. 1958. Декоративно-художественные элементы мавзолея Ишратхана // Мавзолей Ишратхана: 104—108.

Захидов, П. Ш. 1974. Дворец или мавзолей? // Строительство и архитектура Узбекистана 3: 32—34.
1996. Темур даврининг меморий кахкашони. Архитектурное созвездие Темура; Architecture glories of Temurs era: 69—77. Ташкент.
1996а. Урбанизм и архитектура // La Renaissance Temourides: 75—83. Tashkent.
Массон, М. Е. 1927. Ишрат-хана и фрагмент ее панели // В. В. Бартольд — Туркестанские друзья и почитатели. Ташкент.
Мавзолей. 1958. Мавзолей Ишрат-хана. Историко-археологический очерк. Ташкент.

- Пугаченкова, Г. А. 1957. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия CVII: 14—17. Ташкент.
1958. Архитектурная характеристика мавзолея Ишратхана // Мавзолей Ишратхана: 49—90.
1975. И все-таки мавзолей // Строительство и архитектура Узбекистана 12: 10—13.
- Golombek, L., D. Wilber.* 1988. *The Timuride Architecture of Iran and Turan.* Princeton: New-Jersey.
- O'Kane.* 1988. *Timurid Architecture in Khorassan.* Costa Mesa.
- Пугаченкова Г. А. 1963. Ishrat Khaneh and Ak-Saray two mausoleums in Samarkand. *Ars Orientalis*: 177—180.
1981. *Chef'd-Ouvres d'architecture de l'Asie XIV—XV siècle.* Les Presse de l'UNESKO: 170—180. Paris.

'ISHRAT-KHANEH AND DILKUSH'S PALACE REVISITED

G. A. PUGACHENKOVA

The author returns to the problem of interpretation of the 'Ishrat-Khaneh mausoleum in Samarkand dating to the Timurid period. For there is another point of view supported by P. Zakhidov who identifies this mausoleum with

Dilkush's palace. In this paper, the unfoundedness of such an identification and the validity of the original interpretation of the site as a mausoleum are discussed in detail.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

О СООТНОШЕНИИ ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ОРУДИЙ ТРУДА НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ¹

Вопрос корреляции морфологических типов нижне- и среднепалеолитических орудий и их функций, издавна привлекавший к себе внимание исследователей, не потерял своей актуальности и в наше время. Причина этому заключается в том, что с ним связано решение других важных и более общих вопросов таких как развитие хозяйства, формирование культурных традиций и сложение социальной организации людей на начальных этапах становления человеческого общества. В конкретно научном плане он имеет прямое отношение к интерпретации (культурной, хозяйственной, адаптивной) повсеместно выявившихся технико-типологических различий инвентаря стоянок нижнего и среднего палеолита, достоверность которой в немалой степени зависит именно от полноты наших представлений о былых функциях и процессах формообразования разных морфологических категорий древнейших каменных орудий.

Сейчас технико-типологическое своеобразие археологических комплексов нижнего и среднего палеолита трактуется по-разному. Существует, в частности, давно высказанное мнение, обоснованное прежде всего Ф. Бордом, согласно которому большинство разновидностей, например, мустьерских индустрий, больше известных и лучше изученных, по сравнению с ашельскими и доашельскими индустриями, имеет культурное происхождение. При этом не исключается, что некоторые технико-типологические признаки инвентаря стоянок были

обусловлены преобладанием на них той или иной производственной деятельности (Bordes 1953; 1961; 1981; Bordes et de Sonneville-Bordes 1970). Ф. Борд основывался на допущении, отчасти подкрепленном этнографическими наблюдениями и экспериментами по изготовлению и использованию моделей каменных орудий, что палеолитические орудия, в том числе и самые древние, изготавливались и функционировали по тем же общим законам, что и современные орудия или орудия сравнительно недавнего времени (Bordes 1961; 1967). Исследователь неоднократно возвращался к проблеме объяснения причин различий орудий на стоянках и отстаивал свою позицию перед своим главным оппонентом Л. Бинфордом, предложившим объяснять вариабельность мустьерских комплексов не культурными традициями изготовления тех или иных типов орудий, а исключительно функциональными различиями стоянок (Binford and Binford 1966). Построения этого исследователя целиком базируются на функциональных оценках орудий, хотя он специально не исследовал эти последние, а лишь приписывает им совершенно произвольно те или иные функции. Исследователь в своих выводах исходит из этнографических наблюдений. Поэтому не удивительно, что общие заключения Л. Бинфорда и его последователей, касающиеся, например, распознавания в инвентаре стоянок функционально связанных групп орудий, как бы отражающих разные виды деятельности людей, подразделе-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

ния на этой основе стоянок на базовые лагеря, рабочие лагеря и временные лагеря, равно как и социально-производственного уклада мустьерских охотников, не могут не представляться мало убедительными.

Популярна, прежде всего на Западе, еще одна, надо сказать, совсем не новая точка зрения, объясняющая технико-типологическое разнообразие нижне- и среднепалеолитических индустрий опять же не культурными, а природными (адаптивно-экологическими) факторами, в частности, наличием или отсутствием подходящего каменного сырья для орудий и предполагаемой высокой изменчивостью форм каменных орудий в процессе их изготовления и использования (Саен 1985). В основе этой точки зрения лежит спорное общее соображение о якобы очень неразвитых технических способностях и потребностях архантропов и палеоантропов и, следовательно, о весьма низком уровне развития культуры, примитивности и полифункциональности орудий в нижнем и среднем палеолите.

Для подтверждения той или иной из отмеченных точек зрения несомненно важную роль могли бы сыграть сведения о конкретных функциях орудий из инвентаря стоянок. Однако они остаются малоизвестными и практически не принимаются в расчет. Одни исследователи просто принимают на веру, что форма и функции палеолитических орудий были достаточно связаны. Другие из них, скорее солидарны с С. А. Семеновым, полагавшим, что древнейшие палеолитические орудия разной формы «использовались для одних и тех же операций и, наоборот, при одинаковой форме — они имели разные функции» (Семенов 1968: 4—5).

Такие различия в оценке функций нижне-среднепалеолитических орудий в общем-то не удивительны, если не обращаться к их специальному изучению. Эти орудия несомненно своеобразны. Их зачастую трудно определить, сравнивая с орудиями труда более поздних исторических эпох. Им свойственна нестандартность обработки и, как следствие этого, большое разнообразие форм. При анализе далеко не всегда сразу ясно, какие из морфологических признаков орудий являются функциональными, а какие образовались на них вследствие случайных причин или, напротив, будучи неслучайными, могут нести, скорее, стилистическую нагрузку, отражая, тем самым, те или иные традиции обработки камня и оформления орудий. Иначе говоря, внешний облик этих орудий, за редким исключением, почти ничего не говорит об их функциональном назначении, которое может быть истолковано в самых широких пределах.

Таким образом, очевидно, что орудия нижнего и среднего палеолита нельзя понять в полной мере без специального функционального

анализа и соответствующей смысловой оценки их морфологических признаков на основе анализа следов использования на этих орудиях. При этом кажется несомненным, что функциональному изучению должен предшествовать морфологический анализ орудий, чтобы установить являются ли они законченными и сохранились ли в первоначальном виде. Иначе говоря, необходимо, по возможности, распознать и отложить в сторону незаконченные, сломанные и переделанные (переоформленные) орудия. Конечно, это непростая и не всегда полностью выполнимая процедура, но она необходима. Незаконченное состояние лучше прослеживается у двустороннеобработанных орудий, имеющих относительно сложную технологию изготовления, а именно у ручных рубил, ножей, наконечников копий (дротиков) и некоторых других. Для большинства орудий на отщепах и пластинах (остроконечников, скребел и других) трудно допустить существование технологически переходных или незаконченных форм. Эти орудия изготавливались по мере необходимости и сразу в законченном виде, хотя одни из них бывают изготовлены лучше, другие — хуже. Отличить целые и сломанные орудия также не составляет большого труда. Орудия ломались как в процессе изготовления, так и при использовании в работе. Но и в том, и в другом случаях на них имеются характерные отличительные признаки. Надо сказать, что сейчас особенно подробно изучены следы поломок и повреждений каменных орудий, служивших наконечниками метательного оружия (Fischer et al. 1984; Geneste et Plisson 1986; Geneste and Plisson 1993; Plisson, Geneste 1989; Shea 1988; 1993; Ščelinskij 1994). Однако надо иметь в виду, что сломанные орудия очень часто использовались повторно и при этом, в той или иной мере, переделывались в другие орудия. В этих случаях новое орудие непреднамеренно приобретало усложненную форму за счет сохранения на нем некоторых морфологических элементов первоначального орудия. Анализировать такие орудия довольно сложно. Столь же затруднительно бывает распознать другие переделанные или переоформленные орудия, так как объективных признаков для их выделения немного. Последние, пожалуй, ограничиваются лишь неодинаковой патиной и разным блеском на поверхности орудий, указывающими на неоднократную их обработку. Таких орудий может быть больше в пещерных археологических комплексах. Обитая в пещерах, палеолитические люди вынуждены были из-за нехватки каменного сырья для орудий повторно использовать старые каменные орудия, которые они находили на полу пещер. На это одним из первых обратил внимание С. А. Семенов, изучая мустьерские орудия из Малой Воронцовской пещеры на Северо-Западном

Кавказе (Semenov 1970). По С. А. Семенову, орудия из этой пещеры представляют собой лишь «огрызки» от былых орудий. Их первоначальная и конечная форма во многом отличаются одна от другой. И все это было следствием того, что «от долгого употребления рабочие края орудия затуплялись, неоднократно подправлялись ретушью, пока орудие не переставало эффективно использоваться для какой-то одной цели, после чего его переключали на другую, отличающуюся по кинематике» (Семенов 1972: 20). Интересно, что эти мысли, высказанные С. А. Семеновым 30 лет назад, сейчас повторяют, разумеется, в чем-то дополняя их и по-своему аргументируя, ряд западных исследователей, например, Н. Роллан, Х. Дибль и другие (Rollan 1977; 1981; 1988; Dibble 1984; 1988). Нарисованная С. А. Семеновым картина постепенной трансформации в ходе использования мустьерских орудий Малой Воронцовской пещеры от одних форм к другим формам нам кажется не совсем правдоподобной и, конечно, не может быть перенесена на все орудия нижнего и среднего палеолита.

Не вызывает сомнений, что использование орудий приводило к их затуплению и, вследствие этого, к необходимости подправки или дополнительной обработки с целью нового заострения для дальнейшего эффективного использования. При этом, как мы теперь хорошо знаем, по экспериментальным данным, скорость затупления и, следовательно, частота и характер дополнительной обработки у разных орудий были различными и прямо зависели оттого, какие функции выполнялись орудиями. Медленно и малозаметно изнашивались орудия, служившие для резания мяса, шкур и других мягких материалов. Причем, и это самое главное, подправка этих орудий не требовала сколько-нибудь заметного преобразования их лезвий. От края лезвия орудия достаточно было снять две-три маленьких чешуйки, чтобы орудие вновь стало пригодным для эффективного использования. Несколько быстрее и внешне достаточно выражено затуплялись при использовании каменные орудия (из кремня ли, или других пород камня), которыми рубили, тесали и скоблили твердые материалы такие как дерево, кость и рог. Рабочие лезвия их не только истирались, но и выкрашивались и нередко ломались. Для нового заострения таких орудий требовалась более значительная дополнительная обработка, которая при неоднократном повторении существенно изменяла первоначальный вид лезвий и орудий в целом. Таким образом, в отношении прежде всего этих орудий мы имеем некоторые основания думать, что они могли быть изменчивыми в плане формы. Весьма вероятно, что для работы по твердым материалам первоначально брались орудия в виде простых отщепов и

пластин, которые от использования и периодических ретушных подправок постепенно преобразовывались в более сложные по форме орудия, например, в отщепы и пластины с ретушью, простые и двойные скребла, зубчатые и выемчатые орудия. Мы приводим здесь эти сведения только для того, чтобы лишний раз обратить внимание на то, что объективных, а именно производственных причин, приводящих к трансформации одних форм орудий в другие формы орудий, в частности, от простых к сложным, в нижнем и среднем палеолите было, по-видимому, не так уж и много. Конечно, нельзя исключать полностью того, что в особенно неблагоприятных условиях жизни людей, при полном дефиците каменного сырья (теоретически это мало вероятно), преобразование форм орудий в процессе использования могло быть значительным.

Об ограниченности переработки одних орудий в другие орудия свидетельствует и тот неоспоримый факт, что в составе каменного инвентаря стоянок нижнего и среднего палеолита имеется немало хорошо сохранившихся орудий. При этом, как показывают исследования, многие из них пригодны для функционального изучения на основе трасологического анализа.

Надо сказать, что метод трасологического изучения функций орудий из археологических комплексов, в разработке которого исключительно важную роль сыграли исследования С. А. Семенова (Семенов 1940, 1940а; 1941; 1950; 1954; 1957), сейчас находится на достаточно высоком уровне развития и успешно применяется в комплексных исследованиях археологических коллекций, относящихся к самым разным историческим эпохам. Свой вклад в совершенствование этого метода внесли многие исследователи, нередко акцентирующие внимание на разных аспектах следов использования орудий (Семенов, Щелинский 1971; Щелинский 1974; 1977; 1983; 1987; 1988; 1991; 1992; 1994 г; celinskij 1994; Коробкова 1978; 1987; Korobkova 1981; 1993; Коробкова и др. 1982; Коробкова, Щелинский 1971; 1996; Keeley 1976; 1977; 1980; Keeley and Newcomer 1977; Newcomer 1979; Newcomer et al. 1986; Anderson 1980; Anderson-Gerfaud 1981; 1986; 1988; Beyries 1981; 1982; 1984; Beyries and Boeda 1983; Moss 1983, 1983a; 1986; Moss and Newcomer 1982; Plisson 1982; 1985; 1986, 1986a; 1988; Vaughan 1986; Tringham et al. 1974; Odell 1975; 1977; 1981; Mansur-Francomme 1983; 1986; Kamminga 1979; Gysels and Cahen 1982; Unger-Hamilton 1985; Levi-Sala 1986; 1988; Roy 1982). Вследствие этого сегодня трасологический метод в археологии приобрел синтетическое содержание и является довольно эффективным методом в функциональных исследованиях первобытных орудий труда. При этом, в зависимости от целей исследований, с помощью его можно получить функциональ-

ную информацию об орудиях разного уровня. Например, обращая преимущественное внимание на макроскопические следы использования (сильное истирание, пришлифовка, выкрошенность, забитость, обломы лезвия) можно констатировать применение орудий для тех или иных работ по твердым материалам, хотя и без точного определения самих этих материалов. Такой объем функциональной информации нередко бывает вполне достаточным для предварительной функциональной интерпретации орудий. Анализ микроскопических следов использования, особенно заполировки и линейных следов, позволяет составить более детальное представление об обрабатывавшихся орудиями материалах.

Функционально-трасологические исследования древнейших орудий труда имеют свою специфику и, пожалуй, особенно трудоемки. Поэтому они пока не получили такого широкого размаха как, скажем, исследования такого рода коллекций верхнего палеолита и неолита. Тем не менее в настоящее время, благодаря исследованиям С. А. Семенова, Л. Кили, П. Андерсон, С. Берие, Ю. Плиссона, Дж. Ши, Г. Казаряна (Семенов 1961; 1966; 1972; Ерицян, Семенов 1971; Праслов, Семенов 1969; Keeley 1977; 1980; Keeley and Toth 1981; Anderson 1980a; Anderson-Gerfaud and Helmer 1987; Beyries 1984; 1986; 1987, 1987a; Beyries and Roch 1982; Thieme und Veil 1985; Veil u. a. 1994; Shea 1988; 1993; Kazaryan 1993; Frame 1988), а также нашим исследованиям (Щелинский 1974; 1975; 1981, 1981a; 1983; 1990; 1992; 1994, 1994a, 1994b, 1994в; Ščelinskij 1993; Ниорадзе, Щелинский 1990), мы располагаем все же значительной и интересной информацией о твердо установленных

функциях довольно большого количества орудий из инвентаря нижне- и среднепалеолитических стоянок, находящихся в разных географических регионах. В частности, нами были изучены достаточно крупные выборочные или полные коллекции орудий пяти пещерных стоянок, находящихся на Кавказе (Азых, Таглар, Ереванская, Сакажиа, Монашеская), трех стоянок с территории Русской равнины (Кетросы, Носово I, Сухая Мечетка) и ряда других менее крупных местонахождений. Выборочные коллекции орудий из целого ряда стоянок Западной и Центральной Европы, Кавказа, Передней Азии и Африки были изучены нашими зарубежными коллегами.

Что же нового дает эта информация для понимания характера связей между изготовлением (оформлением) и использованием древнейших палеолитических орудий труда? Суммируя имеющиеся сведения, можно сделать некоторые заключения.

Прежде всего выяснилось, что нижнепалеолитические и среднепалеолитические орудия имели весьма многочисленные производственные функции. С помощью этих орудий рубили, обтесывали, долбили, раскалывали, резали, строгали, пилили, скоблили, сверлили, прокалывали. Разнообразны и материалы, освоенные посредством орудий. Среди них: камень, дерево, кость (рог), шкуры, мясо, травянистые растения (см. табл. 1—9). В этом отношении древнейшие орудия, в сущности, ничем не отличаются от каменных орудий верхнего палеолита и более позднего времени (Щелинский 1974; 1983: 117—118; 1994), хотя механизм их формообразования и использования был несколько иным.

Таблица 1. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из пещеры Азых, слой V (ашель).

Table 1. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Azykh cave, layer V (Acheulian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий								Количество орудий
	Мясные ножи	Скребки для шкур	Проколки	Рубящие орудия	Ножи для дерева (кости, рога)	Скребки для дерева (кости, рога)	Сверла	Орудия с двумя-тремя функциями	
Чоперы				7				2	9
Чопинги				2				2	5
Многогранник		1						1	1
Рубила	2							1	3
Бифасы	4			3			2	1	10
Остроконечник	1		1						1
Угловатые скребла	2		1					5	9
Диагональные скребла	1	1							4
Поперечные скребла		1						4	7
Двойные скребла	3				4				2
Простые скребла	3	5						7	14
Зубчатые орудия		1	2					2	10
Выемчатые орудия								2	2
Скребок		1	2						1
Проколки			1						2
Сколы с ретушью	3	7			1	1		1	18
Ординарные и технологические отщепы	10	1	3	1	4	4		2	21
Всего	30	18	9	13	11	6	2	30	119

Общее количество изделий в изученной коллекции — 280 предметов.

Таблица 2. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из пещеры Таглар, слой II (мустье).

Table 2. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Taglar cave, layer II (Mousterian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий							Количество орудий	
	Наконечники копий	Мясные ножи	Скребки для шкур	Проколки	Ножи для дерева (кости, рога)	Скребки для дерева (кости, рога)	Сверла		Орудия с двумя-тремя функциями
Остроконечники (мустьерские и леваллуазские)	5	9		1				4	19
Угловатые скребла		31		20		2	4	9	66
Диагональные скребла		2	2						4
Поперечное скребло		1							1
Двойные скребла		3			1	2		5	11
Простые скребла		13	3	1	5		3	4	29
Зубчатые орудия		1	1		1	2			5
Выемчатые орудия						3			3
Отщепы с подгеской		1						1	2
Скребки			1			2			3
Сколы с ретушью		9	7	3	5	6		4	34
Фрагменты орудий		4	5		7	1			17
Леваллуазские сколы		24	14	5	15	2		8	68
Ординарные и технологические отщепы		14	3	6	3	10		1	37
Нуклеус			1						1
Всего	5	112	37	36	37	30	7	36	300
Общее количество изделий в изученной коллекции — 1030 предметов									

Таблица 3. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из пещеры Таглар, слой VI (мустье).

Table 3. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Taglar cave, layer VI (Mousterian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий							Количество орудий	
	Мясные ножи	Скребки для шкур	Проколки	Ножи для дерева (кости, рога)	Скребки для дерева (кости, рога)	Рубящие орудия	Орудия с двумя-тремя функциями		
Остроконечники (мустьерские и леваллуазские)		1	1	1			4	7	
Конвергентное скребло							1	1	
Угловатое скребло	1							1	
Диагональные скребла				1			1	2	
Двойные скребла	1	1		1	2			5	
Простые скребла							5	5	
Зубчатое орудие	1						1	1	
Комбинированные орудия							2	2	
Сколы с ретушью	2	2		1	1			6	
Бифасы	2							2	
Чоппинг						1		1	
Леваллуазские сколы	5			2				7	
Ординарные и технологические отщепы	3			1			2	6	
Нуклеус						1		1	
Всего	14	4	1	7	3	2	19	50	
Общее количество изделий в изученной коллекции — 130 предметов									

Таблица 4. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из пещеры Сакажиа, слой IIIa (мустье).
Table 4. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Skajia cave, layer IIIa (Mousterian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий							Количество орудий
	Мясные ножи	Скребки для шкур	Проколки	Ножи для дерева (кости, рога)	Скребки для дерева (кости, рога)	Сверла	Орудия с двумя-тремя функциями	
Остроконечники (мустьерские и леваллуазские)	2					1	1	4
Угловатые скребла	4	1	3	1			1	10
Диагональные скребла				2	1			3
Поперечное скребло							1	1
Простые скребла	6	1		1	5	2	2	17
Выемчатые орудия				2	6			8
Пластина с подтеской	1							1
Скребки		1			1			2
Проколка			1					1
Долотовидное орудие		1						1
Сколы с ретушью	3	2	1	1	12		2	21
Леваллуазские сколы	8	2	1	9	2			22
Ординарные отщепы	1	3		1	6	1		12
Реберчатая пластина					1			1
Всего	25	11	6	17	34	4	7	104

Общее количество изделий в изученной коллекции — 735 предметов

Таблица 5. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из Монашеской пещеры (мустье).

Table 5. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Monasheskaya cave (Mousterian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий					Количество орудий
	Скребки для шкур	Проколки	Ножи для дерева (кости, рога)	Скребки для дерева (кости, рога)	Орудия с двумя-тремя функциями	
Конвергентные скребла	2					2
Угловатые скребла		1		1	4	6
Диагональные скребла			1	1		2
Простые скребла				7	2	9
Скребки	3					3
Отщепы с ретушью		1		6	1	8
Ординарные отщепы					3	3
Всего	5	2	1	15	10	33

Общее количество изделий в изученной коллекции — 131 предмет

Таблица 6. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из Кетросы (мустье).

Table 6. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Ketrosy (Mousterian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий					Количество орудий
	Мясные ножи	Скребки для шкур	Проколки	Ножи для дерева (кости, рога)	Скребки для дерева (кости, рога)	
Остроконечники (мустьерские и леваллуазские)	6					6
Двойное скребло					1	1
Поперечные скребла	1					1
Скребла с утонченным обушком	2					2
Простые скребла	9			1	3	13
Отщеп с подтеской	1					1
Зубчатое орудие			1			1
Выемчатые орудия	2	3			2	7
Скребок	1					1
Проколки			3			3
Орудия с резцовым сколом			2			2
Раклет					1	1
Отщепы с ретушью	1		1			2
Леваллуазские сколы	13					13
Ординарные отщепы	7				2	9
Всего	43	3	7	1	10	64

Общее количество изделий в изученной коллекции — 164 предмета

Таблица 7. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из Носово I (мустье).

Table 7. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Nosovo I (Mousterian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий					Количество орудий
	Мясные ножи	Скребки для шкур	Проколки	Скребки для дерева (кости, рога)	Орудия с двумя-тремя функциями	
Мустьерские острокопечники	1				1	2
Угловатые скребла	1	3				4
Диагональные скребла		5				5
Поперечное скребло					1	1
Простые скребла	3	1		2		6
Сколы с ретушью	2	2	1	1		6
Леваллуазские сколы		1				1
Ординарные отщепы	1	3	1			5
Бифасы		2				2
Всего	8	17	2	3	2	32
Общее количество изделий в изученной коллекции — 446 предметов						

Таблица 8. Морфологические типы и функции орудий со следами использования из Сухой Мечетки (мустье).

Table 8. Morphological types and functions of tools with use-wear traces from Sukhaya Mechetka (Mousterian).

Технико-типологические подразделения изделий со следами использования	Функции орудий					Количество орудий
	Мясные ножи	Скребки для шкур	Проколки	Скребки для дерева (кости, рога)	Орудия с двумя-тремя функциями	
Мустьерские острокопечники	4		3			7
Конвергентное скребло	1					1
Угловатые скребла	7		2		2	11
Диагональные скребла	1					1
Поперечное скребло		1				1
Простые скребла	14	2		2	1	19
Зубчатое орудие	1					1
Отщеп с ретушью	1					1
Всего	29	3	5	2	3	42
Общее количество изделий в изученной коллекции — 220 предметов						

Таблица 9. Общие соотношения морфологических типов и функций орудий со следами использования из различных стоянок нижнего и среднего палеолита.

Table 9. Common correlations morphological types and functions of tools with use-wear traces from different sites of Lower and Middle Palaeolithic.

Функции орудий	Типы изделий															
	Рубящие орудия для мяса	Рубящие орудия для дерева (кости, рога)		Раскалывающие орудия	Мясные ножи	Ножи для шкур	Ножи для дерева (кости, рога)	Ножи для травянистых растений	Пилы	Сверла	Скребки для дерева (кости, рога)	Скребки для шкур	Проколки	Ретушер	Наконечники копий	Орудия с двумя-тремя функциями
Чопперы и чоппинги (24)	5	15	5													
Рубила (13)			5													
Асимметричные бифасы (74)				5	15	30	60									
Остроконечники (46)				5	15	30	60									
Скребла конвергентные (12)																
Скребла угловатые (117)				5	15	30	60									
Скребла диагональные (18)																
Скребла поперечные (34)																
Скребла двойные (24)																
Скребла простые (135)				5	15	30	60									
Зубчатые орудия (85)																
Выемчатые орудия (32)																
Отщепы и пластины с ретушью (100)				5	15	30	60									
Леваллуазские отщепы и пластины (96)				5	15	30	60									
Ординарные отщепы и пластины (165)				5	15	30	60									

Сейчас, похоже, не вызывает сомнений, что наиболее древние нижнепалеолитические орудия в массе своей практически не оформлялись. Независимо от функции, они представляли собой простые отщепы. Эти отщепы перед использованием в качестве орудий труда не подвергались или почти не подвергались дополнительной обработке. В лучшем случае, мог иметь место отбор среди продуктов расщепления таких отщепов, форма которых лучше всего подходила для той или иной функции. Такой отбор сколов, использовавшихся в качестве готовых орудий, широко практиковался и в среднем палеолите, и, судя

по всему, не утратил полностью своего значения также в более поздние эпохи каменного века. Орудия в виде простых отщепов, как показал анализ, были полифункциональными (см. табл. 1—7; 9). По мере использования прежде всего для работы по твердым материалам (дереву, кости, рогу) и периодических ретушных подправок они могли трансформироваться в более сложные по форме орудия. Именно так могли возникать некоторые орудия, которые по морфологическим признакам определяются при классификации как отщепы и пластины с ретушью, зубчатые орудия, простые скребла, двойные скребла, поперечные

скребла, диагональные скребла. Названные орудия также были полифункциональными и применялись для разных операций и по разным материалам (см. табл. 1—9).

Однако уже в нижнепалеолитических коллекциях, наряду с многочисленными полифункциональными орудиями, представлены и до некоторой степени специализированные орудия, применявшиеся для работы в одной-двух близких по кинематике функциях. Производство этих орудий имело сравнительно сложную технологию. Они сразу же изготавливались в той или иной форме и, в отличие от других орудий, мало видоизменялись в процессе их онтогенеза. Наиболее ранними из таких орудий были галечные орудия в виде чопперов и чоппингов и различные ручные рубила. Надо думать, это были формы орудий, закрепленные многовековыми традициями обработки камня, чему в немалой степени способствовала регулярная повторяемость определенных видов хозяйственно-производственной деятельности людей, осуществляемых этими орудиями. Чопперы и чоппинги были рубящими орудиями (см. табл. 1; 9). Они предназначались преимущественно для работ по дереву (кости, рогу). При этом с помощью их названные материалы не только раскалывались (например, кости раскалывались для извлечения мозга), но и обрабатывались с целью производства других орудий труда, например, деревянных и роговых отбойников по камню, охотничьего вооружения (рогатин, копий, дубин) и орудий для собирательства (палок для копания земли). Чопперы и чоппинги применялись также для расчленения туш животных. Ручные рубила, напротив, изготавливались главным образом как мясные ножи, хотя спорадически они использовались и для других функций (см. табл. 1; 9). Рубила были орудиями длительного пользования и при затуплении подправлялись нередко специальными приемами, например, такими как снятие «tranchet blows» и подтеской дистального конца орудия.

В среднепалеолитических комплексах мы видим новые категории орудий, за которыми, как показывает трасологический анализ, были закреплены определенные функции. Среди них выделяются двустороннеобработанные листовидные и треугольные острия, асимметричные бифасы, нередко с обушком, остроконечники, некоторые категории скребел, выемчатые орудия и леваллуазские сколы.

Двустороннеобработанные листовидные и треугольные острия имели две связанные между собой функции. Прежде всего, они были особыми остроконечными мясными ножами, а иногда и кинжалами. Одновременно эти острия служили наконечниками копий. В том и другом случае они являлись частью охотничьего вооружения среднепалеолитичес-

ких охотников. Весьма сходные функции специальных мясных ножей и наконечников дистанционного оружия имели и орудия в виде остроконечников, изготовлявшихся на сколах без бифасиальной обработки (собственно мустьерская и леваллуазская категории такого рода орудий) (см. табл. 1; 2; 4; 6—9). Трасологические данные позволяют рассматривать эти остроконечники почти полными функциональными аналогами двустороннеобработанных листовидных и треугольных острий.

Асимметричные бифасы среднепалеолитических стоянок изготавливались в сущности только для одной функции. Они были ножами, причем в основном мясными ножами (см. табл. 9). Как и ручные рубила, эти ножи предназначались для длительного пользования. Затупившиеся от работы орудия подправлялись дополнительной ретушью, а также снятием плоских продольных или диагональных сколов, например, так, как это делалось на ножах типа прондник, что обеспечивало периодическое подновление их изношенных лезвий.

Орудия из группы скребел, как отмечалось, в основном определяются как полифункциональные орудия. Исключением являются, пожалуй, лишь угловатые скребла. Внешне эти орудия похожи на остроконечники, отличаясь от последних лишь асимметрией формы и нередко более мелкими размерами. Довольно сходны, как оказалось, обе категории орудий и по одной ведущей для них функции. В массе своей угловатые скребла были мясными разделочными ножами. Однако, в отличие от остроконечников, они, за редким исключением, не применялись в качестве наконечников копий, но весьма часто выполняли функцию проколов (см. табл. 1—5; 8; 9).

Выявившаяся функциональная стабильность выемчатых орудий в общем-то не удивительна, поскольку использование этих орудий лимитировалось их формой. Орудия с выемчатым лезвием изготавливались главным образом в качестве особых скребков и строгальных ножей для дерева (кости, рога) (см. табл. 2; 4; 9).

Леваллуазские сколы специально изготавливались как готовые орудия, конкретное функциональное назначение которых определялось их заданной формой. Леваллуазские остроконечники чаще всего были особыми мясными ножами и наконечниками копий. Отщепы и пластины леваллуазских типов использовались как ножи для работы по разным материалам. Особенно часто они служили мясными ножами (см. табл. 2—4; 6; 9).

Надо отметить, что в инвентаре среднепалеолитических стоянок, наряду с обычными категориями специализированных орудий, обнаруживаются и другие намеренно оформленные орудия. Однако это были единичные, не-

серийные орудия оригинальной формы. Такие орудия изготавливались спорадически по мере необходимости для выполнения каких-то определенных видов работ, не получивших, однако, широкого распространения в производственной практике среднепалеолитических людей.

Таким образом, есть все основания полагать, что орудия нижнего и среднего палеолита не были примитивными и исключительно полифункциональными, как их часто безосновательно оценивают. Они, вне всякого сомнения, изготавливались вполне целенаправленно. При этом нередко изготавливались специализированные легко подновляемые подправкой орудия длительного пользования, предназначенные для одной или двух близких функций. Основной побудительной причиной изготовления таких орудий, надо думать, была целиком осознанная потребность эффективно выполнять с помощью их конкретные виды работ, которые были более или менее постоянными. Тем самым, не подтверждается мнение о том, что древнейшие орудия намеренно изготавливались как полифункциональные и лишь постепенно они были заменены, в порядке разделения функций, орудиями специального назначения (Bordes 1967: 41; Семенов 1968: 153). Прав был В. П. Алексеев, писавший, что «уже на заре орудийной деятельности мы сталкиваемся с разнообразием форм орудий, отражающим и их функциональное разнообразие, этим полностью опровергаются традиционные утверждения, согласно которым переход от ранних эпох палеолита к более поздним представлял собой путь эволюции от единичного орудия — шелльского рубила — к орудиям нескольких разнообразных форм» (Алексеев 1984: 147). Специализированные орудия хорошо распознаются, несмотря на полифункциональный фон нередко многих орудий в инвентаре стоянок. В этой связи важно отметить, что фиксируемую трасологическим анализом полифункциональность орудий на стоянках было бы неправильно понимать однозначно. Она должна быть предметом особого исследования, так как могла иметь разное происхождение. Дело в том, что одни орудия на стоянках были действительно полифункциональными. Они с момента изготовления использовались то для одних, то для других производственных операций и при этом зачастую видоизменялись в результате дополнительной обработки при смене использования. Другие же орудия оказывались полифункциональными, как бы непреднамеренно, вследствие ситуационного их использования в качестве подручных орудий. На это указывают факты, когда, например, на использованных по назначению и изношенных двустороннеобработанных наконечниках копий или асимметричных

обушковых ножах обнаруживаются также следы использования от скобления шкур или дерева. Использование специальных орудий не по назначению для других производственных операций легко объясняется прежде всего сравнительной простотой многих из этих операций. Известно, что, например, для таких наиболее распространенных в палеолите производственных операций как скобление дерева (кости, рога) и обработка шкур животных были пригодны самые разные сколы и орудия любой формы. Надо также иметь в виду, что характер использования орудий во многом зависел также от типа стоянок и структуры осуществлявшейся на них деятельности людей. Так, орудий со следами использования от разных операций обычно много на относительно долговременных стоянках, особенно если эти стоянки располагались в пещерах (например, Азых, слой V, см. табл. 1; Таглар, слои II и VI, см. табл. 2 и 3; Сакажия, слой IIIa, см. табл. 4; Монашеская, см. табл. 5). Многочисленны такие орудия и на специализированных стоянках, на которых превалировал какой-то один вид производственной деятельности (например, Носово I, служившая местом для заготовки шкур животных, см. табл. 7). На кратковременных стоянках, на которых производственная деятельность была довольно ограниченной, напротив, использование орудий было менее интенсивным и в их инвентаре преобладают монофункциональные орудия (например, Кетросы, см. табл. 6 и Сухая Мечетка, см. табл. 8).

Выявление в инвентаре стоянок нижнего и среднего палеолита специализированных категорий орудий имеет, прежде всего, важное теоретическое значение, так как вносит новое в наши представления о процессах формообразования древнейших орудий, указывая, в частности, на вполне развитую психику как палеоантропов, так и архантропов. Новая информация важна также в методическом отношении в плане изучения археологических коллекций стоянок. Здесь нам хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, поскольку мы теперь приблизительно знаем функциональное назначение основных и часто встречающихся технико-типологических категорий ниже- и среднепалеолитических орудий, мы впервые получаем возможность использовать эти сведения для предварительной функциональной интерпретации орудийных наборов стоянок нижнего и среднего палеолита, не прибегая к функционально-трасологическому анализу орудий. Во-вторых, становится совершенно очевидным, что специализированные орудия, с одной стороны, и большинство полифункциональных орудий, с другой стороны, являются изделиями разного уровня сложности и морфологической целостности. Вслед-

ствие этого они закономерно содержат в себе неодинаковый объем типологической (стилистической) информации, не связанной непосредственно с технологическими требованиями их изготовления и использованием. В этом отношении особое положение занимают специализированные орудия. Как технологически сложные изделия, они несут отпечаток не только

способов и приемов изготовления, функционального назначения и конкретного использования, но и наиболее отчетливые нормативные признаки, свойственные традициям тех или иных сообществ людей. Поэтому при типологических и культурологических разработках именно эти орудия заслуживают особого внимания.

- Алексеев, В. П. 1984. Становление человека. Москва: Наука.
- Ерицян, Б. Г., С. А. Семенов. 1971. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван» // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 126: 32—36.
- Коробкова, Г. Ф. 1978. Трасологическое изучение мезолитических орудий и разработка экспериментальных эталонов // Археологические открытия 1977 года: 465—466. Москва: Наука.
1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельско-скотоводческих обществ юга СССР. Ленинград: Наука.
- Коробкова, Г. Ф., Н. Н. Скаун, Т. А. Шаровская. 1982. Определение функций каменных орудий по макропризнакам // International association on quaternary research. XI Конгресс 3: 173—174. Москва: Наука.
- Коробкова, Г. Ф., В. Е. Щелинский. 1971. Работы Оредежского опытного археологического отряда // Археологические открытия 1970 года: 331—332. Москва: Наука.
1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 1. Санкт-Петербург.
- Ниорадзе, М. Г., В. Е. Щелинский. 1990. Трасолого-функциональное изучение каменных изделий первого мустьерского слоя пещеры Сакажиа (Западная Грузия) // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий: 61—73. Тбилиси: Мецниереба.
- Праслов, Н. Д., С. А. Семенов. 1969. О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 117: 13—21.
- Семенов, С. А. 1940. Изучение следов работы на каменных орудиях // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 4: 21—26.
- 1940а. Результаты исследования поверхности каменных орудий // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода 6—7: 110—113. Москва.
1941. Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений // Материалы и исследования по археологии СССР 2: 203—211. Москва: АН СССР.
1950. Изучение функций палеолитических орудий по следам работы // Материалы по четвертичному периоду СССР 2: 159—165. Москва-Ленинград.
1954. Древнейшие каменные серпы // Советская археология 21: 355—367.
1957. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // Материалы и исследования по археологии СССР 54. Москва-Ленинград.
1961. Следы работы на орудиях и доказательство работы неандертальцев правой рукой (По материалам со Сталинградской стоянки) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 84: 12—18.
1966. Трасологическое изучение орудий древнего палеолита // Доклады и сообщения археологов СССР (на VII Международном Конгрессе доисториков и протодисториков. Прага, 1966): 18—26. Москва.
1968. Развитие техники в каменном веке. Ленинград: Наука.
1972. О следах работы на мустьерских орудиях из Воронцовской пещеры // Материалы и исследования по археологии СССР 185: 20—24.
- Семенов, С. А., В. Е. Щелинский. 1971. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // Советская археология 1: 19—29.
- Щелинский, В. Е. 1974. Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1975. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 141: 51—57.
1977. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы: 182—196. Ленинград: Наука.
1981. Следы от работы на кремневых орудиях из местонахождений Хрящи и Михайловское // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 165: 63—67.
- 1981а. Виды использования каменных орудий из мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре: 53—58. Москва: Наука.
1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита: 72—133. Ленинград: Наука.
1987. Трасологические признаки функций на каменных орудиях нижнепалеолитических типов (Данные экспериментов) // Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987): 294—295. Москва.
1988. Трасология и определение функционального назначения каменных орудий мустьерской эпохи (Вопросы методики и процедуры исследования) // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Тезисы докладов: 50—51. Ленинград.
1991. Изучение функций орудий нижнего палеолита Предкавказья (методический аспект) // Древности Кубани (Материалы научно-практической конференции): 103—106. Краснодар.
1992. Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // Вопросы археологии Адыгеи: 194—209. Майкоп.
- 1992а. Орудия труда архантропов из пещеры Азых (Азербайджан) // Археологические вести 1: 17—27. Санкт-Петербург.
1994. Каменные орудия труда ашельской эпохи из пещеры Азых // Экспериментально-трасологические исследования в археологии: 22—43. Санкт-Петербург.
- 1994а. Терочный камень из мустьерского культурного слоя Баракаевской пещеры // Неандертальцы Губского ущелья на Северном Кавказе: 148—150. Майкоп.
- 1994б. Функциональное назначение двустороннеобработанных орудий мустьерской стоянки Заскальная V в Крыму // Археологические вести 3: 16—24. Санкт-Петербург.
- 1994в. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (По материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Anderson, P. C. 1980. A testimony of prehistoric tasks: diagnostic residues on stone tool working edges // World Archaeology 12: 181—194.
- 1980а. A microwear analysis of selected flint artefacts from the Mousterian of Southwest France // Lithic Technology IX (2): 32—33.

- Anderson-Gerfaud, P. C.* 1981. Contributions méthodologique à l'analyse des microtraces d'utilisation sur les outils préhistoriques. Thèse de 3e cycle, № 1607. Université de Bordeaux I. Bordeaux.
1986. A few comments concerning residue analysis of stone plant-processing tools // L. R. Owen, G. Unrath (eds.). Technical aspects of microwear studies on stone tools. *Early Man News* 9—11; 69—81. Tübingen.
1988. Using prehistoric stone tools to harvest cultivated wild cereals: preliminary observations of traces and impact // S. Beyries (ed.) *Industries lithiques. Tracéologie et technologie*. British Archaeological Reports. International Series 411: 175—195.
- Anderson-Gerfaud, P. et D. Helmer.* 1987. L'emmanchement au Moustérien // La main et l'outil. Manches et emmanchements préhistoriques. *Travaux de la Maison de l'Orient* 15: 37—54. Lyon.
- Beyries, S.* 1981. Étude de traces d'utilisation sur des empreintes en latex // Bulletin de la Société Préhistorique Française 78: 198—199.
1982. Comparaison de traces d'utilisation sur différentes roches siliceuses // Cahen, D. (ed.). Tailler, pourquoi faire? Recent progress in microwear studies. *Studia Praehistorica Belgica* 2: 235—240.
1984. Approche fonctionnelle de la variabilité des différents faciès du Moustérien. Thèse de troisième cycle. Thèse. Université de Paris X—Nanterre.
1986. Approche fonctionnelle de l'outillage provenant d'un site paléolithique moyen du Nord de la France: Corbehem // Chronostratigraphie et faciès culturels du Paléolithique inférieur et moyen dans l'Europe du Nord-Ouest: actes du Colloque international organisé à l'Université des sciences et techniques de Lille dans le cadre du 22e Congrès préhistorique de France, Lille-Mans 2—7 Septembre 1984 / dir. par. Tuffreau A et J. Sammél. Supplément au Bulletin de l'Association Française pour l'Étude du Quaternaire 26: 219—224.
1987. Quelques exemples de stigmates d'emmanchements observés sur des outils du Paléolithique moyen // La main et l'outil. Manches et emmanchements préhistoriques. *Travaux de la Maison de l'Orient* 15: 55—62. Lyon.
- 1987a. Variabilité de l'industrie lithique au Moustérien: approche fonctionnelle sur quelques gisements français // British Archaeological Reports. International series 328.
- Beyries, S. and E. Boeda.* 1983. Étude technologique et traces d'utilisation des « éclats débordants » de Corbehem (Pas de Calais) // Bulletin de la Société Préhistorique Française 80: 275—279.
- Beyries, S. and H. Roche.* 1982. Technologie et traces d'utilisation: application à des industries acheuléennes (carières Thomas), Casablanca, Maroc // *Studia Praehistorica Belgica* 2: 267—277.
- Binford, L.R. and S. R. Binford.* 1966. A preliminary analysis of functional variability in Mousterian of levallois facies // *American Anthropologist* 68: 238—295.
- Bordes, F.* 1953. Essai de classification des industries «moustériennes» // Bulletin de la Société Préhistorique France 50: 457—466.
1961. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Mém. 1. Bordeaux.
1967. Considerations sur la Typologie et les techniques le Paléolithique // *Quartär* 18: 25—55.
1981. Vingt-cinq ans après: le complexe moustérien revisité // Bulletin de la Société Préhistorique Française 78: 77—87.
- Bordes, F. et, D. Sonneville-Bordes.* 1970. The significance of variability in Palaeolithic assemblages // *World Archaeology* 2: 61—73.
- Cahen, D.* 1985. Function, industrie et culture. Le signification culturelle des industries lithiques // Actes du Colloque de Liège du 3 au 7 Octobre 1984. *British Archaeological Reports*. International series 39: 39—56.
- Dibble, H.* 1984. Interpreting Typological variation of Middle Paleolithic Scrapers: function, style, or sequence of reduction? // *Journal of Field Archaeology* 11: 431—436.
1988. The interpretation of middle palaeolithic scraper reduction patterns // Ott, M. (ed.). L'Homme de Néandertal 4. La Technique: 49—58. Liège.
- Fischer, A, P. V. Hansen and P. Rasmussen.* 1984. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points // *Journal of Danish Archaeology* 3: 19—46.
- Frame, H.* 1988. Microscopic use-wear traces // Callow, P. and J. M. Cornford (eds.). *La Cotte de St. Brelade 1961—1978: 356—362*. Norwich: Geo Books.
- Geneste, J.-M. et H. Plisson.* 1986. Le Solutrèen de la grotte de Combe-Saumière (Dordogne): première approche paléolithique // *Gallia Préhistoire* 29: 9—27.
- Geneste, J.-M. and H. Plisson.* 1993. Hunting Technologies and Human Behavior: Lithic Analysis of Solutrean Shouldered Points // Knecht, H., A. Pike Tay and R. White (eds.). *Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Palaeolithic: 117—135*. London. Tokyo.
- Gysels, J. and D. Cahen.* 1982. Le lustre des faucilles et les autres traces d'usage des outils en silex // Bulletin de la société préhistorique Française 79: 221—224.
- Kamminga, J.* 1979. The nature of use-polish and abrasive smoothing on stone tools // Hayden, B. (ed.). *Lithic Use-Wear Analysis: 143—158*. New York: Academic Press.
- Kazaryan, H.* 1993. Butchery Knives in the Mousterian sites of Armenia // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes de Colloque international de Liège 8—10 décembre 1990 (dir. par. Anderson, P.C., S. Beyries, M. Ott et al.), vol. 1. Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège 50: 79—85. Liège.
- Keeley, L. H.* 1976. Microwear on flint: some experimental results // *Stargia* 3: 49—51.
1977. The function of Paleolithic flint tools // *Scientific American* 237 (5): 108—126.
1980. Experimental determination of stone tool uses: a microwear analysis. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Keeley, L.H. and M.H. Newcomer.* 1977. Microwear analysis of experimental flint tools: test case // *Journal of Archaeological Science* 4: 29—62.
- Keeley, L.H. and N. Toth.* 1981. Microwear polishes on early stone tools from Koobi-Fora, Kenya // *Nature* 293: 464—465.
- Korobkova, G. F.* 1981. Ancient reaping tools and their productivity in the light of experimental tracewear analysis // Ph. L. Kohl (ed.). *The Bronze Age civilisation of Central Asia: 325—349*. New York.
1993. La différenciation des outils de moisson d'après les données archéologiques, l'étude des traces et l'expérimentation // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du Colloque international de Liège 8—10 décembre 1990 / dir. par Anderson, P.C., S. Beyries, M. Ott et al.), vol. 2. Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège 50: 369—382. Liège.
- Levi-Sala, I.* 1986. Experimental replication of postdepositional surface modifications on flint // Owen, L.R. and G. Unrath (eds.) *Technical aspects of microwear studies on stone tools*. *Early Man News* 9—11: 229—244. Tübingen.
1988. Processes of polish formation on flint tool surface // Beyries, S. (ed.) *Industries Lithiques. Tracéologie et Technologie*. British Archaeological Reports. International series 411: 83—97.
- Mansur-Francomme, M. E.* 1983. Traces d'utilisation et technologie lithique: Exemples de la Patagonie. Thèse de 3e cycle, № 1860. Institut du Quaternaire. Université de Bordeaux I. Bordeaux.
1986. Microscopie, du matériel lithique préhistorique: traces d'utilisation, altérations naturelles, accidentelles et technologiques // *Cahiers du Quaternaire* 9. Editions du Centre national de la recherche scientifique.
- Moss, E. H.* 1983. Some comments on edge damage as a factor in functional analysis of stone artifacts // *Journal of Archaeological Science* 10: 231—242.
- 1983a. The functional analysis of flint implements—Pincevent and Pont d'Ambon: two case studies from the french final Palaeolithic // *British Archaeological Reports*. International series 177.
1986. What microwear analysis look at? // Owen, L.R. and G. Unrath (eds.) *Technical aspect of microwear studies on stone tools*. *Early Man News* 9—11: 91—96. Tübingen.
- Moss, E. H. and M. H. Newcomer.* 1982. Reconstruction of tool use at Pincevent: microwear and experiments // Cahen, D. (ed.) *Tailler, pourquoi faire? Recent progress in microwear studies*. *Studia Praehistorica Belgica* 2: 289—312.

- Newcomer, M. H.* 1979. Discussion: smoothing, polish and striations // Hayden, B. (ed.). *Lithic Use-Wear Analysis*: 190. New York: Academic Press.
- Newcomer, M., R. Grace et R. Unger-Hamilton.* 1986. Investigating microwear polishes with blind tests // *Journal of Archaeological Science* 13: 203—217.
- Odell, G.* 1975. Microwear in perspective: a sympathetic response to Lawrence H. Keeley // *World Archaeology* 7: 226—240.
1981. The mechanics of use-breakage of stone tools: some testable hypotheses // *Journal of Field Archaeology* 8: 197—209.
- Plisson, H.* 1982. Une analyse fonctionnelle des outillages basaltiques // Cahen, D. (ed.). *Tailler, pourquoi faire? Recent progress in microwear studies. Studia Præhistorica Belgica* 2: 241—244.
1985. Étude fonctionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse des micro-usures: recherche méthodologique et archéologique. Thèse présentée à l'Université de Paris I. Paris.
- 1986a. Altération des micropolis d'usage: quelques expériences complémentaires // Owen, L. R. and G. Unrath (eds.). *Technical aspects of microwear studies on stone tools. Early Man News* 9—11: 111—116. Tübingen.
- 1986b. Analyse des polis d'utilisation sur le quartzite // Owen L.R. and G. Unrath. (eds.). *Technical aspects of microwear studies on stone tools. Early Man News* 9—11: 47—49. Tübingen.
1988. Technologie et tracéologie des outils lithiques moustériens en Union Soviétique: les travaux de V.E. Shchelinsky // Ott, M. (ed.). *L'Homme de Neandertal* 4. *Le Technique*: 121—168. Liège.
- Plisson, H., J.-M. Geneste.* 1989. Analyse technologique des pointes à cran solutréennes du Placard (Charante), du Fournieu du Diable, du Pech de la Boissière et de Combe Saunière (Dordogne) // *Paléo* 1: 65—106.
- Rolland, N.* 1977. New aspects of Middle Palaeolithic Variability in Western Europe // *Nature* 255: 251—252.
1981. The interpretation of Middle Palaeolithic variability // *Man* 16: 15—42.
1988. Variabilité et classification: nouvelles données sur le «complexe moustérien» // Ott, M. (ed.) *L'Homme de Neandertal* 4. *Le Technique*: 169—183. Liège.
- Roy, S.* 1982. Méthodologie pour l'étude des traces d'utilisation sur les lames et éclats bruts: recherche expérimentale d'après un niveau épinatoufien de Mureybe (Syrie) // *Cahiers de l'Euphrate* 3: 165—176.
- Semenov, S. A.* 1970. The forms and functions of oldest tools (A reply to Prof. F.Bordes) // *Quartär* 21: 1—20.
- Shea, J. J.* 1988. Spear Points from the Middle Palaeolithic of the Levant // *Journal of Field Archaeology* 15: 441—450.
1993. Lithic use-wear evidence for hunting in the Levantine Middle Palaeolithic // *Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du Colloque international de Liège* 8—10 décembre 1990 (dir. par Anderson, P. C., S. Beyries, M. Ott et al.), vol. 1. Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège 50: 21—30. Liège.
- Ščelinskij, V.E. (Shchelinskij, V. E.)* 1993. Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // *Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du Colloque international de Liège* 8—10 décembre 1990 (dir. par Anderson, P. C., S. Beyries, M. Ott et al.) vol. 2. Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège 50: 309—315. Liège.
- (Schchelinski, V. E.) 1994. Méthodes de recherche sur les fonctions des outils lithiques // Ginter, B., J.K. Kozłowski, H. Laville (eds.). *Temnata Cave. Excavations in Karlukovo Karst Area. Bulgaria. vol. 1. part 2*: 87—122. Krakow: Jagellonian University Press.
- Thieme, H. und S. Veil mit Beiträgen von W. Meyer, J. Möller und H. Plisson.* 1985. Neue Untersuchungen zum eemzeitlichen Elefanten-Jagdplatz Leringen, Ldkr. Verden // *Die Kunde N.F.* 36: 11—58.
- Tringham, R., G. Cooper, G. Odell, B. Voytek et A. Whithman.* 1974. Experimentation in the formation of edge damage: a new approach to lithic analysis // *Journal of Field Archaeology* 1: 171—196.
- Unger-Hamilton, R.* 1985. Microscopic striations on flint sickle-blades as an indication of plant cultivation: preliminary results // *World Archaeology* 17: 121—126.
- Vaughan, P. C.* 1986. A sampling method for use-wear analysis of large flint Assemblages // Owen, L.R. and G. Unrath (eds.). *Technical aspects of microwear studies on stone tools. Early Man News* 9—11: 183—186. Tübingen.
- Veil, S., K. Breest, H.-Ch. Höfle, H.-H. Meyer, H. Plisson, B. Urban-Küttel, G.A. Wagner und L. Zöller.* 1994. Ein mittelpaläolithischer Fundplatz aus der Weichsel-Kaltzeit bei Lichtenberg, Lkr. Lüchow-Dannenberg. Zwischenbericht über die archäologischen und geowissenschaftlichen Untersuchungen 1987—1992 // *Germania* 72. 1 Hlbband: 1—66.

ON CORRELATION BETWEEN FORMS AND FUNCTIONS OF LOWER AND MIDDLE PALAEOOLITHIC TOOLS

V. E. ŠČELINSKIJ

The problem of correlation between morphological types of Lower and Middle Palaeolithic tools and their functions is still the subject of much concern for many scholars. This correlation can enable us, on the one hand, to certain extent, to reconstruct prehistoric social and economic patterns, and to solve some cultural-genetic problems. On the other hand it is also in close connection with the concrete interpretation (cultural, economic and adaptational) of technic-typological variety of Lower and Middle Palaeolithic

tools. This interpretation very often depends on our knowledge about functions and technology of different morphological groups of ancient stone tools.

Now technic-typological peculiarities of archaeological assemblages of stone tools from Lower and Middle Palaeolithic sites are explained in different ways. Meanwhile the functions of these tools are poorly known and are not taken into account. Some researches take for granted the fact that form and function of palaeolithic

tools are closely related. The others agree with S.A.Semenov, who believed that ancient stone tools of different forms were used for the same functions and vice versa: the tools of the same form had different functions. This point of view on the Lower and Middle Palaeolithic tools functions is not surprising unless they were studied deeply. These tools are undoubtedly peculiar because of their trimming technology without any common standard; and, as a result, we have a great diversity of their forms. Analysing them we can not be sure which of their morphological features are important concerning their function and which are occasional or stylistic. In the other words the forms of these tools, with few exceptions, hardly ever can testify to their precise functions.

In my opinion, the study of the morphological features (supported, of course, by use-wear analysis) is essential for tools functions determination. Moreover, I suppose that functional analysis should follow the morphological analysis so we could tell finished and intact tools from unfinished, broken or reshaped ones. In the group of bifacial tools (handaxes, knives, projectile points etc.) unfinished tools are rather easily recognizable. On the contrary, speaking about the most tools made on flakes and blades (points, scrapers etc.) I do not think that there were some technologically transitional and/or unfinished forms. These tools were made occasionally when there were necessity, all of them were finished, though some were made better and some worse. It is not difficult to distinguish intact tools from broken. But the broken ones very often were reshaped and used for other functions (reutilization). In this case the new reshaped tool undeliberately got complicated form (combined tools) as it had the morphological features of two or even more tools. Usually there are more reshaped tools in the cave palaeolithic sites. Dwelling in the caves ancient people had (because of shortage of raw materials) to reutilize old stone tools, which they could find on the cave floor.

The forms of the tools also were changed as a result of resharpening of their blunted working edges. Now we know rather well from numerous experiments, that the speed of blunting and wearing, and consequently, the frequency and type of additional trimming and resharpening of stone tools were different and depended on their functions. Thus the tools for cutting and slicing meat, fresh hides and other soft materials used to wear slowly and nearly undistinguishably. The resharpening of these tools did not change their edges outline shape. The blunting of tools, which were used for chopping, cutting, adzing, witling, planning, scraping hard materials (wood, bone, antler) was much quicker and more noticeable. Their working edges were not only worn and ground but damaged and broken. Repeated resharpening

of them changed not only the edges outline shape but the form of the tools on the whole. In all probability, originally, untreated flakes and blades were used for working of hard materials. Later in the course of resharpening treatment and as a result of long-term utilization they were transformed into the tools of more complicated forms: retouched flakes and blades, single and double side-scrappers, notched and denticulated tools.

This supposition is in conformity with the results of the use-wear analysis of Lower and Middle Palaeolithic tools from different sites and different regions. I have studied the full or selected assemblages of stone tools from five cave sites in the Caucasus (Azykh, Taglar, Sakajia, Monasheskaya, Erevanskaya), three sites on The Great Russian Plain (Nosovo I, Ketrosy, Sukhaya Mechetka) and the others less dimensions sites. Some selective assemblages from Central and West Europe, Caucasus, Asia and Africa sites were studied by our foreign colleagues.

What new does this information give us for understanding the connection between the techniques and technology of the early palaeolithic stone tools production (shaping) and their functions? Summarising the data we can make some conclusions. First of all, it was discovered that Lower and Middle Palaeolithic tools had a number of diverse functions. They were used for cutting, chopping, adzing, witling, planning, sawing, scraping, slicing, boring, piercing etc. Besides that they were used for working of various materials: stone, wood, bone, antler, hide, meat, plants etc. In this sense Lower and Middle Palaeolithic tools are like the Upper Palaeolithic tools, though the technology and the way of their utilization often differed in a number of ways.

The most ancient Lower Palaeolithic tools (with some exceptions) were not intentionally shaped. The ancient people for different activities used the similar simple flakes without (or nearly without) any additional trimming. They only chose (selected) the flakes of the most suitable (for one or another function) form out of the debitage products. These simple tools were multifunctional (table 1—7;9). In the course of these tools utilization (first of all work of hard materials — wood, bone, antler) and repeated retouching (resharpening) they could have been transformed into the tools of the more complicated forms. In this way, I suppose, the following tools appeared: retouched flakes and blades, denticulated tools; single, double, diagonal and transversal side scrapers. These tools were multifunctional and used for working of different materials (table 1—9).

But, on the other hand, already in the Lower Palaeolithic assemblages we can also find another kind of tools — with only one or two (but similar kinematic) functions. They were fashioned ac-

cording to these certain functions (unlike the nonspecialised tools) and did not change their forms to a great extent. The earliest tools like these were choppers, chopping tools and handaxes. Choppers and chopping tools were cutting tools and were used for different works on wood, bone, antler and for butchering. Handaxes were used mostly as meat knives (table 1, 9), in the case of blunting of the working edges they were resharpened by special technique called «tranchet blows» and by thinning the distal ends.

In the Middle Palaeolithic assemblages we found new types of tools which according to the use-wear analysis had one or another certain function. These are bifacial foliate points and triangular points — special meat knives and projectile points; asymmetrical bifaces — meat knives of long-term usage; Mousterian and Levallois points — meat (butchering) knives and projectile points; canted side-scrapers, which often were used as meat knives and perforators at the same time; notched tools used for scraping, planning, witling (wood, bone, antler); and Levallois blades and flakes — intentionally produced knives (table 1—9).

The specialized tools are easy recognizable in archaeological assemblages, in spite of the fact that most tools on Palaeolithic sites seem to be multifunctional. In this connection it is important to draw attention to the fact that multifunctional tools had different origination. Some of them were really multifunctional, the others were multifunctional occasionally not intentionally. The usage of specialized tools not only for their proper purpose but also for other functions can be explained by simplicity of such widespread functions as scraping, planning, witling and that any kind of tools could have been used for that kind of works. The way of utilization of the tools also depended on the type of the site and character of economic activities which were carried out by the inhabitants. Thus we usually find a lot of multifunctional tools on rather long-term occupation sites, especially cave sites (e. g. Azykh, layer V, table 1; Taglar, layers II, VI,

table 2, 3; Sakajia, layer III a, table 4; Monasheskaya, table 5). The multifunctional tools are also numerous on specialized sites with one predominate activity (e.g. Nosovo I — hides processing, table 7). On the contrary, the monofunctional tools predominate on the short-stay sites, where the number of economic activities was limited and consequently tools were not used so much intense (e. g. Ketrosoy, Sukhaya Mechetka, table 6, 8).

The presence of specialized tools in the assemblages from Lower and Middle Palaeolithic sites is the fact of the great importance as it testifies to rather high level of archantropus and palaeoantropus intelligence and it opens new prospects for our understanding the techniques and technology of prehistoric production on the whole. This information is also important for developing the new methods and new approaches to studying archaeological assemblages of stone tools. I would like to call your attention to two facts. First of all, knowing quite enough about functions of the most technic-typological groups of Lower and Middle Palaeolithic tools, we get for the first time an opportunity to use this new information for previous functional interpretation of the tools without use-wear analysis. Second, now it is obvious that specialized tools and most multifunctional tools differ in the degree of complexity and have different levels of morphological integrity. So they contain the different volumes of typological (stylistical) information — typological features which were not stipulated by technological necessity or functions. In this respect the specialized tools are particular. Being technologically complex specialized tools can provide us with information not only about technological methods and techniques of prehistoric production, their functions and ways of their utilization, but also about cultural norms and traditions of certain groups of ancient people. That is why in the course of typological and cultural study we should pay special attention to this group of tools (specialized tools).

О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ФАКТОРАХ МЕЗО-НЕОЛИТИЧЕСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

(по археологическим памятникам Карелии)

А. Д. СТОЛЯР¹

Пионерское освоение Севера в начале голоцена заключало в себе большую духовную динамику. В этом глобальном освоении человеком зоны тайги и лесотундры — безбрежного ареала продолжавшегося господства присваивающей экономики — сложно сплетались как явления, общие для Севера и Юга (иначе — региона генезиса и развития производящего хозяйства), так и многообразные исторические особенности бытия первобытных культур в высоких широтах. Вопреки резкой дифференциации форм и способов хозяйственной деятельности (в этом аспекте, как бы экономическому расколу единого в ледниковую эпоху мира), продолжается ряд тенденций исторического монизма. На мезо-неолитической ступени это передается сохранением в обеих областях аналогичной социальной структуры социумов и общим характером основных новаций (в мезолите — лук и стрелы; в неолите — расширение сырьевой базы индустрии камня, сопряженное с новыми технологическими приемами, широкий набор орудий обработки дерева; керамика как первый искусственный материал).

На этот же финал эпох камня в Старом свете глоттоисторической реконструкцией проектируется начало послеледникового этногенеза во всем многообразии его конкретных осуществлений. При определении решающих предпосылок такого процесса принято считать на правах давно утвердившейся аксиомы, что входившие в состав формировавшихся «больших» общностей люди, прежде всего, должны были «...находиться между собой в реальных хозяйственных связях» (Чебоксаров 1964: 2).

Такой, собственно исторический компонент прогресса, заключавший в себе одну из определяющих доминант объединительного тяготения, несомненно, был представлен в зоне куль-

тур Юга, где он набирал все большую мощь по мере развертывания «неолитической революции». Впрочем, и в этой ситуации нельзя монополизировать экономический рычаг как якобы действовавший механически изолированно, в полном отрыве от эволюции сознания.

Что же касается древностей русского Севера, то здесь подобный энергетический источник вообще отсутствовал, даже в его самой зачаточной форме вплоть до эпохи железа (I тыс. до н. э.). Он исключался безраздельным господством присваивающего хозяйства, не знавшего прибавочного продукта, основанного на стабильно ограниченных местными ресурсами потребностях и изолированно натуральном самообеспечении каждого отдельного поселения. Обособленности небольших групп населения дополнительно способствовал ряд как естественных, так и исторических моментов. К ним следует отнести общую слабую заселенность региона, большие, часто трудно проходимые расстояния между отдельными группами стоянок, наконец, вероятную этнокультурную пестроту (« мозаичность ») карты расселения как следствие длительной стихийной адаптации разных групп мигрантов.

Очевидность такой статичности и внешняя обедненность материальной культуры (сравнительно с Югом) привели к закрепившейся в науке оценке всего лесного края как обочины мезо-неолитической истории, ее невыразительных задворков. Такой пониженный рейтинг передается и широким приложением к этим культурам определения их общей « пережиточности ».

В подобной, казалось бы, тупиково однозначной ситуации загадочным оказывается такое фундаментальное явление как наметившееся здесь раннее зачатие послеледникового

¹ Россия. 199034. Санкт-Петербург. Университетская наб., 7/9. Санкт-Петербургский государственный университет.

этногенеза — базы образования северных народностей. Палеолингвистические прогнозы (в данном случае — относительно становления палео-финноугорской и палео-уральской языковых семей) позволяют думать, что формирование крупных этнокультурных единиц в высоких широтах европейской России хронологически не отставало от аналогичного хода социогенеза на Юге, переживавшем тогда состояние демографического «взрыва».

Загадочность в этом русле ускоренного течения северной истории обуславливается тем, что наука до недавнего времени не видела в первой половине голоцена каких бы то ни было движущих сил подъема на целый порядок масштаба человеческих общностей в зоне лесов и лесотундры. Иногда проявляется археологическая тенденция очень простого, чисто бытового объяснения всего происшедшего. Так, порой считается, что к подобным объединениям могли привести, например, эпизодически случайные встречи групп охотников на границе их промысловых угодий. Сомневаясь в обоснованности подобной «облегченной» интерпретации истоков этногенеза, мы думаем, что в ареале присваивающей экономики в связи с отмеченными выше его демографическими особенностями должен был присутствовать какой-то специфический движитель, не уступавший по силе факторам социальной консолидации на производящем Юге.

Столь парадоксальное состояние проблемы начала этногенеза (достаточно интенсивный старт процесса при, казалось бы, полном вакууме необходимых для этого предпосылок и сил) побудило выдающегося лингвиста Д. В. Бубриха определить как первоочередную задачу историческое выявление и изучение тех форм социальных контактов, которые могли служить реальными механизмами глоттоэтнокультурного синтеза в постоянно нараставшем диапазоне.

Но очень долго такие «контакты» по-прежнему науке не виделись. Лишь недавно, спустя почти полвека после выхода статьи Д. В. Бубриха, наметилось их распознавание при аналитических «раскопках» документации хрестоматийно известных памятников Карелии. Это два мировоззренческих по природе ансамбля на Онежском озере — уникальный в мезолите по масштабности (не только для Севера, но и для Юга, включая и его палестинский эпицентр) Оленеостровский могильник и не менее грандиозная для неолита петроглифическая галерея на восточном побережье «моря рун» (район Бесова Носа — устья р. Водлы).

Начальный опыт такой дешифровки позволяет выдвинуть положение об их особой исторической миссии в образовании исходной основы этногенеза, а затем в последующем развитии интеркультурного объединительного

движения в Заонежье. Все это позволяет поставить вопрос об особой социо-мировоззренческой основе и движущих силах мезо-неолитического этногенеза на Севере, в этом аспекте принципиально отличающегося от течения истории на Юге. Именно с таким теоретическим «ключом» анализа мы обращаемся к названным памятникам.

Оленеостровский могильник (раскопки 1936—1938 гг.; Равдоникас 1940; Гурина 1956; Столяр 1995). На этом «острове мертвых» — в начале голоцена бугорке суши, поднимавшемся на несколько метров над озерной стихией — было открыто 177 погребений (общее число совершенных здесь в древности захоронений, очевидно, приближалось к четыремстам). Датировка памятника по мере совершенствования археологической атрибуции решительно эволюционировала на протяжении 50 лет. Первично, казалась несомненной ее археологическая дефиниция неолитом. Только с 70-х годов (инициатива В. Ф. Филатовой — 1972: 31—33) постепенно прояснился мезолитический возраст некрополя (середина VI — начало V тыс. до н. э.).

Историческая экстраординарность комплекса, его островная изолированность, противостоящие бытовым реалиям, совершенно очевидны, и потому ошибочной представляется его подача по стандартной схеме описания стоянки (названная выше монография Н. Н. Гуриной, 1956). Зримым индикатором строгой обрядово-символической регламентации всех совершаемых здесь действий является, например, поразительная «стерильность» комплекса. При, несомненно, частом посещении могильника и замечательном богатстве сопровождающего инвентаря в могилах (7132 артефакта), вне их, на всей площади, вскрытой раскопками (это — 2700 кв. м). сделаны всего 4 (!) находки. Ту же глубокую специфичность созданного мезолитической фантазией «мира мертвых» передает почти полное отсутствие в могилах каменного производственного инвентаря (так одиночные орудия составляют менее 0,1% от общего состава коллекции). Зато некрополь дал целую серию замечательной роговой скульптуры, одиночные образцы которой крайне редко открываются раскопками стоянок.

Как же была связана эта грандиозная усыпальница многих поколений людей мезолита с синхронным миром создавших ее живых носителей культуры, каково ее происхождение и функции (субъективные цели и их объективные последствия)? До сих пор такие исторические первоочередные вопросы не поставлены в науке с необходимой категоричностью нелегких поисков ответа. Мы же, приступая к такой попытке, способны только на самую предварительную рабочую гипотезу.

Учтем и общую экстенсивность мезолитического заселения лесного Севера, и то, что

«человеческая масса» некрополя на порядок, а то и два превосходит демографические масштабы типичной стоянки того же времени. Особой длительностью существования могильника (по установившейся хронологии — не менее 500 лет) такое «накопление» объяснить нельзя. Очень вероятно существование сложных правил и табу, исключавших захоронение целых категорий усопших в общем некрополе, который, к тому же, в климатических условиях Севера функционировал лишь в течение нескольких летних месяцев. Следовательно, эта усыпальница, скорее всего, обслуживала значительный район мезолитического расселения.

В интересах его отыскания надо обратиться к карте. Могильник располагался на непригодном для постоянной жизни островке, который занимал особую позицию в северной части Онежского озера. Он находится у южного входа в самую длинную на Онеге Повенецкую губу, которая в мезолите отличалась наиболее благоприятными экологическими условиями для ведения первобытного присваивающего хозяйства (доказательство тому — значительная концентрация мезолитических стоянок). Так складывается предположение, что необитаемый островок на южной границе губы, за которым открывался еще не подчиненный человеку простор Онеги, служил общей усыпальницей для группы повенецких стоянок.

Однако сразу же обнаруживается одна особенность ситуации, требующая объяснения. Ясно, что длительное, неравномерное, никак не управляемое заселение повенецких урочищ создало достаточно пеструю в этнокультурном отношении мозаичную картину. Подтверждением такого гетерогенного состава «народонаселения» могильника могут служить как вариации его антропологических характеристик, так и различные формы погребального обряда. Ясно, что образование общей для разнородных компонентов модели «мира мертвых» требовало длительного идейного взаимодействия на основе мифологического сюжета культа предков и частичной нивелировки некоторых сторон этнографического своеобразия в «картине мира» каждого социума.

Как реально мог осуществиться такой обрядово-духовный синтез в северном регионе того времени?

Возможность некоторого объяснения этого сложного аспекта открывается, если мы примем во внимание принципиально-критическую оценку археологии Тейяром де Шарденом. Он утверждал, что она, изучая только материальную культуру и игнорируя духовную историю древности, останавливается на полпути к истине.

Попытка же представить сознание мезолитического населения Повенецкой губы, наверное, позволяет при учете особого значения

культа предков (доказательство — тот же Оленостровский могильник) выделить одну общую для разных коллективов доминанту. В процессе многовековой миграции, ориентированной в конечном счете на Север, каждое из этих сообществ утратило ясность и устойчивость в определении местоположения «мира мертвых». Тогда такая лакуна (вернее, провал) в традиционной концепции бытия нарушала мировоззренческое равновесие и была постоянным источником эмоционально острого социального стресса. Этот общий мировоззренческий знаменатель объединял или все, или часть населения района общностью социально-идеологической задачи, требующей обрядового решения в специфических условиях единой для них новой Родины.

Эмпирически найденным оптимальным решением задачи, к тому же содействующим мифологическому обогащению сознания сливавшихся в единство культур, явилась погребальная «оккупация» островка, никому не принадлежавшего (следовательно, принадлежавшего всем) и топографически занимавшего особо приметное положение. В этих условиях совместная похоронная активность оказалась важнейшим действенно объединяющим фактором.

Продолжая предположительную попытку выяснения конкретной истории некрополя, мы, кажется, находим некоторые основания для определения самого первого захоронения — так сказать, фундатора могильника. С наибольшими основаниями на такую роль может претендовать уникальное «стоячее» (то есть вертикальное) погребение № 100 (Столяр 1995а).

Логическим критерием здесь служит мысль, что экстраординарному явлению основания особого могильника должен был обрядово соответствовать исключительный характер начального захоронения. Последнее было производным от особого положения этого субъекта в жизни и его социально широкого авторитета, что создало посылку генезиса мифологического образа общего предкового прото-героя.

Это погребение могучего мужчины среднего возраста помещалось в могиле с особой каменной конструкцией; композиционно (в фасовой постановке) оно представляло выразительный зрительный объект. Неповторимым оказалось и богатство вещественного сопровождения (500 артефактов или 1/15 всей коллекции некрополя), включавшего в себя ряд раритетов.

При несомненности обозначения места каждого погребения на поверхности, погребение № 100, скорее всего, маркировалось наиболее масштабной деревянной вехой (проще говоря, столбом). В дальнейшем, в процессе общей антропоморфизации сакральных атрибутов такая веха сама приобретала значение адресата, представлявшего уже мифоло-

гизированный образ общего («районного») патриархального предка.

Такое начало семантико-творческой эволюции в русле все более «мужавшего» культа предков, вероятно, получило материализованное продолжение в широком пласте мезолито-неолитической монументальной деревянной скульптуры Севера (столбообразные идолы). Конечное звено трансформации изобразительного выражения этой фундаментальной идеи северных племен на ступени неолита, как мы полагаем, передается известным «Бесом» онежских петроглифов (см. ниже).

Исключительная этно-социальная миссия Оленеостровской усыпальницы на ступени зрелого лесного мезолита наукой познается только сейчас. Островной некрополь отражал длительное и сложное обрядово-ментальное взаимодействие не совсем гомогенных социумов, мозаично размещавшихся в угодьях Повенецкой губы в результате ее стихийного заселения на протяжении примерно двух тысячелетий.

Погребальный социальный институт, обладая большой сакрально-объединительной энергетикой, представлял реальные в тех условиях механизмы стартовой фазы северного этногенеза. Его движителем, в отличие от степного Юга, прежде всего, были мировоззренческие факторы. В этом случае с буквальностью оправдывается мысль О. Конта: «мертвые объединяют живых». В итоге онежский могильник оказывается драгоценным свидетельством справедливости философской доктрины (В. И. Вернадский, Ле Руа, Тейяр де Шарден) о духовной основе исторического феномена человека.

Онежское петроглифическое святилище (Равдоникас 1936; Линевский 1939; Савватеев 1970; Poikolainen, Ernist 1998). Грандиозная «каменная летопись» на восточном берегу Онеги была открыта 150 лет тому назад (1848 г.) К. К. Гревингом — выпускником Тартуского университета, а затем его профессором в 1854—1887 годах (в частности, первооткрывателем культуры Кунда). Не совсем ясная роль в этом событии принадлежит П. Шведу (заметка 1850 г.).

В копиях как К. К. Гревинга, так и П. Шведа насчитывалось 80 изображений. Работавший здесь в 1910 и 1914 гг. Г. Халлстром зафиксировал 420 фигур. Экспедиционное исследование памятника начинается в 30-е годы. Руководивший экспедицией В. И. Равдоникас (1935) и тогда же А. М. Линевский довели число выявленных петроглифических символов до 566. В послевоенные годы исследования на восточном берегу Онеги продолжала экспедиция Карельского филиала АН СССР под руководством Ю. А. Савватеева (1967, 1972, 1973 гг.). Главным результатом этих поисков явилось открытие двух групп петрогли-

фов в устье р. Водлы (общее количество петроглифов достигло 820 единиц).

В течение последних лет (с 1982 г.) эти работы были подняты на новую ступень целой группой энтузиастов из г. Тарту, как бы продолживших инициативу своего соотечественника Гревинга. Особенно широкий размах, методичность и научную программность они приобрели после 1988 г., когда в Эстонии (г. Тарту) было учреждено Международное «Общество изучения первобытного искусства» (председатель — В. Пойкалайнен; особо активные участники — Э. Эрнитс, Л. Бёкалда и др.). Этими изысканиями, в которых немалая роль принадлежала финским членам общества, были выявлены целые серии ранее неизвестных изображений и, более того, открыты три новые группы в устье р. Водлы. Все это представило веками развивавшийся сакрально-художественный ансамбль в его полном виде.

Не менее важным событием в петроглифоведении явилось принципиальное совершенствование всей археологической документации памятника и исследовательских методик по широкой научной программе. Недавно вышедший первый том трудов Общества передает высший в мировой литературе этой области, пока еще уникальный уровень петроглифического источниковедения. Такой итог — сродни подлинному научному подвигу самоотверженных и бескорыстных исследователей.

К настоящему времени онежский сакральный заповедник включает в свой состав 24 петроглифических группы («зала»). 19 их них находится в районе Бесова Носа и 5 на мысах устья р. Водлы при ее впадении в Онежское озеро. Общее число изображений, зафиксированных *in situ* — 1213, а вместе с музейными экспонатами (Государственный Эрмитаж и Карельский краеведческий музей) их около 1300.

Опираясь на представленную выше фактологическую базу и обращаясь к задачам исторической атрибуции памятника мы остановимся на трех первоочередных темах:

— обычно игнорируемом вопросе относительно конкретной истории длительно складывавшегося сакрального ансамбля (от его зарождения до финала) в контексте неолитической истории всего региона;

— теме феномена объективной этно-культурной роли этого святилища;

— опыте имманентной семантической дешифровки (то есть «чтении» самой петроглифической формулы как «явления в себе») одной из важных композиционных идеограмм Бесова Носа.

Пытаясь распознать первые фигуры, а затем фазы последующего накопления петроглифов, конечно, связанные и с пространственным размещением памятника, продолжим разработку «топографического метода» А. М. Ли-

невского (Линевский 1939). Он раскрыл построение из трех одинаково ориентированных очень крупных фигур (от 2,46 м) на Бесовом Носе как специфическую единую композицию. Считая, что эта Триада была первой выполнена на береговых скалах, А. М. Линевский особенно подчеркивал наибольшую древность центральной в ней фигуры «Беса».

Развивая такой опыт, мы в качестве критериев относительной хронологии выбивок учитываем следующие показатели:

а) макротопография каждого мыса с петроглифами в общей географической панораме пантеона;

б) микротопография (иначе, анализ планиграфии отдельного скопления на предмет выяснения возможной последовательности фигур);

в) собственно историко-археологические индексы (от учета высотного положения фигур относительно уреза воды и специфики их технического исполнения до возможных археологических аналогий и, правда, редко, особенностей обрядового использования).

Согласующиеся показатели по разрядам «а» и «б» подтверждают упомянутое заключение А. М. Линевского. По разряду «б», кроме близости фигур Триады к воде (оставленная у их основания небольшая полоса гранита была необходима для размещения коллектива, участвующего в обрядовой операции) и специфической, совершенной техники выбивки по всей большой площади этих фигур (это, по Р. Б. Климову, ранний признак), открылась редчайшая возможность разгадки способа обрядового «общения» неолитических онежан с этим антропоморфным гигантом. Такой обряд «задабривания» (в разных формах) согласуется с генетическими свидетельствами, уходящими еще в эпоху мезолита. Самый близкий, того же региона пример связан с погребением № 100 Оленеостровского могильника (у нижней челюсти «стоячего» скелета была обнаружена группа вещей, несомненно, представляющая приношение, правда, несъедобное).

По аргументированному заключению А. М. Линевского «Беса» наглядно кормили самым обыденным способом. Доказательством служит то, что бревнообразный силуэт его тела преднамеренно наложили на более древнюю прямую трещину. Было это выполнено с такой точностью, что она составила ось симметрии. Семантически трещина обозначала символический пищевод, а согласно умелому расчету исполнителей «рот» на прямоугольной

контурной личине пришелся на тот верхний конец трещины, где она, сужаясь, образовывала «нужную» развилку.

Обрядово-семантическое распознавание А. М. Линевским в «Бесе» «плоскостного идола» (а всех идолов обязательно «кормили», хотя бы условно — смазыванием личины жиром) естественно обращает нас к очень представительному в мезолите и неолите лесной зоны классу антропоморфной крупной деревянной скульптуры (то есть к столбообразным идолам — Столяр 1978) как архетипу их петроглифической тени на онежской скале.² Такая преемственность в ходе многовековой эволюции мифологического сознания и исполнительской техники позволят объяснить геометризованность переданного в фас корпуса. Высокая, постепенно суживающаяся кверху, строго симметричная трапеция не явилась следствием преднамеренной схематической стилизации. Она механически повторила контур двух-трех метрового бревна как своего далекого прародителя.

О мезолитических корнях генезиса этой символической линии речь шла в связи с анализом погребения № 100 Оленеостровского могильника. В этом комплексе нам видится исходное (в определенном смысле — «натуральное») начало становления северного культа предков. Кстати, какой-то отдаленный и, скорее, не прямой, а опосредованный отзвук культуры, передаваемый некрополем, улавливается в некоторых специфических деталях. Такой «историзм» сакральной памяти наиболее явно проявляется в фигурах так называемых «шестов» — длинных стержней с боковой вставкой в виде головы лося (Столяр 1983). Материальные прототипы такого символа — очевидно, деревянные (до 2 м) стержни со вставкой вырезанной из рога головки лося — сопровождали отдельные, особо выделяющиеся захоронения. Небезынтересно, что наиболее ранний такой петроглифический «шест» (по функции, вернее, «жезл») был направлен своим стержнем с большой точностью на Олений остров, находящийся в 50 км от этого «зала» (мыс Перинос VI) петроглифической галереи.

Итак, в аспекте относительной хронологии онежского собрания, в согласии с мнением А. М. Линевского и вопреки суждениям большинства исследователей, начальное звено этого сакрального центра наиболее обосновано связывается с «Бесом», конечно, в его нераз-

² Подобные примитивные фетиши-столбы, едва задетые обработкой бревна — входили в состав древних лесных мольбищ, которые, наверное, хронологически предшествовали выходу святилищ с плоскостными символами на открытый скальный берег. Такая генетическая подпочва, вероятно, позволяет объяснить происхождение очень своеобразной и большой (площадь — 30 кв. м) композиции Триады. Она как бы повторила в теновом варианте типичную структуру таежного святилища (то есть вертикальную установку по одной фронтальной линии столбообразных идолов обращенных в одну сторону).

рывном единстве с двумя другими фигурами Триады.

Не менее существенный вопрос об абсолютном возрасте этого петроглифического старта до недавнего времени оставался областью «свободных», не сопровождаемых конкретными аргументами суждений. Только в последнее десятилетие новая точная методика, разработанная Р. Беднариком (Австралия) и примененная им при изучении Онежской Триады летом 1991 г. (полевого семинар «Эклипс», организованный эстонским Обществом «Изучения первобытного искусства»), открыла известную перспективу на этом направлении. В данном случае Р. Беднариком был инструментально выполнен сравнительный микроанализ структуры гранита на двух одновременных выбивках — «Беса» и наложенного на него большого креста, исполненного также в технике пикетажа монахами Муровского монастыря примерно в XV в. н. э. Посущество к такой идее интуитивно пришел еще А. М. Линевский (1939 г.), когда внедрение точных методов в археологию было еще в зачаточном состоянии. Он предположил возможность выяснения разного «действия лучей» на поверхность этих двух явно одновременных фигур. Разумеется, что Р. Беднарик о своем идейном предшественнике ничего не знал. Да, наверное, и сейчас он незнаком с такой историографической деталью.

Основываясь на полученных показателях, Р. Беднарик сразу же датировал фигуры Триады рубежом III и II тыс. до н. э. Однако, воздавая должное методике Р. Беднарика, напрямую, в таком выражении это определение вряд ли справедливо. Как и многие другие формальные показатели точных методик, оно требует определенной коррекции в конкретно-историческом плане. В данном случае необходимо учесть, что вследствие одной из трансгрессий озера вода закрывала скальную поверхность с Тριάдой с начала II тыс. до н. э. и затем на протяжении более десяти веков. Защита в течение всего периода «затопления» поверхности фигур Триады от воздействия динамики атмосферных факторов побуждает историка прибавить к цифрам Р. Беднарика еще 1000—1200 лет. Такой возраст «Беса» (середина или конец IV тыс. до н. э.) наиболее отвечает всему передаваемому археологией историческому колориту начального неолита.

Атрибуция фигур Триады как основополагающих во всем онежском пантеоне позволяет выделить по тем же показателям (топографии, масштабу фигур и исполнительской технике) самые ранние символы, которые, образовав ядро пантеона, положили начало действию озерного святилища. В такую первооснову входит всего 25—30 петроглифов (то есть не более 3% наскальных фигур в районе Бесова Носа — Столяр 1995а). Это, кроме величественного ал-

таря на самом Бесовом Носе (Триада и соответствующие ей крупные символы), выбивки больших «жезлов» и лунарно-солярных знаков на располагающихся севернее специализированных филиалах на оконечности мысов Пери-Нос VI и Пери-Нос III. Первичное ядро святилища пространственно концентрировано (крайние точки — Бесов Нос и Пери-Нос III — разделяются интервалом всего в 1200 м).

Если в центре ансамбля сразу же особое впечатление оставляют его гигантские монстры, то в дальнейшем, при ознакомлении со всем памятником в целом, эти уникалы решительно затмеваются абсолютной массой малых фигур (только на самом Бесовом Носе их более 150, а всего в границах «бесоносовского» святилища их не менее 800).

Такой масштабный дуализм отметил еще А. М. Линевский, предложив, ему, правда, малоубедительное объяснение (малые фигуры обозначали «приношения» крупным символам). Остальные исследователи на это зримое противостояние, которое никак нельзя было отнести к случайностям творчества, внимания не обратили вообще, не попытались его осмыслить и выявить весомые причины подобной дифференциации как отражения особого хода ментально-творческого развития.

На этой второй ступени (господства малых изображений) своего бытия бурно развивающееся святилище как бы преодолевает начальную камерность и могуче раскидывает свои крылья в двух противоположных от Бесова Носа направлениях. На стерильных до этого мысах рождается 9 новых «зал» (иначе «часовен»), расположенных на береговой линии протяженностью в 10 км. Малые петроглифические «очажки» действуют на двух прибрежных островках. По такому исключительному размаху святилище в своем апогее как-то уподобляется гигантизму Оленеостровского могильника, наверняка обслуживая на этой ступени значительную этно-социальную массу — скорее всего, различные родоплеменные коллективы обширного Заонежья.

Миниатюризации петроглифических фигур принципиально сопутствует введение новых сюжетов (прежде всего, зверя) и обогащение уже бытовавших тем, развитие многочисленных композиций, иногда приобретающих характер сложных идеограмм. Со временем часть изображений, отрываясь от края скалы, поднимается по ее склону и исполняется на полосе менее эффектной для выбивок, к тому же, быстро выветривающейся поверхности серого гранита-диабазы.

Объяснение всей многоликости этих новаций процессом замкнуто эволюционного (т. е. имманентного) трансформирования начальных эталонов творчества в строгих границах первичного этно-культурного центра заведомо не-

состоятельно. Этому противоречит, хотя бы внезапное, без промежуточных звеньев, уменьшение сюжетных фигур сразу в 10, 20 и даже 25 раз; цепь долгой миниатюризации также минует преобразование крупных знаковых символов в малые значки. Налицо неоспоримая резкая грань, интенсивный взрыв творческо-мировоззренческого порядка, рожденный какой-то могучей, но еще искомой этно-социальной энергетикой.

Не скрывается ли за этим древним феноменом спонтанная произвольность течения первобытного творчества и недоступность записанной петроглифами драматургии научному познанию?

Мы полагаем, что агностицизм здесь не находит нужную почву, ибо впечатление бессилия познания сразу же рассеивается в случае действительного (а не только вербально декларативного) выполнения самого элементарного условия конкретно-исторической реконструкции.

Такой постулат отрицает изолированное изучение любого явления творчества — можно сказать, его искусственное представление в «историческом вакууме», в воображаемом, якобы полностью оторванном от профанной прозы времени «безвоздушном пространстве». Важнейший ключ, позволяющий хотя бы частично приблизиться к мифологическим шифрам древнего сознания, заключается в предельно возможном выяснении реального опосредования духа и его неразрывных связей с множеством разнообразных факторов бесконечно меняющегося бытия. Ясно, что при заведомо поразительном интеллектуальном богатстве монументального образного мышления, даже, не исключено, более высоком по отвлеченности уровне фантазии сравнительно с современной, во многом прагматичной мыслью, петроглифы были неотъемлемой частью многоплановой и многоэлементной культуры, органически вплетенной в неповторимо многообразное, противоречивое и неравномерное историческое движение.

Считая ущербным господствующий в петроглифоведении Карелии исследовательский «изоляционизм» (в изложенном выше смысле), мы осмелимся противопоставить ему анализ онежского собрания на фоне исторической панорамы неолитического Заонежья и развивавшейся в этой области этно-культурной ситуации. Но, прежде всего автор должен признать, что толчком к предлагаемой ниже реконструкции «петроглифической революции» на Онеге оказалось одно очень плодотворное сравнительное наблюдение С. Н. Замятнина (Столяр 1994; 1997).

Решающим моментом, придавшим особый динамизм и сложность истории неолитического Заонежья во второй половине III тыс. до н. э. явилась могучая волосовско-гаринская

миграция из лесного Поволжья. Интенсивное оседание пришельцев принесло сюда не только своеобразную бытовую культуру (археологически наиболее примечательна в ней специфическая «пористая» керамика), но и новую мировоззренческую струю. Опять же археологически ее своеобразие и немалый духовный потенциал, при общей стадиальной близости к миропониманию коренных онежцев, передается вообще уникальной для культур эпохи камня очень выразительной кремневой скульптурой (малые формы), выступающей в роли важнейшего этнокультурного признака.

В целом и в новых условиях в этом мало заселенном крае продолжала сохраняться мирная обстановка северной первобытности. В его демографии «удвоение» общего этнического баланса не было сопряжено с социальной конкуренцией по жизненным показателям. На таком фоне активное взаимодействие на протяжении десятилетий аборигенов и мигрантов неизбежно привело к обоюдозначимым для каждой группы результатам.

Пришельцы не могли обойти стороной издавна действующее «камерное» наскальное святилище на Бесовом Носе, где особенно явно проявляли себя природные доминанты новой среды. Более того, можно полагать, что и сама галерея у волнующейся водной стихии, под бескрайним, все время меняющимся небом, и впечатляющая новизна обрядности (например, кормление «Беса») вызвали особую, все более нарастающую эмоционально-мировоззренческую реакцию. Тем самым было положено начало идейному сплаву и приобщению «новоселов» к пастве петроглифического «храма», становившегося все более тесным и территориально, и по составу и численности своих «икон».

Ответным актом духовной взаимопроницаемости явилось как повторение общих для обеих культур образных символов (собственно онежских — в резком уменьшении вследствие утверждения нового масштаба фигур), так и, главное, решительное обогащение всего творческого репертуара и исключительная интенсификация деятельности святилища, поднимавшегося на высшую ступень своего социального служения первобытному обществу. Доказательство тому: как уже отмеченное его «агрессивное» распространение на новые мысы, так и минимум 30-ти кратное умножение увековеченных на них символов. За всем этим видится возросшая не менее чем на порядок человеческая масса древних носителей культуры, «обслуживаемых» памятником.

В таком ключе нам видится возможность объяснения определяющих особенностей второго этапа (спонтанной миниатюризации символов, как бы компенсируемой их многочисленностью и резким ростом памятника в

пространстве) развития онежского петроглифического центра. Тропу к выявлению движителя подобных преобразований, позволивших петроглифическому пантеону исполнить свою генеральную историческую роль, потенциально, подчеркнем это еще раз, уже давно наметил своими тонкими сравнительными наблюдениями С. Н. Замятнин. Публикуя сводный каталог кремневой скульптуры волосовского круга (1848 г.), он не мог не отметить аналогичные образные модели в петроглифах и примерно синхронной малой скульптуре из камня. Особой убедительностью среди таких подобий обладает совпадение в передаче наиболее фантастических формул (например, изображение зверя, несущего на спине астральный знак). В течение пятидесяти последующих лет искра мысли С. Н. Замятнина вообще не принималась во внимание в силу полного господства «изоляционизма» в стихийно утверждавшейся программе изучения онежских петроглифов.

Теперь, надеемся, в некоторой мере проясняются те реально-исторические факторы, которые привели к полной реализации ресурсов ансамбля во времени и в пространстве. Он приобретает значение интеркультурного института, все более расширявшего охватываемую им этно-культурную сферу. Очевидно, регулярно повторявшиеся в этих угодьях мистерии межплеменных фестивалей служили эффектно-механизмами мировоззренчески-нравственного сближения, вплоть до состояния сплава культур и нивелировки языковых диалектных различий. В конечном счете, такое могучее центростремительное движение, на верное, проникало и сферу брачных взаимоотношений, уже соматически закрепляя уровень этногенеза.

Таким образом, на втором этапе развития петроглифическое собрание в районе Бесова Носа представлено в максимальном выражении, сопряженном с его генеральной миссией могучего катализатора этнокультурного синтеза на обрядово-мировоззренческой основе.

Финал этого грандиозного пантеона был предопределен действием природных сил — конкретнее, уже упоминавшейся трансгрессией Онежского озера. Резкий (более, чем на 2 м) подъем его уровня на рубеже III и II тыс. до н. э. согласно фиксируется как реконструкцией Г. А. Панкрушева, так и Е. И. Девятовой. Сакральные символы постепенно уходят под воду. Трудно представить, как трагически это наступление водной стихии (мира Похьелы по Калевале?) переживалось древними онежанами. Та же скала Бесова Носа передает нам их попытки противостояния натиску этих злых сил путем повторной выбивки аналогов затопленных фигур на лежащей выше полосе худшего по качеству серого гранита.

Попутно эти обрядовые реминисценции позволяют ответить на, казалось бы, недоступ-

ный для уяснения вопрос — почиталась ли композиция Триады спустя многие столетия после ее исполнения, в самом конце второго периода, характеризуемого абсолютным господством малых фигур. Очень фрагментарно сохранившиеся на полосе серого гранита следы поздних повторений больших фигур склоняют к положительному ответу — первичные петроглифические доминанты Бесова Носа были символическими долгожителями, передающими особую устойчивость аборигенных представлений о мире.

Обреченность попыток сохранения древнего святилища заставило паству перенести свой «храм» в несколько измененном и неизбежно сокращенном виде в другое, недоступное натиску воды урочище. Таковым оказались более высокие скальные мысы озера вблизи от устья р. Водлы (ее правого берега) в 13 км севернее родоначального центра. Показательно примерное повторение первичной топографической привязки основной «бесоновской» группы, «залы» которой располагались севернее правого берега впадающей в Онегу реки Черной.

Этот северный фланг онежского святилища исчерпывающе документируется, как уже упоминалось, недавно вышедшим изданием (Poiikalainen, Ernist 1998), представляющим новый эталон петроглифического источниковедения. Здесь выбивки выполнялись на поверхности подверженного сильной эрозии серого гранита, что сказалось на их сохранности. Если в основном центре галереи (район Бесова Носа) самые близкие к воде изображения находятся на высоте всего в 0,04 м относительно ее поверхности, то в устье р. Водлы выбивки располагаются на отметках от 1,00 м до 2,62 м над урезом озера. Преобладают контурные, нередко схематичные фигуры, среди которых особенно многочисленны символы птицы (соответственно 59% и 62% от общего числа петроглифов на Лебедином мысе и в устье р. Водлы). По размерам выбивки в этих пяти группах несколько превосходят масштаб изображений, господствующий в основной части святилища, где более 66% символов не превышали высоты 25 см. Такой «рост» петроглифов, символизирующих перенос вечных идей — доминант на новое обрядовое поле, достигает апогея в гигантском контуре лебедя (от клюва до хвоста — 4,1 м) на Лебедином мысе. Вырывающийся по своей величине из всего онежского собрания (напомним — около 1300 фигур), значительно превосходя высотой силуэты Триады, такой «лебедь», вероятно, был выполнен первым на данном участке, как бы утверждая перенос на эту обрядовую площадку важнейшей для концепции святилища мифологической идеи. К проблеме дешифровки такого феномена мы обратимся ниже, считая, что ограничиться в этом случае

названием «культ лебедя» (Ю. А. Савватеев) совершенно недостаточно.

В итоге изложенного выше опыта распознавания конкретной истории «каменной летописи» Онеги гипотетически выделяются три последовательных периода:

А — Рождение онежского петроглифического центра (конец IV — середина III тыс. до н. э.; продолжительность — около 700 лет), созданного небольшой родо-племенной группой аборигенной культуры лесного неолита (стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой на Черной речке?).

Б — Динамичный расцвет святилища, превратившегося в интеркультурный центр регионального значения (вторая половина III тыс. — начало II тыс.; продолжительность — около 500 лет) — обрядовый заповедник, где проходили представительные сезонные фестивали, выполнявшие особую этногенетическую функцию в зоне присваивающей экономики.

В — Локальные выселки у устья р. Водлы (середина II тыс. до н. э., отвечающая началу северного энеолита). Прекращение петроглифической традиции в Заонежье могло обусловливаться многими причинами — как внешними (смена населения и др.), так и имманентными (например, вербальной трансформацией обряда).

В заключении следует, хотя бы кратко, остановиться на проблеме семантики петроглифических образов древнего святилища на Онеге — теме, начало которой 150 лет тому назад положили первые толкования К. Гревингга и П. Шведа. В дальнейшем она также занимала особое место в научной литературе, опережая логически исходные исследовательские операции детальной источниковедческой атрибуции памятников. Она же явилась предметом эмоционально острой предвоенной дискуссии между В. И. Равдоникасом и А. М. Линевским. Несмотря на их методологическое противостояние (по В. И. Равдоникасу — петроглифические символы — памятники «палеонтологии мышления»; по А. М. Линеvскому — «снимки с натуры»), в поисках аргументации они использовали один и тот же прием — проецирование выборочных этнографических «подсказок» на петроглифический материал. Такой предложенный еще палеоэтнологией конца XIX в. прием получил название «археолого-этнографического метода». В данном случае подобная «сшивка» приводит к тому, что духовный мир творцов петроглифов предлагается связывать с магией, тотемизмом, солярно-космическим культом и культом плодородия зверя. Попытки документального раскрытия этих понятий на основе анализа самих символов очень ограничены, а анимистические представления у древних онежан вообще единодушно отрицаются в силу, как считается, особой

сложности подобного хода фантазии для неолитической эпохи.

Такое, в чем-то снобистски самоуверенное суждение современных исследователей не выдерживает документальной критики. Древнейшая анимистическая доктрина составила гносеологическую основу обобщенного женского образа верхнего палеолита (великая пра-матерь, символически связываемая с образом птицы как эмблемой души — Столяр 1985: 250—256). Господство анимистической «теории» во всем сложном спектре представлений культуры петроглифов исключительно зримо передается онежскими «залами». Птицы — единственный мотив, который представлен в абсолютно всех группах петроглифов, а в целом в зафиксированном репертуаре на него приходится 42% всех символов (не менее 500 фигур!). Знаменательно и то, что при освоении финального петроглифического очага у устья р. Водлы там, прежде всего, был увековечен образ птицы, в том числе в действительно гигантском исполнении (семантическое обозначение общего «банка» душ всего ассоциированного сообщества?).

Наверное, пришло время, когда следует отказаться от расплывчатых семантических суждений, представляющих некое «общее место» в разных трудах. Необходимо не своей волей предписывать древним пути их фантазии, а приложить особые усилия к обогащению трудного опыта имманентной дешифровки петроглифических «записей» мысли — то есть к попыткам извлечения основы смысловой фантазии из самих петроглифических фигур и их сочетаний.

В этом плане существенны возможности выяснения генетических корней отдельных, особо значимых символов (например, «Беса»), который в очень широком контексте своих функций, несомненно, как-то продолжал и т. н. «культ предков».

Что же касается собственно имманентной дешифровки, то в ее перспективности нас убеждает анализ повествовательной профильно-полосовой композиции на Бесовом Носе (левее «выдры» Триады — вереница лебедей, человек, лодка). Определение записанной ею символической динамики открывает вечный семантический ключ (Столяр 1994б) как для объяснения фантастической цепи «умирающий человек — душа — птица», так и для определения ранних петроглифических лодок Онеги как «лодок мертвых», что подтверждает предположение В. И. Равдоникаса.

Мое полевое знакомство с анализируемыми в статье памятниками началось более 60 лет назад (Оленеостровская экспедиция 1937 года), продолжаясь вплоть до этих дней. Единодушная в науке оценка культуры эпох камня в зоне тайги и лесотундры как безнадежно от-

сталой («пережиточной» и, следовательно, не обладавшей самостоятельной ценностью) представлялась бесспорной. Затем в молодом сознании подобную разность в оценке синхронных культур, размещавшихся в разных физико-географических условиях и ведущих в принципе различные формы хозяйства, закрепили впечатления экспедиционных работ в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму и южной Украине, как и эмоциональное восприятие идеи «неолитической революции» в южных регионах. Такие представления, в общем отвечающие господствующему уровню обыденного мышления (иначе — здравого смысла материальной практики), с трудом преодолевались мною в последние годы благодаря начальному знакомству с исторической концепцией человеческого феномена В. И. Вернадского — Тейяра де Шардена. Полагаю совершенно спра-

ведливым заключение последнего, что археология, ограничивая себя главным образом анализом материальной культуры, останавливается на полпути к истине.

Результаты выполненной переоценки древних культур Карелии в новой (ментальной) системе мер были представлены выше. Аспект этой реконструкции позволяет раскрыть мировоззренческие механизмы этно-социоглоттокультурогенеза в высоких широтах и одновременно побуждает нас к историко-социальной реабилитации культурного наследия древнего Севера как важной части общечеловеческой интеллектуальной сокровищницы (Столяр 1994а). Остается заметить, что и сейчас в реальностях бытия Финноскандии как-то проявляется некоторая наследственность в особенной роли духовных факторов в северном течении истории.

- Гурина, Н. Н. 1956. Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР 47.
- Замятнина, С. Н. 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // Советская археология X: 85—123.
- Линевский, А. М. 1939. Петроглифы Карелии. Петрозаводск.
- Равдоникас, В. И. 1936. Наскальные изображения Онежского озера. Москва.
1940. Неолитический могильник на Онежском озере // Советская археология VI: 47—62.
- Савватеев, Ю. А. 1970. Залавруга. Петроглифы. Ленинград.
- Столяр, А. Д. 1978. О генетической природе «Беса» онежских петроглифов // Проблемы археологии 2: 209—221.
1983. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР: 145—158. Ленинград.
1985. Происхождение изобразительного искусства. Москва.
1994. Новое в старом материале // Материалы семинара «Взаимодействие древних культур и цивилизаций»: 18—21. Санкт-Петербург.
- 1994а. «Лодки мертвых» (В. И. Равдоникас) Онежского петроглифического святилища. Тезисы конференции к столетию В. И. Равдоникаса: 30—33. Санкт-Петербург.

- 1994б. Проблемы социокультурной реабилитации лесного неолита // Проблемы археологии 3: 29—53. Санкт-Петербург.
1995. Земное и сакральное «чтение» Оленеостровского могильника // Сакральное в культуре: 3—5. Санкт-Петербург.
- 1995а. Оленеостровский могильник и его погребение № 100 как агенты мезолитического этнокультурогенеза Севера // Древности северо-западной России: 16—22. Санкт-Петербург.
- 1995б. Древнейший пласт петроглифов Онежского озера // Петербургский археологический вестник 9: 85—95. Санкт-Петербург.
1997. Археологические предвидения С. Н. Замятнина // Развитие культуры в каменном веке: 29—32. Санкт-Петербург.
- Филатова, В. Ф. 1972. К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс и позднемезолитических // Археологические исследования в Карелии: 10—33. Ленинград.
- Чебоксаров, Н. Н. 1964. Проблемы происхождения древних и современных народов // Вступительное слово на симпозиуме VI Международного конгресса антропологических и археологических наук: 2—11. Москва.
- Poikalainen V., E. Ernist. 1998. Rock carvings of Lake Onega. The Volga regions. Tartu.

IDEOLOGICAL FACTORS OF THE MESO-NEOLITHIC ETHNOGENESIS IN THE NORTH OF EUROPEAN RUSSIA

A. D. STOLYAR

The sparse population of the taiga zone in the early Holocene, the conservative domination of the natural economy and the outward poorness of the available archaeological evidence re-

sulted in the traditional consideration of the cultures of the final Stone Age at high latitudes as a 'roadside' of the primeval history. Nevertheless, the initial process of the post-Glacial ethnogene-

sis, as established by glotto-genetic data, was progressing in this area with the intensity comparable with that in the South.

In general, the decisive prerequisites for such an enrichment of the historical process, as is considered, are intensive economical links. However, under the conditions of the Meso-Neolithic North such an energetic source is entirely ruled out. Therefore, the formation of large ethno-cultural units, or a substantial rise of the scale of human values in the regions of the palaeo-Finno-Ugrian and palaeo-Uralian linguistic families, seems absolutely mysterious. This paradox (a powerful unifying movement devoid of any source!) induced D. V. Bubrikh to put in the first place the goal of defining those forms of social contacts which served the actual mechanisms of the socio-glottoethnocultural synthesis.

Following Bubrikh's idea let us consider the standard complexes of ancient Karelia from which, it may seem, the science has already extracted all the major information. We imply such ideological by their nature sites, discovered on the Onega Lake, as the Mesolithic Oleneostrovsky cemetery and the immense petroglyphic gallery near the promontory of Besov Nos and the Vodla River mouth. The author has been able to lift the veil of time over the historical missions of these ensembles only after a sixty-year's analysis of the original materials.

The cemetery of Oleneostrovsky (excavated by V. I. Ravdonikas in 1936—1938) was situated on an uninhabitable knoll of land — the «Island of the Dead». With a great difficulty the science has come to the recognition of its Mesolithic age (probably, the middle of the 6th—beginning of the 5th millennia B. C.). A total of 177 burials have been uncovered during the excavations, and according to estimations the entire number of burials amounted to 400. Such a scale seems absolutely extraordinary from the historic point of view. In addition, one should take into account that the cemetery functioned only seasonably (during summers) and the burials undoubtedly were of a ritually selective character besides an extremely extensive population of the trans-Onega region. The sacral nature of the site, expressed in its contradistinction to any realities of the everyday culture, seems clear and multidimensional.

It is obvious, that even over the course of centuries only tribal collectives from a vast region of Mesolithic occupation were able to fill this burial ground. A map gives an idea about the supposed outlines of the site. The island of Oleny was situated near the entrance to the Povenetskaya mouth stretched for 160 km northward. The natural conditions, which were favourable for the archaic appropriation economy, have resulted in a considerable concentration of Mesolithic sites on these grounds. In the past, these

sites probably reflected an ethnographically mosaic pattern of occupation. In this connection, one should emphasise both the anthropologically heterogeneous composition of the cemetery's «population» and considerable variations in the funerary rites represented in it.

However, the amalgamation of neighbouring but ethnically differing collectives could not occur just mechanically. An attempt to determine the actual factors that caused such ritualistic and ideological synthesis demands a consideration of the dominants of the primitive world view. As a rule, these dominants are disregarded in a «normal» archaeological program though their significance as a powerful material impulse is undoubted in palaeoethnography.

At the stage of the bow and arrows the most actual was the ancestor cult. In this sphere of the primitive concepts about the world, the «new settlers» of the North encountered a moral and social crisis of an especial deepness. Throughout the spontaneous migrations of many centuries the diverse collectives met one and the same irreplaceable loss — that of the clear ideas as to the situation and structure of the world of the dead. The centuries-long stress resulted in an empirically found solution that was the optimal for different communities — the foundation of the «Island of the Dead». Here, O. Comte's idea — «the dead unite the living» — was realised to the letter.

Analysing the role of the burial complex of Oleneostrovsky as a specific mechanism of triggering an extended ethnical and cultural genesis in the taiga zone, it is now possible to identify the probable initial burial i.e. that of the necropolis' founder. Corresponding to this quality is a unique vertical grave (No. 100) which at the same time enables us to outline one of the «longer» genetic lines of the symbolic development linked with the ancestor cult (a «rich» vertical burial — Meso-Neolithic wooden idols — the Neolithic flat «Demon» in the Onega-Lake Pantheon).

The Onega petroglyphic sanctuary (principal researchers: V. I. Ravdonikas, A. M. Linevskiy, Yu. A. Savvateev and V. Poikolainen) is stretched for 20 km along the eastern bank of the lake. It includes 24 groups of symbols, and the total number of representations amounts to 1300. This «rock Hermitage» is now perhaps the most significant field laboratory of petroglyphic studies in our country. Nevertheless, the historical attribution of the site may be estimated only as extremely rough, even the primary questions of defining its historical structure and relative chronology not having being put and the problems of the actual evolution of the site, its ethnocultural role and the semantics of the leading types having been disregarded.

Our approach to the detailed history of the Onega Pantheon is based on the principles of Linevskiy's «topographic method» (1939). Its

verification, essential development and supplementation enabled us to identify three successive steps in the evolution of the site which hitherto seemed a huge amorphous conglomeration. These stages probably took a period of up to 1500 years of the Neolithic history.

The initial stage (middle of the 4th—beginning of the 3rd millennium B. C.) is represented by only 20—25 very large silhouettes (up to 2,5 m high) found on the edge of the Besov Nos and the neighbouring promontories of Peri Nos VI and III (distanced not more than 1200 m from each other along the bank). The representations include an archaic figure of the Demon which along with large «staffs» is resonantly linked with the culture of the Oleneostrovsky cemetery. At this stage, the sanctuary probably belonged to a number of small aboriginal kins.

The second group of petroglyphs (middle of the 3rd—beginning of the 2nd millennium B. C.) is characteristic of a quite new artistic dynamics and the complexity and tenseness of the underlying historical process. The sanctuary spontaneously occupied the promontories throughout a distance of 10 km along the bank, and the rocks were suddenly studded with hundreds of small petroglyphic figures. The «giants» of the first group and the «pygmies» that superseded them (the size ratios are 1:15 and even 1:20) were not genetically related by any process of miniaturisation. The origin of the new pattern is explained by S. N. Zamyatnin's subtle observation (1948) concerning the relatively convincing closeness of the small petroglyphs and the images represented in the flint sculpture of the cultures belonging to the Volosovo-Garino circle. In addition, the latter, in the course of their migrations, reached the

Trans-Onega region just in the middle of the 3rd millennium B. C. Thus the golden age of the sanctuary was linked with its transformation into the intercultural centre of a considerable territory — a ritual preserve uniting aborigines and immigrants. Representative seasonable festivals which took place in the sacral groves, at a higher level than the Mesolithic cemetery fulfilled a specific ethnogenic function in the zone of dominating appropriation economy.

The final petroglyphic stage in the Onega region (middle of the 2nd millennium B. C.) is represented by local resettling sites near the Vodla River mouth. Such a completion of the huge Pantheon resulted in many respects of the action of natural powers — the abrupt transgression (up to 2 m) of the Onega Lake which started at the turn of the 3rd and 2nd millennia B. C.

Our search for signs of ethnocultural contacts among the Karelian antiquities has resulted, as the author hopes, in the formulation of the problem of the ideological basis for the initial social and ethnocultural genesis in the European North. Thus the historical meaning of the Oleneostrovsky cemetery received a new understanding, as well as that of the Onega petroglyphs (above all, those of their second group which acted as a powerful catalyst of the intertribal amalgamation on the ritual and ideological basis). Such a definition of the basic specificity of the evolution of cultures of the North during the Mesolithic period leads to a problem of the urgency of a sociocultural rehabilitation of Hyperborean cultures and recognition of the significance of their ideological contribution to the common treasury of the Humankind.

ВАРЯГИ В ЮЖНОЙ РУСИ

П. П. ТОЛОЧКО¹

Под 862 г. в знаменитой киевской хронике «Повесть временных лет» помещена поэтическая легенда о призвании на Русь варягов. «Земля наша велика и обилна, — заявили, будто бы старейшины северных славянских племен, — а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣте княжить и володѣти нами» (ПВЛ, Ч. 1. 1950: 18). Дальше идет рассказ о трех братьях — Рюрике, Синеусе и Труворе, которые переселились из-за моря на Русь и стали княжить в славянских городах Новгороде, Белоозере, Изборске. Со временем младшие братья умерли и вся власть над северными восточнославянскими племенами словен и кривичей перешла к Рюрику.

Таков несколько наивный летописный зачин ранней истории варягов на Руси. Он традиционен для средневековья. Легенды о трех братьях, призванных княжить в чужую страну, были очень распространены в Северной Европе в средние века. В Ирландию прибыли три брата норманна под предлогом торговли и по предложению ирландского веча остались там. Видукинд Корвейский в своей «Саксонской хронике» (967) сообщил о посольстве бриттов к саксам с предложением владеть их «обширной и великой страной». Саксы послали три корабля с тремя князьями.

Историки уже давно пришли к выводу о «мифичности» братьев Рюрика, которые появились под пером русского книжника, плохо владевшего северными языками. «Синеус» — *Sine hus* — в действительности означает «свой род», а «Трувор» — *Thru voring* — «верная дружина». Таким образом, Рюрик, историчность которого не подвергается сомнению, пришел на Русь, как сказано в летописи, «с роды своими», то есть, с родственниками и дружиной.

Летописная версия о добровольном «призвании варягов» была, скорее всего, сочинена во время редакции «Повести временных лет» летописцем великого киевского князя Мстислава Владимировича (около 1118 г.). Однако она явилась не столько результатом его идеологической тенденциозности, сколько отражением уровня мышления того времени. Мир в средневековье воспринимался как неизменный и постоянный, а поэтому новые явления в общественной жизни определенного народа ос-

мысливались не как результат внутреннего исторического развития, а как привнесенные извне. Поиски исторических корней правящих династий в соседних, как казалось средневековым хронистам, более престижных регионах характерны для многих европейских народов — французов, немцев, итальянцев, швейцарцев и др.

Разумеется, имели место эти явления и в реальной жизни. Не исключено, что и новгородцы, желая обезопасить себя от варяжских набегов и ненормированных даней, пригласили к себе одного из норманнских конунгов на правах князя. Таким образом, Рюрик, согласно «Повести временных лет», стал родоначальником древнерусской княжеской династии. Откуда он происходил?

Более 100 лет историческая наука без серьезного критического анализа пользуется гипотезой Ф. Крузе, по которой Рюрика «Повести» следует идентифицировать с Рюриком Ютландским. Историков, как правило, мало смущало то обстоятельство, что новгородцы направили приглашение не ближайшим своим заморским соседям — шведам, а дальним — датчанам. Как мало обращали внимания на то, что на Русь прибывали отнюдь не только шведы.

В последнее время появились работы, показывающие большое место датчан в русско-скандинавских связях IX — начала XI в. (Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко 1980: 31; Толочко 1984: 134—139). На основании свидетельств письменных и археологических источников оно представляется даже преобладающим. Древнейшими западноевропейскими монетами на Руси были английские. Их интенсивное поступление совпадает по времени с выплатой Англией так называемых «датских денег» в пользу Дании и связано, вероятно, с пребыванием на Руси варяжских дружин. После 1023 г. наблюдается постепенное сокращение поступлений английских, но зато увеличивается удельный вес собственно датских монет на Руси.

В свое время В. Г. Васильевский, изучавший вопросы службы скандинавов в Византии, пришел к выводу, что первые наемные отряды пришли туда из Дании. Вероятно, через Русь и с русскими же дружинниками. Итальянский

¹ Украина. 254210. Киев. пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии Национальной академии наук.

средневековый историк Лев Остийский, рассказывая о восстании Мело в Южной Италии, отмечает злоупотребления византийцев, захвативших Апулию и Калабрию при помощи «союзных датчан, русских и гуланов».

Чем можно объяснить приоритет датчан в скандинаво-русских отношениях начального периода?

Ответ на этот вопрос следует искать в исторической обстановке Балтийского поморья VIII—X вв. Датчане — ближайшие соседи северо-западной группы славян и находились с ними в постоянных контактах. Анализ археологических материалов показывает, что в балтийском регионе сложилась своеобразная культура, в создание которой внесли свой вклад норманы, саксы, франки, славяне.

А может приглашение новгородцев было направлено и не к датчанам, а к проживавшим в юго-западной Балтике славянам? Ставить так вопрос позволяют свидетельства средневековых хронистов о торговом городе венедских ободритов Рерике, которым в 808 г. овладел датский король Гетрик. В хронике Адама Бременского имя Рерик выступает как второе название славян — ободритов. Предположение о славяно-ободритском происхождении Рюрика (из города или страны Рерик) в какой-то мере подтверждается и археологическими материалами. Обнаруженные в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге и других пунктах керамические комплексы так называемого балтийского облика указывают на массовое проникновение в пределы Северной Руси в IX—X вв. поморо-славянского населения. Отдельные находки такой керамики обнаруживаются и в Киеве. Участие западных славян в заселении Новгородчины подтверждает также анализ этнонимии «Повести временных лет».

Титмар Мерзебургский и другие средневековые хронисты отмечали смешанный характер населения торговых городов южной Балтики: Хайтабу, Рерика, Старигарда, Волина, Зеебурга, Щеттина и др. Столь тесное и длительное взаимодействие скандинавов (датчан и шведов) и западных славян неизбежно вело к определенному их этноязыковому сближению, а возможно и ассимиляции на преобладающей этнической основе. Поразительный феномен вживания уже первого поколения варягов на Руси не может найти удовлетворительного объяснения, если не предположить, что еще до прихода на берега Волхова и Днепра они были уже наполовину славяне.

Мысль о связи варягов с южно-балтийскими славянами не новая. Ее высказывали еще историки XVII—XIX вв. — И. Гизель, М. Ломоносов, М. Максимович, С. Геденон. Из историков нашего времени ее сторонниками выступили В. Вилинбахов, А. Кузьмин и др. Однако она так и не получила убедительных

обоснований. Ныне, благодаря исследованию керамических комплексов так называемого балтийского типа, выявленных в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге, Городке на Ловати, аргументов в ее пользу становится все больше (Горюнова 1982: 44; Плоткин 1982: 158). Керамика балтийского типа датируется преимущественно IX—X вв. и свидетельствует о массовом проникновении в пределы северо-западной Руси поморо-славянского населения.

На юге Руси, согласно «Повести временных лет», варяги появились вместе с боярами Рюрика — Аскольдом и Диром. Отпросившись в поход на Константинополь, Аскольд и Дир встретили на своем пути Киев, основанный тремя полянскими братьями — Кием, Щеком и Хоривом. Город им понравился и они решили в нем утвердиться. Препятствий к этому со стороны киевлян они не встретили и начали владеть Полянскою землею. «И пойдоста (Аскольд и Дир. — П. Т.) по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ. И упрошаста и рѣста: «Чий се градокъ?» Они же рѣша: «Была суть 3 брѣтья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ ихъ платяче дань козаромъ». Аскольдъ же и Диръ остава въ градѣ семь, и многи варяги съвокуписта, и нечѣста владѣти польскою землею» (ПВЛ, Ч. 1. 1950: 18—19).

По другим средневековым источникам (Ян Длугош) Аскольд и Дир являлись наследниками по прямой линии славянского князя Кия.

О правлении в Киеве Аскольда и Диры сохранились лишь отрывочные сведения. «Повесть временных лет» сообщает под 866 г. о предпринятом ими походе на Царьград, который несмотря на успешное начало, закончился поражением Руси. В отличие от информации об аналогичных походах последующих киевских князей, в этой не содержится указания на то, что в составе Аскольдова воинства были варяги. Сведения Никоновской летописи, заимствованные из каких-то древних источников, не сохранившихся до наших дней, говорят также о походах Аскольда на печенегов и волжских болгар.

В 882 г. на киевском столе произошла смена династий. Убив Аскольда и Диру, власть захватил родственник Рюрика Олег. Анализ летописных известий позволяет утверждать, что коварное убийство Аскольда и Диры осуществилось не без участия их ближайшего киевского окружения. Крупнейший русский историк XVIII в. В. Н. Татищев полагал, что причиной тому послужило нежелание бояр принять крещение (Татищев Т. 2, 1963: 208). Таким образом, произошел по существу политический переворот, в результате которого на киевском столе утвердился новый человек. Формально великим князем стал сын Рюрика Игорь, однако, в связи с его малолетством,

фактически вся полнота власти находилась в руках Олега.

Став князем, Олег назвал Киев «матерью городов Русских». Пришедшие с ним варяги также стали называться «Русью». Одним из важных мероприятий правительства Олега была попытка оградить Киевское государство от нападения соседей, в том числе и варягов. Этой цели, видимо, служила ежегодная дань от Новгорода в 300 гривен, которую Русь обязалась выплачивать варягам за обещание не нападать на ее владения и, по-видимому, оказывать Киеву военную помощь. Такое положение, судя по замечанию летописи, сохранялось до смерти великого киевского князя Ярослава Мудрого (1054). «И устави варягомъ дань даяти от Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославѣ даяше варягомъ» (ПВЛ, Ч. 1, 1950: 20).

Варяжские дружины регулярно привлекались на юг Руси для военных походов, что указывает на договорную обусловленность этой помощи. В большей мере она была необходима для внешних военных акций Киевской Руси (походы Олега, Игоря и Владимира на Византию, война Ярослава Мудрого с печенегами), но использовались и во внутренних междукняжеских отношениях. С помощью варягов Владимир Святославич вернул себе Новгород, а затем завоевал Киев. Среди пятидесяти тысяч войска, с которым Ярослав Мудрый выступил в Киев, пятую часть составляли варяги. В целом, согласно подсчетам специалистов, варяжские воинские отряды в битвах конца IX—X в. образовывали самостоятельные части и составляли от шестой до тринадцатой доли общерусских военных сил.

В историографии, особенно зарубежной, роль варягов на раннем этапе сложения русской государственности, нередко, сильно преувеличивается. Она была, если и не абсолютной, на чем настаивали историки конца XIX—первой половины XX в., то уж, во всяком случае, не меньшей, чем роль восточных славян, на что соглашается нынешнее поколение исследователей. Думается, однако, что ближе к истине были русские летописцы. Согласно им, после прихода на Русь Рюрик и его мифические братья расселись в уже существовавших городах — Новгороде, Белоозере и Изборске. После смерти братьев Рюрик «прия власть... и раздая мужемъ своимъ грады» — одному Полоцк, другому Ростов, третьему Белоозеро. В 882 г. Олег, спускаясь вниз по Днепру, посадил своих посадников в Смоленске и Любече, а сам сел в Киеве.

Где же здесь равное участие? Рюрик, а позже Аскольд и Дир, Олег не основывают новые города, но овладевают уже существующими, не утверждают в них политическую власть, а только меняют старую администра-

цию на «свою», согласно уточнению летописца.

Новая княжеская династия Киевской Руси на первых порах содействовала вовлечению варягов в процессы государственной жизни страны. Это естественно. Однако не следует преувеличивать степень этого вовлечения. Оно никогда не приобретало форм господства, засилия чужеземцев. Процесс их притока на Русь строго контролировался, а проживание в славянской среде имело свою регламентацию, выражающуюся в экстерриториальности варяжских дружин по отношению к крупным городам. Специальный подгорный лагерь варягов известен под Черниговом (Шестовицы). Аналогичную роль под Киевом выполняло, по-видимому, поселение на Кирилловских горах, находившееся в 3 км от города. Письменные источники свидетельствуют, что всякий раз, как только задачи, в решении которых нужна была помощь варягов, оказывались выполнены, киевские князья старались избавиться от них. При этом не только не одаривали за службу со щедростью родственников, но, нередко, не платили даже обусловленные денежные суммы.

Характерно, что этническая родственность киевской княжеской династии со скандинавами практически не отражена в сагах. Русских князей они называют их славянскими именами, только незначительно видоизменяя на свой лад. Наиболее известным из них в северной литературе был Ярослав, который всегда фигурирует только под этим именем. Е. Рыздзевская считала, что не только у Ярослава, но и у его отца Владимира не было скандинавского имени (Рыздзевская 1940: 67).

Владимир Святославич, например, когда варяжская дружина начала слишком переоценивать роль в овладении Киевом и потребовала выкуп от киевлян по две гривны с человека, отказал ей в этом. Оскорбленные таким отношением, варяги заявили Владимиру, чтобы он показал им путь «В греки». Он охотно сделал это, спровадив в 980 г. крупный варяжский отряд в Константинополь. Характерно, что платным наемникам противостояли их обрусевшие соплеменники, влившиеся в правящие структуры Киевского государства. Из глухих свидетельств летописи явствует, что ситуация приобрела необычную остроту. Видимо, не обошлось и без столкновения. Направленные впереди варягов послы Владимира к императору предупредили его об опасности, которую представляли вооруженные варяги для города. Аналогичная ситуация возникла и в годы правления Ярослава Мудрого, отказавшего в выплате денег варяжскому отряду Эймунда, участвовавшему в отражении печенежского нападения на Киев. Скупость Ярослава отражена в Эймундовой саге.

Эти и другие аналогичные факты указывают на то, что княжеская династия на Руси очень быстро стала славянской, не мыслившей вне интересов того государственного образования, во главе которого она оказалась. Это справедливо и по отношению к тем представителям северных народов, которые поступали на службу к киевским князьям и оседали на Руси на постоянное жительство. В течение одного-двух поколений они полностью ассимилировались, превращались в политических русских и сохраняли из своего прошлого, пожалуй, только имена или прозвища. В море восточнославянской правящей знати варяжский элемент был незначительным и, конечно, не мог играть самостоятельной структурообразующей роли.

Отдельные представители балто-скандинавского севера занимали видное место в киевской государственной иерархии. Они входили в состав русских посольств, направлявшихся в годы княжения Олега (882—912) и Игоря (912—945) в Константинополь: занимали должности воевод, княжеских наместников и тысяцких. Особой известностью пользовался воевода Игоря и Святослава Свенельд, располагавший княжеским разрешением на сбор дани с Древлянской земли. Он явился основателем потомственной династии киевских воевод, среди которых летопись называет Асолда, Люта, Блуда.

Известны случаи передачи варяжским «мужам добрым, смысленным и храбрым» как отмечает летопись, в управление (по терминологии того времени «в держание») некоторых русских городов. Так, в частности, было при Владимире Святославиче, который направил пожелавших остаться на Руси варягов наместниками в порубежные города-крепости. Помощь варяжских умелых воинов особенно требовалась в конце X—нач. XI в. для отражения печенежской опасности. Последним киевским князем, кто широко пользовался варяжской военной помощью для решения внутренних и внешних задач, был Ярослав Мудрый. Варяжская дружина под предводительством Эймунда помогла Ярославу в утверждении на киевском столе, а также в отражении нападения на Киев печенегов.

Киев и Южную Русь связывали с балто-скандинавским регионом тесные политические отношения, которые находили свое выражение в том числе и в брачных связях. Владимир Святославич женил сына Ярослава в 1014 г. на дочери шведского короля Олафа Скотконунга Ингигерде. В 1043 г. Ярослав Мудрый выдал дочь Елизавету замуж за норвежского принца Гарольда Грозного. Несколько лет он прожил при дворе Ярослава в Киеве и был, как утверждал Снорри Стурлуссон, предводителем дружины, которая охраняла страну.

Позже Гарольд поступил на службу к византийским императорам. Брак с Елизаветой состоялся после того, как норвежский принц отказался служить Константину IX Мономаху и через Русь возвращался на родину. В 1066 г. Гарольд погиб в битве с англичанами под Станфордбриджем и Елизавета вышла замуж за датского короля Свена.

Своеобразными были датско-русские связи в годы княжения Ярослава Мудрого. В литературе они, чаще всего, несправедливо оцениваются как недружественные из-за того, что политические соперники датского короля находили на Руси убежище. Среди них — сыновья английского короля Эдмунда Железногобокого — Эдвин и Эдуард, Олаф Святой, потерявший норвежский престол, его сын Магнус и другие. В действительности характер отношений Ярослава с северными «изгнанниками» указывает на то, что они были, по существу, политическими ссыльными. Все (кроме Олафа Святого) вернулись на родину только после смерти Кнута Великого и ни один из них не получил военной поддержки киевского князя. Все это позволяет предположить, что между Ярославом и Кнутом Великим имела определенную договоренность по поводу статуса политических противников датского короля. В благодарность за это Ярослав получал датскую военную помощь. Из сообщения Адама Бременского следует, что около 1015 г. Кнут Великий выдал свою сестру Эстрид замуж за одного из сыновей Владимира Святославича. Брак этот не был счастливым. Муж датской принцессы погиб в междоусобной борьбе и она вернулась на родину. И тем не менее, событие это — важное свидетельство дружественных связей между Киевской Русью и Данией.

Особенно прочными были отношения Киева и Скандинавии в период великого княжения Мстислава Владимировича (1125—1132). Все кровные узы связывали его с Варяжским морем. По матери он происходил из знаменитого английского королевского рода. Первой женой Мстислава была дочь шведского короля Инга Стейнкельса Кристина. Дочери его вышли замуж за Сигурда Норвежского, Эрика Датского и Канута Оборитского.

Что же лежало в основе длительных и в целом стабильно дружественных военно-политических связей Киева со странами Балтики? С уверенностью можно сказать, что главным здесь был экономический фактор. Варяги были не только отчаянные воины, но и расчетливые купцы. И, может быть, купцы прежде всего. Скандинавские торговые корабли регулярно бороздили европейские моря, заходили в далекие от родных берегов порты. Неодолимо влекли их богатые рынки Византии. Наиболее краткий, экономически выгодный, хотя и нелегкий путь из Балтики в Константинополь

пролегал через Киевскую Русь. В древнерусской летописи он получал название пути «из Грек» или «из Варяг в Греки». Начинаясь от моря Варяжского, проходил по Неве, Ладожскому озеру, Волхову, озеру Ильмень, Ловати, волоком в Днепр и далее по Днепру, Черному морю до Константинополя. В летописи он описан с юга на север. Хорошо знали этот торговый путь и западноевропейские хронисты. Адам Бременский около 1070 г. писал про торговый путь, который начинался в Хайтабу, проходил через Ольденбург (Стариград), Юмну (Волин), Остроград (Новгород), Киев и далее до Миклограда (Константинополя). Начало освоения пути «из Варяг в Греки» приходится на вторую половину IX в., наиболее активное функционирование — X—начало XI вв.

Необычайно бурное развитие трансевропейских торговых связей вызвало к жизни специфический тип поселений. Анализ письменных и археологических источников убеждает, что скандинавские — Хайтабу, Висби, Бирка, западнославянские — Старигард, Любек, Волин, Щецин, восточнославянские — Новгород, Смоленск (Гнездово), Чернигов (Шестовицы), Киев были крупными торгово-ремесленными центрами. Все они входили в единую экономическую систему, которая не укладывалась в рамки этнических границ.

В основе этого явления лежал фактор неравномерности экономического развития различных европейских регионов, обусловленный в том числе и естественно-географическим разделением труда. Поначалу это содействовало вовлечению в экономические отношения Северо-Западной Европы и Прибалтики, позже — с конца VIII в. — к ним присоединились восточнославянский и арабский регионы. Инициатива здесь была за славянскими и мусульманскими купцами. Варяги, как можно судить по монетнымкладам, появились на восточноевропейских торжищах не ранее середины IX в. Наличие большого количества арабского монетного серебра, ставшего главным всеобщим эквивалентом в пределах контактирующих территорий, сыграло решающую роль в подъеме прибрежных морских и речных факторий во второй половине IX—X вв.

Главное занятие жителей этих поселений — дальняя торговля, а также связанные с ней ремесло и военное дело. Последнее в то тревожное время явилось, по существу, необходимым условием успешного развития торговых связей и не случайно одна из распространенных категорий археологических находок при раскопках всех торгово-ремесленных центров — это предметы вооружения.

Археологические исследования южнорусских раннегородских поселений показывают, что все они, наряду со славянскими, содержат материалы других этнографических регионов,

в том числе и балто-скандинавские. На этом основании раньше, а иногда и сейчас делаются выводы о шведском приоритете в основании этих торговых факторий. Здесь, видимо, продолжают срабатывать старые стереотипы, связывавшие инициативу формирования трансевропейских экономических связей исключительно с норманнами. Не умаляя их роли в освоении торгового пути «из Варяг в Греки», следует отметить, что удельный вес варяжского купеческого элемента в жизни Киева, Чернигова, Переяславля и других южнорусских центров в целом, вероятно, соответствовал удельному весу славян в жизни балтийских торгово-ремесленных поселений Хайтабу, Бирки, на о. Готланд и др. Монополией на балто-черноморскую и арабскую торговлю не обладала ни одна из сторон, хотя историческая перспектива здесь оставалась, безусловно, за славянами. Контроль за международной торговлей в пределах славянской территории осуществляло Киевское государство, что представляется вполне естественным.

Опознаются ли норманны на юге Руси археологически? На это вопрос можно ответить утвердительно, хотя он и не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в IX—начале XI в. в Восточной Европе выработался характерный тип дружинной культуры, в котором, наряду с местными элементами, широко использовались достижения соседних регионов — Арабского Востока, Византии, Венгрии, Скандинавии. Такой международный синкретизм культуры господствующей дружинной элиты затрудняет точность этнической диагностики археологических артефактов. Нет никакой гарантии, что погребение с типичным скандинавским набором вещей принадлежало норманну. Известно, что при посредничестве викингов на Русь попадали каролингские мечи, скрамасаксы, северные наконечники ножен, круглые щиты, отдельные виды копий и топоров. Однако утверждать, что только этот набор оружия был характерен для варяжских дружин на Руси, нет оснований. С таким же успехом они могли пользоваться и местными типами оружия. В свою очередь среди древнерусских дружинников популярным было привозное оружие. Следует иметь в виду, что и русские кузнецы могли изготавливать оружие по европейским или скандинавским образцам. Ярким примером такого русско-скандинаво-европейского симбиоза является меч, найденный у деревни Хвощеватой на Полтавщине (Украина). В нем — рейнская техникаковки, оригинальная композиция северного орнамента на рукояти и клеймо русского оружейника на клинке: «Людота Коваль» (Кирпичников 1966, Т. 1—3).

Аналогичные трудности возникают при этнической атрибуции киевских камерных гроб-

ниц. В свое время они безоговорочно связывались со шведами. Основанием служили близкие типы погребения в Бирке. Однако при тщательном исследовании (А.-С. Греслунд) оказалось, что в материковой Скандинавии погребений в деревянных камерах нет. Они есть в Западной Европе, в частности в Нижней Фризландии и Саксонии — Вестфалии. В Бирке камерные (но несрубные) могилы составляют, примерно, 10% от всех раскопанных могил и выступают здесь отнюдь не местным элементом. Труположения в камерах, согласно А.-С. Греслунд, демонстрируют тесную связь Бирки с Западной Европой. Следует отметить также, что камерные срубные могилы имеют традиции в Среднем Поднепровье: в них хоронили умерших здесь в скифское и сарматское время. Отмеченные выше особенности погребального обряда не ставят под сомнение факт участия варягов в южнорусской жизни IX—XI вв. Они указывают лишь на межнациональный характер этого явления. Примечательно, что процент камерных погребений на юге Руси (Киев, Шестовицы), примерно такой же, как и в Бирке (8—10% от общего количества исследованных погребений).

Ярким показателем присутствия скандинавов на Руси являются так называемые скорлупообразные фибулы IX—X вв. Они происходят из Южной Швеции, но широко встречаются в курганных древностях Северной и Северо-Восточной Руси. В десятках экземпляров они известны в погребениях Южного Приладожья, Верхней Волги, Гнездова.

В южнорусском регионе сколупообразные фибулы встречаются реже. В Киеве за все годы исследований их обнаружено не более 10 экземпляров, в Шестовицах — шесть. Топографическое распределение скандинавских фибул в Киеве следующее: четыре выявлено в могильнике на Кирилловских высотах, остальные — в районе Старокиевской горы. Ни в одном случае не отмечен камерный характер погребений. Фибулы изготовлены из серебра и бронзы с прорезными литыми накладками в виде плетенки и датируются IX—X в.

Северное происхождение несомненно имеют и кольцевые фибулы с длинной иглой (пять экземпляров). Одна из них происходит из срубного погребения дружинника с рабыней и конем, исследованного в 1936 г. неподалеку от Десятинной церкви, другая — из аналогичного дружинного захоронения, раскопанного в 1900 г. к западу от Софийского собора. По типу они близки к фибуле, найденной в 1891 г. близ деревни Демшино Псковской губернии в составе клада с арабскими и англо-саксонскими монетами IX—XI вв. Т. Арне считал эту фибулу британским изделием, а русский археолог А. А. Спицын — скандинавской. Третья фибула с длинной иглой обнаружена в погребении дружинника на Кирилловском некрополе.

Она бронзовая позолоченная с двумя головками лося и сложным плетеным орнаментом по кольцу. Еще одна фибула из собрания киевского коллекционера И. Хойновского представляла собой медную кольцеобразную застежку с отвороченными вверх оконечностями кольца в виде рогов лося (Каргер 1989, Т. 1: 189, 217—220.). Пятая фибула происходит из Шестовиц. Она состоит из небольшого (3,3 см) кольца и длинной (10 см) иглы, несколько сплюсненной в нижней части. Аналогия этой фибуле имеется в Гнездовском могильнике (Блифельд 1977: 45).

К кругу привозных ювелирных изделий балто-скандинавского происхождения относятся, вероятно, круглые серебряные фибулы с обычной иглой (3), подковообразные фибулы с ромбовидными и круглыми головками (15), витые браслеты (2), близкие к готландским, а также несколько наконечников ножен меча. Что касается самих мечей, то, хотя их попадание в Южную Русь могло быть связано с варягами, по происхождению они были франкскими. То же можно сказать и о скрамосаксах, которые встречены в Киеве, Чернигове и Шестовицах, а также о боевых топорах с долотовидным обушком, выявленных в Киеве, Шестовицах, Чернигове. Аналогии им имеются в материалах Приладожья, а также и в Скандинавии.

К кругу скандинавских древностей исследователи обычно относят и стеклянные игральные шашки в виде усеченного конуса с верхом в форме полушара, широко бытовавшие в Балтийском регионе. Встречаются они и в Киеве. Еще Х. Арбман на основании химического анализа полагал, что стеклянные игральные шашки происходили из прирейских областей. Из районов нижнего течения Рейна и Эльбы поступали на Русь стеклянные геммы, эллипсоидные и кольцеобразные ребристые бусы.

В целом, балто-скандинавские вещи составляют только небольшую долю из общего числа археологических находок IX—XI вв. на юге Руси. Если обратиться к археологическим комплексам торгово-ремесленных центров Балтийского Поморья, то окажется, что в них, примерно, в таком же соотношении встречаются вещи, происходящие с территории Руси. Серебреники Владимира и Ярослава найдены на Готланде, в Несбю (Норвегия), на западнославянских землях; сумки кожаные с лировидными пряжками известны в Бирке; лунницы серебряные с зернью встречены на Готланде и в Норвегии; шиферные пряслица найдены в Бирке, Лунде, Сигтуне, Хайтабу. В Сигтуне и на острове Готланд зафиксированы крестики с выемчатой эмалью, глиняные расписные ячки, монетные гривны.

Анализ археологических материалов показывает, что во взаимоотношениях между Русью и южно-скандинавским регионом в IX—XI вв. имела место определенная паритетность. Сколько-нибудь заметного влияния на различные сферы жизни друг друга стороны не оказали. Объясняется это, по-видимому, тем, что южная Скандинавия и Киевская Русь находились, примерно, на одном уровне социального и историко-культурного развития. Культура Скандинавии для Руси (как, впрочем, и наоборот) не была социально престижной, а

потому не могла получить заметного развития в восточнославянской среде. Вне конкуренции здесь оказалось влияние византийской культуры, которая стояла на порядок выше и русской, и скандинавской.

В заключение следует отметить, что, в целом, уровень русско-балто-скандинавских связей IX—XII вв. был достаточно высок. Отношения двух регионов являлись одним из существенных фактов европейского экономического, политического и культурно-исторического развития.

- Блифельд, Д. И.* 1977. Давньорусью пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Горюнова, В. М.* 1982. О раннекруговой керамике на северо-западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 39—44. Ленинград.
- Каргер, М. К.* 1989. Древний Киев. Т. 1. Киев.
- Киртичников, А. Н.* 1966. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1—36 (1—3). Москва.
- Киртичников, А. Н., Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, В. А. Назаренко.* 1980. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии 160: 24—38. Москва.

- ПВЛ.* 1950. Повесть временных лет. Ч. 1. Москва—Ленинград.
- Плоткин, К. М.* 1982. Псков и его округа в конце I тысячелетия н. э. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 157—164. Ленинград.
- Рыдзевская, Е. А.* 1940. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 7: 66—72. Москва—Ленинград.
- Татищев, В. Н.* 1963. История Российская. Т. 2. Москва—Ленинград.
- Толочко, О. П.* 1984. До питання про етнічний склад скандинавів на Русі // Український історический журнал 7: 134—139.

VARANGIANS IN SOUTHERN RUS

P. P. TOLOCHKO

In this paper Slavo-Scandinavian links are considered on the basis of both written documents and archaeological evidence in the general context of relations between the peoples of the Baltic region. To the author's opinion, the role of Varangians at the earliest stage of the formation of Russian state is considerably overestimated. Rurik, Askold and Dir, and Oleg did not found new towns but just captured the already existing ones; they did not establish a political authority but only changed the previous administration for their «own». The new princely dynasty at first promoted the attraction of Varangians into the state's life; this fact, however, should not be overestimated. The influx of foreigners to Rus was under a strict control, and their life among Slavs was regulated that expressed in extraterritoriality of Varangian retinues in relation to large towns. The Varangian princely dynasty in Rus very quickly became a Slavic one which could not separate itself from the interests of the state it headed.

Kiev and Southern Rus were connected with the Balto-Slavic region by close political

links which were expressed, in particular, in conjugal units. The stable military and political relations were based on the economical factor — Varangians were not only good warriors but also prudent merchants. It was via Kievan Rus that a profitable trade route from the Baltic region to Constantinople ran («road from the Varangians to the Greeks») which began to form in the second half of the 9th century and functioned most actively in the 10th—early 11th centuries. On the trade routes a specific type of settlements arose the inhabitants of which were occupied mostly with far trade, crafts and soldiering. The initiative in founding such settlements belonged to Slavs and Moslem merchants; Varangians appeared on the East-European market-places not earlier than the middle of the 9th century.

Archaeological investigations of South-Russian early urban sites showed that they all, along with the Slavic ones, contain materials from other ethnical regions including the Balto-Scandinavian. In terms of archaeology it is difficult to distinguish Norsemen in Southern Rus, since in the 9th—be-

ginning of the 11th century a specific type of a retinue culture developed in Eastern Europe which along with the local elements widely used achievements of neighbouring regions — the Arabian East, Byzantium, Hungary, and Scandinavia, and thus an international syncretism of culture has formed.

Analysis of archaeological evidence shows that a certain parity was sustained in the relations between Rus and the South-Scandinavian region during the 9th—11th centuries. Both parts have not influenced different spheres of life of each other to any great extent. The explanation probably lies in the fact that southern Scandina-

via and Kievan Rus had approximately the same level of the social and historico-cultural development. The culture of Scandinavia was not of a social prestige in Rus (as well as vice versa) and therefore could not develop considerably in the East-European milieu. The influence of Byzantine culture, which was by far greater than both the Russian and Scandinavian ones, proved to be beyond comparison here.

On the whole, the level of Russo-Balto-Scandinavian links in the 9th—12th centuries was fairly high, and they presented one of the most essential facts of the European economical, political and historico-cultural development.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ В ДОЛИНЕ СЕНЫ

Occupations du Paléolithique supérieur dans le sud-est du Bassin parisien.
M. Julien, J.-L. Rieu (Dir.). Documents d'Archéologie française 78.
240 p., 131 fig. 1999. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme.

Известно, какую исключительную ценность для всех специалистов, занимающихся верхним палеолитом, имеют данные по мадленским стоянкам Парижского бассейна. История планомерного изучения этих памятников берет начало с кампании раскопок А. Леруа-Гурана в Пенсеване в 60-е гг., ставшей, по выражению Н. Б. Леоновой (Леонова 1994: 8), «одним из самых блестящих археологических исследований XX века». За прошедшие десятилетия в результате работы ряда научных коллективов информационный фонд по позднему палеолиту долины Сены и ее притоков многократно увеличился. Помимо опорных стоянок, подвергшихся раскопкам на широкой площади (Пенсеван, Этьоль, Марсанжи, Вербери), здесь известно большое число разнофункциональных местонахождений. Значение исследований французских археологов выходит за региональные рамки (Васильев 1994; Vasil'ev 1994). В настоящее время Парижский бассейн является, вероятно, наиболее детально изученным сосредоточением стоянок финала плейстоцена в масштабах Евразии. Накопленные данные позволяют рассматривать проблемы освоения древним человеком территории, характера жилищ и поселений, сезонных перемещений охотничьих групп и т. д. на уровне недоступном для исследователей других регионов (Taborin 1994).

Новая книга, объединившая усилия нескольких десятков специалистов, посвящена результатам исследования верхнепалеолитических стоянок юго-восточной части района. Памятники были изучены под руководством Ж.-Л. Рье, Ф. Аликса, Ф. Сеара и Ж.-Л. Лохта в 1990—1991 гг. в ходе новостроечных изысканий по трассе автострады.

Основное место в работе занимает описание мадленской стоянки Маролль, располо-

женной в междуречье Сены и Ионны неподалеку от слияния рек. В трех раскопах открыто более 1000 кв. м площади памятника. Основной культурный слой стоянки, частично поврежденный эрозией и солифлюкцией, приурочен к аллювиальным супесям. На одном из участков удалось выделить немногочисленные остатки, относимые к нижнему культурному горизонту, вероятно близкому по возрасту основному уровню обитания. Серия радиоуглеродных датировок помещает памятник в интервале от 13 до 12 тыс. лет, то есть примерно в то же время, что мадленские слои Пенсевана и Виль-сен-Жак. Данные по малакофауне говорят в пользу заселения стоянки в интерстадиальное время, соответствующее вероятно беллингу. Палинологические анализы, как и на других стоянках Парижского бассейна, не дают достаточных результатов для реконструкции палеосреды. Судя по характеру малакофауны, можно говорить об обитании на влажной пойме с травянистой и кустарниковой растительностью.

Безусловно, ограниченность сроков работ, свойственная новостроечной археологии, не позволила изучить характер палеолитического поселения с той степенью детальности, как в Пенсеване или Этьоле. Однако относительная непопуганность остатков на большей части площади раскопа 2 открывает перспективы для изучения общей картины распределения.

К сожалению, в силу организационных проблем публикация охватывает лишь часть материалов памятника. Так, подсчеты фауны и планиграфические данные приведены только для раскопа 2, а описание каменного инвентаря дано для раскопов 1 и 2.

Стоянка доставила обильные фаунистические остатки, среди которых 95% принадлежит лошади (менее 5% — северному оленю; есть от-

дельные кости быка или бизона, волка и зуб мамонта). Костные остатки принадлежат как минимум 117 особям лошадей и 11 оленям. Добычей охотников в основном становились молодые лошади 5—8 лет. Таким образом, мы имеем дело со специализированной стоянкой охотников на диких лошадей. Археозоологический анализ сохранности частей скелета указывает на расположение стоянки неподалеку от мест забоя, вероятно происходившего вблизи водопоя. Отсутствие некоторых частей скелета животных говорит о том, что части туш уносились с места разделки. Кости северного оленя локализируются в юго-восточной части раскопа 2, что отражает, скорее всего, изолированный эпизод охоты.

Зона поселения, вскрытая в раскопе 2, располагалась в обширной ложбине. На дне и по пологим краям ее зафиксировано до 12 очагов (еще два очага изучены в раскопе 3). При отсутствии следов ямок и угля выделены по концентрациям очажных камней со следами воздействия огня. В плане очаги имеют вид округло-овальных скоплений камня, иногда прослеживаются кольцеобразные выкладки. Интересно отметить, что, в отличие от большинства палеолитических очагов, объекты, изученные на стоянке Маролль, не сопровождались находками обожженных фрагментов костей. Вероятно, очаги использовались для вяления и копчения мяса. Тщательный анализ камней из очага 1 показал, что данная структура на последнем этапе своего функционирования перестала использоваться в качестве очага, а очажные камни были уложены заново, образуя своего рода хранилище, вероятно для запасов мяса.

Культурные остатки, рассеянные по всей вскрытой площади, все же концентрировались вокруг скоплений очажных камней. Находки расчлененного камня были более многочисленны в юго-восточной части раскопа, соответствующей дну ложбины. В целом, однако, стоянка лишена четкости пространственного распределения, характерного для других магдаленских памятников региона.

Для изготовления каменных орудий обитатели стоянки в основном использовали местный кремль невысокого качества, добывавшийся из аллювия. Каменный инвентарь вклю-

чает серию одно- и двуплощадочных призматических ядрищ, предназначавшихся для производства пластин. Орудийный набор обычен для мадлена этого региона — скребки, срединные и боковые резцы, клювовидные острия, проколки, пластинки и острия с притупленным краем и др. Вместе с тем, число пластинок и острий с притупленным краем, которые предположительно использовались в качестве вкладышей для охотничьего вооружения, здесь заметно уступает другим комплексам, в частности Пенсевану.

Единственное свидетельство деятельности неутилитарного характера — подвеска из раковины (обнаружены также фрагменты ископаемых раковин, собиравшихся мадленцами).

Авторы склонны интерпретировать стоянку как следы множественных кратковременных разносезонных обитаний небольших групп охотников на лошадей. Основными занятиями обитателей Маролля была разделка охотничьей добычи и заготовка запасов мяса.

Вторая часть книги посвящена двум другим верхнепалеолитическим местонахождениям, расположенным в долине р. Ванн, притока Ионны. Первое из них — стоянка Лэйи, где выше мустьерских горизонтов были открыты остатки ориньякского комплекса. В склоновых отложениях расчищены остатки двух очагов с приочажными камнями, вокруг которых концентрировались находки. Еще менее изучена стоянка Фонванн, с которой происходят лишь небольшая коллекция каменного инвентаря, лишённая диагностических форм. Предполагается, что памятник обнаруживает черты сходства как с перигордьеном, так и с финальным палеолитом региона.

Стоянка Маролль значительно расширяет наши представления о хозяйственных занятиях мадленцев района. Теперь, наряду со стоянками, приуроченными к местам осеннего забоя оленей (Вербери, Пенсеван) и стоянками-мастерскими для массового производства каменных орудий (Этьоль, Марсанжи), можно выделить пункты добычи диких лошадей. В связи с этим возникает вопрос о зависимости характера пространственной структуры памятника от доминирующей фауны.

Васильев, С. А. 1994. Финальный палеолит Сибири и мадлен Франции: сравнительный анализ структуры стоянок // Археологические вести 3: 158—165.

Леонова, Н. Б. 1994. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Москва.

Taborin, Y. (Dir.) 1994. Environnements et habitats magdaléniens dans le centre du Bassin parisien. Documents d'Archéologie française 43. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme.

Vasil'ev, S. A. 1994. Le Paléolithique final de Sibérie du Sud et le Magdalénien de France: parallèles aux structures d'habitat // L'Anthropologie 98/2—3: 486—497.

С. А. Васильев

*Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.*

ВОСТОЧНО-МАЛОКАВКАЗСКАЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Джафаров А. К. Средний палеолит Азербайджана.
228 с., 115 рис. 1999. Баку: Элм.

Начало исследования палеолита в Азербайджане было положено в 1953 г работами С.Н. Замятнина. Обладая большим опытом поисков палеолитических памятников, он начал свои разведки с шурфовки пещер в Западно-Азербайджанской известняково-карстовой области, расположенной близ границы с Грузией, к западу от р. Акстафы. Здесь, на склоне горы Авейдаг, ему удалось открыть первую в Азербайджане палеолитическую стоянку в гроте Дамджилы (Замятнин 1958; Любин 1960), где наряду с верхнепалеолитическими позднее были встречены и среднепалеолитические изделия. В дальнейшем исследования палеолита в этой стране продолжили азербайджанские археологи М. М. Гусейнов, А. К. Джафаров и М. М. Мансуров. В стратегии поисков они следовали примеру С. Н. Замятнина, направив усилия на обнаружение и обследование пещерных убежищ в предгорных районах основных известняково-карстовых областей республики: Западно-Азербайджанской, Тутгунчай-Шушинской, Зангелано-Физулинской (Карабахской), а также Даралагезской (Айюцзорской) в Нахичевани. В первых трех из них, в предгорьях внешних хребтов Малого Кавказа, помимо Дамджилы были открыты палеолитические пещерные стоянки Дашсалахлы, Таглар и Азых (Гусейнов 1963; Гусейнов, Джафаров 1984), а в четвертой, Даралагезской области — пещера Газма. Вне этих областей распространения известняково-карстовых пород, в Талышских горах, была обнаружена еще одна пещерная стоянка — Бузеир. Во всех шести пещерах содержались слои со среднепалеолитическими культурными остатками, анализу и обобщению которых и посвящена рецензируемая монография. Необходимо подчеркнуть, что автор данной книги А. К. Джафаров принимал активное участие в раскопках пещер Азых и Таглар, причем по материалам последней им была защищена кандидатская диссертация. Он же открыл и уже самостоятельно исследовал стоянки в пещерах Газма и Бузеир (Джафаров 1987; 1992).

Наряду с названными стратифицированными пещерными стоянками в Азербайджане установлено еще более 20 местонахождений с

переотложенными среднепалеолитическими материалами. Характеристике географического положения всех известных памятников и истории их изучения посвящены две первые главы книги. В них обстоятельно описаны обширные разведывательные и раскопочные работы, а также комплексные полевые исследования, проводившиеся археологами и представителями естественных наук. Автором отмечена большая роль, которую сыграла в этом кооперация азербайджанских специалистов с археологами, геологами и палеогеографами из научных учреждений Москвы и Ленинграда. Основное внимание, что вполне справедливо, уделено изучению таких опорных многослойных стоянок как Азых и Таглар.

Большой интерес представляет третья глава, посвященная методике исследования и стратиграфии отложений среднепалеолитических пещерных стоянок. В ней представлены, по существу, лишь некоторые материалы по наиболее полно исследованным пещерам Азых и Таглар, а также весьма краткие сведения о стратиграфии в пещерах Газма, Дашсалахлы и Бузеир. При всей важности представленной информации, нельзя не указать на определенные методические недостатки. Так, пещера Таглар раскапывалась в течение 14 полевых сезонов, но ни одного полного продольного и поперечного разреза отложений зафиксировано не было. Длинная и узкая траншея, прорезавшая в начале раскопок отложения пещеры по ее длинной оси, и несколько примыкающих к ней более поздних вскрытий позволили получить лишь частичные разрезы. Между тем, мощная (до 8 м) и практически идеально сохранившаяся толща мустьерских напластований, изобилующая культурными остатками и содержащая множество субгоризонтально залегающих очажных прослоек и линз (уровни обитания-?), является, на наш взгляд, уникальной для всего Кавказа и даже сопредельных территорий. К сожалению, эти уровни не фиксировались и не исследовались с точки зрения планиграфии. Что касается пещер Азых и Газма, то остается пожалеть о том, что представленная в книге графическая документация ограничивается общими планами, а разрезы

отложений даны лишь в виде неясных фотографий.

Четвертая глава дает достаточное представление о фаунистических находках, встреченных в различных мустьерских уровнях указанных пещер (определения палеонтологов Д. В. Гаджиева и А. К. Векуа). Как здесь показано, изменения состава фауны в различных уровнях Тагларской пещеры явно свидетельствуют о существенных изменениях, происшедших в окружающей среде. В нижних и средних уровнях этой стоянки преобладают остатки безоарового козла, лошади и осла — индикаторов относительно сухого климата и остепненных ландшафтов, а в верхнем слое — остатки благородного оленя, кабана, медведя и барсука, что предполагает известную облесенность данной местности. В мустьерских слоях пещер Азыха, Газма, Дамджилы и Дашсалахлы присутствуют, как и основных уровнях Таглара, виды открытых пространств (лошадь, джейран, ископаемый осел, дагестанский тур, безоаровый козел). В нижнем слое пещеры Дамджилы встречены также остатки сайги (Гусейнов 1963; Джафаров 1978; Любин 1989).

Пятая и шестая главы («Характеристика каменного инвентаря» и «Особенности каменного инвентаря») занимают центральное место в монографии. В них подробно анализируются и сопоставляются коллекции каменных изделий рассматриваемых стоянок. Сравнение это не могло быть, конечно, полноценным, поскольку одни стоянки (Таглар, Азых, Дашсалахлы) раскопаны в значительной степени, а другие (Газма, Бузеир) — лишь в очень малой. Не вполне сопоставимы, соответственно, и размеры коллекций и наборы орудий. Так, в коллекции Таглара насчитывается 5815 изделий, Азыха (слой III) — 3744, Газмы — 353, Дашсалахлы — 326, Бузеира — 61.

Тем не менее, сопоставление этих материалов показывает, что каменные индустрии данного района имеют общие характерные особенности, которые в той или иной мере проявляются в каждой из этих коллекций. Особенно показателен в этом отношении каменный инвентарь Тагларской многослойной среднепалеолитической стоянки, где от слоя к слою прослеживается как генетическое единство, так и нарастание инноваций. Анализ этой индустрии приводит к заключению, что на всех уровнях она была леваллуазской, аномально пластинчатой и фасетированной. В составе орудий абсолютно преобладали скребла (39%) и, что особенно необычно, остроконечники (48%). Как хорошо видно из описания и богатых иллюстраций, остроконечники всех типов (леваллуазские, леваллуазские ретушированные и различные варианты мустьерских) отличаются узостью и удлинненностью пропорций. Пластинчатые пропорции характерны и

для скребел, среди которых преобладают боковые одно- и двулезвийные (Гусейнов, Джафаров 1981; Джафаров 1978; 1983).

Давая столь же подробное описание мустьерской индустрии Азыха, а затем сравнивая оба памятника, автор делает ряд важных наблюдений и выводов. С одной стороны, оказывается, что обе индустрии демонстрируют сходные приемы техники расщепления и вторичной обработки (ядрищные утончения оснований и корпусов орудий, в частности), а также близость по общему типологическому составу и основным орудийным формам, включая и некоторые очень характерные (например, скребла «тагларского типа»). С другой стороны, заготовки азыхской индустрии отличаются более крупными размерами, большей массивностью и меньшей долей среди них леваллуазских форм. Указывается также на отдельные типы орудий и особенности вторичной отделки, которые не встречаются или редко встречаются в Тагларе, но зато находят как будто аналогии в ашельском слое V Азыха. На этом основании утверждается, во-первых, автохтонное происхождение мустьер Азыха, а, во-вторых, продолжение этой генетической линии в индустриях Таглара и Дашсалахлы.

Первый вывод, как представляется, можно оспорить. Индустрия верхнего ашельского слоя V Азыха едва ли близка мустьерской индустрии слоя III как технологически (отсутствие леваллуазской техники), так и типологически (практическое отсутствие остроконечников, иные формы скребел, наличие бифасов и чопперов и т. п.). К тому же между ними вероятно большой хронологический разрыв, т. к. отнесение некоторыми специалистами мустьерского слоя III к микулинскому интергляциалу явно нуждается в дополнительных обоснованиях (Любин 1989). С другой стороны, автор совершенно правильно, на наш взгляд, доказывает сходство мустьерской индустрии Азыха с индустриями Таглара и Дашсалахлы, интерпретируя его как принадлежность их к одной генетической линии. Вполне правомерен также вывод о более архаичном характере азыхской мустьерской индустрии, что предполагает проявление в Азыхе более ранней стадии данной традиции. Думается, что к данному ряду следовало бы добавить и индустрию пещеры Газма, которая может отражать поздний этап развития этих индустрий. Судя по приведенной в монографии характеристике, индустрия Газмы заметно более миниатюрна и грациозна. Тонкость и уплощенность заготовок проявилась даже в лимасах, которые здесь становятся плоскими. Характерной чертой является частое применение распространенной, а в отдельных случаях и сплошной ретуши при оформлении остроконечников.

В связи с вполне убедительными и совершенно справедливыми, по нашему мнению, заключениями автора о генетическом родстве мустьерских индустрий Азыха, Таглара и Дашсалахлы вызывает некоторое удивление повторяемая им вслед за М. М. Гусейновым атрибуция азыхской индустрии в качестве мустье с ашельской традицией. Такое определение ее основывается, главным образом, на находке в слое III двух ручных рубил. На наш взгляд, все эти близкие друг другу индустрии можно отнести к мустье типичному, пластинчатому, леваллуазскому, обогащенному скреблами и, особенно, остроконечниками. Наличие же в слое III Азыха двух бифасов допустимо объяснять тем обстоятельством, что методика раскопок, применявшаяся в свое время М. М. Гусейновым, не была свободна от недостатков, способных привести порой к смешению материалов разных уровней.

Заключительный раздел монографии также содержит весьма важные выводы. Речь идет о том, что индустрии мустьерских пещерных памятников восточной, азербайджанской части Малого Кавказа обозначают новую своеобразную во многих отношениях палеолитическую провинцию. Входящие в нее мустьерские комплексы явно отличаются от таковых в других областях Кавказа и тяготеют к индустриям, выявленным на территории сопредельного Загроса (Иран и Ирак). Палеогеографические, био-стратиграфические и литолого-стратиграфические показатели восточно-малокавказских стоянок также имеют наиболее близкие параллели в таких загросских стоянках как Шанидар, Хазар-Мерд и Бизитун. Очевиден сходный тип зональности ландшафтов, сходная климатическая ситуация, сходная фауна открытых пространств. Осадконакопление в пещерах

этих соседствующих засушливых регионов происходило в весьма «спокойной» обстановке, благодаря чему в них сохранились наиболее полные колонки отложений. Литологические горизонты и культурные слои залегают в таких пещерах почти горизонтально, следы эрозии минимальны. Отмеченное сходство мустьерских индустрий, помимо вероятной генетической связи, могло быть обусловлено и адаптацией человека к условиям открытых пространств в данных регионах. Это отразилось, видимо, на охотничьем вооружении мустьерских людей (многочисленные и разнообразные удлиненные остроконечники, имевшие иногда утончения для насада на древко[?]). Таким образом, выделяемая А. К. Джафаровым мустьерская восточно-малокавказская провинция обособляется по ее экологическим особенностям, по направленности охотничьего промысла и по своеобразным каменным индустриям. С этим выводом трудно не согласиться, тем более, что мы также отмечали, хотя и не в столь развернутой форме, близость восточнокавказских и загросских мустьерских индустрий (Любин 1984; Beliaeva, Lioubine 1998).

В заключение подчеркнем, что, несмотря на определенные методические огрехи, допущенные при раскопках мустьерских стоянок в Азербайджане (в частности, недостаточность полевой документации, отсутствие абсолютных датировок и т.п.), трудно переоценить важность публикации, охватывающей всю совокупность известных на сегодня материалов по среднему палеолиту этой территории. Монография А.К. Джафарова является первой крупной обобщающей работой такого рода в Закавказье, причем нельзя не отметить вновь большую значимость сделанных в ней культурно-исторических выводов.

Гусейнов, М. М. 1963. Азыхская пещера — крупный карст и древнейшая стоянка Азербайджана // Доклады АН Азербайджанской ССР 19/1: 75—80. Баку.

Гусейнов, М. М., А. К. Джафаров. 1981. Исследования в Тагларской многослойной пещере (1977) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане: 86—87. Баку.

1984. Мустье Азербайджана // Каменный век и энеолит в Азербайджане: 14—39. Баку.

Джафаров, А. К. 1978. Многослойная Тагларская мустьерская стоянка в Азербайджане // Советская археология 4: 239—245.

1983. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку: Элм.

1987. Разведочные работы в Галышских горах // Археологические открытия 1985 г.: 549. Москва: Наука.

1992. Новая многослойная мустьерская стоянка Газма в Азербайджане // Российская археология 2: 270—274.

Замятин, С. Н. 1958. Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. // Труды Института истории АН Азербайджанской ССР XIII: 5—19. Баку.

Любин, В. П. 1960. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана // Вопросы антропологии 3: 99—105.

1984. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. Археология СССР: 45—93. Москва: Наука.

1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Палеолит мира: 9—141. Ленинград: Наука.

Beliaeva, E. V. and V. P. Lioubine. 1998. The Caucasus — Levant — Zagros: possible relations in the Middle Palaeolithic // Prehistoire d'Anatolie. Genese de deux mondes. Anatolian Prehistory. At the Crossroads of Two Worlds. Vol. I. Actes du Colloque international, Liege, 28 avril — 3 mai 1997. ERAUL 85: 39—56. Liege: Université de Liege.

В. П. Любин, Е. В. Беляева

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН

Отдел палеолита

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ЭПОХИ РАННИХ МЕТАЛЛОВ

Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien).

Par B. Lyonnet avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Avanessova. Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale VII. 131 p., 10 tabl., 45 fig., I—V pl. 1996. Paris: De Boccard Édition.

Сто лет назад в 1903 г. международная экспедиция во главе с американским геологом Р. Пампелли приступила к исследованию древнейшего прошлого Средней Азии. После раскопок в 1904 г. двух курганов у кишлака Анау под Ашхабадом в Туркменистане и публикации результатов работ (Pumpelly 1908) в науке появилось понятие «анауские культуры», а широкая общественность из статьи «Анау» в «Encyclopaedia Britannica» узнала о существовании нового центра мировой цивилизации — ровесника египетских пирамид и древнего Вавилона.

Основанная на керамическом материале из стратиграфических шурфов схема Р. Пампелли — Г. Шмидта (культуры Анау I—Анау IV) — стала первой научно документированной археологической периодизацией истории древних племен Южного Туркменистана, охватывающей период от эпохи медного века до раннего железного века. В 1952 г. Б. А. Куфтин внес в нее свои коррективы по материалам из шурфов Намазга-депе (далее Намазга), а В. М. Массон, добавив к ней материалы из поселений древней Маргианы (Яз-депе), создал единую периодизацию первобытных культур юга Средней Азии — Намазга (НМЗ) I—VI — Яз I—III, увязав ее с синхронными памятниками древнего Востока (Массон 1959).

Во второй половине XX века приоритет Южного Туркменистана (Парфии античных авторов) как древнейшего центра среднеазиатской цивилизации был потеснен новыми открытиями в других частях этого региона. Яркие археологические культуры оказались в древней Бактрии, в Маргиане и в Согде.

Новые археологические культуры не имели своих стратиграфических колонок, и их привязка к цивилизациям древнего Востока осуществлялась через традиционную шкалу Пампелли-Шмидта — Куфтина — Массона. На основе типологии керамики были созданы локальные периодизации. Так, в Бактрии в развитии сапаллинской культуры выявлено пять этапов (Аскарлов 1977; Рахимов 1987), в Маргиане для протобактрийской цивилизации¹ создана схема из трех периодов (Масимов 1971, Masimov 1981; Сариниди 1990), в Согде для раннеземледельческой культуры определена шкала из четырех периодов (Исаков 1991а, б).

Расширение международного сотрудничества, участие зарубежных ученых в раскопках советских, а позднее, в 90-е годы, и в раскопках археологов независимых государств Средней Азии,² привело к более широкому знакомству наших коллег не только с материалами, но и историческими концепциями, опирающимися на периодизацию и хронологию, разработанные 50 лет назад. И здесь выяснилось, что многие датировки древних периодов Средней Азии в работах советских, российских и среднеазиатских археологов древнее на несколько веков, чем даты западных ученых, хотя и те и другие опираются в своих исследованиях на одни и те же синхронные памятники (Гиссар, Сиалк, Хасанлу) сопредельных территорий.

Интересные разработки проблем периодизации и хронологии Средней Азии в глобальном масштабе от палеолита до железного века на фоне цивилизаций древнего Востока предложены Ф. Кодем,³ принимавшим участие с аме-

¹ Я предпочитаю этот термин, так как территориально и хронологически он точнее соответствует терминологии и процедуре археологического исследования. Название «бактрийско-маргианский археологический комплекс» или БМАК (Сариниди 1974: 70) пока не имеет вертикальной стратиграфии и слишком широк в пространственном отношении: от Северо-Восточного Ирана до Северо-Западного Индостана.

² Обстоятельный обзор и характеристика этого сотрудничества дана в предисловии проф. К. К. Ламберг-Карловского к монографии Ф. Т. Хиберта (Lamberg-Karlovsky 1994: XVII—XXX).

³ Ф. Л. Кол — один из пионеров нового поколения зарубежных ученых, который принял самое активное участие в изучении древнейшего прошлого Средней Азии: он неоднократно приезжал в СССР, знакомился с музейными коллекциями, посещал археологические экспедиции в Туркмении, Узбекистане и Таджикистане. Под его редак-

риканской стороны в раскопках Саразма в 1985 г.

Автор рецензируемой монографии Б. Лионне также была участником работ в Саразме в течение нескольких полевых сезонов (с 1984 по 1992 гг.) и имела возможность познакомиться не только с методикой раскопок местных археологов, но и их способом фиксации (полевые описи, дневники) археологических объектов. Отсутствие единообразного, систематизированного подхода и строгой фиксации археологических источников, является, по мнению Б. Лионне, одной из причин неверных сопоставлений материалов из разных раскопов, их научной интерпретации и построенной на этом периодизации (с. 18).

Кроме того, французская исследовательница неоднократно посещала нашу страну и среднеазиатские республики, где в музеях Душанбе, Оша, Самарканда, а также в хранилищах Институтов археологии Санкт-Петербурга (Ленинграда), Ашхабада и Москвы имела возможность проверить и уточнить свои наблюдения о существовании на некоторых поселениях Туркмении определенных типов нераспичной керамики, найденных в Саразме. Особенно это касалось кухонной посуды, позволяющей проследить местные традиции, но которая, как справедливо сетует Б. Лионне, как правило, почти не фиксируется в полевых отчетах, а количественные ее характеристики отсутствуют, как, впрочем, и многих других типов керамики. Статистика не в почете у многих археологов.

Такое пространное вступление о хронологии Средней Азии обусловлено тем, что книга со скромным названием «Керамика Саразма, Таджикистан (эпохи халколита и древней бронзы)», казалось бы посвященная исследованию керамики, на самом деле значительно шире по содержанию. Керамические коллекции являются основным, и, к сожалению, единственным источником, на котором автор строит свои хронологические построения на широком историческом и территориальном фоне, привлекая материалы не только Средней Азии, но и сопредельных цивилизаций Ирана, Месопотамии, Белуджистана, долины Инда и даже дальних степных культур.

Б. Лионне корректирует периодизацию основных этапов существования Саразма, опубликованную А. И. Исаковым (Исаков 1991), и оспаривает его новые более омоложенные

даты (2300—1990 гг. до н. э.),⁴ как бы заставляя автора вернуться к его первоначальным датировкам, которых она сама придерживается и которые ей кажутся более приемлемыми.⁵ Б. Лионне предлагает свою внутреннюю периодизацию керамики раскопов, чему и посвящены основные главы ее книги.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии до 1996 г. (из 103 работ 53 написаны российскими или азиатскими учеными, 4 в соавторстве с французскими коллегами) и приложения в виде статьи Н. А. Аванесовой со ссылками на литературу 20 советских археологов. Основному тексту монографии предшествуют краткие резюме на английском, русском и французском языках, а также перечень рисунков и таблиц.

В первой части введения (с. 15—18) Саразм рассматривается в историческом контексте разновременных памятников (от неолита до финала эпохи бронзы) восточной части Средней Азии.

Здесь же отмечены различия между стратиграфическими данными, приведенными в работе и в монографии А. И. Исакова, посвященной Саразму (1991а), и объясняются возможные причины таких различий. Основные аргументы автора, основанные на скрупулезном анализе керамики (даже единичных черепков), своего понимания стратиграфии поселения приводятся в четвертой главе.

Вторая часть введения излагает публикации материалов из Саразма А. И. Исакова и его зарубежных коллег, а также дает перечень задач, решаемых в основных главах книги.

Керамическая коллекция (около 15000 фрагментов) составляет источниковедческую базу исследования Б. Лионне. Используются материалы из раскопок А. И. Исакова в 1977—1985 гг. (из раскопов 1—6 и нескольких шурфов), а также материалы Таджикско-Французской экспедиции, руководимой Р. Безанвалем (раскоп 7).

Работа построена на сравнительном анализе керамики Саразма, предварительно изученной по определенной программе, с аналогичным материалом различных, иногда территориально очень удаленных друг от друга историко-культурных регионов: Туркмении, Белуджистана, Северо-Восточного Ирана, Приаралья.

В главе 1 «Описание керамики» (с. 19—29) дано типологическое исследование керамики

цией увидел свет коллективный труд, посвященный культурам бронзового века этого региона (Kolh 1981), а затем и две работы (Kolh 1984, 1992), внесшие заметный вклад в разработку проблем хронологии Средней Азии.

⁴ В автореферате — 2300—2000 гг. до н. э. (Исаков 1991а: 22). Ссылки не на монографию «Саразм» (Исаков 1991а), а на автореферат диссертации, защищенной 6 мая 1992 г., обусловлены тем, что в нем содержится квинтэссенция 244-х страницного исследования и внесены существенные дополнения.

⁵ Вероятно, такое удревление раннего периода Саразма потребовалось автору для обоснования концепции о происхождении геоксюрского стиля в долине Зеравшана.

по функциональному принципу, с учетом оформления поверхности, декора и характерных форм. Описание сопровождается прекрасно выполненными иллюстрациями (рис. 2—38 со с. 80 по с. 116) и несколькими черно-белыми фоновыми таблицами (I—V).

Первая группа — столовая посуда двух видов: 1) лощеная керамика, чаще всего красная с черными пятнами, иногда с расписным декором (типы I.1—I.10 — рис. 2—7) и 2) керамика без лощения светлого фона, большей частью расписная (типы I.11—I.19 — рис. 8—12).

Вторая группа — кухонная посуда двух видов: с лощением или без него (типы II.1—II.12 — р.13—23).

Третья группа — тарная посуда представлена несколькими формами. Это: 1) хумы более или менее крупных размеров двух видов: светлоглиняные (типы III.1—III.9 — рис. 24—29) и из «сгоревшего» теста, обычно лощеные (типы III.10—III.17 — рис. 30—33); 2) закрытые горшки без выделенной горловины (тип IV — рис. 24); и 3) открытые сосуды больших размеров (тип V — рис. 25).

Среди редких форм (некоторые единичны) в серой керамике выделяются: кувшины с высоким горлом и покатыми плечиками, узкогорлый «графин» (типы VI.1—VI.7 — рис. 36—37); в керамике из темного теста, с прочерченным декором — один кельтеминарского типа остродонный сосуд (тип VI.8 — рис. 38, 1); в светлоглиняной с прочерченным орнаментом — острореберная форма (тип VI.11 — рис. 38, 3). Кроме того учтены фрагменты, не позволяющие реконструировать форму сосуда, но имеющие расписной узор (типы VI.12a—VI.13 a— без рисунков).

Глава 2 «Последовательность распределения типов керамики во время существования поселения (типо-хронология)» (с. 31—38) содержит сравнительные данные о стратиграфическом положении различных типов керамики, описанных в первой главе, в разных раскопах. Для каждого раскопа (II, III, IV, I, V, и VI) составлена своя таблица (1, 2, 3, 4, 5 и 6), внутри которой керамика распределена по выявленным (3-м—4-м) строительным горизонтам. Фрагменты, происхождение которых сомнительно, перечислены в таблице 7. Автором проделана кропотливая работа, послужившая основой для следующей главы.

Глава 3 «Сравнительная хронология» (с. 39—53) выполнена в оригинальной форме в виде 12 последовательных частей единой таблицы 8, содержащей сравнительные материалы для каждого из типов, описанных в главе 1. Левую часть таблицы занимают особенности керамики (типы или фактура), в средней ее части дан полный перечень аналогий с подроб-

ной информацией (включая статистику, где она учтена) о стратиграфии и местонахождении отмеченных фрагментов. В правой колонке указана библиография аналогий. В ссылках (их 54) кратко обсуждаются спорные вопросы периодизаций различных поселений, а генеральная синхронная схема всех стратиграфических колонок упомянутых в работе памятников помещена в заключении главы в таблице 9.

В главе 4 «Четыре главных периода Саразма и их связи с комплексами Средней Азии» (с. 55—61) в очень сжатой форме изложены результаты синтеза керамики каждого из четырех периодов, их соотношение отражено в таблице 10. Здесь же рассматриваются проблемы происхождения различных групп керамики с привлечением аналогий, упомянутых в третьей главе, и приводятся их даты, полученные на основании сравнительного анализа с материалами других регионов. Для каждого периода автором предлагаются и свои календарные даты, например, для периода IV — это 2800—2600 гг. до н. э., которые значительно отличаются от цифр А. И. Исакова, приводимых им в диссертации.

В заключении «Заметки о древнем заселении восточной части Средней Азии» (с. 63—69) подводится итог исследованию и затрагивается ряд проблем древнейшей истории этого региона, четко сформулированных в четырех разделах: 1 — Местное заселение долины Зеравшана в халколите и начале бронзового века; 2 — Конец заселения в Саразме; 3 — Проблемы абсолютной хронологии в Центральной Азии и 4 — Мысли автора о функции Саразма.

Первый пункт Б. Лионне выдвигает как гипотезу, к сожалению не подкрепляемую другими доводами. Она предполагает, что краснолощенная керамика не обязательно была «импортной», из Геоксюрского оазиса, а могла принадлежать оседлому населению этой части восточной Средней Азии. Косвенным подтверждением этому служит сохранение до наших дней традиции изготовления этого вида посуды, образцы которой широко представлены в коллекции Этнографического музея в Душанбе, у гончаров из горных долин Таджикистана и Афганистана (с. 64).

Два следующих пункта заключения автора взаимосвязаны. Вопросы абсолютной датировки, к сожалению, нельзя решить на единственном, хотя и таком важном источнике, как керамика. «Большинство собранных фрагментов позволяют отнести конец Саразма к 2700—2600 гг. до н. э., однако, некоторые находки могут быть датированы и 2500 г.» (с. 12). Эта краткая фраза из русского резюме в заключении (с. 67—68) рассматривается на широком фоне современных исследований по абсолют-

ной хронологии культур Средней Азии и древнего Востока.

Но выводы автора, на которых она строит свои хронологические построения, противоречат не только этим мировым «стандартам», но и более реальным цифрам предложенным А. И. Исаковым (2300—2000 гг. до н. э.). И связано это, в первую очередь, с игнорированием характера культурного слоя самого памятника, его стратиграфии и относительной бедностью керамической коллекции.⁶

Напомним характеристику Саразма, особенности его стратиграфии и культурного слоя, которые обойдены молчанием в работе Б. Лионне, как и его местонахождение.⁷

Это — возвышение, вытянутое с запада на восток на 1,5 км, площадью около 100 га. Как отмечает А. Исаков: «культурные слои поселения Саразм, как правило, не образуют единой многометровой толщи. Жизнь на поселении перемещалась по разным участкам, и весьма важно тщательно сопоставить материалы из разных раскопов для выявления реальной последовательности археологических комплексов» (Исаков 1991а: 4). Культурный слой поселения незначителен: «Четыре строительные горизонта, выявленные в раскопе II, стали эталоном для всех раскопов поселения... Общая толщина культурных слоев 1, 20 м» (Исаков 1991а: 4).⁸

Таким образом, общая мощность этих горизонтов не превышает 1,2 м. Но даже если учесть уничтожение при распашке в раскопе II верхнего жилого горизонта (IV), от которого сохранились фрагменты каменных вымосток и пола с обожженными лунками очагов, то время существования этого периода невелико. В раскопе IV были раскопаны два последовательных строительных горизонта с остатками стен и полов с целыми квадратными очагами того же типа (Исаков 1981: рис. 4). Такого типа архитектура, квадратные очаги, комплекс каменных орудий, включающих и полированные миниатюрные «колонки» (о «колонках» упоминает и Б. Лионне — с. 64) исследованы мною на Теккем-депе, в слоях эпохи поздней бронзы — ранняя Намазга VI (Щетенко 2000:

137). Следовательно, датировки А. Исакова ближе к истине, чем даты его оппонента.

Процесс создания А. Исаковым хронологической шкалы Саразма имеет целую историю. В предварительных публикациях А. Исакова были предложены вполне реальные, с точки зрения современных разработок хронологии древнего Востока, даты. Так, верхние горизонты раскопа IV (культовое здание с квадратными очагами) он относил к рубежу III—II тыс. до н. э. (Исаков 1988: 198). В полевом отчете 1978 г. он пишет: «...вещественные находки обоих раскопов (II и III—А.Щ.) укладываются в рамки единой хронологической шкалы, а именно — 2 тыс. до н. э.). При этом мы исключаем встреченные на обоих раскопах фрагменты полихромной керамики и ряд каменных изделий, которые являются предметами более ранних периодов» (Исаков 1984: 273). (Курсив мой — А. Я.). И так, в 1978 г. верхние слои — 2 тыс. до н. э., в 1981 г. — рубеж 3—2 тыс. до н. э., в диссертации 1992 г. — 2300—2000 гг. до н. э. Основой для этого служат даты по археологическим параллелям — 2300—2000 гг. до н. э., дополненные радиоуглеродным методом — 2700—2000 (Исаков 1991а: 22). Следовательно, по моему мнению, датировки А. Исакова ближе к истине, чем даты его оппонента.

Комментируя последний пункт заключения Б. Лионне о назначении поселения Саразм, следует иметь в виду несколько обстоятельств. Во-первых, незначительную мощность культурного слоя, во-вторых, дискретность в расположении раскопов: нет единого комплекса на 100 га, в-третьих, малочисленность и фрагментарность керамики разных эпох (от энеолита — геоксюрский стиль — до сероглиняных черепков с сетчатым лощеным орнаментом эпохи раннего железного века), наконец, отсутствие столь характерных для долговременных земледельческих поселений, сосудов для хранения. Все это, по моему мнению, свидетельствует о том, что Саразм мог быть одним из перевалочных пунктов в международной торговле разных эпох (от энеолита до эпохи поздней

⁶ В течение 15 полевых сезонов я копал многослойное поселение Теккем-депе, где кроющий слой вскрыт на площади в 0,5 га, и пройден на глубину 11 м до материка. А. Исаков отмечает, что в течение 11 полевых сезонов вскрыта площадь более 4,5 тыс. кв. м, а учитывая 4 горизонта, он увеличивает ее до 10000 кв. м, то есть 1 га. (Исаков 1991а: 3). При этом, на Теккем-депе найдено несколько тысяч черепков, включая сотни сосудов, в том числе совершенно целых.

⁷ Саразм расположен в среднеазиатском междуречье Амударьи и Сырдарьи, на границе равнины и горных районов Зеравшанской долины, в 15 км к западу от древнего Пенджикента и в 45 км к востоку от Самарканда (Исаков 1991а: 3). Лишь на карте-схеме (рис. 1) отражена его позиция (№ 16) среди других 50 археологических памятников Ближнего и Среднего Востока.

⁸ В первой публикации об открытии памятника читаем: «Шурф в центре поселения углублен на 3, 65 м, но не доведен до материка» (Исаков, Эшонкулов 1978: 558). Не ясно, куда делись 2,45 м культурных напластований? Неужели их уничтожили распашкой? Очевидно одно — верхние слои памятника разрушены, а одна горизонтальная стратиграфия, пройденная 8 раскопами и 12 шурфами, требует специальной методики исследования археологического материала, в том числе и керамики.

бронзы или даже раннего железного века) весьма отдаленных друг от друга историко-культурных регионов: Туркмении, Белуджистана, Северо-Восточного Ирана, Приаралья и степной зоны. Косвенно об этом свидетельствует и его удобное географическое положение, что отмечает и Б. Лионне. Но горизонтальная стратиграфия Саразма говорит о постоянном перемещении этих древних «караван-сараяв» вдоль берега Зеравшана и, вероятно, не без влияния изменения ее водного режима.

В целом, следует положительно оценить скрупулезное исследование Б. Лионне как образец всестороннего изучения столь разно-

характерной по стилю и времени керамики Саразма, привлечению ею огромного сравнительного материала из различных регионов Средней Азии, во многих случаях *de visu* просмотренных. Хотелось отметить тщательную проработку материалов автором монографии, а главное — краткую и доступную форму сравнительного изучения керамики, очень удобную для ее дальнейшего использования и проверки другими учеными. И это первоклассное исследование стало возможно благодаря международному сотрудничеству археологов разных стран на новом этапе исторического развития мирового сообщества и свободной России.

- Аскарлов, А. А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент: Фан.
- Исаков, А. И. 1979. Раскопки в Саразме // Археологические открытия 1978 года: 578. Москва: Наука.
1984. Раскопки Косатарошского отряда в 1978 г. // Археологические работы в Таджикистане XVIII (1978 г.): 263—273. Душанбе: Дониш.
1986. Раскопки третьего сезона на Саразме (1979 г.) // Археологические работы в Таджикистане XIX (1979 г.): 334—350. Душанбе: Дониш.
1988. Разведки и раскопки Саразмского массива в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане XXI (1981 г.): 186—198. Душанбе: Дониш.
1991. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977—1983 гг.). Душанбе: Дониш.
- 1991a. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (К проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху). Диссертация ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Ленинград: ЛОИА АН СССР.
- Исаков, А. И., У. Эшонкулов. 1978. Работы Косатарошского отряда // Археологические открытия 1977 года: 557—558. Москва: Наука.
- Масимов, И. С. 1979. Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // Советская археология 4: 111—131.
- Массон, В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и исследования по археологии СССР 73. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
1999. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // STRATUM Plus — ВАШ археологический журнал 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций: 265—285. Санкт-Петербург,

- бурж, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
- Рахимов, У. 1987. Керамическое производство эпохи бронзы южного Узбекистана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд.
- Сарианиди, В. И. 1974. Бактрия в эпоху бронзы // Советская археология 4: 49—71.
1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым.
- Щетенко, А. Я. 2000. К проблеме периодизации культуры Намазга VI // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. Российско-Туркменистанские культурные связи и взаимодействия I: 127—141. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Kolh, Ph. L. 1981. (Ed.). The Bronze Age Civilization of Central Asia. New York.
1984. Central Asia Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Edition Recherches sur les Civilisations.
1992. Central Asia (Western Turkestan): Neolithic to the Early Iron Age // R. W. Erich (ed.). Chronologies in Old World Archaeology 1: 179—196. Chicago: University of Chicago Press.
- Lamberg-Karlovsky, C. C. 1994. Initiating an Archaeological Dialogue: The USA-USSR Archaeological Exchange // F. T. Hiebert. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. American School of Prehistoric Research Bulletin 42. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University, Cambridge, MA 1994.
- Masimov, I. S. 1981. The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murghab // Ph. L. Kolh (ed.). The Bronze Age Civilization of Central Asia: 194—220. New York.
- Pumpelly, R. (Ed.). 1908. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment. I, II. Washington: Carnegie Institution of Washington.

А. Я. Щетенко

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Fredrik T. Hiebert. *Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia*. American School of Prehistoric Research Bulletin 42. 200 p., 175 ill., foto 57; 13 tabl. 1994. Cambridge: MA. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University.

Рецензируемая работа посвящена одному из самых значительных открытий второй половины XX века — древней культуре эпохи бронзы Средней Азии, которую некоторые ученые ставят в один ряд с цивилизациями Месопотамии, Египта, Индии и Китая.¹

Памятники этой археологической культуры исследованы на части территории Северного Афганистана — левый берег Амударьи (Южная Бактрия античных авторов) и в южных областях Средней Азии — правый берег той же реки (Северная Бактрия) и в долине Мургаба (Маргиана). Именно с именем последней реки связано первое название открытого здесь в начале 50-х гг. XX в. археологического комплекса — мургабский вариант культуры Намазга VI (далее — НМЗ VI). Опираясь на античную топонимику, новую культуру называют «бактрийской» цивилизацией эпохи бронзы (А. Аскарлов, В. И. Сарияниди) или «протобактрийской» (В. М. Массон). Ряд зарубежных исследователей следуют этим названиям (С. Салватори), другие предпочитают более звучное — цивилизация Окса (Х.-П. Франкфорт, К. К. Ламберг-Карловский) — по античному имени Амударьи, по берегам которой находилась Бактрия. Однако Маргиана, как справедливо заметил В. М. Массон, оказывается в стороне от Окса (Массон 1999: 279).

Необычное название предложил В. И. Сарияниди — бактрийско-маргианский археологический комплекс (БМАК).² Ф. Хиберт считает оба термина равнозначными. По его мнению: «Окская цивилизация характеризуется комплексом специфической керамики, типами погребений, архитектурой и специфическим комплексом малых находок, именуемым Бактриано-Маргианским Археологическим Комплексом» (с. 1).³

Книга имеет два предисловия. В первом — «Начало археологического диалога: археологический обмен США — СССР» (с. XVII—XXX) профессор К. К. Ламберг-Карловский (Гарвардский университет, Кембридж) подчеркивает плодотворность международного сотрудничества и междисциплинарного подхода в изучении древней истории Средней Азии и дает характеристику автору.⁴ Во втором предисловии (с. XXXI—XXXIV) В. И. Сарияниди (Москва, Институт археологии РАН), один из первооткрывателей протобактрийской цивилизации, высоко оценивает результаты исследования американского ученого, отмечая сложность и неоднозначность решения проблем хронологии, происхождения и этнической интерпретации носителей протобактрийской цивилизации.

¹ См. «Предисловие» В. И. Сарияниди в данной работе — с. XXXI. Итогам изучения новой цивилизации посвящен отдельный выпуск Информационного бюллетеня, издаваемого в России под эгидой ЮНЕСКО — Information bulletin (1993) и специальный раздел в «Antiquity» (1994).

² Аргументация этого термина, выпадающего из системы археологических понятий (культурно-историческая общность, археологическая культура, и пр.) у автора отсутствует. Есть лишь предложение, впервые высказанное не в 1987 г., как указывает Ф. Хиберт (с. 1), а в 1974: «...во избежание терминологической путаницы кажется наиболее целесообразным выделить бактрийско-маргианский археологический комплекс, предполагающий общий путь развития и происхождения.» (Сарияниди 1974: 70).

³ Я предпочитаю этот термин, так как территориально и хронологически он точнее соответствует терминологии и процедуре археологического исследования. БМАК пока не имеет вертикальной стратиграфии и слишком широк в пространственном отношении: от Северо-Восточного Ирана (Тюрнг-тепе) до Северо-Западного Индостана (Сибри).

⁴ Ф. Т. Хиберт — помощник хранителя музея Пибоди Гарвардского университета (США), выпускник департамента антропологии Мичиганского университета, пришел в Гарвард, имея полевой опыт раскопок поселения эпохи бронзы на острове Бахрейн в Персидском заливе в составе французской экспедиции. Первый грант International Research and Exchanges Board (IREX) он потратил на интенсивное изучение русского языка в Middlebury College. Последующий грант IREX позволил продолжить это изучение во время посещения Хибертом поселений и музеев Средней Азии, а также установить контакты с археологами этих стран и договориться с В. И. Сарияниди о возможности проведения самостоятельных раскопок на Гонуре.

В целом, монография Ф. Хиберта представляет собой сводку его статей, опубликованных ранее,⁵ с добавлением глав, посвященных интерпретации новых материалов, добытых им самим из стратиграфического шурфа и из раскопа с остатками хозяйственной (domestic) архитектуры северного холма Гонура. Для получения дополнительной информации Хиберт изучал полевые отчеты, дневники, описи своих предшественников. В оформлении книги он широко использует иллюстрации поселений Киллели 3, Киллели 4, Тоголок 1, Тоголок 21, Тоголок 24, северного и южного Гонура: планы и рисунки, фотографии дворцов и храмов, целых сосудов, каменных и металлических предметов. Они значительно дополняют и украшают более скромные по своему виду находки из раскопок автора.

Монография состоит из краткого введения (с. 1—3), где определяются цели и основной круг вопросов, рассматриваемых в исследовании, и десяти глав.

Глава 1 «Область исследования» (с. 5—14) описывает современные физико-географические условия различных ландшафтов (пустыни, оазисы, дельты, подгорную равнину и горные долины), останавливаясь на культурной географии и делая особый акцент на палеоклимате. Глава 2 «Поселения бронзового века Маргианы» (с. 15—28) дает характеристику трех групп (северной, южной, восточной) поселений, образующих древние оазисы. В контексте оазисной теории Ф. Хиберт сравнивает схему расположения поселений эпохи бронзы вдоль русел рек и предполагаемых древних каналов в Маргиане и Бактрии (рис. 2.17) с повторяющимся аналогичным рисунком оазисом средневекового Мерва (рис. 2.18). Эта схема, по его мнению, отлична от ландшафта подгорной равнины Копетдага, где многослойные огромные холмы Намазга-депе (далее — Намазга), Алтын-депе (Алтын), Улуг-депе (Улуг) как бы демонстрируют последовательное обживание одного и того же места в течение тысячелетий.

На первый взгляд это справедливо: от энеолита до эпохи развитой бронзы, как показывают стратиграфические колонки названных памятников, существует непрерывная линия развития. Однако до сих пор не выявлены реальные размеры указанных поселений в каждую из эпох (НМЗ II, III, IV, V), то есть, не изучена горизонтальная стратиграфия, как, например, это имело место в Мехргархе, или в Саразме. Кроме того, многометровые аллювиальные наслоения подгорной равнины скрыва-

ют истинную картину расположения памятников разновременных эпох. Однако, по крайней мере, в одной части Этекского оазиса, на землях, орошаемых речками Казганчай и Лоинсу, оазис эпохи бронзы (НМЗ V) существовал в местности Бяш-Теккем (Щетенко 1979: 85), а схема расселения вдоль высохших протоков речки Лоинсу аналогична маргианской (Щетенко 1999: 324, рис. 1.1). И это никак не противоречит основному постулату Ф. Хиберта, что первопроходцы Маргианы были выходцами с подгорной равнины.

Полная научная характеристика новых материалов с их первичной интерпретацией дана в главе 3 «Стратиграфические раскопки в Гонуре» (с. 29—38). Здесь, в 70 м к югу от стен «кремля», стратиграфический шурф первоначально 6 × 6 м, постепенно сокращаясь (до 1 × 1 м), на глубине 3,5 м достиг материка. В 50 м к востоку от шурфа, на площади в 221 кв. м, Ф. Хиберт вскрыл часть планировки поселения, соотносимой с находками из шурфа. В свою очередь, эти материалы бытовых комплексов он привязал к стратиграфической колонке северного Гонура с остатками монументальной архитектуры.

Особенно следует отметить новаторскую методику раскопок, о которой сам автор пишет: «комбинация ювелирно проведенных раскопок с результатами применения техники широкомасштабных раскопок моих русских и туркменских коллег» (с. 17). За первичную единицу анализа в раскопках принят локус (locus). Стратиграфически локусы группировались в слои, а последние (по керамике и мелким находкам) образовывали периоды. Шурф копался квадратами (3 × 3 м) по слоям в 0,2 м, что позволило выявлять группы находок из одного и того же слоя, несмотря на незначительный естественный наклон культурных напластований. Корреляция раскопочных локусов и стратиграфических слоев (рис. 3.5) наглядно демонстрирует обоснованность такой методики. Это же способствовало и более точной фиксации всего материала: будь то фрагменты керамики (табл. 3.1), мелкие находки (рис. 3.8; 3.10) или ботанические образцы (рис. 3.6). Идентификации подверглись также основные компоненты мусорного слоя: уголь, навоз, остатки флоры и фауны, давшие ценную информацию при реконструкции образа жизни населения оазиса эпохи бронзы.

Особую ценность представляет глава 4 «Относительная хронология и керамика Маргианы» (с. 39—73). В ней дана классификация

⁵ В основу монографии положены тезисы докторской диссертации Ф. Хиберта «Оазисные поселения эпохи бронзы Средней Азии» (университетские микрофильмы # 19933 511—825, 1993), о чем можно судить по указателю соотнесения номеров иллюстраций этих двух работ (с. 191—192). В нее также вошли ранее опубликованные статьи автора (Hiebert 1993 a, b, 1994; Hiebert, Killick 1993; Hiebert, Lamberg-Karlovsky 1992; Hiebert, Moore 1993).

керамики, разработанная Ф. Хибертом на незначительном (251 фрагмент) материале из шурфа и раскопа. Привлекая типологию форм целых сосудов, разработанную Л. Т. Пьянковой (1993) и Б. Н. Удеумуратовым (1993), и опираясь на стратиграфию шурфа 1 северного холма Гонура (Сарианиди 1990: 16), автор убедительно выделяет в своих раскопках два периода (1 и 2), связанных с общим заселением Гонура. В то же время он подчеркивает, что обживание древнего холма было не одноразовым, а проходило постепенно в южном направлении. Керамику самого верхнего слоя южного Гонура он относит к тахирбайскому периоду (3), характеризуя его основные формы по публикациям материалов Тахирбая 3 (Массон 1959). Широкий круг аналогий этой керамики из сопредельных регионов от Бактрии до Северо-Западного Индостана и Ирана объясняется Хибертом развитием международной торговли.

Интересно и заключение автора о смешанном характере находок разновременной керамики, что позволяет отказаться от традиционной точки зрения: будто бы самым ранним был киллелинский оазис, откуда расселение земледельцев шло на юг и на восток. Это наглядно демонстрирует карта (рис. 4.41), на которой поселения 1 и 2 периодов найдены и порознь и вместе. И оба типа этих стоянок зафиксированы во всех оазисах.

Особый раздел посвящен двум типам керамики степного облика, найденной на полах помещений № 14 (рис. 4.38) и № 20 большого строительного комплекса Тоголок 1, которая важна для датировки 2 периода. Согласно Л. Т. Пьянковой, эта керамика помещается в хронологическом интервале XVIII—XIV вв. до н. э. (P'iankova 1993: 115—116).

В главе 5 «Абсолютная хронология и радиоуглеродные даты» (с. 75—87), в главе 6 «Самая ранняя архитектура Гонур депе» (с. 89—107) и в главе 7 «Архитектура периода 2 (БМАК)» (с. 109—130) сосредоточена основная информация автора, опубликованная им ранее в уже упомянутых статьях (см. сноску 5).

Детальная картина образа жизни древних земледельцев Маргианы представлена в главе 8 «Повседневная экономика Гонура» (с. 131—137). На рисунке 8.2 изображена идеальная модель предполагаемого оазиса, воспроизведена природная среда, животный мир, растительность, система ирригации и мирное сосуществование земледельцев и пастухов-скотоводов. В этой реконструкции автор многое взял за основу из главы 1 «Область исследования» (с. 5—14), где дана характеристика физико-географических параметров подгорных равнин и оазисов, со специальным экскурсом в палеоклимат Средней Азии.

Распространению культурных достижений протобактрийской цивилизации по Ближнему и Среднему Востоку посвящена глава 9 «Развитие БМАК» (с. 139—164), в которой дается обзор основных категорий изделий этого комплекса местного происхождения (терракота, кость) и импортных вещей (камень, металл). Причем намечаются четыре процесса в развитии местного субстрата данной цивилизации: «1) замещение более ранних мотивов и символов, 2) инкорпорация древних элементов в новой интерпретации, 3) трансформация более ранних иконографических систем, 4) инновация или развитие новых мотивов» (с. 161).

Глава 10 «Тенденции и традиции в культурной истории Средней Азии» (с. 165—178) подводит итог исследованию Ф. Хиберта. В ней в тезисном стиле изложены основные выводы автора, среди которых главное место занимает идея об адаптации выходцев из Южного Туркменистана к специфическим условиям гонурского оазиса (возникновение БМАК периода 2) и влияние на этот процесс культурных контактов. В целом, это повторение гипотезы В. М. Массона (Массон 1959), общепринятой в науке, поскольку в Маргиане нет ранних комплексов. О местном субстрате протобактрийской цивилизации пишет и К. К. Ламберг-Карловский (Lamberg-Karlovsky 1996: 208).

Иную точку зрения отстаивает В. И. Сарианиди (Сарианиди 1987, 1990, 1997, 1999), о чем он пишет и в «Предисловии»: «...Маргиана была освоена вновь прибывшими из Южного Туркменистана практически одновременно с миграцией людей с запада» (с. XXXII). Приводит он и новые аргументы: находки в раскопах южного Гонура стеатитовых амулетов и оттисков цилиндрических печатей с изображениями крылатых людей, держащих в своих руках жертвенных животных. Похожие композиции известны в Иране и Афганистане, но более популярны они в Сиро-Анатолийском регионе (рис. D), где они датируются 1800—1750 гг. до н.э. Из этих районов, полагает ученый, и проникли в Маргиану эти мотивы, вместе с новой идеологией, хотя сам механизм их трансформации в местной среде пока не находит объяснения (с. XXXIII).

В этой же главе дана и периодизация культур Маргианы, Бактрии и подгорной равнины Южного Туркменистана, представленная автором в виде двух схем (рис. 10.1 и рис. 10.6).

Рассмотрим подробнее эти схемы. На них выделено два периода.

Первый (2200—2000 гг. до н. э. — поздняя НМЗ V) объединяет материалы Маргианы (периоды 1 северного Гонура и Тоголока, комплекс Келлели 4), подгорной равнины (слои 0—2, исключая слой 1, Алтын-депе, находки с Намазга и Улуга). В Бактрии эти материалы, судя по рис. 10.6, отсутствуют.

Второй период (2000—1750 гг. до н. э. — оазисная культура БМАК), синхронный, вероятно, раннему периоду НМЗ VI (это не указано на рис. 10.1) «вышки» Намазга. Он известен по погребениям кроющего слоя Алтына, а также материалам сапаллинского и джаркутанского этапов северной Бактрии и комплексу Дашллы 3 южной Бактрии.

Тахирбайский период (1700—1500 гг. до н. э. — поздняя НМЗ VI) в Маргиане представлен погребениями (южный Гонур, Тоголок, Тахирбай 3), в южной Бактрии — периодами мулалы на одном рисунке (10.1) и периодами кузали и мулалы — на другом (10.6).

В первом случае в подгорной полосе тахирбайскому периоду соответствует период Анау IV А при дате 1700—1500 гг. до н. э., во втором — период Анау IV (выше рубежа 1500 г. до н. э.), синхронизируемый Ф. Хибертом с комплексами Яз I Гонура в Маргиане и материалами Кучук-тепе и Тилля-тепе в Бактрии эпохи раннего железного века.

Напомню, что комплекс Анау IV А, впервые был выделен В. М. Массоном по публикациям экспедиции Р. Пампелли для подгорной полосы Копетдага (Ахала и Этека) и соответствовал материалам комплекса Яз I Маргианы. В первом регионе ему предшествовала культура Намазга VI, во втором — мургабский вариант этой культуры с общей их датировкой 2 половиной II тыс. до н. э. (Массон 1959: 93, табл. 4).

В целом, периодизация Р. Пампелли — Г. Шмидта и Б. А. Куфтина — В. М. Массона (НМЗ I—VI — Яз III) до настоящего времени является той шкалой, к которой привязываются региональные схемы археологических культур, открытых во второй половине XX в. в Бактрии, Маргиане и Согде. Эти периодизации не имеют своих стратиграфических колонок и созданы, главным образом, на типологии керамики. С другой стороны, очевидны искусственность сконструированного для древней Маргианы «мургабского варианта культуры НМЗ VI» и хронологические неувязки длинной и короткой хронологий, о чем заявил сам автор традиционной периодизации и хронологии Средней Азии (Массон 1999: 270). Исследователи же протобактрийской цивилизации уже давно заявили о неправомерности распространения периодизации подгорной равнины Копетдага на другие территории

Средней Азии, и в первую очередь, на Маргиану.⁶

Ф. Хиберт также выражает определенный скепсис: «Наиболее вероятно, что так называемая «Намазга VI» является регионально ограниченным керамическим комплексом, найденным только на Намазга депе и Анау. Нет никаких данных о какой-либо взаимосвязи между Намазга VI Намазга и Анау и тем, что называется «Намазга VI» в Маргиане. Другие местонахождения, которые, как предполагают, имеют слои НМЗ VI (Янги-кала, Улуг депе и Алтын депе), дали материалы «Намазга VI» из погребений, которые имеют больше параллелей с Бактриано-Маргианской керамикой и мелкими находками, чем со стилем находок из Намазга депе» (с. 173). К сожалению, неопубликованные материалы Теккема-депе (Теккем) и «вышки» Намазга, оставляют почву для таких заявлений.

Следует иметь в виду два обстоятельства. Региональные схемы относительной периодизации необходимы не только для таких крупных регионов, как Бактрия и Маргиана, но и для более мелких подразделений: оазисов, речных долин, и пр. Но должна быть и единая шкала календарных дат, основанная на стратиграфии эталонных колонок в сочетании с горизонтальной стратиграфией (Мерхгарх, Саразм). Такими памятниками до сих пор остаются многослойные поселения Ирана (Гиссар, Тюренг-Тепе) и Туркменистана (Анау,⁷ Намазга и Теккем).

Стратиграфические колонки двух последних (соответственно 8 и 11 м) значительно дополняют традиционную схему, увеличивая хронологические рамки ЭПБ, имеющей ряд этапов, и выявляя последующие фазы РЖВ. Но главное, что совершенно не учитывалось прежде, отмечены временные разрывы в культурной последовательности ЭПБ и РЖВ. Впервые, после работ 1904 г. на южном холме Анау,⁸ это было зафиксировано в стратиграфической траншее на юго-западном склоне «вышки» Намазга: мусорные слои (1—1,5 м) подстилали глинобитную платформу НМЗ VI (Щетенко 1969: 438), второй раз — на северо-восточном ее склоне: слой стерильного песка (0,5—0,8 м) разделял сырцовую архитектуру НМЗ V и НМЗ VI (Щетенко, Долуханов 1976; Dolukhanov 1980: fig. 11). На Теккеме, как известно, первое укрепленное поселение было

⁶ В. И. Сариниди первым высказал это сомнение: «...в реальности не существует самостоятельного комплекса Намазга VI, который обладал бы необходимым набором объективных признаков». «И будет совсем неверным и анахроничным продолжать говорить о «Мургабском варианте Намазга VI, что противоречит настоящим данным» (Сариниди 1990: 77).

⁷ В 1993 г. американские и туркменские археологи возобновили работы на южном холме Анау. Полевой отчет упомянут в библиографии Ф. Хиберта (с. 183).

⁸ Слои пожара, отмеченные в поздних фазах культуры Анау III и отделяющие их от построек культуры Анау IV, четко отражены в тексте публикации и проиллюстрированы (Schmidt 1908: fig. 37, fig. 49).

воздвигнуто на естественном возвышении, на материке.

Стратиграфически, с учетом археологических комплексов (керамика, металл, погребения), в колонке Теккема и в верхней части «вышки» Намазга выявлены этапы ЭПБ (НМЗ VI) и РЖВ, взаимно дополняющие и корректирующие друг друга (Щетенко 1999, 2000).

1 этап — запустение поселения на «вышке» после позднего периода НМЗ V.

2 этап (ранняя НМЗ VI) — сооружение здания на платформе на «вышке» — три строительных периода Вышка 1—3 (далее — В 1—3) и крепости с обводной стеной и башнями на естественной равнине — два периода Теккем 1 и 2 (Т 1 и 2). В первом из них, на нижнем полу одного помещения *in situ* найдены вместе: сероглиняная керамика, каменная «колонка» и бронзовый наконечник дротика. Крепость Теккема, возможно, один из промежуточных пунктов на пути в Маргиану носителей протобактрийской цивилизации, демонстрирующих новую идеологию: ни одной женской статуэтки, ни одной перегородчатой печати, столь характерных для НМЗ V, не найдено ни в 11-и метровых напластованиях Теккема, ни в 8-и метровой толще «вышки».

3 этап — временное запустение поселений (В 4, Т 3). На Теккеме найдены черепки алакульской керамики (Щетенко, Кутимов 1999: 114—123).

4 этап — поздняя НМЗ VI (В 5—9, Т 4,5). Каменные литейные формы для отливки ножей с круговым упором и круглых пуговиц с литой петелькой (Щетенко 1999а), сероглиняная и чернолощенная керамика, полированные каменные булавы и песты — все эти вещи имеют аналогии в материалах Улуг-депе, Елькен-депе и в Маргиане. Есть они и в Анау — в керамике трех видов (светлой, красной и серой). Р. Бишони находит аналогии для серой керамики Анау времени НМЗ VI в материалах «квартала ремесленников» Алтына и Аучин-депе, указывая одновременно и на параллели в материалах Шах-тепе (Бишони 1977: 156—157).

5 этап — финал эпохи поздней бронзы — степные поселенцы (В 10, Т 6). Появление керамики саргаринско-алексеевского типа, с резной орнаментацией и наклепными рельефными

валиками. Металл — оловянная бронза с большой примесью железа даже в шихте (Егорьков, Щетенко 1999).

6 этап — начало раннего железного века — расписная керамика ручной лепки типа Яз I (Т 7), на «вышке» этап запустения (В 10).

7 этап — остатки полов и стен поселения времени Яз II с типичной раннеахеменидской керамикой: банки, кубки, цилиндроконические сосуды, подставки в виде «песочных часов» (В 11, Т 8). Последняя форма известна и в Маргиане: на поселении Уч-тепе в третьем ярусе шурфа этот редкий тип подставок найден в комплексе ахеменидской посуды (Сарианиди: 1990: табл. LXV).

Материалы Теккема и Намазга дают новые данные и для абсолютной хронологии бронзового века юга Средней Азии. Периодизация Ф. Хиберта опирается на стратиграфию верхних слоев (ярусы I—III) шурфа I северного Гонура и материалы южного, которые В. И. Сарианиди датирует ЭПБ. В списке радиоуглеродных определений Ф. Хиберт ссылается на серию дат из стратиграфической колонки Намазга (Долуханов, Щетенко, Този 1985), которые относят переходный этап от НМЗ V к НМЗ VI к 2170—2050 гг. до н. э., а финал поздней НМЗ VI—XIV в. до н. э. (с. 81). Аналогичные цифры дает и колонка дат из Теккема (Зайцева, Марков, Щетенко 1981).⁹

Итак, с учетом материалов Намазга и Теккема становится очевидным, что: 1) носители протобактрийской культуры действительно являли собой новый элемент в населении подгорной равнины Копетдага, по пути в Маргиану и Бактрию. И вероятно их истоки, как и предлагает В. И. Сарианиди, надо искать на Западе (Иран, Сирия, Восточная Анатолия);¹⁰ 2) процесс освоения пришельцами территорий, оставленных намазгинским населением (культуры Алтындепе), начался после некоторого перерыва (150—200 лет — цикл климатических колебаний); 3) в абсолютных датах это — начало 2 тыс. до н. э. — ранняя НМЗ VI на подгорной равнине (укрепления Теккема), период 2 протобактрийской цивилизации в Маргиане (крепости Гонура и Тоголока), сапаллинский и жаркутанский этапы на севере Бактрии, а на юге ее — комплекс Дашли 3, судя по архитектуре (круглый храм), связанный с другой вет-

⁹ Следует подчеркнуть определенную разницу в датировке памятников подгорной равнины Копетдага и их аналогов в Маргиане и Бактрии. Это был процесс широкого временного диапазона. Как отмечал В.И. Сарианиди: «...можно предполагать, что начало бактрийского комплекса падает на время не ранее XVIII—XVII вв. до н. э., иначе говоря, он соответствует материалу Гиссар III, что не исключает аналогий, уходящих своими корнями в конец III тыс. до н. э., но с одной оговоркой: еще до появления комплекса на бактрийской равнине» (Сарианиди 1986: 91).

¹⁰ Вероятно, таких перемещений было несколько. Одно из ранних отражает крепость Теккема, основание которой относится к рубежу III—II тыс. до н. э. (Щетенко 2000: 132, 138). Поздний этап отмечен погребением (могила с подбоем), керамика которого аналогична инвентарю погребений Улуг-депе переходного этапа от ЭБ к РЖВ (Сарианиди, Кочурис 1968: 345): гончарные сероглиняные миски, горшки, кубки, часто с вертикальным лощением.

вью переселенцев из Ирана; 4) эпохе поздняя НМЗ VI соответствует 3 (тахирбайский) период освоения Маргианы и повторное заселение территории Бактрии — периоды кузали и мулалы; 5) не исключено, что не было непрерывной последовательности в заселении всех поселений в ЭПБ и существовал временной интервал в появлении памятников РЖВ, о чем свидетельствует стратиграфия южного холма Анау и Теккема.

В целом, монография Ф. Хиберта — значительный вклад в разработку вопросов периодизации и хронологии древних цивилизаций Средней Азии, и предложенные им календарные даты во многом подтверждаются и корректируются новыми материалами из Намазга и Теккема.

Книга Ф. Хиберта очень хорошо иллюстрирована: почти на каждой странице есть фотографии, рисунки, таблицы, диаграммы. Карты, выполненные в одном масштабе, дают ясное представление о границах рассматриваемых в работе областей, гидрографии, рельефе,

торговых путях, динамике расселения древних племен.

Тексту монографии предшествует 30 страниц справочного аппарата: перечень рисунков (с. IX–XIII), таблиц (с. XIV), благодарности (с. XXXV–XXXVI), замечание о транслитерации и переводе русских и туркменских слов (с. XXXVII). В конце работы помещены: библиография до 1994 г. (254 работы, из них 112 — ученых СССР), предметный указатель (с. 193–200) и указатель рисунков (с. 191–192).

Монография Ф. Хиберта, посвященная протобактрийской цивилизации, содержит обстоятельный обзор бронзового века Маргианы с привлечением широкого круга источников, что позволило автору достойно вписать ее в круг цивилизаций древнего Востока. Проблемы же происхождения и хронологии, под которыми автор подвел черту на начало 90-х годов, будут уточняться и корректироваться с получением нового археологического материала.

- Бишони, Р. 1977. Неопубликованные находки из Анау, хранящиеся в музее Либоди (США) // Советская археология 2: 152–161.
- Долуханов, П. М., М. Този, А. Я. Щетенко. 1985. Серия радиоуглеродных датировок из наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // Советская археология 4: 118–123.
- Зайцева, Г. И., Ю. Н. Марков, А. Я. Щетенко. 1981. Абсолютная хронология памятника эпохи поздней бронзы (Теккем-депе, Южная Туркмения) // Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии. Тезисы регионального совещания: 44–46. Тарту.
- Егорьков, А. Н., А. Я. Щетенко. 1999. Состав металла поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини 3: 39–44. Київ.
- Массон, В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и исследования по археологии СССР 73. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
1999. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // STRATUM Plus — ВАШ археологический журнал 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций: 265–285. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
- Пьянкова, Л. Т. 1993. Керамические комплексы Маргианы эпохи бронзы (Гонур и Тоголок-21) // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 16: 22–44. Москва: Наука.
- Сарианиди, В. И. 1974. Бактрия в эпоху бронзы // Советская археология 4: 49–71.
1986. Рецензия на: М.-Н. Pottier. Matériel funéraire de la Vasctriane Méridionale de l'Age du Bronze. Paris. 1984 // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 10: 90–93. Москва: Наука.
1987. Юго-западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 13: 52–65. Москва: Наука.
1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым.
1997. Теменос Гонура // Вестник древней истории 1: 148–168.
1999. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // Вестник древней истории 1: 53–73.
- Удеумурадов, Б. Н. 1993. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашгабат: Ылым.
- Щетенко, А. Я. Раскопки Тайчанак-Депе и Намазга-Депе // Археологические открытия 1968 года: 437–439. Москва: Наука.
1979. Шабалинский комплекс эпохи бронзы // Успехи среднеазиатской археологии 4: 84–85. Ленинград: Наука.
1999. О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // STRATUM Plus. ВАШ — археологический журнал 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций: 323–335. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
- 1999а. Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова): 271–278. Запорожье.
2000. К проблеме периодизации культуры Намазга VI // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В.М. Массона. Российско-Туркменистанские культурные связи и взаимодействия. Вып. I: 127–141. Санкт-Петербург: ИИМК РАН
- Щетенко, А. Я., П. М. Долуханов. 1976. Работы на Намазга-депе в Южной Туркмении // Археологические открытия 1975 г.: 555–556. Москва: Наука.
- Щетенко, А. Я., Ю. Г. Кутимов. 1999. Керамика степного облика поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археологические вести 6: 114–123. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Antiquity. 1994. Antiquity 68/259: 353–353.
- Dolukhanov, P. M. 1980. Paleogeography and Prehistoric Settlement in Caucasus and in Central Asia during the Pleistocene and Holocene // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. Vol. 40 (New Series XXX): 49–87. Napoli: Istituto Orientale.
- Hiebert, F. 1993. Excavations of domestic quarters from Gonur depe (north): excavations of spring 1989 // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information bulletin 19: 78–95. Moscow: Nauka.

- 1993a. Chronology of Margiana and radiocarbon dates // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information bulletin 19: 136—148. Moscow: Nauka.
1994. Production evidence for the origins of the Oxus Civilization // *Antiquity* 68 (259): 372—387.
- Hiebert, F., D. Killick. 1993. Metallurgy of Bronze Age Margiana // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information bulletin 19: 186—204. Moscow: Nauka.
- Hiebert, F., C.C. Lamberg-Karlovsky. 1992. Central Asia and the Indo-Iranian borderlands // *Iran* 30: 1—15.
- Hiebert, F., K. Moore. 1993. New stratigraphic excavations at Gonur depe (north) // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information bulletin 19: 96—108. Moscow: Nauka.
- Information bulletin. 1993. Issue 19. UNESCO. International Association for the study of the cultures of Central Asia. Moscow: Nauka.
- P'iankova, L. 1993. Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information bulletin 19: 109—127. Moscow: Nauka.
- Schmidt, H. 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly, R. (ed.). *Explorations in Turkestan I*. Washington: 81—186.

А. Я. Щетенко

Россия. Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

«ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ СТЕПНОЙ СКИФИИ VI—IV вв. до н. э.» Н. А. ГАВРИЛЮК И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ СКОТОВОДЧЕСКИХ НАРОДОВ ДРЕВНОСТИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. А. Гаврилюк «История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э.». 424 с., 66 рис., 6 табл. 1999. Харьков: Издательство ПТФ.

Скифоведение пополнилось новаторским монографическим исследованием. Вышла в свет книга известного киевского археолога Н. А. Гаврилюк «История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э.».

Специалистам излишне говорить о значении палеоэкономических реконструкций для познания самых различных сфер деятельности древних обществ. Конкретное знание об уровне развития производительных сил того или иного общества древности, видах и формах организации производства, распределении и потреблении произведенного продукта с учетом экологического фактора позволяет глубже понять закономерности развития конкретного общества, его особенности прежде всего в социальной и политической сферах, может оказывать немаловажное влияние на решение эт-

нических вопросов, быть полезным и при исследовании такой относительно самостоятельной области человеческой деятельности, как идеология. В идеале исторические реконструкции по конкретным обществам древности следовало бы начинать именно с экономики. Но степень готовности к этому археологических источников, уровень разработанности методов, материальные возможности и наличие соответствующих специалистов вносят существенные коррективы в эту идеальную модель. В скифоведении, как и в других отраслях знания археологической науки, первоначально реконструировалась этническая история (Артамонов 1949; Смирнов 1966; Граков 1971). Лишь позднее появились социальные реконструкции, основанные на скифских материалах. Этапной в этом плане работой была монография

А. М. Хазанова «Социальная история скифов» (Хазанов 1975) и его последующие работы, а также работы А. И. Тереножкина (Тереножкин 1977), Б. Н. Мозолевого (Мозолевский 1979) и др.

Монография Н. А. Гаврилюк открывает новую страницу в исследовании истории скифов. Хотя вопросы хозяйственной жизни скифов ставились многими археологами (Шрамко 1971; Граков 1954; Брашинский 1981), задача системной реконструкции экономики и тенденций ее развития была впервые сформулирована Н. А. Гаврилюк.

В рассматриваемой книге автор впервые в скифоведении задается целью ответить на вопрос «что — какие товары (продукты труда) должны производиться; — как, т. е. из каких ресурсов и с помощью какой техники, по какой технологии продукты труда должны быть произведены; для кого предназначены произведенные товары (продукты труда), т. е. кто должен владеть ими и распределять их» (Гаврилюк 1999: 5).

Как пишет в предисловии автор, основные положения этой работы обсуждались еще в беседах с А. И. Тереножкиным в последние месяцы его жизни в самом начале 80 гг. (с. 9).

Теоретическая база данного исследования формировалась более 10 лет, что отразилось в серии опубликованных работ (Гаврилюк 1989, 1995; Гаврилюк, Абикулова 1991; Гаврилюк, Былкова, Кравченко 1992; Гаврилюк, Оленковский 1992; Гаврилюк, Тимченко 1994). Всего по теме монографии опубликовано 23 работы.

Творческий метод автора отличает системность и концентрация особого внимания на палеоэкологическом аспекте исследования. Прекрасное знание современной теории кочевничества, глубокое изучение литературы по палеоклиматологии, почвоведению, палеопедологии, ландшафтоведению, сельскому хозяйству, обобщающих работ по экономике позволили Н. А. Гаврилюк создать непротиворечивую целостную модель экономики скифского общества и проследить тенденции ее развития. В целом автором проработано огромное количество литературы и большой архивный материал (848 наименований).

«История экономики...» не состоялась бы, если бы автор не провел широкомасштабные систематические исследования скифских бытовых памятников: поселений, кратковременных стоянок и стойбищ, среди которых главное место занимает Каменское городище. Его исследование продолжается Н. А. Гаврилюк и в настоящее время.

Для обработки полученных палеозоологических, палинологических, палеоботанических и др. материалов автором были привлечены ведущие специалисты по соответствующим

специальностям. В совершенно новом ключе использовались образцы изделий в скифском зверином стиле — по ним были определены виды животных, реконструировалась фауна.

Монография Н. А. Гаврилюк по своему значению далеко выходит за рамки сугубо скифоведения. Поэтому при ее характеристике для подтверждения и дополнительной аргументации выводов книги автор настоящей рецензии привлекал палеоэкономические разработки и выводы по другим скотоводческим народам, обитавшим в Северном Причерноморье в разное время.

В первой главе работы Н. А. Гаврилюк рассматриваются теоретико-методологические проблемы экономики степных кочевых обществ. При этом основной акцент делается на взаимодействии природы и общества. Н. А. Гаврилюк демонстрирует глубокое знание как истории проблемы, так и современного ее состояния и тенденций развития кочевниковедения. Автор справедливо усматривает проблемную ситуацию в том, что с одной стороны в кочевниковедении ощущается недостаток палеоэкономических работ, а с другой — для их появления нет надежной источниковедческой базы.

Автор характеризует состояние письменных и археологических источников, сопровождая изложение необходимыми картами и схемами. В заключительном параграфе первой главы представлены методы исследования, среди которых достойное место занимают и традиционный сравнительно-типологический и статистико-компьютерные технологии. Здесь же приведены основные понятия и используемые в работе термины. Автор является одним из разработчиков электронной программы описания керамики из слоя (Крыжицкий, Тимченко, Гаврилюк 1996).

В главе второй «Новые материалы по скифской оседлости» охарактеризованы результаты полевых исследований последних лет, проведенных преимущественно под руководством и при непосредственном участии самого автора. Среди объектов раскопок главное внимание уделено Каменскому городищу и дискуссии по поводу его интерпретации. Кроме этого, в главе характеризуются результаты исследований на Лысой Горе (г. Васильевка, Запорожской области), а также других памятников оседлости по обоим берегам Днепра (всего 106 пунктов).

Третья глава — одна из основных в работе. В ней дается характеристика природных условий и ресурсов степной Скифии. Н. А. Гаврилюк рассматривает варианты экосистемы, сложившейся в пределах Северного Причерноморья в VI—III вв. до н. э. Рассматривая климат I тыс. до н. э., автор приходит к выводу об относительной стабильности климата в скиф-

ское время. Н. А. Гаврилюк полемизирует с оппонентами, склонными усматривать в любых изменениях в экономике, социальной системе кочевников действие климатических факторов. Действительно, кочевые системы экономики, известные по этнографическим источникам, имеют достаточный запас гибкости, чтобы быть устойчивыми к значительным климатическим колебаниям. Климатический оптимум IV—начала III вв. до н. э., о котором ошибочно говорит С. В. Полин (Полин 1984: 31), не совпадает с данными водности р. Днепр за это время (Швец 1978). Как известно, обеспеченность водой и солнечная радиация являются двумя составляющими климата (Мордкович 1982). Поэтому, резкие колебания в обводненности Северного Причерноморья на рубеже IV—III вв. до н. э., фиксируемые с календарной точностью Г. И. Швецом, не являются ни оптимумом, ни значительным иссушением, а, скорее, свидетельствуют о неустойчивости климата.

В связи со сказанным, думается, что абстрагирование Н. А. Гаврилюк от климатических колебаний непродолжительного действия вполне уместно в данной работе.

Забегая вперед, можно сказать, что кризис скифской экономики конца IV в. до н. э., антропогенный характер которого так хорошо показан Н. А. Гаврилюк в работе, был, по-видимому, усилен природным фактором. А, быть может, сама климатическая неустойчивость была отчасти следствием нерациональной хозяйственной деятельности скифов.

Очень важным с точки зрения понимания климата Северного Причерноморья является в работе Н. А. Гаврилюк характеристика отрицательных особенностей природы этого региона. Суховеи, длительные бездождевые периоды летом, гололедица и сильные морозы зимой, осложненные большой влажностью, могли значительно усиливать действие иных неблагоприятных экономических, социальных и политических факторов.

Наиболее важен для всей последующей работы параграф «Хозяйственные ресурсы». Здесь проанализированы данные по пастбищам и угодьям исследуемой территории. Жесткая зависимость между почвой и растительностью позволила автору четко связать продолжительность жизни скифских поселений с длительностью и интенсивностью использования тех или иных типов пастбищ.

В характеристике фаунистических, водных и лесных ресурсов хотелось бы отметить работу, проведенную автором, по определению видового состава пород деревьев, использовавшихся в быту и производстве у скифов. Определения выполнялись сотрудником Государственного Эрмитажа А. И. Семеновым. Всего выявлено около двух десятков пород. Хочется

надеяться, что такие определения будут чаще присутствовать в работах по экономике древних обществ.

Четвертая глава посвящена реконструкции такого важного компонента производительных сил, как людские ресурсы. Существуют различные методы подсчета общей численности населения по археологическим источникам. В основе их лежат либо плотность застройки городов (Массон 1976; Толочко 1972; Крыжицкий 1982), либо нормы площади жилища на одного человека (Колесников 1993), либо совокупность могил какого-либо одного народа, периода, региона, страны и т. д. (Кузьмина 1974; Гей 1990; Пустовалов 1995, 1997), либо совокупный пищевой продукт с какой-либо ограниченной территории (Hassan 1978). Автор «Истории экономики...» избрал экологический подход. В основе его методики лежит принцип трофической цепи, существующей в природе. Н. А. Гаврилюк переводит проблему на язык математики и выражает ее в четкой познавательной задаче, которую и решает. Полученные ею максимальные величины численности базировавшегося своими зимниками на Великий Луг населения Степной Скифии (678 тыс. чел.) (с. 115), являются теми предельными значениями, выше которых не могло подниматься число людей не только в скифское время, но и в другие эпохи, у других народов, занимавших эту экологическую нишу в разное время.

Расчитанные Н. А. Гаврилюк несколько степеней свободы (соотношение домашних и диких животных) делают показатели численности населения очень хорошими реперами для исследователей других эпох. В частности, число людей, одновременно живших в катакомбное время в Северном Причерноморье, полученное на основе совершенно иной методики, составило около 60 тыс. человек (Пустовалов 1995, 1997). Это несколько ниже нижнего порога по данным Н. А. Гаврилюк.

Предложенная и использованная С. Ж. Пустоваловым методика базировалась на оценке вероятной численности курганов в степи. Для подсчета числа курганов использовались крупномасштабные карты, данные аэрофотосъемок, разведок и показатели разрушенности курганов вследствие интенсивной распашки. Для скифского времени по этим данным курганное население и население, связанное с ним кровными узами, но не хоронившееся в курганах, составило всего 42 тыс. чел. (Пустовалов, Степанова 1994; Пустовалов 1995).

Сопоставляя эти цифры с полученными Н. А. Гаврилюк (285 тыс. чел.) (с. 302), можно констатировать, что метод, использованный С. Ж. Пустоваловым, дает нижнюю границу численности населения, в том числе скифского времени, в степи. Этот метод не может учесть полностью население, хоронившее

своих умерших в грунтовых могильниках. О многочисленности бескурганых захоронений свидетельствует раскопанный на Мамай-Горе скифский грунтовый могильник (Андрух, Тоцев 1999). Вместе с тем, при подсчетах на основе природных ресурсов, в подавляющем большинстве случаев остается неизвестной степень освоения территории, земельных угодий и т. д. Таким образом, вопрос об абсолютной численности скифского населения может быть решен лишь в некоторых интервалах. При этом соотношение между курганным и бескурганым населением должно иметь значительный перевес в пользу последнего. Это указывает на неполноту социальных реконструкций скифского общества, базировавшихся только на курганных материалах (Бунятян 1985). Представляется правильным вывод А. Т. Синюка о том, что захоронения в курганах могла себе позволить только незначительная часть скотоводческого населения (Синюк 1996: 289—290).

В целом, метод демографического анализа на основе трофической цепи, разработанный и примененный Н. А. Гаврилюк к скифскому материалу, является универсальным для получения максимальных значений численности населения отдельных регионов.

Самая большая по объему глава 5 посвящена характеристике основных отраслей экономики, производства и быту скифов. Основное внимание в ней сконцентрировано на главной отрасли скифской экономики — скотоводстве. Исследуя письменные, этнографические и исторические свидетельства, Н. А. Гаврилюк создает модель скифского стада в различные периоды существования скифского общества. По мнению автора, главное значение в стаде имел конь, следующее по значению место занимал мелкий рогатый, потом — крупный рогатый скот. Именно такое распределение и дают погребальные памятники Степной Скифии (Гаврилюк 1999: 137).

Традиционно считается, что те или иные животные, приносимые в жертву, сопровождавшие в виде мясной пищи погребенного, отражают прежде всего идеологические воззрения древних народов. Особо почитаемым домашним животным у индоевропейских народов считается конь, затем — корова, ниже по рангу находятся козы и овцы (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 482—483). Казалось бы, распределения по видам костей животных в погребениях, полученные Н. А. Гаврилюк, должны отражать скорее социальную сферу, либо вообще нести только идеологическую нагрузку. Так, кости коня составляют у скифов 43,3%; кости овцы — 28,3%; кости крупного рогатого скота — 23,4%; кости собаки — 1,7%; диких животных — 2,9%; рыб — 0,4% (Гаврилюк 1999: 137). Однако количество костей лошади

в погребениях не соответствует социальной структуре скифов (Генинг В. Ф. 1984). Их слишком много. Более того, процентное распределение видов домашних животных соответствует тому, что говорят о стаде письменные, этнографические источники. Показательные и археологические данные.

Так, по данным катакомбных погребений Северного Причерноморья процентное соотношение трех основных видов домашних животных зависит от долготы местности. На Северском Донце и Нижнем Дону мелкий рогатый скот составляет 55,3%. В переходной, в целом более западной группе, в которую входят р. Молочная и Нижнее Поднепровье (припойменные районы Днепра), — 38,7%. В самой западной группе козы и овцы составляют всего 20%. Наоборот, численность коней и крупного рогатого скота заметно повышается с востока на запад (Пустовалов 1992: табл. А) (См. таблицу 1).

Таблица 1.

группа вид	восточный	переходный	западный	Всего
овца-коза	55,3%	38,7%	20,0%	100,0%
корова	39,5%	48,4%	57,8%	100,0%
конь	7,9%	12,9%	22,2%	100,0%
Всего единиц	38	31	45	114

Доля лошадей в напутственной пище катакомбных погребений еще выше в Орель-Самарском междуречье — 38,7% (Ковалева 1983: 54). Близкие скифским распределения по видам основных домашних животных получены Ю. Я. Кожевниковой для срубных поселений бассейна Северского Донца. Крупный рогатый скот — 49,6%, конь — 26,5%, мелкий рогатый скот — 22,5%, свинья — 1,7%. (Кожевникова 1987). Нелишне отметить, что данные по составу костей животных в погребениях и на поселениях для Нижнего Поднепровья в целом совпадают (Никитин 1989; Пустовалов 1992: 124). Поэтому можно констатировать, что погребальный обряд степных народов Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железного века отражает не только основной видовой состав стада, но и процентное соотношение.

Чем же объяснить такое несоответствие реального положения и сакральной иерархии для самых различных эпох? Возможно, что в среде скотоводческого населения существовала специализация. Оценить ее в настоящее время точно трудно. Но, видимо, владея стадами животных разных пород, кочевник-патриарх, клан или иное низовое хозяйственное подразделение специализировались на разведении какого-либо одного вида животных. Вероятно, такая специализация и находила отражение в погребальном обряде и подчеркивалась соот-

ветствующими видами животных, части которых клались в качестве напутственной пищи, преломляясь сквозь призму идеологических воззрений и социальную структуру общества.

Отсутствие в степных погребениях разных эпох свиньи лишней раз свидетельствует о ритуальной нечистоте данного животного и о том, что оно практически не разводилось. Для эпохи бронзы и для скифского времени в степи ее доля не превышает 2%.

Переход скифов к полукочевой экономике, фиксируемый Н. А. Гаврилюк, привел к изменению доли каждого вида животных в стаде. По уровню значимости эти доли совпадают с процентным составом стада в катакомбное время (Журавлев 1989) в Нижнем Поднепровье — Побужье. Все это позволяет проводить в экономике параллели между скифами и населением катакомбной культуры. Интересно, что совпадают в данном случае не только состав стада, но и система кочевания и топография видов поселений.

Принципиально новыми и основанными на достоверных данных следует признать разработки Н. А. Гаврилюк в области форм и направленности земледелия у скифов. Палеоботанические определения образцов зерна и его отпечатков из раскопок, выполненные Г. А. Пашкевич, дали возможность Н. А. Гаврилюк обоснованно говорить о вспомогательном, преимущественно фуражном характере земледелия у скифов. Эта особенность земледелия в Северном Причерноморье сохраняется у скотоводческих народов вплоть до XVIII в.

Выделение Н. А. Гаврилюк на основе этнографических параллелей четырех типов поселений у скифов (с. 168) находит подтверждение и среди материалов эпохи средней бронзы, в частности в катакомбной общности.

Целиком верной надо признать и корректировку автором рецензируемой монографии известного положения о преимущественном оседании на землю кочевой бедноты, как красноречиво говорят исторические и этнографические аналогии, приводимые Н. А. Гаврилюк (с. 170).

Интересно, с привлечением большого фактического материала написан раздел главы, посвященный скифскому ремеслу. Думается, что вывод автора о выделении отдельных непищевых производств в качестве ремесла на рубеже V—IV вв. до н. э. не вызывает сомнений и достаточно аргументирован. Фактически в этой области экономики скифы по степени организации и развитости технологии находились почти на том же уровне, что и большинство обществ эпохи бронзы этого региона, где прежде всего выделение непищевых производств в отдельную отрасль фиксируется для металлургии и металлообработки (Черных 1966; 1978).

В монографии Н. А. Гаврилюк исчерпывающая характеристика домашних производств и промыслов удачно дополняет картину скифской экономики. В бытовой сфере скифов автор также прослеживает черты, свидетельствующие о переходе их к полукочевой жизни. Особенности экономики и экологии позволили Н. А. Гаврилюк выделить пять эколого-экономических районов.

В главе, посвященной торговле и зарождению товарно-денежных отношений (гл. 6), автор задается целью сопоставить между собой в стоимостном выражении объемы импорта и экспорта Степной Скифии. Возможности проведения такого исследования для скифов неизмеримо выше, чем для эпохи бронзы. Используя античные письменные источники, Н. А. Гаврилюк решает эту задачу достаточно глубоко и полно.

Сравнивая стоимость вывозимых из Скифии объемов товаров с импортируемым вином, греческой металлической и расписной посудой, дорогим оружием, украшениями, автор монографии прослеживает динамику поступления в Скифию перечисленных товаров и приходит к выводу о том, что «... кочевникам будто нечем было расплачиваться за многочисленные импортные изделия, проникавшие в самые отдаленные уголки их страны» (Гаврилюк 1999: 269).

В монографии справедливо подвергается критике декларируемая некоторыми авторами обширная и доходная хлеботорговля (Мурзин 1992; Бунятян 1994), якобы имевшая место между скифами и греками. Видовой, а главное, процентный состав злаков на скифских поселенческих памятниках, этнографические и исторические параллели по поздним кочевникам Северного Причерноморья убедительно опровергают эту возможность. Кроме низкосортного фуражного зерна, да и то в ограниченном количестве, скифы вряд ли могли предложить грекам что-нибудь еще из продуктов земледелия.

В целом верно оценивая степень развития скотоводства скифов, автор, как кажется, все же несколько занижает его продуктивность и товарные возможности. Во-первых, известно, что скотоводство в состоянии дать, по сравнению с земледелием, особенно на ранних стадиях своего развития, больше совокупного продукта (Шнирельман 1989). Во-вторых, стоимость продукции скифского скотоводства была неизмеримо меньше, чем аналогичной продукции животноводства у греков. В-третьих, о товарном характере скотоводства у скифов свидетельствует и такое соображение: для традиционно замкнутых первобытных обществ в хозяйственно-экономической сфере характерно поддержание экологического равновесия, баланса во взаимодействии среды и че-

ловека. У скифов, как убедительно показывает Н. А. Гаврилюк, этот баланс был нарушен. Это привело в кратчайший срок к глубокой депрессии основных пастбищных угодий и упадку всего сельскохозяйственного комплекса скифской экономики. Это означает, что пастбища эксплуатировали, не считаясь ни с чем. Объяснением этому явлению, наряду с ростом численности населения, может служить и несколько большая, чем можно было бы ожидать, товарность этой отрасли скифской экономики.

Однако, это только частные замечания для уточнения главной мысли автора — основным товаром, предлагавшимся на экспорт скифами грекам, были люди, рабы. Известно, что рабы не находили широкого применения в экономике скифов. Но работорговля была доходнейшим занятием для кочевнических обществ. Фактически, как показывает вся история Северного Причерноморья в средние века, работорговля была одной из опор экономики. Н. А. Гаврилюк первой нашла весомые аргументы в пользу работорговли у скифов. Приводимые ею данные стоимости рабов вполне сопоставимы с теми предметами роскоши греческого происхождения, которые находят в курганах.

Для выяснения объемов работорговли необходимо учесть и такое обстоятельство. Известно, что земледельческие общества в разных ситуациях по различным причинам подносили правителям кочевых обществ достаточно богатые дары, иногда платили дань. Подобная практика существовала в античное время в Северном Причерноморье (Виноградов 1990). Проблема состоит в том, чтобы выразить количественно данное явление. А это не просто. Отсутствие надежных методик таких подсчетов, очевидно, вынудило Н. А. Гаврилюк отказаться от введения этого показателя в модель обмена.

Очень интересно написан и параграф, посвященный реконструкции товарно-денежных отношений в контактных зонах Северного Причерноморья. Автор приходит к выводу о том, что «для большинства регионов Степной Скифии были характерны обменно-торговые отношения» — то есть обмен товара на товар. При торговле с греками имели место и товарно-денежные отношения. Данные исследований Н. А. Гаврилюк позволяют говорить о значительно большей распространенности у скифов товарно-денежных отношений, чем это было принято считать.

В целом, следует заметить, что использование первобытных денег, отмечаемое исследователями еще в эпоху ранней бронзы и даже энеолита, было известно и для Северного Причерноморья. При этом, товарно-денежные отношения мирно уживаются с другими форма-

ми обмена, не вытесняя друг друга (Массон 1990: 62).

Выделение Н. А. Гаврилюк эколого-экономических районов подводит к мысли о наличии в скифском обществе сложного этносоциального организма, который существовал в Степной Скифии. Выявление внутренней соподчиненности отдельных районов может быть проведено посредством сравнения пространственного распределения социальных слоев скифского населения. Частично, такой анализ был выполнен по материалам разведок Б. Н. Мозолевским для скифов (1990). В результате обследования курганов в степной части Украины им были выделены три района, где сконцентрированы самые высокие скифские курганы. Наиболее значимым из этих районов является Каменский.

Обращает на себя внимание попарное расположение центров некоторых эколого-экономических районов, выделенных Н. А. Гаврилюк. Это Тира и Никоний, лежащие по разные стороны Днестровского лимана, Капуловское и Каменское городища, расположенные друг против друга на правом и левом берегах Днепра, Ольвия и Березань, а затем и поселения на восточном берегу Бугского лимана. Это, видимо, не является случайным стечением обстоятельств.

Объяснений этому явлению может быть много. Возникновению таких парных укрепленных поселений могло способствовать наличие в этой местности брода или переправы, рядом с которыми устраивались обменные операции, ярмарки, праздники и брачные церемонии. Кроме того, такая топография могла быть отражением сохранившихся в той или иной мере и форме представлений о дуальной организации общества.

Рассматривая комплекс объяснений попарного расположения укрепленных центров скифо-античного мира, видимо, не следует отвергать и этого предположения.

Касаясь проблемы распределения в скифском обществе, автор монографии акцентировал свое внимание на торговле. Это правильно, поскольку редиистрибутивная система не играла заметной роли в скифском обществе. Редиистрибуции подлежала в основном военная добыча.

Завершают работу главы, посвященные кризису скифской экономики (глава 8) и выходу из него (глава 9). Н. А. Гаврилюк убедительно показывает, как изменения в скифской экономике привели к экологическому кризису, выход из которого был возможен только при изменении хозяйственно-культурного типа скифского общества. Фактически, в главе 9 дается характеристика экономики Малой, Нижнеднепровской Скифии.

Справедливость доказательств Н. А. Гаврилюк об антропогенном характере экологической катастрофы, постигшей Степную Скифию на рубеже IV—III вв. до н.э., подтверждается и климатическими изменениями, зафиксированными Г. И. Швецом (Швец 1978).

Подводя итоги, следует прежде всего отметить, что Н. А. Гаврилюк разработала действенную модель реконструкции скотоводческой кочевой и полукочевой экономики для локального, наиболее западного района Великого пояса степей. Методическая и познавательная ценность этой модели состоит в том, что она с некоторыми коррективами применительно к конкретной эпохе может быть использована не только для реконструкции экономики обществ раннего железного века, но и для выполнения аналогичных по задаче исследований любых скотоводческих обществ, начиная с эпохи ранней бронзы и кончая поздним средневековьем, включая казачество. Элементы полукочевой быта, а то и настоящая полукочевая экономика отмечается специалистами для донских и украинских казаков вплоть до XVIII в., а многие пережитки полукочевничества прослеживались у них до середины XIX в. (Шенников 1987: 114—115).

В работе Н. А. Гаврилюк за рамки конкретнаучных реконструкций выходит и определение баланса экспорта и импорта Степной Скифии. Этот раздел работы имеет большое методологическое значение. Уверен, в будущем эта разработка займет достойное место в социально-экономических исследованиях по степным народам. Демографические методики, предложенные автором, могут быть образцом для определения численности населения на основе трофических цепей. Подобная работа вслед за Н. А. Гаврилюк уже была опубликована в «Этнографическом обозрении» (Тортика, Михеев, Кортнев 1994: 49—62).

Подходы и выводы Н. А. Гаврилюк были по достоинству оценены в печати (Щеглов 1998). Попытки подвергнуть ее концепцию критике (Бессонова 1999) отражают взгляды лишь части скифологов Украины и малоубедительны.

Экономическая проблематика по материалам Степной Скифии — это огромное поле для исследований. Н. А. Гаврилюк осуществила эколого-экономическое исследование. Высказанные в данной рецензии мысли и пожелания сделаны с точки зрения социально-экономического подхода. Они дополняют и усиливают как аргументацию автора монографии, так и ее основные выводы.

Книга Н. А. Гаврилюк «История экономики Степной Скифии...» несет огромный эвристический заряд. Своим нетрадиционным подходом, логичностью, неравнодушием к предмету исследования она пробуждает мысль, располагает к себе, заставляет искать и находить дополнительные аргументы в поддержку ее концепции, открывающей новые исследовательские горизонты в скифоведении. Автор смело и решительно, а, главное, аргументированно подвергает критике устоявшиеся, но не состоятельные точки зрения. При чтении книги ощущаешь большой научный потенциал автора, образность языка, не лишенного и поэтичности. Ее сравнение скотоводческих кочевых народов со степным разнотравьем, то буйно расцветающим в сезон дождей, то вянущем под палящим солнцем, надолго западает в память. Книга отлично и богато иллюстрирована, снабжена необходимыми картами, таблицами и диаграммами.

Эта монография не пройдет незамеченной в научном мире, а ее идеи и выводы будут развиты как самой Н. А. Гаврилюк, так и единомышленниками автора. И от всего сердца хочется пожелать ей в этом больших успехов.

Андрух, С. Н., Г. Н. Тоцев. 1999. Могильник Мамай-Гора. Книга 1. Запорожье.
 Артамонов, М. И. 1949. Этногеография Скифии // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук 85: 129—171. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
 Бессонова, С. С. 1999. Украинський Лісостеп скіфського часу // Археологія 1: 148—160.
 Брашинский, И. Б. 1981. Греки и варвары на Нижнем Дону и в Северо-восточном Приазовье в VI—IV вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979: 84—92. Тбилиси.
 Бунятян, Е. П. 1985. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев.
 1994. Класифікація та типологія скотарства // Теорія та практика археологічних досліджень: 73—101. Киев.
 Виноградов, Ю. А. 1990. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Гаврилюк, Н. А. 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.
 1995. Скотоводство Степной Скифии. Киев.
 1999. История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н.э. Харьков: Издательство ПТФ.
 Гаврилюк, Н. А., М. И. Абикулова. 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. Ч. 1; Ч. 2. Киев.
 Гаврилюк, Н. А., В. П. Былкова, С. Н. Кравченко. 1992. Скифские поселения IV в. до н.э. в Степном Поднепровье. Киев.
 Гаврилюк, Н. А., М. П. Оленковський. 1992. Пам'ятки скіфів. Археологічна карта Нижньодніпровського регіону. Херсон.
 Гаврилюк, Н. А., Н. П. Тимченко. 1994. Динамика численности и воспроизводства населения Степной Скифии // Палеодемография скифского населения Северного Причерноморья (препринт): 22—45. Киев.
 Гамкрелідзе, Т. В. В. В. Иванов. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2 Тбилиси.
 Гей, А. Н. 1990. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы по погребальным памятникам Прикубанья // Краткие сообщения Института археологии 201: 78—87. Москва.

- Генинг, В. Ф. 1984. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III в. до н. э. // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ: 124—153. Киев.
- Генинг, В. Ф., Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. 1992. Синташта. Книга 1. Челябинск.
- Граков, Б. Н. 1954. Каменское городище на Днепре // Материалы и исследования по археологии СССР 36.
1971. Скифы. Москва: Издательство Московского государственного университета.
- Ковалева, И. Ф. 1983. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск.
- Кожеевникова, Ю. Я. 1987. Некоторые аспекты животноводства срубной культуры по материалам поселений // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов конференции: 67—69. Донецк.
- Колесников, А. Г. 1993. Орипольское общество Среднего Поднепровья. Опыт социальной реконструкции в археологии. Киев.
- Крыжицкий, С. Д. 1982. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Материалы 3 Всесоюзной сессии по Древней истории Причерноморья на тему: «Эллинизм в Причерноморье»: 47—48. Цхалтубо.
- Крыжицкий, С. Д., Н. П. Тимченко, Н. А. Гаврилюк. 1996. Информационное обеспечение археологических памятников раннего железного века // Бильське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку. 299—305. Полтава.
- Кузьмина, Е. Е. 1974. О некоторых вопросах андроновской демографии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук 2: 102—106. Новосибирск.
- Массон, В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград.
1990. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе.
- Морокович, В. Г. 1982. Степные экосистемы. Новосибирск.
- Мурзин, В. Ю. 1992. Происхождение и ранняя история скифов. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Киев.
- Мозолевський, Б. М. 1979. Товста Могила. Киев.
1990. Кургани вищо скифсько знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія 1: 122—139.
- Никитин, В. И. 1989. Матвеевка-1 — поселение катакомбной культуры на Южном Буге // Советская археология 2: 136—150.
1991. Катакомбные поселения и стойбища Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья: 34—38. Херсон.
- Полін, С. В. 1984. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія 45: 24—34.
- Пустовалов, С. Ж. 1992. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья. Киев.
1995. До реконструкції динаміки чисельності степового населення України за матеріалами курганних могильників // Укрна: людина, суспільство, природа. Тез. доп. конф. НА УКМА: 6—7. Киев.
1997. Реконструкція чисельності катакомбного населення за курганними пам'ятками Північного Причорномор'я // Археологія 3: 40—49.
- Пустовалов, С. Ж., М. О. Степанова. 1994. Динамика численности степного населения Украины по материалам курганних могильників // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э.—V в. н. э.: 100—102. Тирасполь.
- Синюк, А. Т. 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Смирнов, А. П. 1966. Скифы. Москва: Наука.
- Тереновский, А. И. 1977. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы: 152—200. Киев: Наукова думка.
- Толочко, П. П. 1972. Исторична топографія стародавнього Кива. Киев: Наукова думка.
- Тортика, А. А., В. К. Михеев, Р. И. Кортнев. 1994. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение 1: 49—62.
- Хазанов, А. М. 1975. Социальная история скифов. Москва: Наука.
- Черных, Е. Н. 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. Москва: Наука.
1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
- Шенников, А. А. 1987. Червлений яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Ленинград: Наука.
- Шницерльман, В. А. 1989. Возникновение производящего хозяйства. Москва: Наука.
- Шрамко, Б. А. 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии: 92—102.
- Щеглов, А. Н. 1998. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (К проблеме происхождения) // Проблемы археологии 4: 141—154. Санкт-Петербург.

С. Ж. Пустовалов

Украина. Киев.

Институт археологии

Национальной Академии наук.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ О ВИЗАНТИИ И ГОТЛАНДЕ

Erland Lagerlöf. Gotland och Bysans: Bysantiskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. 205 с., ил., карт. 1999. Visby: Ödins Förlag AB.

Это первая книга, посвященная столь детальному рассмотрению средневековой культуры и искусства севера в широком смысле (и Швеции в узком) в контексте восточно-христи-

анского мира, Византии. Интерес к стране-носителю и распространителю христианства на востоке и западе — Византии — уже давно наблюдается в северных странах. Можно вспом-

нить и финский журнал «Byzantium and the North», одноименный симпозиум, состоявшийся в 1981 году, целый ряд конференций, посвященных связям севера и востока (Byzantium and Islam in Scandinavia 1998), двухтомник, посвященный отношениям северных стран с Римом и Византией (Rom und Byzanz im Norden 1997). Поэтому сюжет книги никак нельзя назвать исключительно новым. Тем не менее, тот угол зрения, под которым автор смотрит на связи севера и востока, заслуживают всяческого внимания и уважения. Относительно небольшой остров Готланд рассматривается как объект византийского влияния, и влияние это различается автором в различных формах искусства — монументальных, живописи и скульптуре. Сразу отметим, что автор рассматривает два пути проникновения византийского влияния на Готланд: это, во-первых, непосредственно с Востока, а во-вторых, опосредованно, через Италию и Германию. Конечно, такое разделение механизмов византийского воздействия на материальную культуру Готланда справедливо и имеет право на существование, но к такому пониманию самого определения «византийский» мы еще вернемся.

Книга состоит из предисловия (с. 9—10), введения (с. 11—21), двух частей (с. 22—153), разбитых на главы, каталога памятников (с. 154—181), примечаний (с. 182—186), списка литературы (с. 187—191) и обширного англоязычного резюме (с. 192—205). Во введении автор знакомит читателя с тем кругом объектов, которые он собирается рассмотреть в своей книге. Это живопись готландских церквей в Далхеме, Гарде, Эке, Сундре, которая условно именуется живописью в «русско-византийском» стиле. Следующая категория памятников — это каменная скульптура малых форм, резные каменные (песчаниковые) крещальные купели и рельефы фасадов зданий, приписываемые неизвестному мастеру, которого с легкой руки Дж. Русвала (1879—1965) (Roosval 1916; о нем: Stenstrom 1977: 7—26) стали называть «Византиец».

Э. Лагерлоф не сомневается, что раннехристианское искусство Готланда (росписи деревянных частей церквей, фрески Гарды, Калунге и Мастербю, рельефы Византийца) восходит к восточным провинциям византийского мира. Этот тезис вполне справедлив. Но вызывает некоторые возражения положение автора: о том, что влияние это было транслировано через Русь, через Киев и Новгород. Во-первых, мы ничего не знаем о декоративном и живописном убранстве древнерусских деревянных церквей; как архитектурных сооружений их известно всего не более 30, сохранность их почти не допускает реконструкции (Иоаннисян 1996: 4—46), и по объективным причинам древнерусские памятники выпадают из цепочки

трансляции византийского влияния. Сохранившиеся деревянные детали с живописью из церквей Эке, Сундре, Далхем, датирующиеся началом XII века (хранящиеся ныне в Историческом музее в Стокгольме и Готландском историческом музее) — уникальны, поэтому найти им прямые аналогии не представляется возможным. Тем не менее, как считал Г. М. Штендер (Штендер 1988: 189—207; Штендер 1989: 119), существовала связь между готландскими росписями по дереву (Сундре и Эке) и известнейшей композицией, изображающей Константина и Елену, в Св. Софии новгородской и эта связь проявлялась не только в стилистике, но и, что самое существенное, в техническом подходе к нанесению изображения: если в готландских постройках изображение наносилось на дерево без подготовки поверхности, то и новгородская роспись была нанесена прямо на каменную кладку стены. Отметим здесь со слов И. П. Шаскольского (Шаскольский 1991: 143) любопытный факт, что Э. С. Смирнова, побывав на острове не усмотрела в готландских фресках явных новгородских черт.

Далее, нам неизвестны среди древнерусского материала крещальные купели. С каменной резьбой фасадов зданий все обстоит гораздо сложнее: в качестве возможного региона аналогий каменной резьбе Готланда можно назвать Владимиро-Суздальскую землю. О сходстве каменного декоративного убранства готландских церквей с владимиросуздальскими памятниками (в частности, Дмитриевский собор) русский исследователь С. В. Арсеньев писал еще в 1890 году (см.: РА ИИМК РАН, Ф. 3, д. № 458; Ф.3, д. № 132, л. 182—182 об.) Что же касается так называемой фресковой живописи «русско-византийского» происхождения, в частности изображений двух святых по сторонам сводов арки, ведущей в колокольню церкви в Гарде, то здесь мы можем только согласиться с поразительным стилистическим и колористическим сходством с новгородской живописью, однако дальнейшие выводы также представляются затруднительными.

Далее в книге Э. Лагерлофа следует историографическая часть, посвященная характеристике и обсуждению основных работ по рассматриваемой проблеме, принадлежащих шведским (Дж. Русваль, Т. Арне, М. Флоринс, В. Петтерссон, Э. Лундберг, Н. Тидмарк, Г. Свенстром, А. Тулсе, Б. Валленберг, Э. Пилтц и др.) и американскому ученому (Э. Катлер). Стоит отметить, что, несмотря на значительный библиографический список, выборка литературы оказывается не совсем полной: остается неучтенным ряд работ XVIII—XIX века. 13 (25) октября 1890 года в заседании Императорского Русского

Археологического общества под председательством А. Ф. Бычкова (РА ИИМК РАН. Протоколы заседаний ИРАО. Фонд 3, 1890 год, д. № 400, лл. 92—95, ос. 95) было читано сообщение действительного члена Императорского Русского Археологического Общества С. В. Арсеньева, называвшееся «Древности острова Готланд». Сохранился текст доклада, написанный Арсеньевым (РА ИИМК РАН. Фонд 3, дело № 458, лл. 1—8), а также публикация в *Записках Русского Археологического Общества* за 1892 год (Арсеньев 1892: 230—235). Арсеньев, рассматривая в том числе вопрос о русских церквях в Висбю, привлекает ряд шведских источников: К.-Г. Бруниус (Brunius 1864—66; о нем: Grandien 1974), Й. Шумахер (Schoumacher 1716), Й. Валлин (Wallin 1747, 1972) неучтенные Лагерлофом. Досадно, что шведские источники, доступные русскому ученому в конце XIX века, были почти обойдены вниманием шведского ученого конца XX.

Следующая часть книги имеет общее название «Восточные влияния» и открывается обзором исторической обстановки, на фоне которой развивались отношения Готланда и Византии. Здесь мы и остановимся на вопросе понимания термина «Византия», «византийский» и пр. Дело в том, что следует строго различать *прямое* (непосредственное) влияние Византии в том или ином художественном, культурном и прочем проявлении (к примеру, строительство Десятинной церкви византийскими мастерами, специально для этого привезенными, или участие мастеров из Византии в строительстве Мадинат аль-Захра в Испании X века и т. д. (Ettinghausen, Grabar 1987: 137—40). Такое влияние находит отражение (как правило, но не всегда) в *письменных* источниках, а также в *технических* и *технологических* особенностях памятника или произведения искусства. Эстетические и художественные достоинства памятника в такой ситуации менее надежное основание для выяснения его происхождения. Второй механизм трансляции влияния — *опосредованный*, без непосредственного участия носителей влияния (то есть византийцев). Этот механизм работает тогда и только тогда, когда или заказчик, или мастер знаком с византийским *образцом*, которому необходимо следовать. И, скорее всего, именно мастер, строитель, исполнитель заказа должен быть знаком в тонкостях с особенностями того произведения, которое ему наказано повторить. Заказчик может представлять модель лишь в общих чертах, а если и достаточно подробно, то неизвестно каким языком он мог объяснить исполнителю то, что он хочет получить. В результате действия этих механизмов мы получаем опреде-

ленный пласт памятников и объектов, носящих на себе отпечаток своеобразия византийских прототипов. Подобные механизмы существуют и в других областях культуры, а их действие позволяет определить культурный феномен «византийского влияния» и выделить целый ряд стран, испытавших на себе это влияние, то есть то пространство, которое Дмитрий Оболенский в 1971 году назвал «Византийским содружеством» (Obolensky 1971). Такой подход во многом упрощает задачи исследования, становится ясно, почему в рамках понятия «Византия», заявленного в заголовке книги, попадают и Русь, и Германия, и Италия. Однако это нигде не было оговорено.

В целом первая часть первой главы посвящена истории проникновения христианства на территории к северу от Византии. Сперва рассматривается история крещения Руси Владимиром, расцвет городов и торговли при Ярославе. Небольшой параграф посвящен средствам передвижения по морю, и их изображениям на каменных стелах. Среди археологических находок, свидетельствующих о распространении христианства в среде викингов, автор упоминает обнаруженные в южной части Готланда (Альва, Фрояль, Роне) глазурованные керамические пасхальные яйца. Крестики, кресты-энколпионы из драгоценных металлов составляют уже обычный инвентарь для погребений на Готланде с XI века. Свидетельством о распространении христианских обычаев в погребальном обряде Е. Лагерлоф считает увеличение числа захоронений с ориентацией по линии восток-запад, которые, судя по погребальному инвентарю, можно датировать XI веком. Большинство таких кладбищ расположено опять же в южной части острова, в приходах Гарды, Этелхем, Станга, Бурс, Фардхем и Хавдхем. В юго-восточной части острова они встречаются в приходах Хейде, Эскельхем и Фрояль, в центральной части острова — в Далхеме и Каллунге.

Уникальная находка была сделана в XIX веке в приходе Каллунге: тут была найдена стеатитовая пластина с изображением в высоком рельефе: Распятие с предстоящими Марией и Иоанном и ангелом в верхней части плиты. Все изображения подписаны греческими буквами. Резьба очень хорошего качества, выполнена в уверенной технике, хотя и с несколько упрощенной трактовкой фигур и одежд. Композиция и пропорции фигур оставляют ощущение некоторой архаичности этого произведения (среди «архаизмов» можно назвать истонченные кисти рук). Автор считает возможным датировать эту вещь XI веком и не сомневается в ее византийском происхождении. Византийские образцы резьбы по камню этого времени отлича-

ются большей техничностью и детальностью проработки изображения (см., например, образцы столичного происхождения: *Glory of Byzantium* 1997: 45—46, № 11, 12). Также весьма необычен материал для этой территории, из которого изготовлена доска, — стеатит: дело в том, что стеатит очень высоко ценится, и изделия из него, по всей видимости, производились исключительно для элиты (Kalavrezou-Maxeiner 1985: 67). Материал иконы, таким образом, может говорить о ее столичном происхождении. Автор совершенно прав, когда говорит, что было бы чистой спекуляцией предполагать, что фрагмент плиты происходит из несохранившейся деревянной церкви, предшествовавшей нынешней каменной, и предназначенной для греческого обряда богослужения, однако констатировать уникальность этой находки, ее элитарное предназначение и может быть византийское столичное происхождение мы можем. К сожалению, икона опубликована без масштаба, и судить о ее размерах (что очень важно) невозможно. В период христианизации Швеции Готланд имел больше западных связей, связей с материком, Германией и Англией, о чем свидетельствуют и монетные находки XI века.

Следующая тема, рассматриваемая Лагерлофом, — архитектура так называемой «Русской церкви» и церкви Св. Ларса (Лаврентия) в Висби. Эти две постройки, согласно сложившейся в шведской науке традиции, считаются теми церквями русских купцов в Висби, которые упоминаются в поздних источниках. Первая церковь, именуемая «*Ryska kyrkan*», была локализована еще в середине XVIII века Й. Валлином (Wallin 1747; Арсеньев 1890), который помещал ее почти рядом с кафедральным собором Св. Марии к югу от него. С. В. Арсеньеву в 80-х годах XIX века удалось разыскать в Архиве Военного министерства в Стокгольме старинный план Висби, составленный военными инженерами по распоряжению шведского правительства в 1646 году. На нем близ церкви Св. Марии к югу стоит надпись *Ryska kyrka*. Укрепил Арсеньев в мысли, что это местоположение легендарной русской церкви тот факт, что указанное на плане место выходит на существовавшую в XIX веке (и существующую до сих пор) *Ryska gatan* — Русскую улицу (Арсеньев 1890). Тем не менее, следы постройки обнаружены не были. Самый ранний источник, свидетельствующий о топографии русской церкви, найденный шведскими учеными, — план города 1684 года, обнаруженный в Земельном архиве Висби. Церковь была раскопана в 1971 году (Falck 1971) в квартале Мункен, что значит «Монах», в подвале частного дома, расположенном как раз там, где и предполагал ее найти Арсеньев.

Церковь ныне законсервирована и открыта для доступа и осмотра. В 1971 году были вскрыты часть южной стены постройки, почти целиком полукружие апсиды, небольшой участок западной стены, два восточных подкупольных квадрата и основание алтарного камня. Стены сохранились на высоту 6—7 рядов известняковых плит, уложенных на известково-песчаном растворе. Под южной стеной церкви были обнаружены несколько захоронений, по всей видимости, совершенные после строительства церкви, о чем свидетельствует их ориентация вдоль стен постройки. Сама постройка имеет небольшие, можно сказать, крохотные для архитектуры Висби размеры — длина интерьера 7.7 м, ширина 7.2 м. Типологически эта церковь относится к небольшим четырехстолпным одноапсидным храмам и реконструируется в виде, очень напоминающем небольшие псковские храмы начала XIII века. Остается согласиться с автором, что никаких специфически византийских черт эта постройка не несет, но то, что она не имеет аналога в плане и некоторых конструктивных особенностях среди готландских церквей, очевидно. Логично, что Лагерлоф предположил «русский след» в этой постройке.

Другая церковь, посвященная Св. Ларсу (Лаврентию), конструктивно гораздо более сложная. Как считал, веря традиции, С. В. Арсеньев (Арсеньев 1890; 1892), она входила в комплекс из двух так называемых «Сестринных» церквей (*Systerkyrkan*), одна из которых была посвящена Св. Духу, другая — Св. Ларсу. Согласно преданию, их построили две сестры, настолько ненавидевшие друг друга, что не хотели молиться в стенах одной церкви. Как бы то ни было, церковь Св. Ларса-Лаврентия имеет сложную строительную историю: ее алтарная часть более ранняя (конец XII века), чем остальной массив стен (около 1230-х гг.). Обе части здания необычны сами по себе: апсида отличается чрезвычайной вытянутостью по оси восток-запад, то есть алтарная часть перекрыта длинной вимой, форма полукружия апсиды — подковообразная, что для византийской архитектуры в принципе является архаическим признаком, но может указывать и на более раннее время (X—XI вв.), чем принятая датировка апсиды Св. Ларса; необычен также перспективный портал, прорубленный в южной стене алтарной части. Основной объем стен образует в плане, как справедливо отмечает автор, форму греческого креста. Такого нет в одновременной архитектуре острова, но нет и в византийской архитектуре этого времени. Именно эта форма породила несколько версий относительно вероятного происхождения такой формы. Всех удивляет сходство плана Св. Ларса с планом церкви Св. Параскевы Пятницы на Торгу (Раппопорт 1982: 69),

построенной, как известно, «заморскими купцами» в 1207 году. Можно согласиться, что сходство поразительное, но Св. Ларс — церковь именно плана греческого креста, в котором каждый рукав равнозначен, благодаря чему и создается эта композиция, а в новгородской церкви крестообразие создают притворы, примыкающие к основному объему с трех сторон. Даже несмотря на то, что притворы открыты в интерьер полностью, они остаются подчинены основному пространству, что не позволяет считать композиции этих двух построек сходными.

Необычна в этой церкви и очень развитая система сообщений внутри стен — лестницы, переходы, галереи: почти весь периметр стен, за исключением алтарной части, пронизан ими. Автор считает, что этот феномен находит параллели в византийской архитектуре и в качестве аналогии приводит новгородскую Параскеву Пятницу, в которой система лестниц хорошо развита. Церковь Сан Марко в Венеции тоже имеет форму греческого креста, но строится в XI веке, и прототипом ей служит храм Святых Апостолов в Константинополе — Апостолейон, комплекс, завершивший свое формирование к середине V века (Mango 1990: 51—62; Mango 1990a: 434; Dale 1995: 21—33). Действительно, в строительстве Сан Марко участвуют византийские мастера, но об аналогии говорить не приходится уже хотя бы по причине различия размеров и конфигураций обеих построек. К заимствованию плана церкви Св. Ларса из архитектуры Венеции склоняется другой исследователь — Г. Сванстрем (Svahnström 1981: 458—62). Известна также церковь, построенная по образцу церкви Св. Ларса, — церковь плана греческого креста в Хамра.

Следующая глава книги посвящена византийской живописи деревянных церквей Готланд — Эке, Далхем, Сундре. Как правило, каменные церкви заменяли более ранние деревянные, чьи детали использовались при строительстве и декорации каменных сооружений, что сохраняло деревянные части от воздействия времени. Три названные выше постройки были по всей видимости расписаны русским или византийским мастером в первой половине XII века. Так, нынешняя каменная романская церковь в Сундре построена в первой половине XIII века, но предшествовала ей деревянная постройка — она была обнаружена в 1916 году при настилке нового пола в каменной церкви. Как оказалось, пол был настлан из расписанных планок обшивки предшествующей деревянной церкви. Сохранился фрагмент большой композиции, скорее всего, Вознесения Господня, исполненной в темпере на дубовых планках обшивки. От несуществующей деревянной церкви в Сундре сохранились 24 доски со сле-

дами живописи: на поверхности стены была изображена сцена Страшного суда. В церкви Далхеме деревянные поверхности несли изображения архангела Михаила и другие фигуры. По мнению автора, живопись этих трех церквей может быть отнесена к одному времени и может быть датирована первой половиной XII века (и даже точнее — около 1130 гг.), и принадлежать к кругу памятников византийско-русской живописи (см. также: Кудрявцев 1989: 117—118).

Фресковой живописи посвящена следующая часть книги, в которой рассмотрена живопись Гарды, Каллунге и Мастербю. Церкви в Гарде, как и большинству построек острова, предшествовала деревянная церковь (ср. Шаскольский 1991: 139). Каменная постройка — самая ранняя романская церковь Готланда, дендрохронологические анализы деревянных перекрытий наоса дают дату около 1140 года. Фрески, расположенные в арке, ведущей в башню, — лучше всего сохранившиеся в Швеции по причине того, что никогда не оштукатуривались. Росписи наоса аналогичны в стилистическом отношении, но сохранились гораздо хуже — они были частично удалены или оштукатурены в 1701 году. Росписи этой церкви датируются исследователями концом XII века, исходя из стилистических особенностей, их сравнивают даже с фресками церкви Спаса на Нередице под Новгородом, но гардские фрески оказываются ранними, выполненными по завершению строительства храма и после его освящения около 1140 г. Некоторые отечественные исследователи сравнивают фрески Гарды с фресками церкви Св. Георгия в Старой Ладоге, и считают, что в шведской церкви работал мастер-новгородец, ученик староладожского художника (Кудрявцев 1989: 113). Роспись в арке башни выполнена по сухой штукатурке (то есть в технике *al secco*), тогда как наиболее используемая в византийском мире техника — роспись по сырой штукатурке, или собственно фреска. Два знаменитых изображения в арке башни не подписаны, и по поводу атрибуции изображенных святых единства в мнениях нет. Дж. Русваль видел в них Бориса и Глеба, Э. Катлер считал, что это святые Флор и Лавр, Э. Пильц предположила, что на фреске изображены популярные новгородские святые Козьма и Дамиан, или Сергий и Вахх, но предпочла оставить этот вопрос открытым. Так и Э. Лагерлоф не пытается разрешить данную проблему. Близки гардским изображениям фрагменты живописи, сохранившиеся в церкви Каллунге: сцена несения креста, изображение двух всадников-волхвов в композиции Рождества и остатки сцены Страшного суда (сидящие апостолы) на западной стене храма. В пострадавших при записи в XVII веке фресках церкви в Мастербю

можно увидеть черты сходства с росписями двух предыдущих памятников. Орнаментальный мотив в церкви в Хавдхеме, как считает Э. Лагерлоф, был исполнен по византийским образцам. При реставрации готландских церквей были обнаружены остатки «византийских» росписей и в других постройках, например, в Лярбро, Ойя. Таким образом византийская живопись на Готланде обнаружена в трех деревянных и шести романских каменных церквях.

Следующий раздел книги посвящен мастеру Византийцу и приписываемой ему резьбе по камню. Вторая половина XII века ознаменована для Готланда интенсивным храмовым строительством, в ходе которого все деревянные церкви были заменены каменными постройками романского стиля. Широкая строительная программа не могла не вызвать к жизни искусства резьбы по камню, которой украшались фасады и тимпаны храмов, капители колонн. Своего рода школой резьбы по камню становятся работы по сооружению и украшению собора в Лунде, в которых приняли участие мастера из Ломбардии. В строительстве и декорации здания, завершаемых к 1140 году, приняло участие не одно поколение шведских мастеров. В церквях Готланда сохранилась целая серия каменных резных крещальных купелей: Альтлингбо, Эскелхелм, Фрояль, Гарда, Гульдрупе, Хаблингбо, Хейде, Хогран, Каллунге, Левиде, Мастербю, Санда, Тракумла, Вамлингбо, Вате и Ойя. Все эти купели приписываются анонимному мастеру, называемому Византийцем. Эти купели никогда не экспортировались за пределы острова. В качестве эталона работ мастера Византийца обычно приводится купель из церкви в Атлингбо — она лучше всех сохранилась. Как и все прочие, она изготовлена из местного песчаника, и состоит из двух частей — цилиндрической базы-ножки с четырьмя выступающими скульптурными изображениями голов человека, овцы и двух львов, которая поддерживает восьмигранную (в Атлингбо — девятигранную) чашу купели. Каждая сторона купели обрамлена округлыми арочками, поддерживающимися полуколонками с капителями. В каждом полукружии находится изображение в очень низком рельефе. Сюжеты изображений на гранях купели имеют самое различное происхождение — ветхозаветные (Самсон и лев, Давид и лев, Давид и Соломон), новозаветные (Благовещение, Рождество, Распятие, Вход в Иерусалим, Христос на троне и др.), Агнец Божий, символы Евангелистов, мифологические существа. Как считает Э. Лагерлоф, мастер Византиец скорее всего появился на острове с востока, с Руси или из Византии, и что у него с собой были

портативные модели (например, стеатитовые иконы, как найденная в Каллунге, или предметы резной кости), по которым впоследствии и изготавливались изображения на купелях.

Последняя часть книги посвящена византийским влияниям, транслированным через Италию и Германию. В ней рассмотрены два вопроса: искусство витража и круг работ так называемого Мастера архангела Михаила. Большинство скандинавских витражей утрачено и только на Готланде это искусство сохранилось несравненно лучше стран Северной Европы — более 90% всех сохранившихся в Швеции витражей находятся на Готланде. Появление искусства витража связывается с первой половиной XIII века, когда была развернута широкая строительная программа в Висби и его округе. Как считает Э. Лагерлоф, готландский витраж несет на себе отпечаток византийского искусства как в иконографии, так и в форме, появившиеся на Готланде *via* Италия и Германия, о чем говорит ряд технических особенностей витражей. Вопрос о распространении витражей в Византии достаточно спорен и неясен: слишком мало достоверных сведений об использовании витражей в церквях, например, Константинополя. При раскопках монастыря Хора и Пантократора в византийской столице было обнаружено некоторое количество цветного стекла и остатки свинцовой оплетки для их крепления. Стекло из Пантократора может датироваться 1125 годом и происходить из окна вимы (Megaw 1963: 349—64), часть стекол несет геометрический и растительный орнамент, а один фрагмент — изображение лица человека. В монастыре Хора отстатки витража были найдены в двух местах: множество фрагментов с растительным и геометрическим орнаментом также происходили из вимы, а один — из параклесиона. Скорее всего они происходят из окна вимы начала XII века (Megaw 1963: 349—67). Анализ стекла из монастыря Хора обнаруживает отличный от западного химический состав — в константинопольском стекле необыкновенно высок уровень содержания бора (Henderson, Mango 1995: 349—356). Столь ранняя дата и необычный состав стекла из Пантократора может свидетельствовать о том, что византийский витраж предшествовал и оказывал влияние на западноевропейский, но следует заметить, что эта гипотеза оспаривается западными специалистами (Megaw 1963: 349—64; Vikar 1991: 853—54). К сожалению, несмотря на то, что традиция использования цветного стекла при остеклении окон имеет в Византии долгую историю, свидетельства об использовании витража ограничены только этими двумя постройками

(Ousterhout 1999: 154—156). Поэтому говорить о византийском влиянии в витражном искусстве Готланда, пусть даже и при посредничестве западной Европы, следует предельно осторожно. Более интересным сюжетом мог стать вопрос о механизме передачи византийского влияния через Германию и Италию, но он, к сожалению, так и остался незатронутым.

Последний сюжет, рассмотренный в книге, связан с фресками Мастера архангела Михаила в церквях Вамлинго, Эскелхеме, Хейдебю и Хейнуме. В церкви в Вамлинго в южной части острова на северной стене наоса написана фреска, изображающая архангела Михаила, взвешивающего душу германского императора Генриха. Эта фреска давно окружена вниманием историков искусства не только потому, что это самое большое фресковое изображение в средневековой Швеции, но и по причине высочайшего художественного качества живописи и некоторых особенностей, выдающих византийское влияние. Эта фреска была записана в XVIII веке и раскрыта только в 1894 году. Следующие произведения этого же мастера были расчищены, начиная с 1961 года, в других готландских постройках. Таким памятником стала церковь в Эскелхеме, в фресках которой, по мнению Э. Лагерлофа, византийские мотивы читаются в орнаментальных мотивах и иконографии изображений. В 1968—79 гг. фрески этого мастера были раскрыты в церкви в Хейдебю (изображения апостолов и

ангелов, коронация Девы Марии, Свв. Екатерина и Мартин, Николай и Лаврентий). По всей видимости, Мастер архангела Михаила был выходцем из саксоно-тюрингской живописной школы, наиболее активной в течение первой половины XIII века в Северной Германии, и появился на Готланде с целью расписать освященную в 1225 году церковь немецких купцов в Висби, посвященную Богородице. В целом же творчество этого мастера относится к третьей четверти XIII века, к 1250—1275 гг.

Итак, перед нами новая книга о старых сюжетах. Она достойно завершает исследование целого ряда поколений историков, археологов и искусствоведов, занимавшихся изучением готландского искусства. Несмотря на ряд так и не проясненных моментов и некоторые спорные, на наш взгляд, утверждения, эта книга не может не быть полезна при изучении средневекового искусства Скандинавии. Именно с нее следует начинать изучение и знакомство с проблематикой современной науки о средневековом христианском искусстве Готланда. То качество и искусство, с которым подан, распределен и опубликован Э. Лагерлофом материал, могли бы стать эталоном для подобных работ и отечественных исследователей. Качество полиграфии выше всяких похвал. Благодаря этому, книга шведского ученого без сомнений займет достойное место в научном арсенале любого археолога-медиевиста.

Иоаннисян, О. М. 1996. Деревянные храмы домонгольской Руси // Успенская церковь в Кандопоге: Сборник статей по материалам конференции, 1994: 4—46. Санкт-Петербург.

Кудрявцев, И. Н. 1989. Воздействие русской и византийской культур на искусство и архитектуру Готланда в эпоху средневековья // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: 111—118. Петрозаводск.

Раппопорт, П. А. 1982. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников // Свод археологических источников Е1—47. Ленинград: Наука.

Шаскольский, И. П. 1991. Памятники русско-византийского искусства на острове Готланд // Вспомогательные исторические дисциплины 23: 134—143. Ленинград: Наука.

Штендер, Г. М. 1988. Композиция «Константин и Елена» в Новгородском Софийском соборе и росписи деревянных сооружений домонгольской Руси // Архитектурное наследие и реставрация: Реставрация памятников истории и культуры России: 189—207. Москва.

1989. Несколько слов по поводу проблемы, поднятой в статье И. Н. Кудрявцева // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: 118—119. Петрозаводск.

Byzantium and Islam in Scandinavia. 1998. Byzantium and Islam in Scandinavia: Acts of a Symposium at Uppsala University, June 15—16 1996 // Studies in Mediterranean archaeology 126 (Ed. by E. Piltz). Jønsø: P. Eströms förlag.

Cutler, A. 1969. Garda, Källunge and the Byzantine tradition on Gotland // The Art bulletin 51: 259—260.

Dale, Th. E. A. 1995. Easter, Saint Mark and the Doge: The deposition mosaic in the choir of San Marco in Venice // Thesaurismata periodikon tou Ellenikou Institutou Byzantinon kai Metabyzantinon Spoudon 25: 21—33.

Ettinghausen, R., O. Grabar. 1987. The art and architecture of Islam, 650—1250. Harmondsworth.

Falck, W. 1971. Ryska kyrkan i kvarteret Munken // Gotlandskt arkiv: 85—93.

Grandien, B. 1974. Drommen on medeltiden: Carl Georg Brunius som byggmästare och ideformdare // Nordiska museets handlingar 82. Lund.

Henderson, J., C. Mango. 1995. Glass at medieval Constantinople: Preliminary scientific evidence // Constantinople and its Hinterland: 349—356. (Ed. by C. Mango, G. Dagron). Aldershot: Variorum.

Kalavrezou-Maxeiner, J. 1985. Byzantine Icons in steatite. Vol. 1—2. // Byzantina Vindobonensia 15. Wien.

Mango, C. 1990. Constantin's mausoleum and the tradition of relics // Byzantinische Zeitschrift 83/1: 51—62.

1990a. Constantin's mausoleum: Addendum // Byzantinische Zeitschrift 83/2: 434.

Megaw, A. H. S. 1963. Notes on the recent work of the Byzantine Institute in Istanbul // Dumbarton Oaks Papers 17: 335—364.

Obolensky, Dm. 1971. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. New York-London: Crestwood. Русский перевод 1998 г.

Ousterhout, R. 1999. Master builders of Byzantium. Princeton: Princeton University press.

- Roosval, J.* 1916. Byzantios eller en gotländsk stenmästare pe 1100-talet // Fornvännen: Tidskrift för Svensk antikvarisk forskning, Erg. 11: 220—237.
- Schoumacher, J.* 1716. Dissertatio gradualis de Gothlandica Upsaliae.
- Stenström, T.* 1977. Johnny Roosvals stil // Gotlandskt arkiv 49: 7—26.
- Svahnström, G.* 1981. Gotland zwishen Ost und West // Les pays du Nord et Byzance: Scandinavie et Byzance: Actes du colloque d'Upsal, 20—22 avril 1979. Acta Universitatis upsaliensis. Figura, N.S.; 19: 441—467. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- The Glory of Byzantium.* 1997. The Glory of Byzantium: Art and culture of Middle Byzantine Era A.D. 843—1261. (Ed. by H. C. Evans, W. D. Wixom). New York: The Metropolitan museum of art.
- Vikan, G.* 1991. Stained glass // Oxford dictionary of Byzantium 2: 853—54. (Ed. by Al. Kazhdan et al.). New York-Oxford: Oxford University press.
- Wallin, J.* 1747. Gotlandska samlingar. T. I. Stockholm. 1776. Gotlandska samlingar. T. II. Göteborg.
1972. Gotlandska samlingar. T. I, II. Факсимильное издание. Stockholm.
- Rom und Byzanz im Norden.* 1997. Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Österraum während des 8.—14. Jahrhunderts. Bd. 1—2 // Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der sozialwissenschaftlichen Klasse; Jg. 1997. N 3, I—II. (Hrsg. von M. Müller-Wille). Stuttgart: Steiner.
- РА ИИМК РАН. Протоколы заседаний ИРАО. Фонд 3, д. № 132, 400, 458.

А. А. Лунатов

*Россия. Санкт-Петербург.
Библиотека Академии наук РАН,
Отдел при ИИМК РАН.*

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ

СВЕТЛАНА ГОРШЕНИНА¹

История Франции, в прошлом — крупной колониальной державы, и ее геополитические интересы предопределили приоритетное положение во французской ориенталистике таких ареалов, как страны Магриба (Марокко, Тунис, Алжир), страны Ближнего Востока (Ливия, Сирия), Индокитай и Египет. В Центральной Азии Франция никогда не доминировала в области научных исследований (исключение — монополия французской археологии в Персии и Афганистане), и Центральноазиатский регион долгое время изучался в рамках арабского мира. Собственно под Центральноазиатским пространством во французском востоковедении подразумевается Внутренняя Азия (*Asie intérieure*), с которой связано развитие монгольской, тибетской, иранской и тюркской цивилизаций (исключая Анатолию и Балканы), долго расценивавшихся как маргинальные по сравнению с более известными и хорошо изученными цивилизациями: русской, китайской, индийской или арабской. Между тем, исходя из своеобразия представленных культур, имеется тенденция исследовать центральноазиатское пространство в рамках «миров», отдавая предпочтение исследованию таких аспектов, как культура, языкознание, этнография и география.

Под иранским миром подразумеваются территории Афганистана, Ирана, Курдистана,

Таджикистана; тюркский мир — остальные «восточные» республики бывшего Советского Союза, Сибирь и дальневосточные районы России, Монголия и Турция. Границы между двумя «мирами» — нечеткие и зачастую объединяются по конфессиональному признаку в мусульманский мир (иногда с включением народов Кавказа, исповедующих ислам).

Начиная с Габино и Ренана наибольшее внимание уделялось исследованию иранских и индо-иранских цивилизаций, противопоставлявшихся семитским и тюркским с позиций превосходства. В отношении хронологии приоритет вплоть до 80-х гг. XX в. принадлежал древности, а не современности.

Научная структура Франции выстроена в соответствии с моделью иерархической пирамиды. Для нее характерны, с одной стороны, относительная независимость отдельных субъектов, с другой — жесткая соподчиненность в рамках единой конструкции. Во французском востоковедении система высшего образования и научно-исследовательская деятельность существуют отдельно (номинально), а в реальности имеют множество точек соприкосновения, т. к. добиться профессионального успеха, оставаясь исключительно на одном поприще, практически невозможно.

I. СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Большинство высших учебных заведений, связанных с подготовкой специалистов-востоковедов, находятся в Париже. Доступ к высшему образованию открыт для всех, имеющих степень бакалавра (внеконкурсный), за исклю-

чением *Высшей школы Практических исследований (École Pratique des Hautes Études)*, где существует свободная запись на курсы. Курс высшего образования состоит из трех циклов. Первый цикл (обычная продолжительность 2

¹ Узбекистан. 700003. Ташкент. пл. Мустакелик, 1. Институт искусствознания.

года), не предполагающий образования по специальности (исключение *INALCO*), заканчивается получением Диплома общего университетского образования (*DEUG — Diplôme d'Études Universitaires Générales*). Второй цикл подразделен на 1 год так называемого «*licence*» и 1 или 2 года «*maotrise*», по окончании которого защищается диплом. Третий цикл включает в себя 1 год на подготовку и защиту Диплома углубленных исследований (*DEA Diplôme d'Études Approfondies*) и 3 года на подготовку защиты докторской диссертации (*Thèse de doctorat d'Etat — эквивалент PhD*).

Национальный институт восточных языков и цивилизаций (*INALCO — Institut National des Langues et Civilisations Orientales*; административный адрес: 2 rue de Lille, 75007 Paris; tel.: 01 42 60 34 58) создан в 1795 г. и первоначально именовался как *Национальная школа живых восточных языков / Ecole Nationale des Langues Orientales vivantes*. Изначально это учреждение было ориентировано на подготовку специалистов-переводчиков и дипломатов в страны Востока на базе изучения арабских, тюркских и персидских языков. В настоящее время имеет статус «Главного учреждения высшего образования» (*Grand Etablissement d'Enseignement Supérieur*). *INALCO* состоит из нескольких секций, занятых изучением русского, тюркского, иранского и арабского миров. Центральноазиатские исследования разделены между тремя первыми. Секции всех трех миров сосредоточены на преподавании языков. Однако секция русского мира, куда входит Департамент России-Евразии, занята также изучением процессов на территории бывшего СССР, в частности, существует специальная группа центральноазиатских исследований (рук. Жан Радвани / *Jean Radvani*). Центр преподавания иранских и тюркских языков находится в Центре преподавания Аньер (94 av. des Grésillons, 92600 Asnières, tel.: 01 47 33 42 30). Преподаваемые иранские языки — персидский, курдский и пушту; тюркские — турецкий, узбекский.

Первый цикл (3 года) заканчивается защитой двух дипломов: Диплома одного языка (*Diplôme unilingue*) для каждого из преподаваемых языков; Диплома двух языков (*Diplôme bilingue*). Только первый диплом дает возможность продолжать обучение на 2 цикле. Программы образования 1 цикла в обоих случаях включают: современный язык, начальные этапы изучения классического языка и литературы, специализированное изучение истории цивилизаций (география и история).

Второй цикл предполагает последующее изучение персидского языка в *Департаменте иранских исследований Университета Paris III*; курдский, пушту и тюркские языки в течение еще 1 года изучаются в *INALCO*, что заканчи-

вается получением Высшего диплома (*Diplôme supérieur*) по языку и литературе. Часть лекций читают приглашенные специалисты *CNRS*.

Библиотека (2 rue de Lille, 75007 Paris): более 600 000 томов, 6 000 из которых касаются Ирана (преимущественно классическая литература и исламский Иран).

Университет Paris III или Университет новой Сорбонны (*Université de Paris III ou Université de la Sorbonne Nouvelle*, адрес: Centre Censier, 13 rue de Santeuil, 75005 Paris; tel.: 01 45 87 40 69).

А. Департамент иранских исследований (*Département des Études Iraniennes*).

В. Департамент арабских и исламских исследований (*Département d'Études Arabes et Islamiques*).

Преподавание включает только 2 и 3 циклы (классическая и современная, в том числе техническая, литература, история литературы, история) и рассчитано на лиц, имеющих диплом унilingва (*Diplôme unilingue*) *INALCO* или же эквивалентные иностранные дипломы. Преподавание древних языков ведется в сотрудничестве с IV секцией *EPHE* (история мусульманского Ирана, древние и средние иранские языки, диалектология) и включает в себя следующие дисциплины: классическая и современная персидская литература, пресса и технический персидский язык, практика письменной и устной речи, история литературы, введение в иранскую лингвистику (в *EPHE*) — «*licence*» (1 год); семинары по истории персидской литературы, литературные традиции современного персидского языка, история мусульманского Ирана, иранская лингвистика — «*maotrise*» (1 или 2 года), по окончании — подготовка *Diplôme d'Études Approfondies* (от 1 года до 2); «*doctorat*» (3 года, возможно пролонгирование); подготовка *Thèse de doctorat d'Etat*. **Практическая школа высших исследований, IV и V секции** (*EPHE — École Pratique des hautes Études*; адрес: Sorbonne, 45 rue des Ecoles, 75005; *IVe Section — tel.: 01 46 33 19 94; Ve Section — tel.: 01 46 33 58 41*) имеет статус «Главного учреждения высшего образования» (*Grand Etablissement d'Enseignement Supérieur*). Поступление в *EPHE* бесконкурсное, но с обязательным условием иметь, как минимум, уровень 2 цикла. В течение 2—4 лет подготавливается собственный диплом *EPHE*, который одновременно может быть защищен и как диплом Школы, и как докторская диссертация.

IV секция (исторические и филологические науки) подразделяется на кафедры, среди которых: «Иранская лингвистика и филология» (древние и средние иранские языки, диалектология); «История исламского Ирана» (преподавание не ограничено только Ираном, затрагивает весь комплекс вопросов взаимоотношений между Европой и Востоком в XVI—XVIII вв.);

«Греческая археология» (в том числе и исследование эллинизма в Центральной Азии, языки и цивилизации Кавказа).

В секция (религиоведение) представляет следующие направления: «Религии древнего Ирана» (изучение источников на пехлеви, согдийском языке); «Манихейство и гностицизм»; «Идейные течения в Исламе».

Публикации: V секция издает ежегодник с развернутым резюме прочитанных курсов.

Школа высших исследований в области социальных наук (*École des Hautes Études en Sciences Sociales*; адрес: 54 bd. Raspail, 75006 Paris; tel.: 01 49 54 25 25; 105 bd Raspail, 75006 Paris, tel.: 01 45 48 27 68) также имеет статус «Главного учреждения высшего образования» (*Grand Etablissement d'Enseignement Supérieur*). До 1975 г. это учреждение было VI секцией ЕРНЕ, у истоков которой стояли М. Блок и Л. Февр. Здесь предлагается обучение исключительно по 3 циклу (этнология и география Ирана, постмонгольская история Центральной Азии), который заканчивается защитой диссертации по антропологии и географии. Отделения EHESS представлены в Марселе (*EHESS-Marseille, Centre de la Vieille-Charité, 2 rue de la Charuté, 13002 Marseille, tel.: (16) 91 14 07 27*); Лионе (*CIHAM, EHESS et Université de Lyon II, 18 quai Claude Bernard, 69007 Lyon, tel.: (16) 78 69 24 35 poste 203 et 431*) и Тулузе (*EHESS, 56 rue du Taur, 31042 Toulouse, tel.: (16) 61 23 29 53*). В рамках EHESS сгруппированы научные центры, группы и лаборатории, большая часть которых входит в CNRS. Центральноеазиатские исследования представлены группой «Малая и Внутренняя Азия» (*Asie Mineure et Intérieure*), работающей в сотрудничестве с INALCO (Ремю Дор / Rémy Dor; Жиль Ванштейн / Gille Veinstein): язык и культура алтайских, иранских, кавказских народов. Группа обеспечивает подготовку специалистов по двум направлениям: язык и литература, социальные науки.

Публикации: *Cahiers du Monde Russe*.

Университет Paris IV или Университет Paris-Sorbonne (*Université Paris IV ou Université Paris-Sorbonne*).

А. Союз по образованию и исследованию географии (*Unité d'Enseignement et de Recherche*

(*UER*) de Géographie); адрес: *Institut de Géographie, 191 rue Saint-Jacques, 75005 Paris, tel.: 01 43 29 01 47*) является практически единственным учреждением во Франции, где ведется систематическое преподавание географии Ирана и Афганистана. Обучение включает три цикла.

Публикации: *Publications du Département de Géographie de l'Université de Paris-Sorbonne*.

В. Союз по образованию и исследованию истории искусства и археологии (*UER d'Histoire de l'Art et Archéologie*); адрес: *Institut d'Art, 3 rue Michlet, 75006 Paris, tel.: 01 43 25 50 99*) представляет центральноазиатский регион курсами по истории мусульманского искусства иранских стран. Обучение включает три цикла.

При Университете работает Группа по исследованию вояжной литературы «*Groupe de Recherche sur la Littérature des Voyages*» (96 bd. Raspail, 75006 Paris).

Университет Paris I, Союз по образованию и исследованию истории искусства и археологии (*Université de Paris I, UER d'Histoire de l'Art et Archéologie*; адрес: *Institut d'Art, 3 rue Michlet, 75006 Paris, tel.: 01 43 25 19 74*). Центральная Азия представлена курсами по археологии и протоистории иранского плато, скифской археологии, археологии эллинизированного Востока (включая Парфию). Обучение состоит из трех циклов.

Библиотека: Библиотека Дусе (*Bibliothèque Doucet*) располагает прекрасным собранием по истории искусства и археологии.

Школа Лувра (*École du Louvre*; адрес: *place du Carrousel, 75001 Paris, tel.: 01 42 60 25 50*) ориентирована на подготовку музейных работников. С Центральной Азией соотносятся курсы по истории искусства древнего Ирана, Элама, истории мусульманского искусства.

Библиотека Восточного департамента располагает важным фондом по истории искусства и археологии Ирана.

Частично проблемы изучения Центральной Азии затрагиваются в университетах Страсбурга (иранская филология), Экс-эн-Прованса (этнология, история искусств), Тулузы (древняя история, в частности, история Ахеменидов), Реймс (география).

II. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Национальный центр научных исследований (*CNRS — Centre National de la Recherche Scientifique*; адрес: 75 quai Anatole France, 75007 Paris) создан в 1936 г. и с 1960-х гг. приобрел свою нынешнюю роль координатора научных исследований. В его состав входят члены CNRS, занятые исключительно научно-исследовательской работой (хотя многие из них

преподают в качестве приглашенных специалистов в различных высших учебных заведениях), представители высшей школы и другие (доктора, ожидающие свою вакансию, аспиранты...). Исследователи входят в различные научные группы, темы которых, а также размеры финансирования утверждаются *Генеральной администрацией CNRS*. Практически все

группы CNRS базируются в Париже, несмотря на активную политику децентрализации, проводимую уже в течение нескольких лет французскими властями. Некоторые научные группы CNRS, связанные с работой за пределами Франции (археологические миссии, вся система зарубежных французских исследовательских институтов), соподчиняются также Министерству иностранных дел Франции.

Центральная Азия в течение последних лет была представлена следующими крупными подразделениями, так называемыми, Объединенными Союдами Исследования (UMR — *Unité Mixte de Recherche*), подразделенными, в свою очередь, на более мелкие исследовательские группы, решающие отдельные проблемы (в составе групп могут быть и не члены CNRS):

— UMR 116: Лаборатория сравнительной Этнологии и Социологии (*Laboratoire d'Éthnologie et de Sociologie comparative*) (P. Амайон / R. Намайон) занимается ритуальными играми (М.-Д. Эвен / М.-Е. Even); словарем монгольского языка (М.-Л. Беффа / М.-Л. Beffa, P. Амайон / R. Намайон).

Публикации: *Études mongoles et sibériennes (périodique)*; *Recherches sur les Haute-Asie (collection)*.

— UMR 126: Археология Востока и Запада (*Archéologies d'Orient et d'Occident*) (К. Пеюр / С. Пейре):

I. «Эллинизм и восточные цивилизации» (П. Бернар / P. Bernard, Ф. Гренэ / F. Grenet): археологические раскопки в Самарканде, Дербенте (Узбекистан) (П. Бернар / P. Bernard, Ф. Гренэ / F. Grenet, К. Рапэн / Cl. Rapin), публикация результатов раскопок в Ай-Ханум (Афганистан) (П. Бернар / P. Bernard, Ф. Гренэ / F. Grenet, К. Рапэн / Cl. Rapin).

Публикации: серия «Fouilles d'Ai Khanoum» в *Mémoires de la DAFA*.

II. «Урбанистическая археология эллинизированного Востока» (П. Леруш / P. Leriche): археологические раскопки в Старом Термезе (П. Леруш / P. Leriche).

— UMR 252: Социальные науки современного иранского мира (*Sciences sociales du Monde iranien contemporain*) (Ж.-П. Дигар / J.-P. Digard, Б. Уркад / B. Hourcade): сельское общество и экономика Афганистана и Таджикистана; рождение новых государств в Центральной Азии (О. Рой / O. Roy); социология политики и геополитики иранского мира (О. Рой / O. Roy); картография Ирана (Б. Уркад / B. Hourcade); Тегеран и урбанизм в Иране (Б. Уркад / B. Hourcade); денежная политика и исламская экономика в Иране (Т. Ковил / T. Coville); демографический взрыв и семья в Иране (М. Ладье / M. Ladier); секуляризация Ислама и государства при Резе-шахе (Й. Ришар / Y. Richard).

— UMR 315: Археология Центральной Азии: Население, Среда, Техника (*Archéologie de l'Asie centrale: Peuplement, Milieux, Techniques*) (Г.-П. Франкфор / H.-P. Francfort); ирригация и население Центральной Азии (Г.-П. Франкфор / H.-P. Francfort); историческая география Центральной Азии: ирригация и пустыни (П. Жентель / P. Gentelle); публикация результатов археологических разведок в Восточной Бактрии (Ж.-К. Гарден / J.-Cl. Gardin); раскопки и анализ полученных материалов на городище Саразм (Р. Безенваль / R. Besenval); разведки Южного Таджикистана и керамика: долина Вахша и Кызыл-Су (Б. Лионнэ / B. Lyonnet); Южная Сибирь, Казахстан, Киргизия: информатизированный репертуар петроглифов (Г.-П. Франкфор / H.-P. Francfort).

Публикации: *Mémoires de la DAFA*; *Mémoires de la MAFAС*.

— UMR 913: От Моря до Пустыни: население и управление средневозвосточными пространствами (*De la Mer au Désert: Occupation et Gestion des Espaces moyen-orientaux*) (Р. Бушарлат / R. Boucharlat): привычки и образ жизни в Семиречье в период античности (Р. Бушарлат / R. Boucharlat).

— UMR 1059: Центр исламских и восточных исследований сравнимой истории (*Centre d'Études islamiques et orientales d'Histoire comparée*) (Ж. Калмар / J. Calmard); современная история Центральной Азии (XV—XX вв.).

Публикации: *Moyen Orient et Océan Indien (периодика)*.

— UMR 1060: Иранские язык, литература и культура (*Langues, Littératures et Cultures iraniennes*) (Ш.-Г. де Фушеккур / Ch.-H. de Fouché-kour); музыкология иранского мира (Ж. Дюринг / J. Düring); идейный раскол в политических движениях в Мавераннахре и российском исламе в XVIII—XX вв. (С. Дюдуаьон / S. Du-doignon).

— UMR 1425: Тюркские и османские исследования (*Études turques et ottomanes*) (Ж. Ванштейн / J. Veinstein, Р. Дор / R. Dor); история доктрин мистиков суфизма (Т. Заркон / T. Zarkon).

Коллеж де Франс (*Collège de France*; II place Marcelin-Berthelot, 75005) объединяет ряд Институтов Азии (Instituts d'Asie), созданных в 1970 г.: Институт по изучению Дальнего Востока (Индия, Китай, Япония, Корея), Центр изучения Центральной и Верхней Азии, Институт семитологии, Кабинет исламоведения. Центральноазиатский регион представлен историей, археологией и религиоведением (Г. Фуссман / G. Fussman, М. Тардьё / M. Tardieu).

Публикации: *Collège de France: annuaire*; *Les cours inaugurales et terminales des professeurs*.

Институт иранских исследований (IEI — Institut d'Études Iraniennes; адрес: Centre Cer-

isier, 13 rue de Santeuil, 75005 Paris) создан в 1947 г. при Сорбонне как научное и учебное заведение, располагающее крупной библиотекой, и не изменил своего профиля и сегодня. На его базе в 1966 г. была создана кафедра иранских исследований в Сорбонне. Поступление в IEI зарезервировано исключительно для выпускников INALCO (классическая иранская литература, лингвистика, античные древности). С 1971 г. IEI работает в тесном контакте с CNRS (группа CNRS «Иранские язык, литература и культура»).

Библиотека: более 13 000 книг и 30 наименований периодики, посвященных до- и послееврейскому периоду, составляет одну из наиболее богатых специализированных библиотек по иранистике во Франции.

Публикации: *Documents et Ouvrages de référence de l'IEI; Travaux de l'IFI.*

Институт тюркских исследований (Institut d'études turques; адрес: 13 rue de Four, 75006 Paris) при котором существует Ассоциация для развития иранских исследований (*Association pour l'Avancement des Études Iraniennes*)

Публикации: *Studio Iranica.*

Французский Институт. Академия надписей и изящной словесности (Institut de France. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres; адрес: 23 quai de Conti, 75006 Paris). Данное учреждение, венчающее всю систему органи-

зации науки во Франции, объединяет пять французских академий, среди которых наиболее близка к центральноазиатской проблематике Академия надписей и изящной словесности, основанная в 1663 г., в 1795 г. вошла в состав Французского института под именем «Класс античной истории и литературы» и вновь обрела свое имя в 1816 г. Центральная Азия представлена П. Бернардом (*P. Bernard*).

Публикации: *Revue des Travaux de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et Comptes Rendus de ses sciences; Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.*

Дом наук о человеке (MSH — Maison des Sciences de l'Homme; адрес: 54 bd. Raspail, 75006 Paris) создан в 1957 г. и работает в тесном сотрудничестве с исследователями CNRS и EHESS, а также поддерживает ряд программ по международному научному обмену (администратор *М. Эмар / M. Aymard*). При MSH создана Ассоциация Исследований и Информации по Центральной Азии (*ARIA C — Association de recherches et d'Information sur l'Asie centrale*), информационным органом которой является «*La Lettre d'Asie centrale*», издаваемый совместно с IFEAC.

Публикации: *MSH-Informations. Bulletin de la Fondation du Maison des Sciences de l'Homme; La Lettre d'Asie centrale.*

III. УЧРЕЖДЕНИЯ, ПОДЧИНЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ

В подчинении Главного управления Культурных, Научных и Технических связей Отдела научного и технического сотрудничества (Подотдел общественных, гуманитарных наук и археологии) Министерства Иностранных дел Франции (*Ministère des Affaires Étrangères, Direction Générale des Relations Culturelles, Scientifiques et Techniques, Direction de la Coopération Scientifique et Technique, Sous-Direction des Sciences Sociales, Humaines et de l'Archéologie*) находится 28 научно-исследовательских институтов, 2 университетских колледжа и 187 археологических миссий, базирующихся на всех пяти континентах.

Возникновение сети исследовательских институтов большей частью совпадает с концом XIX—началом XX века и связано с развитием археологии и социо-гуманитарных наук. Институты рассчитаны на все научное сообщество Франции. Их статус и структура различны в зависимости от локальных условий, а ориентация научных исследований определяется самими институтами в рамках традиционных норм и свобод академической науки. Главной задачей институтов является проведение мультидисциплинарных исследо-

ваний, облегчение научных контактов (французских, европейских и интернациональных), формирование кадрового потенциала, обеспечение определенного уровня условий пребывания в стране, предоставление научной информации.

Археологические миссии в 60 странах включают в себя исключительно профессиональных археологов, занятых изучением различных цивилизаций от преистории вплоть до нового времени. Их проекты и финансирование каждый год рассматриваются Консультативной комиссией археологических исследований за границей (*Commission consultative des Recherches archéologiques à l'étranger*).

В эту структуру МИДа Франции входит также Издательство Исследования Цивилизаций (*Les Editions Recherche sur les Civilisations*), созданное в 1980 г. с целью поддержания высоко научных изданий, не адресованных широкой публике. *Les Editions Recherche sur les Civilisations* является важной частью Ассоциации для распространения французской мысли (*Association pour la Diffusion de la Pensée française*). Здесь публикуются результаты всех работ, проходивших в рамках Подотдела социаль-

ных, гуманитарных наук и археологии (на сегодняшний день насчитывается около 260 наименований).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Французский институт по исследованию Центральной Азии (*IFEAC — Institut français d'études sur l'Asie centrale*, адрес: Узбекистан, 700031, ул. Ракатбоши (бывш. Шпилькова), д. 18 А; тел.: (7371) 13947 03)

Созданный в 1992 г. *IFEAC* (директор — П. Шувен / *P. Chuvin*) ориентирован на географическую зону, включающую пять среднеазиатских республик бывшего СССР (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан), соседние регионы (Афганистан, иранский Хорасан, китайский Синь-Цзянь), а также на территории, представленные тюрко-монгольскими народами (казанские татары, башкиры, крымские татары, калмыки, азербайджанцы, народы Сибири). Поле исследования не лимитировано хронологически (хотя приоритетным является исламский период) и предполагает все аспекты социальных и гуманитарных наук. Основными программами *IFEAC* являются: «Средства исследования» (разработка француско-узбекского и узбекско-французского словаря; составление библиографии Центральной Азии); «Наследие» (описание исламских памятников Центральной Азии, публикация рукописного национального достояния, исследование мусульманских кладбищ). Программа «Различные культуры и виды обществ» подразделяется на: А. Религии и виды идеологий. Ислам: возрождение, преемственность и реформы (суфизм, эволюция идей с конца XVIII века до наших дней, история раннего христианства и тюркизация региона, возрождение исламизации региона); Б. Социально-политическая история Центральной Азии и Восточного Ирана. В. Этнография, этнолингвистика, история народонаселения (этномузыковедение, история народонаселения, социология).

Публикации: *Cahiers de l'Asie Centrale* (выпущено 1—2 и 3—4 вып.; в процессе издания 5 и 6 выпуски); *La Lettre d'Asie centrale*.

Библиотека: насчитывает около 6000 томов книг, журналов, несколько сот брошюр, ограниченное (специально) число газет, посвященных исключительно центральноазиатскому региону; формируется фонд карт и планов.

Французский институт исследований Анатолии, Институт Жоржа Дюмезиля (*IFEAC — Institut français d'études anatoliennes; Institut Georges Dumézil*; адрес: *Palais de France, Nuru Ziya Sokak 22 P. K. 54, 80072 Beyo'glu-Istanbul*; tel.: (90) 212 244 1717; (90) 212 244 33 27), геогра-

фической областью исследования которого являются Турция и соседние страны (Балканы, Анатолия, Кавказ, Черное море, страны тюркоговорящей Азии); хронология лимитирована от преистории до наших дней. *IFEAC* (директор — Стефан Иерасимос / *Stéphane Yérasimos*) создан в 1975 г. на базе Французского института археологии в Стамбуле (*Institut français d'archéologie d'Istanbul*), основанного в 1930 г. и признанного турецкими властями в 1931 г. В область научных интересов института входят эпиграфика, археология, палеогеография, история, история искусства, экономика, социология, политические науки тюркоговорящих народов. Реализуемые программы затрагивают следующие аспекты: палеолитические исследования; составление каталогов и базы данных античных монет из собраний турецких музеев; исследование греческой и византийской керамики Причерноморья; исследование и составление базы данных по Оттоманским кладбищам; исследование религиозных мусульманских братств; исследование развития градостроительства Стамбула; Турция между трех миров — Западной Европой, Черным морем и Средним Востоком; создание фонда микрофильмов турецкой прессы на Балканах; соотношение политических сил на Балканах; создание фонда Оттоманских хроник, современная история Кавказа.

Публикации: на сегодняшний день опубликовано около 125 томов под грифом *IFEAC*, включая все серийные издания (коллекции) и работы, написанные в сотрудничестве с другими структурами. Два журнала, составляемые и подготавливаемые в *IFEAC* издаются во Франции в виде коллекции «*Bibliothèque de l'IFEAC*»: *Anatolia Antiqua. Eski Anadolu, tome I (1991); II (1992); Anatolia Moderna. Yeni Anadolu, tome I (1991); II (1991); III (1992); IV (1993); V (1994)*. *IFEAC* издает три собственные коллекции: «*Bibliothèque de L'Institut français d'études anatoliennes*» (39 томов издано); «*Varia Turcica*» (24 тома издано); «*Varia Anatolica*» (7 томов издано). Раз в семестр также издается бюллетень «*Observatoire urbain d'Istanbul, lettre d'information*». Несколько работ выпущено в коллекции Издательства Исследования Цивилизаций (*Les Editions Recherche sur les Civilisations*) и в коллекциях Общества истории тюрков Анкары (*Société d'histoire turque d'Ankara*) и различных Университетов Турции.

Библиотека: 18 000 томов, из которых 13 000 составляют монографии и сборники и

5000 томов периодики; микрофильмы журналов на французском языке, появившиеся в оттоманский период.

Французский институт по исследованию Ирана (IFRI — Institut français de recherche en Iran; адрес: Avenue Felestin, Avenue Nazari, 52, rue Adib, Téhéran 13158; tel.: (98—21) 640 II 92; (98—21) 640 21 53). Географически ареал интересов IFRI (директор — Реми Бушарлат / Rémy Boucharlat) совпадает с границами так называемого иранского мира (*Monde iranien*), представленного говорящими на иранских языках народами Афганистана, Курдистана, стран Центральной Азии, Индии и Пакистана. Институт создан в 1983 г. в результате объединения Французской археологической делегации в Иране (DAFI — *Délégation archéologique française en Iran*), начавшей свою работу в 1897 г., и Французского Института иранологии в Тегеране (IFIT — *Institut français d'iranologie de Téhéran*), созданного в 1947 г. В ноябре 1983 г. деятельность IFRI была временно приостановлена, вновь возобновлена начиная с 1993 г. IFRI поддерживает исследования во всех областях, касающихся иранских цивилизаций: с 1976 г. в IFRI были представлены все гуманитарные и социальные науки (литература, история, история науки и техники, география, этнология, политические науки); с 1990 г. в исследовательские программы IFRI были интегрированы естественные науки. Институт осуществляет следующие проекты: урбанистические исследования, особенно социология пригородов Тегерана, история науки и техники в иранском мире, история современного Ирана (XIX—XX вв.), классическая и современная персидская литература, археология, история исламского искусства, этнология сельского и племенного сообщества, музыкология и этномузыкология.

Публикации: *Abstracta Iranica*: основан в 1978 г., издано 16 томов, издающихся ежегодно; содержат избранную аннотированную библиографию иранского мира. «*Bibliothèque Iranienne*»: основана в 1949 г., издано 45 томов: тома с 1 по 22 — персидские философские тексты; с 23 тома — фундаментальные исследования по иранской цивилизации, часть кото-

рых изданы в коллекции *Éditions Recherche sur les Civilisations. Mémoires de la DAFI*: основаны в 1900 г., издано 50 томов, посвященных результатам археологических раскопок в Иране до 1968 г. *Cahiers de la DAFI*: основаны в 1971 г., издано 15 томов, содержащих результаты археологических раскопок в Сузах и Сузиане, проводимых после 1968 г.

Библиотека: 20 000 томов, карты, планы на всех языках об иранской цивилизации, особенно много работ по Исламу, философии, литературе, лингвистике, археологии; каталоги и библиографические работы; 44 рукописи; периодические издания (прекратившие свое существование — 200 наименований; ныне издающихся — 109, из которых 53 на персидском языке); комплект двух иранских ежедневных газет с 1976 г.

Центр гуманитарных наук (Дели) (CSH — Centre de sciences humaines; адрес: Embassy of France, 2 Aurangzeb Road, New Delhi 110 011; tel.: (91 II) 301 62 59; (91 II) 301 41 73) создан в 1989 г. на базе франко-индийской археологической миссии (*Mission archéologique franco-indienne*), организованной в 1983 г., CSH (директор — Брюно Дорэ / Bruno Dorin) и ориентирован на географическую зону, включающую весь индийский регион и некоторые страны Южной Азии. Поле исследования включает в себя весь комплекс социальных и гуманитарных наук (экономика, политология, право, социология, демография, антропология) при доминировании экономических и политических аспектов современной истории Индии и соседних с ней стран. Реализуемые программы: внутрисударственные отношения в южноазиатском регионе; исследование динамики социокультурной жизни Дели и принципов его градостроительства; музыкология, индийская живопись за последнее столетие; компаративная антропология зарождающихся ритуалов в сообществах «ирани» и «парси»; исследования индо-персидской истории и культуры Северной Индии.

Публикации: *Lettre d'information du CSH*.

Библиотека: 6000 томов, преимущественно о странах Южной Азии; 160 наименований индийской и французской периодики.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИССИИ

Археология занимает одно из привилегированных мест в системе исследовательских институтов МИДа Франции. Консультативная комиссия археологических исследований за границей (*Commission consultative des Recherches archéologiques à l'étranger*) классифицировала все археологические миссии по географическому признаку. Центральноазиатский регион представлен следующими археологическими

экспедициями, чья работа или приостановлена или продолжается до сегодняшнего дня:

Афганистан. Французская археологическая миссия в Афганистане (DAFA — *Délégation Archéologique Française en Afghanistan*). Созданная в 1922 г., DAFA (А. Фуше / A. Faucher (1922—1926); Ж. Аскин / J. Hackin (1926—1940); Р. Гиришман / R. Ghirshman (1940—1943); Д. Шлюмберже / D. Schlumberger (1947—1964);

П. Бернар / P. Bernard (1964—1980); Ж.-К. Гарден / J.-Cl. Gardin (1981—1982) в 1982 г. была вынуждена свернуть свои работы; богатейшая специализированная библиотека DAFA (13 000 томов), как и все археологические находки, были оставлены в Афганистане.

Публикации: *Mémoires de la DAFA*.

Казахстан. *Французско-казахстанская археологическая миссия (Mission archéologique franco-kazakh)*. Исследование Акыр-Таша (К. Байнаков, А. Норфедж / A. Northedge).

Монголия. *Постоянная археологическая миссия Франция-ЮНЕСКО в Монголии (Mission archéologique permanente Franco-Unesco en Mongolie)*. Исследования некрополя Егин-Гол (эпоха бронзы); палеолит Муалтин Ам (П.-Г. Жискап / P.-H. Giscard).

Таджикистан. *Миссия Южного Таджикистана (Mission du Tadjikistan méridional)*. Подготовка публикации по истории Таджикистана от палеолита до Ислама с точки зрения развития керамики (Бертиль Лионнэ / Bertille Lyonnet). *Французская археологическая миссия в Центральной Азии. Программа Зерафшан (Саразм)*. (*Mission archéologique française. Pro-*

gramme Zerafshan). Исследование протоисторического населения в долине Зерафшана (Р. Безенваль / R. Besenval).

Узбекистан. *Французско-Узбекская археологическая миссия (Северная Бактриана)*. Урбанизм Северной Бактрианы в период эллинизма на примере Старого Термеза и Хайтабада (П. Лериш / P. Leriche). *Французско-Узбекская археологическая миссия*. Исследование Согдианы от железного века до Ислама домонгольского периода: раскопки Афрасиаба, Дербента, Коктепа, Саил-тепа (Ф. Гренэ / F. Grenet).

Публикации: *L'Archéologie de la Bactriane ancienne; Actes du colloque franco-soviétique de Dushanbe*, éd. du CNRS, 1985; *Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale préislamique*, éd. du CNRS, 1989.

Центральная Азия. *Французская археологическая миссия в Центральной Азии (Mission archéologique françaises en Asie centrale)*. Союз интердисциплинарных исследований для изучения процессов формирования оседлого сельскохозяйственного населения в Центральной Азии и его отношений с кочевническим миром (Г.-П. Франкфор / H.-P. Francfort)

IV. БИБЛИОТЕКИ

Большинство библиотек и архивов, в которых находятся монографии, периодика и оригинальные документы, связанные с Центральной Азией, сконцентрированы в Париже. Как правило, специализированные библиотеки находятся при соответствующих исследовательских или образовательных учреждениях (см. выше). Наиболее крупные общедоступные собрания, связанные с центральноазиатскими исследованиями следующие:

Национальная библиотека Франции. (*Bibliothèque Nationale de France*; адрес: 8, rue de Richelieu 75009, tel.: 01 47 03 81 26; *Quai François Mauriac*, 75706 Cedex 13, tel.: 01 53 79

53 79). Помимо очень богатого собрания книг, сборников и периодики *Bibliothèque Nationale de France* располагает богатым собранием восточных рукописей (Департамент Восточных манускриптов / *Département des Manuscrites Orientaux*), карт, планов и фотографий.

Библиотека Сорбонны. (*Bibliothèque de la Sorbonne*; адрес: 47 rue des Ecoles, 75005 Paris; tel.: 01 40 46 3027)

Библиотека Музея Гиме. (*Bibliothèque du Musée Guimet*; адрес: 6 pi. d'Iéna, 75016 Paris)

Библиотека Азиатского общества (*Bibliothèque de la Société Asiatique*; адрес: 3 rue Mazarini, 75006 Paris)

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОКА – АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДА. СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

(Познань, 18—21 мая 2000 г.)

Бурные политические изменения последних десятилетий, распад советского блока и самого СССР, появление на карте новых государств не могли не отразиться на состоянии европейской археологии. Впервые после долгой изоляции открылась возможность сотрудничества не только в форме переписки, обмена публикациями и редких визитов, но и осуществления совместных полевых, музейных и кабинетных проектов. Особенно активизировалась такая деятельность с появлением новых форм научной координации (Европейская археологическая ассоциация) и специальных исследовательских учреждений, ориентированных на широкомасштабное изучение древностей Старого Света (Евразийский отдел Германского археологического института в Берлине). В процессе практического взаимодействия археологов Востока и Запада вскоре выяснилось, что препятствия на пути реализации подобных проектов заключаются не только в языковом барьере и технической отсталости восточноевропейской науки, но и в различном подходе к археологическим материалам, во многом обусловленном спецификой развития и статусом археологии в разных странах континента. Именно этой теме была посвящена конференция, проведенная в г. Познани (Польша). В ней приняли участие представители научных центров как западной (Германия, Франция, Англия, Италия, Норвегия), так и восточной (Россия, Украина, Польша, Венгрия, Чехия, Болгария, Словения) частей континента.

Работа собрания была организована по трем тематическим блокам. Первый блок был посвящен анализу и сопоставлению исследовательских традиций, сложившихся в рамках национальных школ археологии. В наиболее общем плане к проблематике подошел С. Табачинский (Польша), говоривший о теоретических основах нашей дисциплины в странах Западной и Восточной Европы. Д. Чапмен (Великобритания) обрисовал существующий теоретический разнобой в английской археологии. Сходные пост-процессуальные веяния не обошли стороной скандинавскую (доклад Б. Ольсена, Норвегия) и итальянскую (А. Гуиди, Италия) науку о древности. Ю. Кунов (Германия) рассказал об истории музейного дела и организации охраны памятников в Германии. Были представлены развернутые обзоры современного состояния археологических исследований в Чехии (Е. Неуступный), Словении (П. Новакович), Болгарии (В. Николов), России (Л. Н. Корякова), на Украине (Ю. А. Рассамакин). С. А. Васильев (Россия) дополнил картину, рассказав об истории и современной ситуации в археологии Санкт-Петербурга. Интерес представляет «взгляд со стороны», представленный в докладе Б. Анке и К. Гукша (Германия) об археологии в Киргизии. Немало проблем возникает не только в странах бывшего социалистического лагеря, но и в самой Германии после падения Берлинской стены. Сложным вопросам профессиональной подготовки и статуса археологов в бывшей ГДР посвятила свое выступление

У. Соммер (Германия). О роли археологии в становлении национальной идентичности новых государств и опасности использования древностей в националистических целях говорили Ж.-П. Демуть (Франция) и Ф. Кол (США).

К сожалению, последовавшая дискуссия в основном свелась к теме соотношения традиционной культурно-исторической, процессуальной и пост-процессуальной археологии в Германии и Англии. Много споров было о роли марксистских и нео-марксистских концепций в изучении древних обществ. Говорилось о необходимости «наведения мостов» не только между археологами различных частей Европы, но и между теоретиками и практиками в пределах нашей науки. При этом реальные проблемы, встающие перед участниками международных археологических предприятий, остались в тени. Пожалуй, наибольший интерес в этом аспекте представляли доклады А. Наглера и И. Мотценбакера (Германия), давших развернутую панораму экспедиционной деятельности немецких специалистов, осуществляющих необычайно продуктивные совместные полевые проекты на Кавказе, Урале, в Сибири и Казахстане. Их дополнили сообщения студентов Университета г. Галле (Германия) об опыте сотрудничества с польскими, чешскими, болгарскими и грузинскими коллегами, в основном в области средневековой археологии.

Вторая тема — вопросы социологической интерпретации археологических данных и реконструкции структуры древних обществ. Основное внимание докладчики уделили вопросам воссоздания социальной стратификации на основе анализа погребений. Эти сюжеты рассматривались на материалах различных эпох и археологических культур. Были проанализированы данные по линейно-ленточной культуре Польши (А. Чекай-Заставны, Польша), восточного ареала культуры шаровидных амфор (М. Шмит, Польша), гальштата юга Германии (Ш. Бурмайстер, Германия), катакомбным захоронениям алан Северного Кавказа

(Д. В. Коробов, Россия). Палеоэкономическая реконструкция хозяйства племен бронзового века на территории Калмыкии стала темой доклада Н. А. Шишлиной (Россия). О раскопках телля эпохи бронзы в Саломбате венгерско-шведской экспедицией рассказала И. Порослай (Венгрия). К. Холторф (Великобритания) коснулся мало разработанного сюжета об изменении отношения к археологическим памятникам на разных этапах истории.

Третья тема — новейшие естественнонаучные и компьютерные методы в археологии. Й. Мюллер (Германия) посвятил свое выступление общим проблемам значимости подобных данных для археологической интерпретации и зависимости последней от исследовательских установок. П. Роули-Конви (Великобритания) убедительно продемонстрировал, как результаты комплексных исследований позволяют коренным образом пересмотреть сложившиеся представления о процессе неолитизации в Британии и Дании. Я. Пионтек (Польша) затронул вопрос о палеодемографических реконструкциях по антропологическим данным. Внимание участников привлек доклад Л. Бартошевича (Венгрия), посвященный роли традиций древних обществ в формировании фаунистических комплексов, происходящих с археологических памятников. Л. А. Черных (Украина) говорила о результатах металлографического анализа изделий бронзового века Северного Причерноморья. Перспективам технологического изучения скифо-греческой металлопластики посвятил свое сообщение Д. Редферн (Великобритания). Наконец, новые перспективы перед археологами открывает использование ГИС-технологий, что на примере базы данных по памятникам Бранденбурга показал Б. Дюке (Германия).

Закрывая конференцию, Д. Минта-Твожовска (Польша) вновь говорила о необходимости интеграции национальных исследовательских и теоретических позиций с целью формирования общеевропейской археологии в наступающем столетии.

С. А. Васильев

*Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел палеолита*

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТУРЦИИ

В июле-августе 2000 г. я принимала участие в работе в составе экспедиции Эгейского университета г. Измир, проводившей археологические раскопки древних Клазомен на побережье Измирского залива (Эгейское море) в окрестностях современного города Урла. Возглавляет эти исследования декан факультета классической археологии Эгейского университета профессор Г. Бакир, любезно пригласивший меня принять в них участие. Турецкие коллеги предоставили мне возможность познакомиться с результатами археологических исследований и на некоторых других античных памятниках Западной Турции, а также посетить музеи, в экспозициях которых представлены археологические находки. Месяц, проведенный в Западной Турции, работа в Клазоменской археологической экспедиции и живое общение с турецкими коллегами-античниками дали мне возможность ознакомиться с организацией археологических работ в этой стране и методами полевых исследований, применяющихся при раскопках памятников древней Ионии.

В прошедшем полевом сезоне в Турции велись работы примерно на 20 памятниках античного периода (не считая доисторических памятников, памятников раннего железного века, связанных с автохтонным населением Анатолии, и памятников средневековых — византийских и турецких). К числу активно изучающихся турецкими археологами греческих центров относятся Смирна, Колофон, Фокея, Метрополис, Магнезия, Даскилайон, Стратоникея, Теос, Айнос, Лагина, Асос, Потара, Алеканда, Пергия и другие. Кроме турецких, на территории страны работают и западноевропейские экспедиции, в течение многих лет исследующие, в числе прочих объектов, такие известные античные центры, как Милет и Эфес.

В настоящее время Турция, несомненно, переживает мощный экономический подъем. Территория ее охвачена всевозможными стройками — возводятся поселки, расширяются города, строятся мосты, прокладываются дороги. Согласно существующим законам, если государственное строительство затрагивает территорию, на которой расположен археологический объект, он непременно должен быть исследован, причем деньги на его изуче-

ние обязана выделить организация, эти работы проводящая. Так, например, исследования древнего Колофона (экспедиция Археологического музея г. Измир, возглавляемая Т. Осканом, директором музея) возобновились в связи с сооружением в горной области огромного водохранилища. Финансирует археологические работы на этом памятнике Министерство водных работ Турции. Организация подобных исследований отчасти напоминает известную в нашей стране практику организации новоострочных экспедиций.

Обычные же стационарные экспедиции финансируются Министерством Культуры Турции, расположенном в Анкаре. Это же министерство является и основным учреждением, контролирующим археологические работы. Руководитель каждой турецкой экспедиции ежегодно обращается в Министерство за разрешением проводить исследования на конкретном памятнике. К заявке необходимо приложить исследовательский проект с обоснованием целей и задач работ этого года, указать, какие участки и объекты будут открываться, определить сроки проведения работ, кадровый состав и прочее. Министерство культуры, дав разрешение на финансирование конкретных работ, обязано направить к месту работы экспедиции своего представителя. Такой «чиновник от Министерства» присутствует в составе всех стационарных турецких экспедиций, живет весь полевой сезон на археологической базе, следит за ходом работ и готовит свой собственный отчет.

Широко практикуется и спонсорская поддержка работ конкретных экспедиций. Так, например, исследования древних Клазомен регулярно финансирует фирма «Камомил» — крупнейшая фирма Турции по производству оливкового масла. На счет экспедиции поступают и частные пожертвования.

Охваченная крупномасштабными строительными работами, Турция испытывает сейчас все нарастающую потребность в собственных специалистах-археологах. Подготовка студентов ведется интенсивно, во многих провинциальных университетах создаются новые археологические факультеты. Как и во многих европейских странах, археологи-классики и археологи-преистории учатся отдельно на раз-

ных факультетах. Для продолжения образования выпускники часто направляются в Европу, в основном, в Германию. Турецких археологов с немецкими специалистами традиционно связывают самые тесные контакты — ведь немецкие экспедиции и немецкие ученые работают в Турции с XIX века, занимаясь крупномасштабными исследованиями интереснейших, всемирно известных памятников, таких, как, например, Троя, Милет или Пергам. Кстати, и методика раскопок, принятая на многих античных памятниках, исследующихся турецкими учеными, наиболее близка методам немецкой археологической школы.

Обычные сроки работ на античных памятниках Турции — 1,5—2 месяца. Как и у нас в стране, оптимальное количество участников — 25—35 человек. Как правило, большинство из них — профессионалы. Так, например, в Клазоменской археологической экспедиции в 2000 году, кроме ее руководителя, принимали участие 27 человек, из них — 2 ассистента профессора, 1 доктор наук, 2 аспиранта, 7 — выпускников университета, остальные сотрудники — студенты старших и младших курсов. За работу на каждом конкретном участке отвечал «полевой директор».

Клазоменское городище существовало уже в микенскую эпоху (III тыс. до н. э.). В настоящее время здесь открыты строительные остатки, относящиеся к бронзовому веку, протогеометрическому, геометрическому, ориентализирующему и архаическому времени. V в. до н. э. представляет собой «лакуну» в археологической картине непрерывного развития жизни на месте древних Клазомен. Это явление, очевидно, было вызвано подавлением персами «ионийского восстания» в 494 г. до н. э., сопровождавшегося карательными акциями в отношении целого ряда греческих городов. Следующий этап развития начинается в IV в. до н. э., когда город отстраивался по знаменитой «гипподамовой системе».

В 2000 г. работа в Клазоменах велась на 4 основных участках:

1) Лиман-тепе — где удалось выявить непрерывную застройку с III тыс. до н. э. по эпоху архаики. В течение прошлого полевого сезона силами Клазоменской экспедиции здесь изучались два основных объекта — дом IX в. до н. э. и дом конца VII в. до н. э. Этот участок уникален и необычен по количеству культурных напластований и степени насыщенности

сти культурными остатками, поэтому на нем одновременно работала археологическая экспедиция университета г. Анкара под руководством Е. Эрканала, изучающая цитадель микенской эпохи. Здесь же в прошлом году впервые были начаты подводные исследования, целью которых является изучение части городища, затопленной водами Эгейского моря. Для участия в этих работах были также приглашены греческие специалисты, имеющие большой опыт в проведении подобных подводных исследований;

2) Изучался участок городища IV в. до н. э., выстроенного по гипподамовой системе, где раскрывались также остатки домов более раннего времени (VI в. до н. э.);

3) Продолжалось изучение огромного (открытая часть занимает площадь 50 × 50 кв. м) дворца IV в. до н. э.;

4) Были продолжены работы на некрополе Акпинар, одном из 6 некрополей Клазомен, существующих с архаического времени, содержащем захоронения, относящиеся ко времени с VIII по IV вв. до н. э. Территория этого некрополя разделена стенами, сложенными из местного известняка, на участки, очевидно, принадлежавшие в древности отдельным семьям или родам. Каждый участок содержал разновременные захоронения различных типов. Самые ранние погребения совершались по обряду кремации на месте и имели самый богатый инвентарь, часто состоявший из нескольких сосудов (северо-ионийских и коринфских), бронзовых и серебряных фибул, поясных пряжек, подвесок, браслетов, пастовых бус и других украшений. Каменные ящики, глиняные саркофаги и пифосы чаще всего содержали безынвентарные кремации. Встречались детские погребения в амфорах. Вытянутые на спине костяки в простых грунтовых ямах, безынвентарные или с бедным инвентарем относились к позднейшей группе погребений, датированной в пределах IV в. до н. э.

В целом, для археолога-античника, занимающегося изучением античных колоний Северного Причерноморья, даже поверхностное знакомство с находящимися на территории современной Турции греческими памятниками древней Ионии чрезвычайно полезно и интересно, так как дает возможность по-иному взглянуть на многие проблемы, над которыми работают отечественные ученые.

М. Ю. Вахтина

Россия. Санкт-Петербург.

*Институт истории материальной культуры РАН
Отдел истории античной культуры*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ГРЕКИ И ВАРВАРЫ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ (VII—I вв. до н. э.)»

(Тамань, 9—16 октября 2000 года)

Организаторами конференции стали Государственный Эрмитаж, Лондонский Университет, Таманский музейный комплекс. В Оргкомитет конференции вошли Г. Р. Цецхладзе, Лондон (Президент); С. Л. Соловьев, Санкт-Петербург (Председатель); сэр Джон Бордман, Оксфорд; Ж.-П. Морель, Экс-ан-Прованс; Т. Шолл, Варшава; Г. А. Кошеленко, Москва; К. Брандон, Лондон.

Древние греки называли Боспором Киммерийским земли Восточного Крыма и Таманского полуострова, разделенные Керченским проливом между Черным и Азовским морями. До появления греков эти территории были заселены местными племенами земледельцев и кочевников: скифов, меотов, синдов и др. Начав освоение северного побережья Черного моря, греки не могли не учитывать демографическую ситуацию в этом регионе. Образование Боспорского царства, объединившего греческие города Боспора Киммерийского, со столицей в Пантикапее, привело к формированию политического организма, уникального для всего классического периода. Несмотря на то, что главной причиной такого образования была необходимость противостоять натиску местных племен, прежде всего скифов, между греками и местным населением сложились очень тесные взаимоотношения. Все это обусловило появление того, что в литературе называют греко-варварским государством.

Основными вопросами конференции стали следующие:

Как развивались отношения греков с местным населением на территории Боспора Киммерийского? Каков был механизм политических, культурных и экономических связей? Какие художественные формы принимало взаимодействие двух культур — эллинской и варварской — в Боспорском государстве? Как определить, что есть греческое, а что местное в этом симбиозе культур? Что означает понятие «эллинизация» в древнем обществе при ее современной, по своему происхождению, концепции?

В ходе конференции эти вопросы рассматривались на четырех сессиях:

1. Греческие полисы Боспора Киммерийского: проблемы формирования и развития;

2. Местное население Боспора Киммерийского;

3. Греческие и местные черты в искусстве Боспора;

4. Новые археологические исследования в Причерноморье, Малой Азии и в зоне греческой колонизации.

В рамках конференции были организованы две экскурсии по археологическим памятникам Таманского полуострова и северо-западного Кавказа.

В работе конференции приняли участие около восьмидесяти ученых из разных стран мира: России, Украины, Великобритании, Франции, Германии, США, Греции, Турции, Австрии, Швейцарии, Канады, Польши, Чехии, Израиля и Нидерландов.

Тезисы докладов участников конференции были опубликованы Государственным Эрмитажем в третьем выпуске «Таманская Старина» (объемом 165 стр.). К конференции было приурочено издание сборника научных статей сотрудников Отдела истории и культуры античного мира Государственного Эрмитажа «Античное Причерноморье» (объемом 236 стр.).

Местом проведения конференции была выбрана Тамань (Темрюкский район Краснодарского края России). Выбор темы и места (Таманский полуостров, шире — Азиатский Боспор) научного форума не случаен. За последние годы Таманский полуостров и его археологические памятники стали объектами пристального внимания археологов как российских, так и из Великобритании, Франции, Германии и Польши, работающих в составе археологических экспедиций Москвы и Санкт-Петербурга. Наличие Таманского археологического музея — еще одна важная причина организации такой конференции, впервые проводимой на этой территории.

Конференция проводилась на базе отдыха СЕВЕРГАЗПРОМ «Факел» при финансовой поддержке Дома Вина «Фанагория» и Торгового Дома «ЮТА».

Материалы конференции предполагается опубликовать на английском языке в Оксфорде в British Archaeological Reports International Series.

Во время работы конференции состоялось два заседания, одно из которых — Международного и Турецкого национального комитетов Второго Международного Конгресса по Причерноморским древностям, который будет

проведен со 2 по 9 сентября 2001 года в Анкаре (Турция); другое — Международного редакционного совета «Dictionary of Black Sea Antiquities» (Brill Academic Publishers, Netherlands).

*Г. Р. Цеухладзе
С. Л. Соловьев
Ж.-П. Морель*

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА М. И. АРТАМОНОВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА МИХАИЛА ИЛЛАРИОНОВИЧА АРТАМОНОВА — ОСНОВАТЕЛЯ ИИМК АН СССР

Конференция проходила с 9 по 12 декабря 1998 года в Санкт-Петербурге. Ее учредителями были Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж.

В большой и плодотворной жизни выдающегося историка-археолога, талантливого и смелого организатора науки профессора М. И. Артамонова в качестве доминант отчетливо выделяются две триады. Первая из них характеризуется теми научными организациями, в деятельность которых М. И. Артамоновым был внесен особенно значительный вклад. К ним относится, прежде всего, СПбГУ, работе в котором М. И. Артамонов отдал полвека своей жизни, Институт истории материальной культуры СССР, фактическим основателем которого в 1937—1941 был М. И. Артамонов, и Государственный Эрмитаж, под руководством М. И. Артамонова (1951—1964) принципиально повысивший свой научно-исследовательский статус и международный авторитет. В научной сфере через всю жизнь М. И. Артамонова проходят линии фундаментальных исследований по трем особо сложным и неизменно актуальным блокам проблем. Это — история и искусство скифов, история и культура хазар, славяне и Древняя Русь.

Именно такие координаты («топографические» и проблемные) определили структуру научных заседаний конференции по узловым проблемам. Три названные выше генеральные темы стали предметом широкой научной дискуссии на базе комплексного привлечения всех

видов источников при доминирующей задаче развития опыта конкретно-исторической реконструкции далекого прошлого Отечества. Авторами 49 докладов были ученые Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Симферополя, Твери, Самары, Воронежа, Парижа и Гамбурга. Научное содержание проведенных заседаний отражают опубликованные тезисы докладов.

Наверное уместно эту очень лаконичную справку о работе конференции дополнить сведениями содержательного характера.

В мемориальном введении небезынтересными оказались архивные материалы о начале жизненного пути М. И. Артамонова (доклады Е. А. Ключевой и И. Н. Черных). В отношении же зрелой части биографии М. И. Артамонова значительной новацией отличались два сюжета, существенные в аспекте историографии науки. Первый из них был посвящен «потаенной» истории основания ИИМКа в 1937—1939 гг. Доклады А. Д. Столяра и Н. И. Платоновой представили совершенно исключительную в условиях 30-х годов летопись рождения Института, подчеркнув сложившиеся начальные традиции коллектива, поныне таящие в себе немалый творческий потенциал. Второй сюжет касается оценки деятельности М. И. Артамонова как директора Эрмитажа (1951—1964 гг.). В эту тему, до недавнего времени служившую предметом лишь кулуарных, во многом субъективных и противоречивых суждений, полную ясность внес доклад столь компетентного специалиста как нынешний директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский. Резюме

его доклада заключалось в утверждении, что «М. И. Артамонов был предан Эрмитажу» и уже насильственно «оторванный от музея, он мог гордиться тем, что и как он сделал, будучи директором».

Хронологически обзор исследовательской триады М. И. Артамонова логично начать со *скифологии*. Это яркое направление в русской гуманитарии было начисто ликвидировано на протяжении послереволюционных лет (от отъезда М. И. Ростовцева в 1918 г. до ареста Г. И. Боровки в 1930 г.). Критическую, содержащую в себе немало опасностей задачу возрождения скифологии как важнейшей составляющей изучения евразийской истории в эпоху раннего железа, принял на себя М. И. Артамонов.

Акт возрождения скифологической специализации как одного из ведущих направлений в отечественной археологии был отмечен защитой М. И. Артамоновым докторской диссертации 25 июня 1941 г. «Очерки истории северного Причерноморья. Скифы». Возобновившиеся сразу же после окончания Великой Отечественной войны, наряду с раскопками, скифологические публикации М. И. Артамонова (в их числе — настоящий «бестселлер» — «Сокровища скифских курганов», изданные на семи европейских языках) составили впечатляющий фонд, полностью сохраняющий свою научную ценность. Историографически такой путь восстановления нашей скифологии в ее правах не всегда отмечается в должной степени.

В работе конференции разработка в широком ключе этой тематики, археологическое движение по возобновленной М. И. Артамоновым «скифской тропе», увенчавшиеся рядом принципиальных достижений, были многопланово представлены группами квалифицированных докладов.

Памятью заповедь М. И. Артамонова, что полноценному конкретно-историческому исследованию обязательно должна предшествовать строгая атрибуция привлекаемых археологических материалов, серия докладов была посвящена аналитической оценке пополнения источниковедческого фонда скифологии по «большим» поселениям (доклады Г. И. Смирновой и Н. А. Гаврилюк) и, особенно, опорным погребальным комплексам (доклады С. А. Скорого, С. С. Бессоновой, В. Ю. Мурзина — Р. Ролле, А. Ю. Алексеева). Большой научный интерес представляли традиционные для этого раздела выступления по темам прародины и происхождения скифов (доклады А. Г. Козинцева и И. Н. Медведской, В. Ю. Зуева, А. П. Медведева), специфического «звериного стиля» скифского искусства как мировоззренческого атрибута (доклады Д. Г. Савинова, Е. Ф. Корольковой,

Ю. В. Болтрик), связей и культурных контактов скифского мира с иноэтничным окружением (доклады И. С. Каменецкого, А. Н. Щеглова) при, естественно, особом выделении в этом разделе отношений варваров и греческих колоний Северного Причерноморья (доклады М. Ю. Вахтиной, Т. Н. Смекаловой, Я. В. Доманского — Э. Д. Фролова).

Хазарская эпопея заняла в научной биографии М. И. Артамонова исключительное место в связи с его ролью первопроходца на еще непознанном археологическом поле. Здесь развитие исследовательского поиска в послевоенное время было крайне затруднено далекими от древности привходящими обстоятельствами. Именно в этой критически трудной части творческой триады М. И. Артамонова особенно рельефно выявились его глубокая исследовательская интуиция и, можно сказать, резистентность (возрастание исследовательского сопротивления при тенденциозном давлении) характера.

Созревание М. И. Артамонова как полевого исследователя высшего класса сопряжено с его участием, начиная с 1926 года, в работах Северокавказской экспедиции (руководитель А. А. Миллер), в обширных тематических планах которой хазарская тематика как раз никак не значилась. Причиной тому была прочная традиция отрицательного свойства — вплоть до этого времени вообще археологией хазар никто специально не занимался. В итоге хазарский каганат, убедительно отмеченный синхронными ему письменными источниками, в археологическом плане представлялся невидимкой.

Осознание такой лакуны, разрывающей по причине близорукости науки связь времен в исторической панораме степного Предкавказья второй половины I тыс. н. э., сразу же побудило закончившего аспирантуру М. И. Артамонова отдать все силы археологическому поиску хазарского «следа» в этом регионе. В 1929 г. на это была нацелена его первая самостоятельная экспедиция. Сопряженная с такой инициативой историческая постановка задачи, исследовательские динамика и результативность поиска удостоверяются выходом двух его монографий (1935 и 1937 гг.). Этим вкладом формируется в русской библиографии звено литературы по хазарам как историческому явлению.

Апогеем хазарской главы в исследованиях М. И. Артамонова явилось археологическое спасение для науки единственного физически известного значительного хазарского объекта — крепости Саркел на Дону, которая после взятия ее дружинной князя Святослава в 965 году приняла славянское название Белая Вежа. Миссию таких уникальных по масштабу и сложности раскопок выполнила организован-

ная и руководимая М. И. Артамоновым Волго-Донская экспедиция, на годы работы которой (1949—1951) как раз пришелся особый криминальный накал пропагандистской «борьбы с космополитизмом». На хазарский компонент средневековой истории Восточной Европы было наложено строжайшее осуждающее табу в качестве идеологической кары за «неразумность» конфессионального выбора каганата более тысячелетней давности — на рубеже VIII—IX вв. н. э. Несмотря на постоянные обвинения М. И. Артамонова в упорном отстаивании «ошибочной концепции», он при первой же возможности опубликовал фундаментальную «Историю хазар» (1962), до сих пор сохраняющую свое энциклопедическое значение.

Доклады «хазарского блока» в программе конференции отразили действенное развитие выделенных первопроходцем ведущих исторических проблем и перспективных исследовательских аспектов. Эти сообщения включали в себя: опорную идентификацию и источниковедческую атрибуцию соответствующих археологических реалий; вопросы истории хазар и их каганата, его социо-культурной роли и взаимодействия с соседними этнокультурными образованиями.

Такому клубку проблем были посвящены как обзоры ведущих исследователей данной специализации (доклады прямых учеников М. И. Артамонова — С. А. Плетневой, А. В. Гадло, А. И. Айбабина; а также доклад А. З. Винникова), так и отдельные сообщения (Д. А. Сташенкова, Н. А. Фояковой). Особый интерес вызвал анализ письменных источников (доклады В. Я. Петрухина и К. Цукермана), а также целый спектр «крымских этюдов». Они были посвящены проблематике динамичного раннего средневековья на Крымском полуострове (доклады В. А. Сидоренко и Э. А. Хайреддиновой), вопросам византийско-хазарских отношений в горном Крыму (доклады А. Г. Герцена и В. Е. Науменко), истории Херсонеса (доклад И. А. Завадской).

Последняя часть творческой триады М. И. Артамонова — проблема *происхождения и ранней истории славян, становление древнерусской государственности и ее высокой духовной культуры* — особенно стойко, со студенческих лет, находилась в основном поле научных изысканий, освещавших его жизнь. Итоги этого опыта он подвел оставленным как завещание очерком «Первые страницы русской истории в археологическом освещении» (опубликован, к тому же с купюрами и правкой, только в 1990 г.). Обращаясь к самым острым и извечно трудным вопросам, М. И. Артамонов всегда стремился к «историческому реализму» и максимально документальной достоверности гипотез. В таком контексте он отвергал тенденцию «наивного» суперавтохтонизма

и искусственного удревления появления славян на арене истории.

Обсуждение этой проблематики открылось историографическим обзором Г. С. Лебедева. В следующих докладах объектами анализа явились проблема расселения восточных славян в свете уже упоминавшегося классического очерка М. И. Артамонова (доклад Вас. А. Булкина — В. Н. Седых), интерпретация этнокультурных явлений, источников и взаимодействий I тыс. н. э. (доклады М. Б. Щукина, В. М. Горюновой — О. А. Щегловой, Ю. М. Лесмана), историческая информация «Повести временных лет» (Н. Н. Петров, Т. В. Рождественская). Отдельные этюды были посвящены дешифровке знаков Рюриковичей на кистине из Белой Вежи (В. Д. Белецкий — С. В. Белецкий), а также древнерусской иконе в собрании Эрмитажа (доклад А. С. Косцовой) и одному сюжету фресок Нередицы как классике древнерусского искусства (доклад М. В. Рождественской).

Подводя общие итоги Конференции, надо подчеркнуть, что она убедительно показала значение научного вклада М. И. Артамонова (возрождение скифологии, основание хазароведения, утверждения «исторического реализма» в проблемах славянского этногенеза) как плодотворной основы дальнейшего развития этих субдисциплин. М. И. Артамонов объективно явился одним из создателей современной археологии России, обосновавшим нацеленные в будущее науки фундаментальные линии исторических изысканий. Жизненность его идей и исследовательских принципов для археологии наших дней особенно наглядно показала закрывавшая заключительное заседание общая дискуссия, открывшаяся аналитически глубоким и «острым» докладом Д. А. Мачинского «Проблемы научного наследия М. И. Артамонова в докладах Конференции».

Наконец, рассматривая Конференцию как представительный научный форум, нельзя обойти стороной еще один нравственно-этический итог ее деятельности. Каждое заседание неизбежно воссоздавало в сознании участников впечатляющий образ действительного патриота отечественной науки, личности строгой совести, большого ума, воли, гуманизма и мужественности. В самой атмосфере заседаний как бы звучал завещанный им девиз — «Смелость и честность!». Органическое соединение в самом существе Конференции перспективных научных инициатив и урока ментальности М. И. Артамонова придало ей особую эмоционально-воспитательную силу.

Решающее участие М. И. Артамонова — внешне сдержанного, даже холодноватого и как бы закрытого — в судьбе многих «молодых» коллег проявилось с впечатляющей отчетливостью. Показательна хотя бы многолетняя, с довоенной поры, особая помощь Льву

Гумилеву. Без поддержки *Учителя* (именно в таком написании он обращался к М. И. до конца 60-х гг.) он попросту бы не состоялся. В духе времени спонтанно в Акстафе возник Евразийский университет, которому присвоено имя Гумилева. Как в известной степени присутствовавший при «открытии Хазарии» (Дагестан, июль—август 1966 г.), я задумываюсь над вопросом: «Что скрывается за этим начинанием — всплеск научного популизма или же подлинный акт науки?». Это — покажет будущее. Сейчас же думается, подводя итоги конференции, о другом — насколько этически оправданным, отвечающим интересам науки, действительным на «все времена» было бы присвоение имени профессора М. И. Артамонова реально созданному им Институту истории материальной культуры РАН.

К конференции были приурочены несколько экспозиции: в Музее истории СПбГУ (биографические материалы о М. И. Артамонове); на кафедре археологии истфака СПбГУ (руководство кафедрой и преподавательская деятельность М. И. Артамонова); в Гос. Эрмитаже (коллекции Саркела по раскопкам 1949—1951 гг.); ИИМК РАН (научные публикации М. И. Артамонова).

К конференции ее учредителями были выпущены следующие издания, посвященные 100-летию М. И. Артамонова: «Проблемы археологии», вып. IV, СПб., 1998, 245с.; Тезисы конференции: «Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь». СПб., 1998, 194 с.; Журнал «Санкт-Петербургский университет», № 27, 8 декабря 1998, 36 полос.

А. Д. Столяр

Россия. Санкт-Петербург.
Автор проекта конференции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ОРУЖИЕ И ВОЕННОЕ ДЕЛО В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ»

(Санкт-Петербург, 2—5 сентября 1998 г.)

Данная международная научная и образовательная конференция была организована и проведена по инициативе Института истории материальной культуры РАН и Государственного Эрмитажа при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Ее задачи заключались в рассмотрении, сопоставлении и обсуждении в самых широких хронологических и территориальных рамках, начиная от первобытных времен до развитого средневековья, следующих фундаментальных тем: истоки военного дела; вооружение, тактика и стратегия в исторической перспективе; взаимодействие военного дела и вооружения отдельных регионов; военное ремесло; локальные особенности в развитии родов войск, вооружения и фортификации; парадное, престижное и простонародное оружие в его техниче-

ском, социальном и идеологическом аспектах; военные музеи и источники, связанные с изучением оружия; фортификация и полиоркетика как особые отрасли военного дела; военная эмблематика и символика; этническая атрибуция вооружения. При их рассмотрении особое внимание было уделено не только технической, но также социальной и идеологической обусловленности военного дела и военного искусства. Рассматривалось и обратное воздействие военного дела на политическую и экономическую сферы общественной жизни.

В работе конференции приняли участие около 50 ученых, музейных работников и преподавателей образовательных центров из разных стран: России (Санкт-Петербург, Москва, Новгород), Белоруссии (Минск), а также Польши, Швеции, Германии, Франции, Анг-

лии, Норвегии, Израиля, Южной Африки и США. Материалы конференции были опубликованы отдельным сборником на русском и английском языках. Такая представительная публикация в России, да и во всем мире, увидела свет впервые.

Конференцию открыл директор Государственного Эрмитажа, чл.-корр. РАН М. Б. Пятровский, который подчеркнул роль военного дела в истории человечества как одного из важнейших стимулов развития материальной культуры. На пленарном заседании были сделаны три доклада, где рассматривались война как социальное явление (В. М. Массон), взаимосвязи военной археологии и геральдики (Г. В. Вилинбахов), научная и общественная значимость военной археологии (А. Н. Кирпичников). Отдельный доклад был посвящен деятельности разряда «Военной археологии и археографии» Императорского Русского военно-исторического общества, учрежденного в 1907 г. (Л. К. Маковская).

Далее работа конференции велась по хронологическому принципу без организации специальных секций. Наибольший интерес участников вызвали сообщения, посвященные общим вопросам изучения военного дела и оружия и связанным с ними социальным аспектам, новым открытиям в области военной техники. В частности, привлекли внимание доклады о вооружении и военных конфликтах в каменном веке (М. В. Аникович, В. И. Тимофеев — С.-Петербург), о различных проблемах изучения вооружения и тактики персидской и сарматской конницы (В. Ю. Зуев; В. П. Никоноров; А. К. Нефедкин — С.-Петербург), о погребениях с оружием в Кавказском регионе эпохи бронзы (К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин) и некрополе боспорской крепости Илурат I—III вв. н. э. (В. А. Горончаровский), памятникам изобразительного искусства с батальными сценами и элементами воинского убранства (Ю. Е. Березкин; Б. И. Маршак, В. И. Распопова — С.-Петербург; Я. Корнелиус — Стелленбош, Южная Африка; Х. фон Галль — Берлин), древней и средневековой фортификации (Ю. А. Виноградов — С.-Петербург, П. Брюн — Ридинг, Великобритания), производстве дамасской стали на территории Средней Азии

(А. Фейербах — Лондон). Отметим интересный обзор военных эмблем и инсигний из скандинавских стран в период от бронзового века до раннего средневековья (Л. Торнквист — Стокгольм), изыскания о неизвестных ранее клеймах на мечех эпохи викингов (А. Н. Кирпичников — С.-Петербург, А. Стальсберг — Трондхейм), а также о применении боевых газов в средневековой монгольской армии (В. Свентославский — Лодзь). Среди докладов на филологические темы заслуживают упоминания выступления Д. Абдуллоева (С.-Петербург) о терминах, связанных с военным делом по материалам персидских словарей, и Л. Торлаковой (Берген) о понятии «оружие» в арабских идиомах. Целый ряд вопросов вызвал дискуссию, например, происхождение некоторых серий восточных миниатюр со сценами сражений и этническая трактовка оружия, найденного на территории Древней Руси (М. В. Горелик — Москва). Сами обсуждения проходили заинтересованно, остро, но всегда в рамках научной этики.

В перерывах и в свободное время участники конференции познакомились с коллекциями Эрмитажа, включая собрание Арсенала и Особой золотой кладовой. Были организованы экскурсии в Военно-исторический музей артиллерии, Военно-морской музей и Российскую национальную библиотеку. В день окончания конференции общественным объединением «Княжеская дружина» были продемонстрированы реконструированные на основе научных данных доспехи и оружие средневековых рыцарей и древнерусских дружинников, а также приемы их боя.

В целом, впервые проведенная в Санкт-Петербурге конференция «Военная археология» прошла очень результативно. Она объединила усилия специалистов из десяти стран мира, обогатила их новой информацией и, несомненно, внесла свой вклад в изучение оружия, военного дела и фортификации древности и средневековья. Такого рода широкие обсуждения проблем исторического оружиеведения представляются весьма перспективными. Не случайно, на последнем заседании конференции было высказано пожелание о проведении подобных встреч в будущем.

*А. Н. Кирпичников,
В. А. Горончаровский*

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел славяно-финской археологии.

Отдел истории античной культуры.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА НА 5-ОЙ ЕЖЕГОДНОЙ ВСТРЕЧЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ АРХЕОЛОГОВ

Конференция состоялась в середине сентября 1999 г. в университете г. Борнмута в Великобритании (5th Annual Meeting of the EAA, Bournemouth, United Kingdom 14th—19th September 1999). Следуя традициям предыдущих встреч, академические заседания были разделены на три основных блока с параллельными сессиями внутри каждого из них. Всего было организовано 57 отдельных сессий, наряду с семью круглыми столами и более чем двадцатью параллельными докладами. В конференции приняло участие несколько сотен археологов из большинства стран Европы и США, в том числе значительная группа исследователей из России, представлявших различные города и учреждения страны.

Сессии первого блока «Managing the Archaeological Record and the Cultural Heritage» касались достаточно широкого круга вопросов места археологии в современном мире. В числе многих тем были обсуждены перспективы донесения до научной общественности и более широкой аудитории результатов археологических исследований в новом тысячелетии в виде традиционных изданий или электронных форм разного типа, ситуация с торговлей древностями и предметами культуры, этические проблемы возникающие при раскопках и изучении человеческих останков, проблемы контрактной археологии. Много внимания уделялось актуальным вопросам, связанным с охраной древностей и превращением археологических памятников в объекты туризма. Среди них надо назвать проблемы хранения археологических материалов в музеях и архивах, организацию археологических парков, археологический туризм и сложные вопросы о роли местных властей в сохранении памятников древности и их использовании. Наконец, назову такую тему, как «Охранные раскопки — между необходимостью и наукой».

Название второго блока «Archaeology of Today: Theoretical and Methodological Perspectives» говорит само за себя. Внутри блока были организованы такие сессии, как «Ландшафтная археология: новые подходы к полевой методологии и анализу», «Время, как ар-

хеологическое измерение», «Этноархеология и ее трансформация», «Археология номадизма», «Археологи и культурный ландшафт», «Археология национализма», «История археологии» и т. д.

Третий блок «Archaeology and Material Culture: Interpreting the Archaeological Record», охватывал самые многообразные области конкретных археологических знаний. Сессии этого блока оказались в наибольшей степени неравноценными. Те из них, которые были четко продуманы их организаторами, получились интересными, а прошедшие дискуссии плодотворными. На ряде других, доклады были лишь формально объединены общей темой и не вызвали особого интереса.

Более подробно я хочу остановиться на результатах работы сессии, посвященной изучению древнего Новгорода, как объекта международного научного сотрудничества. Дело в том, что в последнее десятилетие новгородские материалы, хорошо известные своей уникальной археологической сохранностью, служат важнейшим научным полигоном для совместной работы ученых России, Великобритании, Ирландии, Германии, Швеции и Дании. Выбор для подведения некоторых их итогов на ежегодной научной встрече Европейской Ассоциации археологов в Англии был не случаен и обусловлен тремя моментами. Во-первых, английские ученые сейчас наиболее активны среди западноевропейских коллег в проведении совместных международных исследований новгородской темы. Во-вторых, именно непосредственные организаторы данной конференции — Бормутский университет и группа его сотрудников во главе с М. Брисбейном играют главную роль в развитии научных контактов с Россией. И, в третьих, опыт многостороннего научного сотрудничества и значение материалов новгородских раскопок для европейской археологии хотелось донести до археологической общественности, прежде всего, на представительном общеевропейском форуме.

М. Брисбейн (Великобритания) охарактеризовал организационную сторону и задачи двух международных проектов по изучению новго-

родской тематики, поддержанных INTAS — Международной ассоциацией по содействию научному сотрудничеству с учеными СНГ. Первый проект (1994—1997 гг.) был посвящен изучению костей животных и рыб и растительных остатков из Новгорода и его округа. Во втором (1998—2001 гг.) рассматриваются керамика, использование дерева, деревянные предметы и дендрохронологические материалы из Новгорода и некоторых других городов, в том числе, Пскова. Нельзя сказать, что данными темами ранее совсем не занимались и не занимаются советские и российские исследователи, сделано в этих направлениях немало, но в задачу международных проектов входило использование новейших методик анализа и отбора материалов еще не нашедших столь широкого применения в России, но хорошо разработанных в западноевропейской науке.

Новгородская сессия в Бормуте была открыта двумя докладами Е. Н. Носова и В. Л. Янина, призванными по замыслу организаторов ввести участников заседания в основной круг проблем археологии средневекового Новгорода. В выступлении Е. Н. Носова (Россия) «Происхождение Новгорода как центра Северной Руси» была подчеркнута географическая обусловленность места возникновение столицы северной части Древнерусского государства. Исток р. Волхова из оз. Ильмень явился ключевой точкой на карте этой части континента. Здесь сходилась обширная сеть рек, пересекавших лесную зону Восточной Европы, располагались прекрасные сельскохозяйственные угодья. Центр в истоке Волхова обладал наилучшими возможностями для административного контроля всего Приильменя и важнейших международных торговых путей. Этим центром в IX—X вв. являлось Городище («Рюриково» городище) — военно-административное и торгово-ремесленное поселение, первый Новгород русских летописей. Близ него на холмах по берегам Волхова стала селиться элита местного общества, привлекаемая экономическим значением района и концентрацией здесь административных властей. В конце X в. среди быстро разраставшихся поселков на левом берегу Волхова был создан первый христианский комплекс, территория вокруг которого, обнесенная укреплениями, стала ядром будущего кремля. На противоположном берегу реки возник торг. Рядом с последним в начале XI в. была основана новая резиденция князей — «Ярославово дворище». Название «Новгород» охватило всю эту поселенческую структуру на берегах Волхова. За прежним городком в истоке реки закрепилось наименование «Городище», еще долгие годы после этого остававшееся основной резиденцией новгородских князей.

В докладе «Новгород и средневековая археология» В. Л. Янин подчеркнул, что археологические исследования города, ведущиеся уже почти 70 лет, представляют собой новую ступень в средневековой русской истории. Неполнота традиционных представлений об историческом развитии Руси IX—XIII вв. целиком объясняется узостью источниковедческой базы (в частности отсутствием письменных документов «современных» самим историческим событиям и недостатком археологических данных). Дело в том, что русские деревянные средневековые города, где по преимуществу хранились письменные документы, часто уничтожались пожарами. В результате до нас дошло только два документа XII—XIII вв. Летописи, повествующие о событиях XI—XII вв. сохранились только в списках XIII—XIV вв. с многочисленными следами позднейшего редактирования. В культурных отложениях большинства городов также плохо сохранялись дерево, кожа, текстиль, кость, являющиеся основными материалами для строительства и изготовления предметов материальной культуры.

В средневековых слоях Новгорода органические материалы имеют превосходную сохранность, что позволило реконструировать планы построек и целых усадеб, изучить все многообразие предметов быта. Дендрохронология дала возможность надежной датировки древних слоев с точностью до 15—20 лет. Открытие берестяных грамот, которых насчитывается более 900, позволило исследователям обратиться к кругу проблем, которые раньше рассматривались преимущественно на основании письменных источников. Среди важнейших вопросов на которые археология позволила снова обратить внимание, В. Л. Янин выделяет следующие — происхождение Новгорода, взаимоотношения княжеской и боярской власти, степень демократизма боярской республики, место Новгорода в политической системе Киевской Руси, степень распространенности грамотности и письменности и т. д.

В выступлении А. С. Хорошева и А. Н. Сорокина (Россия) были рассмотрены вопросы исследования построек и усадеб средневекового Новгорода. Авторы отметили, что главные принципы комплексного изучения новгородской усадьбы — основной структурной ячейки города — были выработаны в 1950—1960-х гг. Исследования последних лет на Троицком и Федоровском раскопах позволили суммировать и проверить все материалы по данным темам. Во-первых, установлено, что большие городские усадьбы (до 1500 кв. м) сосуществовали с усадьбами средних и малых размеров (площадью соответственно 400—600 кв. м и 150—200 кв. м) и это отражает социальный статус их владельцев. Во-вторых, в городе имелись районы с постоянным свободным населением —

купцами и богатыми ремесленниками, которым принадлежали усадьбы небольших размеров. В сравнении с ними бояре владели значительной городской собственностью вне города. В третьих, подчеркнули авторы доклада, стратиграфически прослеживаются изменения происходившие в усадьбах города. Они проявлялись, в частности, в различном характере и скорости отложений культурных слоев на соседних дворах. Важнейшими задачами ближайшего будущего является фиксация макростратиграфических изменений при раскопках городских отложений, междисциплинарные исследования и создание компьютерных моделей городской застройки и накопления слоя.

В 1998 г. в рамках работ Новгородской экспедиции на Троицком раскопе группа английских археологов провела исследования дома и двора X и XI вв. по принятой в Англии полевой методике. Основное внимание уделялось выяснению элементов строительной техники. А. Рейнольдс (Великобритания) в своем выступлении рассказал о сделанных наблюдениях. Английские археологи пришли к выводу, что строительство дома, который они раскопали, проводилось мастерами, учитывая щепу и другие мелкие фрагменты дерева, непосредственно на месте своего возведения; он не был предварительно срублен в другом месте и просто собран на усадьбе.

Д. Хазер (Великобритания) в своем сообщении остановился на результатах изучения вопросов использования дерева древними новгородцами и характере лесов Приильменя в средневековье. Особое внимание он уделил рассмотрению деревянных сосудов, преимущественно столовой посуды, сделанной на токарном станке и установлению типа этого станка. Для выявления свидетельств использования токарного станка автор проанализировал характер отходов токарного дела и следы использования рабочих инструментов на самих изделиях. Д. Хазер предпринял широкое сравнение новгородских материалов с материалами других средневековых центров Европы.

В трех докладах затрагивались вопросы изучения керамики. П. Г. Малыгин (Россия) и К. Ортон (Великобритания) изложили первые результаты применения статистических методов обработки массовой новгородской керамики X—XV вв. Т. Брорсон (Швеция) подчеркнул значение технологического анализа посуды для установления места ее изготовления. Для подобного исследования были взяты образцы керамики Рюрикова городища и различных типов глины из района истока Волхова. Анализы проводятся в лаборатории Лундского университета (Швеция), обработаны серии образцов, но общие выводы пока предварительны и требуют проверки. Д. Геймстер (Великобритания) дал общую характеристику тор-

говли Новгорода с ганзейским союзом городов. Более подробно он остановился на характере находок керамики западноевропейских типов в Новгороде. Д. Геймстер показал, что подобная посуда встречается на городской территории крайне редко, что резко контрастирует с ее многочисленными находками в районе Готского двора, то есть места размещения самой колонии западноевропейских купцов. По мысли автора, подобные различия могут свидетельствовать не столько о торговле и связях, сколько о культурном самоопределении различных групп населения внутри городской общины. К рассмотрению были привлечены также находки западноевропейской керамики из Пскова.

М. Молтби, Ш. Хамильтон-Дайер (Великобритания) и Н. Ефимова (Россия) доложили о результатах работы по программе изучения костных остатков животных, птиц и рыб из Новгорода и поселений его округа, проводившихся в течение семи лет. Выполнены анализы по видам животных и рыб, размерам особей, следам разделки тушь мясниками и т. д. Сопоставление всех этих данных позволяет судить о сходстве и различии в использовании домашних и диких животных, птиц и рыб, их видовых различиях, как в собственно Новгороде, так и на Рюриковом городище. В докладе были рассмотрены перспективы дальнейших исследований в затронутом направлении.

Л. Смирнова (Россия) посвятила свой доклад изучению костерезного производства Новгорода, где при раскопках, начиная с 1947 г., было обнаружено более 10 000 предметов из кости, рога и моржового зуба. С 1994 г. ведется работа по классификации и каталогизации предметов из кости и рога. С тех пор была создана база данных по отходам костяного производства, в которой учтено 1148 предметов. Все это свидетельствует об активной деятельности новгородских ремесленников-костерезов. Анализ производственных отходов ведется по двум основным направлениям. Первым из них является изучение распределения отходов производства по хронологии с учетом изменений в использовании различных типов сырья, вторым — анализ распределения отходов по территории города, его локализация и датировка выявленных концентраций.

В интересном докладе А. Л. Александрова, П. Г. Гайдукова и Н. А. Кренке (Россия) впервые была нарисована картина начального заселения Людина конца Новгорода. Здесь в 1994 г. под шестиметровым культурным слоем на фоне материка были зафиксированы борозды вспашки. В 1998 г. на этом и прилегающем участках был проведен анализ древней погребенной почвы и ботанических остатков из нее. В результате удалось установить, что на месте

этой части Людина конца до начала X в. рос лес. Затем после его расчистки, которая не оставила следов, тут около 50 лет существовал луг. На нем в 950-е гг. были построены первые дома и проложена улица. В 30 м от нее располагалось распаханное поле, на которое позднее, в 960-е гг. также распространилась городская застройка.

В докладе А. Альслебен (Германия) «Раннесредневековое сельское хозяйство в новгородской округе» были доложены результаты палеоботанических исследований материалов трех поселений VIII—X вв. — селища Прость и городища Георгий в Ильменском Поозерье и Рюрикова городища. Основной целью сравнения экономики потребления обитателей этих пунктов является выявление того, как локальные топографические особенности их расположения и различия социального состава их жителей отражались на структуре питания последних. Карбонизированные остатки были получены А. Альслебен при промывке культурных слоев указанных поселений по принятой сейчас в Германии методике и проанализированы в Лаборатории палеоботаники Кильского университета. В дальнейшем предполагается провести детальное сравнение полученных результатов с результатами подобных же исследований на западнославянских поселениях и поселениях юга Ютландии.

Ирландские участники новгородских проектов (М. Монк и П. Джонсон) в течение 6 лет проводили исследования на Троицком раскопе Новгорода. Основное внимание обращалось, как на использование различных растений и их плодов в городе, так и на изменения окружающей среды в древности. Отрабатывалась также методика фиксации палеоботанического материала в столь насыщенных органикой отложениях, какие представлены в Новгороде. Выявлены различия в составе рас-

чительных остатков отдельных комплексов и увеличение их количества к нижней части культурного слоя. Обо всем этом и шла речь в представленном докладе.

Е. А. Рыбина (Россия) рассмотрела вопросы хозяйства средневековых новгородцев, как оно вырисовывается по берестяным грамотам. Берестяные документы содержат важную информацию о различных злаках, продуктах, диких и домашних животных, рыбе. Среди зерновых культур упоминаются ячмень, рожь, пшеница и овес. Начиная с XII в. самыми распространенными становятся рожь, названная в 34 документах, в то время как остальные злаки отмечались в три раза реже. С конца XI—начала XII вв. называются различные продукты — хлеб, мясо, рыба, масло, сыр, колбаса, соль, мед, мука и уксус. Начиная с XI в. самым часто упоминаемым домашним животным является лошадь, а, кроме того, называются коровы, козы, гончая собака, в числе пушных зверей — белки, бобры, куницы, песцы, лисы, соболя и др. Большинство отмеченных упоминаний в грамотах связаны со сбором даней и ренты. Грамоты помогают установить, когда распространяются дани в виде тех или иных продуктов, но в не меньшей степени они раскрывают картину хозяйственной жизни в средневековом Новгороде.

Материалы сессии, посвященной междисциплинарным и международным исследованиям Новгорода решено опубликовать в отдельном сборнике на английском языке в серии «Occasional papers of the British Museum». После конференции ее участникам был предложен ряд ознакомительных маршрутов по археологическим и средневековым памятникам юга Англии. Шестую конференцию ЕАА было намечено провести в сентябре 2000 г. в Португалии.

Е. Н. Носов

*Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел славяно-финской археологии.*

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА МЫСЕ АК-БУРУН ПОД КЕРЧЬЮ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ¹

Мыс Ак-Бурун, южная оконечность Керченской бухты, — место достаточно знаменитое в археологическом отношении. В 1862 г. здесь была обнаружена конская гробница с прекрасным уздечным набором приблизительно середины V в. до н. э. (Яковенко 1970; Яковенко 1974: 103—106). Через некоторое время, а именно в 1875 г., было открыто интереснейшее погребение воина с знаменитым золотым «шлемом», золотыми украшениями, набором вооружения, куда, в частности, входил длинный меч и т. д. По золотой монете Александра Македонского, панафинейской амфоре с изображением бегунов и другим находкам комплекс уверенно датируется концом IV—началом III вв. до н. э. Как представляется, он очень показателен и характерен для времени крушения Великой Скифии и начавшихся передвижений сарматских племен (Виноградов 1993).

Этот памятник привлек мое внимание еще со студенческих лет. Уже тогда мне стало вполне очевидным, что многие его особенности трактовались в литературе слишком отвлеченно и прямолинейно (см. Ростовцев 1925: 388; Марти. 1926: 71; Артамонов 1966: 66; Цветаева 1968: 51—53; Яковенко 1974: 267), связанная с этим ситуация вполне соответствовала очень типичному положению, когда хрестоматийно известные памятники являются наименее изученными. Станным и непонятным представлялось и то обстоятельство, что в многочисленных публикациях отсутствовала сколь-либо подробная информация о его раскопках, — ни в одной из работ не говорится даже о том, кто и при каких обстоятельствах исследовал курган на Ак-Буруне. В отчете о раскопках в районе Керчи за 1875 г., хранящемся в Рукописном ар-

хиве Института истории материальной культуры РАН, об исследованиях данного кургана вообще ничего не говорится. Казалось бы, быть такого не может, однако, как потом выяснилось, все материалы о раскопках на мысе Ак-Бурун были выделены в особое дело. И, наконец, в мои руки попала папка «О древностях, найденных на Ак-Бурунском мысе при постройке Керченской крепости» (Опись 1. 1874 г. Дело № 12). Эта папка содержит интереснейшие материалы — рапорты А. Е. Люценко, Ф. И. Гросса, переписку с официальными организациями и пр. Материалы настолько рельефно характеризуют положение боспорской археологии и археологов того времени, что я решил посвятить им специальную статью. Немалый интерес в связи с обстоятельствами открытия 1875 г. имеет также хранящееся в Рукописном архиве ИИМК РАН «Описание золотых вещей и терракотовой вазы с рисунками, найденных 11 августа 1875 г. в Керченской крепости» (Фонд 28. Дело № 13). Оно было составлено Е. Е. Люценко, братом директора Керченского музея А. Е. Люценко, который проявлял к керченским древностям весьма серьезный интерес.

Начать следует с того, что курганов на мысе Ак-Бурун когда-то было достаточно много. Э. Г. Муральт в 1850 г. писал, что на «мысе Белом» (всею скорее, имелся в виду именно мыс Ак-Бурун) насчитывается до 30 гробов, т. е. курганов, при этом здесь были открыты так называемые египетские склепы (Муральт 1850: 311). Египетскими в то время называли склепы с уступчатым перекрытием, типичные погребальные памятники боспорской знати IV в. до н. э. (см. Гайдукевич 1981; Савостина 1986). Об этих открытиях мы, увы, решительно ничего не знаем. Позднее стало

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

обычным писать лишь о трех больших курганах Ак-Буруна (ОАК 1874: XXI; Ростовцев 1925: 256), что явно неверно. Три насыпи, скорей, должно относить к территории Керченской крепости, а не всего мыса.

В записке Е. Е. Люценко говорится, что до 1859 г. земли мыса принадлежали Керчь — Еникальскому градоначальству, а затем отошли к Военному ведомству (Фонд 28. Дело № 13: 16). Причина такого изменения вполне ясна, — печально завершившаяся для России Крымская война показала, что Керчь очень уязвима с моря, вход в бухту нуждался в более надежной защите. На мысе Ак-Бурун началось строительство Керченской крепости, при этом стали сносятся курганы, естественно открывались древние погребения, но о сделанных здесь находках археологи узнавали в последнюю очередь.

В этом отношении очень показателен эпизод 1874 г. В июне месяце директор Керченского музея, действительный статский советник А. Е. Люценко, докладывал в Императорскую археологическую комиссию, что тогда по Керчи распространились слухи о находке при строительстве крепости многих золотых вещей, но этим разговорам особенно не поверили, поскольку все прекрасно знали, что из себя представляют керченские слухи. Однако на сей раз они подтвердились, — в «Одесском вестнике» (№ 109 от 17 апреля 1874 г.) появилась публикация, в которой условия находки и обнаруженные вещи были описаны достаточно подробно. В заметке говорилось, что при строительных работах были найдены 2 бронзовые погребальные урны, в одной из которых содержался прах усопшего человека с принадлежащими ему золотыми вещами, оружием и пр., а в другой, как писалось, — кости принесенных в жертву животных. Подобные урны, по мнению автора заметки, уже встречались при раскопках некрополя боспорской знати Юз-Оба.

Из Императорской археологической комиссии была немедленно направлена телеграмма строителю крепости генерал-майору Седергольму, в которой требовалось уведомить об отправке вещей в Петербург. Тот отвечал, что вещи будут переданы Великому князю Николаю Николаевичу Старшему. В затеявшейся переписке он отметил также, что срытие курганов на мысе Ак-Бурун «производилось без всякой археологической цели, а в виду необходимости спланировать местность под постройки», древности нашли совершенно случайно (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 7). Замечание о случайности обнаружения древностей при раскопках кургана могло бы вызвать улыбку у любого керченского мальчишки, но казенная бумага терпит все. Сколько при этих работах было срыто курганов остается неиз-

вестным, отмечалось однако, что в будущем предполагалось снести еще две насыпи (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 7). Вероятно, именно эта информация и стала основой для бытующей точки зрения о трех курганах мыса Ак-Бурун.

В сентябре 1874 г. ИАК обратилась в Министерство императорского двора с ходатайством о допущении директора Керченского музея или его помощников «к присутствию при раскопках двух находящихся в Керченской крепости курганов», а также была выражена просьба направить найденные вещи в ИАК для описания и снятия рисунков (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 9).

Великий князь отреагировал немедленно, — Седергольму были направлены все необходимые распоряжения, в результате тот обещал допустить директора музея присутствовать при разрытии курганов, а в ИАК поступили вещи в количестве 8 экземпляров. В рапорте Главного инженерного управления сообщалось, что они были найдены в могиле, обложенной штучным камнем. Ссылаясь на слова Седергольма, чиновник управления писал, что древности были обнаружены в бронзовом сосуде (о втором сосуде, который упоминался в публикации «Одесского вестника» не говорится ни слова). Этот сосуд сохранился в столь ветхом состоянии, что генерал не рискнул отправить его почтой, а предпочел передать директору Керченского музея (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 14). Действительно, урна была передана в музей, сохранился даже ее рисунок (см. рис.; Фонд Р. I. Дело № 566. Лист № 27), вот только обычной для некрополя Юз-Оба эту находку признать нельзя, — бронзовая ваза имеет весьма своеобразную форму.

В прилагаемой описи были перечислены следующие предметы:

1. Массивная золотая застежка, украшенная двумя жемчужинами.
2. Небольшая золотая накладка в виде двойной дужки.
3. Золотая застежка круглая со вставкой из стеклянной пасты.
4. Золотой наконечник от ножен кинжала или ножа, украшенный сканью, двумя гранатами и четырьмя изумрудами.
- 5,6. Пара золотых бус сканной работы.
7. Куски от золотого погребального венка.
8. Золотая монета (статер фракийского царя Лисимаха).

Находки были переданы в Императорский Эрмитаж, информация об этом появилась в ОАК (1874: XXI—XXII), и больше о перечисленных вещах мы ничего не знаем. М. И. Ростовцев, правда, предполагал, что это, возможно, один из ранних комплексов нового полихромного стиля в боспорской торевтике, хорошо датированный монетой, и надеялся на их скорейшую публикацию (Ростовцев 1925:

256). Надежды оказались напрасными, — обнаруженные тогда предметы, несмотря на их безусловную научную ценность, до сих пор не изучены и не опубликованы.

Казалось бы после распоряжений Великого князя взаимопонимание военных властей и археологов должно было быть достигнуто, но это только так кажется. 16 августа 1875 г. в ИАК из Управления строителя Керченской крепости пришло сообщение генерала Седергольма о том, что 11 августа на месте одного из скрытых курганов была обнаружена женова гробница, в которой найдено «несколько ценных золотых вещей, из которых некоторые весят более двух фунтов, а всего 4 фунта золотых вещей». Удивляет оперативность направления информации — через 5 дней после находки. В сообщении к тому же специально указывается, что при раскопках присутствовал помощник директора Музея художник Ф. И. Гросс. (Опись I. 1874. Дело № 12: 22), т. е. все, как будто, обстояло вполне нормально. Несколько удивляют лишь приведенные в документе цифры о весе золотых вещей. Действительно, сколько же предметов могли весить более 2-х фунтов, если вся их совокупность потянула на 4? — Вопрос явно не для российского чиновника.

Далее Седергольм указал, что за время его служения в крепости золотые вещи были открыты в третий раз:

1. Какие-то древности были доставлены им самим Великому князю Николаю Николаевичу Старшему.

2. Открытие 1874 г., о котором уже говорилось.

3. Находки 1875 г., о которых собственно идет речь.

В связи с этим возникает недоумение, что за вещи и когда были доставлены Седергольмом Великому князю. Может быть, те самые, о которых вскользь упомянул Е. Е. Люценко. По его словам, какая-то гробница была открыта на Ак-Буруне в 1870 г., но она не была описана, и где находятся вещи — археологи не знают (Фонд 28. Дело № 13: 16). Некоторые неясности, как видим, имеются, но несмотря на них, с формальной стороны рапорт Седергольма можно признать вполне удовлетворительным. Правда, в деле имеются и другие материалы, которые освещают обстоятельства находки совсем иначе.

В декабре 1875 г. А. Е. Люценко сообщал по этому поводу в ИАК, что на третий день его отъезда из Керчи на Таманский полуостров, где он проводил раскопки около ст. Сенной, в одном из курганов Керченской крепости было сделано важное открытие. Как стало известно, военные приступили к скрытию насыпи еще 24 апреля, о чем А. Е. Люценко не был уведомлен, узнав об этом случайно. Поскольку

помощник директора был болен, в крепость был направлен, как специально отмечено, один из ответственных надсмотрщиков Музея Фома Токарев. При работах открывались черепки амфор и тесаные камни, вероятно, от разрушенных могил; в середине июня насыпь кургана была уже снесена почти полностью, но раскопки были неожиданно прекращены, о чем Музей опять уведомлен не был. Фома Токарев к тому времени опасно заболел, но его помощник, неизвестный нам по имени, которого три раза посылали в крепость, сообщал, что военные роют рвы для закладки фундамента офицерского клуба (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 16).

В августе месяце А. Е. Люценко, очевидно на некоторое время вернувшийся в Керчь, вновь уехал на Тамань. Но уже 11 августа Ф. И. Гросс сообщил ему, что Седергольм дал знать в Музей, что в крепости нашли женовую гробницу. Он немедленно отправился на место работ и, собственно, именно ему, Ф. И. Гроссу, принадлежит честь открытия этого интереснейшего комплекса. Из рапорта А. Е. Люценко следует, что к моменту прибытия Ф. И. Гросса могила, перекрытая шестью кровельными черепицами, была совершенно раздавлена тяжестью насыпи и ногами солдат, сносивших с кургана землю (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 32). Описание комплекса вполне соответствует информации, опубликованной в ОАК (1875: XXXII сл.). Нет сомнения, что именно рапорт А. Е. Люценко послужил основой для ее написания.

Но кроме информации о раскопках рапорт содержит любопытную интерпретацию открытого памятника древности, которую можно привести полностью. А. Е. Люценко писал: «Несмотря на богатое головное украшение похожее на корону и прочие золотые вещи, найденные в этой женовой гробнице, я не думаю, чтобы в ней заключался прах какого-нибудь важного лица местной аристократии. Эта гробница, небрежно перекрытая шестью черепицами, слишком проста для какого-нибудь архонта или военачальника такой богатой метрополии, как была древняя Пантикапея. Стоявшая около костра наградная ваза за гимнастические подвиги, как гласит начертанная на ней надпись, свидетельствует до очевидности, что мы тут встречаемся лицом к лицу с прахом (! — Ю. В.) древнего гимнаста-воина, защитника отечества, отличившегося на Пифийских играх, современника Александра Македонского» (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 35).

Схожей точки зрения придерживался брат директора музея Е. Е. Люценко, который тоже обратил внимание на скромность устройства могилы и писал, что «*прах сожженного здесь покойника не принадлежал по своему рождению (тоже неплохо — Ю. В.) к местной ари-*

стократии и, если удостоился чести погребения в ее некрополе, то следовательно в уважение необыкновенных его заслуг, что в некоторой степени и подтверждается найденными при этом вещами, имеющими ... историческое значение» (Фонд 28. Дело № 13: 8). Здесь был погребен гимнаст-воин, прославившийся подвигами в борьбе со скифами, а также и на спортивных аренах. При этом золотой «шлем», золотой оливковый венчик, два кубка (на самом деле, так называемые ворворки) и, может быть, перстень Е. Е. Люценко рассматривал как награды, которые присуждались победителю в Афинах. По его мнению, «венчик, замечательный по своей массивности, изящной простоте и красивому рисунку ... составляет высшую степень отличия на Панафинейских играх». Нет сомнения, что пантикапейский эфеб, этот прославленный защитник отечества, должен был явиться в царство теней со всеми знаками своих побед (Фонд 28. Дело № 13: 11).

Вероятно, эта дружно выраженная братьями точка зрения в немалой степени повлияла на Л. Э. Стефани. В традиционных «Объяснениях некоторых художественных произведений, открытых на юге России» он привел размеры меча, найденного в гробнице, который без нескольких обломков составлял 0,87 м в длину. Это, конечно, достаточно длинный меч, всего скорей, меотского типа (Виноградов 1993: 45), но Л. Э. Стефани уже в знакомой нам манере заключил, что лишь эллин-палестрит «мог распоряжаться таким громадным мечом» (ОАК 1876: 7, 113). В дальнейшем эта точка зрения нашла поддержку у Э. Миннза (Minns 1913: 390—391), но сейчас она, конечно, имеет лишь историографический интерес, — погребение, безусловно, относится к категории памятников варварской знати на берегах Боспора Киммерийского (см. Виноградов 1993: 46—48; 1994: 76).

В своей записке Е. Е. Люценко посетовал на бесцеремонность действий военных властей, на невнимание к находкам керамики, — рабочие брали черепки себе или же сносили их в мешках на строящийся в крепости земляной вал (Фонд 28. Дело № 13: 16—17). Он попенял и Ф. И. Гроссу за то, что тот не обратил должного внимания на снесенную рабочими землю около западной стороны могильной ямы, где находилась панафинейская амфора, поэтому многие ее фрагменты утеряны (Фонд 28. Дело № 13: 5—6).

Но что же по этому поводу писал сам Ф. И. Гросс? В его рапорте содержится ряд любопытных деталей, которые отсутствуют у других авторов. В частности, он дает краткую характеристику состояния раскопа на момент его прибытия в крепость 11 августа. Археолог замечает, что «рабочие, скапывавшие землю,

по неведению чрезмерно углубились в некоторых местах костра, обнаруживая таким образом обломки от железного нагрудника, обломки обгоревшей бронзы и черепки битой посуды» (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 41). Именно Ф. И. Гросс обратил внимание на любопытнейшую особенность погребения, — это кремация, в которой вещи не сильно пострадали от действия огня и находились при этом в строго определенных местах. По этому поводу он заметил: «Сверх наполненной углем гробницы были сложены найденные вещи, вероятно, после сожжения трупа, потому что в противном случае вещи были бы сильно попорчены разрушительным действием огня, а, во-вторых, они бы не были в таком по-видимому распределенном порядке» (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 41). Любопытно, что лишь он один писал о сожженном остове, при этом упоминал его два раза; у А. Е. Люценко и, соответственно, в ОАК за 1875 г. об остове или костях вообще не говорится ни слова. В общем, эти замечания раскопщика позволяют еще раз подкрепить точку зрения тех исследователей, которые сближали погребение в кургане с сармато-сарматскими кремациями (Цветева 1957: 242; Масленников 1981: 55; Виноградов 1993: 41—42).

Ф. И. Гросс, собрав все фрагменты от панафинейской амфоры, которую он впоследствии склеил (см. Соколов 1973: 56), поздно вечером возвратился из крепости, сильно простудился и жестоко заболел, о чем отметил в своем отчете (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 42). Первый же раскопщик кургана Фома Токарев, по словам Ф. И. Гросса, к тому времени уже месяца два тяжело болел без всякой надежды на выздоровление (Опись I. 1874 г. Дело № 12: 36). Вот так давались выдающиеся археологические открытия на Боспоре Киммерийском, такую высокую цену порой приходилось за них платить. Жизнь российских археологов, как видим, была тяжела и неказиста во все времена.

За несколько лет до описанных открытий Керчь посетил Ф. А. Струве, встретился здесь с А. Е. Люценко, В. Г. Тизенгаузенем, И. Е. Забелиным и выразил свои впечатления о работе местных археологов следующим образом: «Страшные летние жары, недостаток в самом необходимом, удаление от всего образованного мира производят весьма тягостное впечатление на трудящихся» (Струве 1870: 57). Именно на «трудящихся» ... Ф. А. Струве употребил это, сейчас дискредитированное и почти вышедшее из употребления слово. Скромной данью уважения к нашим предшественникам, этим выдающимся труженикам, без которых в российской археологии ничего и никогда не могло бы произойти, я и считаю это небольшое исследование.

- Артамонов, М. И.* 1966. Сокровища скифских курганов. Прага-Ленинград: Артия.
- Виноградов, Ю. А.* 1993. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор: 38—51. Новочеркасск.
1994. Некоторые вопросы интерпретации погребений варварской знати в районе Боспора Киммерийского // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Материалы заседаний «Круглого стола» 22—24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург): 72—76. Санкт-Петербург.
- Гайдукевич, В. Ф.* 1981. Боспорские погребальные склепы V—IV вв. до н. э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города: 6—54. Ленинград: Наука.
- Масленников, А. А.* 1981. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. Москва: Наука.
- Матье, Ю.* 1926. Сто лет Керченского музея. Керчь.
- Муральт, Э. Г.* 1850. Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества II: 306—329.
- Ростовцев, М. И.* 1925. Скифия и Боспор. (Ленинград).
- Савостина, Е. А.* 1986. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // Советская археология 2: 84—99.
- Соколов, Г. И.* 1973. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Ленинград: Аврора.
- Струве, Ф. А.* 1870. Новости из Припонтийского края. Письмо к К. К. Герцу // Древности. Труды Московского археологического общества III, 1: 56—61.
- Цветаева, Г. А.* 1957. Курганный некрополь Пантикапея // Материалы и исследования по археологии СССР 56: 227—250.
1968. Сокровища причерноморских курганов. Москва: Наука.
- Яковенко, Э. В.* 1970. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 124: 54—60.
1974. Скифи Східного Криму в V-III ст. до н. е. Київ: Наукова думка.
- Minns, E. H.* 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.

ПЕРСОНАЛИИ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ АЗИАТСКОГО ПАЛЕОЛИТА

Для представителей моего поколения, людей, пришедших в археологию в 70-е гг., П. И. Борисковский, наряду с такими крупнейшими учеными как Б. Б. Пиотровский, С. А. Семенов, М. П. Грязнов, А. М. Мандельштам, А. М. Беленицкий, А. Л. Якобсон, олицетворял живую связь с лучшими традициями российской науки. Свидетель и активный участник бурного периода жизни ГАИМКа в 30-е гг., упорный оппонент А. Н. Рогачева в дискуссиях о стадиальности и локальности в верхнем палеолите в 50-е, П. И. Борисковский по праву входит в плеяду ведущих отечественных исследователей первобытности.

Вспоминая П. И. Борисковского, невольно задумываешься над тем, насколько изменилась наука о палеолите за последние десятилетия. В наше время расцвета региональных центров, вовлекающих в орбиту своей деятельности все новых молодых ученых, трудно даже представить, что относительно недавно палеолитоведы СССР могли в полном составе собраться в Дубовом зале нашего института. Тот Сектор палеолита, который на протяжении более 15 лет возглавлял П. И. Борисковский, объединял большую часть ведущих специалистов в масштабах страны. Сектор находился в центре неформального содружества исследователей первобытности. Все мы помним то время, когда археологи из самых разных городов стремились представить результаты своих работ на Секторе, принять активное участие в проводимых ЛОИА конференциях. Немалая заслуга в этом П. И. Борисковского, его исключительного такта и умения находить общий язык с разными по научному уровню и сложности характера коллегами (при этом ни на йоту не поступаясь принципами строгой научности). Жаль, что сотрясавшие Сектор в 60—80-е гг. бурные дебаты практически не нашли отражения в публикациях, кроме тезисов и заметок на страницах «Советской археологии».

Да и в мире ситуация заметно отличалась от нынешней. В сущности говоря, за пределами Франции даже в крупных европейских странах

по палеолитической тематике работали всего по несколько археологов. «Археологическая экспансия» заокеанских коллег в 60-е гг. только начиналась. Темпы накопления материала были таковы, что поколения студентов осваивали азы специальности по «большим томам» типа руководства П. П. Ефименко. Владующие иностранными языками и имевшие доступ к литературе исследователи могли тогда реально быть в курсе всех явлений мирового палеолита, не замыкаясь в пределах региональных штудий. Сама идея создания многотомного руководства по древнекаменному веку мира с подробной характеристикой основных памятников и культур, с которой выступил П. И. Борисковский в 60-е гг., безусловно, принадлежит тому ушедшему времени. Не случайно, что она оказалась не реализованной до сих пор. Дело даже не в технических и издательских сложностях. Достаточно взглянуть на вышедшие более 20 лет назад первые тома серии (работы Г. П. Григорьева по палеолиту Африки и И. И. Коробкова по Ближнему Востоку) и сравнить их с современными представлениями о древнекаменном веке этих регионов, чтобы убедиться, насколько быстро ныне стареют обобщающие труды.

Вместе с тем, тема глобального сопоставительного анализа особенностей развития палеолитической культуры не утратила актуальности. Интересно, что высказанные крупными учеными идеи оказываются более долговечными, чем представления о конкретном материале. Мне уже доводилось писать о значении концепций П. И. Борисковского для культурного членения позднего палеолита (Васильев 1996). В данной статье я хотел бы затронуть роль исследователя в развитии традиционной для нашей археологии проблематики крупнейших культурных областей палеолита. В силу специфики научных интересов П. И. Борисковского она разрабатывалась им преимущественно на материалах Азиатского материка.

Уже в самых ранних публикациях П. И. Борисковского заметно его пристальное внимание к палеолиту удаленных уголков света (Африки,

Китая, Индии). Однако вся первая половина научной жизни была для исследователя связана с работой по проблематике позднего палеолита Костенок и Русской Равнины в целом. Только с начала 60-х гг. после длительной поездки во Вьетнам древнейшее прошлое Восточной, Южной, Юго-Восточной Азии и примыкающих районов Новой Гвинеи, Австралии, Тасмании становится основной темой его занятий (Борисковский 1966, 1971, 1988, 1994, 1996). Наряду с Вьетнамом, П. И. Борисковский посетил Китай, Индию, Японию, Австралию, где он, один из немногих в ту пору отечественных археологов, имел возможность непосредственно ознакомиться с коллекциями.

П. И. Борисковский поддержал основные тезисы фундаментальной работы С. Н. Замятина (1951) о формировании локальных различий в культуре палеолита и его взгляды можно рассматривать как развитие идей С. Н. Замятина. Рассматривая области распространения тех или иных вариантов палеолитической культуры, П. И. Борисковский избегал категоричности суждений, всегда подчеркивая громадную разницу в степени изученности древнекаменного века Европы и Ближнего Востока по сравнению с остальной частью мира. Со свойственной ему осторожностью и нелюбовью к скороспелым выводам, П. И. Борисковский скептически относился к эффектным глобальным построениям (типа известной концепции «постмустье»).

Вслед за С. Н. Замятиным, П. И. Борисковский различал уровни проявления локального разнообразия культуры по эпохам палеолита. Касаясь нижнего палеолита, П. И. Борисковский говорил о расплывчатом характере

различий в наборах каменного инвентаря, примитивном разнообразии, свидетельствующем о неустойчивости технических навыков. Такую аморфную, слабо связанную с территориальностью, неоднородность облика индустрий он считал отражением особенностей природной среды, характера используемого сырья и хозяйственной деятельности древнейшего человека. Как и С. Н. Замятин, П. И. Борисковский оставался стойким противником теории Х. Мовиуса о «двух мирах» нижнего палеолита, связанных с распространением ручных рубил и чопперов-чоппингов. Он неоднократно подчеркивал чересполосное расположение комплексов с рубилами, чопперами и кливерами. Представляется, что П. И. Борисковский все же недооценивал специфику развития культуры в древнем палеолите востока Азии по сравнению с западной частью эйкумены, хотя в настоящее время исследователи далеко ушли от простого противопоставления рубил и чопперов (Ранов 1999).

Наращение локального разнообразия культуры проявлялось в среднем палеолите. П. И. Борисковский выделил ряд факторов, влиявших на облик каменного инвентаря. Наряду с уже явно зарождающимися техническими традициями (которые ученый в духе того времени трактовал в этническом ключе), он отмечал значимость таких моментов как особенности хозяйства, функции стоянок и специфики их исследованных участков. Не случайно П. И. Борисковский (Борисковский 1979: 92) одним из немногих отечественных археологов с сочувствием отнесся к идее Л. Бинфорда о функциональной вариабельности мустьерских индустрий. Подобное сложное понимание вариаций среднего палеолита куда ближе совре-

менному подходу к проблеме, чем предпринимавшиеся в свое время безуспешные попытки выделения мустьерских и даже ашельских «археологических культур».

Вместе с тем, по мнению П. И. Борисковского, мустьерская культура была явлением отнюдь не всеобщим. Он перечислил ряд особенностей среднего палеолита Индии и Вьетнама (отсутствие остроконечников, атипичность форм изделий, наличие позднепалеолитических черт), позволяющих отделить эти индустрии от одновременных мустьерских комплексов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Иную картину мы находим в верхнем палеолите. Здесь уже четко проявляются очерченные в пространстве культурные регионы или провинции. Для азиатской территории ярким примером такого своеобразия была сибирская область. В нее П. И. Борисковский включал также Японию, называя общие черты культуры этих территорий — наличие клиновидных нуклеусов, микропластинок, скребел, чопперов и бифасов. Он видел и более общие черты верхнего палеолита Азии, отмечая повторяющееся в культурах финального плейстоцена Сибири и Юго-Восточной Азии сочетание позднепалеолитических типов изделий с галечными орудиями (Борисковский 1984). Вместе с тем, исследователь указывал на объединяющие верхний палеолит Европы и Сибири явления, такие как наличие техники призматического нуклеуса, облик жилищ и поселений, развитую обработку кости, бивня и рога. По его мнению, область распространения позднепалеолитических культур ближневосточного типа с призматическими нуклеусами, пластинками, резцами, пластинками с притупленным краем простирались вплоть до Индии. Она сменялась где-то вблизи современной границы Индии и Бирмы аморфными индустриями архаичного облика с преобладанием орудий на отщепах и кусках камня, свойственными Юго-Восточной Азии и Австралии.

Нет сомнения, что, несмотря на все нарастающие темпы накопления новых материалов по азиатскому палеолиту, исследователи еще долго будут обращаться к трудам П. И. Борисковского.

В заключение я позволю себе вернуться к оценке роли П. И. Борисковского в формировании «научного лица» нашего института и нынешнего состояния дел. Можно с горечью констатировать, что за прошедшие с его ухода десятилетия авторитет и позиции Отдела палеолита во многом утрачены. Очевидно, что в современных условиях, когда большинство конкретных исследовательских проектов успешно осуществляется учеными региональных центров, роль собственных полевых работ сотрудников Отдела будет только сокращаться. Вместе с тем, мне кажется, что Отдел не в полной мере использует свой научный потенциал. Я имею в виду задачу создания обобщающих и учебных трудов, словарей, пособий по различным аспектам археологии древнекаменного века (полевые работы, комплексный анализ палеосреды). Прошло уже более 15 лет с выпуска в свет последней сводки по древнекаменному веку нашей страны (Палеолит СССР 1984). Осталась не реализованной и многократно высказанная П. И. Борисковским (Борисковский 1971: 32) идея создания «нормативного терминологического справочника» по изучению каменных орудий. Между тем работы подобного рода имеются на всех основных европейских языках. Представляется, что именно посредством публикаций методических руководств такого типа наш коллектив сможет реально влиять на развитие науки о палеолите в нашей стране и сопредельных государствах, продолжая славные традиции, заложенные П. П. Ефименко, А. П. Окладниковым и П. И. Борисковским.

- Борисковский, П. И. 1966. Первобытное прошлое Вьетнама. Москва-Ленинград: Наука.
- Борисковский, П. И. 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Ленинград: Наука.
- Борисковский, П. И. 1979. Древнейшее прошлое человечества. Ленинград: Наука.
- Борисковский, П. И. 1984. Галечные орудия в палеолите Индокитая // Проблемы исследования каменного века Евразии: 44—46. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета.
- Борисковский, П. И. 1988. Палеолит и мезолит Юго-Восточной Азии // Очерки тихоокеанской археологии: 14—59. Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета.
- Борисковский, П. И. 1994. Палеолит Японии // Палеолит Центральной и Восточной Азии: 163—194. Санкт-Петербург: Наука.

- Борисковский, П. И. 1996. Палеолит Большой Австралии // Каменный век тихоокеанских побережий: 8—54. Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета.
- Васильев, С. А. 1996. Вклад П. И. Борисковского в становление проблематики современного палеолитоведения // Российская археология 1: 201—204.
- Замятин, С. Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии АН СССР, н.с. XVI: 88—152.
- Палеолит СССР. 1984. Палеолит СССР. Археология СССР. Москва: Наука.
- Ранов, В. А. 1999. Ранний палеолит Китая. Москва: ИНКВА.

С. А. Васильев

Институт истории материальной культуры РАН
Отдел палеолита

К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ

А. М. МАНДЕЛЬШТАМА

(11.VIII.1920—8.IX.1983)

Анатолий Максимилианович Мандельштам родился 11 августа 1920 г. в г. Воронеже в семье медиков. В 1941 г. он окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета и некоторое время работал в Республиканском музее Таджикистана. В 1942—1946 гг. А. М. Мандельштам служил в армии и через некоторое время после демобилизации был принят в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (с 1959 г. Ленинградское отделение Института археологии, а с 1991 г. Институт истории материальной культуры РАН). Его руководителем был хорошо известный востоковед А. Ю. Якубовский. После окончания аспирантуры в 1951—1956 гг. А. М. Мандельштам работал в Институте истории АН Таджикской ССР. В эти годы он обследовал различные районы Таджикистана: Каратегинский по реке Сурхоб, Верхнезеравшанский и долину реки Сырдарья на севере Таджикистана. Кандидатская диссертация А. М. Мандельштама была посвящена сложению таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье и высоко оценена в ученом мире. С 1956 года А. М. Мандельштам работает в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР (позднее Ленинградское отделение Института археологии, ныне Институт истории материальной культуры РАН) и принимает участие в работе Таджикской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. В составе Кафирниганского отряда этой экспедиции он вел раскопки древних городищ Таджикистана. Тогда же А. М. Мандельштам открыл новые курганные могильники в Бишкентской долине, ставшие затем основными объектами его работы. Параллельно с археологическими исследованиями, он углубленно работает над письменными источниками по истории Средней Азии. Одной из важнейших его книг является «Материалы по историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей (с древнейших времен до X в. н. э.)». Этот труд, изданный в 1957 г., до сих пор остается одним из блестящих очерков по истории Таджикистана. Ис-

ключительно важными являются работы А. М. Мандельштама по исследованию курганных могильников на юге Таджикистана и Туркмении. В результате этих раскопок он открыл культуру скотоводов эпохи бронзы, названную им бишкентской. В Закаспии, на юге Туркмении А. М. Мандельштам обнаружил могильники племен срубной культуры. Еще одним замечательным открытием ученого являются могильники кочевых племен, обитавших в Северной Бактрии во II—I вв. до н. э. По мнению А. М. Мандельштама эти памятники оставлены племенами юечней, разгромивших Греко-Бактрию и участвовавших в создании Кушанского государства. Все эти яркие открытия, которым посвящены монографии «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане» (1968), «Кочевники на пути в Индию» (1966), «Памятники кочевников Кушанского времени в Северной Бактрии» (1975) позволили воссоздать сложную картину проникновения скотоводов из степей в южные районы Средней Азии.

Итоги работ А. М. Мандельштама в Средней Азии были суммированы в его докторской диссертации «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии» (1973).

А. М. Мандельштам был бесконечно предан археологии. Он обладал огромной работоспособностью и острым аналитическим умом. Впрочем своеобразная манера публичных выступлений А. М. Мандельштама, когда он тихим, почти лишенным эмоциональной окраски голосом, излагал свои мысли, не давала истинного представления ни о широте его кругозора, ни об оригинальности выдвигаемых им гипотез. Свой талант исследователя А. М. Мандельштам полностью реализовал в опубликованных им монографиях. Читая их, поражаешься тому как обстоятельно автор проработал археологические источники, как скрупулезно оценил труды своих предшественников. Точность аргументов исследователя, строгая логика его изложения и сила доказательств заставляет читателя соглашаться с научными выводами автора. Создается впечатление, что книги, вышедшие из под пера А. М. Мандельштама, являются учебниками геометрии,

созданными на основании изучения археологических материалов. Эта магия доказательств, сравнимая по значимости с математическим анализом, составляет наиболее сильную сторону творческого наследия А. М. Мандельштама. Его анализ погребальных обрядов скотоводов, населявших Северную Бактрию в эпоху бронзы и железа, сохраняет свое значение и по сей день.

Внешне флегматичный и медлительный А. М. Мандельштам преображался, когда в ходе жарких научных дебатов пытались опровергнуть его основные концептуальные выводы. В такие минуты он волновался, начинал возражать с места, перебивал оппонента, а затем выступал с сокрушительной критикой ошибочных, как ему представлялось, взглядов своих научных конкурентов. Однако при этом он всегда сохранял присущую ему осторожность в научных формулировках, поскольку был убежден в том, что окончательные результаты могут быть получены лишь после обстоятельного изучения всех доступных ему источников. На практике это приводило к затягиванию публикации тех или иных археологических комплексов. В связи с этим коллеги нередко упрекали А. М. Мандельштама в излишней скрытности и нежелании делиться с ними имеющейся у него научной информацией. Те же, кто лучше знал А. М. Мандельштама, понимали, что его медлительность вызвана прежде всего большой требовательностью к себе и стремлением избежать скоропалительных выводов, которые не выдержали бы испытания временем.

В своих взаимоотношениях с молодыми начинающими археологами А. М. Мандельштам был неизменно демократичен и вместе с тем весьма щепителен. С одними он, придерживаясь только ему известных критериев, был внимателен и доброжелателен, с другими — сух и сдержан.

А. М. Мандельштам был прозорливым человеком не только в науке. Он предвидел многое из того, что случилось с Россией в конце 1980-х—начале 1990-х гг. Разумеется в те годы он не мог открыто высказывать свои соображения о развитии общественно-политических процессов в стране, но с теми, кому он доверял был достаточно откровенен.

А. М. Мандельштам был одним из столпов Отдела Центральной Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Он по праву входил в ту плеяду ученых, которые своими работами превратили отдел в ведущий экспертный центр страны по проблемам азиатской археологии.

Сохраняя неизменный интерес к археологии кочевников Анатолий Максимилианович Мандельштам со временем занялся изучением могильников древних скотоводов Тувы, полагая, что именно там можно найти истоки куль-

туры тех племен, погребения которых ему довелось раскапывать в Средней Азии.

В ту пору А. М. Мандельштам был окружен величавым одиночеством и каким-то трагизмом. При том его отряд насчитывал иногда до сотни человек, в числе которых помимо десятка археологов, были востоковеды, реставраторы, художники... и, конечно, школьники и молодые ребята — тувинцы и русские — основная рабочая сила экспедиции. Были среди них свои «любимчики», которые из года в год ездили на раскопки к «Манделю», ждали его появления в Кызыле и трудились по несколько месяцев в течение всего сезона. Организация труда столь большого и «разношерстного» коллектива ложилась бременем на плечи ученого. Необходимость обеспечить быт огромного лагеря (полевое снаряжение зачастую было изношенным, пропитание приходилось добывать в различных инстанциях) занимала не мало сил и времени, тем не менее А. М. Мандельштам ежедневно самолично выезжал на раскопки. Работал наряду со всеми, чистил и разбирал курганные насыпи и был в этой простой, начальной фазе исследования как-то особенно самоотвержен. Однажды, во время раскопок на Демир-Суке, А. М. Мандельштам как всегда сидел на кургане, методично расчищал кладку сооружения. В это время началось солнечное затмение. Кто-то обратился к нему: «Анатолий Максимилианович, посмотрите на солнечное затмение». «Я не любопытен», — ответил Мандельштам, не поднимая головы. Такое отношение он проявлял и в других более щекотливых вопросах. Однажды кто-то из членов партбюро Института спросил: «Правда ли, что некоторые сотрудники его отряда носят нательные кресты?». Анатолий Максимилианович сказал, что не обращал внимания. В другой раз, когда одному из временных сотрудников Института было отказано в зачислении, якобы потому, что он антисоветчик, Мандельштам заявил в отделе кадров, что сам узнавал в компетентных органах и никакого компромата на данное лицо у них нет. Мандельштаму простодушно поверили, и археолог вновь был принят на работу.

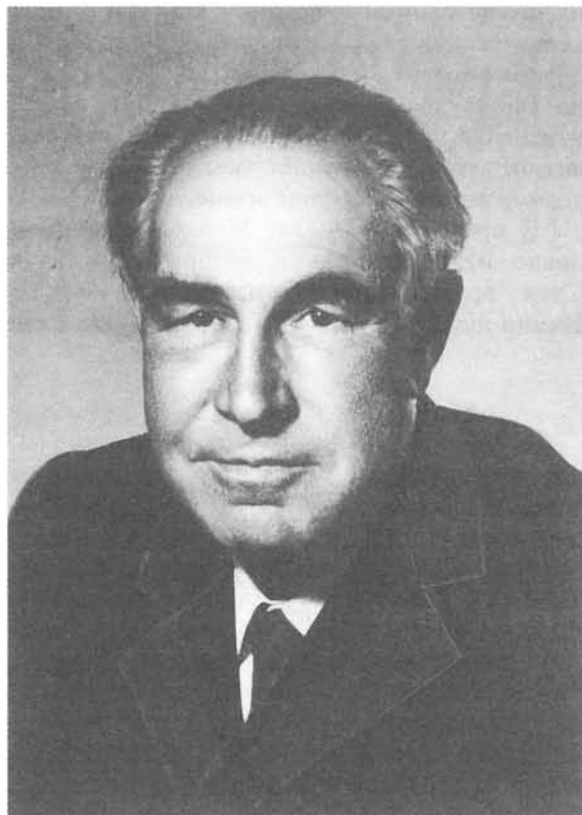
На все жизненные невзгоды Анатолий Максимилианович отвечал новыми начинаниями. Результаты раскопок в Туве, будь они опубликованы, могли бы на долгие годы решить проблемы скифской археологии в этой части Азиатского континента, но смерть пришла, как всегда, не вовремя. На столе ученого остались практически законченные рукописи его трудов, но увы, до сих пор не сданные в печать. То не многое, что опубликовал А. М. Мандельштам за эти годы (точно случайно оброненные слова) проливает свет на ход его научной мысли. Совершенно очевидно, что он не сомневался в очень ранней дате кур-

гана Аржан и считал, что скифская триада формировалась в данном регионе Центральной Азии. В своей небольшой рецензии на книгу Л. Р. Кызласова он с простотой и ясностью усомнился в возможности миграции саков из Казахстана в связи с более ранним появлением скифской триады в Туве.

А. М. Мандельштам не очень активно выступал в печати, но в полемике о том две или одна культура были распространены в Туве в скифское время твердо придерживался точки зрения Л. Р. Кызласова и культуру называл уюкской. Причины тому коренились в специфике отношений с А. Д. Грачом, суть которых освещена в ряде мемуарных статей и документов, опубликованных в сборнике «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвященном 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача (СПб. 1998). А. М. Мандельштам произвел самые масштабные по числу раскопанных курганов археологические работы в Туве. Им был обнаружен первый бесспорно афанасьевской могильник у г. Хайыракан, могильник окуневского времени у г. Бош-Даг на Аймырлыге, сотни курганов разных типов скифского времени исследовались на Аймырлыге, стройплощадке Нового Чаахоля, на Малиновской оросительной системе и в других местах. Им были открыты и раскопаны курганы хунну у горы Бай-Даг (Новый Шагонар) и на могильном поле Аймырлыг. Из поля его зрения не выпадали ни могильники монгун-тайгинского типа, ни погребения гуннов кок-эльского типа, ни захоронения древних тюрок. Такой массовый охват материала обещал необыкновенные научные решения если не всех, то многих больных вопросов стоявших перед тувинской археологией. Но трагедия в том, что человек не просто смертен, а внезапно смертен, опубликовать своих основных «тувинских» трудов А. М. Мандельштам не успел, а его архив почти безвозвратно утрачен для археологической науки. Несколько статей А. М. Мандельштама, в которых он делится своими соображениями по рассматриваемым здесь проблемам были изданы не задолго до смерти ученого.

С известной осторожностью относился А. М. Мандельштам и к памятникам монгун-тайгинского типа, считая, что к ним необходим дифференцированный подход, причем небольшой могильник Бай-Даг III он отнес к позднему периоду эпохи бронзы.

Значительный интерес представляет и открытый на левом берегу реки Чаа-Холь (пункт Аймырлыг XIII) могильник окуневской культуры, устройство погребальных конструкций которого (каменных ящиков), положение и ориентация костяков, позволили А. М. Мандельштаму допустить доживание определенных

традиций окуневской культуры до скифского времени.

Последняя работа «Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы», вышедшая из печати в 1992 г. уже после смерти А. М. Мандельштама, носит обзорный (как и две предыдущие) характер, поскольку написана для тома «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время». Здесь автор пишет, что «при современном уровне знаний в принципе сохраняет свое значение периодизация предложенная Л. Р. Кызласовым, но в нее необходимо внести некоторые коррективы. Культура скифского периода (уюкская) существовала более длительное время — в пределах VIII—II вв. до н. э., причем оба предела датировки подлежат дальнейшему уточнению». А. М. Мандельштам выделяет три этапа развития культуры начальный (аржанский), ранний и поздний. При расширении хронологических рамок уюкской культуры более чем на 700 лет (А. М. Мандельштам считает, что курган Аржан отражает уже завершение процесса формирования и должен быть отнесен к концу начального этапа формирования уюкской культуры) трудно поверить, что на всем этом семи вековом отрезке мы имеем дело с развитием одной культуры, хотя по мнению А. М. Мандельштама смена культуры около середины первого тысячелетия не подтверждается имеющимися материалами. Об отсутствии какого-либо разрыва в развитии культуры свидетельствуют предметы переходного облика, а грани-

ца между ранним и поздним этапами уюкской культуры должна рассматриваться лишь как условное понятие. Фактические данные объективно свидетельствуют о постепенном характере изменения культуры, об ее эволюционном развитии, что не исключает частных «скачков» и возможного воздействия извне.

К археологии А. М. Мандельштам безусловно относился как к исторической науке. Свои археологические изыскания, будь то Памир или Тува, он неизменно связывал с теми

или иными историческими событиями, источниками, фактами. Кушанская проблема продолжала волновать его, и поздние памятники скифского типа в Туве он связывал с усунями, экспансия которых в Среднюю Азию привела к крушению эллинистической Греко-Бактрии. Смерть большого ученого трагедия для науки, и остается надеяться, что тувинское наследие Анатолия Максимилиановича Мандельштама не пропадет в туне, явившись весомым вкладом в археологию Центральной Азии.

*Вл. А. Семенов
В. А. Алёшкин
Н. Г. Горбунова*

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Н. ХЛОПИНА

О моем друге и соратнике

Игорю Николаевичу Хлопину 7 июня 2000 года исполнилось бы 70 лет. Он скончался в 1994 г. Смертельная болезнь неожиданно подстерегла его дома, идущим к письменному столу. Он был полон творческих планов и замыслов, которым, увы, не суждено было сбыться. В пишущей машинке осталось почти полностью написанное послесловие к работе М. П. Грязнова «Афанасьевская культура на среднем Енисее».

Коллеги собрались по поводу 70-летия И. Н. Хлопина в октябре 2000 года на специальном заседании отдела Средней Азии и Кавказа ИИМК РАН. Все были единодушны: научное наследие Игоря Николаевича — незаурядный вклад в изучение культур Азии эпохи энеолита и бронзы. Его труды выдержали испытание временем и помогают новым археологическим исследованиям.

Я знал И. Н. Хлопина с 1944 г. Вместе были в школе, учились на историческом факультете Ленинградского государственного университета, работали в Артиллерийском музее, наконец, оказались в ИИМК РАН. Сказать, что Игорь Николаевич занимался только археологией древнего Востока было бы не точно. Если так можно выразиться, «второй специальностью» ученого была привязанность к русской старине. Как бы невзначай, он сделал

здесь ряд ценных открытий, которые под силу только настоящему профессионалу-медиевисту.

Прошлое России И. Н. Хлопин воспринимал в ее великом многообразии. К этому прошлому его привязывало и происхождение семьи. По материнской линии дворянский род Игоря Николаевича восходил к келарю Авраамии Палицину — защитнику Троице-Сергиевой Лавры в начале XVII в. Дед из рода Старынкевичей, был генерал-губернатором Варшавы, построил там знаменитый, по фильму А. Вайды, подземный канал. Представители рода ныне живут во Франции. Игорю Николаевичу еще до «перестройки» удалось их найти и посетить в Париже. Воспитанный в высокообразованной семье врачей, он всегда осуждал жесткую-государственную идеологизацию культуры. Рискавая собой, привез из Парижа крамольный в те годы «Архипелаг Гулаг» А. Солженицына. Страницы этой книги, конспиративно напечатанные на тончайшей бумаге, друзья и знакомые читали не отрываясь, «за одну ночь». Держать книгу дольше было опасно. Слова правды ошеломляли, были равноценны окончательному низпровержению культа личности. Между тем, владелец книги вовсе не был диссидентом, как и большинство из нас, шагал «в ногу со временем». Однажды встретившись утром под аркой Артиллерийского музея (где тогда работали), я, перефразируя

только что переданное сообщение об аресте Берии, сказал: «Игорь, Берия — враг народа». На это он, еще не знавший данной новости, воскликнул: «ты с ума сошел, что ты говоришь!» Весть однако была не выдуманной. Прошли годы и Игорь Николаевич, выступая на одном из институтских собраний, а это было еще предгорбачевское время, вдруг стал хвалить М. Тэтчер, как лучшую в мире руководительницу государства. Тогда это было смело. Присутствующие предпочли отмолчаться.

Увлечение И. Н. Хлопина русской стариной проявлялось в том, что он собирал монеты, оружие, утварь, мебель, ездил по старинным городам, любовался церковным убранством, побывал на Валааме, когда там все находилось в запустении, ездил в разведку на места железодельного производства в Устюжну Железнопольскую, участвовал в раскопках татарского, а затем казацкого становища в Днепровских плавнях вблизи острова Хортица на Днепре, занимался раскопками Рождественского собора на острове Коневец на Ладожском озере. Перу И. Н. Хлопина (частью в соавторстве) принадлежит серия статей о древнерусских пушках, зодчем Федоре Конне, раскопках в Коневецком монастыре. Он впервые уточнил дату росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, выполненную знаменитым Дионисием. В 1981 г. в Австрии вышла наша совместная книга «Защитное вооружение», в которой впервые была дана самая полная, рашифрованная терминология этого вида военной техники средневековой Руси. Об одном открытии следует рассказать особо.

Поступив после окончания университета в Артиллерийский исторический музей, мы искали возможность применить свою археологическую выучку. Узнали, что сотрудников музея еще в конце 1930 годов привлекло известие об исчезновении арсенала крупнейшего в России Кирилло-Белозерского монастыря (Вологодская область), содержащего в своем составе свыше 8000 предметов вооружения XVI—XVII вв. Романтическая мечта отыскать пропавшее оружие привела нас в упомянутую обитель. Воспользовавшись старинными описаниями и отмеряя свое движение в саженях, указанных в этих документах, мы пробрались через лабиринт полуразрушенных построек и нашли место рухнувшей в XVIII в. Оружейной палаты. Под развалинами сводов нашли только несколько карабинных стволов, остальное, как стало ясно, было расхищено еще в XVIII в. Крушение наших надежд неожиданно обернулось необычным открытием, на этот раз вполне достоверным. В Ленинградском государственном историческом архиве в фонде дел Кирилло-Белозерского монастыря И. Н. Хлопина привлекли 44 книги «городового каменного дела». Он прочел 3000 листов скорописи

и оказалось, что перед нами, едва ли не единственный, полностью сохранившийся позднесредневековый строительный архив монастырской крепости — самой крупной в России XVII в. Она строилась по указу царя в 1653—1680 гг. Здесь было чему удивляться. В рукописных книгах с мельчайшими подробностями описывалось, как на стройку ежедневно выходило до 700 каменщиков и чернорабочих, как они уложили в общей сложности 10 млн. штук кирпича. Открылись и имена зодчих, это были мастера-простолюдины: Кирилл Серков, Семен Шам, Иван Шабан. Новая крепость охватывала территорию 10 га, что во много раз превышало собственные оборонительные потребности иноков. Далее выяснилось, что русское правительство решило создать в глубоком тылу страны в Кирилловском монастыре секретную укрепленную резиденцию для укрытия царя в случае непредвиденных обстоятельств. Так была разгадана одна из тайн русской истории, выраженная в крепостном сооружении. По этой теме в 1972 г. опубликовали совместную книгу «Великая Государева крепость».

Упомянутая книга родилась из обманутой мечты. Мечты были для И. Н. Хлопина отвлечением, пусть временным, от повседневности. Мы, к примеру, серьезно обсуждали, несбыточную тогда затею, поехать в Париж и предложить известному издательству Галлимар опубликовать во французском переводе нашу

книгу о Кирилло-Белозерском монастыре. Рисовали себе, как снимем квартиру, будем в интересах дешевизны питаться яйцами и запивать их сухим вином, которое «у них» дешевле воды. Как-то Игорь Николаевич стал развивать идею о написании книги о Леонардо да Винчи, как изобретателе и инженере. Тогда в прессе прошла информация о находке кодекса с рисунками великого художника.

С истинно русской широтой Игорь Николаевич любил застолье и душевную неспешную беседу. Он изобретательно готовил пищу и был в восторге, если приготовленное им, действительно вкусное мясо, хвалили гости. При всей любознательности и жизнелюбии И. Н. Хлопин был раним, тяжело переживал невзгоды и трудности, порой не мирился с критикой, как впрочем, и с несправедливыми упреками. Но проходило время и Игорь Ни-

колаевича видели ведущим мирную, спокойную беседу с недавним противником.

Начиная с 1957 г. И. Н. Хлопин опубликовал 160 печатных трудов, включая 9 монографий (десятая «Энеолит Юго-Западного Туркмениста», подготовленная уже учениками вышла в 1997 г. после смерти автора). Он был одаренным ученым и ярким человеком; мыслил широко и свободно, обладал проницательной научной интуицией, радовал новым археологическим материалом, не раз выступал с нетрадиционной трактовкой мировых событий. С ним нередко спорили, но затем его смелые заключения и гипотезы, некоторые из которых опережали свое время, подтверждались. Он много успел сделать, вероятно, не задумываясь о том, что его свершения пролагают дорогу другим. О Игоре Николаевиче Хлопине осталась дорогая, светлая память.

А. Н. Кирпичников

Научное наследие И. Н. Хлопина

К семидесятилетию со дня рождения И. Н. Хлопина — автора 10 книг и 160 научных статей и заметок по истории культуры Средней Азии и России в отделе Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН прошло заседание, в котором приняли участие сотрудники отдела и заведующий отделом славяно-финской археологии А. Н. Кирпичников — близкий друг юбиляра. Заседание открылось вступительным словом В. М. Массона, высоко оценившего основные вехи плодотворной научной деятельности И. Н. Хлопина в Средней Азии и особо отметившего результаты исследований энеолитических памятников Туркменистана, изучению которых юбиляр посвятил большую часть своей жизни.

Собравшиеся с большим вниманием и интересом выслушали сообщение А. Н. Кирпичникова о начальном периоде научных изысканий И. Н. Хлопина, когда они вместе работали в Артиллерийском историческом музее после окончания Ленинградского Государственного университета, а также о постоянном его интересе к русской истории, нашедшем отражение в ряде публикаций, и участии в нескольких экспедициях на северо-западе России, в том числе в Кирилло-Белозерском монастыре.

Многогранность научных интересов юбиляра подчеркнули М. Н. Пшеницина и С. В. Красниенко, отметившие его совместные с К. Х. Кушнаревой исследования поселений на

юго-западном побережье озера Байкал в составе Иркутской экспедиции и широкую ориентацию в вопросах и проблемах Сибирской археологии.

О большом вкладе юбиляра в изучение периода Намазга VI эпохи поздней бронзы рассказал А. Я. Щетенко, заострив внимание на важных результатах, полученных в процессе работ на одноименном поселении, и на тщательности самих раскопок.

С информацией о ходе работ над публикацией научного наследия И. Н. Хлопина и некоторых дальнейших перспективах работы с материалом выступил В. А. Завьялов, который сообщил, что планируется выход в свет тома «Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана», подготовленного к печати в виде оригинал-макета для издательского гранта. Заявка на грант подана в РГНФ и, если фонд ее положительно рассмотрит, то монография увидит свет не позднее конца 2001 года. Предполагаемое издание, завершающее задуманную И. Н. Хлопиным серию книг, является логическим и хронологическим продолжением опубликованного в 1997 г. тома «Энеолит Юго-Западного Туркменистана» — десятого в списке монографий юбиляра. С выходом в свет следующего — одиннадцатого тома академического наследия И. Н. Хлопина будет в полной мере введено в научный оборот. Подготовка монографии к изданию осуществлялась

бывшими сотрудниками Сумбарской экспедиции Е. В. Бобровской и А. В. Громовым, бескорыстно и самоотверженно работавшими с полевыми отчетами и заметками, с рукописями и их черновиками, а также непосредственно с археологическими материалами. Консультативная помощь, оказанная в процессе этой работы Л. И. Хлопиной, была весьма полезной и позволила уточнить ряд не совсем ясных деталей.

И опубликованные, и планируемые к публикации материалы из Сумбарской долины Юго-Западного Туркменистана весьма перспективны для дальнейших исследований. Тщательно и подробно документированные раскопки уникального могильника Пархай II предоставляют в распоряжение заинтересованных ученых богатейшие материалы, позволяющие приблизиться к решению целого ряда проблем развития культуры не только Юго-Западного Туркменистана на протяжении IV—II тыс. до н. э., но и соседних территорий. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать одним, весьма характерным примером — проявлением такой специфической черты погребального обряда, как нахождение медных и бронзовых гвоздиков во рту погребенных в периоды ЮЗТ V—III. Интересную параллель в этом отношении дают материалы неолитического могильника Варна в Болгарии, где в двух кенотафах были обнаружены глиняные маски с золотыми гвоздиками, имитирующими зубы. Естественно, что приведенный пример далеко не единственный, в список перспективных направлений изучения культуры Юго-Западного Туркменистана можно было бы добавить и происхождение катакомбы, и культурные связи и целый ряд других. У истоков многих этих направлений всегда будут находиться изначальные разработки и творческие идеи И. Н. Хлопина, без привлечения которых на-

писание разделов по археологии и истории Туркменистана будет выглядеть не полным и обедненным. Один из таких разделов, касающийся Сумбарской культуры, подготовлен для одного из четырех томов по истории Туркменистана, в настоящее время готовящейся к печати. Творческий потенциал научного наследия И. Н. Хлопина поистине огромен и обращаться к нему будущим исследователям придется еще не раз. Юбиляра всегда отличала тонкая интуиция в выборе как тематики исследования, так и археологических объектов изучения, всегда приносивших новые, ранее неизвестные факты, данные и результаты.

Успешность и работоспособность методики анализа, систематизации и интерпретации погребальных комплексов, разработанной И. Н. Хлопиным на материалах Сумбарского могильника и применявшейся позднее для могильника Пархай II, а также при анализе материалов Тулхарского могильника эпохи бронзы в Таджикистане и могильника Таштыбулак в Казахстане, была отмечена в выступлении В. А. Алекшина.

Л. Б. Кирчо, изложившая свои взгляды на стратиграфическое соотношение слоев на разных памятниках подгорной полосы Копет Дага в Туркменистане, относящихся к эпохе неолита, неоднократно подчеркивала, что результаты исследований И. Н. Хлопина в Геокюрском оазисе стали ещё более актуальными в связи с неудовлетворительными современными условиями для раскопок в пределах оазиса и относительно недавними раскопками на Ингылы Депе в подгорной полосе.

Заседание сотрудников отдела завершилось дружеским чаепитием, в процессе которого теплые и душевные воспоминания о юбиларе были продолжены, но уже в более неформальной обстановке.

В. А. Завьялов

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Е. А. ГОРЮНОВА

Памяти друга

25 марта 2000 г. Евгению Алексеевичу Горюнову исполнилось бы шестьдесят лет. Так и хочется сказать: «только шестьдесят», но все

же надо признать, что это далеко не молодость, а в полной мере значительный возраст. Все дело в том, что мы его друзья, коллеги и

ученики, состарились вместе, не замечая, или скорее делая вид, что не замечаем, как превращаемся в пожилых мужей и дам, а Женя, всегда оставался с нами сорокалетним, таким как мы его знали и запомнили, помним и сейчас. Таким как он был в день прощания с ним — просто молодым.

Он был небольшого роста, большеголовый, коренастый и крепкий, для большинства — угрюмый, нелюдимый и упрямый, для близких людей — отзывчивый, добрый, даже сентиментальный и очень надежный человек. Он любил новые и красивые галстуки и вообще новую одежду, но всегда с огромным внутренним напряжением облачался в парадный костюм для доклада или конференции и чувствовал в нем себя весьма неловко.

Известным ученым, широко начитанным человеком, большим любителем поэзии и литературы, особенно книг о путешествиях, он сделал себя сам, во многом вопреки судьбе, предначертанной семьей, где появился на свет, и обстоятельствам.

Он родился вторым сыном (на 13 лет позже первенца) в семье сотрудника «Большого Дома», Алексея Алексеевича Горюнова, который начал там истопником и за двадцать восемь лет дослужился до майора (умер в 1961 г.). Об этом факте, который в советской реальности, скорее мог быть плюсом, чем минусом, Женя всегда умалчивал и к этому были личные обстоятельства. Из блокадного Ленинграда, в ярославскую деревню, где оказались тогда на родине мамы Женя со старшим братом, пришло сообщение о разводе. Мать, Мария Васильевна, — малограмотная крестьянка из многодетной семьи, с трудом умевшая читать и писать, никогда не работавшая на производстве, завербовалась на Кировский завод и в 1944 г. смогла вернуться в Ленинград (может быть, вернее сказать от отчаяния бросилась в Ленинград, где жил теперь уже бывший муж). Старшего сына отец взял в новую семью. Для младшего там места не оказалось. Мать была в панике, как прописаться, как работать без специальности, как «тянуть» себя и тогда четырехлетнего мальчика в голодном и разоренном войной городе, где и детства при заводе еще не было. У Жени на всю жизнь осталась глубокая детская обида на то, как его «делили» отец и мать, подталкивая друг к другу со словами «возьми его себе». Его оставили с матерью. Потом почти за двадцать лет он почти не видел отца. Последний бывшую семью не навещал, но Женя, по настоянию матери, ходил несколько раз «в гости», после чего возвращался домой с обостренным чувством унижения и протеста.

Началась жизнь в коммунальных квартирах Ленинграда. Сначала на проспекте Маклина, потом в домах, построенных пленными не-

мцами для рабочих Кировского завода. Детство прошло во дворах с их обычными развлечениями (коньки, горки, футбол, катание «на колбасе» трамвая) и постоянных драках, дележе «территорий», где формировался характер и осознание того, что только ты сам можешь постоять за себя и помощи не будет. За ним приклеилась кличка «Жора». Некоторые приятели по двору оказались позднее даже в заключении. Мать никак не способствовала общему развитию сына. Ему запрещалось ходить в гости и приводить друзей к себе. Эта отчужденность и чувство того, что он почти всем в тягость сохранились на всю жизнь и определили многие его черты характера и поступки. Учеба же давалась легко, особенно математика, проблем не было, очень увлекали шахматы и шашки, книги читал «запоем». На вопросы родственников, что подарить, всегда отвечал однозначно: «книгу».

После десятого класса и уговоров матери Евгений поступил в среднее мореходное училище. Главными аргументами было то, что там казенное питание, обмундирование и казарменное положение. Для бедной семьи и в реальности безотцовщины, что могло быть лучше? Подспудно мать, видимо, хотела и оторвать взрослеющего сына от дворовой среды. Во время практики ходили на баржах по Волго-Балту и Верхней Волге, но «казарменный» быт был не по душе. Последовал уход в «самоволку», единственный возможный повод для исключения из училища, и столь ожидаемое отчисление. Потом около полугода работал в механическом цеху № 17 Кировского завода. Сверлил какие-то отверстия в деталях танков. В последствии Женя не раз с упоением рассказывал о катаниях на автокарах в ночную смену по огромному пустому цеху завода.

Сказочно повезло со службой в армии. Служил в ракетных войсках под Ленинградом, при классах по повышению квалификации офицерского состава. Там и жил при классах с двумя ребятами из Москвы и Ленинграда, оказавшимися из очень интеллигентных семей (один из них сын писательницы Веры Кетлинской). Это были годы усиленного самообразования — занимался немецким языком, много читал, благо недостатка в книгах и журналах не было. Непосредственный высший начальник, полковник по званию, искренне поощрял ребят в занятиях и чтении. К концу службы сформировался особый интерес к истории и, прежде всего, к древней истории. Армия переломила Женину судьбу, заставила или скорее позволила сменить жизненные ориентиры. Задумался о серьезном образовании. Еще до формального окончания армейской службы был отпущен для сдачи экзаменов в Ленинградский университет.

Кафедру археологии на истфаке, кажется, выбрал в какой-то мере случайно. А вот специализация по неолиту случайной уже не была. Для Евгения выбор руководителя даже после армии был проблемой, прежде всего, проблемой общения. Ведь даже на улице он стеснялся узнать как и куда проехать, стеснялся и в тридцать лет спросить время у прохожего, а на четвертом десятке ему было неловко расспрашивать местных жителей о древностях, урочищах и дорогах и он всегда предпочитал, чтобы это сделал кто-то другой: «сходи узнай». На кафедре археологии ЛГУ проще всего для него оказалось общение с Татьяной Дмитриевной Белановской, Т. Д. или ТЭДИ, как ее любовно звали студенты, и на что она не обижалась, тем более именно с поездки на Дон начиналась тогда археологическая практика первокурсников. Татьяна Дмитриевна задавала тон научной деятельности Е. А. Горюнова, привила привычку к тщательности и скрупулезности, щепетильность, не позволявшую пропустить чье-либо имя в историографии, стремление к тотальному сбору материала, внимание к правильности русского языка. Уже первая курсовая работа Е. А. Горюнова была посвящена одной из ключевых тем археологии Восточной Европы — проблеме зарождения земледелия. Школа раскопок Ракушечного Яра на Дону с его сложной стратиграфией явилась основой знаний о полевой методике работ. Потом были экспедиции А. П. Окладникова, позднее, после окончания университета, — раскопки И. И. Ляпушкина в Гнездово, разведки и раскопки П. Н. Третьякова в Подесенье.

Учился истово и с интересом, всецело отдавал себя науке, а во время зимних каникул всегда подрабатывал на заводах. Несмотря на вспыльчивый характер был отходчив и не злопамятен. Людей, которые ему были чужды и не симпатичны, просто не включал в орбиту своей жизни. Увлекался футболом и сам любил играть. Был страстным болельщиком и на стадионе, и у телевизора, когда семейным человеком уже не мог так свободно и постоянно ходить на футбол.

Страшно был доволен, когда удалось получить однокомнатную кооперативную квартиру на Гаванской улице, перестать снимать комнаты, и впервые почувствовать себя независимым. Образ жизни Евгения был аскетичен и прост, казалось бы вещная ее часть ему просто не интересна, но это было не так. Он ценил и любил красивые вещи, комфорт и уют, но в реальности лишь в последние годы жизни мог их позволить. Это отчасти компенсировалось стремлением к почти армейскому порядку на рабочем столе, аккуратностью и точностью архивных выписок и своих записей. Он любовно оформлял папки с материалами и

своими заметками, часто из жести вырезая для них различные фибулы и бляшки, делал наклейки.

После окончания в 1967 г. кафедры археологии, Е. А. Горюнов был принят в ЛОИА АН СССР стажером-исследователем, но отнюдь не по прямой археологической специализации — каменному веку, а в группу славяно-русской археологии, где в качестве начальной, ему была определена историографическая тема о раннеславянских древностях в чешской, немецкой и польской литературе, которая в дальнейшем вылилась в опубликованный в одном из номеров «Советской археологии» обстоятельный обзор. Это был резкий перелом в направленности его научной работы, а ведь в начале карьеры даже небольшая смена в специализации рассматривается по молодости обостренно. Не знаю сколь это значимо, но причину может быть стоить и объяснить. П. Н. Третьяков, игравший тогда ведущую роль в славистике Ленинграда, обратился к заведующему ЛОИА АН СССР М. К. Каргеру с просьбой, а в устах П. Н. Третьякова это было почти требованием, о необходимости включения в состав института специалиста по теме ранних славян. Сам П. Н. Третьяков никакой кандидатуры не имел, но М. К. Каргер его пожелание исполнил. На кафедре археологии ЛГУ в выпускной группе необходимого специалиста не оказалось, но Евгений согласился сменить тематику ради поступления в институт. Об этом ни он, ни его коллеги-слависты впоследствии не пожалели. П. Н. Третьяков же испытывал определенные трудности

в общении с Евгением и неоднократно сетовал: «Я обращаюсь к нему, а он насунился и молчит».

Вклад Е. А. Горюнова в науку специально рассматривается Р. В. Терпиловским. Я же, поскольку много работал с Женей в экспедициях И. И. Ляпушкина, деснинских экспедициях П. Н. Третьякова, экспедициях возглавляемых самим Женей, а он в моей и поскольку оба мы были заядлыми болельщиками «Зенита» и ежедневно обсуждали футбольные темы по коридорам и вообще были достаточно близкими и откровенными между собой людьми, постараюсь и дальше отметить некоторые личные черты Евгения Алексеевича, как человека, без которых любые научные взгляды и позиции останутся односторонними.

Десна. Экспедиции Петра Николаевича Третьякова. Обычно приезжаем в большое украинское село на Черниговщине, а именно таковые привольно и живописно раскинулись вдоль широкой поймы Десны, да еще с такими поэтичными названиями, как Вишенки или Черешенки. И только въезжает в село экспедиционная машина, а П. Н. Третьяков начинает расспрашивать про сельское начальство и где можно поселиться (жили по домам колхозников), весь небольшой состав отряда, обычно не более 5—7 человек, высыпает к книжному магазину, которые всегда были в селах и не пользовались особой популярностью среди местных жителей. Все и всегда покупали массу книг — от томиков Леонида Андреева до изданий отечественной и зарубежной фантастики, всего того, что в Ленинграде, если только не заниматься специальными поисками и не переплачивать, купить в книжных магазинах было попросту невозможно. П. Н. Третьяков не имел привычки задерживаться долго на одном месте. Сколько книжных магазинов мы тогда пересмотрели! Евгений был просто увлечен этой книжной эпопеей и собрал целую библиотеку «деснинской» литературы.

Первые экспедиции на Десну. Женя был старше нас, студентов, за плечами была армия и университет, но в быту и в работе он ни в чем не ставил себя выше и сейчас даже кажется странным, что его никак не выделял П. Н. Третьяков, не поручая никакой иной археологической работы, кроме как землекопной. П. Н. Третьяков смотрел на всех лишь как на квалифицированных рабочих — один уже кончил университет и стажер, другие еще учатся. Важно подчеркнуть, что в личном плане Евгения это никак не задевало. Он азартно копал, спорил о том, куда идет стенка полуземлянки, а поскольку физически был крепок, то и задавал высокий общий темп работ. П. Н. Третьяков же сам, не вникая в наши дискуссии, сверху раскопа почти в чистовом варианте рисовал планы землянок и ям, стоя

или сидя на раскладном стульчике рядом с супругой.

Руководство экспедициями давалось Евгению Алексеевичу с огромным внутренним напряжением, но выезжать в поле ежегодно считал для себя просто необходимым. Я помню, как после защиты наших диссертаций, случившейся в один день 20 мая 1977 г. на Ученом Совете Института археологии в Москве (Б. А. Рыбаков специально выделил его для ленинградских славистов), Е. В. Горюнов поехал со мной в июне в разведку в Ильменское Поозерье. Жили в Юрьевом монастыре, много ходили в разведку, вскрыли втроем немалую площадь на селище Васильевское на р. Веряже. Евгений постоянно шутил, был весел до озорства, засушивал на булавках по окнам стрекоз для дочки, с удовольствием ловил рыбу и на удочки, и с сеткой ночью лазил по залитой болотистой пойме, утопая в грязи, под покровительственные команды экспедиционного шофера, а вечерами был не прочь пропустить рюмочку и откровенно к этому подначивал. Подобного просто не могло быть там, где он становился руководителем. Это был совсем другой человек, чем в своих экспедициях на Украине. Все объясняется очень просто — не было груза ответственности, рядом были люди, которых он хорошо знал и мог быть самим собой.

Внутренняя скромность, стремление не быть в центре внимания, полное отсутствие какой-либо публичности, в реальности мешали не только работе в экспедициях, где приходилось невольно общаться и договариваться со многими людьми, но и работе в институте. При его тщательности и ответственности массу время занимало у Евгения руководство аспирантурой ЛОИА. Аспиранты со своими документами приходили даже домой. Мучительно давались и научные доклады, особенно первые, не в смысле подготовки текста и материала — все выверялось и готовилось досконально и не раз, а в смысле их публичного произнесения даже на заседаниях родной группы славяно-русской археологии.

Несмотря на внешнюю угрюмость и замкнутость, Евгений Алексеевич, был внутренне мягок и даже несколько сентиментален, любил кошек. Безумно был счастлив, когда появилась долгожданная дочка Настя. В день ее рождения 1 апреля был в институте и молчал, рисуя керамику, и сообщил нам о пополнении семейства лишь на следующий день, наивно оправдываясь: «Я думал, что вы не поверите». С Настей он уже в счастливом варианте как бы переживал свое собственное детство. Азартно и с интересом играл в детские игры, увлеченно лепил и мастерил игрушки. А покупать вообще предпочитал игрушки мягкие. С наслаждением читал детские книги, причем первым

читал их сам, а под предлогом, что надо иметь книги «на вырост», активно пополнял свою библиотечку. Не стеснялся этим и хвастался перед нами в институте. С удовольствием и гордостью водил дочку в детский сад, вызывая добрые усмешки сотрудников, для которых это была рутинная обязанность. Вспоминаю фразу М. В. Малевской: «Встретила сегодня утром Женю Горюнова с Настей на руках, несет ее как хрустальную вазу».

Во многом жизненный комфорт для Евгения создавала его жена Валя, с ее страстью к разведению цветов и в квартире и на общественном балконе многоэтажного дома, стремлению к домашнему уюту и порядку. Эта пара, на первый взгляд такая разная, органично дополняла друг друга. Мы знали, что убедить в чем-то Евгения в жизненном плане, очень сложно, а с первого раза почти невозможно. Тогда обращались к Валентине и объясняли суть просьбы, начиналась внутрисемейная работа и глядишь недельки через две Евгений Алексеевич менял свое изначально негативное восприятие. Естественно научных взглядов это не касалось.

Особые отношения у него сложились с Мишей Казанским, хотя статуса официального руководства не было. Это было настоящее научное партнерство, они азартно спорили, с увлечением работали над научными статьями. Евгений Алексеевич был очень привязан к Михаилу, относился к нему по сути дела как к

младшему брату, очень сопереживал ему в перипетиях его личной жизни. Однако, часто бесцеремонно мог напрямую высказать все, что о нем думает, а потом на дружеское замечание о его манере разговора, смущался и удивлялся: «Неужели я мог так говорить, я же не хотел». Вероятно, в этом общении с М. Казанским он полностью раскрепощался, тем более, что с возрастом уже появилось и желание делиться знаниями с человеком близким ему по научным взглядам. Потом Михаил уехал во Францию. Евгений Алексеевич очень радовался, что темой ранних славян стала заниматься Оля Щеглова и щедро отдавал ей свои материалы, хотя с самого начала несколько опасался ее независимости.

Научные труды Евгения Алексеевича несомненно останутся в нашей историографии, полученные материалы сохраняются в музеях, но человеческая память, к сожалению, коротка, и личность Жени, кроме тех кто с ним работал забудется, как во многом, кроме близко знавших его людей, забылась уже сейчас. Не знаю насколько мне это удалось, но я хотел, чтобы грядущие исследователи представляли, Е. А. Горюнова не только как ученого, но и как человека — сложного по характеру, упрямого, противоречивого, далеко неординарного, но честного и принципиального, несмотря на все изломы его нелегкой судьбы. Как же жаль и обидно, что так часто хорошим людям достается столь непростая и короткая жизнь.

Е. Н. Носов

ВКЛАД Е. А. ГОРЮНОВА В РАЗВИТИЕ РАННЕСЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В этом году Е. А. Горюнову исполнилось бы 60 лет. Трудно даже представить себе, сколько сделал бы еще этот талантливый и разносторонний исследователь, если бы 19 лет тому назад его жизнь внезапно не оборвалась. Однако и сделанного за короткую, но яркую, жизнь достаточно, чтобы вспоминать о нем сейчас не просто как о друге и коллеге, но и об ученом, внесшем значительный вклад в изучение проблем происхождения и ранней истории славян.

Как известно, тема эта практически не исчерпаема, она охватывает широкий круг вопросов, рассматриваемых историками, лингвистами, археологами. В свою очередь, сфера археологии ранних славян включает изучение

целого ряда культур Центральной и Восточной Европы от латена до средневековья. Основные научные интересы Е. А. Горюнова оказались связаны с проблемой появления раннеисторических славян в Днепровском левобережье — регионе, ранее считавшемся неперспективным. Его предшественники и учителя, И. И. Ляпушкин и М. И. Артамонов, придерживались мнения, что славяне здесь появились относительно поздно, во времена роменской культуры. Иную точку зрения отстаивал киевский ученый В. Н. Даниленко и присоединившийся позднее к его концепции П. Н. Третьяков. По их мнению, основная линия славянского этногенеза была связана с наследием зарубинецкой культуры. Для того, чтобы под-

крепить новыми материалами гипотезу формирования славянства в пограничье лесостепи и лесной зоны Поднепровья, П. Н. Третьяковым и была организована Верхнеднепровская экспедиция, самое активное участие в работе которой со второй половины 1960-х гг. принял Е. А. Горюнов. В это время основные исследования проводились в Среднем Подесенье, где был обнаружен ряд памятников первой половины и третьей четверти I тыс. н. э. В 1969—1970 гг. Е. А. Горюновым были проведены раскопки на поселении Целиков Бугор и связанном с ним могильнике Смяч, а также на селищах Чулатово и Заярье. В 1970 г. Евгений Алексеевич возглавил разведочные обследования по р. Снов в районе Чернигова. Небольшие раскопки были проведены на таких поселениях как Клоков, Ровчак, Змеевка. Материалы раскопок деснинских памятников были оперативно опубликованы в ряде статей.

Следует отметить, что работы в Черниговском Подесенье получили продолжение. С 1974 г. здесь вели раскопки раннеславянских памятников киевляне (Е. В. Максимов и автор), с начала 1980-х гг. — ленинградцы (О. А. Щеглова, Г. А. Романова, М. Б. Шукун) и местные археологи (А. В. Щекун).

Исследования в Подесенье заставили Е. А. Горюнова обратить внимание на смежные районы лесостепи, где до сих пор встречались лишь многочисленные памятники черняховской культуры, а также разрозненные материалы раннеримского и раннесредневекового периодов. Основательные разведки на территории Сумской и Полтавской областей позволили наметить для раскопок несколько памятников. Широкие исследования были проведены на поселении Хитцы в устье Удая. Образцовые раскопки 1973—1976 гг. сделали этот памятник с пеньковским и сахновским слоями классическим для Левобережья раннесредневекового периода. Заслуживает внимание также поселение Вовки с позднезарубинецким и волынцевским горизонтами. Накопление этих интереснейших материалов позволили Евгению Алексеевичу найти новые подходы к вопросам формирования раннесредневековых культур Левобережья (пеньковской и колочинской) на основе позднезарубинецких и киевских древностей, определить их роль в сложении последующих волынцевской и роменской культур. Эти разработки и легли в основу кандидатской диссертации, защищенной в 1977 г., а затем и в монографии «Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья» (Л., 1981). Эта книга, опубликованная 19 лет назад, составила этап в изучении данного региона и, безусловно, не утратила своего значения до настоящего времени.

Затем Е. А. Горюнов сосредоточил внимание на малоисследованной территории — в

Курской и Белгородской областях. Основываясь на материалах работ предшественников — К. П. Сосновского, Ю. А. Липкина, Э. А. Симоновича, его экспедиция со второй половины 1970-х гг. охватила разведочными, а потом и стационарными работами верховья Псла. В этом относительно небольшом регионе удалось зафиксировать десятки памятников I тыс. н. э. Особый интерес представляют широко-масштабные исследования позднезарубинецкого поселения и колочинского могильника Картамышево 2, а также поселения гуннского времени Песчаное, полная публикация которых еще ждет своего часа.

Творческая атмосфера экспедиции позволила приобрести бесценный полевой опыт помощникам и соратникам Евгения Алексеевича Г. А. Романовой, О. А. Щегловой, М. М. Казанскому, И. А. Бажану и др. Отметим также, что «бросок на восток» значительно расширил представления обо всех указанных культурных группах первой половины—третьей четверти I тыс. н. э., привлек внимание к водоразделу Днепра и Дона. Работы в этом регионе начиная с 1980-х гг. были продолжены В. М. Горюновой, Г. А. Романовой, О. А. Щегловой, Н. А. Тихомировым, А. М. Обломским. Позднее к ним подключились А. Н. Некрасова, В. В. Приймак, автор и др. В настоящее время древности позднеримского времени изучаются археологами Москвы, Воронежа и Липецка еще восточнее — на территории Верхнего Подонья.

Вклад Е. А. Горюнова в археологическую науку не исчерпывается полевыми исследованиями. Значительные усилия были затрачены на введение в научный оборот обширных музейных коллекций, остававшихся неопубликованными на протяжении долгих лет. Таковы были материалы, хранящиеся в фондах музеев Курска, Гомеля, Могилева, Смоленска и др.

Разнообразные собственные экспедиционные работы, знакомство с археологическими коллекциями и многочисленными изданиями по раннеславянской археологии, опубликованными как в СССР, так и за рубежом, участие в отечественных и международных конференциях позволили Е. А. Горюнову стать одним из наиболее активных и квалифицированных археологов-славистов. Его работы отличает высокий процент «попадания в яблочко» — новые находки подтвердили многие гипотезы Евгения Алексеевича. Основным его достижением следует считать исследование массовых памятников Левобережья периода выхода славян на историческую арену, а также предшествующих и последующих периодов. Для этой территории и этой эпохи ученым впервые разработана и применена методика поиска поселений, установлены критерии анализа керамических материалов, позволяющие выделить

различные культурно-хронологические группы. Успешное применение этой методики дало возможность наметить основные культурные группы, связанные с процессами формирования и развития исторического славянства: 1. позднезарубинецкие памятники (I—II вв.); 2. киевская культура (III—V вв.); 3. раннесредневековые славянские культуры — пеньковская и колочинская (V—VII вв.); 4. волынцевская культура (VIII—IX вв.). Е. А. Горюновым был поставлен вопрос о чересполосном существовании на Левобережье памятников киевского и черняховского типов, отмечено генетическое родство колочинской и пеньковской культур, намечена граница между ними, проходившая по средним течениям левых притоков Днепра.

Применительно к Верхнему Поднепровью им показано различие между культурами Колочин, с одной стороны, и Тушемля-Банцеровщина, с другой, которые ряд исследователей склонен был объединять в единую культуру днепровских балтов раннего средневековья. Значительный вклад был внесен и в разработку проблемы сложения волынцевской культу-

ры, контактов ее носителей с алано-болгарскими племенами и связи с последующими роменскими древностями.

Работы Е. А. Горюнова послужили толчком к подготовке диссертации по многим вопросам раннеславянской археологии Днепровского Левобережья автором (1980), О. А. Щегловой и С. А. Макушниковым (1987), М. В. Любичевым (1994) и др.

В дальнейшем Евгений Алексеевич планировал крупное исследование, посвященное сравнительному анализу трех славянских культур раннего средневековья: пражской, пеньковской и колочинской. Так как он удачно сочетал в себе достоинства своих учителей — широту охвата проблемы П. Н. Третьякова и скрупулезнейший подход к источнику И. И. Ляпушкина, то, можно не сомневаться, что такая работа стала бы крупным событием в славянской археологии. Однако этому не суждено было случиться. В 1981 г. Е. А. Горюнова не стало. Память о нем, добытые им материалы и написанные статьи и монография навсегда останутся с нами.

Р. В. Терпиловский

ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 1999 г.

В 1999 г., вместе с 275-летним юбилеем Российской академии наук, ИИМК РАН, как и Институт археологии РАН в Москве, отметил 80-летие со дня своего основания и 140-летие со дня основания Императорской археологической комиссии, наследником которой институт является. Этим датам была посвящена прошедшая в апреле юбилейная научная сессия ИИМК РАН.

1999 год в деятельности института, благодаря целевому выделению средств со стороны Президиума РАН, финансированию научными фондами (РГНФ, РФФИ) и хоздоговорам, был отмечен заметным ростом числа экспедиционных исследований. В 1999 г. работало 35 экспедиций и отрядов ИИМК РАН, наряду с тем, что многие сотрудники института приняли участие в работах совместных и международных экспедиций на Украине, в Средней Азии, Польше, Норвегии, Финляндии, Швеции, Йемене и в США (Аляска).

Другой отличительной особенностью 1999 г. стала активная деятельность института по организации и проведению 8 международных научных мероприятий. Наряду с этим многие сотрудники ИИМК приняли самое широкое участие в ряде международных симпозиумов, конференций и совещаний в разных городах России, в странах Средней Азии, Польше, Великобритании, Финляндии, США и Турции.

В 1999 г. в институте велась работа над 28 проектами РГНФ, РФФИ и международных фондов, 14 из которых были успешно завершены.

В апреле 1999 г. Отдел археологии палеолита ИИМК РАН, совместно с сотрудниками Первобытного отдела Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН, принял самое широкое участие в подготовке и проведении международной конференции «Локальные различия в каменном веке», посвященной 100-летию со дня рождения С. Н. Замятина. К началу работы конференции были изданы материалы. В ноябре 1999 г. Отдел, при финансовой поддержке РГНФ, организовал и провел

крупную международную конференцию «Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы», посвященную 120-летию открытия палеолита в Костёнках. К началу работы конференции были изданы ее материалы. В 1999 г. в Отделе работали 12 экспедиций и отрядов в Ленинградской, Мурманской, Псковской, Тверской, Воронежской, Курской, Волгоградской областях и в Краснодарском крае. Как выдающееся событие можно охарактеризовать новые открытия и изучение наскальных рисунков-петроглифов на оз. Кенозеро (работы Кольской экспедиции, руководитель В. Я. Шумкин). Расширяется полевое исследование всемирно известных Костёнковских палеолитических стоянок (Воронежская обл.) — традиционном месте многолетних исследований археологов ИИМК РАН. Летом 1999 г., здесь работали две экспедиции института. Большое научно-практическое значение имела публикация монографии Е. В. Беляевой «Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ)», в которой впервые были изданы материалы с северокавказских памятников, имеющие огромное значение для решения многих вопросов палеолитоведения. Монография Е. В. Беляевой явилась первым томом начинаемой серии публикуемых монографий института — «Труды ИИМК РАН». Совершенно новая для российских исследователей палеолита информация стала доступной в изданных С. Н. Астаховым книгах «Древний палеолит Японии» и «Палеолит Енисея».

В мае 1999 г. сотрудники Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа приняли активное участие в организации и проведении международной конференции Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ «1100 лет образования государства Саманидов». К началу работы конференции были изданы ее материалы. В ноябре 1999 г., совместно с Восточным отделением РАО и Санкт-Петербургским филиалом института востоковедения РАН, Отдел организовал и провел международную конференцию «Куль-

турное наследие Востока», материалы её работы были опубликованы в сборнике «Изучение культурного наследия Востока». В мае 1999 г. сотрудники Отдела и института на расширенном заседании Ученого совета ИИМК РАН отметили 70-летие со дня рождения д. и. н., проф. В. М. Массона, сдан в печать юбилейный сборник научных работ. В сезон 1999 г. работало 10 экспедиций и отрядов Отдела в Сибири, Краснодарском крае и в Средней Азии. Важное значение для археологии и истории Евразии имел выход в свет монографии Э. Б. Вадецкой «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири», которая в декабре 1999 г. была защищена в качестве докторской диссертации. Монография Л. Б. Кирчо «К изучению позднего энеолита южного Туркменистана» положила начало серии публикаций обширейшего наследия экспедиционных работ института 1960—70 гг. в Туркмении. Новые материалы по археологии и истории Сибири изданы в книге Н. А. Боковенко и Ю. А. Смирнова «Памятники долины Белого Июса на севере Хакасии».

Отделом истории античной культуры ИИМК РАН в сентябре 1999 г., в рамках совместного российско-датского проекта INTAS «Поселение Панское I», в музее университета г. Орхуса (Дания) была проведена выставка из коллекций ИИМК РАН «Что мы нашли?» (кураторы выставки А. Н. Щеглов и В. Ф. Столба). В декабре 1999 г. Отделом совместно с Центром исследования и развития греческой культуры Причерноморья (Салоники, Греция) организована и проведена крупная международная конференция «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира». К началу работы конференции выпущен сборник материалов. Летом 1999 г. сотрудники Отдела вели полевые исследования на вновь открытых на Тамани сельских античных поселениях.

В мае 1999 г. Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН, явился основным организатором проведения на базе Государственного Пушкинского заповедника (Псковская обл.) крупного международного симпозиума «Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары». По итогам работы симпозиума был выпущен сборник статей. В июне 1999 г. сотрудники Отдела совместно с Государственным Эрмитажем и Санкт-Петербургским государственным университетом организовали и провели 2-ю международную конференцию Балтийских стран по морской археологии. К началу работы конференции в Петропавловской крепости совместно с Государственным Эрмитажем, Государственным Музеем истории Санкт-Петербурга и Российским НИИ природного и культурного наследия была открыта выставка «Морская археология на северо-западе Рос-

сии» и вышел в свет третий сборник статей по морской археологии. В июне 1999 г. сотрудники Отдела и института на расширенном заседании отметили 70-летие со дня рождения д.и.н., проф. А. Н. Кирпичникова. К юбилею был выпущен сборник «Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей». В 1999 г. на северо-западе и в центре России работали 8 экспедиций и отрядов Отдела.

В 1999 г. сотрудники Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН продолжали успешно работать в рамках международного проекта INTAS «Особенности расщепления камня в палеолите Европы и Азии». Летом 1999 г. две экспедиции Лаборатории работали в Молдавии и Краснодарском крае. Крайне важное международное научное значение имеет выход в свет в Польше учебника по трассологическому анализу Г. Ф. Коробковой.

Сотрудниками Лаборатории археологической технологии и института в июне 1999 г. было проведено крупное международное совещание «Окружающая среда в районе Невской губы — Карельского перешейка во времени» в рамках проекта стран балтийского региона «NORFa». К началу работы совещания были изданы его материалы. В 1999 г. в лаборатории было успешно закончено выполнение международного проекта фонда «Открытое общество» (Фонд Сороса) «Абсолютная хронология основных социально-культурных изменений в восточно-европейской преистории» и были начаты работы по большому международному проекту INTAS «Сравнительная хронология памятников скифского времени степной и лесостепной зон Евразии на основе археологических и радиоуглеродных данных» совместно с учеными из Шотландии, Швеции и Нидерландов.

В 1999 г. в рамках Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997—2000 годы» (ФЦП «Интеграция») в ИИМК РАН успешно продолжались работы по двум экспедиционным проектам: с Ленинградским областным государственным университетом «Древняя Ладога и становление Руси» (руководитель А. Н. Кирпичников) и с Санкт-Петербургской государственной Академией культуры «Далекое прошлое Пушкинского уголка» (руководитель С. В. Белецкий).

В 1999 г. проект «Образы прошлого» (В. В. Питулько от ИИМК РАН, совместно с С. Л. Вартаняном и А. В. Головным) был удостоен Национальной премии компании Форд. Проект направлен на охрану и изучение уникального памятника археологии Севера — Петгымельских петроглифов (Западная Чукотка).

В 1999 г. вышел из печати ежегодник «Археологические вести» (вып. 6), содержащий статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии. В нем публикуются новые материалы о древнейшем прошлом человечества на территориях Западной Африки, Европы и Русской равнины. Рассматриваются вопросы хронологии различных древностей эпох энеолита и бронзы, материалы античных и средневековых памятников. Особый раздел сборника составляют статьи по актуальным проблемам современной археологии. Дается информация о важнейших международных конференциях и обзорные публикации. Один из разделов посвящен истории науки. Среди авторов сборника ученые России, Украины, Латвии, Франции, Греции и Республики Кот д'Ивуар.

Ученый совет ИИМК РАН работал в составе 19 человек. Совет провел 16 заседаний, на которых было заслушано 8 обобщающих научных докладов сотрудников института. Два расширенных заседания Совета были посвящены 70-летию со дня рождения д. и. н. А. К. Филиппова и 90-летию со дня рождения д. и. н. Н. Н. Гуриной, заведующей ЛОИА АН СССР в 1976—78 гг.

Диссертационный совет Д 200.15.01 провел в 1999 г. защиту одной диссертации на соискание степени доктора исторических наук и двух диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук.

В 1999 г. в аспирантуре ИИМК РАН обучалось 2 человека., а 21 человек проходил подготовку в качестве стажеров и соискателей.

С. А. Кулаков

Ученый секретарь ИИМК РАН

О ВОЗОБНОВЛЕНИИ НОВГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНОСТИ

В 90-е гг. XIX века новгородские краеведы и «отцы города» общими усилиями образовали Общество любителей древности. Инициатором идеи был известный археолог и антрополог В. С. Передольский, нашедший поддержку у новгородского губернатора А. Мосолова. 12 ноября 1893 года был утвержден Устав Новгородского общества любителей древности (НОЛД), список учредителей которого насчитывал 65 человек — представителей интеллигенции, городских властей и церкви.

Основной целью Общества, сформулированной в Уставе, являлось изучение памятников старины в Новгородской губернии, наблюдение за их сохранностью и оказание содействия государству в области охраны памятников. Основными направлениями деятельности НОЛД были сбор, описание и хранение предметов старины, охрана памятников, производство раскопок, устройство древлехранилища и библиотеки. Эти и другие вопросы обсуждались на собраниях Общества, первое из которых прошло в январе 1894 года. К концу 90-х гг. Общество по разным причинам прекратило активную деятельность, а в 1904 году было официально закрыто.

В апреле 1908 года НОЛД возобновило свою деятельность. Новый Устав 3 апреля 1908

года подписали 11 человек, ставших учредителями Общества. Председателем был избран М. В. Муравьев, секретарём — И. В. Аничков. Деятельность второго состава НОЛД была активной и плодотворной. К 1911 г. Общество насчитывало уже более 200 членов. Был начат выпуск сборника НОЛД; осуществлен сбор сведений о памятниках Новгородской земли, на основе которого И. С. Романцев опубликовал каталог памятников; проведены раскопки в Кремле (совместно с Н. К. Рерихом), а также на юге Тихвинского уезда; подготовлена археологическая выставка; заслушан ряд докладов. Члены НОЛД принимали непосредственное участие в работе XV Всероссийского археологического съезда. В 1911 г. иностранными почетными членами Общества были избраны приехавшие в Новгород шведские ученые — участники Археологического съезда: Тур Арне, Оскар Альмгер и Густав Хальстрем.

В период с 1912 по 1917 гг. Общество объединяло до 300 человек. В это время особую известность приобрело противодействие НОЛД строительству железной дороги в непосредственной близости от церкви Спаса на Нередице. Вплоть до начала 1930-х гг. Общество продолжало свою работу, успев принять ряд

мер по защите памятников старины и искусства. Закрытие НОЛД было связано с началом репрессий против музейных сотрудников и краеведов.

За весь период своей деятельности НОЛД опубликовало 47 изданий: 9 выпусков сборников, научные статьи, архивные материалы, конспекты лекций, каталоги выставок, путеводитель по Новгороду и т. д.

22 января 2000 г. состоялось Учредительное собрание по возобновлению Новгородского общества любителей древности. В его работе приняли участие представители городской интеллигенции, имеющие непосредственное отношение к историко-культурному наследию: историки, археологи, искусствоведы, реставраторы, музейные сотрудники. Под проектом нового Устава поставили свои подписи 30 человек, а уже 13 марта НОЛД было официально зарегистрировано Управлением юстиции Новгородской области. Председателем нового состава Правления НОЛД был единогласно избран кандидат исторических наук В. Я. Конецкий, секретарём стал С. Е. Торопов. Первым Почётным членом Общества был избран академик В. Л. Янин, участвовавший в работе Учредительного собрания.

Согласно Уставу образца 2000 г. главная цель Общества — изучение и популяризация историко-культурного наследия, находящегося преимущественно в пределах Новгородской области, наблюдение за его сохранностью и содействие государственным учреждениям в его охране и разумном использовании. Основными способами достижения уставных целей члены Общества считают:

— научную и просветительскую деятельность в виде научных заседаний, публичных лекций, выпуска научной и научно-популярной литературы;

— осуществление наблюдения за памятниками историко-культурного наследия и принятие, в случае необходимости, мер по их сохранению;

— оказание посильного содействия исследовательским программам по изучению новгородских древностей;

— привлечение внимания общественности к проблемам сохранения, изучения и использования историко-культурного наследия, в том числе через средства массовой информации;

— сотрудничество с органами государственной власти и управления, общественными организациями и учреждениями, деятельность которых прямо или косвенно связана с реализацией целей Общества;

Первой успешной акцией НОЛД по охране историко-культурного наследия Новгорода стало проведение в апреле 2000 г. публичного обсуждения решений городских властей о засыпке части рва Окольного города, после которого оно было отменено. Научная программа деятельности Общества началась с посещения историко-архитектурных и археологических памятников Любытинского района, Старой Руссы и ее окружи.

За первые полгода работы состав Общества увеличился до 50 действительных и 4 почетных членов. У всех участников процесса возрождения НОЛД присутствует твердая уверенность, что в рамках Общества, много сделавшего в свое время для установления взаимопонимания с местными властями и добившегося существенных успехов в деле сохранения памятников города и губернии, будут найдены созвучные современности способы популяризации и сохранения богатейшего историко-культурного наследия Новгородской области.

Е. В. Торопова

*Новгородский государственный университет.
Исторический факультет.
Археологическая лаборатория.*

С. В. Трояновский

*Новгородский государственный
объединенный музей-заповедник.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ

№ 8

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Н. В. Хвоцинская*
Художник *Г. А. Кузнецова*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 05.02.01. Формат 60 × 90¹/₈.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 21. Уч.-изд. л. 24,28.
Тираж 400. Заказ № 1171

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН.
Качество соответствует предоставленным оригиналам.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

ISBN 5-86007-285-6

